

Ю.П. АНШАКОВ

**ЧЕРНОГОРИЯ –
«ГОРНОЕ СОКОЛИНОЕ ГНЕЗДО»
СВОБОДЫ НА БАЛКАНАХ**

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

Ю.П. АНШАКОВ

**ЧЕРНОГОРИЯ – «ГОРНОЕ СОКОЛИНОЕ ГНЕЗДО» СВОБОДЫ НА БАЛКАНАХ.
ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА, СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА,
ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
(1711-1860 гг.)**

**МОСКВА
2019**

УДК 94 (497.16)
ББК 63.3(4)
А64

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения Российской академии наук

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К.В. Никифоров

Рецензенты
доктор исторических наук В.Я. Гросул
кандидат исторических наук В.А. Артамонов

Аншаков Ю.П.

Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. Жизнь общества, становление государства, освободительная борьба, внешняя политика (1711-1860 гг.). – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. – 512 с.

ISBN 978-5-7576-0429-9

В монографии представлена широкая панорама исторического прошлого Черногории, славянской страны на Балканах на протяжении XVIII – первой половины XIX века. Автором рассматривается внутривнутриполитическая жизнь черногорского общества, специфика государственного строя Черногории, ее международное положение. Особое внимание уделяется героической освободительной борьбе черногорцев, воспетой в народном эпосе, роли Черногории в национально-освободительном движении на Балканах. В книге, наряду с рассмотрением узловых сюжетов черногорско-венецианских, черногорско-австрийских и черногорско-французских отношений, всесторонне освещаются многогранные русско-черногорские связи, отмечается их сложность и противоречивость на отдельных этапах становления русско-черногорских взаимоотношений, анализируются закономерности и особенности политики русского правительства в отношении Черногории в русле общей политики России на Балканах.

Для специалистов и всех интересующихся историей Черногории и Балкан.

На первой странице обложки – картина сербского художника Дж. Якшича «Черногорское восстание».

ISBN 978-5-7576-0429-9

© Аншаков Ю.П., текст, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРНОГОРИИ (XVIII в. – 1860 г.)	28
Глава II. ЧЕРНОГОРИЯ – СЛАВЯНСКАЯ ТВЕРДЫНЯ НА БАЛКАНАХ. ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЧЕРНОГОРЦЕВ (ОТ НАЧАЛА XVIII в. ДО 1766 г.)	46
§1. Черногорцы в боях за свободу. Героический эпос черногорцев. Установление и развитие русско-черногорских отношений	46
§2. Политические и церковные связи Черногории и России в первой половине XVIII века	64
§3. Миссии митрополита Василия Петровича в Россию (1752-1766 гг.)	77
Глава III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕРНОГОРИИ (КОНЕЦ 1760-х гг. - НАЧАЛО XIX в.)	114
§1. Самозванец Степан Малый – «русский царь» в Черногории. Охлаждение отношений с Россией	114
§2. Черногория и Северная Албания в 80-90-е годы XVIII в. (От вражды к союзу и вновь к вражде)	137
§3. Создание центральных органов власти и суда в период правления митрополита Петра I Петровича Негоша	165
§4. Русско-черногорские политические связи в начале XIX века. Миссия М.К. Ивелича в Черногорию	183
Глава IV. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЧЕРНОГОРИИ И РОССИЯ (1806-1830 гг.)	235
§1. Средиземноморская экспедиция вице-адмирала Д.Н. Сенявина и боевое содружество русских и черногорцев в 1806-1807 годах	235
§2. Черногория после Тильзитского мира. Которский вопрос в 1813-1814 годах	279
§3. Русско-черногорские отношения от Венского конгресса до Адрианопольского мира и окончания правления Петра I Негоша	288

Глава V. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНОГОРИИ В 30 - 40-х гг. XIX ВЕКА	
И РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	319
§1. Иван Вукотич и Матия Вучичевич в Черногории. Первая поездка Петра II Негоша в Россию (1833 г.) и его реформаторская деятельность	319
§2. Вторая поездка Петра II Негоша в Россию (1837 г.). Государственные преобразования в Черногории в конце 30 - 40-х годах	336
§3. Миссия Я.Н. Озерецковского и поездка Е.П. Ковалевского в Черногорию в 1837-1838 годах	353
Глава VI. БОРЬБА ЧЕРНОГОРИИ ЗА РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ И ПРИЗНАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ В 30-40-е гг. XIX ВЕКА. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НЕГОША	378
§1. Отношения Черногории с Северной Албанией	378
§2. Черногорско-герцеговинские отношения и борьба за Грахово	391
§3. Черногорско-австрийские отношения на рубеже 30 - 40-х годов. Миссия А.В. Чевкина в Черногорию и австро-черногорское разграничение	405
§4. Революционные события 1848-1849 гг. в Европе и Черногория	413
Глава VII. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЧЕРНОГОРИИ КНЯЖЕСТВОМ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЧЕРНОГОРСКОГО НАРОДА НАКАНУНЕ, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	430
§1. Введение в Черногории светского правления (1852 г.). Миссия Е.П. Ковалевского в Черногорию	430
§2. Черногорско-турецкая война 1852-1853 гг. и позиция России и Австрии	438
§3. Внутриполитическая борьба в Черногории и реформаторская деятельность князя Данилы. Законник 1855 года	450
§4. Русско-черногорские отношения во время Крымской войны и после Парижского мира (1853-1860 гг.)	465
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	505

ВВЕДЕНИЕ

Рассматриваемый в монографии период с начала XVIII века по 1860 год является важнейшим этапом в истории Черногории. Это было время борьбы с разобщенностью черногорского общества и сепаратизмом, становления, развития и завершения процесса формирования централизованного государства, консолидации внутренних сил страны. В этом процессе ведущая объединительная роль сначала принадлежала Цетинской митрополии во главе с выдающимися религиозными и политическими деятелями: митрополитами Данилой (1697-1735), Савой (1735-1781), Василием Петровичем (1750-1766), Петром I Петровичем Негошем (1784-1830) и Петром II Петровичем Негошем (1830-1851), а с 1852 г. – светскому правителю Черногории князю Даниле (1852-1860).

История Черногории рассматриваемого периода неразрывно связана с Россией. Еще в 1711 году, начиная Прутский поход, Петр I призвал к анти-турецкому выступлению балканские народы, и черногорцы откликнулись на призыв, выступив против Османской империи. С этого времени дружественные отношения между Россией и Черногорией развивались, крепились. Общность политических интересов, лежащая в основе русско-черногорских многосторонних связей, способствовала установлению взаимопонимания и доверия между родственными народами. Отделенные большим расстоянием, они были тесно связаны между собой. В истории Черногории взаимоотношения с Россией занимали особо важное место. Россия – единственная из великих держав с середины XVIII века признавала фактический суверенитет Черногории и в ходе русско-турецких войн оказывала в силу возможности поддержку в ее борьбе против Османской империи и ее вассалов, что способствовало консолидации черногорского общества, формированию централизованного государства, облегчало отстаивание независимости. В свою очередь черногорцы по первому призыву России становились ее неизменными союзниками в борьбе против Османской империи, а в начале XIX века в содружестве с русскими войсками активно противостояли наполеоновской агрессии на Адриатике.

Разумеется, Россия, содействуя прямо или косвенно освобождению балканских народов от турецкого порабощения, решала в первую очередь свои задачи, связанные с обеспечением безопасности южных границ империи и изменением в ее пользу режима черноморских проливов, что диктовалось и экономическими целями. Вместе с тем укрепление влияния России на Балканах приводило к ослаблению господства Османской империи в этом важном для нее регионе, подрывало позиции Австрии и объективно способствовало развитию национально-освободительного движения балканских народов, в том числе и черногорцев.

С конца XVIII в. в европейских международных отношениях все большее значение стал приобретать новый фактор, связанный с развитием национально-освободительного движения балканских народов и обострением противоречий великих держав в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке, так называемый Восточный вопрос. Его узловым вопросом была судьба черноморских проливов Босфора и Дарданелл, а также европейских владений Османской империи. Решение Восточного вопроса в интересах России являлось жизненно важной для нее задачей. В XVIII - начале XIX в. небольшая по размерам, но вместе с тем оказывавшая весомое влияние на освободительную борьбу балканских народов, политически активная Черногория рассматривалась Россией как важнейшая опора ее балканской политики. С особой силой это проявилось в борьбе с наполеоновской агрессией в Восточном Средиземноморье и на Адриатическом побережье в начале XIX в. Важное место в балканской политике России Черногория занимала и в дальнейшем. Все проводимые в стране преобразования так или иначе опирались на ее поддержку. В самой России заметно повысился интерес к Черногории, героически противостоявшей османскому натиску и наполеоновской Франции. Это наблюдалось не только в правительственных, но и в общественных кругах. Рост национального самосознания российского общества обусловил усиленное внимание к жизни братских славянских народов, их истории и культуре. Этот процесс с годами становился все более динамичным¹.

Исследование исторического прошлого народов России и балканских славян, их сотрудничества и взаимопомощи остается одной из главных задач отечественной исторической науки. Актуальным аспектом этой темы является всестороннее изучение внутренних и внешних причин, повлиявших на формирование национальных государств на Балканах, в том числе и в Черногории, которая в новое время во многом являлась уникальным государственным образованием, прошла трудный и тернистый путь становления органов власти и государства. В этом сложном и многогранном процессе Россия всегда играла значительную роль.

Югославянская и отечественная историография, относящаяся к теме исследования, весьма обширна, и она ведет отсчет от времени описываемых событий. Первые работы по истории Черногории, содержащие сведения и о русско-черногорских отношениях, были написаны непосредственными очевидцами событий – личными секретарями последних митрополитов – правителей Черногории Петра I и Петра II Негошей – Симо Милутиновичем-Сарайлиа и Дмитрие Милаковичем². Несмотря на то, что работы этих авторов, причисляемых в югославской историографии к так называемой «романтической» школе, содержат упрощенную характеристику черногорского общества, отдельные хронологические неточности, в них все же содержится полезный документальный материал, часть из которого в силу различных причин позднее была утрачена.

Серб из Лики, Милорад Медакович тесно связал свою жизнь с Черногорией, служил секретарем у Петра II Негоша и князя Данилы. В своей литературной и политической деятельности он проявил себя страстным приверженцем России. М. Медакович сознавал всю трудность работы с историческим материалом. В своем исследовании «История Черногории» он замечал

по этому поводу следующее: «Из многих источников черпая сведения различной достоверности, судить об истине, выносить приговор и сомневаться в нем – такова тяжкая участь автора...»³. Наряду с освещением внутреннего положения страны М. Медакович уделил значительное внимание отношениям между Черногорией и европейскими государствами. По его мнению, решающее значение для Черногории имела помощь России. Заслугой Медаковича является привлечение архивных материалов и переписки Петра I Негоша с иностранными дипломатами. Причем часто это был новый материал, впервые вводимый в научный оборот. Содержательным историко-этнографическим исследованием является и другая работа М. Медаковича⁴, где автор, во многом на основе своих научных наблюдений и изысканий, дает целостную картину жизни и народных обычаев Черногории первой половины XIX века. Его же перу принадлежат книги о жизни и многогранной государственной деятельности митрополитов Данилы и Петра II Негоша⁵.

В XIX веке в учебных заведениях России обучалось немало число студентов-выходцев из Черногории. Некоторые из них, стремясь как можно больше узнать об истории своей родины, обращались к русским архивам, содержащим материалы по истории Черногории и русско-черногорских связей. Свои работы они публиковали в русских периодических изданиях. Одним из таких студентов был Д. Бакич, опубликовавший обширную статью «Черногория под управлением владык»⁶, содержащую анализ русско-черногорских отношений, яркие примеры боевого содружества русских и черногорцев в начале XIX в. Обучаясь в Петербургской духовной академии, другой черногорец – Живко Драгович опубликовал документы и несколько статей по истории взаимоотношений Черногории и России⁷. Говоря о русско-черногорских связях, автор отмечает: «Сношения с Россией представляют высший кульминационный пункт во всей внешней истории Черногории»⁸.

Подлинный интерес к истории Черногории, ее связям с Россией проявлял и брат Живко – Марко Драгович, публиковавшийся как в русских, так и в сербских периодических изданиях. Вернувшись из России на родину, М. Драгович опубликовал документы по истории Черногории и русско-черногорским связям в XVIII - начале XIX в., извлеченные им из архива МИДа в Москве и Цетинского архива, снабдив их комментариями⁹.

В 1897 г. в Киеве было опубликовано исследование Л. Поповича о Петре I Негоше¹⁰. В этой работе автор предпринял попытку всесторонне охарактеризовать жизнь и деятельность митрополита, но он не вводил нового материала, а ограничился изложением опубликованных в ранее вышедших трудах фактов, которые зачастую носили поверхностный, второстепенный характер. Обращаясь к внешнеполитической деятельности Петра I Негоша, Л. Попович делает вывод, что политика митрополита велась в интересах России, которой он был безгранично предан. Придя к этому заключению, автор оставляет без внимания объективные причины прорусской политики Петра I Негоша. Она не сводилась к личным симпатиям и антипатиям черногорского владыки (хотя и они играли определенную положительную роль), а вытекала прежде всего из общности интересов политических. Когда они совпадали, русско-черногорские отношения развивались по восходящей линии, если этого не наблюдалось, то взаимоотношения России и Черногории складывались сложно и противоречиво.

В конце XIX века в связи с 200-летием правления в Черногории представителей дома Петровичей Негошей (1697-1897) в Черногории и Сербии выходит ряд работ югославянских авторов по интересующей нас проблематике. Исследование Лазара Томановича посвящено анализу государственной деятельности митрополита Петра II Негоша. Автор использовал в работе архивные материалы Петра II, опубликованные документы и литературу, в которую, к сожалению, не вошли ранее вышедшие в России исследования П.А. Ровинского и П.А. Лаврова о черногорском правителе. На наш взгляд, сюжеты книги Л. Томановича, касающиеся формирования государственного аппарата Черногории в 30-е годы XIX века и роли в этом процессе прибывшего из России в 1831 г. черногорца И. Вукотича, и сейчас представляют определенную научную ценность¹¹.

Книга Джордже Поповича «История Черногории» во многом повторяет предыдущие исследования (М. Медаковича, Д. Милаковича и др.)¹². Автор весьма кратко останавливается на событиях внутренней жизни Черногории и русско-черногорских отношениях. Определенный интерес представляет та часть работы, где Дж. Попович приводит материалы о французской оккупации Далмации в начале XIX в. и о провозглашении Черногории княжеством в 1852 г. Эта работа и труды других черногорских историков XIX в. (С. Милутиновича-Сарайлия, М. Медаковича, Д. Милаковича и др.) размещены в полном виде в фундаментальном, снабженном научными комментариями издании «История черногорская»¹³, которое использовалось нами при написании монографии.

Заметим, что югославянские исследователи XIX века в основном поверхностно описывали внутривосточную историю Черногории XVIII - 50-х гг. XIX века. Это объясняется недостаточным использованием собственно черногорских источников и особенно документов иностранных архивов, в частности русских, венецианских и австрийских. Они были склонны идеализировать политические взаимоотношения России, замалчивать существовавшие противоречия и конфликты.

В начале XX в. появились работы диаметрально противоположной направленности, представляющие политику России в отношении Черногории в сугубо негативном свете. Сербский историк Владан Джорджевич отрицал значение оказываемой Россией помощи. Так, например, он считал, что в течение 70 лет XVIII в. взаимоотношения России с Черногорией не принесли последней никакой пользы¹⁴. Между тем публикации документов и исследования российских историков¹⁵ наглядно показали, что политическое сближение между Россией и Черногорией оказывало положительное влияние на процесс развития черногорской государственности, российские дипломаты в Константинополе, начиная с 40-х гг. XVIII в. и позже предпринимали меры для защиты Черногории от посягательств Порты на ее территорию и пр. В. Джорджевич и в других случаях допускал опрометчивые выводы о русской политике в отношении Черногории. Об этом еще будет сказано в дальнейшем. Отмечая ошибочные суждения автора, необходимо отметить то положительное, что, бесспорно, имеется в работах В. Джорджевича, и прежде всего широкое привлечение документов австрийских архивов, освещающих политику Австрии по отношению к Черногории в XVIII-XIX вв.

В межвоенной югославской историографии наиболее заслуженным и авторитетным исследователем истории Черногории по праву является Душан Вуксан. Филолог по образованию, он еще в студенческие годы проявлял интерес к прошлому Черногории. После окончания Загребского университета в 20-30-х годах Д. Вуксан работал в Цетинском архиве. В этот период в черногорском историческом журнале «Записи» были опубликованы его статьи и извлеченные им архивные материалы о митрополите Петре I Негоше и князе Даниле¹⁶. Вторая мировая война прервала его научную деятельность. Основным трудом Д. Вуксана, монографическое исследование о Петре I Негоше, вышел уже после его смерти в 1951 г.¹⁷ Отсутствие иностранных архивных материалов, в первую очередь русских, не всегда позволяло автору объяснить мотивы тех или иных действий русского правительства и дипломатии. Д. Вуксан не концентрировал внимание на проблемных вопросах русско-черногорских отношений. Вместе с тем обширные черногорские архивные материалы, обнаруженные Д. Вуксаном, плодотворно используются исследователями и в настоящее время.

Работой обзорного характера является вышедшая в 1947 г. книга Я. Йовановича, в которой прослеживаются основные вехи истории Черногории с VIII века до 1918 года¹⁸. В своей работе нами использовалась и другая обобщающая переизданная монография этого автора¹⁹, где историк также в краткой форме излагает события черногорской истории до 1918 г., то есть до образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (первой Югославии). Не имея возможности работать в российских архивах, Я. Йованович при кратком анализе русско-черногорских отношений допускает неточности. В частности, прибывшего из России в Черногорию в 1831 г. черногорца Ивана Вукотича он именуется «неким Ивановичем», который взаимодействовал не только с митрополитом Петром II Негошем, но и с «графом Вуичем», хотя этот авантюрист к тому времени практически уже исчез со страниц черногорской истории.

Наиболее полно история Черногории конца XVIII - первой половины XIX в. представлена в монографии Петра Поповича «Черногория во времена Петра I и Петра II», вышедшей в первые послевоенные годы²⁰. Автор охарактеризовал не только внешнеполитические действия последних правящих митрополитов Черногории, но и осветил экономические условия жизни черногорского общества, становление государственных учреждений и зачатков просвещения в стране.

Следует заметить, что начиная с 50-х годов наступает новый этап в исследовании исторического прошлого Черногории. Во многом это связано с учреждением в 1948 г. Исторического института Народной Республики Черногории, что позволило осуществить научную разработку многих проблем черногорской истории как внутривосточного, так и внешнеполитического плана, издать ранее законченные исследования.

Так, многие пробелы внешней политики Черногории, русско-черногорских отношений в конце XVIII - 20-х годах XIX века были восполнены работой Душана Лекича²¹, завершённой автором еще в 1944 г. Автор наряду с опубликованными источниками югославских исследователей использовал материалы французских архивов, что позволило ему полнее, чем в преды-

дущих исследованиях, осветить акции наполеоновской Франции в отношении Черногории в начале XIX века.

Начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт негативно сказался и на исследованиях, посвященных русско-черногорским отношениям. В обширной статье Радована Лалича²² автор, проводя параллели с советско-югославскими отношениями, сосредоточил внимание лишь на конфликтных ситуациях в русско-черногорских отношениях XVIII - 50-х гг. XIX в. Р. Лалич их проецирует на всю систему русско-черногорских связей, полностью игнорируя при этом положительный опыт, накопленный во взаимоотношениях между Россией и Черногорией в рассматриваемый период.

Наиболее полно история Черногории в XVIII в. во всем ее многообразии представлена в фундаментальных трудах самого известного исследователя той эпохи Г. Станоевича. Практически все его монографические исследования, начиная со времени правления в Черногории митрополита Данилы и заканчивая периодом укрепления фактической независимости Черногории в 1796 г.²³, написаны на богатейших материалах венецианских архивов, существенно дополняющих российские архивные материалы по этому периоду как собственно черногорской истории, так и истории черногорско-венецианских и также русско-черногорских взаимоотношений.

В 50-е годы в Югославии большое внимание стало уделяться разработке проблем становления и развития государственной организации в Черногории. В 1955 году вышло в свет монографическое исследование Бранко Павичевича, посвященное этой теме²⁴. Хронологические рамки работы охватывают период с 70-х годов XVIII в. до конца 50-х годов XIX столетия, во введении историк обращается и к более ранним страницам истории Черногории. Исследователь впервые в югославской историографии обстоятельно показал влияние экономических процессов на формирование централизованной государственной системы управления в Черногории. На основе документов из югославских архивов Б. Павичевич проследил процесс развития торгово-денежных отношений, его влияние на усиление имущественного неравенства в черногорском обществе, показал роль государства и различных политических сил в борьбе за отстаивание независимости. Подробному анализу историк подверг законодательную деятельность митрополита Петра I Негоша и князя Данилы.

Академик Б. Павичевич является также автором капитального труда о первом светском правителе Черногории XIX века князе Даниле²⁵. В нем, опираясь на широкую источниковую базу югославских, российских и австрийских архивов, имеющуюся литературу, автор сумел воссоздать целостную картину черногорской истории 50-х гг. XIX века. Он емко показал внутривнутриполитическую борьбу различных сил черногорского государства в вопросе о путях развития страны, выборе внешнеполитической ориентации, раскрыл роль европейской дипломатии (русской, французской, австрийской) в борьбе за влияние в Черногории. На страницах монографии князь Данило представлен сложной и противоречивой политической фигурой, многое сделавшей на пути реформирования государства, но и совершавшей ошибки, просчеты как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического плана. Б. Павичевич в 1997 г. опубликовал с использованием материалов российских архивов монографию о митрополите Петре I Пе-

тровиче Негоше, где всесторонне анализируется многогранная деятельность черногорского владыки²⁶. Вопросы формирования черногорской государственности в интересующий нас период подняты Б. Павичевичем в многоотомной истории Черногории²⁷.

Кроме монографий и статей в периодических изданиях²⁸ Б. Павичевич (совместно с Т. Никчевичем) опубликовал сборник документов по истории Черногории XVI-XIX веков²⁹. Эти документы содержат сведения об экономической и внутривластной жизни страны, позволяют говорить о весьма широком применении в судебной практике черногорского и брдского Законника 1798-1803 гг.

В вышедшем в 1958 г. и до сих пор не утратившем своей значимости фундаментальном исследовании историка государства и права Томицы Никчевича³⁰ рассматривается история развития черногорского общества и государственности с учетом социально-экономических и политических условий на фоне борьбы между силами, заинтересованными в централизации власти, и консервативно настроенными общественными кругами, которые упорно держались за родоплеменные традиции, проявляли сепаратизм протурецкой направленности.

Начатое Б. Павичевичем и Т. Никчевичем фундаментальное исследование значимости социально-экономических факторов в формировании государственной организации Черногории было продолжено изучением различных сторон социально-экономической жизни страны работами Любомира Чирич-Богетича, Мирчеты Джуровича, Джоко Пейовича и др.³¹ В 1981 г. вышла в свет обширная монография Дж. Пейовича о Черногории времен правления Петра I и Петра II Негошей³². На основе исследований югославских историков Дж. Пейовичем проделана полезная, профессиональная работа, позволившая автору написать в очерковом стиле книгу, содержащую обзорные сведения о различных аспектах внутренней жизни Черногории, ее внешнеполитических отношениях с европейскими державами и балканскими народами и являющуюся, по сути дела, своеобразной энциклопедией жизни черногорского общества при двух последних правящих митрополитах.

Личность и многогранная государственная деятельность Петра II Негоша стала предметом многолетних исследований академика Евто Миловича. Результаты его научной деятельности были обобщены в монографии³³, где собраны его публикации о Негоше начиная с 1947 г. На строго документальной основе Е.М. Милович подготовил серию очерков о выдающемся государственном деятеле Черногории. Им использованы документы из австрийских архивов, что делает эту книгу особенно привлекательной, в первую очередь это касается донесений капитана австрийской службы Ф. Орешковича за 1838-1840 гг. канцлеру К.В. Меттерниху и военному и гражданскому губернатору Далмации Й.А. фон Турски. Е.М. Милович подготовил также подборку австрийских документов о Петре II Негоше и Черногории за период 1845-1847 гг.³⁴ Вслед за тем вышла в свет подготовленная им же двухтомная публикация документов, содержащая материалы (письма, различного рода послания и обращения и т.п.), вышедшие из-под пера митрополита Петра I Негоша. В ней скомпонованы как ранее опубликованные документы, так и новые, извлеченные из архивов, в том числе российских (предоставленных автору д-ром Растиславом Петровичем)³⁵.

В 1980-90-е годы Исторический институт в Черногории возглавлял Йован Бойович. Талантливый исследователь и организатор, Й.Р. Бойович деятельно способствовал изданию многих научных публикаций из исторического наследия Черногории, являлся инициатором научных симпозиумов и конференций, в том числе и международных. В частности, в 1988 г. состоялась научная конференция по проблемам объединительного движения Черногории и Боки Которской в начале XIX века³⁶, материалы которой использованы нами в монографии. Диапазон научных интересов Й.Р. Бойовича широк: его интересовали проблемы истории своей родины в XX веке и в более ранний период. Так, в 1982 г. вышло в свет его монографическое исследование, посвященное анализу важнейшего памятника черногорского права – Законника князя Данилы³⁷. В нем автор подробно рассматривает законотворческую деятельность князя и членов правительства по выработке нового кодекса законов Черногории, выявляет его тесную связь с предыдущим законодательством, детально анализирует законоположения и области их применения. Другие публикации Й.Р. Бойовича по интересующим нас проблемам также связаны с исследованием становления черногорского законодательства, освободительной борьбы Черногории и русско-черногорских отношений на рубеже XVIII-XIX веков³⁸. Тяжелая болезнь и последовавшая за ней безвременная кончина оборвала научную деятельность талантливого ученого.

Законотворческой деятельности князя Данилы, его борьбе с родоплеменными пережитками, направленными на укрепление черногорского государства, посвящена обстоятельная монография В.Д. Йовичевича «Данилов Законник»³⁹.

Монография Р.М. Распоповича «Дипломатия Черногории. 1711-1918»⁴⁰ является фундаментальным исследованием, где комплексно рассматривается круг вопросов, связанных с внешнеполитической деятельностью Черногории на международной арене на протяжении двух столетий. Широкое использование литературы, архивных материалов, публикаций документов югославских и современных российских историков – все это позволило Р. Распоповичу создать целостную панораму действий черногорской дипломатии. Работа носит многоплановый характер. Ее спецификой является то, что автор наряду с исследованием основных вех в истории черногорской дипломатии, внешнеполитических акций иностранных государств в отношении Черногории уделяет значительное внимание и другим важным аспектам дипломатии. Это касается вопросов, связанных с возникновением и развитием дипломатической службы в Черногории, деятельности ее учреждений за рубежом, а также иностранных представительств на ее территории. Особо следует отметить, что Р.М. Распопович анализирует внешнюю политику Черногории с учетом внутривнутриполитических обстоятельств и реальных возможностей страны при реализации внешнеполитических задач. В 2005 г. вышла в свет другая монография Р. Распоповича⁴¹, посвященная деятельности в Которе российского консульства в начале XIX в., которая позже была переведена и опубликована на русском языке⁴², где историк с использованием материалов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ) рассматривает и анализирует насыщенный важными и противоречивыми событиями период русско-черногорских взаимоотношений.

Наибольший вклад в исследование темы, связанной с пребыванием у власти в Черногории выдававшего себя за избежавшего гибели российского императора Петра III самозванца Степана Малого (1767-1773), безусловно, принадлежит Р.В. Петровичу. В его переведенной на русский язык монографии о Степане Малом⁴³ на самом широком фоне черногорских, сербских, венецианских, русских источников рассматривается и анализируется направленная на реформирование черногорского общества деятельность Степана Малого, его весомый вклад в борьбу с родоплеменными пережитками, централизацию органов власти в Черногории. В монографии представлена широкая панорама русско-черногорских, черногорско-венецианских и черногорско-турецких отношений в рассматриваемый период. В другой своей монографии о митрополитах Даниле и Саве Р.В. Петрович кратко, но емко изложил основные аспекты государственной и религиозной деятельности этих владык⁴⁴.

Современный черногорский историк Ж.М. Андрияшевич опубликовал на русском языке монографические исследования⁴⁵, где, помимо прочего, в очерковом стиле излагаются сюжеты, связанные с историей Черногории, ее освободительной борьбой, политическими и религиозными связями с Россией.

В октябре 2011 г. в Черногории (г.Бар) была проведена международная научная конференция «Россия и Балканы за последние три столетия», поводом для которой стало празднование трехсотлетия установления политических связей между Черногорией и Россией. Опубликованные доклады участников конференции содержат полезные сведения и по исследуемому нами периоду истории Черногории и русско-черногорских отношений⁴⁶.

В монографии мы использовали также другие работы черногорских историков, внесших свой вклад в исследование различных аспектов данной темы⁴⁷. Следует заметить, что работы черногорских исследователей основаны главным образом на документах из архивов Черногории, Сербии, Австрии, Италии, Франции и в меньшей мере – на материалах российских архивов. Долгое время лишь Б. Павичевич использовал в своих работах документы из АВПРИ, где он периодически работал еще с 1950-х годов. Начиная с 80-х годов черногорские историки (Р. Йованович, Й.Р. Бойович, Р.В. Петрович, Р.М. Распопович) рассматривали различные аспекты истории Черногории и русско-черногорских взаимоотношений с привлечением документов АВПРИ. Отметим, что современные черногорские исследователи в целом объективно оценивают роль России в отношении Черногории, отмечают ее положительное влияние на внутренние и внешние процессы, происходившие в стране в XVIII-XIX вв. Вместе с тем некоторые их суждения по отдельным конфликтным проблемам русско-черногорских отношений не всегда учитывают реальные возможности России в реализации планов ее балканской политики, степень зависимости русского правительства от позиций других великих держав.

В России первой трети XIX в. черногорская тематика присутствовала лишь на страницах русских периодических изданий. В основном источником при этом служили материалы иностранной прессы, публиковавшиеся с опозданием, часто фрагментарные и не всегда достоверные. Однако и в те годы появлялись привлекающие внимание материалы ме-

муарного характера, содержащие ценные наблюдения о Черногории и русско-черногорских связях.

Успехи русской политики на Балканах в конце 20 - начале 30-х гг. XIX века, когда Россия сыграла важнейшую роль в получении Сербией широкой автономии в составе Османской империи, способствовали росту интереса российской общественности к судьбам югославянских народов, в том числе и черногорцев. Кроме того, в 1835 г. произошло важное событие в истории отечественной славистики – учреждение кафедр славянской филологии в университетах Москвы, Петербурга, Казани и Харькова, что отражало реальный рост значимости славянской темы, интерес к которой неуклонно повышался в последующие десятилетия. Исследователи, связанные со славистикой, становятся в этот период авторами работ о Черногории, в эти же годы на страницах русских периодических изданий появляются первые публикации и югославянских авторов по черногорской истории и русско-черногорским связям.

В 40-х годах Черногорию посетили известные русские слависты А.Н. Попов, И.И. Срезневский, Ф.В. Чижов, Н.И. Надеждин и др. Результатом этих поездок стало знакомство русских читателей с историей, государственным устройством, этнографией и народным эпосом черногорцев⁴⁸.

В 1847 г. вышла из печати книга А.Н. Попова «Путешествие в Черногорию»⁴⁹, где были собраны воедино очерки об этой стране, ранее напечатанные им в русских журналах. Одна из глав работы посвящена истории Черногории. А.Н. Попов справедливо утверждал, что с приходом к власти митрополита Данилы Петровича Негоша в 1697 г. начался новый этап в жизни черногорского государства – этап централизации государственной власти, борьбы с племенным сепаратизмом и обычаем кровной мести. Если история Черногории в изложении А.Н. Попова не лишена фактических ошибок, то представленный в книге историко-правовой материал включает тексты подлинных юридических документов той эпохи, например, Законника общего черногорского и брдского 1798-1803 гг., который впервые вводился А.Н. Поповым в научный оборот. Важным источником могут служить свидетельства автора как непосредственного очевидца различных судебных тяжб уголовно-правового характера.

Известный российский славист Викентий Васильевич Макушев, служа секретарем российского консульства в Дубровнике (1862-1865), а затем переведенный в Италию, помимо своей дипломатической деятельности изучал историю югославянских народов. Работая в государственном архиве Венеции, он собрал значительный массив документов, относящихся к личности и государственной деятельности в Черногории уже упоминавшегося самозванца Степана Малого. На основе этих материалов В.В. Макушев подготовил и опубликовал ценный труд о Степане Малом⁵⁰, до сих пор непревзойденный в отечественной историографии. В его публикацию включены многие документы, существенно дополняющие материалы российских архивов о Степане Малом. Это предает труду В.В. Макушева одновременно и источниковедческий характер.

Среди опубликованных в России до 1917 г. работ наиболее значительным является фундаментальный труд о Черногории выдающегося русско-слависта Павла Апполоновича Ровинского (1831-1916), внесшего весо-

мый вклад в изучение этнографии, географии, культуры и истории страны, где он прожил с небольшими перерывами с 1879 по 1906 год⁵¹. П.А. Ровинский разработал периодизацию черногорской истории, детально исследовал внутреннее состояние Черногории, специфику племенного устройства. Касаясь истории русско-черногорских отношений, он пришел к выводу, что «Россию и Черногорию связывают не вера только и народность, а в то же время и общность политических интересов»⁵². Общность этих интересов П.А. Ровинский видел прежде всего в стремлении России укрепить свое влияние на Балканах, где антитурецки настроенная Черногория становилась естественным союзником России. Труды П.А. Ровинского наряду с большим количеством фактического материала включают в себя его теоретическое осмысление, и, хотя анализ этот не всегда в одинаковой мере глубок, ценность работ П.А. Ровинского для исследователя истории Черногории и русско-черногорских связей несомненна.

Русско-черногорские контакты в начале XIX в. рассматриваются в статье В. Жмакина⁵³. Автор касается главным образом вопросов, связанных с ухудшением русско-черногорских отношений в 1803-1804 гг. в связи с делом секретаря Петра I Негоша аббата Дольчи и обвинениями, выдвинутыми против самого митрополита в попытке искать покровительства Франции.

В журнале «Русская старина» была напечатана статья известного слависта В.А. Францева⁵⁴, где автор подробно излагает задачи, стоявшие перед черногорским архимандритом Симеоном Ивковичем, прибывшим с дипломатическим поручением ко двору Александра I в 1807 г.

Русско-черногорские отношения в XVIII-XIX вв. рассматриваются в работе Н.Л. Ширяева⁵⁵. Их история излагается автором поверхностно, о многих событиях говорится недостаточно полно, некоторые не освещены вовсе. Исследователь допускает грубые ошибки при изложении фактов. Например, он пишет о личном свидании и переговорах Петра I Негоша и императора Павла I в 1798 г.⁵⁶, чего в действительности не было, и пр.

Митрополит Петр II Петрович Негош также довольно широко представлен в дореволюционной историографии⁵⁷. Здесь прежде всего следует выделить фундаментальное исследование П.А. Ровинского⁵⁸ о его государственной деятельности, а также монографию П.А. Лаврова «Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность», содержащую сведения и о политической жизни Черногории⁵⁹.

В дореволюционный период в России был еще издан ряд популярных работ, где излагалась история Черногории и русско-черногорских отношений⁶⁰. Следует заметить, что в целом русской дореволюционной историографии был присущ интерес к истории Черногории, ее освободительной борьбе, русско-черногорским связям. Однако в основном работы носили описательный характер, грешили фактическими неточностями и слабым использованием архивного материала. Исключения составляли работы лишь некоторых исследователей, прежде всего П.А. Ровинского.

В советской историографии длительный период не было работ, где бы исследовались русско-черногорские отношения⁶¹. Исключением долгое время являлись монографии академика Е.В. Тарле и А.Л. Шапиро, посвященные жизни и деятельности выдающегося русского флотоводца адмирала Д.Н. Сенявина⁶². Эти труды содержат краткие сведения по истории

русско-черногорских отношений. Анализируя военно-морские операции эскадры под командованием Д.Н. Сенявина в Средиземном море в 1806-1807 гг., авторы подробно останавливаются на совместных боевых действиях объединенных русско-черногорско-бокельских отрядов против французских войск, оккупировавших Далмацию во время ожесточенного противостояния между Россией и наполеоновской Францией в Восточном Средиземноморье в начале XIX века.

Кризисная ситуация в русско-черногорских отношениях во второй половине 50-х гг. XIX в. и роль русской дипломатии в крушении плана установления султанского сюзеренитета на Черногории обстоятельно рассматривается в статье Р.И. Рыжовой⁶³.

Таким образом, в 50-е годы появлялись работы отечественных историков, в которых исследовались важные фрагменты из истории русско-черногорских взаимоотношений, но целостная картина жизни черногорского общества и истории русско-черногорских отношений не стала предметом специального исследования.

Первая серьезная попытка проследить процесс исторического развития Черногории, дать анализ социально-экономических отношений внутри черногорского общества, воссоздать в кратком очерке историю русско-черногорских связей была впервые предпринята в коллективном фундаментальном труде «История Югославии» (автор соответствующих глав – Н.И. Хитрова)⁶⁴.

В исследовании русско-черногорских отношений, освободительной борьбы Черногории автору существенно помогли работы С.К. Богоявленского, С.А. Никитина, академика А.Л. Нарочницкого, трудами которых положено начало фундаментальному исследованию различных аспектов политики России на Балканах, в том числе и в отношении Черногории⁶⁵.

Весомый вклад в отечественную балканистику внесла Ирина Степановна Достян. Ее первая монография посвящена освободительной борьбе сербского народа в XV – начале XIX в., содержит материалы и о черногорцах⁶⁶. В монографии, посвященной политике России на Балканах в первой трети XIX в.⁶⁷, исследуются отношения России с отдельными балканскими народами, в том числе и с черногорцами. Привлечение новых архивных данных позволило И.С. Достян опровергнуть ошибочное представление некоторых югославянских исследователей (В. Джорджевича, Д. Лекича) о том, что после 1814 г. фактически прерываются связи между Россией и Черногорией. И.С. Достян аргументированно доказывает, что и до восшествия на престол Николая I политические контакты между Россией и Черногорией были достаточно оживленными, хотя русское правительство предпочитало, чтобы это не было известно Турции и Австрии.

Занимаясь исследованием русско-черногорских политических отношений, И.С. Достян показала помощь России в деле совершенствования государственной организации Черногории в начале XIX века⁶⁸. В публикации на данную тему автор подробно проанализировала неизвестный ранее проект конституционного устройства черногорского общества и непосредственное участие русского дипломатического представителя С.А. Санковского в работе над ним.

Отношение различных кругов российской общественности к балканским проблемам и освободительному движению балканских народов, в том числе черногорцев, нашло отражение в монографии И.С. Достяна «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов»⁶⁹. Автор отмечает, что налаживающиеся в этот период общественные связи между Россией и югославянскими народами тесно переплетались с отношениями политического и военного характера. Так, сенявинская кампания на Адриатике в 1806-1807 гг., когда совместно с русскими моряками и солдатами сражались черногорцы и бокельцы, способствовала появлению мемуаров участников этой военно-морской экспедиции, где достойное место занимали и черногорские сюжеты.

И.С. Достян подготовила ценную документальную публикацию, связанную с пребыванием в Черногории в начале XIX в. «специального представителя» Александра I С.А. Санковского⁷⁰. Она является автором раздела о Черногории в коллективной монографии «Александр I, Наполеон и Балканы» и в очерках, посвященных идеологии национально-освободительного движения югославянских народов в XVIII-XX вв.⁷¹

Нина Ивановна Хитрова свою научную деятельность связала с исследованием различных аспектов черногорской истории, она автор многих работ по данной проблематике. Монография Н.И. Хитровой является первой в современной отечественной исторической литературе книгой, посвященной истории Черногории 50-70-х гг. XIX в.⁷² Именно этот период является исследовательским, и труд автора заслуживает высокой оценки за освещение узловых проблем рассматриваемого этапа: социальных основ освободительного движения, формирования государственного устройства, анализа внешнеполитической программы, идеологии, культуры, детального исследования русско-черногорских связей. В соответствующем разделе отражена специфика социально-экономического строя Черногории, которая, как показывает материал исследования, во многом являлась следствием османского завоевания Балкан. Наряду с анализом проблем черногорской истории второй половины XIX в. Н.И. Хитрова предприняла экскурс и в более ранний период исторического прошлого Черногории, что позволило ей осветить некоторые опорные вопросы русско-черногорских отношений. Так, например, в литературе встречается мнение, что со вступлением на престол Александра I прекращаются денежные субсидии Черногории от русского правительства⁷³. Н.И. Хитрова документально опровергает это⁷⁴. Н.И. Хитрова является автором еще нескольких ценных работ по интересующей нас проблеме, в том числе и важной документальной публикации, позволяющей проследить позицию русского правительства в вопросе о провозглашении Черногории княжеством в 1852 г.⁷⁵ В 2015 г. Н.И. Хитрова скончалась, занимаясь практически до последних дней исследованием исторического прошлого Черногории, страны, которой она посвятила всю свою научную жизнь.

Изучением истории политических, военных и культурных связей России с югославянскими народами в XVIII - начале XIX в. занималась Ариадна Павловна Бажова. В монографиях и ряде статей⁷⁶ автор прослеживает специфику развития разнообразных контактов России с югославянами. Исследуя черногорские сюжеты, А.П. Бажова отмечает значимость дипло-

матической и материальной помощи России в деле укрепления государственной организации Черногории. Обращаясь к русско-черногорским отношениям второй половины XVIII в., А.П. Бажова опровергает утверждение некоторых югославских историков, что русско-черногорские связи во время правления Екатерины II прервались. Работы А.П. Бажовой позволяют расширить и уточнить представления о развитии русско-югославянских отношений в XVIII - начале XIX в.

Неоднозначное по происходившим событиям двадцатилетие (с 1813 г. по 1833 г.) в истории русско-черногорских отношений рассматривается в статье Виктории Максимовны Хевролиной⁷⁷. Широкое использование архивных материалов дало возможность автору четко проследить динамику развития русско-черногорских связей, дать верные оценочные суждения о причинах слабой политической активности России в отношении Черногории на заключительном этапе наполеоновских войн и после Венского конгресса, осветить некоторые аспекты переселенческой политики России в отношении Черногории и ее содействие в создании государственного аппарата.

В 1999 году в Институте славяноведения РАН по монографии «Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.)»⁷⁸ автором этих строк была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Материалы этой книги в существенно дополненном и исправленном виде вошли в данную монографию.

В монографии Я.В. Вишнякова рассматриваются русско-черногорские связи в период с 1830 по 1860 год⁷⁹. Автор внес определенный вклад в исследование данной темы, рассмотрев в сжатой форме развитие русско-черногорских взаимоотношений в это важное в истории Черногории тридцатилетие. В монографии Ю.Е. Бычкова «Черногория: от прошлого к настоящему» в очерковом стиле рассматриваются страницы истории Черногории с древнейших времен до начала XXI века, а также отдельные сюжеты русско-черногорских отношений за их трехвековую историю⁸⁰.

В монографии В.П. Грачева «Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия»⁸¹ на основе преимущественно документов российских архивов помимо прочего рассматриваются узловые вопросы русско-черногорских отношений в начале XIX века.

Исследования видных советских и современных российских историков Г.А. Арша, В.Н. Виноградова, В.А. Георгиева, В.Я. Гросула, А.М. Станиславской, В.Г. Сироткина, В.И. Фрейдзона, В.И. Шеремета, А.С. Мыльникова, И.И. Лещиловской, К.В. Никифорова, Е.П. Кудрявцевой и др.⁸² либо содержат сюжеты, связанные с Черногорией, либо дают представление о различных аспектах политики России, Турции, Австрии, Великобритании на Балканах. Поэтому они также учитывались автором при написании монографии.

Имевшиеся в нашем распоряжении работы западных авторов не привносят чего-либо существенного в исследование нашей темы, поскольку история Черногории и русско-черногорских связей в рассматриваемый период затрагивается в них лишь косвенно, без какого-либо углубленного анализа⁸³.

В монографии широко использованы опубликованные источники. Кроме документальных публикаций, подготовленных отдельными авторами (Ж. и М. Драговичи, Б. Павичевич, Т. Никчевич, Е.М. Милович, И.С. Достян, Н.И. Хитрова), о которых уже упоминалось в историографическом обзор-

ре, в работе использовались дореволюционные публикации документов⁸⁴. Ценной по полноте материала и тщательности научной обработки является многотомная публикация «Внешняя политика России XIX и начала XX века»⁸⁵, где комплексно освещены основные направления балканской политики России. В ней опубликованы и некоторые важные документы по истории русско-черногорских отношений, позволяющие полнее исследовать эту проблему. Значительный вклад в исследование русско-черногорских отношений, внутренней истории Черногории, ее географии, экономики, государственного устройства, межбалканских связей внесли совместные фундаментальные публикации документов советских, российских и югославских историков по югославянской проблематике⁸⁶.

Многогранная деятельность виднейшего государственного деятеля Черногории XIX века Петра II Негоша нашла отражение в фундаментальной югославской публикации, содержащей наиболее полное собрание писем черногорского правителя к государственным деятелям других стран, дипломатам, соседним представителям австрийской и турецкой администрации, его обращения к своим соплеменникам⁸⁷.

Из современных совместных черногорско-российских публикаций документов отметим сборник документов, освещающий важный период в истории русско-черногорских отношений в 1740-1760 гг.⁸⁸, где собраны воедино как опубликованные, так и новые архивные материалы по этому периоду в истории Черногории и русско-черногорских отношений. Существенно дополняет и обогащает представления о государственной внешнеполитической, религиозной и литературной деятельности Петра II Негоша фундаментальная совместная российско-черногорская публикация документов «Петр II Петрович Негош и Россия»⁸⁹, включающая широкий комплекс источников из российских и черногорских архивов.

Из мемуарной литературы наибольший интерес представляют дневниковые воспоминания неизвестного российского офицера, участника экспедиции князя Ю.В. Долгорукова в Черногорию в 1769 г., а также записки и воспоминания участников военно-морской экспедиции вице-адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземное море и Адриатику в 1806-1807 гг., В.Б. Броневского, П.П. Свиньина, П.И. Панафидина, содержащие полезные сведения не только об участии черногорцев в боевых действиях, но и достаточно подробное, достоверное описание природно-географических, экономических, культурных и бытовых условий жизни черногорцев и бокельцев⁹⁰. Югославянская мемуаристика представлена в работе воспоминаниями католического священника из Будвы А. Койовича, который воспроизвел данные о пребывании в Боке Которской поочередно австрийцев, русских и французов в период с 1797 по 1813 год⁹¹. Полезным источником, дающим целостное представление о жизни, быте, обычаях и нравах черногорцев в 30-е годы XIX в., является работа выдающегося сербского просветителя Вука Стефана Караджича⁹².

Ценным источником, дающим возможность проследить развитие русско-черногорских и межбалканских связей Черногории, ее внутренней жизни, являются русские и югославянские периодические издания. Автор использовал в монографии как российские периодические издания⁹³, так и работу известного югославского историка Л. Дурковича-Якшича, скрупулезно обобщившего данные сербской печати о Черногории и Петре II Негоше⁹⁴.

При работе над монографией были использованы документы различных архивов, прежде всего Архива внешней политики Российской империи МИД РФ. Наибольшую ценность для исследуемой темы представляют материалы фондов: «Сношения России с Черногорией», «Сношения России с Венецией», «Сношения России с Неаполем», «Славянский стол», «Ионические острова», «Канцелярия», «Политотдел», «Посольство в Вене», «Посольство в Константинополе». В фондах «Главного архива» особый интерес представляют донесения российских консулов из Дубровника (И.М. Гагича, Н.П. Стремоухова), донесения в МИД и переписка С.А. Санковского начала XIX века, а также документы и письма, вышедшие из-под пера митрополитов Савы, Василия Петровича, Петра I и Петра II Негошей, князя Данилы.

Важные сведения удалось обнаружить в документах направленного в Черногорию со специальной миссией в начале XIX в. российского представителя М.К. Ивелича, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга фонд 777 (П.Н. Тиханов), а также в фонде 356 (Е.П. Ковалевского), где содержатся данные о русско-черногорских связях в 50-е годы XIX в.

В работе использованы материалы Российского государственного архива Военно-Морского Флота из фондов «Канцелярия Д.Н. Сенявина» и «Департамент морского министерства по эскадре Сенявина», а также «Коллекция рукописных книг XVI-XIX вв.» и «Собрание бумаг де Ласси» из Архива Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии Наук, что позволило дополнить имеющиеся в литературе представления о совместных боевых действиях русских и черногорско-приморских войск во время пребывания эскадры Д.Н. Сенявина в Адриатике.

В фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге обнаружены новые документы о церковных связях России и Черногории (Ф.796. Канцелярия Синода), переселенческой политике русского правительства в отношении черногорцев (Ф. «Комитет министров»), а также о первой служебной командировке Е.П. Ковалевского в Черногорию в 1838 г., которая явилась знаменательной вехой в истории русско-черногорских взаимоотношений (Ф. «Штаба корпуса горных инженеров»).

Автор привлекал документы Российского государственного архива древних актов из фонда 15 (Дипломатический отдел), фонда 86 (Сношения России с Сербией и Черногорией) и фонда 149 (О самозванцах); Российского государственного военно-исторического архива из фондов «Военно-ученый архив», «Черногория», Ф.52 (Потемкина-Таврического) и др.; Государственного архива Российской Федерации (Ф. III отделение собственной его императорского величества канцелярии); Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (Фонды П.А. Ровинского и В.И. Ламанского); Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ф. ж. «Русская старина»), содержащие полезные сведения по различным аспектам истории Черногории и русско-черногорских связей.

Собственно черногорские документальные материалы представлены в монографии документами из Архивного отделения Народного музея Черногории (Ф. Петр I Петрович Негош). К сожалению, в силу различных обстоятельств, связанных, в том числе с Первой мировой войной, многие документы были утрачены, иные сильно повреждены и с трудом поддаются прочтению.

В целом круг исследований и документальных публикаций, относящихся к нашей теме, весьма широк. Черногорские исследователи, историки нашей страны проделали большую работу и внесли положительный вклад в рассматриваемую нами проблему. Вместе с тем новый фактический материал российских архивов, расширенная источниковая база опубликованных документов, использованных в монографии – все это позволило существенно дополнить и по-новому осмыслить различные сюжеты черногорской истории, многогранные русско-черногорские связи. В российской историографии данная монография станет первым комплексным исследованием по самым различным аспектам истории Черногории в период с начала XVIII века по 1860 г.

Во избежание неясности в книге приводятся двойные даты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автор специально не обращался к рассмотрению истории русско-черногорских общественно-культурных связей, поскольку они получили достаточное освещение в современной отечественной историографии (*Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980; *Хитрова Н.И.* Из истории русско-черногорских связей. I-я треть XIX в. (по страницам русской печати) // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч.2. С.161-172); *Анишаков Ю.П.* Русские журналы 1830-х-1850-х годов о Черногории и черногорцах // Библиотека Дани Његошеви. Књига 4. Јубиларни зборник 200-годишњица рођења Петра II Петровића Његоша. Никшић-Тверь, 2014. С.289-312).
- ² *Милутиновић-Сарајлија С.* История Црне Горе от искона до новијега времена. Београд, 1835; *Милаковић Д.* Кратка историја Црне Горе // Грлица. Календар Цернегорски. Црна Гора, 1835-1838; *Он же.* История Црне Горе. Задар, 1856.
- ³ *Медаковић М.* Повестница Црне Горе от најстарјег времена до 1830. Земун, 1850. С.1.
- ⁴ *Медаковић М.* Живот и обичаи Црногораца. Нови Сад, 1860.
- ⁵ *Медаковић М.* Владика Данил. Београд, 1896; *Он же.* П.П. Његош посљедњи владајући владика црногорски. Нови Сад, 1882.
- ⁶ *Бакич Д.* Черногория под управлением владык // Журнал министерства народного просвещения. 1878. Ч. СХСVIII. Август. С.207-272.
- ⁷ *Драгович Ж.* Черногория и ее отношения к России в царствование императора Павла // Русская старина. 1882. Т.ХХIII. Февраль. С.419-442; *Он же.* Черногория и ее отношения к России в царствование императора Павла I. 1797-1801 г. // Русская старина. 1882. Т.ХХV. Август. С.361-373; *Он же.* Очерки из церковной жизни в Черногории // Странник. 1881. Т.3. С.384-404 и др.
- ⁸ *Драгович Ж.* Очерки из церковной жизни... С.393.
- ⁹ *Драгович М.* Материалы за историју Црне Горе. (Из времена владања владике Петра I). // Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1884. Књ.55. С.283-324; *Он же.* Прилози за историју Црне Горе и Боке Которске почетком XIX стољећа // Споменик. Београд, 1898. Књ. XXXI. Други разред. 29. С.25-27; *Он же.* Русија и Црна Гора од 1780 до 1790 г. (Материал за историју Црне Горе у вријеме владања владике Петра I) // Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1891. Књ.72. С.217-297; *Он же.* Споменици о Шћепану Маломе. Из московскога главнога архива министарства иностранијех дјела // Споменик Српска кралевска академија. Београд, 1893. Т.ХХII. С.1-41.
- ¹⁰ *Попович Л.* Черногорский владыка Петр I. Киев, 1897.
- ¹¹ *Томановић Љ.* Петар други Петровић - Његош као владац. Цетиње, 1896.
- ¹² *Поповић Ђ.* Историја Црне Горе. Београд, 1896.
- ¹³ Повјесница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. Подгорица, 1997.

- ¹⁴ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII веку. Београд, 1912. С.68. Антирусская на- правленность характерна и для других работ В.Джорджевича: Црна Гора и Русија (1784-1814). Београд, 1914; *Он же.* Црна Гора и Аустрија. 1814-1894. Београд, 1924.
- ¹⁵ См., например: *Бажова А.П.* Русско-југославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998; Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003; *Аншаков Ю.П.* Соответствующие разделы в монографии «История Балкан. Век восемнадцатый». М., 2004; *Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006.
- ¹⁶ *Вуксан Д.* Десет година из историје Црне Горе. 1794-1803. // Записи. Цетиње, 1940. Књ. XXIII. С.311-339; *Он же.* Епоха митрополита Петра I. 1782-1830. Историјска грађа. // Записи. Цетиње, 1958-1959. Књ. XIX-XXI и др.
- ¹⁷ *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош и његова доба. Цетиње, 1951.
- ¹⁸ *Јовановић Ј.* Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918 године. Цетиње, 1947.
- ¹⁹ *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001.
- ²⁰ *Поповић П.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951.
- ²¹ *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784-1830). Цетиње, 1950.
- ²² *Лалић Р.* О традиционалним везама између Црне Горе и Русије // Историјски записи (далее – ИЗ). Цетиње, 1951. Књ. VII. Св. 7-9. С.273-293.
- ²³ *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1955; *Он же.* Шћепан Мали. Београд, 1957; *Он же.* Црна Гора пред стварање државе. 1773-1796. Београд, 1962; *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе. Књ.3. Од почетка XVI до краја XVIII вијека. Титоград, 1975. Т.1; *Станојевић Г.* Југословенске земље у млетачко-турским ратовима XVI-XVIII вијека. Београд, 1970; *Он же.* Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740-1766). Београд, 1979.
- ²⁴ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. Београд, 1955.
- ²⁵ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош. Књаз црногорски и брдски. 1851-1860. Београд, 1990.
- ²⁶ *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997.
- ²⁷ *Павићевић Б.* Саздање црногорске националне државе. 1796-1878 // Историја Црне Горе. Књ. четврта. Том први. Подгорица, 2004. С.5-428.
- ²⁸ См., например: *Павићевић Б.* Меморандум Јегора Петровића Ковалевског о Црној Гори 1838. Године. // ИЗ. Титоград, 1967. Књ. XXIV Св.2. С.213-228; *Он же.* Црна Гора и Бока Которска од пожунског до тилзитског мира 1805-1807. Године. // ИЗ. 1985. Књ. XXXVIII. Св.3-4. С.5-55 и др.
- ²⁹ Црногорске исправе XVI-XIX вијека. Уредили Т. Никчевић и Б. Павићевић. Цетиње, 1964.
- ³⁰ *Никчевић Т.* Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку (Отпор стварању државе). Цетиње, 1958.
- ³¹ *Ђурић-Богетић Љ.* Комунице у Црној Гори у XIX и почетком XX века. Титоград, 1966; *Ђуровић М.* Трговачки капитал у Црној Гори у другој половини XIX и почетком XX вијека; *Пејовић Ђ.Д.* Исељавања Црногораца у XIX вијеку. Титоград, 1962.
- ³² *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитка. Београд, 1981.
- ³³ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. Титоград, 1984.
- ³⁴ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош. Грађа: 1830-1851. Књ.4. (1845-1847). Титоград, 1986.
- ³⁵ *Миловић Ј.М.* Петра I Петровић Његош. Писма и друга документи. 1780-1820. Титоград, 1987. Књ.1.; *Он же.* Петар I Петровић Његош. Писма и друга документи. 1821-1830. Титоград, 1988. Књ.2.
- ³⁶ Уједињење Црне Горе и Боке Которске 1813-1814. Године (Зборник радова са научног скупа одржаног у Котору 10-12. Новембра 1988). Титоград, 1991.

- ³⁷ *Бојовић Ј.Р.* Законик књаза Данила. Титоград, 1982. В 1990 г. на основании этой книги Й. Бойович защитил в Москве докторскую диссертацию по теории и истории государства и права.
- ³⁸ *Бојовић Ј.Р.* Законодавство и органи централне власти у Црној Гори у вријеме митрополита Петра I Петровића (1784-1830) // Из. 1982. Св.1-2. С.5-120; *Он же.* Рукопис Законика митрополита Петра Првог Петровића // Из. 1992. Св.1-4. С.31-58; *Он же.* Историјски оквири уједињења Црне Горе, Паштровића, Будве и Боке Которске 1813. Године. // Уједињење Црне Горе... С.17-23; *Он же.* Россия и Черногория в конце XVIII - начале XIX в. // Россия и славяне: политика и дипломатия. Балканские исследования. Вып.15. М., 1992. С.39-58.
- ³⁹ *Јовићевић В.Д.* Данилов Законик снага државе. Приштина, 1994.
- ⁴⁰ *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе. 1711-1918. Подгорица - Београд, 1996.
- ⁴¹ *Распоповић Р.М.* Руски конзулат у Котору и Црна Гора 1804-1806. Подгорица, 2005.
- ⁴² *Распоповић Р.* Россия и Черногория в начале XIX века: Русское консульство в Которе в 1804-1806 гг. / Отв. редактор А.Л. Шемякин. Пер. с серб. Т. Боянич. СПб., 2009.
- ⁴³ *Петровић Р.В.* Степан Малый – загадка истории (русский лжецарь в Черногории). Пер. с серб. С. Якшича и А. Зырина. Белград, 1996.
- ⁴⁴ *Петровић Р.В.* Владика Данило и владика Сава (1697-1781). Београд, 1997.
- ⁴⁵ *Андріяшевич Ж.М.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн // Истории Черногории с древнейших времен до 2006 года. Подгорица, 2009. С.9-139; *Он же.* Черногорская церковь (1852-1918). М., 2011; *Он же.* Историја Црне Горе (Од најстаријих времена до 2006. Године. Београд, 2015.
- ⁴⁶ *Артамонов В.А.* Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. (К 300-летию боевого содружества русских, сербов и черногорцев) // Русија и Балкан током последња три столећа. Јубиларно издање посвећено три стотој годишњици црногорско-руских односа 1711-2011. Подгорица - Москва, 2012. С.41-53; *Анишаков Ю.П.* Российские эмиссары в Черногории во второй половине XVIII века // Там же. С.55-68; *Лекович Ж.* Отношение России к черногорским, горным и герцеговинским племенам в 1750-1830 // Там же. С.91-108; *Кудрявцева Е.П.* Расширение консульской сети России на Балканах в первой половине XIX в. // Там же. С.109-118; *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские отношения в 1796-1878 гг. (от провозглашения черногорской независимости до признания ее суверенитета) // Там же. С.119-126; *Темизер А.* Черногорско-русские взаимоотношения и военные действия Османской империи в Черногории (1852-1853) // Там же. С.151-157.
- ⁴⁷ *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе. 1856-1860. Титоград, 1983; Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984; *Благојевић О.* Економска мисао у Црној Гори (до другог свјетског рата). Београд, 1988; *Лучић Ч.М.* Митрополит Петар Први Петровић. Титоград, 1991; и др.
- ⁴⁸ Подробнее см.: *Анишаков Ю.П.* Русские журналы 1830-х-1850-х годов о Черногории и черногорцах // Јубиларни зборник 200-годишњица рођења Петра II Петровића Његоша. Никшић - Тверь, 2014. С.289-312.
- ⁴⁹ *Попов А.Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.
- ⁵⁰ *Макушев В.В.* Самозванец Степан Малый. По актам венецианского архива // Русский вестник. 1869. Т.82. С.5-43, 572-604; Т.83. С.5-34; *Он же.* Задунайские и адриатические славяне. СПб., 1867.
- ⁵¹ *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888-1909. Т.1-II; *Он же.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Государственная жизнь Пгр., 1915. Т.III. О жизни и научной деятельности П.А. Ровинского существует обширная литература. См., например: *Хитрова Н.И.* П.А. Ровинский (1831-1916) и югославянские народы. // Балканика. М., 1974. Т.2. С.140-174; *Хлебникова В.Б.* П.А. Ровинский как исследователь Черногории. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Она же.* Об исторических взглядах П.А. Ровинского // П.А. Ровинский (1831-1916) и его время. Калинин, 1988. С.27-37 и др.;

- Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М.* Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский в Черногории. Калинин, 1989; и др.
- ⁵² *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем... СПб., 1888. Т.1. С.695.
- ⁵³ *Жмакин В.* Россия и Черногория в начале XIX века // Древняя и новая Россия. 1881. Т.ХІХ. №3. С.407-454.
- ⁵⁴ *Францев В.А.* К истории наших отношений с Черной Горой в начале XIX столетия. // Русская старина. 1908. Январь, февраль, март. С.239-242.
- ⁵⁵ *Ширяев Н.Л.* Россия и Черногория (1485-1889). СПб., 1889.
- ⁵⁶ Там же. С.38-39.
- ⁵⁷ О работах русских исследователей по данной тематике см.: *Петухов В.К.* Петр Негош в русской дореволюционной и советской славистике // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С.198-221.
- ⁵⁸ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде) Петрович владыка черногорский (1830-1851). СПб., 1889.
- ⁵⁹ *Лавров П.А.* Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887.
- ⁶⁰ См., например: *Васильев А.* Бока Которская в 1797-1814 гг. // Век. 1882. Кн.VIII. С.29-47; *Аншукова Т.* Черногория. М., 1910; *Остриков Е.* Негоши (Черногорская королевская династия). Пятигорск, 1914; *Содомов А.И.* Черногория. М., 1917; и др.
- ⁶¹ По балканской проблематике XVIII - начала XX в. обстоятельный обзор исследований советских историков (монографий, статей, обобщающих трудов и публикаций документов), вышедших в период с 1945 по 1989 год, см. в кн.: *Вяземская Е.К., Данченко С.И.* Россия и Балканы. Конец XVIII в. - 1918 г. (Советская послевоенная историография). Обзор. М., 1990. Кроме того, в ряде разделов коллективной обобщающей монографии «Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография» (М., 1981) также представлены основные достижения советских ученых по проблеме «Россия и Балканы в XVIII - начале XX в.» Этот обзор (гл.3, §4; гл.4, §3; гл.5, §2) подготовлен авторами монографии Л.А. Никифоровым, Н.С. Киняпиной, В.А. Георгиевым, А.М. Станиславской, В.М. Хевролиной.
- ⁶² *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземном море (1805-1807). М., 1954; *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958.
- ⁶³ *Рыжова Р.И.* Из истории русско-черногорских отношений. (Дипломатическая борьба вокруг вопроса о независимости Черногории). Исторические записки. М., 1958. Т.63. С.128-139.
- ⁶⁴ История Югославии. М., 1963. Т.1.
- ⁶⁵ *Богоявленский С.К.* Из русско-сербских отношений при Петре Первом // Вопросы истории. 1946. №8-9. С.19-41; *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970; *Нарочницкий А.Л.* Политика России на Балканах в 1801-1812 гг. в свете новой документальной публикации. // Первый конгресс балканских исследователей (София, 26 августа - 1 сентября 1966 г.). М., 1966; *Он же.* Россия, Сербия и Черногория в начале XIX в. // Новая и новейшая история. 1980. №3; и др.
- ⁶⁶ *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV - начало XIX в. М., 1958.
- ⁶⁷ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос: (из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.). М., 1972.
- ⁶⁸ *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. IV. С.5-39.
- ⁶⁹ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
- ⁷⁰ *Достян И.С.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С.291-336.
- ⁷¹ *Достян И.С.* Черногория // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С.98-107; *Она*

- же. Сербь и черногорцы в борьбе за национальное освобождение // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С.59-81.
- ⁷² Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979.
- ⁷³ Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. 1956. Т.55. С.268.
- ⁷⁴ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном... С.61-62.
- ⁷⁵ Хитрова Н.И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Югословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804-1813 гг. Београд, 1983. С.307-326; Она же. Россия и провозглашение Черногории княжеством (1852) // Славяно-балканские исследования: историография и источниковедение. М., 1972. С.337-358; Она же. Становление государственной организации в Черногории во время правления Петра II Петровича Негоша. Провозглашение Черногории княжеством // Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., 1986. С.183-204; Она же. Черногория // Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. М., 1990. С.147-155, 296-300; Она же. Участие Черногории на стороне России в войнах против Турции // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.225-236 и др. Н.И. Хитровой также опубликована монография – Россия и Черногория: русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908 годах. М., 1993. Кн. I-II.
- ⁷⁶ Бажова А.Л. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Она же. Россия и югославяне в конце XVIII - начале XIX века. М., 1996; Она же. Русско-черногорские политические связи и начало государственной организации Черногории в XVIII в. // Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977. С.173-186 и др.
- ⁷⁷ Хевролина В.М. Из истории русско-черногорских отношений в 1813-1833 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Материалы международной научной конференции. М., 1992. Ч. I. С.78-104.
- ⁷⁸ Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.). М., 1998.
- ⁷⁹ Вишняков Я.В. Черногория в балканской политике России (1830-1860 гг.). М., 1998.
- ⁸⁰ Бычков Ю.Е. Черногория: от прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и русско-черногорских отношений. М., 2008.
- ⁸¹ В.П. Грачев. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805-1807 гг.). М., 2003.
- ⁸² Арш Г.А. Албания и Эпир в конце XVIII - начале XIX в. (Западнобалканские пашалыки Османской империи). М., 1963; Он же. Соответствующий раздел в труде «Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг.». М., 1990; Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985; Он же. Британский лев на Босфоре. М., 1991; Он же. Двуглавый орел на Балканах. 1683-1914. М., 2010; Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х начале 40-х годов XIX века. М., 1975; Он же. Соответствующий раздел в труде «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в.». М., 1978; Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20-30-е годы XIX в.). М., 1966; Он же. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-х - начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Т. II. С.23-68; Он же. Балканские монархии XIX века // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы (София, август 1989 г.). История, этнография. М., 1989. С.101-110; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. (1798-1807). М., 1962.; Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801-1812 гг. М., 1966; Он же. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806-1807 гг. // Ученые записки

- Института славяноведения. М., 1962. Т. XXV. С. 171-192; *Он же*. Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции (от Парижского мира 1801 г. до Эрфуртской конвенции 1808 г. // *Югословенские земли и Русия за време Првог српског устанка 1804-1813*. Београд, 1983; *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997; *Он же*. Хорватия // *Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в.* М., 1986. С. 226-252; *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М. 1975; *Он же*. Соответствующий раздел в труде «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978; *Он же*. Революция 1848-1849 гг. и Османская империя (политика «умеренности и реформ» в Европейской Турции) // *Революция и реформы на Балканах*. М., 1994. С. 21-41); *Мыльников А.С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002; *Лещиловская И.И.* Югославянские народы // *Век Екатерины II. Дела балканские*. М., 2000. С. 140-146; *Она же*. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб, 2006; *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению Сербских земель). М., 1995; *Он же*. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842-1853 гг. М., 2015; *Кудрявцева Е.П.* Россия и образование автономного Сербского государства (1812-1833 гг.). М., 1992; *Она же*. Политика России на Балканах. // *История внешней политики России. Первая половина XIX века*. М., 1995. С. 309-324; *Она же*. Россия и становление сербской государственности (1812-1856). М., 2009; *Она же*. Русские на Босфоре: российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010; *Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- ⁸⁵ *Anderson M.S.* The Eastern Question. 1774-1923. London - New York, 1966; *Jelavich B.A.* Century of Russian Foreign Policy. 1814-1914. New York, 1964; *Kennedy Grimsted P.* The Foreign Ministers of Alexander I. Berkeley - Los Angeles, 1969; *Kukiel M.* Czartoryskj and European Unity. 1770-1861. Princeton, 1955; *Mackesy P.* The War in the Mediterranean. 1803 -1810. London, 1957; *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- ⁸⁴ Сборник Русского исторического общества. Т.1, 82, 88. СПб., 1867-1893; *Русский архив*. 1876. №7; *Материалы для истории русского флота*. СПб., 1886. Ч. XI; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 2.
- ⁸⁵ *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД. Серия I. 1801-1815 гг. Т. I-VIII*. М., 1960-1970. Серия 2. 1815-1830. Т. IX-XIV. М., 1972-1984.
- ⁸⁶ *Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия*. Отв. ред. С.А. Никитин, В. Чубрилович. Составители В.П. Грачев, Н.П. Данилова. М., 1980. Кн. I; *Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия*. Отв. ред. И.С. Достян, В. Чубрилович. Составители И.С. Достян, Е.П. Наумов, С. Гаврилович, Н. Маджаревич. М., 1983. Кн. II; *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы*. Составители: А.П. Бажова, К.К. Миронова, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова. М., 1984; *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в.* Отв. ред. А.Л. Нарочницкий, В. Чубрилович. Составители: Е.П. Кудрявцева, Г.А. Кузнецова, Р. Люшич, К.К. Миронова, Н.И. Плотникова, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова. М., 1997; *Црногорско-руски односи 1711-1918*. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица - Москва, 1992.
- ⁸⁷ *Његош П.П.* Писма. 1830-1851 // *Целокупна дјела Петра II Петровића Његоша*. Књ. 7-9. Београд, 1951-1955. Следует заметить, что в черногорских архивах не вся переписка Негоша сохранилась в надлежащем виде, часть ее текстов повреждена из-за небрежности при хранении, тогда как хранящиеся в АВПРИ подлинники писем Петра II Негоша находятся в полной сохранности.
- ⁸⁸ *Црна Гора и Русия. Материали за историју односа Црне Горе и Русије у периоду владавине црнагорских митрополита Саве и Василија Петровића. 1742-1766 гг.* / Редколлегия: А.Н. Сахаров, Р.М. Распоповић. Составители: Распоповић Р.М., Хлебникова В.Б., Бабович-Распоповић С. Подгорица - Москва, 2011.

- ⁸⁹ Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е годы). Документы. Отв. ред. Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013.
- ⁹⁰ Журнальная записка происшествиям во время экспедиции его сиятельства князя Юрья Володимировича Долгорукова, от армии генерал-майора и лейб-гвардии Преображенского полку майора, в Черную Гору, для учинения оттуда в Албании и Боснии неприятелю диверзии. 1769-й год // Русский архив. 1886. Кн.1. С.389-435; *Броневский В.Б.* Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818-1819. Ч.1-4. И.С. Достян доказала, что при составлении «Описания Черногории» Броневский почти целиком воспроизвел рукопись уроженца Боки Которской С.И. Мазаровича, служившего впоследствии в российском МИДе (*Достян И.С.* Русская общественная мысль... С.154-157); *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте Павла Свиньина. СПб., 1818-1819. Ч.1-II; *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1800-1809). Петроград, 1916.
- ⁹¹ *Којовић А.* Моје доба. Из мемоара, дневника и стихова. Титоград, 1969.
- ⁹² *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится перевод XIX в. на русский язык этой книги под оригинальным названием «Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе». Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837.
- ⁹³ «Московские ведомости», «Москвитянин», «Современник», «Благовест», «Эпоха», «Русская Старина».
- ⁹⁴ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори (1833-1851). Београд, 1951.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРНОГОРИИ (XVIII в. – 1860 г.)

В XVIII в. - 50-х гг. XIX века Черногория представляла собой малую горную страну, расположенную на юго-западе Балканского полуострова. Она граничила с Северной Албанией и Герцеговиной, находившимися под турецкой властью, а после падения Венецианской республики (1797 г.) – с австрийскими владениями на Далматинском побережье.

Ведя беспрестанные войны с Турцией, Черногория еще в конце XVII в. заложила основу политической самостоятельности, избавившись от таких форм вассальной зависимости, как обязательство по охране границ с Венецией и участие в военных походах на стороне османской армии. Вероятно, первым из россиян это обстоятельство заметил П.А. Толстой, отмечавший в путевом дневнике, что вблизи Котора и Пераста «живут вольные люди, которые называются черногорцы. Те люди веры христианской, языка славянского, и есть их немалое число; никому не служат, временем войну точат с турками, а временем воюются с венетами»¹. В XVIII в. Черногория вела борьбу против локальных османских сил, а в 80-90-е гг. – против опасного врага – шкодринского пашы Махмуда Бушати (Бушатлия), правителя Северной Албании, рассчитывавшего присоединить Черногорию к своим владениям. В результате двух побед при Мартиничах и Крусах (1796 г.) черногорцы, объединившиеся с брдскими племенами^а, добились упрочения своей фактической независимости. Следует сказать, что Черногория в XVI-XVII вв. находилась под верховной властью Османской империи, но пользовалась широкой автономией и сумела сохранить себя как политическое целое, хотя и на очень урезанной территории. В Черногории, считавшейся султанским хасом, не было владений турецких феодалов. Не удалось Порте утвердить в ней османскую административную и судебную системы. В XVII в. черногорцы принимали активное участие в антитурецких войнах на стороне Венеции и Священной лиги (1683-1699 гг.). Единственный признак вассальной зависимости Черногории от Турции в XVIII в. – это чрезвычайно редкая уплата харача (хараджа)², собираемого чаще всего при помощи карательных экспедиций, зачастую неудачных, который скорее следует рассматривать как вынужденный откуп, нежели чем дань. Поэтому мы полагаем, что Черногория уже с начала XVIII в. обладала фактической независимостью. Несмотря на фактическую независимость, Черногория не получила международного признания и не имела точно зафиксированных границ, а Османская империя продолжала считать ее частью своих владений. Постоянная военная угроза со стороны соседних турецких пашей, набе-

^а Брда состояла из семи племен: Белопавличи, Кучи, Пипери, Морача, Васоевичи, Ровци, Братоножичи.

ги на ее территорию создавали крайне неблагоприятные условия для общенационально-экономического и политического прогресса черногорского народа.

Ранее входившие в состав Зеты (область средневекового сербского государства, которой принадлежала основная часть территории Черногории³) равнины в районе Подгорицы, Никшича и др. были отторгнуты турками в ходе завоевания Балкан. После Пожаревацкого мира (1718 г.) отошли к Венеции, а затем в конце XVIII в. – к Австрии приморские общины Грбаль, Побори, Маине, Браичи, в результате чего Черногория лишилась выхода к морю. Однако черногорцы продолжали считать эти земли, как и расположенную на адриатическом побережье Боку Которскую, своими и не раз делали попытки добиться их включения в состав своего государства. Население этих областей венецианского, а затем австрийского Приморья (1797 г.) поддерживало самые тесные и многосторонние связи с черногорцами.

В рассматриваемый период Черногория была одной из наиболее отсталых стран Балканского полуострова. Зажатая в горах на небольшой территории, она не имела в достаточной степени ни материальных, ни людских ресурсов для экономического развития. Вплоть до 1878 г. в Черногории не было городов, ее административным и религиозным центром было Цетинье, которое и в 30-40-х гг. XIX века являлось небольшим поселением, состоящим из монастыря и нескольких десятков небольших строений. Основная часть населения страны жила в маленьких селах, расположенных в речных долинах или на склонах гор.

Точных данных о численности населения Черногории рассматриваемого периода нет. Но на основе некоторых, иногда разноречивых сведений можно заключить, что к середине XVIII века в стране приблизительно проживало 30-35 тысяч жителей, в конце XVIII - начале XIX в. число ее жителей не превышало 45-55 тыс. человек. В 1822 г., по оценке духовного и светского правителя Черногории Петра I Негоша, население Черногории и Брды насчитывало 80 тыс. человек, а в 30-х - начале 50-х годов численность населения, по различным данным, колебалась от 85 до 135 тыс. жителей⁴.

Территория Черногории включала 4 нахии (области): Катунскую, Риечскую, Црмницкую и Лешанскую. Это были исконные черногорские земли, так называемая Старая Черногория. Катунская нахия (объединившаяся в 1790-е гг. с Пешивачской) являлась наибольшей по территории, но экономически самой бедной. Наиболее обеспеченной материальными и природными ресурсами являлась Риечская нахия.

В каждой нахии в Черногории, кроме Лешанской, было несколько племен^b, а всего в Черногории их насчитывалось 24⁵. Черногорское племя «означает не что иное, как часть нахии или кнежина в Сербии, которые только по размеру

^b Не останавливаясь на сложной и дискуссионной проблеме этногенеза черногорских племен, отметим только существование двух противоположных взглядов на этот вопрос. Согласно мнению П.А. Ровинского, Й. Цвийича, Й. Ерделяновича, черногорские племена вели свое начало от родоплеменного строя древних славян. Другие историки – К. Иречек, И. Шуфлай, Б. Джуржев – считали, что черногорские племена являются поздним образованием и возникли из скотоводческих влашских поселений – катунов, которые получили новую жизнь после турецкого завоевания, когда прежние катуны начинают обозначать термином «племена». Изменение в терминологии – переход от катуна к племени – означает этап в славянизации потомков исконного балканского населения. Именно в это время благодаря экономической отсталости Черногории, ее

и численности населения намного превышают черногорские племена», – говорится в «Сербском словаре», составленном знаменитым сербским ученым и просветителем Вуком Стефаном Караджичем⁶. Племя объединяло в своем составе довольно обширную группу населения, живущего на одной территории, но, что особенно важно, не связанного между собой кровным родством, что сумел установить еще П.А. Ровинский. Племя Негушей, например, состояло из переселенцев Герцеговины, Боснии, Приморья, которые слились со старожилами⁷. Черногорское племя отличалось от классического родового связью на основе общей территории, а не кровного родства, отсутствием коллективного труда всех членов племени, наличием социального и имущественного расслоения. Вместе с тем слабое развитие производительных сил, жизнь в примитивных условиях, отрыв от внешнего мира – все это способствовало сохранению некоторых племенных обычаев, например, кровной мести. Племенная организация удерживалась в Черногории долго, но ее внутреннее содержание имело мало общего с племенами, существовавшими в эпоху первобытнообщинного строя. Таким образом, черногорский союз племен не был тождественен союзу племен, описанному Ф. Энгельсом и означавшему начало разрушения родовой организации и «зарождающееся государство»⁸. Основу союза черногорских племен составляло не кровное родство, что является специфической чертой доклассовой организации общества, а общность территории – один из критериев наличия государственной организации. Черногорское племя было административно-территориальной единицей, и поэтому существование в стране племенной организации являлось одним из факторов, участвовавших в процессе создания общегосударственных учреждений, формировании аппарата по управлению страной⁹.

Внутри племен существовали тесно связанные группы с более реальным родством, к их числу относились братства. Братство включало в себя группу семей одного происхождения^с, которая «с точностью почти исторической знает своего предка и свое начало»¹⁰, хотя единый предок мог быть и вымышленным. Территориально братство занимало определенную часть села (большую или меньшую, в зависимости от его численности), оно имело своего главу, свой сход, иногда церковь. Экономически братства были связаны между собой, имея свои угодья, каждое из них эксплуатировало и общинные земли, принадлежавшие всему племени. Институт братства существовал с давних времен. С середины XIX века, по мере укрепления центральной власти, патриархальные пережитки постепенно начинают ослабевать, а роль братств в жизни черногорского общества постепенно снижается. Сами же братства трансформируются из общины с родовыми чертами в соседскую, территориальную.

изоляция от внешнего мира произошла регенерация в общественной жизни патриархальных остатков. // См. обзор точек зрения об этногенезе племенной организации: *Павићевич Б.* Стваранье Црногорске државе. Београд, 1955. С.10-14. О катунах и племенах см. также: *Андрияшевич Ж.М.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн // История Черногории с древнейших времен до 2006 года. Подгорица, 2009. С.39-42; *Чиркович С.М.* История сербов. М., 2009. С.168-169.

^с Внутри братств существовал обычай, который строжайше соблюдался. В соответствии с ним члены братства не могли вступить в брак до седьмой степени родства по нисходящей линии, поэтому семейные браки внутри братства были исключительно редкими (*Медаковић М.* Живот и обичаи Црногораца. Нови Сад, 1860. С.78).

В Черногории преобладали малые семьи, но имелись и большие – кучи¹¹. Они обычно состояли из отца с женатыми сыновьями или нескольких братьев с семьями. Численность таких семей достигала 20-30 человек. Ее главой мог быть не обязательно самый старший по возрасту мужчина, а наоборот, наиболее представительный и рассудительный. Жене такого главы семейства подчинялись все остальные женщины¹².

Эти семейные единицы имели свое движимое и недвижимое имущество. Правовые нормы владения и использования недвижимой собственности первоначально регулировались обычным правом, а позже – законодательными актами. Развитие товарно-денежных и частнособственнических отношений приводило к тому, что большие семьи стали распадаться. Законник 1798 г. зафиксировал право «прече купе» (преимущественной покупки) недвижимого имущества родственниками и ближайшими соседями владельца, и местные органы власти тщательно следили за соблюдением этого законоположения¹³. В первой половине XIX в. распространенным явлением была купля-продажа баштины – семейного наследственного надела земли. Попытка государственной власти, заинтересованной в сохранении крепкого платежеспособного коллектива, законодательно воспрепятствовать этому процессу в 1855 г. закончилась неудачей¹⁴.

Общественно-экономическая структура Черногории XVIII - середины XIX в. представляла собой сложное переплетение феодальных отношений, существовавших на церковных землях, с довольно многочисленными остатками родоплеменных обычаев с одной стороны и проникавшими элементами товарно-денежных отношений – с другой.

Имеющиеся довольно скудные сведения об экономике Черногории XVIII - 50-х гг. XIX века позволяют определить ее как страну типично сельскую, в которой развивались все отрасли сельского хозяйства: земледелие, скотоводство, овощеводство, виноградарство, садоводство, пчеловодство и пр. Хорошо знавший Черногорию российский эмиссар, дипломат С.А. Санковский замечал в начале XIX в., что «черногорцы и бердяне суть вообще пастухи и земледельцы, и на сих сельских трудах единственно основан их достаток»¹⁵. О сохранении сельскохозяйственной ориентации экономики страны сообщали позже, в 30-40-е годы, русские представители в Черногории и дипломаты (Я.Н. Озерецковский, Е.П. Ковалевский, И.М. Гагич и др.)¹⁶, об этом же свидетельствуют сохранившиеся черногорские документы¹⁷.

В рассматриваемый период экономика Черногории чрезвычайно страдала из-за малого количества пригодных к сельскохозяйственной обработке земель. По меткому замечанию Е.П. Ковалевского, Черногория «подвергалась опасности задохнуться в своих горах»¹⁸. Русский ученый, публицист-славянофил Ф.В. Чижов, посетивший Черногорию в 1843 г., отмечал, что «если бы беспрестанные сшибки с турками не уменьшали народонаселения, тогда менее нежели в десять лет оно увеличилось бы до такой степени, что им негде было бы жить, не только нечем питаться»¹⁹.

Черногорские крестьяне были лично свободными и владели наследственно небольшими участками земли в 1-3 рала (0,18-0,5 га), обрабатывавшимися усилиями индивидуальных семей. Наряду с частной формой владения землей существовало и общинное землепользование (коммунице). К общинным землям относились пастбища, леса, луга, крупные водо-

емы, принадлежавшие всему племени. В действительности же пастбища в большей степени использовались племенными старейшинами (сердары, воеводы, кнезы), имевшими большее поголовье скота.

Довольно крупным феодальным собственником, разумеется по черногорским масштабам, была церковь. Монастыри, в особенности Цетинский, различными способами (покупка, дар, залог, завещание и др.) присваивали движимое и недвижимое имущество населения²⁰. Такая политика упрочивала положение церкви в государстве и позволила Цетинской митрополии стать политическим и административным центром страны. Монастыри имели зависимых крестьян, которые выполняли различные феодальные повинности (отрабочная и натуральная рента)²¹. Кроме земель Цетинский монастырь владел крупными стадами домашнего скота, имел несколько мельниц и получал доходы с принадлежавших ему запруд в устье реки Црноевича. Доходы митрополии, например, при Петре I Негоше достигали суммы в 12 тысяч гульденов (1 гульден – 60 копеек серебром)²². Сам митрополит Петр I Негош только от монастырских земель на австрийской территории (они подчинялись ему в силу церковного права) имел ежегодный доход в 8000 форинтов²³. Его преемнику Петру II Негошу недвижимое имущество церкви и другие доходы приносили ежегодную сумму в 3 тысячи червонных²⁴. В 50-е годы XIX в. в Черногории насчитывалось 10 монастырей, 150 церквей и 400 священников²⁵, а в начале 1830-х гг. их было около 200 человек²⁶. Священники владели земельными наделами и домашним скотом. Если в почти бесплодной Катунской нахии большинство крестьян имело от 1 до 3 рал пахотной земли, то у священников было от 5 до 12 рал, от 5 до 40 овец, от 2 до 6 коров. В Црмницкой нахии, с ее плодородной землей, священники владели участками от 10 до 20 рал, имели по 20-60 овец, а также виноградники и пчелиные улья²⁷. Кроме того священники торговали скотом, рыбой, иногда занимались предпринимательской деятельностью. Так, Вук Караджич, посетивший в 1834-1835 гг. Боку Которскую и Черногорию, замечал, что в Цетинье один из священников содержал постоялый двор, и его можно было видеть с пистолетом за поясом, между тем как рубье висело на стене, наливающим своим гостям вино и водку²⁸.

Расширение монастырского землевладения происходило и за счет покупки земельных наделов у сельского населения. Обезземеливание крестьян наталкивалось на ответное сопротивление. Так, в 1806 г. крестьяне Катунской нахии (племя Цекличей) отказались от условия аренды земельного надела Цетинского монастыря и препятствовали другим арендовать эту землю. Монастырь вынужден был уступить и продал, правда за весьма крупную сумму, эту землю цекличам²⁹. Но подобные случаи были единичны, церковь на протяжении XVIII - первой половины XIX века производила весьма интенсивную скупку земель, и в этом от нее старались не отставать старейшины, в особенности такие известные и влиятельные фамилии Черногории, как Петровици, Радоници, Вукосавовичи, Калуджеровичи, Церовичи и др. Так, например, Марко Вукосавович, а затем его сын, Црмницкий воевода Богдан, со второй половины XVIII в. и до второй половины XIX в. заключили свыше 100 сделок по приобретению недвижимости³⁰. Во второй половине XVIII в. семья губернатора Й. Радонича, кроме земельной собственности в Черногории, имела поместье в венецианских владениях и держала там зависимых крестьян³¹.

В XVIII - 50-х гг. XIX века процесс имущественной дифференциации шел по восходящей линии, по линии роста антагонизма между свободными крестьянами-общинниками, составляющими подавляющую часть населения Черногории, и старейшинской верхушкой. Например, в Цуцах (Катунская нахия) племенные старейшины владели пятой частью всей обрабатываемой земли. В Белице (Катунская нахия), где все население имело не более 80 рал обрабатываемой земли (около 15 га), а 20 семей вообще не владело ею и жило исключительно скотоводством, влиятельное семейство Миличей владело 30 ралами земли (5,5 га)³², и подобное не было исключением, а наблюдалось практически повсеместно.

Немногочисленный, но особый слой составляло в Черногории высшее духовенство, в то время как низшее сливалось с крестьянской массой. Старейшинская верхушка, православные иерархи (а с 1852 г. к ним добавились князь и его двор) – все они в той или иной степени пользовались привилегиями и эксплуатировали крестьянство полуфеодальным-полупатриархальным способом. Войны и постоянные вооруженные конфликты с Османской империей в значительной мере сдерживали правящие силы и не давали им возможности усилить эксплуатацию крестьян-общинников, представлявших социальную основу освободительной борьбы. Вместе с тем так или иначе старейшинский слой присваивал себе значительную часть всего производимого в стране.

Главным сельскохозяйственным продуктом Черногории являлась кукуруза, за ней следовали пшеница, рожь, ячмень, овес. Из России митрополитом Петром I Негошем был завезен картофель, выращивались также лук, фасоль, капуста. Домашний скот в основном состоял из овец и коз, лошадей и быков было сравнительно мало. В производстве сельскохозяйственной продукции существовала определенная специализация. Так, жители Катунской нахии, отличавшейся бесплодной почвой, занимались преимущественно скотоводством, а в Риечкой, Црмницкой нахиях, где было больше пригодных для обработки земель, развивалось главным образом земледелие. Жители этих нахий вели торговлю продуктами земледелия не только на черногорских, но и на турецких и австрийских базарах. В целом по Черногории плодородных земель все же было явно недостаточно, и крестьянам часто не хватало хлеба до нового урожая. В этом случае черногорцы были вынуждены закупать хлеб за пределами страны, что практически всегда вызывало затруднения из-за отсутствия финансовых средств в нужном размере и нередкого закрытия границ соседними венецианскими, турецкими, а затем и австрийскими властями. Голод был частым гостем в Черногории. Так, в 1760-е годы жители самой бедной Катунской нахии в голодные годы были вынуждены отдавать своих женщин – жен, дочерей или снох – никшицким туркам за хлеб, чтобы избежать от голодной смерти остальную семью³³. Сельское хозяйство наряду с рыболовством в Скадарском озере являлось важнейшей статьей доходов для черногорцев. В XVIII в. черногорцы употребляли в пищу больше рыбы, чем хлеба.

В первой половине XIX века голод свирепствовал повсеместно в 1817, 1819-1820, 1823-1827, 1830-1837, 1846 годах³⁴. В это время многим черногорским семьям приходилось есть траву и корни, муки голода к тому же часто усугублялись эпидемиями чумы и холеры. По большей части поваль-

ный голод, грозивший истребить все население страны, а не извечная тяга к грабёжам, заставлял черногорцев добывать себе хлеб насущный путем угона скота из османских, венецианских и австрийских земель, нападений на турецкие и венецианские караваны, отчего страдало мирное население и обострялись отношения Черногории с соседними землями. Разумеется, далеко не изжитые в черногорском обществе анархия и безначалие также являлись причиной этих грабительских набегов.

География этих набегов была весьма широка и распространялась на Герцеговину, Боснию, Северную Албанию и Боку Которскую. Чаше черногорцам удавалось похитить несколько сотен голов скота, но случалось, что эта цифра доходила до 20 тысяч³⁵. Черногорцы считали этот разбой оправданным, так как они зачастую угоняли скот с ранее принадлежавших им земель, с потерей которых они не склонны были мириться. По мере укрепления централизованной власти принимались меры, в том числе и законодательные, для прекращения разбойничьих набегов с целью угона скота как на территории самой Черногории, так и за ее пределами. Соответствующие статьи Законника 1798-1803 гг. и Законника князя Данилы 1855 г. предусматривали похитителям скота самые суровые меры наказания, вплоть до смертной казни.

Занятию земледелием препятствовал не только недостаток плодородных земель, но и частые вторжения внешних врагов с турецких владений, в ходе которых уничтожались и без того небольшие посевы сельскохозяйственных культур. В начале XIX в. С.А. Санковский информировал российский МИД о том, что «когда черногорцы в сих местах идут обрабатывать землю, то все оные хозяева собираются вместе и принимают нужные меры предосторожности, дабы не быть атакованными»³⁶. Особенно часто такое наблюдалось в приграничье, например, под Служем, где в 30-е гг. XIX в. черногорские поля и поля турецких владений находились друг от друга на расстоянии ружейного выстрела. Аналогичная ситуация была и в предшествующие, и в последующие десятилетия, о чем неоднократно сообщали в Петербург русские представители в Черногории и дипломаты.

В борьбе с голодом в конце 30-40-х гг. большую роль сыграла русская безвозмездная помощь Черногории зерном (около 2 тысяч тонн), которую в 1838 г. согласилось предоставить русское правительство в ответ на просьбу Петра II Негоша. Именно она, как замечает Б. Павичевич, помогла жителям Черногории перенести страшный голод 1846 г.³⁷

Кроме земледелия в Черногории было развито скотоводство отгонно-пастбищного типа, чему в немалой степени благоприятствовали горные условия страны. За право пользования пастбищами и водоемами нередко возникали столкновения, начавшие утихать по мере укрепления государственной власти, выступавшей в качестве арбитра в этих спорах. Важную статью доходов населения составляло рыболовство. Так, в Риечской нахии, расположенной близ Скадарского озера, ловили большое количество рыбы (до 500 тонн в год), часть которой продавали в Приморье и даже экспортировали в Италию³⁸.

В Черногории, как и в других балканских землях, где общественная жизнь сохраняла черты общинного быта, издавна существовали такие формы ведения хозяйства, как «моба», «спрег», «супон», «узаймица»³⁹. Под

«мобой» подразумевалась коллективная помощь семьям, не справлявшимся с сельскохозяйственными работами. «Спрег» являлся формой помощи рабочим скотом на условиях отработки. Совместная пастьба скота называлась «супоном», а «узаймица» – это заемный труд, при котором расчет производится по принципу работника за работника, день за день. Выпас скота в Черногории производился на основе двух форм взаимоотношений: «наполицы» и «кесима». В первом случае владелец скота получал от пастуха половину приплода и настрига шерсти. Кроме того, пастух возмещал хозяину деньгами или натурой (маслом, сыром) часть стоимости молока, полученного за время выпаса стада. При «кесиме» пастух нес полную ответственность за убыль скота и обязан был вернуть его владельцу недостающее количество животных либо возместить ущерб деньгами. Отдавая собственнику скота определенное договором или обычаем какое-то количество сыра, масла или денег, пастух при этом имел право полностью распоряжаться приплодом⁴⁰. Старейшины, которые располагали большим количеством земли и скота, использовали некоторые из этих обычаев в своих интересах. Так, например, при «мобе» и «супоне» крестьяне за угощение или небольшую плату обрабатывали земли «главарей» и пасли их скот, что представляло собой замаскированную форму эксплуатации старейшинским слоем беднейших крестьян.

В стране не было городов, и ремесленное производство не могло получить должного развития. Но все же черногорцы знали «кузнечное и слесарное мастерство, служащее для починки ружей»⁴¹, в селах имелись мастера по изготовлению деревянных инструментов и посуды. Однако в целом черногорцы, предпочитавшие быть воинами, относились к ремеслу с пренебрежением. О портном они с насмешкой говорили, что он занимается женской работой, каждого кузнеца называли цыганом, и даже столь нужный оружейный мастер не пользовался в черногорской среде почетом⁴². Ремесленничество носило сезонный характер, в основном им занимались после окончания сельскохозяйственных работ. Чаще всего доходы от ремесла не могли обеспечить более или менее сносное существование, поэтому его приходилось совмещать с земледелием и скотоводством. Ремеслом занимались в основном выходцы из близлежащих турецких и австрийских земель (Сев. Албания, Бока Которская). Наибольшее число ремесленников (оружейники, плотники и пр.) было сосредоточено в торговом центре Риека Црноевича⁴³. В Ровцах (Брда) в малом количестве производили порох⁴⁴. Преобладание натурального хозяйства приводило к тому, что каждая крестьянская семья производила почти все необходимое для жизни. Черногорцы сами строили свои незамысловатые жилища, «которые хотя и каменные, но без извести и окон... черногорцы делают оное с умысленной бережливостью, потому что при разных нашествиях на них турецких превосходящих сил были всегда их дома до основания разорены», – отмечал С.А. Санковский⁴⁵. Дома черногорцев часто были построены с бойницами и располагались или впритык, либо близко друг к другу для взаимовыручки при нападении. В возвышенном месте дома иногда имели два яруса, в нижнем содержался домашний скот⁴⁶. В таких условиях жили простые черногорцы. Процесс имущественного расслоения, набиравший силу в первой половине XIX в., приводил к тому, что уровень жизни черногорских старейшин был, разумеется, выше,

чем у рядовых черногорцев. Известный русский историк, этнограф и журналист Н.И. Надеждин, посетивший в 1841 г. Черногорию, побывал в гостях у сердара Црмницкой нахии Йоко Пламенаца, жившего в четырехэтажном доме, обставленном по европейским стандартам того времени, с прислугой из иностранцев⁴⁷. Тем не менее даже среди черногорской верхушки подобное встречалось в единичных случаях. По общепринятым европейским понятиям того времени имущественная дифференциация в черногорском обществе была весьма незначительной.

О каком-либо масштабном развитии производства в Черногории рассматриваемого периода говорить не приходится, оно отсутствовало. Вместе с тем нужды обороны страны требовали большого количества боеприпасов и вооружения, закупать которое за пределами Черногории было накладно, а зачастую и невозможно вследствие закрытия границ с австрийскими владениями, где и покупалось оружие. Поэтому еще в 1800 г. в Черногории с помощью России пытались создать специализированное предприятие по производству боеприпасов. Россия должна была помочь в этом деле инструментом и денежным займом⁴⁸. В то время осуществить этот проект не удалось, но позже, в 1838 году, русский горный инженер Е.П. Ковалевский основал на Риеке Црноевича мастерскую по производству пороха, начавшую функционировать в 1846 году⁴⁹. Ее производственные мощности были не в состоянии полностью удовлетворить военные потребности страны, поэтому Петр II Негош намеревался расширить мастерскую, превратив ее в небольшую фабрику по производству боеприпасов и вооружения, поставив во главе предприятия специалиста из Англии⁵⁰.

В 20-30-е гг. XIX в. в некоторых районах Черногории (Црмницкая нахии и др.) было налажено небольшое ремесленное производство по выпуску древесного угля, предназначенного исключительно для экспорта. Кроме того, было налажено производство черепицы и досок, которые с успехом продавались в турецких и австрийских владениях⁵¹. Все же подобные явления наблюдались в экономике страны крайне редко и экономический эффект от них был незначительный.

После вторичной поездки Петра II Негоша в Россию (1837 г.) черногорский правитель приложил большие усилия к тому, чтобы при помощи технических средств каким-либо способом улучшить материальное положение народа. Источники пресной воды в условиях интенсивного занятия черногорцев скотоводством часто являлись предметом межплеменных споров и ссор. Понимая значимость этой проблемы, Петр II Негош закупил оборудование и нанял специалистов по бурению артезианских скважин, вскоре было построено несколько колодцев с артезианской водой⁵². Почти одновременно было построено несколько мельниц, как ветряных, так и водяных, последние строились на небольших речках и горных потоках. Строительство мельниц продолжалось и в дальнейшем. Большинство из них находилось в частной собственности митрополита Петра II (а впоследствии – князя Данилы), старейшин и монастырей⁵³.

Слабое развитие производительных сил, отсутствие каких-либо значительных природных, материальных и людских ресурсов, постоянная внешняя опасность и внутренняя нестабильность – все это предопределяло общую экономическую отсталость Черногории, где промышленное

производство не могло получить развития, а ремесло в основном носило кустарный характер.

Развитие товарно-денежных отношений вело, хотя и медленно, к формированию внутреннего рынка. В рассматриваемый период в Черногории постоянно функционировали три крупных базара (Риека Црноевича, где в 1852 г. насчитывалось 60 домов, больше чем в Цетинье, а также Вирпазар и Прентина Главица), все более принимавших вид торговых поселений. Они имели значение не только для черногорцев, но и для жителей соседних австрийских и турецких областей, об этом свидетельствует тот факт, что временное закрытие границ вызывало беспорядки среди населения из-за отсутствия черногорских товаров⁵⁴. Наиболее крупная торговля велась на Риеке Црноевича, где продавали оружие, порох, текстильные изделия и пр. Побывавший здесь в 1838 г. Е.П. Ковалевский считал, что годичный денежный оборот на этом рынке составляет сумму в 15 тысяч рублей⁵⁵. Для удобства продавцов и покупателей торговля на этих базарах велась не одновременно, а в различные дни недели. О том, какое значение придавалось внутренней торговле, свидетельствует ст.19 Законника 1798-1803 гг., по которой виновные в организации беспорядков на базаре предавались суду с последующим наказанием по аналогии с преступниками, учинившими беспорядки в церкви.

Вместе с тем экономика Черногории и в XIX веке в значительной степени зависела от внешних рынков, расположенных в австрийских и турецких владениях. В зависимости от географического положения жители различных нахий отдавали предпочтение тем или иным торговым центрам. Население Катунской нахии, например, было сориентировано на рынки Котора и Рисана. Жители Црмницкой нахии предпочитали вести торговлю с Будвой, Баром, Улцином и Шкодрой. Племена Брды (Кучи, Пипери, Белопавличи) занимались торговыми сделками на базарах Подгорицы, Спужа, Колашина и т.д.⁵⁶ На внешних рынках черногорцы продавали домашний скот (овец, коз, свиней), птицу, копченую рыбу и вяленое мясо, кожи, шерсть, сало, масло, сыр, мед и воск, картофель, капусту и фасоль. В урожайные годы на продажу шла пшеница и кукуруза. Кроме того, черногорцы на турецких и австрийских базарах вели торговлю строевым лесом, досками, древесным углем, дровами и т.д. В свою очередь черногорцы закупали и ввозили в страну железо и железные изделия, медь, доски, соль, рис, кофе и сахар, вина и водку, оливковое масло, холст, писчую бумагу и т.п. Помимо этого, на внешних рынках черногорцы приобретали оружие и боеприпасы, а в неурожайные годы – зерно, настолько, насколько позволяли скудные финансы.

Внешняя торговля Черногории развивалась быстрее и эффективнее внутренней. Уже в начале XIX в., по данным В.Б. Броневского, на рынки Котора ежегодно вывозилось из Черногории и Герцеговины 110000 овец и коз и 15000 быков и свиней. Непосредственно Черногория поставляла туда же каждый год 15000 пудов сыра⁵⁷. Сам Петр I Негош поддерживал личные тесные деловые связи с зажиточными и влиятельными православными торговцами из Спужа и Подгорицы, что способствовало проведению торговых операций на рынках этих городов. Черногорские торговцы не располагали большими капиталами и поэтому довольно часто созда-

вали торговые товарищества с купцами из австрийских Котора и Рисана, предоставлявшими им денежный кредит. В 20-х гг. XIX века в Черногории было создано торговое общество, занимавшееся экспортом сушеной рыбы в Италию через посредников из австрийского Приморья⁵⁸. В 1829 г. крупная партия картофеля (24 тысячи кинталов) была продана черногорскими торговцами в Которе⁵⁹, что свидетельствует как о росте торговли, так и об определенном улучшении жизни народа, хотя бы и на короткий период.

В 30-50-е годы XIX в. внешняя торговля Черногории развивалась по восходящей линии, увеличивался ее объем, расширялся, хотя и ненамного, ассортимент продаваемых товаров. Завершившееся в 1841 г. разграничение между Черногорией и Австрией сняло в известной мере остроту австро-черногорских противоречий, что положительно сказалось на развитии торговли. В начале 40-х годов из Черногории в Боку Которскую ежегодно вывозилось около 40 тысяч овец и коз и до 20 тысяч кантаров (около 1120 тонн) соленой рыбы, а также значительное количество сельскохозяйственной продукции (продукты животноводства, овощи, дрова, строевой лес и пр.). Черногорские продукты стали играть заметную роль в снабжении населения Боки Которской (Котор, Рисан, Будва), а также размещенных там австрийских гарнизонов, поэтому австрийские власти в 1846 г. отменили взимание пошлин на ввозимые из Черногории мясо, сыры, рыбу и овощи, рассчитывая тем самым помешать их вывозу на турецкие рынки⁶⁰.

Австрийские статистические данные за 1844-1850 годы свидетельствуют, что Черногория в эти годы вывезла на близлежащие рынки Далмации (Будва, Котор, Рисан) своей продукции на сумму в 30 тысяч 893 гульденов, а ввезла оттуда на 49 тысяч 940 гульденов⁶¹. Заметное превышение импорта австрийских товаров над экспортом своих черногорские торговцы с успехом компенсировали транзитной торговлей через Далмацию с другими соседними областями (Герцеговина, Санджак и др.). В те же годы (1844-1850 гг.) транзитом было вывезено черногорской продукции на сумму в 709 тысяч 295 гульденов, а ввезено на 185 тысяч 173 гульдена. Таким образом, за 7 лет положительное сальдо черногорской транзитной торговли через Далмацию составляло 524 тысячи 122 гульдена⁶².

Развивались в 30-50-х гг. XIX века и торговые связи с близлежащими городами, расположенными в турецких владениях (Спуж, Шкодра, Подгорица), где черногорцы ежегодно закупали в значительном количестве пшеницу и кукурузу, а также 40-50 центов (1 австрийский цент – 56 кг) соли⁶³. Довольно частые военные конфликты нарушали торговлю, приводили к закрытию границ, что приносило ущерб не только черногорцам, но и североалбанским купцам. Так, например, в 1836 г. из-за запрета продавать соль черногорцам только шкодринские купцы потерпели убыток в 60 тысяч форинтов⁶⁴. Снабжение населения хлебом было одной из основных проблем Черногории, особенно в неурожайные годы. Хлеб черногорцы закупали в основном на рынках Северной Албании (Шкодра, Беране и др.). Однако массовый вывоз хлеба приводил к росту цен на него, а это вызывало естественное недовольство местного населения. Поэтому меджлис Шкодры наложил запрет на продажу зерна черногорцам, строго соблюдавшийся все 50-е годы XIX в., и лишь по ходатайству русского консула в Шкодре А.Е. Сученкова запрет на вывоз хлеба в Черногорию несколько

раз снимался. При этом погрузка зерна происходила исключительно ночью или ранним утром, чтобы избежать ропота среди мусульман. В 1860 г. при содействии русской дипломатии власти Черногории добились от Порты указа, разрешавшего черногорцам беспрепятственную закупку хлеба в пограничных областях Шкодринского пашалыка и Герцеговины, но и после этого местные торговцы в Шкодре и Гусинье не решались продавать зерно черногорцам, опасаясь мести мусульман. И только благодаря стараниям А.Е. Сученкова, добившегося от шкодринского генерал-губернатора Абди-паши рекомендательных писем для черногорцев на покупку хлеба в Дурресе, Тиране, и Охриде, черногорцам удалось закупить зерна на 30 тысяч пиастров и доставить его в марте 1860 г. в княжество⁶⁵.

Развитию внутренней и внешней торговли долгое время препятствовало отсутствие проезжих дорог, что не позволяло развиваться гужевому транспорту. Достаточно сказать, что первая повозка появилась в Черногории лишь в 1748 г., она использовалась в хозяйстве Цетинского монастыря⁶⁶.

После возвращения из России (1837 г.) и получения денежной помощи Петр II Негош сумел организовать строительство гужевых дорог. В 1844 г. было завершено строительство дороги, соединившей Цетинье с Риекой Црноевича, а вслед за тем с Котором, что значительно облегчило экспорт черногорских продуктов и иных товаров в австрийские владения. В начале 50-х годов XIX в. из-за обострения черногорско-турецких отношений резко сократились торговые связи с герцеговинско-боснийскими и североалбанскими рынками, зато значительно возросла торговля с Далмацией. При князе Даниле в 1852 г. были установлены таможенные тарифы на ввозимые и вывозимые, а также транзитные товары, что обособляло черногорский рынок из австрийского и турецкого хозяйственного комплекса. Вместе с тем в 1854 г. был разрешен беспрепятственный ввоз тех промышленных изделий, на которые существовал спрос в Черногории⁶⁷.

В 50-е годы XIX в. черногорское правительство и князь Данило начинают активно вмешиваться в торговые дела и экономику страны. Правительство регулирует экспортные и импортные операции, отдает на откуп небольшой группе торговцев-откупщиков торговлю солью, алкогольными напитками, табаком и пр. Сбор торговых пошлин также попадает в руки откупщиков⁶⁸.

Откупные операции приносили весомую прибыль влиятельным старейшинам, родственникам князя, его приближенным, среди которых выделялись дядья князя Данилы – Перо Томов и Г. (Дж.) Савов Петрович, «капетан» П.М. Миошкович и др. Перо Томов, являясь братом митрополита Петра II и президентом Сената, наряду со своим отцом Томо Марковым и другими родственниками еще с 30-х гг. играл видную роль в экономической жизни страны. Используя родственные связи, препятствуя торговым операциям других черногорцев, он сумел завладеть монополией на торговлю солью и рыбой. Имея в своем распоряжении склады для хранения соли, Перо Томов вел ее успешную торговлю не только в Черногории, но и Герцеговине. После его отстранения от власти с середины XIX века господствующее положение в экономике страны переходит к брату князя Данилы, воеводе и президенту Сената Мирко Петровичу, наживавшему большие барыши от хлебной торговли и владевшему рядом мельниц в Риеке Црноевича⁶⁹.

Развитие товарно-денежных отношений, увеличение потребности населения в деньгах, в том числе крестьянства (особенно в неурожайные годы) – все это при отсутствии системы государственного кредита привело к довольно широкому распространению в Черногории ростовщичества, ставшего особенно заметным явлением с начала 30-х гг. XIX века. Многие черногорские старейшины ссужали своих соплеменников деньгами или натурой. Они брали в залог землю должников (ипотека). В качестве залога черногорцы также отдавали дорогое оружие, которое взаимодавец обычно использовал до возвращения долга как свое. Даже самому митрополиту Петру II Негошу и Сенату деньги ссужались под заклад⁷⁰. Известны случаи, когда заимодавец получал двойную сумму от ростовщической операции, хотя чаще всего годичный процент, уплачиваемый за заем, колебался в промежутке 10-20%⁷¹. Попытки правительства законодательно ограничить сумму прибыли 6%, а также многократные увещевания морального порядка на практике оказались малоэффективными в борьбе с ростовщичеством.

С конца XVIII в. в Черногории постепенно начинает формироваться и развиваться государственная финансовая система, причем долгое время доминирующую роль играла денежная помощь на государственные нужды со стороны России. В конце 30-х гг. XIX в. государственные доходы Черногории составляли около 60 тысяч форинтов. Из этой суммы около 40 тысяч составляла русская денежная помощь, а остальные доходы поступали из налогообложения и из монастырских хозяйств. Государственные расходы составляли около 35 тысяч форинтов. Основная часть расходов приходилась на выплату жалования гвардии (12 тысяч форинтов), затем следовали расходы владыки Петра II Негоша (6 тысяч форинтов), содержание Сената обходилось в сумму около 4 тысяч форинтов, на строительство (6 тысяч форинтов), расходы на школу (4 тысячи форинтов)⁷². Таким образом, профицит бюджета Черногории составлял около 25 тысяч форинтов.

В 40-е годы XIX в. финансовая ситуация станет иной. Государственные доходы в 1847 г. составляли 68 тысяч 500 форинтов, а расходы – 88 тысяч форинтов⁷³. Таким образом, теперь уже возник дефицит бюджета в 19 тысяч 500 форинтов. Это объясняется тем, что возросли расходы на содержание государственного аппарата (Сената, воевод, «капетанов», перяников, гвардии, численность которой возросла с 300 до 800 человек), а также «на содержание двора» митрополита Петра II Негоша.

Налоги с населения возросли в 1847 г. до 20 тысяч форинтов. Если Петру I Негошу не удалось ввести налогообложение, поскольку относительно введения налогов черногорцы рассуждали следующим образом: «Если мы захотим платить подати, то будем платить их туркам, тогда не нужно будет с ними биться»⁷⁴, то его преемник митрополит Петр II Негош в 1838 г. все же ввел трехстепенное налогообложение (1, 2 и 3 форинта с дома), которое осуществлялось нерегулярно. Регулярный сбор налогов начался лишь после победы над племенным сепаратизмом и укрепления центральной власти при князе Даниле.

Подводя итоги, отметим, что Черногория рассматриваемого периода в социально-экономическом отношении была крайне отсталой страной. Наличие родоплеменных черт в социальной структуре, изолированность страны, ограниченность земельного фонда, отсутствие промышленности и

слабое развитие ремесел и, как следствие этого, слабое развитие производительных сил – все это негативно сказывалось на экономике Черногории. Устойчивость общинных отношений значительно замедляла прогресс черногорского общества. Развитию феодальных отношений в аграрной сфере препятствовала также постоянная внешняя угроза, лишавшая правящую верхушку возможности интенсивной эксплуатации крестьян-общинников, составлявших социальную основу освободительной борьбы.

Наличие в черногорском обществе значительных следов патриархальных отношений также препятствовало резкому разграничению интересов социальной верхушки и низов, а следовательно, и разделению их на замкнутые социальные категории. Вследствие этого процесс социального расщепления в Черногории, разумеется, имел иные, менее выразительные формы, чем в западноевропейских обществах с их четкостью классовых различий. Однако выделение из крестьянской массы старейшинского слоя, его обособленное положение в социально-экономической жизни страны прослеживалось достаточно четко. Отдельные, слабые, но все же устойчивые с 20-30-х годов XIX в., ростки раннебуржуазных отношений, прежде всего выражаемые в торгово-предпринимательской деятельности значительной части старейшин, пока еще не могли серьезно влиять на социально-экономическую структуру Черногории. Важно также отметить, что появление элементов раннебуржуазных отношений в значительной степени было обусловлено привлечением иностранного капитала в форме кредитов, то есть внешним фактором, а не происходившими внутренними экономическими процессами. Лишь в 80-х гг. XIX в. и позже, уже после того, как независимость Черногории обретет международное признание, а страна окончательно разомкнет изолированность, расширит территорию и получит выход к морю, при сохранении патриархальных пережитков феодальные отношения в аграрном секторе все же станут развиваться интенсивнее, а буржуазные начнут приобретать более отчетливый и разнообразный характер⁷⁵. Заметим, что для Черногории, учитывая ее предыдущее состояние дел в социально-экономической сфере, и это знаменовало значительный прогресс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697-1699. М., 1992. С.118.

² За отсутствием в Черногории собственных денег в XVI-XVIII вв. в качестве платежного средства использовались деньги соседних государств. Под общим названием *золотой дукат* в хождении были венецианские цехины, австрийские или итальянские талеры, турецкие серебряные акчи, а с XVII в. в обиходе были испанские реалы. Налог Порте выплачивался один раз в год, и в 1692 г. он составил 8 тысяч реалов (*Бычков Ю.Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и русско-черногорских отношений. М., 2008. С.64-65). В XIX в. в оборот вошел гульден – голландский серебряный талер, а также австрийский форинт. Недостаток в Черногории пахотных земель заставил султана в 1513 г. отменить налоги, предназначенные для землевладельцев, и объявить черногорцев свободными скотоводами (*филуриджи*). В Османской империи филурию платили в расчете на дом и недвижимое имущество и она составляла 1 золотой дукат (филур). Это распространилось и на Черногорию. Таким образом, харач (подать, которой облагался каждый мужчина-немусульманин) в действительности являлся филурией, но в Черногории для этого налога использовался термин «харач», вошедший

и в историческую литературу. Помимо этого налога черногорцы должны были отработать 15 дней на соляных коях в Грбале, в приморской общине, отошедшей позднее к Венеции. Ввиду малочисленности населения Черногория не приносила Османской империи сколь-нибудь значимых денежных средств. Например, на ежегодный доход, который она получала от Черногории в XVI в., можно было оплатить содержание не более 150 янычаров (*Андрияшевич Ж.М.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн // История Черногории с древнейших времен до 2006 года. Погорица, 2009. С.54-55). Разумеется, сумма налогообложения в XVIII в. должна была вырасти, но поскольку черногорцы чаще всего отказывались от уплаты налога, то султанской казне от них было мало проку. Однако отказ черногорцев от выплаты харача подрывал престиж султана и Порты не только в самой Черногории, но и среди других балканских народов Османской империи. И это заставляло власти империи любым способом с помощью военной силы стараться фактически подчинить себе Черногорию.

⁵ Само название *Черногория* впервые упомянуто в грамоте сербского короля Милутина (1282-1321) Вранинскому монастырю, датированной 1296 г. Географическое понятие «Черногория» появляется в венецианских источниках в середине XIV в. Оно относилось в основном к территории между горой Ловчен и Скадарским озером, горные массивы которой были покрыты густым, темным еловым и сосновым лесом. Отсюда итальянское название Черногории – Монтенегро. Турки называли Черногорию Карадагом.

⁴ Ср. различные данные о численности населения Черногории: *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII вијеку. Београд, 1912. С.42; *Никчевић Т.* Још један француски извештај о Црној Гори са почетка XIX вијека // Историјски записи (далее – ИЗ). 1970. Књ. XXV. Св.2. С.265-276; *Бронеvский В.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818. Ч.1. С.241; *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитака. Београд, 1981. С.252; *Дашић М.* Незаобилазно у историографији Црне Горе. Подгорице, 2003. С.566-567; *Распоновић Р.М.* Дипломатија Црне Горе 1711-1918. Подгорица - Београд, 1996. С.23.

⁵ Во главе нахии был сердар, а племена возглавлялись воеводами или кнезами. Функции сердара и воеводы носили военный характер. Во время военных действий в XVIII в. все черногорское войско, представлявшее из себя народное ополчение, возглавлялось митрополитом и губернатором.

⁶ *Карађуић В.* Српски рјечник. Београд, 1935. С.522-523. Задолго до В. Караджича русский дипломат С.А. Санковский в донесениях в МИД проводил аналогию между племенами и кнежинами // *Достян И.С.* Описание Черногории в донесениях С.А. Санковского // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С.29, 330. В 30-50-е годы XIX в. и другие сербские исследователи, например, М. Попович, именовали черногорские племена кнежинами // *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори. 1833-1851. Београд, 1951. С.61.

⁷ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1897. Т.II. Ч.1. С.131, 135.

⁸ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т.21. С.99, 111.

⁹ Первый русский военный агент в Черногории (1903-1915) Н.М. Потапов и в 1913 г., когда Черногория уже была королевством, отмечал низкую степень развития государственности в Черногории, которая «до сих пор еще переживает в сущности *родовой* (племенной) период», отмечал наличие родоплеменных структур в черногорской армии (*Потапов Н.М.* Руски војни агент у Црној Гори. Подгорица - Москва, 2003. С.657).

¹⁰ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1897. Т.II. Ч.1. С.142.

¹¹ Современный английский историк Норман Дэвис пишет, что ученый мир Запада только недавно, к большому своему изумлению, узнал, что термин «задруга» не что иное, как «академический неологизм» (*Дэвис Н.* История Европы. М., 2004. С.285). Напомним, что термин «задруга», как большая патриархальная семья, впервые ввел

- в научный оборот выдающийся сербский просветитель Вук Стефан Караджич в 1818 г. в своем «Сербском словаре» и, в отличие от западных коллег, об этом всегда знали российские исследователи. Норман Дэвис также замечает, что западная историография без достаточных фактических оснований употребляет термин «задруга» ради того, чтобы показать вековую отсталость Балкан, этого «этнографического музея Европы», и славян в целом, что по сути дела «становится своего рода расистским мифом» (Там же. С.285).
- ¹² *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С.78. Черногорские семьи отличались гостеприимством, гостя всегда принимал главный хозяин дома и обедал с ним в отсутствие других мужчин и женщин, последние принимались за еду только после мужчин. Когда гость при уходе из дома, где он ночевал или обедал, несколько раз салютовал оружейными или пистолетными выстрелами, то хозяин был счастлив, поскольку этим гость показывал свое удовлетворение гостеприимством. Уважительно в Черногории относились и к иностранцам. При проводнике-черногорце по стране можно было путешествовать без страха, а когда один провожатый все же убил иностранца, то за это он поплатился собственной жизнью, так как был убит своим братом за то, что опозорил свой род и страну (Там же. С.76, 78).
- ¹³ Црногорске исправе XVI-XIX вијека. Уредили Т. Никчевић и Б. Павићевић. Цетиње, 1964. Док.149, 152, 161, 164, 183 и др.
- ¹⁴ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979. С.24.
- ¹⁵ *Достян И.С.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского... С.297.
- ¹⁶ Црногорско-руски односи 1711-1918. Подгорица - Москва, 1992, Књ.1. Руски извори о Црној Гори от краја XVII вијека до средине XIX вијека. С.209-211, 252-253.
- ¹⁷ Црногорске исправе... Док.27, 84, 85, 106, 108, 153, 160 и др.
- ¹⁸ *Ковалевский Е.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии) // Эпоха.1864. Май. С.176.
- ¹⁹ *Чижев Ф.В.* Отрывок из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 г. // Московитянин. 1845. №7-8. Ч.4. С.37.
- ²⁰ *Никчевић Т.* Прилог дискусији уз чланок «Пет година Историјских записа» // ИЗ. 1957. Књ. XIII. Св.1-2. С.355; Црногорске исправе... Док.25, 27, 32, 35, 36, 38, 40, 45, 54, 124, 141, 147 и др.
- ²¹ *Стајановић П.* Неки проблеми положаја и улоге цркве и црквене организације у Црној Гори: Осврти на стање у XVIII, XIX и на почетку XX вијека. // ИЗ. 1973. Књ. XXX. Св.3-4. С.300.
- ²² *Благојевић О.* Економска мисао у Црној Гори (до другог свјетског рата). Београд, 1988. С.116.
- ²³ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII вијеку. С.150.
- ²⁴ Записка М. Медаковича. 1858 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.309.
- ²⁵ Там же. С.304-305.
- ²⁶ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.71.
- ²⁷ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.26.
- ²⁸ [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.206-207. Вук Стефанович Караджич первый экземпляр этой книги преподнес находившемуся тогда в Вене подполковнику корпуса жандармов Я.Н. Озерецковскому (его служебная деятельность в дальнейшем будет тесно связана с Черногорией) для передачи в русское посольство А.М. Горчакову. В свою очередь Горчаков отправил эту книгу вице-канцлеру К.В. Нессельроде, еще совсем недавно занимавшемуся черногорскими проблемами во время визита в Россию черногорского владыки Петра II Негоша в 1837 г. Сам Я.Н. Озерецковский по поводу книги В.С. Караджича замечал

- следующее: «Сведения, заключающиеся в его книжечке, чрезвычайно любопытны и могут быть полезны для всего дела, затеянного владыкой (Я.Н. Озерецковский – управляющему III отделением Собственной его величества канцелярии А.Н. Мордвинову, 23 июля (4 августа) 1837 г. // Тайная миссия подполковника Я.Н. Озерецковского / Публ. В. Боковой // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Новая серия. М., 2003. Вып. XII. С. 324). Эта книга В.С. Караджича, за исключением небольших фрагментов, опубликована на сербском языке под следующим названием «Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922».
- ²⁹ *Дажковић Ј.* Продаја Рибаша цеклињанима 1806 године. // Из. 1963. Књ. XX. Св. 4. С. 681–682. Следует заметить, что в силу ограниченности земельного фонда в Черногории земля там стоила весьма дорого, дороже стоимости аналогичного земельного участка в соседних австрийских владениях (Черногория и черногорцы. // Военный журнал. 1852. N 1. С. 21).
- ³⁰ *Никчевић Т.* Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку (Отпор стварању државе). Цетиње, 1958. С. 55.
- ³¹ *Никчевић Т.* Прилог дискусији уз чланок «Пет година Историјских записа»... С. 357.
- ³² История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 346.
- ³³ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1888. Т. I. С. 559.
- ³⁴ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С. 20–21.
- ³⁵ Там же. С. 20.
- ³⁶ *Достян И.С.* Описание Черногории в донесениях С.А. Санковского... С. 294.
- ³⁷ *Павићевић Б.* Руска помоћ у житу Црној Гори 1838 године. // Из. 1968. Књ. XXV. Св. 1. С. 13–19; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С. 21.
- ³⁸ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. Београд, 1955. С. 86.
- ³⁹ См. об этом: *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С. 29.
- ⁴⁰ Там же. С. 28.
- ⁴¹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1818. Ч. 1. С. 249.
- ⁴² *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С. 69.
- ⁴³ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С. 35–36. Следует заметить, что большое количество черногорцев в поисках заработков в XIX в. покидало родину и оседало в турецких или австрийских владениях, в Сербии. Там многие из них становились ремесленниками различного профиля (См. об этом: *Пејовић Ђ.Д.* Исељавање Црногораца у XIX вијеку. Титоград, 1962. С. 103–153); В 1839 г. православные прихожане Ржевического монастыря (Бока Которская) построили колокольню, архитектором и строителем которой являлся черногорец из Црмницкой нахии Марко Влахович (*Ланов В.* Путешествие по землям западных и южных славян. Которский округ в Далмации. М., 1844. С. 33).
- ⁴⁴ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С. 70.
- ⁴⁵ *Достян И.С.* Описание Черногории в донесениях С.А. Санковского... С. 295.
- ⁴⁶ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С. 79.
- ⁴⁷ *Надеждин Н.И.* Черногорцы. Из воспоминаний путешественника // Утренняя заря. 1842. Год четвертый. С. 234.
- ⁴⁸ *Драгович Ж.* Черногория и ее отношения к России в царствование императора Павла I // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. С. 430.
- ⁴⁹ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора ... С. 379.
- ⁵⁰ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош. Грађа; 1830–1851. Књ. 4. (1845–1847). Титоград, 1986. С. 285–286.
- ⁵¹ *Никчевић Т.* Политичке струје... С. 145.
- ⁵² *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С. 198.
- ⁵³ Там же. *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С. 36.
- ⁵⁴ *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. С. 94–95.
- ⁵⁵ *Ковалевский Е.П.* Черногория и славянские земли // Собр. соч. СПб., 1872. Т. IV. С. 25; *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 220–221.

- ⁵⁶ Пејовић Ђ.Д. Црна Гора... С.206.
- ⁵⁷ Броневский В. Записки морского офицера... СПб., 1818. Ч.1. С.223.
- ⁵⁸ История Югославии. М., 1963. Т.1. С.349.
- ⁵⁹ Пејовић Ђ.Д. Исељавања Црногораца ... С.85.
- ⁶⁰ История Югославии. М., 1963. Т.1. С.349; Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.37.
- ⁶¹ Пејовић Ђ.Д. Црна Гора... С.215.
- ⁶² Там же. С.215-216.
- ⁶³ История Югославии. М., 1963. Т.1. С.349; Донесение консула в Рагузе И.М. Гагича в Азиатский департамент МИДа, 6 (18) июля 1847 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.252.
- ⁶⁴ Пејовић Ђ.Д. Црна Гора... С.214.
- ⁶⁵ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.39-40.
- ⁶⁶ Станојевић Г. Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740-1766). Београд, 1978. С.6.
- ⁶⁷ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.38.
- ⁶⁸ Павићевић Б. Стварање црногорске државе. С.325-327; Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII - 70-е годы XIX в.). М., 1986. С.192-193.
- ⁶⁹ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.42-43.
- ⁷⁰ Карађић В.С. Црна Гора и Бока Которска. С.78.
- ⁷¹ Благојевић О. Економска мисао... С.109; Црногорске исправе... Док.172.
- ⁷² Андрияшевич Ж.М. Черногория с древнейших времен до Балканских войн... С.87-88.
- ⁷³ Донесение консула в Рагузе И.М. Гагича в Азиатский департамент МИДа, 6 (18) июля 1847 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.252-253; Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е годы). Документы. Отв. ред. Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013. С.644.
- ⁷⁴ Карађић В.С. Црна Гора и Бока Которска. С.43.
- ⁷⁵ См. об этом: Хитрова Н.И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908 годах. М., 1993. Кн.1. С.25-37.

Глава II. ЧЕРНОГОРИЯ – СЛАВЯНСКАЯ ТВЕРДЫНЯ НА БАЛКАНАХ. ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЧЕРНОГОРЦЕВ (ОТ НАЧАЛА XVIII в. ДО 1766 г.)

§1. Черногорцы в боях за свободу. Героический эпос черногорцев. Установление и развитие русско-черногорских отношений

В XVIII веке антитурецкая борьба черногорцев вступает в новую фазу. Теперь она велась за полное освобождение из-под власти Порты и создание независимого самостоятельного государства. В начале XVIII в. стремление Черногории к независимости не было еще оформлено в виде какой-либо конкретной политической программы, а выражалось в отказе от уплаты Порте дани (харача). В кровопролитной и длительной антитурецкой борьбе руководящая роль принадлежала цетинским митрополитам и, в частности, Даниле Шчепчевичу (ок. 1670-1735), первому представителю рода Петровичей Негошей на митрополичьем престоле. Это был решительный, храбрый, дальновидный и мудрый религиозный и политический деятель Черногории, много сделавший для решения внутренних и внешних проблем, стоявших перед Черногорией в это непростое время.

В XVIII веке Цетинская митрополия как церковная организация хотя и обладала фактической самостоятельностью, все же не являлась автокефальной, а была частью Сербской православной церкви и входила в состав Печской патриархии, упраздненной в 1766 г. Однако с конца XVII века сербские патриархи могли лишь рукоположить в сан митрополита, кандидатура которого обсуждалась и утверждалась на Общечерногорском зборе (народном собрании, первое упоминание о котором относится к началу XVI в.), а позднее скупшине. Хотя Печская патриархия уже не влияла, как это было ранее, ни на выбор митрополита, ни на внутреннюю жизнедеятельность Цетинской митрополии, духовные связи между ними сохранялись, а цетинские митрополиты, соблюдая историческую традицию, уважение и такт, рассматривали Печскую патриархию как своего духовного предстоятеля¹. В 1696 г. после кратковременного правления умирает митрополит Саватий Калуджерович (1694-1696), и через год после его смерти на Общечерногорском зборе, на котором присутствовали в основном старейшины («главари»), владыкой был избран цетинский иеромонах Данило, носивший до пострижения имя Никола (Ника), родом из влиятельного в Черногории племени Негушей. По отцу он был Шчепчевич, по деду Петрович. В его семье имена Шчепац и Петар (Петр) постоянно чередовались, а все это семейство носило прозвище Петровичей по их предку Петру. Данила стал основателем правящей в Черногории более двух веков династии Петровичей Негошей (1697-1918), давшей Черногории пятерых митрополитов и двух князей, Данилу и Николу, последний в 1910 г. стал королем.

Поскольку печским патриархом тогда был удобный для турок грек Калининник (1691-1710)², мечтавший видеть во главе Цетинской митрополии своего соплеменника, то Данило для посвящения в высший духовный сан направился в венгерский город Сечуй, где после Великого переселения сербов в австрийские владения в 1690 г. нашел прибежище покинувший патриарший престол патриарх Арсений III Черноевич, родом черногорец. Там на Соборе сербских митрополитов и епископов Данило в 1700 г. был завладечен и получил под свою церковную юрисдикцию «Богом спасаемую епархию Скендерийскую», включавшую Черногорию и примыкавшую к ней горную область Брду, также относившуюся к Шкодринскому санджаку, с родственными черногорцам племенами Ровца, Морача, Кучи, Васоевичи, Братоножичи, Пипери и Белопавлочи. Тем самым Собор только формально подтвердил сделанный тремя годами ранее выбор глав черногорских племен. Религиозная власть Данилы распространялась на адриатические приморские общины области Боки Которской (венецианская Албания) – Паштровичи, Кртоле, Лушвица, а также находившиеся под турецкой властью в тогдашней Северной Албании приморские города Антивари (Бар), Улцин, приморскую общину Грбаль, города Шкодра (Скадар), Подгорица, Жабляк Црноевича и местность Нижняя Зета³, сохранившую в названии отголосок средневековой черногорской территории. Таким образом, Данило стал митрополитом Цетинским, Скендерийским и Приморским. В начале XVIII в. в вышеперечисленных областях проживало 40 тысяч православных христиан, на которых распространялась юрисдикция Цетинской митрополии⁴.

Взаимоотношения с соседями из близлежащих османских владений при Даниле практически сразу стали враждебными. Черногорские гайдуцкие четы (отряды), обычно в 10-15 человек, но случалось и до 100, совершали грабительские набеги в Герцеговину и Северную Албанию, угоняли скот у мусульманских землевладельцев. Как уже отмечалось, зачастую это было обусловлено тяжелейшим экономическим положением Черногории, хотя царившие в черногорской среде анархия и произвол также являлись причиной этих набегов. В свою очередь правители Северной Албании неоднократно направляли военные экспедиции против черногорцев с целью их покарать и заставить платить харач. Особой воинственностью отличались жители самой большой, но и самой бедной Катунской нахии. Их четование вызывало частые жалобы Порте со стороны не только турок, но и венецианцев, и жителей Дубровницкой (Рагузинской) республики, платившей дань Османской империи. Поэтому в Стамбуле было принято решение расселить катунцев по другим османским владениям. Сознывая, что они не в силах противостоять направленным в 1706 г. против них войскам герцеговинского и шкодринского пашей, катунцы избежали расселения, но пошли на то, чтобы дать заложников и согласились не наносить ущерб ни туркам, ни их данникам⁵. Однако когда, по народному преданию, турки в том же 1706 г. предприняли очередной карательный поход против черногорцев, то они были разбиты и было пленено много знатных бегов. В насмешку черногорцы выменяли их на свиней, взяв в качестве выкупа за каждого бега по борову⁶.

Надо сказать, что отношение венецианцев к черногорцам в то время было двойственным. Разумеется, грабежи венецианских торговых караванов черногорцами озлобляли их, но в начале XVIII в. стали резко ухуд-

шаться турецко-венецианские отношения. Поэтому для прощупывания настроений черногорцев в 1707 г. в венецианском Херцег-Нови (Кастельново) состоялась встреча черногорских старейшин во главе с Данилой и генеральным провидуром (гражданским губернатором) Далмации и венецианской Албании Джустином Ривой, который в результате беседы с владыкой и старейшинами пришел к выводу, что черногорцы склонны к Венеции. Благожелательность черногорцев объясняется еще и тем, что в результате этой встречи некоторые наиболее влиятельные старейшины получили от венецианцев денежное содержание⁷. Хотя тогда же Рива сообщал сенату, что сам владыка Данило является большим недругом Венецианской республики⁸.

В своем противостоянии с черногорцами османские власти искали и находили опору среди черногорцев, принявших ислам, называемых в народе потурченцами. Следует заметить, что именно православная религия в Черногории на протяжении столетий способствовала поддержанию и развитию национального самосознания, что было чрезвычайно важно в условиях антитурецкой борьбы. Монастыри в Черногории были очагами культуры. В них хранились рукописи, поддерживалась славянская письменность. Попытки распространить в среде черногорцев католицизм и ислам встречали решительный отпор. Однако на рубеже XVII-XVIII вв. османская политика исламизации покоренных народов, принеся успех в соседних Боснии и Албании, стала приносить плоды и в Черногории. Выбор чаще всего был прост: «пей шербет из чаши Магомета, иль по шее топором получишь», – писал об этих временах в поэме «Горный венец» митрополит Петр II Петрович Негош (1830-1851 гг.), бывший к тому же великим югославянским поэтом. И в Черногории появились семьи и братства, вкусившие «сласти ложной веры». Так, например, в Катунской нахии, в Цекличах обосновались мусульманские братства Синановичей, Джаковичей, Рамадановичей и Мухадиновичей⁹. Некоторые из них стали, другие могли стать проводником турецкого влияния в стране. Риск был слишком велик. Кроме религиозных и политических мотивов, заставлявших черногорцев неприязненно и враждебно относиться к потурченцам, существовали и сугубо экономические причины недовольства ими. Это связано с тем, что в конце XVII в. шкодринский наместник Сулейман-паша Бушати, захватив перед этим Цетинье в 1692 г., передал в руки потурченцев Риеку Црноевичей, важнейший торговый базар не только для Черногории, но и для соседних османских владений. Поэтому, несмотря на то, что некоторые черногорцы-мусульмане, когда речь шла об общих интересах, сражались бок о бок с православными черногорцами против турок, владыка Данило принял, хотя и не сразу, решение покончить с потурченцами. Повод для этого появился, когда Данило по приглашению местных православных жителей и с разрешения шкодринского паши направился в расположенное в Зете и относящееся к его церковной юрисдикции село Сербское для освящения там церкви. Однако схваченный турками Данило был отведен в окопах в Подгорицу. По дороге в руках владыка нес кол, на который, как устрашали Данилу турки, его посадят «как гяурского попа» за то, что он подбивает райю бунтовать против султана. Помещенный в Подгорице в темницу, он подвергался изощренным пыткам, едва избежал смерти, и только за большой денежный выкуп в 3000 дукатов Данило был освобожден¹⁰. Религиозный

и политический противник митрополита Данилы задарский католический епископ Винцентий (Вицко) Змаевич (1670-1745), родной брат вице-адмирала русского флота Матвея (Матия) Христофоровича Змаевича (1680-1735), писал впоследствии о Даниле как о «неумолимом враге турок», носившем на плече кол, выделявшийся как страшный инструмент его смерти¹¹.

Это горестное и трагическое событие в жизни Данилы усилило его враждебное отношение как к туркам, так и к собственным потурченцам. Данило принял окончательное и радикальное решение «в божьем стаде истребить заразу». По возвращении из Подгорицы Данило дважды, в монастыре Станевичи и на Ловчене, собирал наиболее известных и влиятельных старейшин и, уговаривая их, произнес зажигательную речь. «Вы видите, что делают в Черногории проклятые потурченцы, и подумайте, что они еще могут впредь сделать. Они злые и ядовитые змеи... Очистим Черногорию от турецкого духа», – призывал владыка¹². И этот страстный призыв воспламенил черногорцев. Согласно письменному свидетельству самого Данилы¹³ и народному преданию, в 1707 г. большинство потурченцев было физически уничтожено, другие вновь перешли в православие, некоторым удалось спастись бегством и найти прибежище в близлежащих городах турецких владений. Избиение началось на Цетинье и в Цекличах, а затем перекинулось на другие края Старой Черногории, захватив Црмницкую, Риечскую и Лешанскую нахии¹⁴. По народному преданию, в дальнейшем воспетому в «Горном венце», это событие произошло в Рождественский сочельник, в Баднюю ночь (Баднье вече – бадняк, дубовые ветки, которые православные черногорцы и сербы по религиозному обряду сжигают в сочельник) и было единовременным актом, наподобие Варфоломеевской ночи. На самом деле это не более как легенда. Физическое истребление потурченцев продолжалось приблизительно до 1712 г. Однако и в середине XVIII в. в Черногории сохранялись земельные наделы мусульман, на которых они не проживали, но сдавали их в аренду черногорцам. Среди арендаторов был даже митрополит Сава (1735-1781)¹⁵, хотя, конечно, они уже не играли какой-либо роли ни в религиозной, ни в политической жизни Черногории.

Тяжелейшие экономические условия, нередко ставившие черногорцев на грань выживания, постоянное военное противостояние с Турцией – все это объективно препятствовало культурному развитию страны. В Черногории подавляющая часть населения, включая старейшин, была неграмотной. Однако это не означало, что духовная жизнь в стране замерла. В народной среде сохранились старые обычаи, язык. Культурные традиции в XVIII в. не только не были утрачены, но и развивались, творчески обогащались.

Важнейшей составляющей духовной жизни черногорского общества XVIII в., впрочем, как и ранее, так и позже, был народный эпос. Носителями живой эпической традиции были певцы-гуслиары, которые сами нередко являлись творцами песен. Выдающийся исследователь Черногории П.А. Ровинский отмечал: «В Черногории каждый мальчик, начиная хватать отцовское оружие, в то же время хватается и за гусли; а с гуслиями, конечно, живет и эпическая песня»¹⁶. Можно сказать, что в XVIII в. все черногорское общество составляло своеобразную эпическую среду. Песни в исполнении гуслиаров звучали и в сельском доме, и в резиденции черногорских владык. Митрополит Петр I Петрович Негош (1784-1830), о котором еще пойдет

речь, сам владел гуслиями и сочинял песни. В частности, он являлся автором песни «Чуприлич», повествующей об ужасающем разгроме Черногории турками в 1714 году.

Под гусли исполнялись исключительно «юнацкие песни», воспевавшие того или иного героя, то или другое историческое событие. Черногорские песни в абсолютном большинстве современны описываемым событиям. Чаще всего они создавались по горячим следам произошедшего и в эпической среде, которая сама активно участвовала в этих событиях, была творцом черногорской истории.

Безусловно, в черногорском эпосе присутствовал поэтический вымысел, поскольку черногорская эпика – это не буквальная хроника произошедшего, а его художественное переосмысление, в котором тесно переплетались реальность и фантазия.

Обращаясь к военной тематике, которая в разных формах постоянно присутствовала в той или иной песне, заметим, что черногорская эпика допускала возможность сюжетов и на тему военного поражения. Если черногорцы были разбиты врагом, то народная песня не скрывала этого, и в ней присутствовали имена павших в бою черногорцев¹⁷. Но, безусловно, в эпических песнях преобладали сюжеты, ориентированные на воспевание полной победы, внешне достигаемой без больших усилий, демонстрирующей превосходство черногорцев в искусстве «малой войны» и в воинских доблестях: песенные юнаки разбивают турок, обращают их в повальное бегство, убивают, пленяют, захватывают большую добычу. В рамках сложившейся на протяжении XVIII в. сюжетно-композиционной структуры песен о нападении черногорцев на турок получает разработку новая эпическая тема – тема карательного или освободительного похода, организованного и направляемого из Цетинье и осуществляемого во имя решения общенародных и общегосударственных задач. В таком случае сюжет обычно построен на том, что военная экспедиция направляется по распоряжению черногорского владыки, его послания рассылаются по различным племенам и нахиям, и собравшееся войско представляет собой объединенную грозную силу. Самому замыслу похода придается государственный размах¹⁸. Таким образом, происходившие в Черногории на протяжении XVIII в. сложные и противоречивые процессы консолидации черногорского общества и централизации власти находили отражение и в эпосе.

Основные сюжеты черногорского эпоса следующие: «Черногорцы дают отпор турецкому войску»; «Успешный поход черногорцев на турок»; «Черногорцы отбивают набег турок»; «Черногорская чета совершает набег на турок»; «Две четы встречаются в битве»; «Черногорский юнак противостоит турецкому войску»; «Юнаки в турецком плену»; «Черногорцы мстят за гибель родичей»; «Юнак в турецком стане»; «Поединок черногорца с турком»; «Побратим-предатель»; «Побратимская верность»; «Спасение женщины, увиденной турками»; «Отказ потурчиться»¹⁹. Огромная заслуга в деле собирания черногорских эпических песен принадлежит С. Милутиновичу, В. Караджичу, Петру II Петровичу Негошу²⁰, которые еще в первые десятилетия XIX в. ознакомили европейскую науку с черногорским эпосом. Только составленная Петром II Негошем песенная антология насчитывает свыше 30 произведений устного народного творчества, создание которых относится к XVIII веку.

В народном эпосе XVIII в. так или иначе зафиксированы все наиболее значимые в черногорской истории события этого столетия. В эпической песне рисуется удаль, воинская хитрость и смелость черногорских юнаков. Так, в песне «Царев Лаз» описывается, как в турецкий лагерь проникают три черногорца-лазутчика и обманным путем выведывают у турок численность их войска. Затем они уходят, кроме одного, ставшего у турок проводником: он ведет турок дорогой, о которой успел предупредить черногорцев, а те узнают о приближении врага по громкому пению проводника²¹. В некоторых песнях финал событий можно предугадать. Так, песня о разгроме и гибели шкодринского (скадарского) визиря Махмуд-паши Бушати (1796 г.) начинается словами:

Закуковала кукушка черная
Посреди твердыни Скадара, на Бояне...²²

Мотивы освободительной борьбы присутствуют в цикле эпических песен об Арапине (Арап, Черный Арап), обобщенном образе турка, и о герое южнославянского эпоса Марко Кралевиче²³. В черногорских версиях песен о Марке Кралевиче его готовность к компромиссу с турками всегда является мнимой, а его кажущееся смирение – лишь хитростью, уловкой с целью обмана врага²⁴. С точки зрения черногорцев, не считавших себя покоренными турками и находившихся с ними в состоянии постоянной конфронтации, фигура Марко Кралевича воплощала героизм и силу той части сербского народа, которая, даже находясь под турецким игом, продолжала вести борьбу. А в специфических условиях этой борьбы допустимы и при творство, и компромисс.

В конце XVIII - первой четверти XIX в. особой известностью в Черногории пользовался Джуро Милутинович Черногорец, слепой гуслер, неоднократно выполнявший поручения митрополита Петра I Петровича Негоша²⁵. Вук Караджич записал с его слов шесть песен, среди них – «Три пленника» и «Батрич Перович», которые относятся к черногорской песенной классике²⁶. В песне «Три пленника» весь сюжет построен на гибели двух попавших в албанский плен юнаков и спасении третьего. В песне все происшедшее трактуется не как игра слепого случая, а как следствие жизненных позиций пленников. Двое первых не выдерживают проверки на истинно героический характер: одному жалко молодую жену, с которой он так и не успел налюбоваться, другому – старых родителей, которые после его смерти останутся без помощи. И только третий юнак – воевода Вуксан из Роваца, у которого есть и жена, и мать-старуха, – горюет только оттого, что погибает, не оставив сына («юнацкую замену»), который мог бы отомстить ненавистному врагу. Пассивная позиция двух первых пленников приводит их к закономерной, по замыслу песни, гибели от рук палача, а Вуксан, чье поведение целиком соответствует юнацкому кодексу чести, бежит из плена, уничтожая при этом десятки врагов, и он:

Прибежит домой живым-здоровым
Старой матери своей на радость
И на счастье всей дружине нашей.

Песня о Батриче Перовиче, создание которой датируется самым началом XVIII в., увязана с сюжетно-тематическим циклом мести за гибель родственников. Батрич Перович, один из сыновей Перы Вучичевича, кнеза

села Залюти из племени Цуце (Катунская нахия), был убит герцеговинскими мусульманами-потурченцами. За смерть Батрича мстит его брат Радул. Поймав предводителя отряда «турок» Османа Чоровича, чей род имел славянские корни, Радул не поддается на его мольбы о сохранении жизни, не смотря на то, что сам Чорович непосредственным убийцей не был, а лишь отсек голову с трупа, став тем самым соучастником убийства. Для черногорца-юнака, как в песне, так и в жизни, соучастие в убийстве было равносильно самому убийству. Месть является справедливой карой, и поэтому для Радула все уговоры бессмысленны, и он:

Говорит врагу слова такие:
«Чорович Осман, ох злой ты турок!
Брат мой, Батрич, тоже откупался,
Ты его не отпустил на волю,
Голову срубил ему с размаху».
Из-за пояса нож вынул Радул
И отсек он голову Осману.

В финале песни торжествующий отец радуется, что гибель одного из его сыновей не осталась без возмездия. Честь семьи спасена, брат отомстил за брата:

В небольшом селении Залютах
Вучичевич Перо встретил сына,
Обнимает и целует в щеки.
Радул у него - полу и руку,
Подал Радул голову Османа,
И промолвил Вучичевич Перо:
«Благо мне сегодня и навеки,
Что дождался я еще при жизни,
Как мой Радул отомстил за брата!»
Попрощался и с душой расстался.
Умер он, душа его спокойна,
Бог в раю ему дал новоселье,
Остальным здоровье и веселье!

В черногорском эпосе присутствует и русская тема, поскольку история русско-черногорских отношений в XVIII в. давала певцам богатый материал для ее разработки. Так, в одной из лучших песен цикла «Иво Подгорица и Мехмед Арапин»²⁷ традиционный для всего южнославянского эпоса сюжет о поединке с чудовищем получил новое освещение в специфически черногорском духе. Мифологические события, описанные в песне, хронологически относятся к концу XVIII в. Специфика данной песни в том, что притеснения со стороны Арапина – чужеземного насильника – претерпевает здесь «Московия славная», которую Арапин обложил непомерной данью. По сюжету спасителем русской земли оказывается черногорский юнак Иво Подгорица, за помощью к которому обращается «русинска царица». В песне есть эпизод встречи Иво с царицей, которая, принимая его, спрашивает:

Скажи правду, заклинаю тебя твоим здоровьем:
Что за место Подгорица
И благодатная Зета?
И какова церковь в Цетинье?

Иво описывает царице красоту Черногории, рассказывает о страданиях, которые терпит его родина от турок.

В Петербурге Иво вступает в поединок с Арапином, отрубает ему голову и с щедрой наградой возвращается домой.

Исследователь черногорского эпоса Б.Н. Путилов справедливо отмечал, что для черногорцев, находившихся в состоянии постоянной борьбы с турками и получавших в этой борьбе поддержку от России, особого значения был исполнен сюжет о помощи их юнака попавшей в беду русской земле²⁸.

Любопытно, что этот герой черногорского эпоса имел своего прототипа, что является примером превращения реального исторического лица в эпического героя. Согласно народному преданию, житель Подгорицы Иво убил в ссоре турка, был вынужден бежать с родины и в конце концов добрался до России. Там он поступил на военную службу, получил от Екатерины II награды и земли, стал графом и помещиком Харьковской губернии²⁹. Несомненно, это был переселившийся в Россию вместе с другими черногорцами в конце 50-х гг. XVIII в. Иван Подгоричанин, впоследствии генерал-майор русской службы, активный участник русско-турецкой войны 1768-1774 гг.³⁰

Заложенная в глубокой старине черногорская эпическая традиция на протяжении XVIII в. развивалась, крепла и творчески обогащалась. Эпическая песня стала неотъемлемой частью духовной жизни черногорского народа, частью его этнического самосознания. И в начале XX в. П.А. Ровинский замечал, что «народ по-прежнему поет свои старые, но не стареющие песни»³¹.

В Черногории устное народное творчество не ограничивалось только рамками героического эпоса. Оно проявилось и в лирических, свадебных, колыбельных, шуточных песнях, а также в многочисленных сказках на самые разнообразные сюжеты, в пословицах, поговорках и т.п.

Внутренняя жизнь Черногории на протяжении всего XVIII века и далее представляла собой почти непрерывную цепь междоусобиц: «Племена катун бились с племенами Реки и Цермницы, пиперы воевали с белопавлічачами, а белопавлічачи в то же время с катунянами; морачане с ровчанами, которые опять же бились с белопавлічачами и пиперами; баицы попеременно бились то с дольнекрайцами, то с негушами и цекличами; люботиняне с цеклинянами, цеклиняне с добрлянами», – писал об этих временах и нравах П.А. Ровинский³². Эта межплеменная вражда могла продолжаться десятилетиями и иногда по сути дела превращалась в междоусобную войну, где в сражениях принимали участие сотни людей. При этом разорялись дома, похищался скот, вырубались плодородные деревья, портились посевы, природные ключи и колодцы. В неприкосновенности оставались только церкви. Случалось так, что одно убийство влекло за собой от 50 до 100 ответных³³. Если человек из какой-либо общины убивал человека из другой общины на территории третьей, то община убитого вступала во вражду с третьей общиной, поскольку она допустила убийство на своей земле. Если преступник был человек незначительный, то месть обращалась не на него, а на лицо более значимое³⁴. Когда сильнейшее племя побеждало более слабое, то в защиту слабого племени вступали другие племена. Издавна повелось, что малые племена объединялись в противостоянии против больших племен, замечал Вук Караджич³⁵. Кровная месть унесла в Черногории, возможно, больше людей, чем их пало в борьбе с турками, полагал югос-

лавский историк Р. Драгичевич³⁶. Межплеменная вражда приостанавливалась, если враждующие стороны имели общие или соседние поля и нужно было время для их обработки. При этом если одной из сторон это было более нужно, то она вносила денежную плату другой³⁷. Кровная месть также приостанавливалась при нападении внешнего врага, и она не касалась женщин, которые могли беспрепятственно проследовать туда, куда они пожелают.

Постепенно становилось очевидным, что для успешного сопротивления османскому натиску необходимо единение всех внутренних сил страны. Только оно могло укротить межплеменную вражду, ускорить создание более совершенного экономического базиса для развития государства.

Церковь в лице Цетинской митрополии, часть старейшин отдавали себе отчет в том, что успешная освободительная борьба не отделима от внутренних реформ, Владыка Данило называл трех идолов, подрывающих устои черногорского народа: «Один идол – прелюбодеяние, другой идол – сребролюбие, третий идол – грабежи и кровопролитие, и пока не отсечем ветви, откуда произрастают эти идола, не может быть мира и любви между народом»³⁸. Преодоление сепаратизма и создание основ централизованного государства было процессом длительным и сложным у всех народов. Успех его зависел от внутренних условий, в которых приходилось действовать господствующим общественным силам. В Черногории формирование централизованного государства практически завершилось лишь во второй половине XIX в. и этот процесс имел свои особенности. Его спецификой являлось учреждение в первую очередь общечерногорских судебных органов.

Идя по этому пути, митрополит Данило в 1713 г. создал общечерногорский суд из 12 старейшин во главе с В. Вукашиновичем, известный в югославской историографии как «Суд владыки Данилы». Этот общегосударственный орган власти проделал полезную работу, направленную на объединение черногорских племен и пресечение межплеменной розни. На состоявшемся в 1723 г. Общечерногорском зборе было принято решение, дающее право членам суда производить конфискацию имущества преступников, приняты иные суровые меры наказания³⁹. Следует заметить, что как митрополит Данило, так и впоследствии его преемники из рода Петровичей Негошей в гораздо большей степени занимались государственной деятельностью, нежели церковной.

Государственная деятельность Данилы не отделима от его многогранной внешнеполитической деятельности. Об этом свидетельствуют важные изменения, произошедшие в первые десятилетия XVIII в. во внешней политике Черногории. Хотя венецианское влияние в стране оставалось значительным, но постепенно среди черногорцев нарастало недовольство и разочарование политикой Венеции, поскольку, неоднократно воюя в XVII в. на стороне республики с турками, неся при этом значительные людские и материальные потери, черногорцы не получали от Венеции помощи для решения своих задач освободительной борьбы. Одновременно с этим усиливались среди черногорцев надежды на Россию, которая, вступая в войны с Османской империей, стала проявлять заинтересованность в расширении своего влияния на балканские народы, в том числе и на черногорцев. Эта идея принадлежала соратнику Петра I, выдающемуся дипломату Савве Лукичу Владиславичу-Рагузинскому, герцеговинскому сербу из Гацко на

русской службе, который предлагал активно использовать силы и возможности югославян в антитурецкой борьбе⁴⁰.

В ноябре 1710 г. Османская империя объявила войну России, и по турецкой традиции русский посол в Константинополе П.А. Толстой был заключен в тюрьму Едикуле, известную по русской литературе как Семибашенный замок. Ведя войну со Швецией, Петр I был абсолютно не заинтересован в войне с Турцией. Однако его неоднократные попытки сохранить мир были отвергнуты султаном Ахмедом III. Поэтому 22 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии царя и гвардии был обнародован манифест о начале войны с Османской империей и отпоре «хищному волку турку».

Начиная в 1711 г. Прутский поход, Петр I рассчитывал на антиосманское выступление балканских народов, поэтому он обратился к балканским христианам с призывом оказывать помощь русским войскам. Черногория, вдаваясь клином в соседние османские владения, могла стать исходной точкой опоры для оттеснения турок с Балканского полуострова, она также создавала препятствия для их продвижения к адриатическому побережью, где Черногории пока еще фактически принадлежала малая полоска земли (общины Грбаль, Маине, Побори, Браичи), населенная издавна черногорцами. Таким образом, выгодное военно-стратегическое положение Черногории, воинственность ее антитурецки настроенного населения делали Черногорию ценным союзником России.

С грамотой Петра I от 3 (14) марта 1711 г., составленной при самом деятельном участии Саввы Рагузинского, содержащей призыв вспомнить православным о былой славе балканских христиан и, объединив свои силы с русским войском, прогнать турок «в старое их отечество, в пески и степи аравийские»⁴¹ (хотя на самом деле тюркские племена вышли из иных степей, а именно алтайских. – Ю.А.), в марте 1711 г. в Черногорию были направлены ставший полковником Михаил Милорадович и капитан Иван Лукачевич. Оба российских эмиссара были профессиональными военными и хорошо ориентировались в местной обстановке, поскольку Милорадович был герцеговинским сербом, а Лукачевич – уроженцем Подгорицы. Находившемуся тогда в Бухаресте Милорадовичу грамоту доставил Иван Албанез, бывший монах Моисей Митанович, прибывший в Россию в феврале 1711 г. и сразу ставший здесь капитаном. Впрочем, это неудивительно, поскольку балканские священники, и особенно черногорские, принимали самое активное участие в боевых действиях. Одновременно с грамотой И. Албанез доставил Милорадовичу и письмо Саввы Рагузинского от 4 (15) марта 1711 г., где ему предписывалось отправиться «к климентам, кучам, пиперам, черногорцам и к иным, дабы собрав, воевали на турков». Милорадовичу выделялось 500 золотых червонных и в случае успеха обещался генеральский чин и «превеликая милость» от монарха⁴². На Балканы они отправились втроем, только М. Милорадович и И. Лукачевич направились непосредственно в Черногорию, а «отец Мосей», то есть Иван Албанез, оказался в Герцеговине, где с июня 1711 г. командовал повстанцами. Воюя в Герцеговине, И. Албанез содержал на своем иждивении 800 участников восстания⁴³.

Первоначально Милорадович и Лукачевич прибыли в Грбаль и сразу подняли грблян на борьбу против турок, которые «добровольно царскому величеству преклонились»⁴⁴. Затем царские посланцы отбыли непосред-

ственно в Черногорию, где грамота Петра I была зачитана в доме митрополита Данилы и одновременно состоялось совещание 24 влиятельнейших черногорских старейшин. Митрополит Данило выступил перед собравшимися с проникновенной речью: «Мы в этих горах закрыты со всех сторон, поэтому мы не могли поверить, что великий христианский царь знает что-либо о нас, о горсти маленького народа, закрытого среди змей и скорпионов, но вот, сегодня, благодаря Богу, мы видим его посланников, вот его царская грамота в наших руках, и посланников, я говорю, не чужих, но наших братьев сербов, которые говорят, что Петр Великий император и самодержец всея России и его царство, Богом благословенное, сильнее и просторнее всех царств на свете. Мы с русскими принадлежим к одному племени и придерживаемся одной веры, может быть, станем и соседями. Вооружайтесь, братья мои черногорцы, и я также, не жалея ни имущества, ни жизни, готов с вами пойти служить христианскому царю и нашему отечеству, чтобы избавить христианский род от жестокого ига турецкого, прося преемного Бога быть нам помощником и путеводителем»⁴⁵.

Выслушав владыку, собравшиеся с восторгом приняли единодушное решение: «С первой вестью о русском наступлении выступить против войск Османской империи»⁴⁶. Кроме того, специально отобранные люди доставили переписанную грамоту Петра I (которую они называли «царевым письмом») в самые отдаленные уголки Черногории, Брды и Герцеговины, а также все монастыри. Аналогичным образом поступил и И. Албанез, разославший 12 писем в Македонию, Албанию, Черногорию и Приморье. Они содержали грамоты Петра I черногорскому народу от 3 (14) марта и христианским народам, подвластным Турции, от 23 марта (3 апреля) 1711 г.⁴⁷ Денег с собой М. Милорадович привез крайне мало. Ему и находящемуся в Черногории его брату Гавриилу пришлось взять займы 2250 золотых червонных на изготовление знамен с русским гербом, покупку боеприпасов и подарки кнезам, воеводам и воинам⁴⁸. Надо сказать, что российское руководство через своего политического агента в Венеции Маттео (Матвея) Карретту выделило «на дачу монтенегринцам» 3 тысячи червонных, из которых 500 предназначалось лично Милорадовичу. Однако в силу различных обстоятельств эти деньги так и не дошли до черногорцев⁴⁹.

Черногорцы сдержали свое обещание. В июне 1711 г. они начали боевые действия против турок. Назначенный главнокомандующим М. Милорадович и митрополит Данило возглавили войско, насчитывающее, по уверениям Милорадовича, в общей сложности 29800 бойцов⁵⁰. Милорадович все же преувеличивал реальные силы повстанцев, включая сюда и тех добровольцев, которые могли, но так и не приняли участия в боевых действиях. Непосредственно черногорцев под командованием Данилы и Милорадовича, как следует из письма русского торгового консула в Венеции Д.Ф. Боща Петру I в августе 1711 г., «негромонтанов до сего времени собралось с лишком 10 тысяч»⁵¹. К черногорцам примкнули герцеговинцы и брдяне. Вначале боевые действия югославянских союзников России проходили успешно. 15 июня турецкие войска были разбиты у Гацко (Герцеговина). Посылая 15 июля 1711 г. письмо жителям небольшого села в Герцеговине Требесы и призывая их напасть на крепость Огношт (Никшич), Данило писал: «если вы имеете любовь ко Христу, то ради его крови, которую излил он

для нашего спасения на кресте, ради любви Пресвятой Богородицы, ради наконец того, чтобы она была вам помощницей и молитвенницей в день страшного суда, восстаньте и пролейте кровь свою! Не щадите ее, ударьте на крепость! Уклоняться нельзя!». В тот же самый день Данило отправил свое второе послание требешанам, в котором писал: «Если бы до воскресенья крепость была бы в ваших руках!.. Если бы мы продали свои золотые и серебряные вещи, если бы мы собрали войско и сразились с арнаутами (албанцами. – Ю.А.), и свою кровь пролили ради бедного, жалкого, голодного народа... готового предать себя на смерть ради Христа». Милорадович приписал на этом письме: «Много есть воскресений в году, но сделайте, чтобы до первого воскресенья крепость и турки были в ваших руках... Я послал вам сегодня тысячу юнаков, чтобы сразились с арнаутами. Возьмите крепость у турок и передайте нам... Здесь войско готово все...»⁵². В свою очередь вскоре по приезде в Черногорию Милорадович отчитываясь о своих действиях, доносил канцлеру Г.И. Головкину: «Христиане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали все единодушно за веру и отечество кровь проливать; и те, которые получали жалованье от венециан и турок, бросили это жалование, соединились со своими и стали воевать, как при древних сербских царях и королях. Все это воины добрые, только убогие, пушек и прочих военных припасов не имеют. Латины гораздо враждебнее турок, ибо латины надеялись, что земля будет вся их, и когда он (Милорадович. – Ю.А.) пошел на турок, то латины посылали им письма, обнадеживая их, чтобы не боялись, и уговаривали турок, чтобы обещали денег за его голову, но христиане все обещались государю служить»⁵³.

В письме Д.Ф. Боцису М. Милорадович сообщал, что в ходе боев «многие деревни сожгли, многие дистрикты пустыми учинили, много турецких голов назад принесли, многих склавами (пленными. – Ю.А.) учинили»⁵⁴. Однако отсутствие артиллерии, достаточного количества боеприпасов не дало возможности овладеть такими опорными и хорошо укрепленными пунктами, как Никшич, Спуж, Требинье, Грахово и Подгорица, занятие которой также входило в планы повстанцев. Именно военные действия в этих районах сковали военные силы турок и не позволили им направить дополнительные войска из Боснии и Герцеговины на прутский театр военных действий⁵⁵, где складывалась катастрофическая ситуация для русских войск. Сказывалось и то, что те же черногорцы, впрочем, как и брдяне, прекрасно воюя в горных условиях, не имели достаточного опыта осады городов и крепостей. Нехватка вооружения была вызвана и тем, что Венеция, опасаясь усиления влияния России на Балканах, не только не поддержала антитурецкие выступления югославянских народов, но и установила блокаду далматинского побережья. Так как венецианцы контролировали весь вывоз и ввоз оружия и боеприпасов (порох, свинец, кремни), то они сделали все, чтобы это не проникло в Черногорию. Аналогичным образом поступила и Дубровницкая республика. Когда в августе 1711 г. черногорские повстанцы обратились к Дубровнику с просьбой о помощи оружием, то сенат отказал им, и при этом он заверил турок о своей непричастности к повстанцам⁵⁶.

Надо сказать, что венецианские власти сразу же по приезде Милорадовича в Черногорию заняли отрицательную позицию относительно готовности югославян встать на сторону России и участвовать в антитурецкой

борьбе. Генеральный провидур Далмации и венецианской Албании К. Пизани замечал по этому поводу: «Для венецианской республики гораздо лучше граничить с мусульманской, чем с московской религией»⁵⁷. Католическая церковь видела в этом опасность для своих интересов. Одним из наиболее активных противников русско-черногорского сближения был уже упоминавшийся барский архиепископ В. Змаевич. Возможно, он был искренен, когда, установив связи с русским двором и получая инструкции от канцлера Г.И. Головкина и Саввы Рагузинского, в ноябре 1708 г. писал П.А. Толстому из Пераста, что «вся Вселенная рукоплещет триумфам российского оружия», а царство Петра Великого превзошло «силой и великодушием века Константина и Феодосия»⁵⁸. Однако Змаевич, этот злейший враг православия и митрополита Данилы, когда в Боке Которской православное исповедание было временно поставлено вне закона, в 1709 г. был едва не убит в Которе православными верующими, видевшими именно в нем инициатора принятия этого закона⁵⁹. Как только присланные из России эмиссары обосновались в Черногории и началась вооруженная борьба против турок, В. Змаевич посчитал, что победа православных над турками была бы потерей для католичества⁶⁰. И хотя С.К. Богоявленский упоминает о материальной поддержке Змаевичем повстанцев⁶¹, а Савва Рагузинский, благодарный Змаевичу за освобождение его матери и семьи его брата из пиратского плена, писал о нем в январе 1713 г. Ф.М. Апраксину как о человеке, который царю «показал службу великую и впредь показать может»⁶², на деле все обстояло иначе. В лучшем случае Змаевич вел двойную игру, нанося явный ущерб российским и черногорским интересам в этом регионе Балкан. Он обратился в Рим к папе Клименту XI, объявляя митрополита Данилу главным виновником начавшихся боевых действий югославян в союзе с посланцами русского царя⁶³. Под влиянием Змаевича католическое племя Северной Албании Клименти, находившееся тогда во вражде с турками и своими мусульманами, отказалось от союза с черногорскими повстанцами, хотя они уже взяли под это 500 золотых дукатов у Милорадовича⁶⁴. И в дальнейшем В. Змаевич выступал как ярый враг православия⁶⁵.

Оценивая действия югославянских союзников России, следует признать их в целом весьма успешными. Укрывшиеся в городах и небольших крепостях турецкие военные силы были изолированы и разобщены. Однако эти военные успехи не получили дальнейшего развития из-за неудачного для России Прутского похода и заключения мира с турками 12 (23) июля 1711 г., ликвидировавшего результаты Азовских походов и Константинопольского договора 1700 года. Черногорцы под влиянием Данилы и Милорадовича долго не хотели верить доходившим известиям о Прутском договоре, тем более что поступали они от венецианцев, которым черногорцы не доверяли, и продолжали воевать с турками. Хотя, конечно, были и другие черногорцы, довольно быстро узнавшие истину о злополучном Прутском походе, что нашло отражение и в народной песне: «Если бы видел побратим, как войско умножилось! Как спешат брдяне-юнаки, герцеговинцы и молодые зетяне под знамена царя русского, чтобы соединиться с войском черногорским; не сказал бы ты, дорогой побратим, что они идут на бой с турками биться, но на пир холодное вино пить и веселые песни распевать! Но веселие это продолжалось недолго – *всего месяц с половиной*

дней и вскоре превратилось в сербскую скорбь и несчастье. Ибо недобрые вести дошли, что Петр с турками примирился не по воле, а по злой неволе, что турки его окружили близко Прута, холодной реки, так что помощь не могла к нему прийти, ни остальное, что войску нужно. Когда эти вести услышали и владыка и все черногорцы, – заплакал и мал и велик, всяк жалел царя православного»⁶⁶.

Однако сложившаяся ситуация все же требовала прояснения. Поэтому в Россию в сопровождении двух черногорцев отправился брат М. Милорадовича Гавриил Милорадович. Их петербургский вояж пришелся как нельзя кстати, поскольку в декабре 1711 г. Порта вновь объявила войну России. Цель поездки заключалась в информировании русских властей и прежде всего самого Петра I о развитии событий в Черногории и Герцеговине, а также заручиться материальной поддержкой со стороны русского двора для открытия широких боевых действий на Балканах⁶⁷. Тем временем в самой Черногории объявился некто Павел Арколео (Аркулей, Ерколеом, Эрколеи), грек, служивший боцманом русского флота. Этот иностранец-авантюрист, проявивший себя, по словам Саввы Рагузинского, как вор и плут, побывавший вначале у австрийских сербов, а затем, выполняя возложенное на него курьерское поручение с письмами для русских политических агентов, прибыл в Венецию. Здесь он обманным путем завладел принадлежавшими Савве Рагузинскому русским орденом и хрустальными пуговицами и уже в июне 1712 г.⁶⁸ объявился в Черногории. Явившись к Милорадовичу и выдав себя за «государственного тайного секретаря», Арколео возложил на Милорадовича орден, принадлежавший Рагузинскому. Он также потребовал составления поименного списка черногорцев, принимавших участие в борьбе с турками, за что они получают царское жалованье, а пока надо продолжать воевать с турками, так как царь не намерен держаться мирного договора и снова начнет с ними войну. Арколео вел речь о Прутском мирном договоре, вероятно, не зная из-за своих странствий, что Россия уже опять находится в состоянии войны с Турцией. Милорадович не разглядел в «тайном секретаре» боцмана и поверил прожженному авантюристу. А вместе с ним поверили и черногорцы, которые, по словам Рагузинского, «приняли его как ангела» и воздали ему воинские почести как генералу. Однако все это было лишь прелюдией к основной афере Арколео. Он объявил, что, выполняя царские поручения, сильно поиздержался и поэтому просит взаймы тысячу (по иным источникам 1100) золотых червонных под заклад имеющихся у него «царских алмазных пуговиц» ценою в 1100 червонных. Черногорцы с большим трудом собрали требуемую сумму, продав церковные сосуды, и вручили ее Арколео⁶⁹. Черногорцы, живя в крайней нужде, и тогда и в дальнейшем знали цену деньгам. Они довольно быстро осознали, что совершили глупость, доверившись Арколео. Черногорцы жаловались на него, и Д.Ф. Боцису было велено за его плутовство задержать Арколео в Фиуме (Риеке)⁷⁰. В самом конце ноября 1712 г. он по инициативе российского посла был все же арестован в Вене⁷¹.

Тем временем возглавляемые Данилой и Милорадовичем черногорцы уже с марта 1712 г. начали вновь боевые действия против турок. Испытав неудачу в осаде городов и крепостей, черногорцы вновь возобновили практику четования на турецкой территории, и между ними ширилась

весть, что в скором времени из Москвы приедет специальный посланец и привезет деньги⁷². Между тем в начале апреля 1712 г. между Россией и Турцией был заключен мир, а 26 июня (7 июля) того же года Савва Рагузинский письменно проинформировал Г.И. Головкина, что полковник Михаил Милорадович, посланный в прошлом году «в Албанию с монтегринами и прочим тамошним народам, и ныне воюет против турков з государевыми знаменами»⁷³. Он также рекомендовал канцлеру отправить Милорадовичу письмо, чтобы тот «под именем государевым против турок не воевал, ибо ис того может произойти при дворе турецком немалая противность»⁷⁴.

Надо сказать, что тогда черногорцы при русском дворе рассматривались как подданные Османской империи. Так, в письме Г.И. Головкина от 4 (15) марта 1712 г. в Венецию к политическому агенту М. Каретте прямо указывалось, что полковник Милорадович был послан к «нродам христианским, к албанцам, монтегринам, которые живут под владением салтана турецкого»⁷⁵. В 1835 г. черногорский народный секретарь и историк Симеон (Сима) Милутинович Сарайлиа опубликовал извлеченный им из Цетинского архива любопытный документ, а именно договорную грамоту за подписью М. Милорадовича, обнародованную на состоявшемся в Цетинье 16 (27) апреля 1712 г. Общечерногорском зборе⁷⁶. Согласно этому документу черногорцы за верную службу объявлялись свободными, своевластными, не подчиняющимися никому, кроме русского царя (да немаю над собом господаря, томо цара), тем самым черногорцы признавали русское подданство. Грамота освобождала черногорцев от всех налогов и повинностей, включая, разумеется, выплату туркам харача. В случае войны России с кем-либо черногорцы обязаны были с оружием в руках за царя воевать, получая при этом от России боеприпасы и оружие. В случае же мира ни царь, ни черногорцы не должны были претендовать на что-либо в отношении друг друга (да не ища нища у цара, ни цар от них да не ища нища). К составлению текста грамоты, несомненно, приложил руку и митрополит Данило, наиболее вероятный инициатор ее написания, а вероятнее всего, и ее составитель. Об этом свидетельствуют и особо оговоренные права Цетинской митрополии на недвижимое имущество церкви (поля, луга, виноградники, места рыбной ловли), куда «мирские люди» без благословения архиерея не допускались. Вообще все церковные дела, согласно тексту грамоты, подлежали ведению митрополита. Разумеется, эта грамота, данная без согласования с российским руководством, не имела и не могла иметь какой-либо международно-правовой юридической силы, а являлась лишь своеобразной формой моральной поддержки черногорцев со стороны представителя России. В дальнейшем эта грамота не упоминалась черногорским руководством при взаимоотношениях с российским.

Порта не могла простить черногорцам всего произошедшего. Султан Ахмед III издал фирман, предписывающий жестоко наказать и покорить черногорцев, а митрополита Данилу и Милорадовича пленить. Боснийский визирь Ахмед-паша Шапчалия, еще недавно воевавший с русскими на Пруте, возглавил собранное из близлежащих краев Османской империи 20-тысячное войско. Никогда ранее турки не собирали такое количество войск против Черногории. Черногорцы, к которым пришли на помощь бекельцы из Приморья, сумели собрать всего около 5 тысяч воинов. Около

2 тысяч черногорцев, как писал Милорадович, под русскими знаменами из-за засад и каждого камня храбро и упорно бились против 7-тысячного авангарда турецких войск под командованием Тахира-паши⁷⁷. Отступая, черногорцы наносили урон врагу. Наиболее крупные потери понесли турки (около 2 тысяч человек) в сражении при Царевом Лазе, состоявшемся в июле. Эта победа черногорцев все же не остановила Ахмеда-пашу, сумевшего пробиться сквозь черногорские оборонительные заслоны и в начале августа 1712 г. занять Цетинье и разрушить монастырь. Однако схватить Данилу и Милорадовича ему все же не удалось, они вместе с отрядом из 500 черногорцев, пройдя через венецианские владения, укрылись в Герцеговине. Ахмед-паша намеревался подавить последние очаги повстанческого сопротивления в Герцеговине, но в конечном итоге, удовлетворившись выдачей черногорцами заложников, амнистировал повстанцев, в том числе и Данилу. На обратном пути его войска понесли чувствительные потери от черногорцев, до 500 человек по венецианским данным⁷⁸.

Между тем Милорадович в сопровождении нескольких человек в августе 1712 г. отправился в Россию. Данило поручил Милорадовичу лично изложить Петру I черногорские события и несмотря на международные обязательства, вытекающие из Прутского договора, не оставить Черногорию без внимания⁷⁹. Вместе с Милорадовичем в Россию должен был ехать и черногорский воевода Славуй Джакович (Славуй Николаевич по некоторым русским источникам). Однако он задержался в Черногории до конца сентября. В Россию Джакович отправился только тогда, когда получил «в народе монтенегринском» письма для российского руководства и письменную инструкцию, обязывающую его узнать, точно ли царь Петр I заключил с турками мир, тогда бы и черногорцы стали «с турками примирения искать». В том случае если же мир не заключен, черногорцы изъявляли готовность по повелению царя продолжать воевать с турками и просили лишь снабдить всем необходимым для военных действий⁸⁰. Из всего этого проистекало, что смиренность, которую все же продемонстрировали черногорцы Ахмеду-паше, была мнимой, и туркам вновь не удалось окончательно покорить Черногорию. Вместе с Джаковичем отправился и капитан И. Лукачевич (Иван Подгорица, так его именовал Джакович), однако он не доехал до России и задержался в Берлине «до указа», по крайней мере до конца декабря 1712 г.⁸¹

Рассчитывая на помощь со стороны России, состоящая из 4 человек (Иван Албанез, Славуй Джакович, Сава Брайович, Сава Михайлович) делегация черногорцев во главе с М. Милорадовичем после долгих проволочек все же добилась встречи с царем. Она состоялась в декабре 1712 г. в Германии, в Шлезвиг-Голштейне. В это время опасность возобновления новой, уже третьей по счету, русско-турецкой войны нарастала. Султан Ахмед III даже издал в декабре фирман об объявлении войны России, однако военные действия турки не начинали. Учитывая сложившуюся обстановку, Петр I 30 декабря 1712 г. (10 января 1713 г.) указал Сенату о срочном отправлении Милорадовича и «товарищей его» на войну с турками, чтобы они «против сих неприятелей всякие происки и военный промысл чинили со усердным радением»⁸². Хотя в указе и не было сказано, куда должен отбыть Милорадович с товарищами-черногорцами, однако, безусловно, это

была Черногория, не случайно же Славуй Джакович давал свои показания о готовности черногорцев воевать с турками именно 30 декабря. Таким образом, получалось, что черногорцы опять должны были выступить запевалами в военном концерте, который Петр I намеревался устроить туркам на Балканах. Австрийские сербы также были предупреждены о начале войны⁸³. Однако Ахмед III, хотя шведская и французская дипломатия и пытались втравить его в войну с Россией, все же не рискнул начать реальные боевые действия, а с весны 1713 г. турецкие власти начали переговоры о мире. Поэтому Милорадович с черногорской командой так и не был направлен на Балканы из Москвы, где они пребывали с самого начала 1713 г., переехав затем в Петербург. Дальнейшая карьера Милорадовича сложилась весьма удачно во всех отношениях. Он все же получил задолженность за Черногорию в 500 червонных, в мае 1715 г. был награжден украшенным бриллиантами портретом Петра I и продолжил службу в Малороссии, получив чин Гадячского полковника.

Русско-турецкие переговоры о мире шли своим чередом, но в российских дипломатических кругах, привыкших к непоследовательной и непостоянной политике Порты, были опасения, что переговоры о мире могут все же к нему не привести. Поэтому Савва Рагузинский, сообщая Г.И. Головкину о выделении денежного жалования Милорадовичу и вышеупомянутым черногорским представителям, одновременно предлагал канцлеру отписать «тамошним народам», чтобы и к будущему году они готовились воевать против неприятеля, а пока «лестили бы туркам к приятни, дабы и впредь могли лучше обмануть»⁸⁴. О том, что интерес русской дипломатии к черногорцам и иным православным народам не пропал, свидетельствуют и проекты использования балканских славян в борьбе против Османской империи, поступавшие в Петербург через посредство российского посла в Вене А.А. Матвеева (1712-1715). Так, еще в январе 1713 г. посол в своей реляции излагал подробности переданного ему «волошским секретарем» плана антитурецкого восстания. В нем отмечалось, что так как Россия не может надеяться на скорую помощь «христианских принцов», которые могут действовать только в угоду своих собственных интересов, то необходимо найти способы к «поднятию бунтов» между народами, недовольными турками. При этом в проекте выделялись именно черногорцы как народ склонный к нападению на турок, и ему одна только «надежда о грабеже подает способ к подвигу». Излагая план предстоящей кампании, автор обещал без каких-либо затруднений собрать многотысячное войско⁸⁵. Другой проект, присланный А.А. Матвеевым и полученный им от уже упоминавшегося российского политического агента в Венеции Каретты 16 (27) ноября 1713 г., выглядел внешне еще более привлекательным. В нем излагался план формирования на Балканах 500-тысячного повстанческого войска из черногорцев, сербов и других православных народов, с помощью которых царь Петр I сумел бы выгнать турок из Европы. Каретта особенно подчеркивал дешевизну своего проекта, затраты сводил к обеспечению повстанцев оружием и боеприпасами и считал нужным дать повстанцам «генерала или иного какова начальника, который б их управлял и в добрый порядок приводил»⁸⁶. Безусловно, этот проект был нереален, хотя бы в силу демографической ситуации на Балканах и в силу этого абсолютной невозмож-

ности собрать полумиллионную армию повстанцев, не говоря уже о внешнеполитических обстоятельствах, поскольку в июле 1713 г. между Россией и Османской империей был заключен Адрианопольский мирный договор сроком на 25 лет, в котором о балканских славянах, впрочем, как и в Прутском, не было никакого упоминания.

К началу XVIII века в государственном организме Османской империи завелась и стала распространяться гниль, и это произошло как раз в то время, когда жизненные силы обновленной Петром I России продолжали все нарастать. Однако процесс разложения и упадка Османской империи был длительным, и на этом пути она временами демонстрировала если не быструю сокрушительную мощь, то по крайней мере способность эффективно постоять за себя. Это наглядно продемонстрировал Прутский поход. Прутский договор, лишивший Россию возможности доступа к Черному морю, был щедрым подарком султану, но и он отвечал лишь оборонительным целям турок. Петр I, хотя уже и проявил себя как защитник православных христиан, но он был достаточно осмотрительным монархом, чтобы торопиться и с большей отдачей выступать и далее в подобной роли, поскольку в это время он был нацелен на решение своей ближайшей стратегической задачи – утверждение России в качестве державы на Балтийском море.

Тем временем черногорцы не обманывали турок и не льстили им, как предлагал Савва Рагузинский, а продолжали бесконечную «малую войну» с ними, и это беспокоило и озлобляло Порту, заставляло ее вновь применять радикальные меры против черногорцев. Это не осталось вне поля зрения российской дипломатии. Посол в Константинополе П.П. Шафиров доносил канцлеру о военных приготовлениях турок, направленных «против монте-негринов, которые и по се число непокорливы и никакой дани им не платят...»⁸⁷. Он даже назвал имя будущего командующего военной экспедиции – Нуман-паша.

Второй после 1712 г. военно-карательный поход против черногорцев продолжался с сентября по начало ноября 1714 г. Поделенное на три корпуса войско, состоящее из турок и албанцев, султан поручил возглавить боснийскому визирю, бывшему еще недавно великим визирем, Нуман-паше Чуприличу, который огнем и мечом прошел по всей Черногории. Визирь отдал войскам приказ сравнять без пощады с землей Черногорию, отсечь как можно больше голов и чтобы даже «камень на земле, которую покорили, сделался красным от крови черногорской». Эта карательная экспедиция турок стала наиболее опустошительной для страны. Около 2 тысяч черногорцев погибло, только у высочайшей горы Черногории Ловчен было убито порядка 500 человек, в рабство турки увели по различным оценкам от 2 до 5 тысяч человек. Были разрушены села, церкви и монастыри. Вновь была захвачена резиденция митрополитов – Цетинский монастырь. Более всего от турок пострадала Катунская нахия, которая всегда была центром сопротивления врагу, символом освободительной борьбы черногорцев⁸⁸. Никогда черногорцы, ни до, ни после, не испытывали подобного поражения. 1714 г. стал черным годом Черногории, а кровавая «Нуман-паши година» надолго запала в народную память.

О том, что произошло в Черногории, в России узнали от бывшего тогда в Петербурге брата митрополита Данилы Дамяна Шчеповича, прибывшего

сюда вместе с архидьяконом Максимом по поручению митрополита. При российском дворе с сочувствием и состраданием отнеслись к черногорским бедам. Было принято решение, дающее возможность переселиться в Россию всем желающим черногорцам, с предоставлением годных для поселения земель. Монахам разоренных черногорских обителей было предложено прибежище в российских монастырях. Каких-либо «знаков милости царской», и, в частности, портретов Петра I в драгоценном обрамлении, было решено не давать, поскольку из-за мира с турками сделать это было невозможно. Однако вероятность военных действий против турок полностью все же не исключалась, если в условиях начавшейся уже венецианско-турецкой войны турки окажутся в таком положении, когда «опасности от них не будет». Также решено было не направлять в Черногорию грамоты к митрополиту Даниле и народу, поскольку черногорцы были турками разогнаны и скрываются по различным местам⁸⁹.

Фирман султана Ахмеда III предписывал взять митрополита Данилу живым и доставить в Стамбул для последующей казни. На владыку была устроена настоящая облава. Поэтому еще до начала похода Нумана-паши он был вынужден бежать из Черногории и укрыться в венецианских владениях (Бока Которская). Одновременно около 600 черногорцев, не пожелавших покориться туркам, нашли себе убежище в своих неприступных горах⁹⁰. В связи с этим Порта настояла на закрытии Венецией границы, что еще более ухудшило и без того крайне тяжелое положение черногорцев.

В ноябре 1713 г. Данило писал Петру I, прося у него решительного ответа, что делать черногорцам. «Мы с неприятелями до сих пор еще верного мира не имеем, – отмечал митрополит, – также и венециане озлобляют нас тайным лукавством, сносятся с турками к нашему вреду ... Премилостивейший государь, царь непобедимый! Призри на озлобление наше, наставь нас, что нам делать! И как от врагов наших спасение получить?»⁹¹. С этого времени черногорский митрополит окончательно становится приверженцем России. В том же 1713 г. в письме к своему брату Раде Данило подчеркивал: «Я – Москвы, Москвы, Москвы. Говорю, говорю, говорю: чей я – того и вся земля»⁹². Отныне Россия для черногорцев стала символом веры и надежды в их освободительной борьбе, деле государственных преобразований, а культ Петра Великого навсегда утвердился в сознании черногорцев и их церковных иерархов.

§2. Политические и церковные связи Черногории и России в первой половине XVIII века

Укрывавшийся в Боке Которской митрополит Данило в конце 1714 г. отправился в Вену, где в ожидании разрешения на поездку в Россию он провел несколько месяцев, а затем отбыл в Петербург, куда прибыл в апреле 1715 г. Черногорский владыка получил аудиенцию у Петра I и подал прошение царю, состоящее из шести пунктов: 1) Установление над Черногорией покровительства России, которая должна учитывать ее интересы при заключении будущих договоров с Османской империей. Об этом если невозможно известить открыто, то следует сообщить тайно. 2) Обращение к черногорскому народу с новой грамотой от имени царя с выражением бла-

госклонности и благодарности за героизм черногорцев, проявленный в антитурецкой борьбе «во славу русского царского трона и ради христианской веры». Черногорский же народ по призыву царя готов и впредь проливать свою кровь. 3) Возмещение ущерба, нанесенного населению Черногории, Герцеговины и Брды в ходе боевых действий против турок. Предлагается в знак признательности наградить повстанцев 60 малыми и большими медалями. 4) Поскольку турки разорили Цетинский монастырь, уничтожили его ризницу и церковные вещи, сожгли богослужебные книги, то требуется все это обновить. 5) Возвращение на родину из Петербурга тех черногорских «офицеров», которые пожелают вернуться, желающим же остаться в России обеспечить условия для жизни и службы. 6) Поскольку полковник Милорадович, Иван Албанез и владыка Данило покупали во время боевых действий с турками различные боеприпасы, и в первую очередь порох и свинец, то следует возместить убытки. При этом не следует забывать и о возврате церковных денег, занятых Павлом Аркулеем сверх 1100 золотых гульденов⁹³. В ответ на просьбы черногорского владыки в июле 1715 г. царь издал жалованную грамоту, в которой Петр I благодарил своих югославянских союзников за помощь в войне с Османской империей. Российский монарх замечал, что потребовавшая больших затрат война «с еретиком королем шведским» не дает ему возможности по достоинству наградить всех. Все же черногорцы награждались 160 золотыми медалями с портретом Петра I, 5 тысячами рублями на помощь разоренным людям. Кроме того, митрополит Данило получил 5 тысяч рублей на восстановление монастырей и оплату военных долгов⁹⁴. Деньги для черногорцев выделялись из средств московского губернатора К.А. Нарышкина, которому Сенатом было строго предписано ускорить их отправку в Посольский приказ, поскольку в этом «есть нужда великая и государственный интерес»⁹⁵. Поскольку Россия в то время находилась в мирных отношениях с Османской империей, Петр I призывал всех югославян, в том числе и черногорцев, живущих «под владением турецким»⁹⁶, соблюдать мирные отношения с турками, но быть готовыми по первому зову России вновь вступить в антитурецкую борьбу. Зная, что Черногория разорена турками и как при этом пострадал Цетинский монастырь, Петр I специальной грамотой установил постоянную субсидию Цетинскому монастырю (каждые три года по 500 рублей). Учитывая то обстоятельство, что во время военных действий 1714 г. ризница митрополита была полностью разграблена турками, по указу Петра I предписывалось выдать Даниле «всю полную митрополию», включая церковную одежду и все необходимое к богослужению. Роспись различных предметов включала в себя 53 наименования⁹⁷. Из России Данило увозил не только официальные награды и подношения, но и приобретенные им лично в Москве, где он остановился по пути на родину, книги. Это были антираскольническая «Скрижаль» (1655 г.), «О священстве» Иоанна Златоуста (1664 г.), а также такое раритетное издание, как оформленная гравюрами на меди по рисункам Симона Ушакова «История о Варлааме и Иосафе» Симеона Полоцкого (1680 г.), вымышленный герой которой, индийский принц Иосаф, и его духовный наставник старец Варлаам вошли в православный календарь⁹⁸. Любопытно заметить, что пустынный Варлаам на одной из гравюр изображен в более традиционном иконном стиле, а Иосафу преданы черты царя Фе-

дора Алексеевича. Таким образом, рождалась ассоциация с наставлениями Симеона Полоцкого юному царю, учителем которого он был.

Закончив дела, Данило отбыл в Киев. Владыке были устроены самые торжественные проводы, которых после не удаивался ни один черногорский священнослужитель, включая митрополитов. Вместе со свитой ему было выделено 14 упряжек с 42 лошадьми. В пути Данилу сопровождали свои черногорцы и сербы, воевода Славой Джакович, капитан И. Албанез, его брат Дамян Щепович и др. Их сопровождал русский проводник Петр Степанов, знавший местность и заботившийся о них в дороге⁹⁹. Канцлер Г.И. Головкин предписал малороссийскому гетману И.И. Скоропадскому, чтобы в проезде митрополита Данилы через малороссийские города «изволите его принять приятно и прикажите давать ему по подорожным подводы и в протчем показать приязнь и в требовании его вспоможение»¹⁰⁰. И все это было выполнено гетманом. По пути митрополита и его свиту со вниманием и почтением принимало население и местные органы власти городов и сел. По приезде в Киев владыка направил письмо Г.И. Головкину с выражением благодарности и признательности за прием и проявленную заботу¹⁰¹.

Возвращаясь на родину через Вену, митрополит Данило встретился с принцем Евгением Савойским. Во время их беседы обсуждался план привлечения Черногории к антитурецкой борьбе в условиях уже начавшейся войны Австрии и Венеции против Османской империи, о чем речь пойдет ниже. Эта встреча митрополита со знаменитым австрийским полководцем положила начало установлению связей Черногории и Австрии. В апреле 1716 г. Данило вернулся в Черногорию и застал ее совершенно опустошенной. «Все разорено, расхищено и мечу предано, и в плен отведено, а некий малый остаток в горах спасалось и сохранилось», – вспоминал в дальнейшем в письме к Г.И. Головкину владыка¹⁰². Митрополит Данило принялся приводить в порядок то, что еще осталось. На средства, полученные в России, он выкупил пленных, возвратил долги, наделил деньгами особо нуждающихся черногорцев. Был восстановлен Цетинский монастырь и кафедральный собор Рождества пресвятой Богородицы. Однако недостаток средств не позволил Даниле продолжить восстановительные работы, остальные церкви оставались в заброшенном состоянии, в полном запустении¹⁰³.

Со времени поездки Данилы в Россию и черногорцы, и их владыки стали считать, что Черногория находится под покровительством единоверной и единокровной России. Встречавшийся с Данилой вскоре после его возвращения из России которский провидур (градоначальник) Себастиан Вендрамини, характеризуя владыку, замечал: «В сущности нет у него ни в сердце, ни на языке ничего другого, кроме русского царя. Зовет он его своим богом на земле...»¹⁰⁴.

Установление политических связей между Россией и Черногорией ожидало и церковные взаимоотношения между Цетинской митрополией и русским Синодом. Черногорская церковь стала получать из России церковное облачение для священников, в том числе и владык, церковные книги и пр. Россию будут посещать не только черногорские митрополиты, но и другие священнослужители. Черногорскому духовенству разрешалось собирать пожертвования в русских храмах. Прорусская ориентация Черногории не препятствовала сохранению довольно тесных отношений с Венеци-

ей. К этому обязывало близкое соседство, а также зависимость Черногории от рынков венецианского Приморья. Кроме того, когда Венеция вступала в войну с Турцией в 1714 г., этим извечным врагом Черногории, черногорцы забывали на время прежние обиды и проявляли готовность воевать против общего неприятеля.

Такая возможность вновь представилась в конце 1714 г., уже после карательного похода Нумана-паши на Черногорию. Предлогом к войне послужило то, что венецианские власти отказались выдать укrywшегося в Приморье, в Боке Которской, митрополита Данилу и около 2 тысяч черногорцев, из которых 500 человек были способны и готовы воевать¹⁰⁵. Нуман-паша доложил Порте, что тем самым Венеция нарушила условия Карловицкого договора 1699 г., заключенного между Османской империей, с одной стороны, и «Священной лигой» – Австрией, Россией, Венецией и Речью Посполитой – с другой. Венецианский посол в Константинополе Андреа Меммо был вызван к воинственному великому визирю Дамаду Али-паше, который сообщил ему, что вследствие последних событий, связанных с Черногорией и перехватом венецианцами турецкого корабля в Адриатическом море, султан объявляет войну Венеции¹⁰⁶, после чего венецианский посол традиционно был посажен в Семибашенный замок. Однако все это было лишь поводом к венецианско-турецкой войне 1714-1718 гг. В действительности Порта хотела отвоевать Морею (Пелопоннес), материковую часть Греции, которую турки вынуждены были уступить Венеции по Карловицкому договору. Венецианцы обратились за помощью к европейским государствам, но получили уклончивые ответы, не считая одной или двух галер, предложенных римским папой Климентом XI и мальтийскими рыцарями. Тогда венецианцы обратились к черногорцам, но те, за исключением грблян, хорошо проученные Нуманом-пашой, предпочли пока остаться в стороне. К тому же тогда они ждали возвращения из России своего владыки митрополита Данилы.

В Далмации вследствие военных действий, начавшихся между турками и венецианцами, сложилась катастрофическая ситуация с мирным населением. Повальный голод косил тысячами людей, по дорогам бродили толпы женщин, стариков и детей, просящих милостыни и хлеба, люди ели траву и кору с деревьев¹⁰⁷. Ситуация начнет меняться для Венеции в лучшую сторону лишь в 1716 г., когда Венеция заключила союзный договор с Австрией и блестящий австрийский полководец принц Евгений Савойский начал одну за другой одерживать победы над турками. Эта радужная перемена в военных обстоятельствах не осталась без внимания и в Черногории. Митрополит Данило направил к Евгению Савойскому своего посланника, в прошлом капитана русской службы Николу Раича с просьбой, чтобы Австрия помогла черногорцам в борьбе против турок, а в ответ они изъявили готовность воевать на ее стороне. Это предложение принц Савойский передал Военному совету, который не откликнулся на эту просьбу владыки, оставив ее без внимания¹⁰⁸. Надо сказать, что турки в это время опять стали совершать набеги на территорию Черногории. Так, в апреле 1717 г. герцеговинский паша Ченгич с большим отрядом неудачно для себя атаковал племя Цуце в Катунской нахии, особо ненавидимой турками. В результате погибло и было взято в плен много турок

из самых влиятельных семей Герцеговины¹⁰⁹.

Россия была далеко и к тому же замирилась с турками, Австрия фактически проигнорировала предложение Данилы об антитурецком союзе. Логика действий подталкивала на союз с Венецией, но Данило, крайне неприязненно относившийся к Венеции, этому противился. Венецианцы, видя в Даниле главное препятствие для вовлечения черногорцев в борьбу с турками и являясь непревзойденными мастерами по приготовлению ядов, постановлением суда инквизиции от середины сентября 1716 г. решили отправить владыку¹¹⁰, но, к счастью, сделать этого им не удалось. Черногория оказалась поделенной на два лагеря. Один, во главе с Данилой, был против союза с Венецией, однако победа осталась за сторонниками венецианцев. Старейшины Катунской нахии в феврале 1717 г. направили в Венецию представительную делегацию во главе с Вукадином Вукотичем. Черногорские представители согласились выставить 5-тысячное войско против турок, но взамен потребовали от Венеции политической защиты, а также, помимо прочего, сохранения внутреннего самоуправления с созданием нового светского института власти в виде губернаторства и восстановления права духовной юрисдикции Цетинской митрополии над православным населением и церковным клиром Боки Которской¹¹¹. Пожелания черногорцев сенат республики Св. Марка удовлетворил. Однако Черногория, хотя и в мягкой форме, признавала тем самым протекторат Венеции над ней.

В целом непосредственное боевое сотрудничество между черногорцами и венецианцами не принесло реального успеха. Боевые действия в Далмации по захвату Бара и Улцина были безрезультатными, хотя в нападении на Бар в октябре 1717 г., в котором участвовали 1200 черногорцев во главе с Данилой, сам владыка продемонстрировал незаурядную храбрость¹¹². В 1717 г. Венеция установила в Черногории светскую должность губернатора (гувернадура), что, впрочем, как было сказано выше, являлось идеей самих черногорцев. Функции губернатора вначале ограничивались внешней политикой, но в дальнейшем губернаторы стали небезуспешно претендовать на светскую власть, и их роль в народных собраниях иногда была определяющей. Первоначально эта должность закрепилась за семейством Вукотичей. Первым губернатором стал уже упоминавшийся Вукадин Вукотич из Катунской нахии, а затем эта должность перешла к Радоницам, которые вступят в политическое соперничество с митрополитами. Губернатору и ряду племенных старейшин власти Венеции установили денежную плату, что делало их проводниками венецианской политики в Черногории. Впрочем, губернаторы не всегда придерживались сугубо провенецианской ориентации в политике. В дальнейшем, при удобном случае, они проявляли готовность сотрудничать и с Россией, не порывая при этом тесных связей с Венецией, а затем и Австрией. Однако в целом институт губернаторства не сыграл все же положительной роли в истории Черногории.

Тем временем война шла на убыль, и в июле 1718 г. в сербском городе Пожаревац (Пассаровиц) был подписан мирный договор. Посредником, как и в Сремски-Карловци, были британский и голландский послы при дворе султана, которые вновь выступили инициаторами принципа *uti possidetis* – «сохраняем то, что имеем». Наибольшую выгоду от этого мира получила Австрия. К ней, помимо прочего, отошла большая часть Сербии, включая

Белград. Союзник австрийцев Венеция оказалась в результате этого мира в крайне невыгодном положении. Турки оставляли за собой Морею, из-за которой, собственно, шла основная борьба между Венецией и Османской империей. Венеция в качестве слабого утешения сохраняла свои завоевания в Далмации, получив при этом от Османской империи официально принадлежавшее ей черногорское Приморье с общинами Грбаль, Маине, Побори, Браичи, отняв тем самым у Черногории выход через Грбаль к Адриатическому морю. При этом согласия черногорцев не требовалось, поскольку формально Черногория являлась составной частью Османской империи.

Напоследок венецианцы решились на отчаянную и рискованную военную операцию. Через два дня после заключения Пожаревацкого мира венецианцы, к которым затем на суше примкнули и черногорцы во главе с Данилой, высадившись с кораблей, осадили Улцин. Осада продолжалась три недели и закончилась тем, что венецианцы ее все же сняли и на кораблях возвратились обратно¹¹³. Вполне возможно, что эта авантюра, которая могла закончиться новой войной Венеции и Османской империи, была спровоцирована теми политическими силами республики Св. Марка, которые не желали смириться с условиями Пожаревацкого мирного договора, но сделать это все же им пришлось. Как позднее замечал другой черногорский митрополит Василий Петрович (1750-1766), черногорцы узнали о мире не от венецианцев, а от венского двора¹¹⁴, и это неудивительно, поскольку венецианцам было что скрывать от своих союзников-черногорцев.

С этого времени Венеция постепенно становится угасающим государством, ее бывшее военное и политическое влияние в средиземноморском регионе, включая Адриатику, стремительно падает. Новые хозяева черногорского Приморья ничем не компенсировали Черногории важнейшие для его экономики и народонаселения территориальные потери. Кроме того, венецианцы в конечном итоге оказались далеко не лучшими соседями. Венецианские власти поощряли междоусобицы и сепаратизм в Черногории, тайно провоцировали пограничные конфликты своих подданных и черногорцев, оставаясь при этом в тени. Венеции не была нужна сплоченная и сильная Черногория, в этом случае она могла стать ее серьезным соперником, способным повести за собой и значительную часть славянского населения венецианских владений. Нестабильная, раздираемая внутренней враждой Черногория была более приемлема для венецианцев. Кроме того, за помощь, которую Черногория оказала Венеции, Порты лишь еще более на нее ожесточилась, что сулило черногорцам новые конфликты с Османской империей. Митрополит Данило никогда не испытывал каких-либо особых симпатий к Венеции, но под влиянием обстоятельств вынужден был сотрудничать с сеньорией. При Даниле отношения между Черногорией и Венецией не были искренними с обеих сторон, здесь каждая сторона преследовала свои цели. Черногория рассчитывала при помощи Венеции добиться успехов в освободительной борьбе. В свою очередь Венеции черногорцы были нужны только как активная и хорошо подготовленная военная сила, которая успешно использовалась республикой в войнах с Турцией. В конечном итоге в выигрыше оказалась Венеция, по-своему «отблагодарившая» черногорцев, присоединив к себе ее приморские общины. Пожаревацкий мир положил конец тесному сотрудничеству Черногории с

Венецией. С этого времени большинство черногорцев рассматривало республику Св. Марка как ненадежного партнера, с которым вынужденно, под давлением обстоятельств, приходится взаимодействовать. И Данило вновь обращается за помощью к России. В 1721 г. он направляет в Петербург архимандрита Леонтия с просьбой оказать помощь Черногории. В задачи Леонтия входило получение очередной денежной субсидии для Цетинского монастыря, пожалованной Петром I в 1715 г., и недополученной компенсации по возмещению церковных расходов на боеприпасы и вооружение, сделанных М. Милорадовичем. Кроме того Леонтий добивался получения крупной денежной суммы в 1100 червонных, занятой, как уже отмечалось, Павлом Арколео¹¹⁵. Эти требования митрополита, хотя и не полностью, были удовлетворены, включая задолженность Арколео, за которую русское правительство чувствовало моральную ответственность¹¹⁶. Приверженный к России митрополит Данило тяжело переживал смерть Петра I, которого он считал своим покровителем. Об этом свидетельствует его письмо канцлеру Г.И. Головкину в октябре 1725 г., где говорится: «Мы, нижеподписавшиеся с великим плачем, с непрестанными слезами пишем и тяжело и горько плачем, что не успели еще поцеловать живую царскую святую десницу»¹¹⁷.

Венецианцы понимали, что Черногория уходит из сферы влияния Венеции. В июле 1729 г. генеральный провидур Далмации и венецианской Албании, анализируя личность и политику Данилы, предупреждал дожа, что митрополит Данило «поощряемый русским золотом, внушил черногорцам преданность царю в ущерб Венеции...», он сеет между нашими «новыми подданными семена отвращения и ядовитые инсинуации, дабы отвратить их от преданности и верноподданничества Венеции»¹¹⁸. Генеральный провидур в конечном итоге оказался прав. В дальнейшем эти приморские общины, за исключением Грбаля, занимавшего более нейтральную позицию, ориентировались на Черногорию, желали вновь воссоединиться с ней.

В последние годы своего правления владыка Данило был тяжело болен, он едва мог передвигаться и почти отошел от государственных дел. В 1735 г. митрополит Данило Петрович Негош скончался. Митрополит Данило был первым политическим и религиозным деятелем, привнесшим в черногорское общество идею борьбы за обретение политической и государственной независимости, не сводя ее при этом к упрощенной форме избавления только от налогового бремени, наложенного Османской империей. Встав на путь борьбы за суверенитет Черногории и понимая, что в существующих международных условиях одна Черногория его практически не может добиться, Данило стремился в этом процессе заручиться поддержкой России. Поэтому он добивался установления над Черногорией покровительства России. Предначертанный им путь политического развития Черногории продолжался весь XVIII век и далее.

После смерти Данилы в 1735 г. его преемником на митрополичьем престоле стал Сава (1735-1781), проявивший себя безвольным и слабым политиком. С его приходом к власти «племена вновь вскочили одно на другое, кровавая месть заступила место решения судом, всюду начались воровство и грабежи, никто не чувствовал себя безопасным», – отмечал П.А. Ровинский¹¹⁹. Боясь кровной мести, черногорец не расставался с оружием, даже когда шел за водой или дровами. Дети с 10 лет носили с собой ружье, которое всегда было

заряжено. Родственники по обычаю хранили окровавленную одежду убитого, чтобы воспламенить месть своих близких. Так поступали и матери малолетних детей, чтобы показать ее повзрослевшим детям. Глава семейства даже на смертном одре призывал помнить о кровной мести¹²⁰. Следует заметить, что в Черногории племенная мораль наиболее тяжкими преступлениями считала те, которые были направлены против обычаев и религии¹²¹. Кровная месть рассматривалась черногорцами как обычай, поэтому она не осуждалась общественным мнением. Простить убийцу могли только родственники жертвы кровной мести. Обычай также предоставлял возможность убийце откупиться деньгами за совершенный акт кровной мести. Идя на поводу у племенных обычаев, Сава, случалось, даже оправдывал кровную месть. Так, например, он весьма бесхитростно аргументировал убийство черногорцем из-за кровной мести приморца из племени Побори тем, что последние – люди бедные и могли рассчитаться только головой родича¹²². Когда враждующие стороны все же уставали от вражды, то между ними могло наступить примирение. Для этого обе стороны избирали судей из числа наиболее уважаемых людей племени и чьи кандидатуры устраивали враждующих. Судьи производили подсчет убитых и раненых с обеих сторон. Та сторона, которая при подсчете оказывалась более потерпевшей, получала удовлетворение деньгами. Обычная плата за убитого составляла 132 дуката (червонца), 4 цванцигера и 1 пару (мелкая монета), которая разделялась пополам и привешивалась к договору о мире. Отрубленная рука, нога или другие раны, делавшие человека калекой, считались за «половину головы»¹²³. Примиряющиеся стороны оплачивали судебные издержки, получали в свои руки приговор, обычно утверждавшийся митрополитом. Такое примирение происходило и при Даниле, и при Саве, и в дальнейшем. Однако Сава менее других митрополитов проявлял склонность бороться с кровной местью и даже, как отмечалось выше, иногда оправдывал ее.

Вместе с тем Сава проявил себя как рачительный хозяин, заботившийся о приумножении церковного имущества. Как свидетельствуют документы, Сава, став митрополитом, практически сразу же стал интенсивно скупать земли у крестьян-общинников для Цетинского и других монастырей¹²⁴. При этом, однако, следует заметить, что некоторые черногорцы уступали свою землю с условием, что они сами и их семьи находились на содержании монастыря до смерти. Кроме того, как замечал позже митрополит Петр I Петрович Негош, для многих черногорцев Цетинский монастырь являлся «домом общенародным, корчмой бесплатной»¹²⁵. А для этого нужна была земля, урожай с которой шел не только на нужды церкви.

Во внешней политике митрополит Сава попеременно придерживался то прорусской, то провенецианской симпатий. В 1729 г. генеральный провидур Далмации Д. Дольфини сообщал республике, что владыка Сава искренне предан России «по вере и по завещанию своего дяди», и считал его человеком опасным для Венеции¹²⁶. Несколько позже другой провидур Ф. Гримани замечал, что у Савы «в сердце укрепленна преданность Венеции»¹²⁷. В дальнейшем провенецианская ориентация Савы будет усиливаться. Немалую роль в этом будут играть губернаторы, успешно воздействуя на слабохарактерного митрополита.

В 1735 г. Россия вступила в очередную войну с Османской империей, а в 1737 г. к ней присоединилась союзная Австрия. Австрийцы, рас-

считывая поначалу на легкий успех, нанесли единовременный удар по нескольким направлениям, в том числе и по Сербии, где им поначалу сопутствовал успех. Этому в немалой степени помогло то, что сербский патриарх Арсений IV Йованович, сбежавший из турецкого заточения и укрывшийся в Брде, сумел частично поднять на антитурецкое восстание племена Кучей, Васоевичей, Братоножичей, Пиперов, а также североалбанские католические племена Климентов, Хотов, Кастриотов и Грудов¹²⁸. Усиленные повстанцами австрийские войска заняли в Сербии г.Ниш и пробились к Старой Сербии (Косово и Метохия). Однако далее последовала череда поражений, заставившая Австрию в 1739 г. подписать с Турцией сепаратный Белградский мир, к которому была вынуждена присоединиться и Россия. Черногорцы в этой войне не проявили какой-либо активности. За это сербский патриарх Арсений IV упрекал черногорцев: «Удивляет меня Черногория, когда государства живут в мире, тогда вы воюете против врагов христианства, а сейчас сидите тихо и не подаете голоса»¹²⁹. Словно устыдившись этого укора, черногорские четы в 1737 г. совершили большое количество боевых рейдов в Герцеговину. По признанию самих турок, в деле снабжения их войск провиантом от этих акций был больший ущерб, чем от действий австрийцев¹³⁰. Сложно утверждать, но, возможно, у австрийцев пошли бы дела лучше, если бы они предприняли диверсионную операцию против турок через географически выгодную Черногорию. В этом случае черногорцы, отличавшиеся наибольшей воинственностью на Балканах, непременно бы поднялись на борьбу против своего злейшего врага – турок, поведя за собой и других. Все это было уже проверено в 1711-1712 гг., когда по призыву Петра I черногорцы все как один восстали против турок.

После окончания русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Порта вновь инспирировала карательные экспедиции против Черногории. Об этом русского резидента в Константинополе А.А. Вешнякова в сентябре 1742 г. обстоятельно проинформировали черногорские старейшины¹³¹. В своем обращении они сообщали, что турки «воздвигнув неукротимый гнев» атаковали Черногорию с трех сторон: из Боснии, Северной Албании и из турецких владений в Приморье (Улцин, Бар). Кроме ставших уже привычными для черногорцев опустошений пограничных сел, грабежей и массовых убийств, разграблений и разрушений церковей мусульмане из Подгорицы захватили принадлежавшие Цетинской митрополии пахотные земли, виноградники, водоемы и рыбные места на Скадарском озере. Одновременно с этим, информировали старейшины, венецианцы «на нас мерзят, москвитами зовут и турок на нас острят». Возлагая все надежды только на Россию (ибо «бойтсе турски султан царства Московского яко же заец великого орла»), черногорские «поглавари» просили: 1) чтобы турки никогда впредь на Черногорию не нападали, а Черногория не платила туркам дань; 2) чтобы императрица написала в Венецию, и венецианцы перестали «злоторения чинить Черной Горе»; 3) исходатайствовать у султана возвращения церковных земель, принадлежащих церкви Св. Троицы в Горичанах и Св. Богородицы в Комае.

Для реализации всего этого старейшины считали необходимым приезд в Подгорицу специального турецкого посланника от султана с целью уста-

новления мира между турками и черногорцами. По мнению югославского историка Г. Станоевича, идея о свободной Черногории, которую привнес в черногорские племена владыка Данило, «получила сильный импульс в обращении черногорских старейшин: опираясь на Россию добиться своей независимости»¹³². Кроме прочего, черногорские старейшины в письме к Вешнякову излагали свое виденье освобождения сербского народа от турецкого ига. Они увязывали это с войной России против Турции и вступлением русских войск в «сербскую землю, на поле Косово». Тогда бы все христианство было едино и заодно и возникла бы мощная христианская держава от моря и до моря. Таким образом, черногорское руководство проявляло заинтересованность не только в окончательном освобождении своей родины из-под власти Порты, но и стремилось с помощью России освободить всех сербов от османского ига. Кроме прочего, это объясняется еще и тем, что черногорцы в XVIII-XIX вв. не отделяли себя от сербов, хотя и осознавали свою специфику.

В ответных письмах к митрополиту Саве и черногорскому збору А.А. Вешняков советовал проводить сдержанную политику в отношении Турции и жить в мире с турками и венецианцами¹³³. Эта позиция объясняется нежеланием русского правительства и недавно вступившей на престол Елизаветы Петровны обострять отношения с Турцией. Слабеющая Османская империя могла еще продемонстрировать Европе и России умение ожесточенно сопротивляться. Даже гром побед над Азовом, Яссами и Ставучанами в войне 1735-1739 гг. не мог оправдать той человеческой мясорубки в ходе русско-турецкой войны, которая унесла около ста тысяч человеческих жизней и стоила России многих миллионов рублей. И в Петербурге помнили об этом. Поэтому не только в отношении Черногории, но и Балкан в целом Россия проводила осторожную политику, не желая раздражать Порту, ревниво относящуюся к возрастающему влиянию России на балканские народы.

Все же Вешняков, объясняя Саве, как трудно заступаться российскому дипломату за черногорцев, преследуемых за преданность России, обещал «тайно и издалека и посторонним образом, хотя малую им помощь подать». Одновременно он обещал митрополиту содействовать переселению особо гонимых черногорцев в Россию¹³⁴. Информировав Петербург о том, что черногорцы действительно претерпевают великое гонение с двух сторон (то есть со стороны Турции и Венеции), А.А. Вешняков, отмечая необузданную храбрость черногорцев, предлагал их поселить «по линии к Крыму... для всяких впредь случаев»¹³⁵. Императрица не возражала против переселения партии черногорцев в Россию, хотя и опасалась, что Порта будет добиваться их выдачи. Одновременно Елизавету Петровну волновало и то, что переселение черногорцев создает прецедент для переманивания в Турцию татар и калмыков. Предупреждая своего резидента от излишнего обнадеживания, она вместе с тем предписывала Вешнякову при случае помогать черногорцам при дворе султана¹³⁶. И в дальнейшем российский резидент по мере возможности оказывал помощь черногорцам.

Когда Елизавета Петровна инструктировала Вешнякова, в Петербурге уже находился митрополит Сава, куда он прибыл в апреле 1743 г. Во время отсутствия Сава его замещал племянник, архимандрит Василий Петрович,

сыгравший в дальнейшем значительную роль в истории Черногории, развитии русско-черногорских связей.

Сразу же по прибытии в русскую столицу митрополит Сава направил письменные обращения в Коллегию иностранных дел и Елизавете Петровне. В представлении на имя императрицы черногорский владыка перечислял те жертвы, какие понесла его родина, выступив по призыву Петра I в 1711 г. на борьбу с турками, которые называют черногорцев «гяурами», считая их российскими подданными, отчего черногорцы не отказываются¹³⁷. Сава просил ликвидировать задолженность по субсидии Цетинскому монастырю и выражал надежду на ее регулярную выплату в дальнейшем.

Удовлетворить просьбы митрополита не составляло труда, поскольку они не касались политических проблем, которые могли бы поставить русское правительство в затруднительное положение, обострить отношения России с Турцией. По указу императрицы задолженность Цетинскому монастырю за 21 год (1722-1743) по линии Синода в сумме 3500 рублей была выплачена. Было также выдано 3 тысячи рублей для вознаграждения народа и на восстановление церквей и монастырей, а также 1 тысяча рублей компенсации путевых издержек митрополита и его свиты. Помимо этого Синод выделил два патриарших облачения, архиерейскую шапку и церковные книги на сумму в 350 рублей¹³⁸. Получив все, что было положено, и проведя зиму в Петербурге, осенью 1744 г. митрополит Сава вернулся на родину. Несмотря на то, что официально миссия Савы Петровича не носила политического характера, она, несомненно, способствовала дальнейшему развитию русско-черногорских контактов, установлению регулярных отношений между Черногорией и Россией.

Между тем внутреннее и внешнее положение Черногории оставалось крайне сложным. В стране по-прежнему господствовала межплеменная разобщенность, кровная вражда и сепаратизм, мешавшие объединению усилий всего народа на борьбу с Турцией, античерногорской политикой Венецианской республики. В свою очередь ни Турция, ни Венеция не были заинтересованы в создании органов сильной централизованной власти в Черногории, способной навести порядок в стране. В этом случае Черногория могла бы достичь больших успехов в антитурецкой освободительной борьбе, успешно противостоять интригам Венеции, которая в отношении Черногории руководствовалась своим старым принципом «разделяй и властвуй».

Как уже отмечалось, обострение отношений с Венецией началось после Пожаревацкого мира, когда Черногория, воевавшая на венецианской стороне, лишилась выхода к Адриатическому морю. Помимо этого сказалось и то обстоятельство, что с этого времени Венеция больше никогда не воевала с Турцией, а это явно не устраивало Черногорию, и у нее появляется дополнительный стимул к развитию черногорско-русских связей. Черногорско-венецианское противостояние достигло апогея в начале 1740-х годов, когда провидуром Котора (глава администрации) стал Марко Кверин, а комендантом порта – Никола Болица. Венецианский сенат нанес чувствительный удар по экономике Черногории, запретив доступ черногорцам на приморские базары, лишив их возможности приобретать необходимые товары, продовольствие и порох¹³⁹. И хотя этот инцидент, как и некоторые

другие, был вскоре улажен, напряженность в черногорско-венецианских отношениях сохранялась.

В это время на политическом горизонте Черногории начинает эффективно проявлять себя соправитель митрополита Савы, его двоюродный брат Василий Петрович. Он родился в 1709 году в Негушах в семье Петровичей, игравшем, как уже отмечалось, важную роль в политической и религиозной жизни Черногории. Василий Петрович с детства знал генеалогию своего рода. Предназначенный со временем быть митрополитом, Василий совсем юным оказался в Цетинье, где под присмотром и опекой своего дяди владыки Данилы в монастырской школе научился читать и писать.

Свою внешнеполитическую деятельность Василий Петрович начал в 1740 г. с дипломатической переписки с венецианскими властями Котора в связи с различными проблемами, почти постоянно возникавшими в черногорско-венецианских отношениях. Следует заметить, что 1740 год явился знаковым в истории русско-черногорских отношений. Если ранее в основном священнослужители, получавшие из России «немалые милостыни и подаянии... были преданы российскому двору», то в 1740 г. к ним примкнули и черногорские старейшины, переставшие получать ежегодную плату от венецианских властей. С этого времени «черногорские начальники... отдались совсем от венецкаго правления, предались все России», – замечал посетивший позднее Котор со специальной миссией российский эмиссар Г. Мерк¹⁴⁰. И хотя через несколько лет Венеция вынуждена была восстановить денежную выплату черногорским старейшинам, черногорско-венецианские отношения от этого заметно не улучшились. Такая критическая ситуация заставила Василия Петровича, замещавшего уехавшего в Россию Саву, в апреле 1744 г. прибыть в Венецию. Василий Петрович в специальной Записке сенату республики, напоминая о заслугах черногорцев перед Венецией, сумел добиться отрешения от должности ненавистного черногорцам Н. Болицы, а также настоял на открытии для черногорцев рынка в Которе.

Успешная миссия Василия Петровича в Венецию способствовала росту его авторитета и влияния на значительную часть черногорского общества. По возвращении из России митрополит Сава, ревнуя Василия Петровича к его возросшему влиянию, предпринял энергичные меры для его нейтрализации. Сава, именуя Василия Петровича интриганом, всячески старался продемонстрировать венецианским властям свои симпатии к республике. Он утверждал, что Н. Болица оклеветан, заявлял о приверженности черногорцев Венеции и пр.¹⁴¹ В результате интриг митрополита Савы, Черногория оказалась поделена на две партии. Одна ратовала за старого владыку, знаменем другой стал Василий Петрович. Дело дошло до того, что амбициозный Василий Петрович, бывший тогда еще архимандритом, в 1745 г. представлял себя перед венецианскими властями черногорским владыкой¹⁴², хотя в сан митрополита он был рукоположен лишь через пять лет и в то время являлся помощником митрополита Савы, замещавшим его лишь на время отсутствия Савы в Черногории. Безусловно, разъединение Василия Петровича и Савы являлось злом для Черногории, но было на руку Венеции. И хотя острота конфликта между двумя родственниками и высшими церковными иерархами Черногории со временем притупилась, неприязнь между ними сохранялась до самой смерти Василия Петровича.

Если во взаимоотношениях Черногории и Венеции, несмотря на все расхождения, дело все же не доходило до постоянных вооруженных столкновений, то совершенно иначе складывалась ситуация на границах с османскими владениями. Здесь жесткое военное противостояние было нормой для черногорцев. Жизнь складывалась по формуле «или черногорцев режут, или черногорцы режут». В письме от 15 (26) июля 1743 г. к российскому резиденту в Константинополе А.А. Вешнякову Василий Петрович сообщал, что против Черногории ополчилась вся Босния, ближайшая Герцеговина, Шкодра (Сев. Албания), Бар и Улцин (турецкое Приморье), Призрен и Джаковица (Косово), которые с черногорцами не желали жить в мире¹⁴³.

Надо сказать, что с начала 40-х годов черногорское руководство поддерживало контакты с А.А. Вешняковым, которые выражались в сравнительно редкой переписке митрополита Савы, Василия Петровича, черногорских старейшин с российским дипломатом. Вешняков являлся сторонником активной политики России на Балканах и оказания поддержки и покровительства балканским христианам. В 1745 г. в отчете своему двору Вешняков, анализируя состояние европейских дел, указывал на их общий разлад и, кроме прочего, на слабость Османской империи, расстройство ее внутренних дел. Следуя своим взглядам на политику, он писал: «От вашего императорского величества зависит без крайних усилий сие злоехидное сонмище разорить и крест восстановить: кажется, все к тому промысел божий предустроил и приуготовил. Все бедные православные христиане ждут избавления от вашего императорского величества; стоит только нынешнюю осень явиться врасплох российской армии к Дунаю с запасным оружием, то она в короткое время удесятерится; Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия, Славония, Далмация, черногорцы, Албания, вся Греция, острова и сам Константинополь в одно время возьмут крест и побегут на помощь вашему императорскому величеству»¹⁴⁴. В том же 1745 г. Вешняков направил письмо канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, где среди прочего обосновывал план разрушения Османской империи и создания на ее месте христианской державы, которая, как полагал российский дипломат, «без гибели своей не могла бы отстать от России по единству интересов и отдаленности границ»¹⁴⁵.

Несомненно, А.А. Вешняков в своих планах заходил слишком далеко, недооценивал военный потенциал Османской империи и преувеличивал реальные возможности и перспективы освободительной борьбы балканских народов. Однако он верно подмечал конечную общность политических интересов России и балканских народов. Верно было и суждение Вешнякова, что всесторонняя помощь России балканским народам не могла быть препятствием для их фактической политической самостоятельности в силу отдаленности России от балканского региона. Обращения А.А. Вешнякова к императрице и канцлеру были по сути дела его завещанием, поскольку в июле 1745 г. он умер. Его преемником стал А.И. Неплюев, сын бывшего посланника в Константинополе.

Внешняя политика Савы в значительной мере была ориентирована на Венецию, а это не устраивало Василия Петровича, недовольного провенецианскими симпатиями митрополита и все более склонявшегося к опоре Черногории на Россию. В феврале 1746 г. Василий Петрович направляет письмо канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, где он впервые излагает рос-

сийскому руководству основу своей концепции. Согласно ей Черногория является независимой страной, которая «ни от турков, ни от латин стоит необладаема»¹⁴⁶. Помимо этого он убеждал российского канцлера, что если бы «в Черной Горы произошла школа философии, филологии и ретории, то все римска церкви сынове приступили би к православию». Утверждал, что суть разума черногорского такова, что способна превзойти «и философа римскаго». Учитывая, что тогда почти все население Черногории было вообще безграмотным, выдвигать такие идеи мог человек с большой долей фантазии. Забегая вперед, заметим, что и в 30-е годы XIX века, как замечал Вук Караджич, черногорцы, среди которых мало кто умел читать и писать, не имели ни малейшего понятия о грамматике, географии, истории, филологии и других науках и даже не знали их названий¹⁴⁷. Справедливости ради стоит заметить, что в дальнейшем Василий Петрович перед российским двором станет более трезво оценивать положение дел в области образования черногорского народа и предлагать более реальные меры к его совершенствованию. В заключение письма Василий Петрович просил Бестужева-Рюмина об оказании содействия в издании написанной им «Истории о Черной Горы», и российский канцлер не забудет эту просьбу Василия Петровича.

В августе 1750 г. в Белграде Василий Петрович был рукоположен в сан митрополита печским патриархом Афанасием II. Его церковный статус вырос, а также возросло влияние в Черногории, где многие были недовольны слабой и пассивной политикой Савы. В 1751 г. Василий Петрович отправился в Вену, где помимо прочего направил императрице Марии-Терезии обширный меморандум. В нем он обосновывал тезис о многовековой независимости Черногории, этой «чистой девицы, одной особой республики», под управлением митрополитов из рода Петровичей. Василий Петрович просил венский двор взять под покровительство Черногорию и предлагал заключить союз между Австрией и Черногорией ради освобождения балканских земель из-под власти Турции¹⁴⁸. В Вене в то время мало что знали о Черногории, но Василий Петрович был известен как человек непредсказуемый, склонный к вымыслам. Поэтому его предложения были оставлены без внимания. Кроме прочего, тогда Василий Петрович весьма слабо разбирался в большой европейской политике, иначе он бы знал, что в то время политика Австрии не предполагала каких-либо аннексионных планов на Балканах. Убедившись в бесперспективности надежд заинтересовать венский двор Черногорией, Василий Петрович полностью переориентировался на Россию, где он с большим успехом будет стараться воплотить в жизнь те идеи, какие оказались неприемлемыми для австрийской империи.

§3. Миссии митрополита Василия Петровича в Россию (1752-1766 гг.)

В 1751 г. российским посланником в Константинополе стал выдающийся дипломат А.М. Обресков. Приступив к исполнению служебных обязанностей, Обресков практически сразу же столкнулся с проблемами, которые волновали и которые хотело решить черногорское руководство. Со стороны черногорских старейшин к нему шли просьбы защитить Черногорию от нападений соседних османских пашей, которые «убивство чинят, в плен

берут, дома грабят»¹⁴⁹. В свою очередь у митрополита Савы были свои проблемы. Он просил Обрескова ходатайствовать перед Портой о возвращении захваченных турками после Прутского похода Петра I церковных земель. По словам Савы, турки объясняли захват тем, что эти земли даны им султаном в наказание черногорцам за их верность русскому двору. В ответном письме Обресков заверял владыку, что имеет повеление императрицы стараться защитить интересы единоверцев перед Портой, но только сейчас следует запастись терпением¹⁵⁰. Однако долго терпеть черногорское руководство не захотело, и в мае 1752 г. митрополит Сава письменно известил канцлера Бестужева-Рюмина о решении направить в Россию Василия Петровича «для исправления поверенных ему дел»¹⁵¹. В Петербург Василий Петрович прибыл в середине сентября 1752 г. Цель его первого визита заключалась в получении материальной помощи и политической поддержки со стороны России. Практически сразу митрополит направил Синоду письмо с просьбой о ликвидации задолженности по субсидии Цетинскому монастырю с 1743 по 1752 год (каждые три года по 500 рублей), а также просил снабдить церковными книгами, выдать 100 букварей и «10 историй Александра Македонского»¹⁵². Желание митрополита получить книги о великом полководце Древней Греции, вероятно, связано с тем, что еще в упоминавшемся меморандуме на имя Марии-Терезии Василий Петрович вел отчет черногорской истории именно со времен Александра Македонского, что, конечно, не соответствовало истине, а было очередным полетом фантазии Василия Петровича.

Следует сказать, что одной из важнейших своих жизненных задач митрополит Василий Петрович считал просвещение черногорского народа. Как уже отмечалось, черногорцы в подавляющем большинстве были неграмотны, и таких людей было немало даже среди руководящего слоя страны. Даже самое примитивное начальное образование было плохо организовано. Обычно родители обучали детей грамоте только в том случае, если желали видеть их в дальнейшем священниками. В таком случае они посылали своих сыновей в качестве причетников в монастырь, где их обучали азам грамоты и счета, изредка учили писать. О качестве обучения говорить не приходится, поскольку подавляющее большинство монахов и священников, кроме высших церковных иерархов, сами были людьми малограмотными. Понимая, что создание более совершенных органов управления и суда, в чем так нуждалась Черногория, требует людей образованных, Василий Петрович в своем обращении в июле 1752 г. к русской императрице просил о помощи в устройстве славянских малых школ в Черногории, по окончании которых он намеревался направлять учеников для продолжения образования в Россию¹⁵³.

В Москве, куда Василий Петрович переехал из Петербурга в январе 1753 года, он развернул активную деятельность. Митрополит установил связи с видными политическими деятелями, писал многочисленные письма в Синод, Коллегию иностранных дел, русским сановникам, желая заинтересовать церковные круги, российское руководство проблемами Черногории, ее народа. В феврале 1753 г. Василий Петрович обратился в Коллегию иностранных дел, где он излагал историю черногорско-турецкого военного противостояния с 1712 по 1739 год, а затем послал туда «Краткое географи-

ческое описание Черногории». При этом Василий Петрович включал в состав черногорских земель не только собственно Черногорию с ее четырьмя нахиями, но и часть территории Приморья, Герцеговины, все брдские племена, а также североалбанских католиков (Хоти, Клименти, Кастрати)¹⁵⁴. Делал он это вполне преднамеренно, поскольку понимал, что раздираемая внутренней анархией маленькая, оторванная от моря Черногория не способна вызвать сколько-нибудь значительный интерес у русского двора. Находясь в России, он действовал как политический деятель, упорно настаивающий, что Черногория никому не подчинена, достаточно обширна и могущественна, способна объединить балканские народы и стать центром освободительной борьбы от османского ига. Преследуя эти цели, Василий Петрович в апреле 1753 г. направил письмо канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, где вновь утверждал, что Черногория никогда не была завоевана Турцией, а его страна всегда оставалась республикой во главе с митрополитом. Он также предлагал установить протекторат России над Черногорией и заверял канцлера, что в случае русско-турецкой войны все близлежащие славяно-сербские народы «присовокупились, и отдали б себя под протекцию всероссийскую»¹⁵⁵.

Заслугой Василия Петровича является и то, что он стал первым черногорским историографом. Мысли, высказанные им в обращениях к российскому руководству, нашли развитие в изданной в 1754 г. типографией Петербургской академии наук книге Василия Петровича «История о Черной Горы», изданной при содействии канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. В ней он высказывал суждения о славянской общности, о создании в Юго-Восточной Европе обширного славянского государства, прототипом которого должна была стать средневековая Сербская держава в период ее расцвета. Впоследствии его идеи нашли продолжателей среди сербских государственных и общественных деятелей. Вместе с тем книга содержит неточности, преувеличивает роль Черногории (которая представлена автором как большое и мощное государство) в антитурецкой борьбе. В ней превозносится роль самого владыки и его семейства. Книга Василия Петровича довольно успешно расходилась на российском рынке. Так, например, в Московской книжной лавке (с 1749 по 1763 г.) не осталось ни одного из 100 экземпляров, продававшихся по цене 12 копеек¹⁵⁶, что было хорошим показателем по тем временам.

Василий Петрович значительно преуспел в решении задач своей миссии. Издание книги «История о Черной Горы», общение митрополита с русскими государственными деятелями способствовали формированию у правительства и просвещенной российской общественности представления о Черногории как о неподвластном Порте государстве. В Москве черногорский владыка наряду с решением политических проблем занимался и делами религиозными. В частности, в марте 1754 г. Василий Петрович отслужил литургию в придворной церкви в присутствии императрицы Елизаветы Петровны и высших российских церковных иерархов. Эту «церемонию преосвященный Василие со умилением порядочно чинил, что ея величеству и синклиту и всем приятно явилось»¹⁵⁷.

Весной 1754 г. Василий Петрович из Москвы отправился на родину. Он увозил с собой субсидию Цетинскому монастырю за 1743-1753 гг. (1666

руб. 66 коп.). Кроме того, русское правительство выделило на восстановление черногорских церквей 5 тысяч рублей и лично Василию Петровичу 3 тысячи рублей в качестве вознаграждения за путевые издержки. Митрополит получил из Синода полное архиерейское облачение – украшенную бриллиантами панагию, а также книги. Помимо церковных книг (евангелия, библии, катехизисы, требники и др.) владыка получил также 100 букварей¹⁵⁸, однако 10 историй Александра Македонского, о которых Василий Петрович также просил, ему не дали¹⁵⁹.

Однако школы в Черногории так и не были открыты, поскольку Синод потребовал от Коллегии иностранных дел выяснить, сколько и в каких местах требуется школ, а также выделить средства на их содержание. Только после этого Синод брался за подготовку учителей для черногорских школ¹⁶⁰. Коллегия иностранных дел с этим решением Синода согласилась, заметив, что для положительного решения этого вопроса требуется время и дополнительная информация из Черногории. Поэтому по-прежнему единственными очагами образования в Черногории оставались монастыри, где обучалось малое количество детей. Также отказано было Василию Петровичу и в установлении протектората России над Черногорией до тех пор, пока не прояснится, как представляют себе черногорцы степень зависимости от России и пока не поступит «формальное от сего народа прошение»¹⁶¹. И хотя такое прошение впоследствии было направлено, однако положительной реакции русского двора оно так и не вызвало. Вероятно, здесь, помимо прочего, свою роль сыграла информация, полученная из Константинополя от А.М. Обрескова, который считал невозможным принятие черногорцев под «явную протекцию» России. Министр-резидент был убежден, что такое решение только озлобит Порту, поскольку она увидит в этом опасный прецедент для других православных подданных султана, и вследствие этого «только беды черногорцам отовсюду будут»¹⁶². Вместе с тем российское руководство и сама Елизавета Петровна без доли сомнения отнесли к заверениям Василия Петровича в том, что Черногория независима. Когда в 1754 г. встал вопрос о переселении черногорцев в Россию, посол в Вене Г.К. Кейзерлинг получил от Елизаветы Петровны рескрипт следующего содержания: «хотя черногорцы многими другими народами, находящимися под турецким владычеством окружены, однако сами они, по надежным известиям, вольные люди, которые не только не признают верховной власти Порты и не платят ей дани, но находятся в постоянной борьбе с турками для своей защиты»¹⁶³.

В Черногорию Василий Петрович вернулся в сентябре 1754 г. Полученные в России деньги позволили превратить монастырь Станевичи (одна из резиденций митрополита Савы) в «рассадник русской агитации», сюда стекался народ не только из Черногории, но и из Приморья и Брды. Василий Петрович наделял прибывших деньгами, израсходовав при этом большую часть денежных средств, полученных в России. Благодаря этой акции резко возрос его авторитет не только среди черногорцев, но и приморцев и брдян, поскольку они увидели, что за владыкой стоит могущественная Россия. Среди черногорцев распространилось устойчивое мнение, что царица Елизавета Петровна вступит в войну с Турцией, если та нападет на Черногорию.

Воодушевленный результатами поездки в Россию Василий Петрович начинает активизировать политику в отношении Турции и Венеции, что означало отход от политики митрополита Савы, направленной на поддержание умиротворяющих отношений с турками и венецианцами. Вскоре после возвращения из России на народном собрании в Цетинье Василий Петрович призвал свободный и независимый народ навсегда отказаться от уплаты харача туркам, что с воодушевлением было воспринято собравшимися¹⁶⁴. Генеральный провидур Далмации и венецианской Албании Ф. Гримани точно определил главные направления политики Василия Петровича в сложившейся ситуации: «Освободиться от власти Порты, добиться доверия народа, укрепить свое влияние»¹⁶⁵. Демонстративный отказ от уплаты дани не мог безнаказанно сойти с рук черногорцам. Это понимал не только Василий Петрович, но и венецианские власти. Правящие круги Венеции считали, что черногорский владыка не решился бы на подобный шаг, если бы не рассчитывал на поддержку России.

Происходившее в Черногории настораживало Венецию, где в связи с обострившейся ситуацией в черногорско-турецких отношениях существовали различные точки зрения по поводу венецианской политики относительно Черногории. Так, Ф. Гримани считал черногорцев неприятными соседями, но, по его мнению, для Венеции было бы гораздо хуже, если бы турки истребили черногорцев, а Черногорию заселили албанцами и другими мусульманами. Поэтому, полагал Гримани, для Венеции было бы выгодно нанять черногорцев на военную службу с обязательством не нападать на венецианскую территорию, предложив им защиту Венеции¹⁶⁶. Однако возобладали иные точки зрения. Которский провидур Ю. Болди следующим образом оценивал сложившуюся обстановку: «Еще в 1754 г. племена майны, поборы, браичи сбросили власть Венеции. Василий стремится заполучить на свою сторону всех православных в Боке и преуспевает в этом. Если не пресечь его деятельность – это будет иметь тяжелые политические последствия»¹⁶⁷. Венецианский чиновник несколько сгушал краски, оценивая ситуацию в Приморье, но то, что, оставаясь формально подданными Венеции, православное население приморских общин явно тяготело к Черногории, несомненно. По наущению властей инквизиторы (венецианская политическая служба) пытались отравить Василия Петровича, мотивируя это государственными интересами¹⁶⁸.

Понимая серьезность ситуации, когда черногорцы каждодневно ожидали нападения войск боснийского визиря Хаджи-Мехмеда-паши, Василий Петрович стремился не только объединить внутренние силы, но и заручиться поддержкой России в борьбе против надвигающейся турецкой агрессии. В этих целях он вел обширную переписку с А.М. Обресковым, канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, вице-канцлером М.И. Воронцовым, а также императрицей Елизаветой Петровной¹⁶⁹.

В сентябре 1755 г. оба черногорских митрополита, Сава и Василий Петрович, сообщали А.М. Обрескову о концентрации многочисленных турецких сил из Боснии и Румелии на черногорских границах, а также о фирмане султана, которым предписывалось: «Нас архиреев поймать и живых на кол посадить, а вельмож наших повесить на виселицах, народ поплентить и в работу взять и переселить в Косово поле, в нашей Цетинской резиден-

ции крепость себе построить..., а церкви и монастыри разорить»¹⁷⁰. В заключение владыки сообщали, что они проинформировали австрийского посланника в Константинополе о черногорских проблемах, и, проявляя определенную политическую близорукость и наивность, просили дипломатов союзных держав, то есть России и Австрии, пристыдить султана за то, что он игнорируя христианские империи, «на малую горсть людей черногорских такое множество войск посылает». Надо сказать, что в 50-60-е годы Порты стала обращать основное внимание на события внутренней жизни и прежде всего прилагала усилия на сохранение контроля над провинциями, борьбу с мятежниками и иными выражениями недовольства политикой центрального правительства¹⁷¹. И эта политика давала о себе знать на Балканах.

В письме к М.И. Воронцову Василий Петрович, предупреждая, какие трагические последствия будет иметь поражение Черногории для балканских народов, замечал: «Плачет бедная Сербия, Болгария, Македония, рыдает Албания в страхе, чтоб не пала Черная Гора; уже Далмация пала и благочестия лишается, будучи напоена униатством; Герцеговина стонет под ногами турецкими. Если Черная Гора будет освобождена, то все к нам пристанут; если же турки Черною Горю завладеют, то христианство во всех упомянутых землях исчезнет»¹⁷². В это время Россия была занята активной подготовкой к войне с Пруссией, поэтому любое осложнение отношений с Портой было крайне нежелательно. Однако Елизавета Петровна в секретном рескрипте предписала Обрескову чтобы не привести черногорцев в отчаяние, «надобно вам, хотя стороною, сделать все возможное в их пользу»; для чего посоветовавшись с переводчиком Порты как с человеком единоверным, «постарайтесь исходатайствовать облегчение этому единоверному и усердному к нам народу» и тайно извещайте черногорцев обо всем, что происходит относительно их при Порте, чтобы они не были застигнуты врасплох. У венецианского посла настойчиво просити, чтобы он писал своему правительству о прекращении обид черногорцам¹⁷³.

Исполняя повеление императрицы, А.М. Обресков посетил посла венецианской республики при Порте и потребовал от имени русской императрицы оградить Черногорию от венецианского вмешательства¹⁷⁴. Одновременно с этим он имел доверительную беседу с главным драгоманом¹⁷⁵ Порты, греком по национальности. Тот отсоветовал российскому дипломату обращаться с демаршем в защиту черногорцев, поскольку это лишь позволит ускорить гибель не только черногорцев, но и всех православных, находящихся под турецким игом. Драгоман считал, что ничто не может быть для Порты так чувствительно, а для бедных православных опаснее, если русская императрица станет их покровительницей. «Этим турка, как заснувшего льва, можно разбудить» – замечал драгоман¹⁷⁶. Обресков, находя суждения драгомана резонными, отписал в Петербург, что, избегая открытого заступничества за черногорцев перед Портой, он будет действовать тайно в их интересах¹⁷⁷.

Готовясь к отражению турецкого нападения, Василий Петрович обратился за помощью к православному населению Приморья и Брды, но все призывы поддержать черногорцев в предстоящей борьбе оказались безрезультатными. Среди бокельцев только жители общин Маине, Побори и

Браичи склонялись к тому, чтобы вступить за черногорцев. Однако власти Далмации запретили своим подданным под страхом смертной казни каким-либо образом помогать черногорцам и, в случае поражения Черногории, даже укрывать беглецов¹⁷⁸. Поступая подобным образом, Венеция хотела продемонстрировать свою лояльность Османской империи, забывая прежние заслуги черногорцев перед республикой.

Еще в сентябре 1755 г. кучский воевода Илия Дрекалович, разочарованный в Венецианской политике по отношению к Черногории, писал от своего имени и всех брдян владыкам Саве и Василию Петровичу следующее: «Мы возлагали надежду на принцепала венецианского, что нам протянут руку помощи, а, как слышали, не допускают никакого вспомоществования... Ах, ах, эти шелудивые козлы, разве они не знают: если б не было нас черногорцев и брдян, до самой Венеции все бы турки отняли... Если Бог даст счастья, мы ждем турок весело и надеемся на Божью помощь и на великое счастье нашей христианской великой императрицы Московской, что это будет на великое счастье всему христианству, и потому начнись война – мы возьмем Царьград, но сейчас ее начали не мы, а Турция. Держитесь весело, и Бог нам поможет, и оттуда, откуда надеемся»¹⁷⁹.

Однако турки, предвидя возможность объединения военных сил Черногории и Брды, взяли заложников из различных племен, не дав тем самым брдьянам прийти на помощь Черногории. Таким образом, черногорцы оказались с турками один на один.

5 (16) ноября 1756 г. новый боснийский визирь Ахмед-паша известил новоизбранного губернатора Станислава Радоница и всех черногорцев, что он с войском идет на Черногорию. Однако визирь дал черногорцам еще один шанс закончить дело миром. Ахмед-паша предложил направить в Гацко (Герцеговина) для мирных переговоров черногорскую делегацию, но с одним непременным условием – «чтобы вы все поклонились Порте, и харач дали»¹⁸⁰. Черногорцы соглашались пойти на мирные переговоры, но что касается до поклонения и до харача Порте, то пойти на такое они не согласны¹⁸¹. На экстренном зборе С. Радониц с пылом призывал соотечественников: «Любезные братья черногорцы, возложивши на Бога всю надежду и с помощью его пойдем за честный крест и за веру христианскую; за вольность и свободу, за честь и отечество наше; против нашедшего на нас общему всему христианству неприятеля». Речь своего губернатора была с воодушевлением воспринята собравшимися, и участники збора все единогласно провозгласили, что лучше всем погибнуть, «нежели вольность свою потерять»¹⁸². Это решение народного собрания было триумфом политической концепции Василия Петровича, но оно же делало неизбежным военное столкновение с турками, тем более что фирман султана Османа III о наказании мятежных черногорцев был уже издан.

Готовясь к войне, Сава и Василий Петрович предприняли еще одну, последнюю попытку заручиться русской поддержкой. В начале ноября 1756 г. митрополиты приняли решение направить в Россию «епископа Зетского» Владимира. В выписанном на его имя паспорте было указано, что он отправляется для сбора милостыни на нужды своей разоренной епархии, но, кроме того, он должен был обратиться с просьбой к императрице о защите черногорцев в их бедствиях, «претерпеваемых от злосчастных агарян»¹⁸³.

В самый канун нападения турок произошло еще одно событие, взбудоражившее всю Черногорию. 11 (22) ноября 1756 г., ночью, Василий Петрович вместе с игуменом Теодосием (Феодосием) Мркоевичем, оставив за себя губернатора С. Радонича, тайно покинул Черногорию и укрылся в австрийских владениях, в Риеке (Фиуме). Историки склонны по-разному оценивать этот поступок владыки. Г. Станоевич считает его оправданным, поскольку было ясно, что в предстоящих боевых действиях между турками и черногорцами последние не могли добиться победы, а в ходе последующих мирных переговоров турки обязательно потребовали бы выдачи владыки, своего главного врага Василия Петровича для неминуемой расправы¹⁸⁴. С этим суждением югославского историка можно согласиться, памятуя о том, что военачальником Василий Петрович, в отличие от, скажем, митрополита Данилы, не был. В то время, когда все должно было решаться на поле брани, присутствие Василия Петровича в Черногории мало что значило и было бы лишь дополнительным раздражителем для турок, и без того до крайности обозленных на черногорцев.

Во второй половине ноября 1756 г. Ахмед-паша с двадцатитысячным войском вторгся в Черногорию, сметая все на своем пути. Турки уничтожали всех, кто попадался им под руку, включая детей старше восьми лет. Черногорцы ожесточенно сопротивлялись. С тем, чтобы затруднить продвижение врага в глубь страны, С. Радониц приказал сжечь три приграничных села, предварительно отправив жителей во внутренние пределы Черногории¹⁸⁵. Главное сражение произошло 25 ноября (6 декабря). Черногорские войска во главе с губернатором С. Радоничем, сердаром В. Вукотичем и воеводой И. Миличем на «месте, именуемом Бротянец», с рассвета атаковали турок, численность которых, как сообщает, явно преувеличивая, черногорский источник, доходила до 57 тысяч человек¹⁸⁶. Согласно тому же источнику, в ходе сражения турки были вынуждены ретироваться в свой лагерь, оставив, таким образом, поле боя за черногорцами. Бои продолжались и в начале декабря 1756 г., когда черногорцам удалось захватить турецкий военный лагерь, взяв при этом богатые трофеи – оружие, продовольствие и военное снаряжение¹⁸⁷.

Война проходила в сложных для черногорцев условиях. Продолжалась установленная еще летом 1755 г. блокада Черногории со стороны Венеции, и, более того, пока черногорцы сражались с турками, жители г.Рисан напали на черногорских пастухов с целью угона скота, но были отбиты, понеся при этом людские потери¹⁸⁸. Несмотря на упорное сопротивление черногорцев и большие потери в турецком войске, состоявшем в основном из башибузуков, турки все же захватили «сердце Катунской нахии» село Чево, но так и не сумели пробиться к Цетинье, главной цели их военной операции. Военные потери и осенняя распутица заставили турок отступить, что было воспринято черногорцами как моральная победа. Однако сил для дальнейшего сопротивления, в случае повторного турецкого нападения, у черногорцев не хватало. Черногорско-турецкое военное противостояние завершилось договором в Никшиче в январе 1757 г. Черногорцы обязались не заниматься четованием на турецкой территории, платить дань султану и не принимать иностранных посланцев¹⁸⁹.

Результат этой войны не удовлетворил ни одну из сторон. Турки были недовольны тем, что им не удалось нанести сокрушительное поражение

черногорцам, захватить Цетинье. В свою очередь черногорцы, для которых отказ от уплаты харача был делом принципа, вынуждены были смириться с выплатой дани. Военные действия 1756 г. нанесли серьезный урон и без того экономически слабой Черногории. Продолжала существовать постоянная угроза нападения со стороны соседних турецких владений, а венецианские власти Далмации сохраняли запрет черногорцам закупать порох и свинец на своих рынках.

Война закончилась, но Василий Петрович не спешил возвращаться на родину, где его ждали не только друзья, но и враги, предлагавшие в случае возвращения владыку убить, а имущество конфисковать, чтобы затем использовать его для выплаты харача¹⁹⁰. Не судят только победителей, а в глазах многих черногорцев, в том числе и самых влиятельных, митрополит был тем человеком, который наиболее резко выступал против уплаты дани туркам, являлся главным инициатором отказа от выплаты харача, но конечный результат его действий оказался неутешительным.

Находясь по-прежнему в Риеке, владыка не терял связей с Черногорией, строил грандиозные внешнеполитические планы. В январе 1757 г. он информировал губернатора С. Радоница¹⁹¹ о своей встрече с полковником С.Ю. Пучковым и премьер-майором Степаном (Стефаном) Петровичем (Шаровичем), которые находились в этих краях и занимались вопросами переселения партии черногорцев в Россию. Российские офицеры, сообщил митрополит, тотчас, скорой почтой уведомили посла в Вене Г.К. Кайзерлинга о нуждах Черногории. Одновременно владыка выражал надежду, что врагам Черногории уготована «достойная сатисфакция», поскольку сейчас наступило такое время, «когда три великие империи: наша Российская, римская и французская в едином союзе». Проявляя осведомленность в российских придворных новостях, Василий Петрович был обрадован назначением «от нашего двора всероссийского» полномочным послом во Францию брата вице-канцлера и «нашего великого приятеля» М.П. Бестужева-Рюмина, для поддержания отношений с которым он предлагал назначить С.Ю. Пучкова полномочным послом от Черногории. По убеждению Василия Петровича, М.П. Бестужев-Рюмин мог оказать большую помощь Черногории как при российском, так и при французском дворе, в частности, повлиять через Версаль на Венецию. Как видно из всего этого, Василий Петрович настолько сжился с мыслью о неразрывности судеб Черногории и России, что именует Российскую империю нашей, и так он заявляет в письме ко второму лицу в Черногории, губернатору, придерживавшемуся провенецианских симпатий, но которого митрополит все же рассчитывал привлечь на свою сторону и сторону России.

Василий Петрович был весьма информированным политиком и имел определенные основания возлагать надежды на союзников по антипрусской коалиции в лице Австрии, Франции и России. Другое дело, что по не зависящим от него причинам не все надежды черногорского владыки в дальнейшем оправдались, и, в частности, в том, что касалось Франции. Россия в этот период стремилась укрепить русско-австрийский союз против Турции с целью решения проблемы выхода в Черное море. В связи с этими обстоятельствами для усиления мощи русской армии было, в частности, решено привлечь черногорцев-переселенцев на русскую службу.

Одним из важнейших аспектов внешнеполитической деятельности Василия Петровича в 1750-е годы становится попытка организовать масштабное переселение черногорцев в Россию. Русское правительство в это время, впрочем, как и ранее, было заинтересовано в привлечении балканских народов на русскую военную службу. В связи с начавшимся переселением в Россию сербов в 1751 г. тогда еще посол в Вене М.П. Бестужев-Рюмин в реляции к императрице Елизавете Петровне отмечал всю выгоду этого дела и полагал, что сербский корпус может быть пополнен македонцами и болгарам¹⁹². Первенство в реализации планов переселенческой политики русского правительства принадлежало сербам, которых в организованных на украинских землях военно-хозяйственных поселениях Новая Сербия и Славяносербия к 1760 г. насчитывалось свыше 26000 человек¹⁹³.

О возможности и желательности переселения черногорцев в Россию, как уже отмечалось ранее, еще в 1743 г. поставил вопрос российский резидент в Константинополе А.А. Вешняков, предлагавший расселить черногорцев в Крыму. В ответ на тогдашние опасения императрицы, что турецкое правительство может потребовать выдачи черногорцев, Вешняков утверждал: «Порта рада сама их выгнать, поскольку претерпевает от них обиды, которые не в силах отомстить». Черногорцы, полагал он, могут быть полезны России, поскольку «зело трудолюбивы, живущие в крайней нужде и трезвости, чрезвычайной храбрости и к вере склонны и непреоборимой горячности»¹⁹⁴. К реализации намерения переселить черногорцев российское руководство вернулось лишь в 50-е годы. И здесь главная роль отводилась Василию Петровичу. В 1752 г. Елизавета Петровна впервые сама заинтересовалась вопросом переселения черногорцев в Россию и даже поручила новому послу в Вене Г.К. Кейзерлингу позаботиться о свободном проходе черногорцев через австрийские владения¹⁹⁵, но тогда дело не тронулось с мертвой точки. Василий Петрович в январе 1753 г. обратился в Коллегию иностранных дел, предлагая свои услуги по переселению черногорцев в Россию¹⁹⁶.

Возвращаясь из России на родину и проезжая через Киев, Василий Петрович 13 (24) июня 1754 г. писал в Коллегию иностранных дел, что «из черногорскаго народа, по своей вольности, немалое число людей в венецианской службе обретается», и что вскоре он поедет в Венецию, и там находящимся черногорцам в венецианской службе посоветует, чтобы они, «взявши апшиты» (отпускные свидетельства. – Ю.А.) следовали в Российскую империю¹⁹⁷. Г.К. Кейзерлингу было поручено переговорить по этому вопросу с Василием Петровичем, когда он будет по дороге домой проездом в Вене. Кейзерлинг встретился с Василием Петровичем, однако Василий Петрович во время его визита к послу и словом не обмолвился о переводе черногорцев с венецианской службы на русскую. К тому же посол полагал, что ради двоих или троих черногорцев не стоит прилагать какие-либо усилия¹⁹⁸. Можно предположить, что Василий Петрович сознательно в беседе с Кейзерлингом не коснулся этой проблемы, поскольку действительно собственно черногорцев на венецианской службе если и было, то считанные единицы, а вести переговоры о переходе на русскую военную службу венецианских подданных, жителей примыкающих к Черногории приморских общин, было делом бесперспективным из-за враждебного отношения к

этому Венеции. Дав такое обещание российскому двору, Василий Петрович поступил опрометчиво, и, может быть, поэтому он, даже не заехав в Венецию, сразу же направился в Черногорию.

По свидетельству секретаря митрополита А. Калиновича, Василий Петрович сразу же по прибытии из России «собрал к себе сердара и других тамошних почотных хазяев», которым предложил оказать ему содействие в переселении черногорцев в Россию, уточнив при этом, что он уже дал обещание российскому двору вывести на первый случай 1000 человек, начав с молодых холостых мужчин. Однако в этом вопросе черногорские «главари» поделились надвое. Родственники и сторонники Василия Петровича поддержали предложение владыки, но многие отказались, «упрекая, что какую он власть имеет приглашать людей, чтоб из своего отечества выходылы»¹⁹⁹. Особенно рьяным противником переселения был Станислав Радонич, но, когда ему Василием Петровичем уже тогда было предложено стать губернатором Черногории, и что он по рекомендации Василия Петровича будет признан таковым российским двором, С. Радонич согласился поддержать Василия Петровича. С. Радоничу было также обещано, что при желании он может вернуться из России и будет тогда «начальником во всей Черной Горе».

Тем временем замысел о переселении черногорцев в Россию был по-прежнему актуален в российском руководстве. Дополнительным импульсом к этому стало предложение, которое сделал живший в Яссах албанец православного вероисповедания Дервет-Баша-Иван-Хаджа Мокрипульес, приславший в 1756 г. в Киев своего доверенного Анастасия Боставика с прошением императрице принять его и всю его семью с 1500 албанцами в русскую службу под его, Мокрипульеса командой. В случае отказа Мокрипульес готов был подать аналогичное прошение прусскому королю Фридриху II²⁰⁰. Возможно, что это предложение исходило от православных албанцев-химариотов Южной Албании, которые в 1750-е годы устанавливают политические связи между Химарой и Россией. Химариоты в случае русско-турецкой войны предлагали осуществить диверсию в соседних с ними османских владениях по примеру «равных нам как по вере, так и в правлении черногорцев»²⁰¹.

Предложение Мокрипульеса напомнило российскому руководству и о черногорцах. Сенат издал распоряжение, согласно которому все черногорцы и албанцы, желающие переселиться в Россию, выходили бы морем через Триест в Венгрию и уже оттуда шли в Киев, где они поступали в распоряжение вице-губернатора И.И. Костюрина. А. Боставик принял российское подданство, получил офицерский чин и был на год отпущен за границу. Ему поручалось тайно передать Мокрипульесу, что поскольку его русской императрице открыто принять нет возможности, поэтому пусть он скрытно выезжает и «люди его без огласки и явнаго от турок подозрения, шли под именем черногорцев, а не как турецкие подданные» для поселения в России²⁰². С этого времени в официальных документах, касающихся переселения, черногорцы и албанцы нередко упоминались в одной связке, однако, как покажет вскоре ход событий, этнический состав переселенцев будет во многом совсем иным.

Надеясь на значительную эмиграцию, Сенат определил расселить переселенцев в местах, отдаленных от турецкой границы, чтобы «вся-

кой способности к сношению с турками лишены были», дабы не давать повода Турции затребовать их к себе обратно²⁰³. Выбор пал на Оренбургскую губернию, бывшую тогда юго-восточным рубежом России. Сенат предписал губернатору И.И. Неплюеву поселить черногорцев и единоверных албанцев между Оренбургом и расположенным на левом берегу р.Волги г.Ставрополем, ближе в Волге, но не вместе, а порознь, между российскими жителями.

Еще ранее послу в Вене Г.К. Кейзерлингу было поручено добиться от венского двора свободного пропуска черногорцев через австрийские владения, а также договориться с венецианским послом в Вене о проходе черногорцев через территорию Венецианской республики. В конечном итоге оба поручения Кейзерлинг выполнил, хотя и союзная Австрия, и Венеция свое согласие дали не сразу, опасаясь осложнить отношения с Портой. Была сформирована специальная «Черногорская комиссия» для приема черногорцев и решения вопросов, связанных с их переселением, куда вошли офицеры и унтер-офицеры из команды генерал-майора Й. Шевича: С. Петрович, С. Пишчевич, Я. Эздемирович, адъютант И. Марков, А. Крестич, Я. Фишер и др. Они были направлены на границу австрийских и турецких владений. Кроме того в Триест был откомандирован полковник С.Ю. Пучков, в подчинение которого поступила вся офицерская и унтер-офицерская команда. Черногорцы должны были выходить партиями сухопутным путем через австрийскую территорию, Польшу и прибывать в Киев. На первоначальные путевые издержки Сенат выделил 6 тысяч червонцев.

Готовились к приему черногорцев и в Оренбурге. И.И. Неплюев предложил расселить одних черногорцев по крепостям Оренбургской губернии, а других поселить под г.Самарой по реке Иргизу, построив в ее устье особую крепость, в которой мог бы жить и ее командир с военным гарнизоном. Неплюев предлагал отдать черногорцам в безброчное пользование рыбный и звериный промыслы²⁰⁴. Сенат, в принципе соглашаясь с мнением Неплюева, предложил все же поселить черногорцев вдоль Волги, ниже Самары. Впрочем, окончательное решение этого вопроса оставалось за Неплюевым.

По официальным данным, с 1756 г. по 1759 г. включительно в Россию переселилось 1499 черногорцев²⁰⁵. Эта цифра явно завышена. На наш взгляд, более объективные сведения об этническом составе и численности переселенцев приводятся в воспоминаниях С. Пишчевича. Он убедительно доказывает, что основную массу переселенцев составляли не черногорцы, а сербы из турецких и австрийских владений. Первая партия переселенцев, примерно из 50 человек, была набрана премьер-майором С. Петровичем и поручиком Я. Эздемировичем на австрийской территории в окрестностях Карловаца и Петровардина. Состояла она из поденщиков-бетяров, которых за обещанное С. Петровичем большое вознаграждение согласился снабдить поддельными документами, где они были обозначены как черногорцы, служащий городского магистрата в Карловаце И.С. Болевич²⁰⁶. Этими сезонными работниками были сербы, работавшие здесь на виноградниках. Эта афера с лжечерногорцами не стала тайной для австрийских властей. Понимая, что арест и суд неизбежны, Болевич, прибегнув к помощи Пишчевича, переодевшись греческим купцом, вынужден был тайно бежать из Австрии в Россию²⁰⁷.

Надо сказать, что и другой соратник С. Петровича, Я. Эздемирович, был человеком авантюрного склада. Как писал о нем С. Пишчевич, Эздемирович был боснийским сербом, который, узнав о переселенческих планах Василия Петровича, прибыл в Черногорию и предложил митрополиту свои услуги по выводу приграничных сербов из Боснии и Герцеговины в австрийские владения. Василий Петрович, присвоив ему чин поручика, велел выводить сербов-переселенцев под видом черногорцев. В феврале 1756 г. Я. Эздемирович проинформировал Г.К. Кейзерлинга, что им в Митровицу выведена партия черногорцев в количестве 80-ти человек²⁰⁸, разумеется, скрыв при этом, что это были за черногорцы, хотя, полагаем, Кейзерлинг о многом догадывался, предпочитая на все происходящее закрывать глаза. Первоначальная партия переселенцев, завербованная при помощи Болевича, состояла из 49 человек (44 мужчины и 5 женщин). Она была пополнена родственниками и свойственниками Я. Эздемировича. К ней по пути в Россию в Венгрии примкнуло еще 20 сербов благодаря тому, что австрийские пограничные офицеры, зачастую это были православные сербы, закрыли на это глаза. Я. Эздемирович располагал как минимум двумя списками переселенцев. В одном фигурировали в основном черногорские и герцеговинские имена и фамилии, а в другом они почти отсутствовали. С последним списком, который насчитывал 69 человек, включая 20 венгерских сербов, 23 июня 1756 г. Я. Эздемирович пересек австро-польскую границу, и в начале августа партия переселенцев прибыла в Киев.²⁰⁹ Однако каким-то образом Я. Эздемировичу удалось провести с собой еще 11 человек без каких-либо сопроводительных документов, возможно, потому, что Эздемировичу удалось уговорить австрийских офицеров не только плохо смотреть, но и плохо считать. В направленном И.И. Неплюеву указе Сената отмечалось, что поручик Эздемирович привел с собой в Киев партию черногорцев, состоящую из 67 мужчин, 7 женщин и 6 детей²¹⁰, то есть 80 человек.

Эта партия переселенцев после принятия присяги на вступление в русское подданство была переведена в местечко малороссийского Киевского полка Остер, где вскоре слилась с пожелавшими служить в гусарах переселенцами, приведенными из-под Триеста вахмистром Я. Фишером в сентябре 1756 г.²¹¹ Если и были там черногорцы, то считанные единицы, хотя С.Ю. Пучков и информировал Г.К. Кейзерлинга, что черногорцы различными путями являются к нему в Триест²¹². Однако самое ближайшее время покажет, какого рода-племени людей набирал Я. Фишер под Триестом. В январе 1757 г. партия переселенцев в количестве 99 человек (86 мужчин и 13 женщин и детей) из Киева на подводах через Москву и Арзамас была отправлена в Оренбургскую губернию. В пути их сопровождала воинская команда во главе с обер-офицером, которому было приказано с переселенцами поступать ласково, чтобы они «видя себе удовольствие... и других чрез сообщение свое тому поощряли». И.И. Неплюеву в соответствии с указом императрицы предписывалось отвести для переселенцев самые выгодные и плодородные земли²¹³.

Военная коллегия после консультации с Неплюевым определила расселить переселенцев по крепостям Красносамарская, Борская и Елшанская. Центром поселения было выбрано место между реками Самарой и Большой Ирғиз на реке Моче (ныне р. Чапаевка. – Ю.А.). Здесь предполагалось

расселить 6800 конных и 136 тысяч пеших воинов. Плата рядовым гусарам в военное время устанавливалась по аналогии с гусарами Новой Сербии, то есть 32 руб. 40 коп.²¹⁴ Как видим, российское военное руководство возлагало грандиозные надежды на военизированных переселенцев, которые должны были выполнять пограничные функции, аналогичные тем, что возлагались на сербских переселенцев в Новой Сербии. Однако эти феерические планы касались не только черногорцев, а такое мнение существует в историографии²¹⁵, но главным образом православных албанцев. О том, что наряду с черногорцами в Россию должны были одновременно переселяться албанцы, свидетельствует секретная инструкция канцлера А.П. Бестужева-Рюмина С.Ю. Пучкову. В ней четко указано, что Пучков должен отправиться к хорватским границам в Триест и Фиуме, а затем сопроводить к российским границам людей «из албанского и черногорского народов», желающих вступить «в службу и подданство» российской императрицы²¹⁶. В основном именно от албанцев, а не от Василия Петровича, ожидался основной приток военной силы в эти края, гораздо более высокий, чем в Новой Сербии и Славяносербии. Эти надежды, как покажет время, не оправдавшиеся, строились в основном на сделанном в 1756 г. в Сенате заявлении упоминавшегося выше А. Боставика, сказавшего: «Ежели даны будут свободные земли, то однонациональных с ним вольных людей охотников тысяч до шестидесяти есть»²¹⁷. Однако некоторое преувеличение возможностей Черногории в плане переселения могло все же существовать и в правящих кругах России. Сам Василий Петрович несмотря на присущий ему авантюризм подобных заявлений никогда не делал и таких колоссальных надежд российскому руководству не подавал хотя бы потому, что численность предполагаемых переселенцев значительно превышала все население Черногории.

С. Петрович вскоре после отправки партии Я. Эздемировича в Россию отправился в Триест, откуда 21 августа (1 сентября) 1756 г. направил письменное обращение «к сердарам, воеводам, губернаторам и боярам Черногории, Скандерии и Приморья», где извещал, что он по повелению императрицы направлен в Черногорию для принятия в российскую службу 1000 человек из черногорцев и брдян. Оставаясь на время в Триесте, в австрийских границах, он призывал черногорцев во всем следовать наставлениям митрополитов Савы и Василия Петровича²¹⁸. Тем временем С. Пишчевич направился на Военную границу в Митровицу, где, особо не надеясь на выход через Боснию черногорцев, попросил здесь своих добрых приятелей оповестить приграничных сербов в Сербии, чтобы они под «именем черногорцев» прибывали в Митровицу для дальнейшей их отправки в Россию. Таким образом, ему удалось набрать партию переселенцев из 62 человек, состоящую исключительно из холостых мужчин, которые ранней весной 1757 г. по уже тающему льду через р.Саву переправились в Митровицу. Договорившись со своими знакомыми о следующем выходе в этих местах сербов из турецких владений под видом черногорцев, С. Пишчевич со своей партией переселенцев направился в Россию. По пути в Кечкемете (Венгрия) по распоряжению С.Ю. Пучкова к его переселенцам была присоединена партия переселенцев в 27 человек, выведенная из Триеста Я. Фишером. По признанию самого Фишера, в ней не было ни одного черногорца²¹⁹.

Я. Фишер отправился в Триест за набором очередных людей, а объединенную партию переселенцев возглавил С. Пишчевич. По его наблюдениям, среди переселенцев Фишера не было не только черногорцев, но и сербов. И хотя они объяснялись на сербском языке, но были «какова ныбудь другова краю» люди – замечал Пишчевич²²⁰. По отзыву Пишчевича, все они были «настоящие разбойники», «вор наголо и пьяницы». Эта команда переселенцев, несмотря на все сложности, которые возникали по пути с людьми Фишера, в мае 1757 г. прибыла в Киев, где после принятия военной присяги переселенцы отбыли в Оренбургскую губернию.

Как замечал С. Пишчевич, Василий Петрович, обеспокоенный тем, что выход черногорцев будет невелик и зная о договоренности Пишчевича о вторичном выходе потенциальных переселенцев из турецких владений, по согласованию с С.Ю. Пучковым направил на австро-турецкую границу адъютанта И. Маркова и отозванного им из Оренбурга Я. Эздемировича. Эта самая масштабная партия переселенцев, набранная летом 1757 г., состояла из сербов, вышедших из Боснии, Герцеговины и Албании, которым было велено выдавать себя за черногорцев²²¹. Эта партия переселенцев, первоначально насчитывавшая 1046 человек, была размещена в карантине в Нови Саде, где 137 из них умерло, а еще 501 человек был задержан для фильтрации²²², в результате которой только 834 человека составили партию переселенцев, готовых с Я. Эздемировичем к отправке в Россию. Эту цифру озвучил Я. Эздемирович при личной встрече в Вене с Г.К. Кейзерлингом в самом конце февраля 1758 г.²²³ По официальным данным, в 1758 г. в Киев было выведено 942 человека (432 мужчины, 510 женщин и детей). Все они были записаны как черногорцы²²⁴. Вряд ли стоит сомневаться, что недостающие 108 человек, как и в предыдущий раз, были набраны Эздемировичем в австрийских владениях. При личной встрече С. Пишчевича и Василия Петровича последний признавал именно его, а не Я. Эздемировича и И. Маркова заслуги в этом деле, говоря, что «тот выход народа должно вашим трудом признать», и даже предлагал Пишчевичу отправиться в Нови Сад и самому возглавить партию переселенцев, но получил отказ²²⁵.

Одновременно с Я. Эздемировичем вопросами переселения уже собственноручно черногорцев занимался С. Петрович, и первоначально ему удалось добиться успеха в этом деле. Готовность переселиться в Россию выражали не только черногорцы, но и жители Герцеговины, приморских венецианских общин. Обеспокоенный этим генеральный провидур А. Контарини издал прокламацию, запрещающую под страхом смертной казни венецианским подданным поступать на военную службу в иностранные государства. С. Петрович, прибывший в акваторию Будвы на двух кораблях под австрийским флагом, сумел уговорами и подкупом убедить значительное число черногорцев переселиться в Россию, но все это рухнуло из-за контр-агитации, проведенной черногорским священником А. Джурашковичем, получившим впоследствии за это плату от венецианских властей²²⁶.

Однако в конечном итоге, несмотря на интриги венецианцев и сопротивление части черногорских «главарей», в Черногории все же удалось набрать переселенцев, которые во главе с С. Петровичем на двух кораблях в августе 1757 г. прибыли в Триест, где их встретил все еще находящийся в вынужденной эмиграции Василий Петрович. По свидетельству бывше-

го переселенца, отставного полковника русской службы Петра Вукотича, в Россию из Черногории переселилось 146 человек²²⁷. Переселенцы разделились на две группы. Одна, во главе с Василием Петровичем, направилась в Россию через Вену, а другая, ведомая С. Петровичем, через Хорватию и Венгрию, прибыла в Минск, где, объединившись с группой Василия Петровича, переселенцы направились в Киев, куда и прибыли в декабре 1757 г. Здесь Василий Петрович из-за болезни ненадолго задержался, а остальные переселенцы отбыли в Москву. Находившийся тогда в Киеве С. Пишчевич узнал от присоединившегося к этой партии по пути его бывшего слуги во времена его прежней службы в Австрии, что черногорцев-переселенцев насчитывается 153 человека, включая мальчиков и расстриженных попов, которым Василий Петрович благословил «обрить бороды и мечи припосясть», дав некоторым офицерские чины²²⁸.

Дела, связанные с переселением и уже находившимися в России переселенцами, требовали пристального внимания Василия Петровича, поскольку здесь возникали проблемы, начало которым положили юные черногорцы. Между ними возник спор, где каждый отстаивал знатность своего рода. Дело дошло до Сената, куда с челобитной обратились Иван и Рафаил (Раде) Петровичи, жалуясь на то, что занесенные с ними в один список Филипп Петрович и Петр Радонич не являются таковыми, поскольку один из них Филипп Шарович, а не Петрович, а другой – Петр Станишич, а не Радонич. Шарович из турецкого города Подгорицы, а род Станишича в Черногории не первенствующий, в отличие от рода Петровичей. Жалобщики утверждали, что Ф. Шарович носит на себе портрет Петра Великого и следует узнать, как он мог достаться ему, бывшему турецкому рабу и художнику. Они также просили, чтобы семейства Петровичей и Вукотичей были поставлены выше рода Петра Станишича. Этим местническим спором занялась Коллегия иностранных дел²²⁹. Еще больше хлопот доставили Василию Петровичу взрослые переселенцы. Недовольные условиями жизни, некоторые из них стали требовать перевода в Новую Сербию на военную службу в гусарских полках особым эскадром. Такое их желание возможно объясняется тем, что командиры сербских переселенцев в Новой Сербии и Славяносербии Й. Хорват, Й. Шевич и Р. Прерадович приглашали переселенцев к себе, утверждая, что поселение их в Оренбурге является ссылкой – информировал Коллегию иностранных дел Василий Петрович²³⁰. Когда о недовольстве переселенцев узнали в Сенате, то там выразили недоумение, поскольку переселенцы сами осмотрели предлагаемые места «и выгодами их сначала остались довольны», поэтому и отправились туда из Киева²³¹.

Следует сказать, что переселенцы были размещены на территории Самарского уезда, который тогда административно входил в Симбирскую провинцию Казанской губернии. Однако в военном отношении он был подчинен Оренбургу. Известный исследователь Оренбуржья, очевидец описываемых событий и ближайший сотрудник И.И. Неплюева П.И. Рычков замечал по этому поводу следующее: «на самом том месте, где Мочинская слобода имелась, с 1756 года заводимо было новое селение черногорцев и албанцев, коим не только оныя угоды, которыя в той слободе прежде были назначены, но и по Иргизу реке и в других местах пространныя дачи приписаны, в том чаянии, что из Европы в Россию выдет на житие людство

немалое; токмо первые оттоль выходцы поживши здесь года с три, пожелали служить в армии, а другие просили, чтоб их уволить на житье в Новой Сербии в команде генерал-майора Хорвата, почему все они в 1759 году туда и отпущены. И так сие место ныне паки впусте осталось»²³². Это место располагалось на р.Моче, где сохранилось название Гусарский Городок как воспоминание о неудачной попытке водворения здесь черногорцев и переселенцев из других балканских земель, служивших в русской армии гусарами²³³. Природные условия, в том числе и для ведения хозяйства, здесь были хорошими, что, впрочем, поначалу, признавалось и самими черногорцами²³⁴. Это лесостепной район вблизи р.Волги и живописного массива Жигулевских гор. Название Гусарский Городок в окрестностях г.Чапаевска сохранялось вплоть до 1960-х годов.

По официальным данным, в течение 1756-1757 гг. в Оренбургскую губернию было направлено 260 переселенцев, а в 1758 г. – ни одного²³⁵. Однако в августе 1758 г. киевский обер-комендант В. Лопухин направил в Самару еще 76 переселенцев²³⁶. Эта же цифра приводится в указе Сената И.И. Неплюеву о приеме переселенцев²³⁷. Таким образом, общая численность переселенцев, размещенная в этих краях, составляла 336 человек. По сути дела это была колония переселенцев, состоящая из сербов, набранных в турецких и австрийских владениях, вышедших в Россию под видом черногорцев. Вероятно, поэтому они легко поддавались агитации переселиться к своим землякам в Новую Сербию и Славяносерию. Если и были среди них черногорцы, то их могло быть крайне мало, попавшие случайно в общую массу сербских переселенцев.

П.И. Рычков, которому не было необходимости вникать в этническую принадлежность переселенцев, пользовался официальной документацией, где, как уже отмечалось, переселенцы нередко фигурировали объединенной группой – черногорцы и албанцы. Заметим, что среди переселенцев могли все же быть и этнические албанцы, так как партия переселенцев в количестве 27 человек, набранная Я. Фишером в окрестностях Триеста, как уже отмечалось, состояла не из черногорцев или сербов, а из выходцев «другого края». Может быть, какие-либо отголоски о намечавшемся выходе православных албанцев в районе Триеста, о чем говорилось выше, дошли до кого-нибудь, но это только предположение. Эти переселенцы в военном отношении формально подчинялись Оренбургу, но фактически проживали в окрестностях г.Самары, хотя некоторые из «вывода» С. Пишчевича осели на короткое время в степях под Оренбургом.

Переселенцы, а вернее часть из них, оказались людьми излишней горячности, склонные к буйству и бесчинствам. Так, находясь в Самаре, они начали «делать великие продерзости и обиды обывателям»²³⁸. Подобное продолжилось и в Москве, куда в 1758 г. перебралась часть переселенцев из-под Оренбурга, желавшая вступить на военную службу, где они объединились с черногорцами, прибывшими в Россию с Василием Петровичем и С. Петровичем. Надо сказать, что с С. Петровичем, а также с губернатором С. Радоницем, который, как и Василий Петрович, находился в Петербурге, где вскоре и умер, у митрополита окончательно испортились отношения. Долгое время он поддерживал С. Петровича, называл его, хотя и безосновательно, своим племянником. Теперь же Василий Петрович всячески от-

крещивался от родственных связей с ним, и вдруг чудесным образом выяснилось, что С. Петрович никакой не Петрович и род свой ведет от цыганской фамилии Шарович²³⁹. Василий Петрович, именуя лжеплемянника лукавым чертом, именно его обвинял в том, что под «именем черногорским» в Россию отправлялись набранные Шаровичем из разных народов воры и разбойники²⁴⁰. Василий Петрович также информировал Коллегию иностранных дел, что другой бывший соратник митрополита Т. Мркоевич поговору С. Шаровичем распространял среди прибывающих в Киев переселенцев слухи о ссылке Василия Петровича в Сибирь, утверждал, что народ черногорский, приходящий в Россию, на каторгу ссылается по различным пограничным местам²⁴¹. В российском руководстве не стали вникать в эти проблемы, сочтя их сугубо черногорскими склоками, а Степан Петрович (Шарович) продолжил службу в рядах российской армии, хотя в дальнейшем, но по иной причине, вышел во временную отставку.

Из-за разногласий и склок в черногорском руководстве оставшиеся без какого-либо присмотра черногорцы устроили в Москве массовые беспорядки. Они обирали не только простых московских обывателей, у которых за «малую цену денег» приобретали продовольствие, но, придя к дому баронессы Марии Строгановой, «вломилась в ворота, изрубили решетку, попадающихся им людей жестоко били, прибежали и к ее покоям и рубили столбы у крыльца; тогда на колокольнях близких к ее дому церквей стали бить в набат, сбежался народ, и черногорцы должны были возвратиться»²⁴². О том, что черногорцы в Москве «великие пакости и многие обиды делают и в торговых банях насилие учинили», стало известно императрице Елизавете Петровне, и она предписала Сенату принять меры к наказанию виновных²⁴³. Распоясавшихся черногорцев переселили за Язу в Алексеевскую и Семеновскую слободы. Дело дошло до того, что черногорцы, включая черногорских юношей, обучавшихся в московском кадетском сухопутном корпусе, отказались принимать воинскую присягу и понадобился приезд в Москву Василия Петровича, чтобы уладить этот инцидент. Вынужденное переселение черногорцев было связано с тем обстоятельством, что в Москве ожидали скорого приезда турецкого посланника²⁴⁴, поэтому нахождение здесь черногорцев, формальных подданных Порты, было нежелательно.

Несмотря на все проблемы и неурядицы, связанные с переселением, Василий Петрович не отказывался от этой идеи. Он мечтал о создании особого черногорского полка, но для этого явно не хватало количественного воинского состава. Понимая, что на черногорцев особо рассчитывать не приходится, Василий Петрович уведомил Елизавету Петровну, что он как черногорцам, так и близлежащим христианам объявил, что желающие переселиться в Россию пусть выходят, назвав себя черногорцами, но их следует записывать в черногорский полк, а не в другие, и «многие идут, прикрывшись черногорским именем»²⁴⁵. Так, в октябре 1758 г. для поступления на военную службу в Киев прибыло 34 далматинца. Последняя партия переселенцев из 135 человек во главе с И. Марковым прибыла в Киев осенью 1759 г.²⁴⁶ Архивные данные, приведенные академиком М. Дашичем, свидетельствуют, что среди них было только 13 черногорцев²⁴⁷. То, что под видом черногорцев в Россию переселялись люди других национальностей и что в подавляющем большинстве это были сербы, российское руковод-

ство в конечном итоге знало. Так, в 1764 г. за вывод в Россию 1236 человек именно «славеносербского», а не черногорского народа Я. Эздемирович был произведен в чин подполковника и получил двойной надел земли в Новой Сербии²⁴⁸. Разницу между сербами и черногорцами тогда уже при российском дворе отчетливо понимали и не могли поэтому объединить их в одну этническую группу «славяносербов». Таким образом, подсчеты показывают, что собственно черногорцев в Россию переселилось максимум около 200 человек, из которых около 30-ти вскоре самостоятельно вернулись на родину. Поэтому черногорский полк так и не был создан. Вместо него были сформированы черногорские кавалерийские эскадроны, которые после обучения в Пскове и Великих Луках влились в военные части русской армии, сражавшейся в восточной Пруссии.

Оценивая в целом переселенческую политику Василия Петровича, следует все же признать ее удачной, поскольку в конечном итоге в выигрыше оказались обе стороны. Для Черногории с ее крайней скудостью людских ресурсов переселение даже 1 тысячи человек было обременительным. Русская сторона также не осталась внакладе, поскольку вместо обещанной 1 тысячи человек в Россию переселилось почти полторы тысячи. Российскому руководству по большому счету была неважна этническая принадлежность переселенцев, для него было главным то, что переселенцы оказались готовы воевать за Россию и помогать охранять и осваивать ее южные рубежи, что в конечном итоге и получилось.

Василий Петрович прибыл в Петербург в феврале 1758 г., где сразу развернул энергичную деятельность. Он обращался с письмами в Синод, к вице-канцлеру М.И. Воронцову, фельдмаршалу П.И. Шувалову, императрице. В этих письмах митрополит информировал российское руководство о том тяжелом положении, в каком оказались черногорцы и соседние брдские племена после турецкого нашествия 1756 г., о мужестве и воинской доблести черногорцев. Одновременно он обратился с просьбами к русскому правительству, суть которых состояла в следующем: 1. Чтобы народ черногорский принят был в здешнее подданство; 2. Чтобы здесь был учрежден из переселившихся в Россию черногорцев полк и назван оный Черногорским; 3. Чтобы для учреждения в черногорском народе доброго порядка определен был ежегодный пенсioen до 15000 рублей, и чтобы сверх того кто-либо из России был отправлен для пребывания в их резиденции²⁴⁹. В этот приезд Василий Петрович преподнес Святому Синоду щедрый дар – «Псалтырь древней печати нашей резиденции Цетинской митрополии», изданный «при жизни герцегов наших Черноевич»²⁵⁰. Этот псалтырь был в 1495 г. напечатан в Ободской типографии, основанной на Цетинье Джураджем (Юрием) Црноевичем в 1493 г. Это была первая славянская типография на Балканах, напечатавшая 6 церковных книг на кириллице, одна из которых стала достоянием Русской Православной Церкви. Функционировала она до 1496 г. Таким образом, российский Синод, благодаря черногорскому митрополиту, стал обладателем редчайшего памятника славянского книгопечатания.

Для обращения к русскому двору Василием Петровичем был выбран неподходящий момент. Продолжалась война с Пруссией, и поэтому любое обострение отношений с Портой, в том числе и из-за черногорцев, было

крайне нежелательно для России. Тем более что в эти дни А.М. Обресков доносил из Константинополя, что султан хочет войны с Россией²⁵¹. Если новый султан Мустафа III искал любого повода к войне, то задача русского двора сводилась к тому, чтобы не дать его. 18 (29) мая 1758 г. последовал указ Елизаветы Петровны Коллегии иностранных дел о награждении черногорской делегации денежными суммами и золотыми медалями, выпущенными в честь коронации императрицы. В Черногорию для раздачи народу Елизавета Петровна распорядилась отправить 1000 «наших золотых портретов». Делегатам выделялось 2000 рублей на обратный проезд, а также Василию Петровичу «особливо» 1000 рублей²⁵². Кроме того, по распоряжению Синода митрополиту была выдана субсидия Цетинскому монастырю (с 1755 по 1760 год включительно) и проездные, отъездные и подводные в размере 965 руб. 69 коп., а также богослужебные книги²⁵³.

Императрица распорядилась из черногорцев учредить гусарский эскадрон, который должен был со временем преобразован в полк, по достижении необходимой для этого численности черногорцев-переселенцев. Что же касается вопроса о приеме черногорцев в российское подданство, то Елизавета Петровна посчитала делать это нецелесообразным, поскольку для черногорцев оно могло обернуться бедой «по великой близости окружающих их неприятелей» и по отдаленности от них России. Поэтому дело откладывалось до лучших времен²⁵⁴.

Отказывая в приеме черногорцев в подданство, российское руководство не отходило от политики покровительства Черногории. Так, в ответ на отказ Синода выдать Василию Петровичу архиерейское облачение, решением Конференции (высший совещательный орган при императрице) Синоду рекомендовалось удовлетворить просьбу митрополита, поскольку решение Синода противоречило «прежде отказанным милостям и покровительству российского двора Черногории»²⁵⁵. Следует заметить, что, оказывая фактически покровительство Черногории, русское правительство ни тогда, ни позже не заявляло об этом открыто и официально, не облакало его в международно-правовую форму, чего впоследствии будет неоднократно добиваться черногорское руководство.

Императрица также согласилась удовлетворить просьбу Василия Петровича о пожаловании черногорскому народу ежегодной субсидии в 15 тысяч рублей. Однако пока субсидия выделялась только на один год. Ее дальнейшая судьба зависела от того, сумеют ли черногорцы приложить старание для наведения между собой порядка и согласия, а также способности снабдить себя военным вооружением и добиться установления «нужного регулярства и доброй дисциплины»²⁵⁶. Просьба митрополита о направлении в Черногорию постоянного дипломатического агента была отклонена Елизаветой Петровной, поскольку, считала императрица, нынешние обстоятельства этого не позволяют²⁵⁷.

Для доставления субсидии в Черногорию (15 тысяч рублей) вместе с Василием Петровичем в Черногорию направился специальный эмиссар русского правительства, уже упоминавшийся полковник С.Ю. Пучков. Однако главная его задача состояла в разузнании истинного положения дел в Черногории, сборе сведений о стране и ее народе. Он отправился в путь как хорватский дворянин, ранее служивший в России и представлявший

себя как старинный знакомый Василия Петровича, желающий побывать в Черногории из-за любопытства. Однако эта мистификация Пучкова была безуспешной, поскольку о приезде Василия Петровича в обществе русского эmissара узнали венецианские власти Приморья, да сам Василий Петрович для повышения своего авторитета представлял затем Пучкова как русского министра²⁵⁸. Посетив Венецию и получив 5500 цехинов, предназначенных для черногорского народа, С.Ю. Пучков в Триесте встретился с Василием Петровичем и его небольшой свитой из 4 человек. Вместе они на корабле направились в венецианские владения на Адриатике и прибыли в Будву 29 июля (9 августа) 1759 г., на пристани которой черногорцы встретили их радостной стрельбой.

Вскоре по прибытии русский эmissар посетил Маинский монастырь, объехал несколько нахий, а также побывал в Цетинье. По возвращении из Черногории в марте 1760 г. С.Ю. Пучков представил в Коллегию иностранных дел рапорт²⁵⁹, позднее дополненный сведениями о черногорцах²⁶⁰, в котором сообщал, что черногорцы пребывают в крайнем беспорядке, не имеют между собой «добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междоусобии и вражде, к властям своим не имеют послушания, а власти не пекутся о их пользе»²⁶¹. В словах С.Ю. Пучкова много горькой правды. Межплеменная и внутренняя вражда, кровная месть – все это было главным препятствием для единения черногорского общества. Достичь его было крайне трудно в стране, где, как справедливо замечал Пучков, люди в результате ссоры по самому ничтожному поводу «друг друга режут или застреливают», а затем убегают в другие провинции²⁶². Пучков рапортовал о расхищении русских денег черногорскими «начальниками» и их родственниками, о присвоении узким кругом лиц 1000 золотых жетонов, в то время как «преосвященному Саве одну только грамоту отдали»²⁶³. Черногорские старейшины «ищут протекцию у той державы, от которой больше денег получить надеются» – замечал российский эmissар²⁶⁴. Рассуждая таким образом о черногорцах, Пучков все же замечал, что черногорцы хотя и дикий народ, но «добрым предводительством и нравоучительным наставлением можно из него со временем (хотя и с трудом) нечто доброе сделать»²⁶⁵. При этом он возлагал надежду только на «так называемых повелителей» митрополита Василия Петровича и Саву, хотя Василия Петровича под влиянием разговоров с Савой Пучков считал целесообразным удалить из Черногории.

Изложив состояние черногорских дел все же в самых мрачных тонах, С.Ю. Пучков слишком сгустил краски, что частично объясняется и тем, что он за получением информации нередко обращался к митрополиту Саве и другим недоброжелателям Василия Петровича. Ошибочным было его обвинение в расхищении присылаемых из России денежных сумм, а также в том, что Василий Петрович тратит русские деньги не ради государственных интересов, а только по своим нуждам. В действительности эти средства, как с осуждением сообщал митрополит Сава в письме Венецианскому сенату, тратились на развитие освободительного движения²⁶⁶. Часть же русских денег была роздана на состоявшемся вскоре после отъезда Пучкова из Черногории зборе, причем не только черногорцам, но и приморцам²⁶⁷. Василий Петрович, в отличие от Савы, не был замечен в корыстолюбии.

Пучков со скептицизмом отнесся к замыслам Василия Петровича учредить в Черногории «из их бояр сенат в двенадцати персонах», а также регулярный воинский корпус из 300 человек, полагая, что выделяемые для этого русские деньги пойдут к «ненасытимой мамоне» черногорских начальников, рассуждая о которых, Пучков замечал, что «редко кто из них на порядочного человека походил»²⁶⁸.

С.Ю. Пучков отмечал отсутствие в Черногории какого-либо правопорядка, так как каждый сам себе «высший властитель и судья». Такое суждение российского эмиссара представляется слишком категоричным, поскольку в стране действовали нормы обычного права, а также, хотя и слабо, но функционировал такой орган, как «суд добрых людей», состоявший из наиболее влиятельных и уважаемых старейшин²⁶⁹. Действовал в Черногории и такой судебный орган, как «кметский суд», состоящий из 24 судей и разрешавший различные споры между черногорцами²⁷⁰. Василий Петрович был жестоким и отважным человеком, ему удавалось держать в страхе беспокойных черногорцев, замечал позже другой российский эмиссар Г. Мерк²⁷¹. Пучков, не отрицая наличия судей в Черногории, о чем он был проинформирован Василием Петровичем и митрополитом Савой, не видел в них какой-либо пользы. С.Ю. Пучков черногорские реалии мерил на российский аршин; для него, привыкшего у себя на родине к совершенно иным порядкам, многое, если не все, казалось странным и диким в этой стране.

В Петербурге полученная от С.Ю. Пучкова информация была воспринята с полным доверием. Поэтому черногорцам пришлось забыть о продолжении получения субсидий в размере 15 тысяч рублей²⁷², однако выплата субсидии Цетинскому монастырю по линии Синода не была отменена. В первые годы царствования Екатерины II русское правительство также руководствовалось сведениями, полученными от Пучкова, и считало, что для России нет никакой пользы от черногорцев, кроме излишних хлопот и «холодности с турецким двором и венецианской республикой»²⁷³. И это вполне наглядно было продемонстрировано на примере далматинского епископа Симеона Кончаревича, почти безотлучно проживавшего в России с 1758 г., куда он прибыл с сербами-переселенцами из Далмации и Османской империи.

В 1764 г. Кончаревич предложил российскому двору переселить православных сербов из Сербии, Боснии и Герцеговины и других мест в Россию. Согласно Кончаревичу, это переселение должно было произойти в случае начала русско-турецкой войны. Тогда сербы должны были «очистить себе путь в Россию вооруженную рукою», либо, оставаясь на местах, вести боевые действия против турок. Этот проект был отклонен российским руководством как явно нарушающий мирный договор с Турцией, с которой Россия начинать новую войну тогда не намеревалась. Взамен сербам было предложено небольшой численностью тихо и без огласки переселяться в Россию с предоставлением различных льгот, аналогичных льготам других иностранных переселенцев. Другое предложение С. Кончаревича, изложенное устно, касалось непосредственно и Черногории. Далматинский епископ информировал о горячем желании православных народов Далмации и Черногории «быть в протекции российского двора», о чем его просили многие достойные люди, взяв с

него клятву сообщить об этом в России. В случае же войны с Турцией черногорцы и сербы были готовы «охотно и сильно» воевать против турок. Отмечая, что разделенный сербский народ, живущий в различных местах Балкан, находится под властью Австрии, Венеции, Османской империи, Кончаревич особо выделял Черногорию как никому не подвластную и только султану «некоторую лехкую часть дают дани». С. Кончаревич, проявляя заботу о народном просвещении, предлагал открыть две школы для обучения молодых славян российской грамоте и другим полезным наукам. Одну в Черногории, в монастыре Станевичи при митрополите Саве, а другую – в Брде, на территории племени Кучи, под опекою воеводы Илии Дрекаловича. В качестве учителей, а также для поддержания надежды на протекцию со стороны России, Кончаревич предлагал направить туда одного или двух обер-офицеров из сербов на русской службе и по его выбору двух или трех черногорских юношей, обучавшихся с 1758 г. в Петербургском кадетском сухопутном корпусе. Для организации школ требовалась единовременная российская субсидия в 3 тысячи рублей с дальнейшим ежегодным их содержанием. Вопрос об этих школах, как, впрочем, и другие проблемы, несомненно, были обсуждены с митрополитом Савой и Илией Дрекаловичем во время поездки Кончаревича из России в Далмацию.

Коллегия иностранных дел, всесторонне обсудив на специальном заседании в октябре 1764 г. предложения С. Кончаревича, рекомендовала императрице Екатерине II их все же отклонить. Аргументация была следующая. Принятие сербов в российскую протекцию невозможно «без досады и великой ссоры» с государствами, чьими подданными они являются. О Черногории было сказано, что, возможно, она и является независимой, но все же «некоторую дань» султану платит. Не отрицая готовности югославянских народов воевать против турок, Коллегия предложила оставить «их в запас» и через Кончаревича при удобном случае тайно обнадеживать протекцией со стороны России. Этим случаем, безусловно, могла быть только война между Россией и Османской империей, которой *«однако, желать не надобно»*.

По поводу открытия школ в Черногории и Брде обсуждались различные варианты. Кандидатура сербов как учителей была отклонена, поскольку они плохо владели русским языком и письменностью. Рационально было бы выбрать в качестве учителей российских ученых людей, но пребывание россиян могло вызвать подозрение у турок, поэтому следует направить туда черногорских юношей. Однако и при таком варианте у членов Коллегии возникли сомнения относительно выделения на школы российских денежных средств. Коллегия посчитала, что если черногорские юноши, как, впрочем, и сербы, сами не присвоят те деньги, то будут вынуждены отдать их «тамошним архиреям черногорским», а будут ли деньги расходоваться для народной пользы на заведение школ, это остается делом неизвестным и ненадежным. При этом Коллегия как раз ссылалась на печальный, по их мнению, опыт отправления 15 тысяч рублей в Черногорию с полковником С.Ю. Пучковым.

В конечном итоге было решено рекомендовать школы за российский счет в Черногории и Брде не открывать. Однако если старанием здешних

правителей и народа такие школы откроют, то тогда появится возможность с российской стороны некоторую умеренную помощь деньгами осуществлять, по аналогии с субсидиями Цетинскому монастырю²⁷⁴. Своими предложениями российскому руководству о готовности сербов и черногорцев воевать против турок Симеон Кончаревич опережал события на 4 года. Они могли бы быть вполне уместны, но лишь в условиях грядущей русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Возвращаясь к сугубо черногорским делам, следует сказать, что Василий Петрович, рассчитывая на то, что новая российская власть в лице императрицы Екатерины II будет проводить новую внешнюю политику, где свое место займет и Черногория, в 1765 г. прибыл в Петербург. В число задач его миссии, помимо просьбы о защите от постоянной турецкой агрессии, входило ходатайство о поддержке черногорской церкви. Однако Василию Петровичу не суждено было дождаться результатов своей миссии. В марте 1766 г. он скончался и был с почестями похоронен в Петербурге в Александро-Невской Лавре. Страстно любивший свою вторую родину Россию, Василий Петрович обрел вечный покой в русской земле.

Спустя три месяца Синод направил в Черногорию очередную денежную субсидию Цетинскому монастырю и церковную утварь. На родину также возвращались сопровождавшие Василия Петровича в поездке в Россию иеромонах Иосиф Вукичевич и иеродиакон Петр Петрович Негош – будущий черногорский митрополит. Их сопровождал подпоручик Севского полка М. Тарасов, который должен был доставить в Черногорию грамоту Екатерины II, церковную субсидию и личные вещи Василия Петровича, оставшиеся после его смерти. М. Тарасову было также поручено выяснить, «в какой склонности и усердии черногорцы к Российской империи находятся, также об их правлении, порядках и внешних делах»²⁷⁵.

Во время нахождения в Черногории М. Тарасов вел ежедневные записи происходивших событий, а по возвращении представил письменный отчет Коллегии иностранных дел²⁷⁶. Записки М. Тарасова содержат сведения о политическом, экономическом и военном положении Черногории и соседних земель, быте и нравах черногорцев. Тарасов отмечает бедственное экономическое состояние Черногории, ее изолированность, внутреннюю и внешнюю вражду. Внутреннюю нестабильность М. Тарасов объяснял отсутствием должного правления и крайней слабостью митрополита Савы, титул которого – черногорский правитель – не воспринимается черногорцами, почитающими его лишь за митрополичий сан, а «он виновному, кроме проклятия», сделать ничего не может, замечал Тарасов.

Вместе с тем Тарасов отмечал, что суд в Черногории все же существует, и описывал, как он происходит: «Соберутся старшины их несколько человек в архиерейском доме и, севши за стол, судят винного, и суд обычно кончится при великом крике такою сентенциею: ежели есть смертное убийство, то позволяется учинить равномерное отмщение, а когда дело состоит в краже, то в семеро против цены украденного виноватый заплатить должен»²⁷⁷. Подметил он и определенное неравенство в черногорском обществе, где старейшины «не по заслугам, но по древности фамилии и по достатку выбираются, а бедные обыкновенно из интересу на то согласны бывают», по-

сколько они к своим начальникам часто «прибегают», чтобы занять денег, хлеба и прочие необходимые вещи²⁷⁸.

В дневнике Тарасова есть запись и о том, как к нему обратился подвыпивший цетинский воевода Степо с вопросом: «Для чего-де ты, мо-скаль, не привез нам денег на свинец и на порох, чтоб-де мы имели чем от неприятеля обороняться, ибо мы заслужили оные деньги кровью, пособляя против турок государю императору Петру Великому. А о присланном-де ныне архиерею облачении в России объяви, чтоб их более нам не присылали, потому что и прежде присланные лежат-де без употребления, ибо мы своего митрополита и в 3 года одиножды в архиерейском облачении не видим»²⁷⁹.

В отличие от полковника Пучкова, подпоручик Тарасов с несколько большим пониманием относился к проблемам Черногории, сознавая, что многие беды черногорцев обусловлены не только их порядками и нравами, но и тяжелейшими природными условиями, внешними обстоятельствами. Все же в целом в его выводах сквозит больше пессимизма, нежели оптимизма, как в оценке внутреннего положения страны, так и перспективы русско-черногорских отношений. Он заметил, что среди черногорцев невеликое число «можно найти доброжелательных и усердных к России, прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки, и паче всего деньги»²⁸⁰. Оценивая это суждение М. Тарасова, следует учесть, что разного рода пожертвования (в основном церковные) и «милостинная дача» Цетинскому монастырю не пополняли существенно доходы Черногории, хотя крайняя их скудость заставляла ценить любые, даже такие небольшие денежные подношения. Однако пройдет совсем немного времени, и станет ясно, что «русская идея», хотя и в своеобразной форме, окажется живучей в сознании не только большинства черногорцев, но и приморцев. Она выйдет на первый план, и не только из-за сугубо прагматических расчетов.

После смерти Василия Петровича Сава вновь стал единолично распоряжаться митрополичьим престолом. Его государственная деятельность по-прежнему отличалась безынициативностью и пассивностью. Черногорцы отзывались о Саве следующим образом: «Ни с ним не лучше, ни без него не хуже».

Тем временем в Черногории по-прежнему процветало самоуправство, а кровная месть истощала и без того скудные людские ресурсы страны. Выдающийся сербский просветитель Досифей Обрадович в годы своих странствий в 1764 г. посетил Черногорию, которая произвела на него удручающее впечатление. Он писал о черногорцах следующее: «Поганы, прокляты и вечного позора достойны те обычаи, когда, свершая кровную месть за кого-то, некий изверг убивает другого, которой ни в чем вовсе не повинен. Такие жестокие, проклятые дела свершаются там, где нет ни праведных законов, ни правления... Итак, во имя Бога живого! Наведите порядок в своей среде, выберете главенствующего и ведите у себя закон добротный»²⁸¹. И такой человек не заставил себя долго ждать: время правления в Черногории Степана Малого (1767-1773) явилось прорывом к авторитарной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом: *Андрияшевич Ж.* Черногорская церковь (1852-1918). М., 2011. С.23-30.
- ² Калинник, хотя и придерживался протурецкой ориентации, при спорах с югославами-католиками обращался к российскому послу в Константинополе П.А. Толстому, называя его «наш чеснейший и славной посол благочестивейшаго тишайшего самодержавного государя» (*Артамонов В.А.* Сербь и Турецко-русская война 1710-1713 гг. (к 300-летию русско-сербского боевого содружества) // *Известия Самарского научного центра РАН.* Самара, 2011. Том 13. №3 (2). С.334). В 1708 г. черногорцы все же признали Калинника патриархом, урегулировав тем самым отношения между Цетинской митрополией и Печским патриархатом.
- ³ *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1955. С.45-46.
- ⁴ *Андрияшевич Ж.* Черногорская церковь (1852-1918). С.41.
- ⁵ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе. Књ.3. Од почетка XVI до краја XVIII вијека. Титоград, 1975. Т.1. С.241.
- ⁶ Там же. Скорее всего, это все же легенда. Г. Станоевич сам же замечает, что аналогичные сюжеты, связанные с пленными турками, присутствуют в черногорском героическом эпосе, однако письменные источники XVIII в. не содержат подобных сведений об обмене пленнх турок на свиней (*Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.272-273).
- ⁷ Там же. С.242.
- ⁸ *Петровић Р.В.* Степан Малый – загадка истории (русский лжецарь в Черногории). Пер. с серб. С. Якшича и А. Зырина. Белград, 1996. С.30.
- ⁹ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.246.
- ¹⁰ *Медаковић М.* Владика Данило. Цетиње, 1997. С.51-52; *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С.76, и др.
- ¹¹ *Петровић Р.В.* Владика Данило и владика Сава (1697-1781). Београд, 1997. С.50.
- ¹² *Милаковић Д.* Историја Црне Горе // *Повјесница црногорска.* Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. Подгорица, 1997. С.325.
- ¹³ Запись владыки Данилы об истреблении потурченцев. 1707 г. // *Миловић Ј.М.* Зборник докумената из Историје Црне Горе. (1685-1782). Цетиње, 1956. С.17-18.
- ¹⁴ *Шћепановић Ж.* Кратка историја Црне Горе. Од најстаријих времена до 1796. Године. Подгорице, 2002. С.136. В черногорской историографии существуют различные точки зрения на хронологию происходивших событий, связанных с истреблением потурченцев. Впрочем, все авторы, исключая И. Рувараца, относившего это событие к 1687 г., так или иначе связывают его с первыми годами правления Данилы (см. об этом: *Станојевић Г.* Црна Гора у доба... С.31-44).
- ¹⁵ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.246-247.
- ¹⁶ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1905. Т.II. Ч.III. С.24.
- ¹⁷ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1901. Т.II. Ч.II. С. 38.
- ¹⁸ См. об этом: *Путилов Б.Н.* Героический эпос черногорцев. Л., 1982. С.141-151.
- ¹⁹ Там же. С.91-92.
- ²⁰ Неколике пиеснице старе, нове, преведене и сочинене С.М. Сарайлиом. Лайпциг, 1826; Певаннија черногорска и херцеговичка, собрана Чубром Чойковичем Черногорцем. Часть первая. Будим, 1833; Народне српске pjesме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Липиска, 1824. Књ.1; 1825. Књ.2, 3; Беч, 1833. Књ.4; *Његош П.П.* Огледало српско. [Б.м.], 1845.
- ²¹ *Његош П.П.* Огледало српско // *Цјелокупна дјела П.П. Његоша.* Београд, 1951. Књ 5. С.40-46.
- ²² *Путилов Б.Н.* Героический эпос... С.121.
- ²³ Марко Кралевич – турецкий вассал, ставший владельцем небольшого удела с центром в городе Прилеп (Вардарская Македония) после гибели в битве с турками (1371 г.) его

- отца Вукашина. Вероятно, М. Кралевич получил от турок какие-то привилегии, облегчавшие положение населения его владений по сравнению с соседними землями.
- ²⁴ Если песни о Марко Кралевиче были всегда популярны в народной среде, то иное отношение к этому историческому и эпическому лицу наблюдалось в высшем черногорском руководстве, начиная по крайней мере с XIX в. Так, Петр II Негош, слушая однажды песню о Марко Кралевиче в исполнении Шуи Караджича, прервал его следующими словами: «Не надо, воевода, о Марко, был он турецкий прихлебала». – «Хозяин, – ответил гусяр, – кому не мила песня о Марко, пусть заткнет уши» (*Путилов Б.Н. Героический эпос... С.64*).
- ²⁵ В частности, во время Первого сербского восстания 1804-1813 гг. Джуро Милутинович доставлял письма владыки в повстанческую Сербию, спрятав их в палке или гусях.
- ²⁶ См. текст этих песен в кн.: *Песни южных славян. М., 1976. С.279-281; 306-309.*
- ²⁷ См. текст песни: *Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом... СПб., 1905. Т.II. Ч.III. С.457-462; Литературный анализ этой песни и русской темы в целом см.: Путилов Б.Н. Героический эпос... С.40-41, 168-169.*
- ²⁸ Там же. С.41.
- ²⁹ *Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом... СПб., 1905. Т.II. Ч.III. С.462-463.*
- ³⁰ См. о нем: *Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С.138-139; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. Составители: А.П. Бажова, К.К. Миронова, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова. М., 1984. С.295; Лециловская И.И. Черногорец Иван Погоричани – российский генерал // Черногорцы в России. М., 2011. С.85-87.*
- ³¹ *Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом... СПб., 1905. Т.II. Ч.III. С.58.*
- ³² *Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом... СПб., 1888. Т.I. С.634.*
- ³³ *Карађић В.С. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С.44; [Караджич В.С.] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.109.*
- ³⁴ *Карађић В.С. Црна Гора и Бока Которска. С.44; [Караджич В.С.] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.107.*
- ³⁵ *Карађић В.С. Црна Гора и Бока Которска. С.44; [Караджич В.С.] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.109.*
- ³⁶ *Драгићевић Р. Митрополит Петар I и мирење крвне освете // Записи. 1935. Књ.XIV. Св.7. С.260.*
- ³⁷ *Карађић В.С. Црна Гора и Бока Которска. С.45; [Караджич В.С.] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.110-111.*
- ³⁸ *Митрополит Амфилохије (Радовић). Учешће светородне лозе Петровића у животу цркве и народа богословље епохе Петровића // Династија Петровић Негош. Т.1. Радови на међународног научног скупа. Подгорица, 29. октобр – 1. новембар 2001. Подгорица, 2002. С.203.*
- ³⁹ *Павићевић Б. Стварање црногорске државе. Београд, 1955. С.42.*
- ⁴⁰ *Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С.104-105.*
- ⁴¹ *Грамота Петра I черногорскому народу, 3 (14) марта 1711 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.29-30.*
- ⁴² Там же. С.31-32.
- ⁴³ *Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений при Петре Первом // Вопросы истории. 1946. №8-9. С.33.*

- ⁴⁴ Станојевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.252; Распопович Р. Первые официальные визиты черногорцев к российскому двору: миссия владыки Данилы в 1715 г. // Черногорцы в России. С.11.
- ⁴⁵ Лакич З. Триста лет межгосударственных отношений Черногории и России // Русија и Балкан током последња три столећа. Подгорица - Москва, 2012. С.293. Речь Данилы приводится в литературной обработке З. Лакича.
- ⁴⁶ Бажова А.П. Русско-югославянские отношения ... С.60.
- ⁴⁷ Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. (К 300-летию боевого содружества русских, сербов и черногорцев) // Русија и Балкан током последња три столећа. Подгорица - Москва, 2012. С.44.
- ⁴⁸ Там же. С.46. В мае 1712 г. к русскому политическому агенту в Венеции М. Каретте обратился прибывший из Черногории монах за получением взятых взаймы полковником Милорадовичем и капитаном Черноевичем (Лукачевичем. – Ю.А.) 2300 червонных. М. Каретта отклонил его просьбу, поскольку не имел на этот счет никаких распоряжений из Петербурга, снабдив все же монаха небольшой денежной суммой (Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.86. Сношения России с Сербией и Черногорией. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.10).
- ⁴⁹ Там же. Л.4-7.
- ⁵⁰ Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.33; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения... С.105; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.40-41.
- ⁵¹ Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.33; Павичевић Б. Владика Данило у Петрограду. 1715. Године // Зборник радова Михаилу Лалићу у почаст. Титоград, 1984. С.16; Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. ... С.45. Французский посланник в Венеции называл цифру в 15 тысяч черногорцев (Станојевић Г. Црна Гора у доба... С.65).
- ⁵² Милаковић Д. Историја Црне Горе // Повјесница црногорска... С.328; Кочубинский А.А. Мы и Они (1711-1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878. С.163.
- ⁵³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. М., 1993. Кн.VIII. Т.16. С.363.
- ⁵⁴ М. Милорадович – Д.Ф. Боцису, 5 (16) февраля 1712 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.40.
- ⁵⁵ Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV - начало XIX в. М., 1958. С.98.
- ⁵⁶ Лециловская И.И. Дубровник и Россия // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.259.
- ⁵⁷ Станојевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.254.
- ⁵⁸ Артамонов В.А. Сербия и Турецко-русская война 1710-1713 гг. ... С.334.
- ⁵⁹ Станојевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.274-275.
- ⁶⁰ Там же. С.254.
- ⁶¹ Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.28, 33.
- ⁶² С.Л. Владиславич-Рагузинский – Ф.М. Апраксину, 28 января (8 февраля) 1713 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.45.
- ⁶³ Петровић Р.В. Владика Данило... С.54.
- ⁶⁴ Станојевић Г. Црна Гора у доба ... С.64.
- ⁶⁵ Петровић Р.В. Православна Далмација и Русија. Београд, 2001. С.8.
- ⁶⁶ Милутиновић С.С. Историја Црне Горе от искона до новиега времена // Повјесница црногорска... С.112; Кочубинский А.А. Мы и Они (1711-1878)... С.165; Макушев В. Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, этнографические и исторические. СПб., 1867. С.166.
- ⁶⁷ Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду... С.16-17.

- ⁶⁸ Станојевић Г. Црна Гора у доба ... С.79.
- ⁶⁹ См. об этом: *Богоявленский С.К.* Из русско-сербских отношений... С.35-36; *Водарский Я.Е.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С.52-53.
- ⁷⁰ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Сношения России с Сербией и Черногорией. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.8.
- ⁷¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т.12. Вып.2 (июль – декабрь 1712 г.). М., 1977. С.488.
- ⁷² Станојевић Г. Црна Гора у доба ... С.76.
- ⁷³ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Сношения России с Сербией и Черногорией. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.1.
- ⁷⁴ Павленко Н.И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978. №3. С.160.
- ⁷⁵ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Сношения России с Сербией и Черногорией. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.7об.
- ⁷⁶ Милутиновић С.С. Историја Црне Горе от искона до новијега времена // Повјесница црногорска... С.113-115; ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.4-4об. Таким образом, предположение С.К. Богоявленского о том, что инициатором составления договорной грамоты был Арколео и что именно он от лица царя уполномочил Милорадовича ее заключить и подписать (*Богоявленский С.К.* Из русско-сербских отношений... С.36), неверно, поскольку, как уже упоминалось, Арколео прибыл в Черногорию лишь в июне 1712 г. Б. Павичевич считал, что Милорадович, подписав в апреле 1712 г. договорную грамоту с черногорцами без каких-либо санкций со стороны российского руководства, тем самым навлек на себя немилость (*Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду... С.22). Полагаю, он все же заблуждался. Вряд ли в официальном Петербурге вообще что-либо знали об этом «договоре». Если бы все же и узнали о нем, то можно предполагать, что Милорадовича бы только похвалили за проявленную им в условиях войны с турками находчивость, предпринятую с единственной целью поддержать и простимулировать верных союзников России черногорцев. Тем более что каких-либо претензий со стороны Порты по поводу этого «договора» в дальнейшем не последовало и грамота Милорадовича так и осталась документом сугубо внутренним, предназначенным лишь для подъема боевого духа черногорцев. Сам митрополит Данило, понимая это, впоследствии при взаимоотношениях с российским руководством о нем также никогда не вспоминал. П.А. Ровинский, первый в российской историографии упоминавший в своих работах об этом «формальном договоре», нигде не упоминал, что в Петербурге о нем знали, и что это было расценено как превышение Милорадовичем своих полномочий. Вместе с тем копия этого «договора» находится среди бумаг М.К. Ивелича (ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов)), которую каким-то образом сумел заполучить российский эмиссар М.К. Ивелич, бывший в Черногории и Боке Которской в 1804-1805 гг. со специальной миссией.
- ⁷⁷ Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. ... С.49.
- ⁷⁸ Станојевић Г. Црна Гора у доба ... С.97-98. Надо сказать, что укрывшиеся в 1712 г. в Герцеговине черногорцы повели себя далеко не лучшим образом. На следующий год они, занимаясь четованием, начали грабить и христиан, за что сербский патриарх Моисей Чурла обещал предать их проклятию, если они не прекратят этого (*Шћепановић Ж.* Кратка историја Црне Горе... С.137).
- ⁷⁹ *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе. 1711-1918. Подгорица - Београд, 1996. С.31.
- ⁸⁰ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Сношения России с Сербией и Черногорией. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.1-2.
- ⁸¹ Там же. Л.2-2об.
- ⁸² Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. ... С.50; Письма и бумаги императора Петра Великого... С.282.
- ⁸³ *Богоявленский С.К.* Из русско-сербских отношений... С.37.
- ⁸⁴ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Сношения России с Сербией и Черногорией. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.3-3об.
- ⁸⁵ *Костяшов Ю.В.* Сербь в австрийской монархии. Калининград, 1997. С.39.

- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Богоявленский С.К.* Из русско-сербских отношений... С.37.
- ⁸⁸ См. об этом: *Станојевић Г.* Црна Гора у доба... С.104-105; *Андрияшевич Ж.М.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн // Истории Черногории с древнейших времен до 2006 года. Подгорица, 2009. С.75.
- ⁸⁹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен... М., 1993. Кн.VIII. Т.16. С.397.
- ⁹⁰ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.264.
- ⁹¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен... М., 1993. Кн.VIII. Т.16. С.397.
- ⁹² *Миловић Ј.М.* Зборник докумената... С.29.
- ⁹³ *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду... С.33-34; *Хитрова Н.И.* Церковь и культура Черногории в отношениях с Россией // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.178.
- ⁹⁴ Жалованная грамота Петра I югославянским народам, 9 (20) июля 1715 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.51-52.
- ⁹⁵ Отправление из канцелярии Сената в посольскую канцелярию, 13 (24) июля 1715 г. // РГАДА. Ф.86. Сношения России с Сербией и Черногорией. Оп.1. Ед.хр.1. 1714 г. Л.150.
- ⁹⁶ Там же. Л.148.
- ⁹⁷ Г.И. Головкин – князю П.И. Прозоровскому, 23 мая (3 июня) 1715 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.796. Оп.24. Д.134. 1743 г. Л.61об.
- ⁹⁸ *Шубарич А.П.* Русско-сербо-черногорские книжные связи в первой половине XVIII века // Филевские чтения. М., 1994. Вып.VI. С.110.
- ⁹⁹ *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду... С.35; *Хитрова Н.И.* Церковь и культура Черногории... С.178-179.
- ¹⁰⁰ *Кочубинский А.А.* Мы и Они... С.174.
- ¹⁰¹ *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду... С.35.
- ¹⁰² Данило Петрович Негош – Г.И. Головкину, 1 (12) января 1721 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.58.
- ¹⁰³ *Хитрова Н.И.* Церковь и культура Черногории... С.179; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.59.
- ¹⁰⁴ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.269; *Петровић Р.В.* Владика Данило... С.60.
- ¹⁰⁵ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.267.
- ¹⁰⁶ *Норвич Д.* История Венецианской республики. М., 2009. С.769.
- ¹⁰⁷ *Станојевић Г.* Црна Гора у доба... С.45-46.
- ¹⁰⁸ Там же. С.449; *Андрияшевич Ж.М.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн... С.76.
- ¹⁰⁹ *Шћепановић Ж.* Кратка историја Црне Горе... С.138.
- ¹¹⁰ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.270.
- ¹¹¹ *Станојевић Г.* Црна Гора у доба... С.126-127.
- ¹¹² *Станојевић Г.* Југословенске земље у млетачко-турским ратовима XVI-XVIII вијека. Београд, 1970. С.451.
- ¹¹³ Там же. 456-457.
- ¹¹⁴ Василий Петрович – вице-канцлеру А.М. Голицыну, 28 декабря 1765 г. (8 января 1766 г.) // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.281.
- ¹¹⁵ Там же. С.58-59.
- ¹¹⁶ Там же. С.64.
- ¹¹⁷ Там же. С.58.
- ¹¹⁸ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1888. Т.I. С.539-540.
- ¹¹⁹ Там же. С. 545.
- ¹²⁰ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.44; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с

- немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.106.
- ¹²¹ В качестве примера приведем такой случай: при митрополите Петре I Негоше в Цетинье прибыл серб из австрийских владений, который в разговоре с черногорцем обругал веру или крест, не думая тем самым нанести какое-либо оскорбление собеседнику. Черногорец только переспросил: «Как?» Тот повторил, тогда черногорец выстрелом из пистолета убил его на месте (*Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1897. Т.II. Ч.I. С.412).
- ¹²² *Станојевић Г.* Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740-1766). Београд, 1978. С.31.
- ¹²³ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.45; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.112-113. Существовал в Черногории и такой случай примирения, когда убийца просил противника стать кумом, склоняя тем самым его к примирению. При этом 12 женщин с младенцами в колыбели, иногда по несколько дней, заклиная именем Бога и Св. Иоанна, призывали противников примириться. На заключительной стадии убийца, стоя на коленях с оружием убийства на шее, просил прощения, клянясь при этом именем Бога и Св. Иоанна. В свою очередь кровник поднимал убийцу с колен, снимал с его шеи оружие, оставляя его затем у себя. После этого кровник прощал убийцу, и они становились друзьями, какими не были до начала вражды. Примирение заканчивалось общим пиршеством за счет обидчика, в котором принимали участие и посредники с обеих сторон (*Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.49; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.124-126).
- ¹²⁴ Црногорске исправе XVI-XIX вијека. Уредили Т. Никчевић и Б. Павићевић. Цетинье, 1964. Док. 35, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 45 и др.
- ¹²⁵ *Милаковић Д.* Кратка историја Црне Горе. Грлица. Календар Цернегорски. Црна Гора, 1835. С.66; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1888. Т.I. С.547.
- ¹²⁶ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1888. Т.I. С.547.
- ¹²⁷ Там же. С.549.
- ¹²⁸ *Чиркович С.М.* История сербов. М., 2009. С.197.
- ¹²⁹ Историја народа Југославије. Книга друга. Од почетка XVI до краја XVIII века. Београд, 1960. С.1180.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Обращение черногорских старейшин к русскому резиденту в Константинополе А.А. Вешнякову, 1 (12) сентября 1742 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.113-115.
- ¹³² *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.68.
- ¹³³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.115. Прим.1.
- ¹³⁴ А.А. Вешняков – митрополиту Саве, 4 (15) мая 1743 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1746 г. Д.5. Л.8об-10.
- ¹³⁵ А.А. Вешняков – Коллегии иностранных дел 13 (24) мая 1743 г. // Там же. Л.1об.
- ¹³⁶ Рескрипт Елизаветы Петровны А.А. Вешнякову, 19 (30) сентября 1743 г. // Там же. Л.13-14.
- ¹³⁷ Прощение митрополита Савы Елизавете Петровне, апрель 1743 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије у периоду владавине црнагорских митрополита Саве и Василија Петровића. 1742-1766 гг. / Редколлегия: А.Н. Сахаров, Р.М. Распоповић. Составители: Р.М. Распоповић, В.Б. Хлебникова, С. Бабович-Распоповић. Подгорица - Москва, 2011. С.74.
- ¹³⁸ *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские связи в XVIII в. (церковные и культурные). // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С.11; Политические и культур-

- ные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.121-122.
- ¹³⁹ Там же. С.69; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.129. Прим.1.
- ¹⁴⁰ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78. Л.64об.-65об.
- ¹⁴¹ *Станојевић Г.* Митрополит Василије ... С.79-80.
- ¹⁴² Там же. С.74.
- ¹⁴³ Василий Петрович – А.А. Вешнякову, 15 (26) июля 1743 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.118; Црна Гора и Русија. Материалы за историју односа Црне Горе и Русије... С.96.
- ¹⁴⁴ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн.ХI. Т.22. С.374.
- ¹⁴⁵ *Теплов В.* Русские представители в Царьграде. 1496-1891. СПб., 1891. С.28.
- ¹⁴⁶ Василий Петрович – А.П. Бестужеву-Рюмину, 9 (20) февраля 1746 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.132.
- ¹⁴⁷ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.70.
- ¹⁴⁸ *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.98.
- ¹⁴⁹ Письмо черногорских старейшин А.М. Обрескову, 30 мая (10 июня) 1751 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.143.
- ¹⁵⁰ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн.ХII. Т.23. С.140-141.
- ¹⁵¹ Митрополит Сава – А.П. Бестужеву-Рюмину, 27 мая (8 июня) 1752 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1751-1756 гг. Д.6. Л.22; Црна Гора и Русија. Материалы за историју односа Црне Горе и Русије ... С.174.
- ¹⁵² РГИА. Ф.796. Оп.33. 1752-1762 гг. Д.197. Л.28об.-29.
- ¹⁵³ Прощение Василия Петровича Елизавете Петровне, не ранее 18 (29) июля 1752 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.163-164.
- ¹⁵⁴ Донесение Василия Петровича в Коллегию иностранных дел, июль 1753 г. // Там же. С.187-190.
- ¹⁵⁵ Василий Петрович – А.А. Бестужеву-Рюмину, 22 апреля (3 мая) 1753 г. // Там же. С.185-186.
- ¹⁵⁶ *Шубарич А.П.* Русско-сербо-черногорские книжные связи... С.117.
- ¹⁵⁷ *Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе времена митрополита Данила, Саве и Василија Петровића из московскога и петроградскога архива министарства иностранных дјела // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1895. Књ.ХХV. С.19-20.
- ¹⁵⁸ *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские связи в XVIII в. ... С.14.
- ¹⁵⁹ Црна Гора и Русија. Материалы за историју односа Црне Горе и Русије ... С.199.
- ¹⁶⁰ РГИА. Ф.796. Оп.33. 1752-1762. Д.197. Л.39-39об.
- ¹⁶¹ Записка Коллегии иностранных дел о позиции русского правительства в связи с просьбой Черногории, 8 (19) марта 1754 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.197.
- ¹⁶² А.М. Обресков – Коллегии иностранных дел, 12 (23) августа 1755 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1752-1756 гг. Д.7. Л.105-106.
- ¹⁶³ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн.ХII. Т.23. С.205. Справедливости ради стоит заметить, что годом позже Елизавета Петровна более осторожно подходила к вопросу о независимости Черногории от Порты. В рескрипте императрицы А.М. Обрескову от 9 (20) июня 1755 г. она предписывала ему прояснить, у кого черногорцы «наперед сего в подданстве бывали и ныне состоят, поскольку туркам харачу дают или, по их предъявлению, вольными и совсем свободными находятца» (АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1751-1755 гг. Д.6. Л.14 об-15).
- ¹⁶⁴ *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.115.
- ¹⁶⁵ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.335.
- ¹⁶⁶ *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.122.
- ¹⁶⁷ *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.77.

- ¹⁶⁸ *Томић Ј.Н.* Млетачки покушаји тровања митрополита Василија Петровића 1756 године // Глас Српске Краљевске Академије. Београд, 1912. Књ.ХС. Други разред. 53. С.114-115, 120.
- ¹⁶⁹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.204-209. Одновременно митрополит обратился к венскому двору, прося австрийские власти принять меры для совместного обращения к Порте австрийского и русского посланников в Константинополе с целью не допустить нападения турецких войск на Черногорию. Однако Вена не обратила внимания на эту просьбу Василия Петровича. (*Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.128.).
- ¹⁷⁰ Сава и Василий Петрович – А.М. Обрескову, 9 (20) сентября 1755 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1751-1755 гг. Д.6. Л.25.
- ¹⁷¹ См. об этом: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С.154-171.
- ¹⁷² Василий Петрович – М.И. Воронцову, 19 (30) января 1756 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.209; *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн.ХII. Т.23. С.357-358.
- ¹⁷³ Там же. С.358.
- ¹⁷⁴ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.339.
- ¹⁷⁵ Вопросами внешних сношений ведал реис-эфенди, управляющий канцелярией султанского правительства, его помощником и советчиком был главный драгоман.
- ¹⁷⁶ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн.ХII. Т.23. С.358.
- ¹⁷⁷ Там же. С.359.
- ¹⁷⁸ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.341.
- ¹⁷⁹ *Петровић Р.В.* Племя Кучи. 1684-1796. Београд, 2001. С.198.
- ¹⁸⁰ Копия реляции, полученной из Черной Горы о произошедшем в прошлом 1756 году между Портою Оттоманскою и Черною Горю войны и о бывших баталиях, 28 января (8 февраля) 1757 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. Оп.86/1. 1756-1757 гг. Д.2. Л.150.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же. Л.151.
- ¹⁸³ РГИА. Ф.796. Оп.39. 1758 г. Д.66. «О прибытии в Москву черногорского епископа Владимира». Л.20, 74. Вследствие различных обстоятельств в Москву епископ Владимир прибыл только в начале 1758 г. Как выяснилось в Синоде, он был белорусом и носил фамилию Буковский. Жизненный путь Владимира Буковского был весьма извилистым. Он был монахом на Афонской горе, откуда в 1746 г. был послан собирать милостыню в Россию. Затем Владимир Буковский побывал в Иерусалиме, Сербии, Венеции, Константинополе, а в 1756 г. оказался в Черногории, где 30 октября был посвящен в сан епископа. В Синоде сочли, что епископ Владимир ведет образ жизни отнюдь не монашеский, а «по большей части в ханжестве и по разным местам в бродячую жизнь свою производит». Кроме того, коллегия Синода решила, что посвящение Владимира в сан епископа было произведено с многочисленными нарушениями церковных канонов. В связи с этим его епископский сан Синодом признан не был, а самого Владимира Буковского в начале 1759 г. выслали из России с запретом когда-либо в нее возвращаться. Находившийся во время всех этих разбирательств в России Василий Петрович просил снабдить Владимира Буковского паспортом в Зету и объяснял его посвящение в епископы тем, что как он сам, так и митрополит Сава опасались, что в ходе надвигающейся войны с турками они будут либо пленены, либо убиты. В этом случае Владимир Буковский должен был взять «особливые вещи» из митрополичьей резиденции и вывезти их в Россию. // Василий Петрович – Синоду, 5 (16) октября 1758 г. // Там же. Л.85-85об.
- ¹⁸⁴ *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 137.
- ¹⁸⁵ Копия реляции, полученной из Черной Горы о произошедшем в прошлом 1756 году между Портою Оттоманскою и Черною Горю войны и о бывших баталиях, 28 января (8 февраля) 1757 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. Оп.86/1. 1756-1757 гг. Д.2. Л.152.

- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Там же. Л.154об.-155.
- ¹⁸⁸ Там же. Л.154.
- ¹⁸⁹ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.345.
- ¹⁹⁰ Там же. С.347.
- ¹⁹¹ Василий Петрович – С. Радоничу, 10 (21) января 1757 г. // ОР РНБ. Ф.1179 (А.И. Александрова). Ед. хр.224. Л.1-2; *Александров А.* Материалы и некоторые исследования по истории Черногорья. Казань, 1897. С.22-25; Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије... С.307-308.
- ¹⁹² М.П.Бестужев-Рюмин – Елизавете Петровне, 28 сентября (9 октября) 1751 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1752-1756 гг. Д.7. Л.65-68об.
- ¹⁹³ *Рудяков П.* Переселение сербов в Россию в 18 веке в контексте украинно-сербских исторических связей 18-19 вв. // Сеоба срба у Руско царство половином 18. века. Нови Сад, 2005. С.367.
- ¹⁹⁴ Экстракт из донесений А.А. Вешнякова. 1743 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1746 г. Д.5. Л.150б-16.
- ¹⁹⁵ Проект рескрипта Елизаветы Петровны Г.К. Кейзерлингу, не ранее 27 сентября (8 октября) 1752 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.171-172.
- ¹⁹⁶ *Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе... С.13.
- ¹⁹⁷ *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т.1-II. С.471.
- ¹⁹⁸ *Соловьев С.М.* История России... Кн.ХII. Т.23. С.205.
- ¹⁹⁹ Известие о походе Симеона Степановича Пищевича. 1731-1785. М., 1884. С.263.
- ²⁰⁰ *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край... С.472; Экстракт из протокола Конференции при высочайшем дворе, 4 (15) и 6 (17) апреля 1756 г. // РГИА. Ф.1329. Оп.2. 1756 г. Д.126. Л.6.
- ²⁰¹ *Ари Г.Л.* Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней. М., 1992. С.83. Химариоты и в 1760 г. предлагали российскому двору принять их под покровительство России, организовать набор на российскую военную службу одного или двух полков из химариотов. Однако российское руководство, желая сохранять мирные отношения с Портой, тогда уклонилось от этих предложений.
- ²⁰² *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край... С.472; Экстракт из протокола Конференции при высочайшем дворе, 4 (15) и 6 (17) апреля 1756 г. // РГИА. Ф.1329. Оп.2. 1756 г. Д.126. Л.6-7.
- ²⁰³ *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край... С.473.
- ²⁰⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп.1. 1756 г. Д.38. Л.215-215об.
- ²⁰⁵ Ведомость о черногорцах, в которых годах и коликое число оных из заграницы в Россию выведено // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1715-1778 гг. Д.4. Л.11-12; *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С.66.
- ²⁰⁶ Известие о походе... С.248-249.
- ²⁰⁷ И.С. Болевич происходил из зажиточной семьи племени Братоножичей (Брда). Обучался в Австрии и Саксонии философии, математике, юриспруденции, затем служил в карловацком магистрате. В России поступил на военную службу, получив чин капитана, а затем секунд-майора. Умер в 1779 г.
- ²⁰⁸ *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России... С.62.
- ²⁰⁹ См. об этом: *Дашив М.* Сеобе црногораца у Русију срединном 18.виејка // Сеоба срба... С.89-90. Заметим, что двумя годами позже, находясь уже в Москве, куда попала проездом в Новую Сербию часть переселенцев из Самары, некоторые из них заявили, что «они не черногорцы, а австрийские подданные» (РГИА. Ф.1329. Оп.2. 1758 г. Д.127. Л.460-461).

- ²¹⁰ Указ Сената И.И. Неплюеву. Получено 7 октября 1756 г. // ГАОО. Ф.3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп.1. 1756 г. Д.38. Л.215об. В.Н. Витевский приводит иные, несколько отличные данные о численности прибывших 4 августа 1756 г. в Киев партии переселенцев во главе с Я. Эздемировичем. Он пишет, что *общая* численность переселенцев, включая женщин и детей, составляла 67 человек (47 рядовых гусаров, 5 капралов, ротный писарь, фельдшер и 12 женщин и детей, в числе последних три было из фамилии Эздемировичей (*Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край... С.475). Заметим, что В.Н. Витевский потерял одного человека при подсчете. Вместе с тем его цифра ближе к официальным данным о численности переселенцев, которые пересекали границу Австрии и Польши. Полагаем все же, что ошибся не Сенат а исследователь. Следует также сказать, что воинские чины с ведома, а может, и без ведома Василия Петровича присваивались произвольно самим Я. Эздемировичем или С. Петровичем.
- ²¹¹ *Хитрова Н. И.* Черногорцы в России...С.65.
- ²¹² Реляция Г.К. Кейзерлинга, 14 (25) сентября 1756 г., Вена // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1752-1756 гг. Д.7. Л.94об.
- ²¹³ Указ Сената И.И. Неплюеву. Получено 7 октября 1756 г. // ГАОО. Ф.3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп.1. 1756 г. Д.38. Л.215об-216.
- ²¹⁴ *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.134; *Распоповић Р.* Владика Василије Петровић и пресељавање Црногораца у Русију у другој половини 18. вијека // Сеоба срба... С.124.
- ²¹⁵ См. например: *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.134; *Кирпиченко А.И.* Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007. С.115. А.И. Кирпиченко в своей монографии постоянно делает неверные отсылки на архивные материалы. Вместо Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) автор ссылается на Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
- ²¹⁶ Секретная инструкция А.П. Бестужева-Рюмина С.Ю. Пучкову, 4 (15) июня 1756 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. Оп.86/1. 1756-1757 гг. Д.2. Л.5.
- ²¹⁷ *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край... С.478.
- ²¹⁸ ОР РНБ. Ф.1179 (А.И. Александрова). Оп.1. 1756 г. Ед. хр.223. Л.1-2; *Александров А.* материалы и некоторые исследования ... С.17-21; Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије... С.303-305.
- ²¹⁹ Известие о походе... С.261.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ География Албании трактовалась в те времена весьма широко. Кроме собственно Албании наименование «Албания» употреблялось и относительно других мест. Входящее в Далмацию венецианское Приморье официально называлось венецианской Албанией. Уже упоминавшийся И.С. Болевич, составивший в 1757 г. в России «Описание Черногории», писал о себе как об албано-черногорце из Братоножича, а это территория примыкавшей к Черногории горной области Брды. Подгорицу, город, расположенный на отторгнутой от Черногории турками в ходе завоевания Балкан земле, относил к Албании С. Пишчевич и т.д. и т.п.
- ²²² *Рајчевић С.* Документа магистрата града Новог Сада о сеоби Срба у Русију у другој половини 18.века // Сеоба срба... С.440.
- ²²³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1715-1778 гг. Д.4. Л.27-28.
- ²²⁴ 207 из них в конечном итоге были направлены в Москву в контору Военной коллегии для дальнейшего определения на военную службу, 688 человек отбыло на поселение в Новую Сербию, а 17 – в Славяносерию, 36 переселенцев умерло.
- ²²⁵ Известие о походе... С.281-282.
- ²²⁶ См. об этом: *Распоповић Р.* Владика Василије Петровић и пресељавање Црногораца у Русију у другој половини 18.вијека // Сеоба срба...С.126.
- ²²⁷ Прощение П. Вукотича Екатерине II, декабрь 1777 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.52 (Потемкина-Таврического). Оп.1/194. Д.30. Л.134-135. По венецианским данным, среди черногорских пересе-

- ленцев было 6 венецианских подданных, а общее количество – около 140 человек (*Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.149).
- ²²⁸ Известие о походе... С.204. По официальным данным, эта партия насчитывала 152 человека, включая 10 детей. Черногорцы были направлены в Москву в контору Военной коллегии. Дети были определены на учебу в Московский университет, но там они не задержались из-за слабой подготовки. В 1758 г. список черногорских «дворянских детей», переведенных в Петербургский сухопутный кадетский корпус, насчитывал 13 человек. Его они также не смогли окончить и вернулись на родину, но один из них – Фома Марошевич, все же осел в России и сыграл заметную роль в истории русско-черногорских взаимоотношений конца XVIII - начала XIX в.
- ²²⁹ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 465.
- ²³⁰ *Вуксан Д.* Преписка митрополита Василија, митрополита Саве и црногорских глаvara. 1752-1759 // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1938. Т. LXXXVII. С. 74.
- ²³¹ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 515.
- ²³² *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 309.
- ²³³ *Смирнов Ю.Н.* Превращение Заволжья во внутреннюю губернию Российской империи и изменения в этническом составе населения (XVIII - первая половина XIX в. // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 29.
- ²³⁴ Конференциальная записка, прочитанная митрополиту Василию Петровичу, 11 (22) сентября 1758 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије... С. 409.
- ²³⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1715-1778 гг. Д. 4. Л. 11-11об.
- ²³⁶ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С. 229.
- ²³⁷ ГАОО. Ф. 3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп. 1. 1758 г. Д. 46. Л. 255.
- ²³⁸ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 515.
- ²³⁹ *Вуксан Д.* Преписка митрополита Василија, митрополита Саве... С. 72.
- ²⁴⁰ Василий Петрович – Коллегии иностранных дел, 8 (19) марта 1759 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије... С. 482-486; *Вуксан Д.* Преписка митрополита Василија, митрополита Саве... С. 72-73.
- ²⁴¹ Василий Петрович – Коллегии иностранных дел, 10 (21) декабря 1758 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије... С. 454-455; *Вуксан Д.* Преписка митрополита Василија, митрополита Саве... С. 73-74.
- ²⁴² Известие о походе... С. 350-351; *Соловьев С.М.* История России ... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 515.
- ²⁴³ Указ Елизаветы Петровны Сенату «О пресечении происходящих в Москве от черногорцев продерзостей», 4 (15) января 1759 г. // РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. 1760 г. Д. 93. Л. 2-8.
- ²⁴⁴ Конференциальная записка, прочитанная митрополиту Василию Петровичу, 11 (22) сентября 1758 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије ... С. 410.
- ²⁴⁵ Василий Петрович – Елизавете Петровне, 1 (12) октября 1758 г. // РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 127. 1758 г. Л. 465.
- ²⁴⁶ *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России... С. 66-67.
- ²⁴⁷ *Даший М.* Сеобе црногораца... С. 98.
- ²⁴⁸ Указ Екатерины II Военной коллегии, 2 (13) февраля 1764 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С. 276.
- ²⁴⁹ Записка Коллегии иностранных дел со сведениями о русско-черногорских отношениях, не ранее 15 (26) июня 1758 г. // Там же. С. 225.
- ²⁵⁰ Василий Петрович – святейшему Синоду, 13 (24) февраля 1758 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752-1762 гг. Д. 197. Л. 126об.
- ²⁵¹ *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 464.
- ²⁵² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С. 221.

- ²⁵³ РГИА. Ф.796. Оп.33. 1752-1762 гг. Д.197. Л.159.
- ²⁵⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.221.
- ²⁵⁵ РГИА. Ф.796. Оп.33. 1752-1762 гг. Д.197. Л.146-146об.
- ²⁵⁶ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.234.
- ²⁵⁷ Там же.
- ²⁵⁸ *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.160-161.
- ²⁵⁹ Рапорт С.Ю. Пучкова Коллегии иностранных дел, 21 марта (1 апреля) 1760 г. Копия // АВПРИ. Ф.86 (Сербские дела). Оп.86/1. 1760 г. Д.5. Л.1-4об.
- ²⁶⁰ Краткая выписка о черногорском народе. Б/г. // РГВИА. Ф.52 (Потемкина-Гавричского). Оп.1/94. Ч.1. Д.248. Ч.6. Л.180об.-185об; Записка о пребывании владыки Василия Петровича и черногорских старейшин в России. Не ранее конца апреля 1762 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије... С.556-558.
- ²⁶¹ Краткая выписка о черногорском народе. Б/г. // РГВИА. Ф.52 (Потемкина-Гавричского). Оп.1/94. Ч.1. Д.248. Ч.6. Л.181. В этой выписке, помимо прочего, содержатся сведения из рапорта С.Ю. Пучкова о его миссии в Черногорию.
- ²⁶² Там же. Л.181об.
- ²⁶³ Там же. Л.180.
- ²⁶⁴ Там же. Л.182-182об.
- ²⁶⁵ Там же. Л.182об.
- ²⁶⁶ *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.83.
- ²⁶⁷ *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С.165.
- ²⁶⁸ Рапорт С.Ю. Пучкова Коллегии иностранных дел, 21 марта (1 апреля) 1760 г. Копия // АВПРИ. Ф.86 (Сербские дела). Оп.86/1. 1760 г. Д.5. Л.2.
- ²⁶⁹ Црногорске исправе... Док.67, 74.
- ²⁷⁰ Там же. Док.72, 75. Следуя по пути митрополита Данилы, Василий Петрович еще в 1751 г. учредил верховный судебный орган из 12 влиятельных старейшин (сердары, воеводы, кнезы), но он через короткое время прекратил свое существование (*Ражнатовић Н.* Црногорско-приморска митрополија и настанак државе Црне Горе // Историјски записи. Подгорица, 2000. Бр.1-2. С.63).
- ²⁷¹ Донесение Г. Мерка, 6 (17) сентября 1768 г., Вена // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78. Л.67об.
- ²⁷² Г.А. Арш заблуждается, когда утверждает, что с 1758 г. Россия начала выплачивать Черногории ежегодную субсидию в размере 15 тысяч рублей (Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С.83).
- ²⁷³ Краткая выписка о черногорском народе. Б/г. // РГВИА. Ф.52 (Потемкина-Гавричского). Оп.1/194. Ч.1. Д.248. Ч.6. Л.184; *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.84.
- ²⁷⁴ См. об этом публикацию документов: *Петровић Р.В.* Православна Далмација и Русија. Београд, 2001. С.28, 31-38.
- ²⁷⁵ *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.85.
- ²⁷⁶ См.: Журнал М. Тарасова и Приложение к нему // Црногорско-руски односи 1711-1918. Подгорица - Москва, 1992. Књ.1: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С.48-64.
- ²⁷⁷ Там же. С.62.
- ²⁷⁸ Там же.
- ²⁷⁹ Там же. С.58.
- ²⁸⁰ Там же. С.64.
- ²⁸¹ *Руварац И.* Montenegrina. Прилошци историји Црне Горе // Повјесница црногорска... С.574-575; *Петровић Р.В.* Степан Мальй... С.80.

Глава III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕРНОГОРИИ (КОНЕЦ 1760-х гг. - НАЧАЛО XIX в.)

§1. Самозванец Степан Малый – «русский царь» в Черногории. Охлаждение отношений с Россией

Все началось с того, что осенью 1766 г. в Черногории объявился безвестный странник, человек лет тридцати. Никто толком не знал, откуда он пришел, но поговаривали, что издалека. Обосновался он в Катунской нахии, в Негушах, зарабатывая на жизнь тем, что обрабатывал землю у крестьянина Джуро Кустодии. Свой скромный достаток таинственный незнакомец пополнял тем, что за умеренную плату занимался врачеванием, причем деньги брал только тогда, когда лечение помогало; такое его бескорыстие располагало к нему черногорцев. Переходя для лечения больных с места на место, врачеватель укорял пациентов, и не только их, за злонамеренное поведение, советовал всем жить во взаимном согласии и миролюбии. Свои нравоучительные беседы он часто завершал словами «недолго до государя»¹.

Слухи об искусном бродячем лекаре ширились, и в начале 1767 г. он был приглашен в дом богатого крестьянина Вука Марковича (по другим источникам Марко Вукова), проживавшего в расположенной на Адриатике сельской общине Маине, где вылечил заболевшего брата хозяина, а затем и его самого.

Вслед за черногорцами и приморцы скоро убедились, что батрак Вука Марковича – умелый врачеватель. Однажды после свершения религиозного обряда в местном монастыре, где среди икон находился и портрет русского императора Петра III, работник потребовал от хозяина, чтобы он, поочередно вглядываясь, сравнил его лицо с портретом Петра III. Сделав, как ему было сказано, Вук пришел к убеждению, что перед ним не кто иной, как русский царь. Ошеломленный и потрясенный Вук Маркович пал на колени перед мнимым монархом. Самозванец, сказав Вуку Марковичу, что он бывший российский император Петр III, попросил хранить тайну об этом².

С этого времени Вук Маркович совершенно переменял отношение к своему работнику. Он стал с ним крайне почтителен, снимал шапку в его присутствии, прислуживал за обедом. В свою очередь батрак, ставший почетным гостем, заявил Вуку Марковичу, что до поры до времени желает сохранить свое настоящее имя в тайне, предпочитая именовать себя Степаном Малым. Однажды, находясь на свадьбе в доме черногорца, Вук Маркович, увидев, что Степан Малый берется за стакан, встал и в знак почтения приподнял шапку. Присутствовавшие на свадьбе гости рассмеялись и спросили его: «Если ты так уважаешь своего работника, то почему не оденешь его лучше? Почему ты не снабдил его оружием? Если у тебя нет сабли, то преподнес бы ему палку»³. Так было поначалу, но вскоре острословы примолкнули.

По Приморью быстро распространились слухи, что у Вука Марковича под видом батрака живет император Петр III, покинувший Россию из-за происков врагов и пожелавший обрести покой среди единоверных черногорцев. В первую очередь в это поверили почти все жители общин Маине, Побори и Браичи, население которых составляло около 4 тысяч человек⁴. Затем эта вера перекинулась и на черногорцев, которые почти все начали «внутренне признавать» самозванца за Петра III⁵.

В поведении самого Степана Малого появилась твердость, рассудительность, властная надменность. Однажды, находясь в гостях у черногорца, и когда кто-то случайно облокотился на него, Степан Малый сказал: «Если бы ты знал, на кого ты облакачиваешься, то бежал бы от него как от огня»⁶. Разрешив к обоюдному удовлетворению земельный спор между двумя приморскими общинами, Степан Малый публично укорил выборных от общин в преднамеренном разжигании вражды. Пристыженные выборные пригрозили Степану Малому мезью, на что он, не теряя присутствия духа, отвечал: «Пока в руках моих только ружье, а вскоре будет галера»⁷.

Самозванец стал чрезвычайно активен. Он внушал народу, что его от восставших подданных российская императрица сама спасла и «выпустила из государства, предоставив народу вместо его похожего как две капли воды на него другого, подлого и в то же время умершего человека» и что в скором времени императрица пришлет черногорцам грамоту, где все сказанное им и его сообщниками подтвердится⁸. Бывший в России в 50-60-х гг. Марко Танович, архимандрит и игумен Маинского монастыря вблизи Будвы Теодосий (Феодосий) Мркоевич и иеромонах Иосиф Вукичевич прилюдно клялись, что батрак Вука Марковича не какой-то бродяга, а русский царь Петр III. Они самым деятельным образом формировали общественное мнение в пользу самозванца. Так, Теодосий Мркоевич сочинил грамоту, в которой объявлял о прибытии в Маине человека «высшей степени» и призывал всех признавать его таковым. Приехав в торговый день в селение вблизи Будвы, он ее обнаружил⁹.

В связи с этим возникает вопрос: не мог ли кто-либо из этих людей внушить Степану Малому мысль отождествить себя с Петром III? П.А. Ровинский полагал, что к этому самым непосредственным образом причастен Марко Танович, бывший, кроме прочего, родственником Вука Марковича: «Без Тановича вряд ли ему могла прийти мысль объявить себя Петром III. Он и Марко Вукович толкнули его на это и руководили им все время». По его мнению, во всей этой истории творцами и дирижерами были люди, «составившие целый комплот, а Степан Малый был только вышколенный ими актер»¹⁰. Степан Малый обладал величайшей способностью к мистификации, искажению фактов в нужном для себя смысле. Все же можно предположить, что кто-либо из вышеназванных либо еще кто-то, нам неизвестный, видел в Степане Малом человека безусловно энергичного и одаренного, с авантюрным складом, ранее уже намекавшего окружающим, что он имеет какое-то отношение к средневековой сербской династии Неманичей, способного продолжить и развить мистификацию, выдав себя за Петра III.

Таким человеком (кроме вышеназванных Мркоевича, Тановича и Марковича) мог стать, например, уже упоминавшийся Иосиф Вукичевич, сопровождавший митрополита Василия Петровича в его последней поездке

в Россию в 1765-1766 гг. Он вполне мог знать как о слухах, что Петр III не умер, так и о первых самозванцах, появившихся в России под личиной покойного императора. Так что все было уже опробовано, нужно было только придать происходившему черногорский колорит. Тем более и на Балканах также существовала легенда о том, что Петр III жив и укрылся в Сербии¹¹.

Возможен и другой вариант развития событий: Степан Малый сам пришел к мысли выдать себя за Петра III, например, как считает С.М. Соловьев, под влиянием разговоров с уже упоминавшимся подпоручиком М. Тарасовым, приехавшим в Черногорию в 1766 г.¹² В таком случае ему были нужны авторитетные в черногорской среде люди, которые смогли бы повлиять на умонастроения народа, заставить поверить, что Степан Малый и есть перебравшийся в их края российский император. При этом вовсе не обязательно, чтобы они сами верили в правдивость слов Степана Малого, а скорее наоборот, зная, что он самозванец, действовали бы как в общих, так и в своих интересах. Заметим, что всего через шесть лет точно таким же образом будут поступать ближайшие соратники Е.И. Пугачева, знавшие, что он донской казак, но уверявшие остальных в противоположном. Что же касается упомянутых ранее сподвижников Степана Малого, то безграмотный Марко Танович впоследствии станет при самозванце великим канцлером, Теодосий Мркоевич – личным секретарем, а Иосиф Вукичевич за преданность Степану Малому поплатится жизнью – его в феврале 1768 г. казнят венецианцы. Впрочем, есть еще один вариант, связанный с обстоятельствами прихода к власти Степана Малого, и, может быть, наиболее вероятный, поскольку он исходил от самих черногорцев. Речь о нем пойдет ниже.

Венецианские власти Приморья не преминули обратить внимание на странного незнакомца, который еще в феврале 1767 г. через генерально-го провидура (наместника) Далмации Антонио Рениера, поначалу сквозь пальцы смотревшего на эти чудеса, обращался к дожу с просьбой приготовиться к принятию в Которе некоего «свет-императора». Ради такого события Степан Малый просил снарядить два корабля, украшенных живыми и мертвыми цветами и позолоченными флагами. После такого неординарного поступка Степан Малый сразу попал под пристальное внимание венецианских тайных агентов. Кроме того, по поручению Рениера с ним встречался и беседовал полковник венецианской милиции М.А. Бубич, отмечавший в письменном отчете: «Он сказал: Степан Малый мое имя, самый малый на свете, в бедной одежде, как вы замечаете, но по милости Божией с каждым днем буду больший и больший... Я внимательно рассмотрел его лицо, сравнивая с портретом русского императора Петра III, и нашел его весьма схожим. Лицо продолговатое, маленький рот, толстый немецкий подбородок, нос как на портрете, – блестящие глаза с изогнутыми дугой черными бровями. На левой щеке два рубца, как на портрете. На лице признаки бедствий и следы недавней болезни. Цвет тела белый, приближающийся к оливковому. Рост обыкновенный. Пальцы длинные и хорошо сложенные. Длинные, по-турецки, волосы цвета каштанового. Усы черные... Особа, о которой идет речь, отличается быстрым и возвышенным умом. Кто бы он ни был, его физиономия весьма схожа с физиономией русского императора Петра III»¹³.

Описывая впоследствии эту встречу, советник российского посольства в Вене Г. Мерк вскрывает истинную причину симпатии Бубича к Степану Малому. По словам дипломата, для встречи «неможно было хуже человека найти», поскольку Бубич, этот сотник крестьян, приписанных к г. Будве, действовал по наставлениям Марко Тановича и оказывал самозванцу «возможную честь и почтение», да еще и к тому же «плясал с оным в кругу; поднес ему богатое платье и постель со всем прибором»¹⁴. Венецианские власти упустили момент и не арестовали самозванца, спохватились слишком поздно, когда три общины (Маине, Побори, Браичи) уже без колебаний были целиком на стороне Степана Малого и практически вышли из-под венецианского контроля. А. Рениер дважды обращался с письмами к Степану Малому. В первом он потребовал от Степана Малого объявить, кем он является и почему позволяет себе повелевать на территории Венецианской республики. На что он получил «прехитрый» письменный ответ, в котором самозванец называл себя пастырем, не желающим нарушать какой-либо покой, и что он прислан от Бога для добрых дел. В ответ на второе письмо от Рениера самозванец в увещательном тоне уверял провидура, что Венецианская республика с ним соединилась, что он находится в дружбе с австрийским императором и готов представить этому доказательства, утверждал, что теперь наступило время выступить против общего неприятеля¹⁵, под которым, разумеется, подразумевались турки. Неся такую околесицу, Степан Малый выигрывал время и ставил в тупик А. Рениера, направившего к самозванцу ранее бывавшего в России капитана Петара Беладиновича-Дзаю с поручением выяснить, не является все же Степан Малый Петром III, а если нет, то кто он таков. Выполнив поручение, капитан заявил А. Рениеру, что он заметил в Степане Малом большое сходство с российским императором. Было ли так в действительности или П. Беладинович-Дзая все же лукавил, неизвестно. Однако в компании своих друзей П. Беладинович-Дзая признавался, что венецианской Албании нужен «национальный повелитель» и свое дворянство¹⁶, а император православной родственной России мог быть таким. В дальнейшем П. Беладинович-Дзая станет одним из самых надежных соратников Степана Малого и едва избежит ареста венецианцами, укрывшись в Черногории¹⁷. В Маинах на доме Вука Марковича был установлен российский императорский герб, который затем все же был снят. Другой посланец А. Рениера полковник Трифун Стуканович в первых числах ноября 1767 г. посетил Степана Малого в доме Вука Марковича, перед которым стояла охрана из 150 черногорцев. Т. Стуканович убеждал Степана Малого покинуть венецианские владения, поскольку это грозило Венеции конфликтом с Портой, призывал перестать отождествлять себя с Петром III. Самозванец, отрицая это, заявил: «Я Степан Малый, и Бог из малых творит великих и из великих малых»¹⁸. Т. Стуканович составил словесный портрет Степана Малого: «Он среднего роста, худощав. Цвет тела белый, бороды не носит, а только маленькие белые усики. Длинные волосы покрывают шею и падают на спину»¹⁹. Ничего не добившись, Т. Стуканович уехал, а Степан Малый остался в Маинах. Если Т. Стуканович, понимавший весь авантюризм действий Степана Малого, не верил самозванцу, то в противоположность ему капитан венецианской галеры Себастиан Морозини был убежден, что Степан Ма-

лый действительно царь Петр III, спасшийся от смерти и в течение семи лет странствовавший по свету, претерпевая различные лишения²⁰. Таким образом, не только простые православные жители венецианских владений верили самозванцу, но, случалось, что и люди с более высоким социальным статусом поступали так же.

Если власти Венеции, помимо всего прочего, опасались серьезного обострения отношений с Портой из-за Степана Малого, поскольку самозванец жил и действовал на их территории, и ждали открытого мятежа своих православных подданных, то владыка Сава боялся всего и всех. Он ожидал неприятностей от Венеции, Турции, России и, главным образом, от своих соплеменников, которые спрашивали у митрополита, как им относиться к слухам об этом человеке. Отношение митрополита Савы к Степану Малому было неоднозначным. Первоначально, когда к нему пришли черногорские старейшины с целью узнать его мнение об этой личности, Сава заявил, что он знает его «как мужика и простого работника». Он предложил старейшинам самим пойти к нему и под клятву узнать, кто он таков²¹. Побывав у таинственного незнакомца в Маинах, старейшины с некоторым ужасом, заклиная всеми святыми, просили его открыться, на что был получен следующий ответ: «Когда вы истинного Бога познаете и сделаете общее и вечное между собою примирение, так, чтобы никакого впредь не было между вами несогласия и кровопролития, тогда узнаете вы, кто таков Степан Малый»²². Именно при этой встрече со старейшинами доселе простой безымянный работник и лекарь в первый раз открыто назвал себя пока еще только Степаном Малым²³. Он также потребовал довести все сказанное до народа и устроить ему встречу с митрополитом Савой и влиятельными старейшинами, которая затем и состоялась. Посланный в Вену Степаном Малым с письмом, содержащим просьбу к венскому двору прислать шесть или семь военных кораблей с войском для борьбы против турок игумен Софроний Плавкович был выпровожен австрийцами из Вены с запретом под страхом смерти возвращаться сюда. Оказавшийся после различных перипетий затем в Киеве и там задержанный в сентябре 1768 г. эмиссар Степана Малого сообщал, что во время этой встречи Степан, объявив себя уже Петром III, увещевал Саву и старейшин жить в согласии и «народ к тому приводить». Если этого не произойдет, то денежная помощь, идущая из России, будет прекращена, заявлял Степан Малый. Одновременно он проявил интерес к тому, как расходуются российские деньги, поскольку в Черногории «ни школы не учреждены, ни воинскому обряду не обучаются», и требовал, чтобы старейшины ему покорились. Те охотно согласились, однако некоторые из старейшин заявили, что они «заподлинно по слуху знают», что российский император умер, и он не может быть тем, кем себя объявляет. Это не смутило самозванца, который, в свою очередь, заявил сомневающимся, что «о сей тайности им разузнать не должно», но верить только, что он им говорит²⁴.

Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. В первой половине октября 1767 г. состоялось подряд два Общечерногорских збора, в Цекличах и Цетинье, где в присутствии тысяч человек – черногорцев и приморцев – Степан Малый был признан не только Петром III, но и государем Черногории. Когда в Цекличах народ расходился, то из толпы раз-

давались громкие восклицания: «Да здравствует русский царь Петр III»²⁵. Тогда же титул государя за Степаном под давлением обстоятельств был вынужден признать и митрополит Сава.

Степан Малый не присутствовал на этих народных собраниях, находясь по-прежнему в Маинах, но его призыв об установлении мира в стране и прекращении кровных распрей был услышан черногорцами, заключившими на Общечерногорском зборе в Цетинье в присутствии 7000 человек между собой мир на вечные времена. Одновременно кровники простили друг другу взаимные обиды. Так, например, поступил новоизбранный губернатор Йоко С. Радонич, простивший убийцу своего брата, а взамен семья воеводы А. Джурашковича согласилась на его губернаторство. Также законом было установлено, что тот, кто мир нарушит, будет держать ответ не только перед обиженным, но и перед всем черногорским народом²⁶. Соблюдение мира, порядка и закона Степан Малый ставил превыше всего. На состоявшейся вскоре после провозглашения его повелителем Черногории встрече с 200-ми черногорскими старейшинами Степан, поблагодарив собравшихся за забвение взаимных обид, заявил: «Мир – это благодатное солнце. Да не возобновятся на будущее время кровная месть и грабежи и разбои, и да будет защитой всякому от неправды закон!»²⁷.

Вскоре после этих событий Антонио Рениер, описывая все произошедшее, с нескрываемым изумлением сообщал венецианскому сенату: «Трудно представить себе изумление, вызванное странным влиянием этого нового призрака, который без всякой посторонней помощи и без денег одним только простым письмом и предыдущими таинственными и иносказательными уверениями успел убедить свободный народ, не признававший никакой дисциплины, нарушить в одно мгновение их древние обычаи, которые они считали выше всякой божеской и человеческой власти и отделяться от своей природной грубости и от своих привычек. Действительно, эти народы питают к русскому престолу такое уважение и преданность, что даже призрак может ослепить их и внушить им самые нелепые и глупые предположения, которые они считают верными и неоспоримыми, и заставить их в одну минуту изменить своим привычкам»²⁸. На верность «императору всероссийскому Петру III» присягнула вся Черногория, три венецианские приморские общины, население соседней Брды. В Герцеговине жители православного вероисповедания из окрестностей Никшича, Клобука и Требинье также верили, что в Черногории находится русский царь, и только спорили, зовется он Петром или Степаном. Там ожидали скорого прибытия русского войска и союзного с ним австрийского²⁹. По всей Албании, от Шкодры до Эльбасана, как христиане, так и мусульмане были уверены, что Степан Малый – русский царь Петр III³⁰.

Степан Малый мог праздновать полную победу. Все, чего он добивался, было единодушно одобрено и принято народом, значительная часть которого устала от бессмысленного постоянного кровопролития. Он стал повелителем Черногории, в народе его называли царем.

Однако республиканское начало в стране сохранялось, ни один из предыдущих государственных институтов, в том числе и народные собрания, сохранявшие прежние функции, не были ликвидированы. Они по-прежнему принимали участие в решении всех наиболее важных дел

черногорского общества, хотя, безусловно, и учитывали, особенно на пике власти Степана Малого, его суждения и мнения. Монархическое начало пока еще не укоренилось в массовом народном сознании. Для черногорцев Степан Малый был в первую очередь православным русским царем, служившим символом защиты и опоры в освободительной борьбе, отстаивании идеалов свободы. Именно то, что в глазах черногорцев Степан Малый был русским царем, позволило ему достичь таких высот, о которых никто из природных черногорцев не мог и помыслить. Сам же Степан Малый, насколько это было возможно в той или иной ситуации, избегал открыто отождествлять себя с Петром III, но говорил о себе, что он – «Степан Малый, добрый с добрыми, злой со злыми, малый с малыми, и великий с великими»³¹. Впрочем, как и все самозванцы, он тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщал о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на свою принадлежность к династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим – что он «турецкий подданный из Боснии», «родом из Янин», «из Австрии», «дезертир из Лики» (область в Хорватии), а в других случаях называл себя черногорцем³² и т.п. Однако в тайну его происхождения так никто и не проник³³. Сам Степан Малый при встрече с уже упоминавшимся венецианским полковником Т. Стукановичем замечал, что во время своих странствий он десять раз переменял свое имя и фамилию³⁴.

Митрополит Сава также первоначально едва не подпал под всеобщий гипноз и начал склоняться к мысли, что Степан Малый действительно был Петром III. Собственно говоря, к этому его в большей степени принуждали обстоятельства, поскольку большинство черногорцев верило самозванцу, а противопоставлять себя народу для Савы было крайне опасно. Еще во время первой личной встречи со Степаном Малым 9 (20) октября 1767 г. Саве пришлось выслушать упрёки в свой адрес за распущенность духовенства, упадок нравственности в народе. Самозванец во всем винил самого митрополита, подающего дурной пример пастве. Сломленный Сава вынужден был со всем согласиться и, прощаясь, даже пытался облобызать ноги самозванца, но был остановлен Степаном, посоветовавшим владыке переменить образ жизни и тем самым заслужить его доверие³⁵. Вместе с тем Степан Малый удовлетворил просьбу Савы об избрании его племянника Арсения Пламенца архиереем и наследником митрополита Савы. Для этого был собран весь народ, которому Степан Малый объявил свою волю. Тогда же Марко Танович, поручившийся своей головой, прилюдно открыто заявил, что Степан Малый не кто иной, как российский император Петр III³⁶. Состоявшийся в октябре 1767 г. в Цетинье уже упоминавшийся Общечерногорский збор, помимо прочего, подтвердил и избрание Арсения Пламенца. Против этого тогда не стали возражать и противники митрополита Савы – архимандрит монастыря Святой Прасковьи в Паштровичах Василий Глубиса и архимандрит Теодосий Мркоевич, которые сами метили «на упалое архирейское место» умершего митрополита Василия Петровича. Как замечал Г. Мерк, этот их поступок объяснялся тем, что, идя на уступку Саве, Василий Глубиса и Теодосий Мркоевич добились тем самым от него признания Степана Малого императором Петром III³⁷.

В начале октября 1767 г., через три дня после встречи Степана Малого и Савы, митрополит направил письмо в Константинополь А.М. Обрескову, в котором делился с посланником одолевавшими его сомнениями, считая, что если Петр III жив, то он находится в Черногории³⁸. Когда пришел ответ, разоблачавший самозванца³⁹, было уже поздно. Все призывы Савы не верить Степану Малому воспринимались в народе как интриги, попытки удержать окончательно ускользающую власть. Степан Малый нанес ответный удар, арестовав владыку и его родню. Впоследствии, в сентябре 1768 г., Сава жаловался венецианцам, что его дом был окружен разгневанной толпой, из которой раздавались крики: «Выходи сюда, латинянин!» Я не выходил. Они грабили и злочинствовали...»⁴⁰. Сава был помещен в одну из комнат монастыря Станевичи, откуда были изгнаны все монахи. Сотня черногорцев и приморцев заняла Станевичи, разграбив и разорив как монастырь, так и окрестности. Степан Малый нанес своим противникам чувствительный удар, цель была достигнута, о средствах не стоило думать.

Впрочем, вскоре Сава и его родственники были выпущены, но престарелый митрополит с тех пор уже не играл никакой политической роли. Его место при самозванце занял бывший сербский патриарх Василий Бркич, укrywшийся в Черногории после ликвидации турками в 1766 г. Печской патриархии, что еще больше укрепило положение Степана Малого, а заодно и Цетинской митрополии как опоры православия на Балканах. Бывший патриарх распространял среди православного населения венецианских владений воззвания, в коих уверял, что самозванец есть Петр III. Одновременно с этим Степан Малый попытался установить связи с российским послом в Вене князем Д.М. Голицыным. В декабре 1767 г. он направил двух своих эмиссаров, архимандрита Авакума Милаковича и Григорие Дрекаловича, в российское посольство в Вене. Однако они были задержаны австрийскими властями в Земуне и выдворены в Шумадию (Сербия). Архимандрит Авакум на этом не успокоился. Сбрив бороду и переодевшись в гражданскую одежду, он под видом греческого торговца прибыл в Вену, добился свидания с Д.М. Голицыным, передал адресованное ему письмо Степана Малого, в котором самозванец жаловался на угрозу Черногории со стороны Венеции и Турции⁴¹, рассказав также о положении дел в Черногории.

Из подконтрольной ему части Приморья в Черногорию Степан Малый окончательно перебрался только в апреле 1768 г. Причиной отъезда стала попытка венецианских властей арестовать его. Следует сказать, что практически сразу после провозглашения Степана Малого властителем Черногории А. Рениер получил от венецианской инквизиции секретную инструкцию с указанием подыскать «лицо наиболее ловкое», хотя бы и преследуемое законом и, пообещав ему 200 цехинов в награду, поручить «прекратить жизнь» неизвестного иностранца, виновника происшедших в Черногории волнений. К предписанию прилагался пакет со следующим содержимым и инструкцией: «Бутылочка №1. Четвертая ее часть действует в несколько дней. Бутылочка №2. Соль для соления всякого кушанья в количестве, достаточном для вкуса. Бутылочка №3. Корица для употребления там, где нравится. Действует медленно. Сверток №4. Шоколад: четвертая его часть, положенная в чашку настоящего, действует через несколько дней. Бутылочка №5. 40 капель, смешанных с розолио, производят свое действие»⁴².

В дальнейшем инквизиция за отравление Степана Малого предлагала, помимо денежной платы, убежище и вольную жизнь в Венеции, но подыскать такого ловкача венецианцам так и не удалось. Также безрезультатно закончилась попытка шкодринского наместника Мехмета-паши подослать убийцу к самозванцу. Степан Малый стал чрезвычайно осторожен при приеме пищи, его жизнь тщательно оберегалась специально отобранными телохранителями.

Степан Малый был одинаково опасен и для турок, и для венецианцев. Венеции и Турции не нужна была сплоченная, сильная Черногория, способная увлечь за собой славянских подданных этих государств, стать маяком освободительного движения балканских народов, а она уже становилась таковою, и прежде всего потому, что ее властителем был «русский царь», оплот и надежда поработенных славян и греков. Православные епископы Боснии, Далмации и Сербии извещали, что поминают его в своих молитвах. Греческие монахи убеждали свою паству, что в Черногории действительно находится Петр III, который, когда они сбросят турецкое ярмо, станет их королем. Среди черногорцев и сербов вновь ожила надежда, казалось, навсегда похороненная на Косовом поле (1389 г.), что они воссоздадут могущественное средневековое Сербское государство, державу Неманичей, ведомые Петром III и при покровительстве России. Эту надежду усиленно подогревал и Степан Малый. Молва о появлении в Черногории русского царя молниеносно распространилась по всем владениям Османской империи; отовсюду к самозванцу стекались славяне, христиане-албанцы и греки. Румелийский беглербей Мехмед-паша, которому были подчинены почти все балканские земли империи, уведомлял Порту, что самозванец разослал пограничным пашам письма, в которых предвещал в ближайшем будущем политические перемены в самой Турции и приглашал принять его сторону для избежания неминуемой гибели⁴³. Ситуация в Черногории накалялась, и Порта даже Россию стала подозревать в тайной поддержке черногорцев, а российскому посланнику в Константинополе А.М. Обрескову была направлена обвинительная нота, где утверждалось, что Россия всячески старается усилить черногорцев⁴⁴. Стало очевидным, что власти как Османской империи, так и Венецианской республики были заинтересованы в скорейшем физическом устранении Степана Малого.

Первыми нанесли удар турки. В начале сентября 1768 г. 60-тысячное турецкое войско, которому противостояло, по различным данным, от 2 до 10 тысяч черногорцев и брдян, нанесло поражение войскам Степана Малого в районе Острожских скал. Степан Малый, предвидя неминуемое поражение, бежал с поля битвы и укрылся в одном из монастырей, исчезнув на это время с политической арены. Турки пообещали большое вознаграждение за голову Степана Малого, и его противники среди черногорцев, количество которых возросло после поражения под Острогом, устроили за ним настоящую охоту. Он был обнаружен в монастыре, где ему не отсеки голову только из-за опасения, что турки намеренно не опознают его, чтобы избежать выплаты вознаграждения. Было решено, переночевав в монастыре, утром выдать Степана Малого туркам живым. Однако ночью, воспользовавшись тем, что его охрана уснула, Степан Малый сумел сбежать и на 9 месяцев укрылся в другом монастыре⁴⁵, вероятно, Брчельском.

Тем временем довершить разгром Черногории помешала вначале осенняя непогода, а затем начавшаяся русско-турецкая война 1768-1774 гг., потребовавшая концентрации всех вооруженных сил Османской империи на русском театре военных действий. Венецианский посланник в Константинополе Розини с сожалением доносил в Венецию, что «Порта, пораженная тяжелой болезнью в самых жизненных частях своих, вынуждена пренебречь этой язвой на своих оконечностях, предоставляя заботу о Черногории приграничным пашам»⁴⁶. Таким образом, Россия, хотя и невольно, помогла Черногории. Венецианцы же не могли напасть на «турецкое место» Черногорию, хотя Порта и подозревала, что под видом борьбы с самозванцем Венеция замышляла что-то против самой Черногории – ее владения. В октябре 1768 г. венецианцы огнем и мечом навели порядок в Приморье, где все села оказались заняты их карательными отрядами. Дома наиболее активных сторонников Степана Малого были сожжены, 3 человека вначале были убиты в тюрьме, а затем повешены. Среди них был и брат Вука Марковича, в доме которого Степан Малый объявился как Петр III. Кроме того 26 человек были сосланы на галеры⁴⁷.

Как ни парадоксально, но с самого начала черногорских событий главная опасность если не жизни Степана Малого, то его власти, а следовательно, и судьбе всего им задуманного исходила не из Венеции и Стамбула, а из Санкт-Петербурга. Известно, что еще до появления Е.И. Пугачева в России объявлялись самозванцы, выдававшие себя за чудом спасшегося императора Петра III. Хорошо отлаженный в России механизм политического сыска позволял довольно быстро обнаружить самозванца и, сурово наказав, отправить в Сибирь. Для вдовствующей Екатерины II появление «ожившего супруга» за пределами России было явлением абсолютно новым, с непонятными и непредсказуемыми последствиями. В этом можно было видеть все что угодно, включая происки недружественных России держав, тем более что самозванец объявился не где-нибудь, а в Черногории, главном оплоте русского влияния на Балканах в XVIII в. Поэтому события в Черногории тщательно отслеживались в Петербурге. Ситуация для Степана Малого изменится в лучшую сторону, да и то не сразу, только в конкретных условиях русско-турецкой войны 1768-1774 гг., когда у Екатерины II под влиянием находившегося тогда в Италии графа А.Г. Орлова сложился план привлечения балканских народов к войне против Турции.

С этой целью она посылала эмиссаров на Балканы, в том числе и в Черногорию. В 1768 г. Екатерина II, по понятным причинам крайне негативно относившаяся к Степану Малому, приказала отправить в Черногорию советника русского посольства в Вене капитана Г. Мерка с грамотой, извещавшей черногорцев, что «весь свет» знает о кончине Петра III. В ней императрица делала реверанс «здравой и разумной» части черногорцев в лице старейшин, которые не должны верить самозванцу, нашедшему последователей «между чернью и подлостью», примкнувшей к самозванцу по простоте или с намерением воспользоваться «сею чучелою» для грабежей. Она призывала черногорцев снять с него личину, схватить его и отдать «праведному суду высшей власти» как злодея и возмутителя народного спокойствия и благоденствия⁴⁸. В указе Коллегии иностранных дел Г. Мерку предписывалось с грамотой Екатерины II немедленно отправиться в Ве-

нецию, а оттуда в венецианские владения на Адриатике и затем в Черногорию. Поездка Мерка в Черногорию должна была состояться только в том случае, если она не представляла какой-либо угрозы для его безопасности. В противном случае грамота императрицы должна была быть доставлена в Черногорию через присланных к Мерку посольных от митрополита Савы и иных черногорских начальников. В случае приезда Мерка в Черногорию российский эmissар должен был на собрании начальников и «знатнейших людей» огласить грамоту. В соответствии с грамотой Мерк обязан был добиться суда над самозванцем, чтобы тот впредь не возмущал народ и по суду получил достойную «злодейству его мзду». Г. Мерку также поручалось собрать наиболее полные сведения о самозванце⁴⁹. Одновременно с этим пограничные губернаторы были проинструктированы о появлении в Черногории самозванца Степана Малого, выдающего себя за императора Петра III. В разосланном циркуляре отмечалось: «Сей обманщик, не довольствуясь тем, что нашел у черногорцев прибежище и шайку, с которою уже начал грабить купецкие караваны, вздумал еще по сей первой удаче распространить далее свой умысел, рассылая от себя в разные стороны эmissаров». В связи с этим все сомнительные личности, а также «попы и старцы» из Черногории и близлежащих краев подлежали аресту и допросу и в случае необходимости отправлялись в Петербург⁵⁰.

В Петербурге рассчитывали, что власти Венеции окажут всяческое содействие Г. Мерку в выполнении его миссии. Посол в Вене Д.М. Голицын просил об этом Сенат Венецианской республики, но он был уведомлен венецианским послом, что Сенат был бы рад помочь, но «нежные обстоятельства сего же дела приводят его в неприятное изнеможение»⁵¹. В Венеции опасались, и не безосновательно, что помощь российскому дипломату будет расценена Портой как вмешательство во внутренние дела Османской империи. Поначалу Г. Мерку могло показаться, что его миссия складывается благоприятно, поскольку в Венеции он узнал о том, что в скором времени «сего странного бродяги похождение кончится»⁵². Однако на самом деле из-за противодействия венецианских властей Мерк не попал в Черногорию и был вынужден остаться в Которе. О его приезде узнали и черногорцы, и Степан Малый, последний, притворно радуясь, приказал произвести в честь российского посланца тысячу ружейных выстрелов. Затем многие черногорцы направились в Котор, желая лично увидеться с Г. Мерком, однако этому под различными предлогами воспрепятствовал А. Рениер⁵³. Черногорские и брдские старейшины добивались от Рениера допуска Мерка в Черногорию. Делали они это в надежде на то, что российский эmissар везет для них различные дары от русского двора, а не упреки⁵⁴. После вынужденного пребывания в Которе Г. Мерк вернулся в Вену, чем вызвал резкое недовольство Екатерины II, написавшей на полях его донесения: «Если бы капитан гвардии был послан с грамотой к черногорцам, то бы письмо, несомненно, отдано было, но сей претонкий политик возвратился с ней, ничего не сделав, кроме преострых размышлений»⁵⁵. Упрек, высказанный императрицей в адрес Г. Мерка, был излишне эмоционален и категоричен. Даже если бы Мерк и достиг Черногории, у него абсолютно не было шансов в одиночку устранить самозванца от власти. В этом он смог убедиться, встречаясь с черногорцами в Которе, получая здесь

информацию от местных жителей – славян, а также венецианцев. Они поведали Мерку многое, в том числе и о тех лицах, которые внушили Степану Малому мысль отождествить себя с Петром III. Это были противники митрополита Савы, уже упоминавшиеся архимандриты Василий Глубиса и Теодосий Мркоевич. Именно они, «сообщась с некоторыми из знатнейших в той стороне людьми, взыскали презрительного бродягу и сделали ему наставление, каким образом поступить в данных ему при том случае названии и чине»⁵⁶. Г. Мерк ссылаясь на достовернейшие сведения, полученные от людей, у которых самозванец прежде был простым работником, и по его собственному признанию этим людям Степан Малый был турком из Боснии, откуда бежал, поскольку был там приговорен к повешению⁵⁷.

Немалое число черногорцев все же не было склонно безоговорочно верить, что недавний безвестный бродяга и есть бывший русский царь. Впрочем, сторонники самозванца (Марко Танович, Теодосий Мркоевич, иеромонах Иосиф Вукичевич и др.) и не особенно настаивали перед народными «главарями» на отождествлении Степана Малого и Петра III. Особенно после того, как переведенная в Которе на итальянский язык Г. Мерком копия грамоты Екатерины II все же попала к некоторым черногорцам, но была объявлена самозванцем ложной. Однако они утверждали, что Степана Малого надо оберегать и держать для утверждения порядка, тишины и всенародного мира в стране⁵⁸.

Г. Мерк во время случайной встречи с черногорцами в Которе предпринял попытку разоблачить перед ними самозванца. Черногорцы, хотя и сомневаясь, были все же склонны согласиться с ним, но заявили, что с появлением Степана Малого у них неслыханное ранее дружелюбие, спокойствие и порядок установились, «через это... сохранено по крайней мере человек с триста, коим конечно по прежней их жизни быть убитыми»⁵⁹. Уставшие от бесконечного кровопролития черногорцы готовы были умереть за самозванца, но не отпускать его от себя, замечал Г. Мерк.

Черногорцам русский православный царь нужен был как своего рода символ защиты и опоры в борьбе с самоуправством и внутренней анархией, от чего так страдало все черногорское общество. Никто из природных черногорцев претендовать на эту роль не мог, поскольку их гордыня была безмерна и они не восприняли бы своего за повелителя, так как каждый черногорец считал, что он сам себе повелитель. В случае со Степаном Малым такая ситуация разрешалась сама по себе, поскольку никто даже в мыслях не мог претендовать на равенство с российским монархом, пусть и бывшим, пусть и не совсем настоящим. Поэтому, когда Степан Малый, учредив суд, ввел смертную казнь за кровную месть, уносившую едва ли не столько же жизней, как и борьба с турками, и стал пресекать грабежи и разбои, это было с удовлетворением воспринято большинством черногорцев.

Возлагая надежды на балканские народы, Екатерина II рассматривала различные варианты их вовлечения в борьбу против турок. Один из них был изложен в «Нотации», проекте, который в июне 1769 г. представил генерал-майор, талантливый военачальник, неоднократно отличавшийся в ходе Семилетней войны, черногорец по происхождению И.М. Подгоричани (Подгоричанин)⁶⁰. Он предлагал императрице провести масштабную военную операцию на Балканах, центром которой должна была стать Чер-

ногория. В качестве авангарда Подгоричани предлагал направить во главе с ним и отобранных лично им около 200 российских военных, как действующих, так и отставных, самых различных чинов, от вахмистров до полковников. Это были люди самых различных национальностей, но преобладали русские, сербы и черногорцы, последних насчитывалось 39 человек⁶¹, из них прапорщики Петр Радониц, Воин Петрович, Радион Степчевич были выпускниками Московского сухопутного кадетского корпуса. Кроме того в списке в небольшом количестве были представлены болгары, греки, молдаване, венгры, поляки, грузины, немцы и даже один швейцарец – поручик Кирилл Губер. Из сербов самой заметной фигурой был капитан Симеон Зорич, будущий фаворит Екатерины II, сыгравший в дальнейшем заметную роль в истории русско-черногорских отношений. Рекомендованные Подгоричани военные служили в различных частях российской армии: Ахтырском, Сербском, Алексеевском гусарских полках, Новагинском и Мушкетерском пехотных полках. Подгоричани считал нужным снабдить отряд горными орудиями, различными боеприпасами и прикрепить к нему инженеров, умеющих делать понтонные мосты. Он предлагал два варианта пути до Черногории – морской, через Венецию или Анкону, и сухопутный. Набирая черногорцев и сербов, Подгоричани поступал рационально, поскольку, замечал он, в тех краях большая часть из них имеет там своих родителей и родственников.

По прибытии на место Подгоричани предлагал сформировать 16 черногорских полков из различных нахий и племен Черногории: 1) Катунский; 2) Цуцкий; 3) Белицкий; 4) Негушский; 5) Цетинский; 6) Махинский (вероятно, из жителей приморской Маине. – Ю.А.); 7) Цеклинский; 8) Люботинский; 9) Гроднянский; 10) Лешанский; 11) Барчехольский; 12) Глуходолянский; 13) Болевачский; 14) Дуплянский; 15) Лимлянский; 16) Пешевацкий. В Брде, которая, как и Черногория, по мнению Подгоричани, не находилась в турецком владении, также предполагалось создать воинские подразделения из полков. В других балканских землях И.М. Подгоричани предлагал создать региональные воинские формирования – легионы: Македонский, Иллирийский, Сербский, Греческий, Болгарский, Албанский, Эпирский, Охридский, Герцеговинский, Косовский, Далматинский, Боснийский. В дополнение к этому списку Подгоричани предлагал отдельно в «Белоокрации» учредить следующие локальные полки или легионы: Ужицкий, Пожеревацкий, Неготинский, Видинский, Нишский, Никопольский, Скопьянский, Ипекский и с других земель, с которых возможно сформировать больше полков и легионов. Подгоричани считал целесообразным, чтобы повстанцы при военных баталиях не покидали своих мест, и оттуда «эхо пошло» об их количестве и на турок тогда «непременно большой страх нападет».

Вряд ли план И.М. Подгоричани о вовлечении балканских народов в антитурецкую борьбу в таких грандиозных масштабах был реалистичен, хотя бы в силу того, что его реализации могли воспрепятствовать другие европейские державы, заинтересованные в турецких делах на Балканах, и в первую очередь Австрия. К тому же, и это главное, Османская империя была далеко еще не настолько слаба, чтобы позволить провести России такую военную операцию в тылу ее владений. Однако в регионе Черногории и сопредельных земель этот план был вполне выполнимым при со-

ответствующей поддержке со стороны России. Вместе с тем он отвечал тогдашним воззрениям Екатерины II относительно будущего Турции, по ее собственному замечанию в одном из писем, заходившую слишком далеко в своих мечтаниях и строящую «всякого рода испанские замки»⁶². Вполне возможно, зная подобные настроения Екатерины II, И.М. Подгоричани решил ей потрафить. Надо сказать, что несколько ранее И.М. Подгоричани уже подавал императрице какой-то проект вместе с картой, где излагались его суждения об участии балканских народов в антитурецкой борьбе. Подгоричани тогда изъявил желание направиться в Черногорию, где, как замечала Екатерина II, он думал быть полезен. Вручая проект императрице, Подгоричани сказал: «Велишь быть мне начальником или подчиненным, я на все готов, лишь быть инструментом свержения тиранского ига с однопоземцев своих»⁶³. Ознакомившись с этим проектом, Екатерина II, высоко оценивая военный талант Подгоричани, сделала какие-то замечания к проекту, возможно, учтенные Подгоричани уже в «Нотации».

Ровно через месяц после обращения И.М. Подгоричани к императрице последовал рескрипт Екатерины II от 15 (26) июля 1769 г. командующему первой эскадрой русского флота в Средиземном море адмиралу Г.А. Спиридову⁶⁴. В нем среди прочего считалась нужным организация диверсий против турок в чувствительном месте, воспользовавшись склонностью к России греческих и славянских народов, частично подвластных Порте, а отчасти «еще за вольность свою» поныне мужественно сражающихся. При этом предлагалось составить из них с российской помощью и под русским командованием корпус для боевых действий против турок не только у себя на родине, но и к потрясению турок в Европе, вплоть до столицы «злочестия магометанскаго»⁶⁵. Если И.М. Подгоричани отводил главную роль в совместной антитурецкой борьбе России и балканских народов югославам, то в Петербурге было решено главным образом опираться на греков, и, как покажет время, это было ошибкой. Надо сказать, что накануне отплытия эскадры Г.А. Спиридова французский представитель при русском дворе Россиньоль доносил в Париж министру иностранных дел Шуазелю, что русская эскадра, предназначенная для оказания «помощи монтенегрцам готова и должна отправиться со дня на день. Она состоит из пяти военных кораблей, имеющих на борту русского генерала, только что произведенного в графы Империи (А.Г. Орлова. – Ю.А.), пятьдесят офицеров различных званий и примерно полторы тысячи человек войск»⁶⁶. Однако эскадра следовала не к Черногории, а к берегам Мореи. Эскадра Г.А. Спиридова включала 7 линейных кораблей, 1 фрегат, 1 бомбардирский корабль и 7 транспортных и иных судов. Ее команда состояла из 5582 человек⁶⁷. В дальнейшем к ней присоединятся эскадра под командованием контр-адмирала Дж. Эльфинстона, англичанина, поступившего на российскую службу, и эскадра контр-адмирала И.Н. Арфа, датчанина на русской службе.

Одно предложение И.М. Подгоричани было все же учтено. А.Г. Орлов, командующий всеми вооруженными силами России в Средиземноморье, летом 1769 г. принял решение совершить первую военную акцию на Балканах, выбрав для этого Черногорию. Однако командование военной экспедицией, насчитывающий всего 36 человек вместо почти 200, предлагаемых Подгоричани, было поручено бывшему сослуживцу А.Г. Орлова по Преоб-

раженскому полку генерал-майору, князю Ю.В. Долгорукову. И.М. Подгоричани, как нельзя лучше подходивший для этого в силу знания им Черногории, сопредельных мест, нравов и обычаев черногорцев, оказался в стороне и был отправлен на Дунайский фронт, где отменно проявил себя в военной кампании 1770 г.

Под влиянием новых планов и Екатерина II изменила свое отношение к Степану Малому. Подтверждение этому мы находим в ее письме к А.Г. Орлову, написанному в мае 1769 г. Говоря о Степане Малом, она отмечала: «Сей от нас писанным в прошлых летах публичным манифестом объявлен обманщиком, но как его описывали там весьма сильным, то вздумали его употребить, запрета ему обман»⁶⁸. Еще более определенно Екатерина II выражала свою благосклонность к Степану Малому в своей инструкции, данной полковнику Якову Эздемировичу, направленному вместе с бывшим эмиссаром Степана Малого, перешедшим на русскую службу, поручиком Ефимом Беличем, в Черногорию с целью организации там антитурецкого восстания⁶⁹. Императрица не просто призывала, а требовала от Степана Малого и старейшин поднять черногорцев, а также сопредельных брдян и герцеговинцев на антитурецкую борьбу. При этом, явно желая польстить Степану Малому, императрица повелевала Эздемировичу уведомить его о том, что она наслышана о славных делах Степана Малого, что избавление черногорцев от неволи станет вершиной собственной его славы. Однако для этого Степан Малый должен прекратить «пустую свою басню» о покойном императоре Петре III, ибо честь и достоинство императрицы не позволяют ей иметь дело с обманщиком.

В состав русской военной миссии, которую под видом купца Барышникова возглавлял князь Ю.В. Долгоруков, входили подполковник артиллерии А. Лецкий, подполковник Ф. Герсдорф, майор А. Розенберг, капитан И. Миловский, бывший одновременно и секретарем экспедиции, два унтер-офицера Преображенского полка Акиншин и Сыромятников, гусарский капитан Р. Пламенец, венецианский подданный граф Иван (Йован) Войнович, родом из Херцег-Нови, а также 26 славян, нанятых в различных городах Италии. На сей раз россияне везли в Черногорию не церковную утварь и богослужебные книги, а порох и свинец. Отправившись в конце июля 1769 г. из Италии, военная миссия добиралась морским путем до Чане вблизи Антивари (Бара), а затем сухопутным (князь и проводник ехали на осле, а остальные – пешком), миссия вскоре прибыла в Черногорию в Цермницу. 2 (13) августа в монастыре в Брчеле князь встретился с «царем». Вот как описывает эту встречу один из участников этой военной экспедиции, автор журнальной записки: «Разговоры его, поступки и обращения заставили заключать об нем, что он в лице вздорного комедианта представлял ветреного или совсем сумасбродного бродягу. Росту он среднего, лицом бел и гладок, волосы светло-черные, кудрявые, зачесаны назад, лет тридцати пяти, одет в шелковое белой тафты платье, длинное по примеру греческого, на голове скуфья красного сукна, которую он ни перед кем не скидывает; с левого плеча лежит у него тонкая позолоченная цепь, а на ней под правую руку висит икона в шитом футляре величиною в российский рубль, в руках носит обыкновенный турецкий обушок. Голос имеет тонкий наподобие женского, в речах скор, и выговор по большей ча-

сти бошняцкий... проводил время до пятого часа пополудни в темных и ветреных разговорах, из которых, кроме пустоши, ничего заключать невозможно, хотя черногорцы и почитают его за пророческое красноречие со страхом и кротостью... По большей части курил он трубку, запивая стаканом водки с водою, без чего не может он жить по затверделой привычке»⁷⁰. Отвечая на вопрос князя, почему он присвоил себе имя Петра III, сказал, что это выдумали сами черногорцы, но он их не разубеждал только потому, что иначе не имел бы возможности объединить под своей властью столько войска против турок⁷¹.

Автор журнальной записки приводит довольно обстоятельное описание политического состояния Черногории, функционирования органов власти. В частности, отмечая наследственность губернаторской власти, он замечает ее крайнюю слабость, поскольку эта должность «кроме пустого имени», не значит в Черногории ничего⁷². Далеко не лучшим образом характеризует автор и митрополита Саву, отмечая его двоедушие, злость и «крайнее к деньгам лакомство». Дело доходило до того, что Сава за небольшую плату разрешал кровную месть, разводил мужа с женой и позволял венчание с другой женщиной.

6 (17) августа 1769 г. на Цетинском поле состоялся Общечерногорский збор, на котором присутствовало около 2 тысяч человек. Ю.В. Долгоруков получил от переметнувшегося на сторону князя бывшего сербского патриарха Василия Бркича грамоту, обличавшую Степана Малого как самозванца, возмутителя спокойствия и «злодея нации» и предлагавшую черногорцам отречься от него и исправить свою погрешность служением российскому двору. По приказу князя эта грамота была зачитана Теодосием Мркоевичем. Безусловно, Ю.В. Долгоруков поступил так сознательно, поскольку ему было важно, чтобы самозванца первым изобличал не он, а вчерашние соратники Степана Малого. Затем князь Ю.В. Долгоруков, уже сам, обратившись к народному собранию, заверил собравшихся, что Степан – самозванец, плут и бродяга и в России неизвестен. Это утверждение князь подтвердил письменно и скрепил печатью. Только после этого была зачитана на «иллирийском языке» капитаном Миловским грамота Екатерины II с призывом ко всем христианским народам выступить против турок, и собравшиеся были приведены к присяге на верность российскому престолу, им были розданы вино и деньги⁷³.

Народ спокойно воспринял развенчание самозванца, но на другой день все стало по-другому. Рано утром в Цетинье торжественно, на коне, с обнаженной саблей, въехал Степан Малый. Увидев его, черногорцы, позабыв вчерашнюю присягу, вмиг вернули к самозванцу прежнее расположение, приветствовали его ружейными выстрелами и кричали: «Благо нам! Вот наш господарь!». Казалось, все вернулось на круги своя, но князь действовал решительно: он приказал разоружить и арестовать самозванца, а в случае сопротивления – убить его. И все вновь переменялось. Толпа черногорцев от сиюминутного восхищения пришла вдруг в неописуемую ярость. В адрес Степана Малого раздавались призывы повесить его или четвертовать. Толпа бушевала, раздавались выкрики: «он меня разорил», «он моего брата повесил», «он отца моего убил»⁷⁴. Кроме личной мести к поверженному вчерашнему кумиру свою роль сыграло и то, что Степан Малый не оказал никакого

сопротивления при аресте, покорно дал себя обезоружить. В Черногории, где оружие было знаком мужчины, такое поведение Степана Малого не могло не вызвать резко отрицательного отношения к нему. Долгоруков с трудом удержал толпу от расправы над самозванцем, который был арестован и помещен в одну из келий Цетинского монастыря. Все было кончено, во всяком случае так полагали участники русской военной миссии, в том числе и автор журнальной записки, отметивший в своем дневнике: «Таким образом, без всяких печальных следствий, кончилась роль громкого в Европе обманщика, известного под именем Степана Малого»⁷⁵.

В ходе допроса на требование князя назвать свое подлинное имя Степан Малый объявил, что он далматинец из семейства Раичевичей, а затем заявил, что он турецкий подданный, боснийский уроженец, вышел из Боснии в малолетстве, скитался по многим странам и наконец объявился в Черногории⁷⁶. По настоянию Ю.В. Долгорукова венецианский Сенат, обрадованный арестом Степана Малого, охотно дал разрешение князю на проезд через венецианские владения с целью отправки самозванца в Россию⁷⁷.

Нейтрализовав самозванца, Ю.В. Долгоруков активно занялся подготовкой антитурецкого восстания, в которое помимо черногорцев князь рассчитывал привлечь христианское население сопредельных с Черногорией краев. Он поручил уже упоминавшемуся ранее П. Беладиновичу-Дзая набор солдат из вольных людей, на что откликнулись в Герцеговине жители г.Требинье и близлежащих сел, заявившие, что все как один выступают против турок. Аналогичный ответ поступил от воевод и «главарей» Никшича и его окрестностей, письменно выразивших князю свое желание избавиться от турецкого ига⁷⁸. Ю.В. Долгоруков в задуманном деле получил существенную помощь от Афанасие Милутиновича, архимандрита Рисанского монастыря, расположенного поблизости от Котора. Находясь в 1768 г. по церковным делам в Польше, А. Милутинович встретился с И.М. Подгоричани, сообщившему Милутиновичу, что им был представлен императрице проект «О выходе из Скендерийской провинции в Россию народа»⁷⁹. Воодушевленный сказанным Подгоричани, А. Милутинович направился в Северную Албанию и стал подготавливать здешних православных славян к переселению в Россию. Однако прибывший к тому времени в Черногорию князь Долгоруков быстро переориентировал Милутиновича на агитацию североалбанских православных взяться за оружие, на что те охотно согласились. Узнав о готовности черногорцев воевать и о том, что «скендерийские сербы» также склоняются к этому, правитель Северной Албании Мехмет-паша пришел в полное замешательство. Он направил к своим приятелям в Черногорию послание, в котором уверял их в своей лояльности и готовности отдать от Шкодры «городские ключи без кровопролития, только бы пощадить их фамилию»⁸⁰. Ключи Мехмет-паша все же не отдал, но с момента прибытия в Черногорию Долгорукова и вплоть до его отъезда он находился в постоянном страхе, хотя и пытался исподтишка всячески навредить князю. Ю.В. Долгоруков занимался вопросами выкупа черногорцев и брдян из турецкого плена, и не его вина, что несмотря на выделенные князем 875 цехинов для выкупа 9 пленных брдян, взятых в заложники, среди которых был и сын знаменитого кучского воеводы и губернатора Брды Илии Дрекаловича, сделать это не удалось из-за отказа турок⁸¹. Ю.В. Долгоруковым

была предпринята попытка наладить отношения между митрополитом Савой и Василием Бркичем. Однако посланный для этого к Саве русский офицер отрапортовал князю, что митрополит испытывает к патриарху такую ненависть и злость, «с которой он и в гроб пойтить желает». Вместе с тем, не имея возможности отказать князю, Сава притворно согласился пойти на примирение с бывшим сербским патриархом⁸². Ю.В. Долгоруков способствовал возвращению награбленного в ходе четования черногорцами у жителей Герцеговины имущества и скота⁸³. Одновременно князь приказал разослать по всей Черногории письменные указания, в которых призывал черногорцев вернуть своим соплеменникам все похищенное имущество и впредь, живя в дружбе, любви и согласии, повиноваться своим начальникам⁸⁴. Несмотря на запрет находились черногорцы, желающие участвовать в боевых поединках (мегданах). За это 7 человек были арестованы, судимы совместным судом 5 черногорских старейшин и 3-х русских офицеров и приговорены к смертной казни. Этот приговор в присутствии всех судей должен был утвердить Ю.В. Долгоруков. Однако накануне один из черногорских судей ночью тайно сбежал, и князь был вынужден простить незадачливых дуэлянтов, которые к тому же не успели приступить к самому поединку, поскольку были разогнаны русскими офицерами⁸⁵.

Развернув кипучую деятельность, Ю.В. Долгоруков различными способами установил связь со старейшинами Герцеговины и Приморья, что, разумеется, вызвало крайнее раздражение османских и венецианских властей. Князь поддерживал тесные отношения с Илией Дрекаловичем, заявившим о готовности брдян поднять оружие против турок. Через посредничество И. Дрекаловича Ю.В. Долгоруков направил письма для Д. Марко, воеводы горных католических мирдитских и фанских племен, с призывом объединиться в борьбе против турок⁸⁶. Он извещал его о скором прибытии русской эскадры, одновременно советуя подданным Порты держать все в тайне и платить дань, дожидаясь удобного момента для начала антитурецкого восстания⁸⁷.

Венецианские власти Приморья, прознав про все это и смертельно боясь любых осложнений с Портой, а тем более военных действий вблизи своих границ, попытались применить свой испытанный прием – отравить князя и русских офицеров при помощи подосланного «дезертира», итальянца по национальности, но тот был пойман и разоблачен. В свою очередь шкодринский паша обещал пять тысяч червонцев за голову князя⁸⁸, однако желающих не нашлось. Надо сказать, что наряду с ложными были и настоящие дезертиры из Приморья, которые почти ежедневно прибывали в Цетинье. Князь привечал исключительно славян, поставя их на довольствие и платя им денежное жалование, игнорируя при этом итальянцев. Среди них автор журнальной записки особо выделяет Михаила Христовича, черногорца из Црмницкой нахии, который за 20 лет службы в венецианском флоте, а затем и сухопутной, побывал в Англии и других странах. Он дослужился до сержанта, но, проведав о приезде в Черногорию русской военной миссии, дезертировал и прибыл в Цетинье с намерением проявить верность и преданность российскому двору⁸⁹.

Помимо выполнения своей главной задачи – организации антиосманского восстания – князь занялся устройством внутренних дел Черногории. Он учредил в Цетинье суд из представителей различных нахий, раз-

решавший самые тяжкие споры и пресекавший междоусобицы. Вместе с тем Ю.В. Долгоруков принялся княжить в Черногории, причем княжить по-русски, забывая, что в Черногории, где еще сильно было родовое начало, царили другие обычаи и нравы, иные ценности были мерилем жизни. Примером этого может служить письменное обращение к князю со стороны выборных представителей от Катунской и Риечской нахий. Оно состояло из следующих семи пунктов: 1). Дабы оставить черногорцев при добровольной их вольности, какую они с потерянна Сербского царства поныне пользуются; 2). Дабы не принуждать их ни к какой работе, хотя бы она была и государственная; 3). Дабы все Цетинского монастыря имения остались при монастыре; 4). Дабы никаких солдат по квартирам их не ставить; 5). Дабы черногорцев не лишать оружия, не бить и не вешать; 6). Если черногорцы переселены будут в другое место, то пользоваться бы им нынешними вольностями; 7). Не делать в уездах никаких судов, но выбрав несколько членов, оставить бы на Цетине для совета и управления дел⁹⁰. Это прошение было отклонено князем под предлогом того, что от черногорцев не требуется со стороны России ничего, кроме вооруженного восстания против турок. Поступая таким образом, Ю.В. Долгоруков лукавил, поскольку на практике сам он властно вмешивался и в сугубо внутренние дела Черногории.

Ю.В. Долгоруков так и не сумел найти общий язык со свободолюбивыми черногорцами, которым претили его явное барство и крепостнические замашки. Черногорцы вновь обратили свои взоры к Степану Малому, осознав, что «царь», хотя и развенчанный, лучше подходит на роль правителя Черногории, нежели князь. Среди «сумасбродного народа» нашлось множество жителей, «похвалявших редкие сего бродяги качества, находя в нем притом и чудотворную силу», – замечал автор журнальной записки⁹¹.

Находясь в постоянной переписке с А.Г. Орловым, князь был уведомлен, что первоначальный план посылки части российского флота к далматинским берегам был изменен, и ждать помощи с моря было уже бессмысленно. Следует сказать, что, возлагая основные надежды на Морею и греков, а не Черногорию и черногорцев совместно с Брдой и Герцеговиной, как это предлагал сделать И.М. Подгоричани, в Петербурге сильно просчитались. «Робость и неверность греков в самом открытии сей экспедиции заградили нам все пути к сухопутным предприятиям и заставили устремить все наши силы на действия морские», – отмечал позже, находясь на борту корабля «Ростислав», А.Г. Орлов⁹². Но это просветление и у А.Г. Орлова, и у самой Екатерины II наступит позже, а пока Ю.В. Долгорукову экспедицию следовало сворачивать. Но что делать со Степаном Малым? Этот вопрос становился для Долгорукова главным. Вывести самозванца с собой без явного риска для жизни не представлялось возможным, поскольку черногорцы, вновь вставшие на сторону своего «господаря», были готовы воспрепятствовать этому. За почти трехмесячное пребывание в Черногории князь отчетливо осознал, что самозванец не представляет ни малейшей опасности для России, наоборот, он готов быть ее верным союзником. Поэтому Долгоруков, потребовав от Степана Малого верности и усердия, освободил его, и не без влияния А.Г. Орлова, а то и по прямому его приказу, объявил Степана Малого наместником России в Черногории.

Уход русской военной миссии в конце октября 1769 г. из Цетинье в Будву, где ее ожидало небольшое судно, нанятое И. Войновичем для отплытия обратно в Италию, происходил в величайшей тайне. Князю везде мерещились венецианские шпионы. Более всего он опасался владыки Савы, этого «старого злыдня», способного, по мнению князя, оповестить власти Котора об отбытии миссии из Черногории, что не входило в его планы. Вместе с русскими уезжал и экс-патриарх Василий Бркич, ему дальнейшее пребывание в Черногории не сулило ничего хорошего из-за неприязни к нему со стороны Степана Малого, которого он в силу обстоятельств предал и опорочил, и митрополита Савы, полагавшего, что черногорцам достаточно одного пастыря. К тому же незадолго до этого Василий Бркич едва не был выдан туркам группой черногорцев, которые ради вознаграждения, обещанного турками, пленили бывшего патриарха. На их христианскую набожность не повлияли ни мольбы несчастного архиерея, ни «животворный крест», которым он заклинал черногорцев, а только 54 дуката – все, что имел при себе владыка – спасли ему жизнь⁹³.

В декабре 1769 г. А.Г. Орлов информировал вице-канцлера А.М. Голицына о том, что князь Ю.В. Долгоруков вынужден был уехать из Черногории со всеми офицерами, «и отдать команду Стиопке Малому, надев на него мундир российского офицера, взяв с него обещание не использовать ложное имя»⁹⁴. Степан получил то, что хотел. Россияне, не балуя чином, все же признали своего «императора». О том, что членам русской миссии пришлось несладко, свидетельствовал и участник экспедиции подполковник Ф. Герсдорф, который в беседе с венецианцами сильно жаловался на Черногорию, и «находил, что страна эта годна для обитания медведям, но вовсе не годится для людей»⁹⁵. После похожего на бегство отъезда русской делегации Степан Малый вновь стал полновластным правителем Черногории, оставаясь таковым до самой смерти.

Существует мнение, что миссия Долгорукова окончилась провалом⁹⁶. Собственно, так полагала и Екатерина II, замечавшая в январском 1770 г. послании к А.Г. Орлову, что «произшествие черногорское с нашим генерал-майором князем Долгоруковым по-видимому недостойно большого уважения»⁹⁷. Действительно, князю не удалось поднять на антитурецкое восстание ни черногорцев, ни герцеговинцев, ни албанцев-католиков, ни православных жителей Северной Албании.

Однако в этом далеко не только его вина, поскольку основная надежда возлагалась на российскую эскадру, которая должна была стать мощнейшей и главной опорой намеченного восстания, но ее прибытие в эти края не состоялось. Черногорцы и близлежащие сопредельные народы не были настолько глупы и наивны, чтобы, несмотря на явную враждебность и даже ненависть к туркам, вступать с ними в тяжелейшую борьбу без мощной, к тому же обещанной российской поддержки, которую никак не мог обеспечить Ю.В. Долгоруков с его горсткой людей. К тому же, не в обиду будет сказано, князь не обладал такими военными качествами, как И.М. Подгоричани, и в отличие от него в целом плохо ориентировался в балканских делах. Впрочем, российское руководство также не блистало в этом глубокими познаниями, допуская промахи и просчеты. Вместе с тем, благодаря пребыванию в Черногории русских военных, в ней окрепло русское вли-

яние, через полгода после отъезда князя черногорские вожди в письме к провидиру Котора Г. Молину высказывались: «Знаешь ли, господин, что мы сегодня российские? Кто стоит против России – стоит против нас»⁹⁸. По приказу Степана Малого Теодосий Мркочевич в марте 1771 г., проходя тайно через турецкие и дубровницкие владения, встречался в Риеке (Фiume) с А.Г. Орловым и приносил ему сведения от Степана Малого. Он сам себя называл «русским капелланом»⁹⁹. Летом 1770 г., в те дни, когда русские эскадры Спиридова и Эльфинстона разбили турецкий флот при Чесме и высадили десант в Греции, черногорцы во главе со Степаном Малым воспрепятствовали объединению войск боснийского, герцеговинского и албанского пашей с главными турецкими силами на Дунае, что, вероятно, было результатом тайных переговоров Ю.В. Долгорукова, А.Г. Орлова и Степана Малого¹⁰⁰. Впрочем, как бы то ни было на самом деле, черногорцы все же оказали вооруженную поддержку России, а Ю.В. Долгоруков по возвращении из Черногории получил награды от А.Г. Орлова, а затем уже в Петербурге – от Екатерины II.

После отъезда русской военной миссии Степан Малый стал самовластно править в Черногории. Он предпринимал эффективные меры, направленные на наведение порядка в стране и, в частности, на искоренение кровной мести. Степан Малый ввел смертную казнь за кровную месть, а если убийце удавалось скрыться, то его родственники платили штраф в 70 червонных. Он учредил судебный орган, состоящий из 40 судей, разбиравший различного рода судебные тяжбы. При этом половина денежных штрафов шла в доход Степана Малого¹⁰¹. Исполнение приговоров суда контролировал специальный военный отряд. Приговоры отличались суровостью. Так, «В Цермнице брат убил брата, и Степан Малый повелел отыскать нового Каина, выволочь его из укрытия, которое он для себя избрал; а то была церковь неподалеку от Подгорицы – укрытие, по тем временам священное и ненарушимое. Он же заставил отца убийцы и оставшихся в живых братьев повесить его перед дверьми родительского дома (по другой версии, родственники вешали уже труп расстрелянного накануне убийцы), чтобы утратить каждого, кто осмелился бы запятнать себя подобным преступлением»¹⁰². По приказу Степана Малого была построена тюрьма (именуемая в народе «Степановой темницей»), внутрь которой можно было в любой момент пустить воду. Некоторых преступников Степан Малый наказывал «по московскому обычаю»: он велел закапывать их в землю по горло, оставлял в таком положении несколько дней, после чего изгонял из страны до дня Святого Георгия¹⁰³. Самым суровым образом карался угон скота, и это в стране, где подобное занятие считалось делом обычным; кражи, даже мелкие, жестоко наказывались. В той же Цермнице Степан приказал сначала бить уличенного в воровстве по пяткам, потом повесить его за ноги, а затем за руки; после двухчасового мучения вора сняли с дерева и наложили на него пеню в 40 цехинов, в пользу обокраденного им лица.

По прочно укоренившемуся в народном сознании преданию, Степан Малый повелел по дороге из Котора в Цетинье положить десять цехинов, и они лежали там несколько дней – никто так и не посмел прикоснуться к ним. Вполне возможно, что эта легенда, берущая начало от современников Степана Малого, имеет под собой реальную основу. Степан Малый, и это

было в его характере, мог устраивать подобные «проверки на дорогах», а черногорцы, уже в полной мере познавшие крутой и беспощадный нрав своего господаря, понимали, что, покусись они на эти деньги, добром это не кончится, непременно съедут и жестоко накажут. Им ничего не оставалось как смириться и становиться честными поневоле. Страх подавлял все, даже жажду наживы. Предпринимать все эти подчас чрезвычайно жестокие меры Степан Малый был вынужден, поскольку царившую в Черногории анархию и своеволие невозможно было устранить без применения радикальных мер.

Степан Малый осуждал и старался пресечь грабительские набеги черногорцев на соседние венецианские и турецкие владения, предпринимал меры по созданию регулярного войска, сам проводил воинские учения. Он ввел личную вооруженную охрану, установил караульные посты на горных перевалах и других стратегически важных пунктах страны, повелел воздвигнуть укрепления – сторожевые пункты, активно занимался прокладкой дорог. Последнее было важно прежде всего в экономическом отношении, поскольку отсутствие дорог препятствовало развитию внутричерногорских связей, тормозило развитие торговли как внутри страны, так и за ее пределами.

Степан Малый предпринял попытку ввести налоги, чего ранее в Черногории не было. Так, посетив Црмницкую нахию, он обложил каждый дом податью, которую нужно было внести до Петрова дня. Налог был введен только в одной нахии, богатейшей, но, безусловно, Степан Малый хотел распространить налогообложение на всю Черногорию. При нем началась перепись населения, которую ему не удалось завершить. С его именем связано открытие школы в Петроваце, где далматинский монах Елисей за небольшую плату обучал детей основам православного вероучения и русскому языку¹⁰⁴. Обучение русскому языку было делом объяснимым: «русский царь Петр III» обязан был заботиться о распространении русского языка в черногорской среде, прививая и поощряя тем самым дружеские чувства к родственной православной России.

Осенью 1770 г. судьба нанесла тяжкий удар Степану Малому. При проведении ремонтных дорожных работ он случайно подорвался на заложенной в скале mine и в результате этого ослеп. Помещенный в монастырь в Брчеле, он продолжал руководить страной и с нетерпением ждал прибытия русского флота в Адриатику, чтобы объединенными силами обрушиться на врага. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Подосланный шкодринским пашой наемный убийца грек Станко Клазомуня (Паликарда) заколол спящего Степана кинжалом, а затем отрезал ему голову, которую потом принес паше. Произошло это 22 сентября 1773 г.¹⁰⁵

Так трагически пресеклась жизнь Степана Малого – «самого малого на свете, доброго с добрым, злого со злым, малого с малым, великого с великим». Он был похоронен в монастыре Св. Николы в Брчеле, где его прах покоится и поныне. Степан Малый говорил о себе: «Я – пахарь, пашущий землю, пашу и буду пахать ее, пока не родит она плод. Хочу или умереть, или работать – и вскоре окончить работу. Так повелевает мне Бог, над которым нет владыки. Настанет время, когда уразумеете мое слово. Не забывайте его и веруйте в его исполнение»¹⁰⁶.

Биограф Степана Малого, известный черногорский историк Р.В. Петрович точно и емко определил роль и место Степана Малого в черногорской истории: «Учреждением суда в стране, где уже в прежние времена существовал Збор, митрополит, губернатор, сердары, воеводы, кнезы и байрактары, прокладкой дорог, постройкой крепостей и тюрем, установкой виселиц, открытием школы, созданием постоянного войска и назначением командующего – было укреплено государство Черногория, государем которого стал Степан Малый»¹⁰⁷. Он не был великим реформатором, его преобразования не изменили раз и навсегда жизнь черногорского общества. Возможности Степана Малого, несмотря на авторитарность его правления, почти абсолютную власть, все же были ограничены объективными условиями Черногории того времени, не позволявшими в одночасье перекроить все то, что складывалось веками. Все же его деятельность, направленная на установление мира и порядка в стране, централизацию власти, не пропала даром, она прокладывала дорогу дальнейшим преобразованиям, направленным на модернизацию общественного и государственного строя Черногории.

Со смертью Степана Малого для Черногории время остановилось и повернулось вспять. На политическую сцену вновь вышел дряхлый митрополит Сава, и Черногория опять зажила привычной жизнью, где не было места порядку, но царили вражда и произвол. Однако сама незаурядная личность Степана Малого стала побудительным стимулом к тому, что уже летом 1774 г. в Черногории появился бесшабашный авантюрист, уроженец Будвы Степан Занович. Он попытался выдать себя за избежавшего гибели Степана Малого, но Лжестепан вынужден был вскоре покинуть Черногорию ни с чем, его афера не удалась – народ еще хорошо помнил своего истинного повелителя.

Сразу же после смерти Степана Малого его имя, его деяния стали обрастать легендами, и творцом первой из них – если это, в свою очередь, правда, а не народная молва – стал «канцлер» самозванца Марко Танович. Странствуя по Черногории, он убеждал народ, что враги господаря распространили ложный слух о его смерти, что на самом деле Степан Малый жив и снаряжает в России грозный флот, который затмит славу Чесмы. Он уверял, что Степан Малый снова встанет во главе черногорского народа, что он выгонит из Европы всех турок, займет Константинополь и восстановит Сербскую державу в тех пределах, в каких она была при Стефане Душане (1331-1355). Говорили, что он встречался с графом А.Г. Орловым, чтобы лично уверить его, что Степан Малый жив и еще вернется в Черногорию в зените своего могущества. Граф старался уверить фанатичного соратника Степана Малого в смерти его господаря, но это ему не удалось, и Орлов, снабдив «канцлера» деньгами, отправил его восвояси. Марко Танович еще долгие пятнадцать лет бродил по дорогам и селениям Черногории, произнося страстные заклинания: «Я уверяю вас, что придет наш господарь Степан Малый, которого вы видели, которому повиновались. Неужели вы теперь не верите моим обещаниям. Неужели вы не ожидаете его?»¹⁰⁸. Но все было тщетно, ему уже никто не верил, наступили иные времена, другие люди вершили черногорскую историю.

Почти два с половиной столетия отделяют нас от тех времен, но имя Степана Малого, память о его деяниях живет и поныне в Черногории, где до сего времени можно услышать присказку: «Так рассудил Степан, так и должно быть!».

§2. Черногория и Северная Албания в 80-90-е годы XVIII в. (От вражды к союзу и вновь к вражде)

После смерти Степана Малого в 70-е - начале 80-х гг. главную роль в политической жизни Черногории начинает играть губернатор Йован Радониц. Усиление власти губернатора не всем пришлось по нраву, особенно семейству Петровичей Негошей и их сторонникам, поскольку власть сосредоточилась в руках другого рода и митрополит Сава и молодой архимандрит Петр Петрович, будущий митрополит, стали играть второстепенную роль.

В это время черногорское руководство начинает активизировать внешнюю политику, предпринимает попытки выйти из политической изоляции, в которой оказалась страна при жизни самозванца. Кючук-Кайнарджийский мир (1774 г.) усилил позиции России на Балканах, но это никак не отразилось на Черногории, хотя черногорцы по-прежнему возлагали на Россию надежды. В начале августа 1775 г. Й. Радониц обратился с письмом к Екатерине II, в котором просил императрицу не забывать находящуюся во враждебном окружении Черногорию. Несколько ранее он же просил содействовать переселению партии черногорцев в Россию¹⁰⁹.

В конце 1777 г. черногорская делегация в составе губернатора Й. Радоница, сердара Ивана Петровича и архимандрита Петра Петровича направилась в Россию. По пути они заехали в Вену, где были приняты канцлером В.А. Кауницем, который затем проинформировал Иосифа II о том, что черногорская делегация направляется в Россию с целью порвать связи с русским двором¹¹⁰. Вряд ли черногорские делегаты ехали в Петербург с целью конфронтации с русским двором, поскольку они не знали заранее, какая им будет оказана встреча. Однако вполне возможно, что тот же глава делегации Й. Радониц, чьи проавстрийские симпатии в скором времени стали очевидны, уже тогда, зная, что энергичное проникновение России на Балканы не нравится венскому двору, решил таким образом сформулировать причину поездки в Петербург. Как бы там ни было, черногорская делегация проявила политическую недалекость: русское посольство в Вене, практически всегда имевшее надежную информацию о черногорских делах, безусловно, узнало и об этом заявлении делегации и сообщило о нем в Петербург.

В российской столице черногорские посланцы провели полгода, несколько раз встречались с Г.А. Потемкиным, но аудиенции у императрицы так и не добились. Продемонстрированные в Петербурге дипломатические качества черногорских делегатов оставляли желать лучшего. Вместо того чтобы действовать неоднократно проверенным способом, а именно со смиренным видом просить российское руководство оказать всемерную помощь Черногории, делегаты действовали слишком напористо, без соблюдения должного дипломатического такта. Они заявляли, что в 1769 г. Ю.В. Долгоруков был с радостью принят в Черногории, а затем «к немалому удивлению и прискорбию от нас ретировался», обвиняли князя в том, что он якобы оклеветал черногорцев перед А.Г. Орловым, заявляя, что они хотели его выдать туркам, – «в нашем отечестве неслыханный поступок, варварам одним только приличный», а не христианам¹¹¹. При этом черногорские делегаты «забыли», что во время миссии Ю.В. Долгорукова в разделенной на партии Черногории действительно находились желающие

передать туркам князя, за голову которого была назначена цена в 5 тысяч дукатов, причем не только его одного. Как уже отмечалось, после поражения Степана Малого под Острогом турки назначили плату за его голову и голову экс-патриарха В. Бркича. Среди черногорских «охотников за головами» быстро сыскались желающие получить эти деньги, и только случай спас Степана Малого и В. Бркича. Делегаты вспоминали о заслугах черногорцев в русско-турецкую войну 1768-1774 гг., сковавших силы Боснии, Герцеговины и Албании, напоминали невыполненное обещание графа А.Г. Орлова учесть интересы Черногории при заключении мира с Османской империей, сетовали, что, поверив Орлову, черногорцы отказались от «весьма для нас авантажного мира» с турками. Делегаты просили русский двор за свою верную службу не оставлять черногорцев «на жертву и поругание врагам». Они заявляли, что весь славяносербский народ, живущий в Австрии и Венеции и насчитывающий 200000 воинов, весьма огорчен политикой этих держав и готов вместе с черногорцами выступить не только против Турции, но и других «завистливых дворов, противных российскому интересу»¹¹². Таким образом, черногорцы открещивались от всех, в том числе и от Австрии, декларируя свою преданность исключительно России.

В Петербурге не поверили делегатам, сочли, что черногорские посланцы явно преувеличивают заслуги своей родины перед Россией, заверяя в преданности черногорцев русским интересам, поскольку «сие общество помрачило в последнее время чистоту и ясность оных уверений». В российском руководстве полагали, что действия черногорцев во время русско-турецкой войны не соответствовали конечным интересам русского двора, а большая часть черногорского общества, «в буйстве и невежестве своем применясь к некоему презрительному самозванцу и бродяге», недостойна покровительства императрицы¹¹³. Черногорию – в лице ее представителей – ставили на место, поясняя, что «положение землицы их в углу турецких владений» зависит от того, как складываются дела при здешнем дворе, при этом черногорцам предлагалось не мечтать о том, чтобы российские интересы «могли располагаться быть по их прихотям», а руководствоваться для собственного блага впредь делами и интересами Российской империи. Чтобы хоть как-то подсластить пилюлю, давалось согласие на переселение черногорцев в Россию, где каждый будет благосклонно принят «и по званию своему пристрояем»¹¹⁴.

Черногорская делегация для визита в Петербург выбрала неудачное время, когда в правящих кругах России еще были свежи воспоминания о потрясшем всю Россию восстании Е.И. Пугачева, поэтому раздосадованность и гнев Екатерины II на черногорцев, принявших самозваного «Петра III», вполне объяснимы. Помимо этого, возможно, в Петербурге были осведомлены не только об уже упоминавшемся заявлении в Вене черногорских делегатов, что целью их поездки в Россию являлся разрыв отношений с нею, но и о контактах некоторых черногорских старейшин с венским двором, являвшихся следствием авантюрных планов 1777-1778 гг. о переселении части черногорцев в австрийские владения (Банат и Буковина) с последующим принятием их на военную службу¹¹⁵.

Глобальные планы о совместном выступлении не только черногорцев, но и югославян, живущих в австрийских и венецианских владениях, про-

тив любого врага России также не вызвали в Петербурге интереса, поскольку в России пока еще не задумывались вплотную о войне, а старались построить мирные отношения с той же Портой на основе выгодных условий Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Следует констатировать, что Черногория была нужна России в годы войны, в мирное же время интерес к ней ослабевал. Впрочем, ждать нового всплеска заинтересованности русского правительства в черногорцах не пришлось слишком долго.

Разочарованные делегаты по пути домой вновь остановились в австрийской столице, где снова обратились к венскому двору с предложением об установлении тесных союзнических отношений между Черногорией и австрийской империей. В Вене тогда находился бывший сподвижник Степана Малого, уроженец Боки Которской уже упоминавшийся ранее Петар Беладинович-Дзая, человек авантюрного склада. Он выступил главным инициатором и, вероятно, был соавтором письменного обращения губернатора Й. Радоница и его спутников в апреле 1779 г. к соправительнице и матери Иосифа II императрице Марии Терезии с проектом конвенции из 14 статей, которую предполагалось открыто или тайно заключить между Черногорией и Австрией¹¹⁶. В преамбуле конвенции излагалась история русско-черногорских отношений начиная с Петра Великого. Раздосадованные неудачей в Петербурге делегаты заявляли, что они устали смотреть, как черногорский народ служит лишь игрушкой для России, объявляли о формальном разрыве отношений с российским двором и от имени народа изъявляли готовность Черногории стать под защиту венского двора. Согласно предлагаемой конвенции, союзники Австрии становились автоматическими союзниками Черногории, а неприятели венского двора – ее неприятелями. В случае войны Австрии против Турции черногорцы обязывались воевать с турками не только в своих пределах, но и повсюду, «где нас счастье австрийского оружия поведет». Черногория брала на себя обязательство не вступать ни с кем в войну без одобрения венского двора, исключая вынужденную оборону от турецкой агрессии. В этом случае Австрия должна была прийти на помощь черногорцам. Если в ходе предполагаемой войны с Турцией Австрия вновь займет Сербию, Боснию и направит свои войска против Албании, то, по условиям конвенции, к Черногории должна была отойти Зетская равнина со Скадарским озером, то есть территория с городами Подгорица, Спуж и Жабляк Црноевича, утраченная Черногорией в ходе османского завоевания Балкан. В случае заключения мира между Османской империей и Австрией по его условиям венский двор должен был настоять на признании Портой независимости Черногории.

Конвенция не исключала варианта, при котором Австрия, расширяя свою территорию, сможет поглотить и Черногорию. В таком случае черногорцы желали сохранить за собой православную религию, возможность самим решать общегражданские, правовые и экономические вопросы общественной жизни. Одновременно с широкой автономией, согласно конвенции, черногорцы своей *республике* резервировали сохранение «свободы и независимости, которая нашим предкам стоила столько крови». Как намеревались черногорцы сочетать на практике автономию со свободой и независимостью и как бы к этому отнесся венский двор, трудно представить. Конвенция предусматривала финансирование австрий-

ской стороной отряда из 150 черногорцев для наведения правопорядка в стране, а также выплату ежегодного денежного жалования губернатору, митрополиту и старейшинам.

Понимая всю пагубность безграмотности народа, черногорское руководство, начиная с Василия Петровича, стремилось с помощью иностранных держав ввести в стране хотя бы элементарное школьное образование. Василий Петрович искал в этом деле помощи у русского правительства, а делегаты, идя по тому же пути, просили уже венский двор выделять 2000 флоринов ежегодно на создание и поддержание школы в Черногории. В случае осуществления этих планов черногорцы также рассчитывали, что из Австрии к ним будет прислан учитель¹¹⁷, поскольку своих в Черногории не было, исключая полуграмотных священников. Делегаты также хотели, чтобы в Черногорию за счет австрийской стороны был прислан специалист по горному делу для поиска полезных ископаемых. Эта просьба, возможно, объяснялась не только желанием черногорцев произвести геологическую разведку в своих горах, но и, в случае удачи, вызвать у австрийского правительства интерес к Черногории не только в военном, но и экономическом отношении.

Предложенная венскому двору конвенция предусматривала взятие Австрией на себя серьезных обязательств перед Черногорией, затрагивавших военные, политические, территориальные и финансовые аспекты. Представления о Черногории в Вене в то время были достаточно смутными, поэтому было принято решение отправить черногорскую делегацию домой под тем предлогом, что ведение переговоров в Вене может вызвать подозрение Порты. Одновременно было дано обещание направить в Черногорию австрийскую делегацию для изучения ситуации в стране и ведения дальнейших переговоров¹¹⁸. Это оказалось единственным результатом, достигнутым черногорской делегацией при австрийском дворе, хотя по возвращении в Черногорию Й. Радониц и его спутники заверяли народ в успехе своей миссии в Вену. В дальнейшем ни черногорская, ни австрийская стороны больше не поднимали вопрос об этой конвенции, она так и осталась «мертвым словом на бумаге».

Тем не менее Вена сдержала свое обещание и в 1781 г. направила в Черногорию делегацию из трех офицеров во главе с полковником Пауличем. По окончании миссии Паулич письменно доложил Иосифу II, что черногорцы преданны венскому двору, но вновь повернутся лицом к России, если их не взять под покровительство Австрии. Вместе с тем сам Паулич полагал, что осуществление этого в настоящее время было невозможно, поскольку австрийское покровительство навлекло бы на черногорцев гнев Турции и Венеции. Он считал, что в случае войны с турками черногорцы, как храбрые воины, более бесстрашные, чем «греки и другие народы Румелии», могли бы оказать существенную помощь австрийской армии. Однако Иосиф II счел, что никакой особой пользы Австрии Черногория не принесет ни в мирное, ни в военное время. Он распорядился выдать черногорским старейшинам одновременно 2200 дукатов, а также разрешил черногорцам, желающим поступить на австрийскую военную службу, переселиться в его владения¹¹⁹. По сути дела император поступил с черногорцами так же, как и Екатерина II в 1778 г., но только более деликатно, без грубых одергиваний и наставлений. Таким образом, каких-либо значимых положитель-

ных результатов от австро-черногорского сближения так и не последовало, что нанесло тяжелый удар по губернатору Й. Радоничу и его сторонникам, их авторитет был подорван, а Черногория оказалась в полной изоляции.

В феврале 1781 г., дожив до глубокой старости, скончался митрополит Сава. Его преемником стал многолетний помощник Савы Арсений Пламенац, после смерти которого в 1784 г. митрополичий престол занял выдающийся государственный деятель Черногории Петр I Петрович Негош (1784-1830). Новый митрополит, в отличие от подавляющего большинства своих соотечественников, был широкоэрудированным человеком. В 1764-1766 гг. он обучался в Александро-Невской лавре. Благодаря его стараниям библиотека Цетинского монастыря, располагавшая богатой коллекцией рукописей и книг, в том числе и изданными в России, постоянно пополнялась не только религиозными книгами, но и произведениями античных авторов, а также современной европейской литературой. Петр I Петрович Негош знал несколько языков, сочинял стихи, его послания к народу являются образцом не только политической мысли, но и литературного творчества. Митрополит также работал надписанием истории Черногории; часть его исторических исследований была в 1835 г. опубликована в черногорском альманахе «Грлица»¹²⁰.

В сан митрополита в октябре 1784 г. Петра I Негоша посвятил карловацкий епископ Моисей Путник, чья автокефальная с 1710 г. православная митрополия находилась в австрийских владениях¹²¹ и с которой цетинские митрополиты наряду с Россией поддерживали отношения. Во время последовавшей затем аудиенции у императора Иосифа II митрополит попытался договориться о получении от Австрии помощи боеприпасами, в которых так нуждалась Черногория. В безвозмездной помощи ему было отказано, но предложено купить порох и свинец. На это черногорский владыка не без язвительности заметил императору, что, имея деньги, он купил бы порох у самого албанского паши¹²².

Понимая всю пагубность отсутствия даже начального образования в Черногории, первое, что сделал Петр I Негош, став митрополитом, – это его попытка открыть школу для детей. В ноябре 1784 г. он обратился с просьбой к митрополиту петербургскому и новгородскому Гавриилу с просьбой о содействии в устройстве школы при Цетинском монастыре¹²³. Однако ответа из России не последовало, и митрополит своими усилиями организовал при монастыре небольшую группу учеников, обучая их чтению богослужебных книг¹²⁴.

В 1785 г. Петр I Негош вместе со своим секретарем аббатом Франческо Дольчи Вицковичем из Вены отправился в Россию. По дороге он остановился в Шклове (Белоруссия), в имении генерала русской службы, выходца из Сербии и бывшего фаворита Екатерины II С.Г. Зорича. Здесь владыка и его секретарь задержались, а в это время в Петербург на имя князя Потемкина последовал письменный донос от С. Марковича-Юговича¹²⁵, серба, находившегося на русской службе и выдававшего себя за потомка князей Юговичей. В нем Петр I Негош обвинялся в том, что, войдя в сговор с С. Зоричем и приехавшим специально из Петербурга в Шклов его младшим братом по материнской линии, генерал-майором русской службы Д.Г. Неранчицем, намеревались сообща «лгать и обманывать российский двор».

Маркович-Югович обвинял митрополита во всех мыслимых и немыслимых проступках, утверждая помимо прочего, что Петр I Негош с помощью Неранчича и Зорича рассчитывал стать членом российского Синода. Взамен митрополит должен был ходатайствовать перед российским двором и Екатериной II за Неранчича, чтобы его «сделали королем Черногории и царем сербским, а также умолил бы государыню, чтобы турок выгнали из Европы и там его утвердить на султанский престол», и т.д. и т.п. Кое-что в этом доносе могло соответствовать истине. В частности, Д.Г. Неранчич, вероятно, зная о «Греческом проекте» 1782 г. Екатерины II, вполне мог строить какие-либо свои монархические планы, но, разумеется, не такие грандиозные, простирающиеся до султанского трона, предназначенного, по мысли Екатерины II, в воссозданной независимой Греческой империи для ее младшего внука Константина. В действительности Д.Г. Неранчича интересовала Черногория, где он имел своих сторонников и правителем которой он не прочь был стать. Во всяком случае в 1785 г. в Черногории распространялись слухи о его прибытии сюда, и, по мнению российского консула в Далмации А. Палладоклиса, нападение шкодринского паши Махмуда Бушати (Бушатлия) на Черногорию, речь о чем пойдет ниже, было связано в том числе и с опасением, что черногорцы выберут Д.Г. Неранчича князем¹²⁶. Однако черногорский митрополит никак не мог содействовать Неранчичу в том, чтобы он стал «королем Черногории», хотя бы потому, что при таком раскладе он автоматически становился второстепенной фигурой в Черногории, что не могло устраивать Петра I Негоша. Вполне правдоподобно выглядит то, что митрополит мог желать стать членом Синода, что автоматически возвысило бы его в глазах черногорцев и всего православного населения Балкан. Хотя и зависеть от Синода, который мог в значительной мере подчинить себе черногорского владыку, Петр I Негош, как покажет самое ближайшее время, явно не хотел. Другие обвинения Марковича-Юговича, и, в частности, что Зорич с ведома митрополита намерен организовать печатание фальшивых денег в Черногории, являются явным наветом. Тем самым Маркович-Югович стремился придать новый виток делу 1782 г., когда поселившиеся в Шклове у Зорича авантюристы братья Премислав Марко и Ганнибал Зановичи решили поправить свои финансовые дела, ввозя фальшивые ассигнации. Для них это закончилось тюремным заключением, а князь Потемкин воспользовался возможностью и унизил бывшего фаворита в глазах императрицы¹²⁷.

Сам Петр I Негош в письме Г.А. Потемкину еще до прибытия в Петербург лишь напоминал о заслугах черногорцев в русско-турецкую войну 1768-1774 гг. и выражал желание по примеру своих предков служить российскому двору¹²⁸. Вероятно, все же донос С. Марковича-Юговича сыграл свою негативную роль, поскольку он не был удостоен официального приема у императрицы, и по предписанию обер-полицмейстера, за спиной которого стоял истинный инициатор высылки – князь Г.А. Потемкин, Петр I Негош был выслан из России.

Впрочем, одной из причин высылки митрополита мог быть и общий курс русского правительства по отношению к Черногории, в котором помимо естественной для Екатерины II неприязни, связанной со Степаном Малым, было нежелание вплотную и активно заниматься проблемами

страны, которая пока еще не представляла значительного интереса для российского правительства. К тому же присоединение в 1783 г. Крыма к России и одновременно последовавший Георгиевский трактат с Грузией создали крайне напряженную обстановку в русско-турецких отношениях. Их еще большее обострение в случае какой-либо активизации политики России по отношению именно к Черногории, единственной в то время стране на Балканах, практически всегда готовой к антитурецкой борьбе, не могло быть пока приемлемым для русского правительства. Закрепление позиции в Крыму, на Черном море и в Закавказье – вот что было главным для России. Для балканского региона пока еще не наступило время.

Официально Петру I Негошу было предъявлено обвинение в том, что он стал митрополитом без согласия Синода. В письме из Минска от 6 (17) декабря 1785 г., адресованном в Коллегию иностранных дел, митрополит выразил негодование по поводу поведения князя Потемкина и несогласие с таким обвинением. «Странно слышать такое, как это мне, человеку свободному, не быть архиереем без согласия Синода, – писал он. – Разве они не знают, что власть русского Синода не выходит за пределы русского государства...». Одновременно он также отвергал власть Вселенского патриарха в Константинополе над православной церковью в Черногории и ее архиереями, подчеркивая тем самым независимость черногорской церкви¹²⁹. Раздосадованный и разгневанный митрополит также заявил, что покуда он жив, его ноги не будет в России. Надо сказать, что слово свое он сдержал, хотя вся его дальнейшая жизнь и политика будет тесно связана именно с Россией. В черногорской литературе как прошлого века, так и новейшей существует устойчивая точка зрения, что истинная причина изгнания Петра I Негоша из России заключалась в том, что согласно так называемому «Греческому проекту», одним из творцов которого был князь Потемкин, Черногория попадала в сферу влияния Австрии¹³⁰.

Надо сказать, что «Греческий проект», безусловно, не во всем, но в известной мере стал одним из дипломатических маневров петербургского двора, который помог обезвредить Австрию в период подготовки присоединения к России Крыма. Как известно, основной его идеей было воссоздание Греческой (Восточной) империи, образование независимой Дакии в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии – эти два государства должны были находиться в сфере политического влияния России – и раздел части владений Османской империи. Австрийский император Иосиф II претендовал на присоединение части Валахии, на венецианские владения – Истрию и Далмацию, боснийские и сербские земли, включая Белград и другие территории¹³¹. О маленькой Черногории в материалах, связанных с «Греческим проектом», не упоминалось. Судьба ее тогда не привлекала внимание ни русской, ни австрийской сторон. Собственно говоря, Австрия в 1791 г. по условиям Систовского мира без каких-либо колебаний и претензий причислила черногорцев к подданным Османской империи. От себя добавим, что таких воинственных и свободолюбивых подопечных Австрия могла принять только в качестве наказания. В секретной декларации о союзе между Россией и Австрией (декабрь 1794 – январь 1795 г.) отмечалось, что в случае общей войны двух держав с Турцией начертанный в переписке Екатерины II и Иосифа II план должен быть исполнен «на-

сколько позволят обстоятельства»¹³². Однако «Греческий проект» явно не соответствовал сложившейся геостратегической ситуации. Это понимала и сама Екатерина II. В разговоре со своим статс-секретарем А.В. Храповицким, рассуждая о будущности греков, императрица отмечала: «Их можно оживить. Константин мальчик хорош; он через 30 лет из Севастополя проедет в Царьград»¹³³. Екатерина II с мечтой «о великой греческой идее» заглядывала слишком далеко, на 30 лет вперед. Но политические события в Европе при ее преемниках породили новые подходы к судьбе Османской империи, и «Греческий проект» угас сам по себе. Территориальные изменения в этом регионе Балкан в пользу Австрии произойдут лишь в 1797 г., после падения под ударами Бонапарта Венецианской республики, но они не коснутся Черногории и никак не будут связаны с «Греческим проектом».

Заметим, что на практике правительство Екатерины II несмотря на временные осложнения не отказывалось от активной политики в Черногории, проявляло заинтересованность в поддержании там своего влияния. Это наглядно проявилось в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Так, например, главнокомандующий русской армией и флотом в годы войны Г.А. Потемкин пытался склонить губернатора Й. Радоница придерживаться прорусской ориентации, а тот в свою очередь обещал ему не отступать в дальнейшем от преданности петербургскому двору¹³⁴.

В феврале 1791 г. В.С. Томара сообщал из Вены о встрече с черногорской делегацией, прибывшей туда из-за слухов о заключении мира между Турцией и Австрией. В.С. Томара писал: «Они (черногорцы. – Ю.А.) просили в рассуждении некоторых раздоров между ними послать к ним начальника, в чем я им отказал, а обещал... послать человека, которого они могут принять как друга и брата». Далее Томара просил черногорцев информировать его о своих делах и обещал поддерживать «с сим народом сообщение»¹³⁵. Можно полагать, что такой видный дипломат, как В.С. Томара, будущий посланник в Константинополе, не рискнул бы вести переговоры с черногорцами и тем более давать им обнадеживающие обещания, если бы не был уверен, что его переговоры будут восприняты положительно российским двором или князем Потемкиным, которому и было адресовано это письмо.

Пока митрополит находился в России, Черногория подверглась нападению со стороны Северной Албании. Она была атакована войсками шкодринского паши Махмуда Бушати, который причислял себя к потомкам принявшего ислам сына владельца средневековой Зеты Ивана Црноевича (1465-1490) и на этом основании претендовал на черногорскую территорию. Черногория долгое время, с согласия Порты, административно относилась к Шкодринскому пашалыку, который уже с 60-х гг. XVIII в. лишь номинально подчинялся империи, а фактически им управлял род Бушати. Появление сепаратистских тенденций было обусловлено ослаблением центральной власти, разложением военно-ленной системы, что подрывало экономическое положение Порты. Почти по всей империи происходили выступления мятежных пашей, янычаров. Балканский полуостров в этом плане не был исключением, а скорее являл собой пример. Наместником султана в Южной Албании и Эпире был Али-паша Янинский, чья зависимость от султана была весьма эфемерной. «Али-Паша помощью албанцев сделался независим, он повинуется султану только тогда, когда хочет, и

задавил уже несколько добрых чаушей, которые приносили к нему золотой шнурок Повелителя Правоверных»¹³⁶. Подобным властителем был и Махмуд-паша Бушати, правитель Северной Албании. Это был типичный восточный деспот, для которого его воля – закон. Махмуд-паша пришел к власти в 1775 году после смерти его отца Мехмеда-паши, отравленного по тайному приказу Порты, и вначале султан, опасаясь окончательно потерять свое влияние в Северной Албании, не хотел оставлять шкодринский пашалык за семьей Бушати, но в конце концов должен был смириться с этим. Махмуд Бушати сумел завоевать авторитет и популярность среди населения. Он энергично боролся против злоупотреблений со стороны османской администрации при сборах налогов, закрыл границы Шкодринского пашалыка для султанских сборщиков харача и преследовал их в соседних пашалыках¹³⁷.

Утвердившись во власти, Махмуд Бушати начал активизировать агрессивную политику по отношению к Черногории. В июне 1785 г. он самовольно, без согласия Порты, предпринял военный поход против Черногории, потребовал перед этим уплаты черногорцами дани за прошедшие 15 лет и выдачи заложников, но получил отказ¹³⁸. Войска Бушати насчитывали 18 тысяч человек (брат Махмуда-паши Ахмет-паша возглавил 6-тысячное войско, 12-тысячным корпусом командовал сам Махмуд-паша), а черногорцы смогли выставить 2,5 тысячи, их возглавлял губернатор Й. Радонич¹³⁹. И без того критическую ситуацию усугубило и то обстоятельство, что часть черногорцев, среди которых были старейшины Риечской и Лешанской нахий, а также брдяне, заранее запуганные и подкупленные Бушати, перешли на его сторону¹⁴⁰. Вполне понятно, что черногорцы не сумели оказать врагу должного отпора, хотя ожесточенное сопротивление его войскам оказали, например, жители селений Цуци и Чева (Катунская нахия), где 500 черногорцев с помощью соседей заставили отступить войска брата шкодринского паши¹⁴¹. Войска Махмуда Бушати захватили Цетинье, сожгли монастырь. Это было в четвертый раз за всю историю монастыря. В залог уплаты дани взяли заложников, вся церковная утварь Цетинского монастыря была захвачена. Черногорцы вынуждены были подчиниться Бушати, согласиться на выплату ему дани, в том числе и за прошедшие годы, которая не пошла в Стамбул и осела в его казне, а часть черногорцев в качестве наемников поступила к Бушати на службу с обязательством воевать на его стороне¹⁴².

Губернатор Й. Радонич, видя, что многие черногорцы вопреки клятве и общей присяге покорились Махмуду Бушати, сам сжег свой дом и «удалился к вышним горам», тем более что за него и сердара И. Петровича, живых или мертвых, Махмуд Бушати объявил награду¹⁴³. Черногорцы были подавлены происшедшими событиями. К консулу в Далмации А. Палладоклису тайно приходили сердар И. Петрович и его племянник с жалобой на своих соотечественников, покорившихся шкодринскому паше, и просили российского дипломата оказать содействие в переселении в Крым¹⁴⁴. А. Палладоклис встречался также с губернатором Й. Радоничем, просившим уведомить Петербург, что если Россия захочет использовать черногорцев в возможной войне против Турции, то черногорцы согласны принять в ней участие. Он только просил снабдить их заблаговременно оружием и боеприпасами.

Если обстоятельства не позволят осуществить задуманное, то Й. Радонич с другими черногорцами хотел бы переселиться в Россию¹⁴⁵.

Обратный путь Махмуд-паша проделал через венецианские владения, заверив власти Приморья, что пройдет мирно, не причинив никакого ущерба венецианским подданным. Однако все это оказалось ложью вероломного паши. Как достоверно проинформировал российского консула в Далмации А. Палладоклиса капо ди маре (градоначальник) Кагельново Контаруки, Махмуд-паша, поделив свое войско на три части, велел передовому отряду продвигаться «оказывая всякую ласку», а два других напали на славянское племя Паштровичей (от лат. *pastor* – пастух). Перед самым нападением Махмуд Бушати пригласил «на слово» к себе несколько влиятельных паштровичан, пришедших к нему как к гостю с подарками. Однако вероломный паша приказал тут же их убить. Услыша это, православный священник Раде Андриевич, вынув из-за пазухи «маленький пистолет», попытался выстрелить в Махмуда Бушати, но его оружие дало осечку. Его примеру последовал родственник священника, но Бушати прикрыл поплатившийся за это жизнью его дядя.

Затем войска Махмуда Бушати обрушились всей силой на паштровичан, убив 102 человека, не считая детей и женщин. Паштровичане оказали мужественное сопротивление и убили 80 турок, из них 7 «из фамилии или крови пашинской». Кроме того было убито около 300 албанцев, большей частью христиан, «поневоле с ним в поход пошедших». Все же силы были неравны, и некоторые паштровичане, среди которых были женщины и дети, бросались в море, пытаясь доплыть до стоявшей поблизости венецианской галеры. Вместо того чтобы открыть огонь по войскам Бушати и попытаться спасти своих сограждан, капитан галеры «остался в молчании». Паштровичане понесли колоссальный урон. Были сожжены дома, опустошены поля и сады. По приказу Бушати были разграблены церкви и монастыри, а один сожжен. Однако Махмуд-паша не тронул монастырь Св. Прасковьи, настоятель которого был недавно вернувшийся из России архимандрит Сава, ибо, по словам Контаруки, «сей монастырь почитается под покровительством России»¹⁴⁶. Надо сказать, что, пощадив этот монастырь, шкодринский паша перед этим не пожалел Цетинский монастырь, хотя он также находился под российским покровительством и на его воротах, по свидетельству албанского воина из войск Бушати, был московский герб¹⁴⁷. Однако пройдет совсем немного времени и русско-североалбанские отношения приобретут новые очертания, импульс которым придаст русско-турецкая война 1787-1791 гг.

Все попытки венецианского сената добиться от Порты хотя бы возмещения ущерба паштровичанам от бесчинств Махмуда Бушати закончились безрезультатно. Более того, Порта, ссылаясь на объяснения самого Бушати, заявила, что паштровичане первыми напали на войска шкодринского паши и те были вынуждены обороняться. Однако на этом беды и несчастья паштровичан не закончились. Черногорцы из Црмницкой нахии, издавна враждовавшие с паштровичанами из-за пастбищ и водоемов, воспользовавшись случаем, напали на Паштровичи, окончательно их разграбив и разорив, тем самым завершив то, что не успел Махмуд Бушати¹⁴⁸.

Поражение 1785 года подорвало и без того слабое единство среди черногорцев, но вместе с тем показало, что только общими усилиями, объ-

единив все племена и нахии, можно избавиться от столь грозного врага. Вернувшись из России в феврале 1786 года, Петр I Негош застал разоренную Цетинскую обитель. Кроме того, в Черногории выдался неурожайный год, и голодная смерть унесла около 700 жизней¹⁴⁹. На состоявшемся вскоре Общечерногорском зборе мирополит, обращаясь к черногорцам, с гневом говорил: «Ваши споры, ваша вражда, ваша зависть и ненависть, ваше самолюбие и мщение погубили вас. Посмотрите: всюду разорение, сожженные дома, церкви и монастыри – древние памятники ваших славных предков»¹⁵⁰.

Победа над черногорцами усилила влияние Махмуда Бушати в соседних областях. Спеша воспользоваться ее плодами, он задумал подчинить себе Среднюю и Южную Албанию, но здесь его интересы вошли в противоречие с интересами Порты, не желавшей усиления непокорного паши. В конце 1785 г. султан объявил Бушати вне закона и предписал Румелийскому беглербею (номинально в состав Румелийского беглербейства входили почти все балканские земли) схватить мятежного пашу и отправить в Стамбул¹⁵¹. По свидетельству А. Палладоклиса, в 1786 г. Махмуд Бушати отправил к покорившимся ему черногорцам порох, оружие и боеприпасы, и продвинул свои войска для нападения на остальных черногорцев. Однако прибывший на место событий Петр I Негош сумел настроить всех черногорцев, как покорившихся паше, так и непримиримых, вновь объединиться и опять всем ополчиться против Махмуда Бушати¹⁵².

Вооруженная борьба между султаном и Махмудом-пашой достигла критической точки в 1787 г. Русский посланник в Константинополе Я.И. Булгаков сообщал о шкодринском паше, что Порта в своих фирманах, отправляемых на Балканы, именует его «бунтовщиком Махмудом»¹⁵³. Осенью 1787 г. войска султана осадили последний оплот паши - шкодринский замок Розафат, расположенный в городской черте на высокой горе, который защищало всего около 400 воинов. Казалось, Махмуду Бушати не избежать смерти или плена. Тем более что теперь в глазах Порты он был не просто бунтовщиком, но и уже «возмутителем со стороны российской»¹⁵⁴. Однако вспыхнувшее из-за грабежей и бесчинств турок в конце ноября 1787 г. восстание, в котором главную роль играли горожане Шкодры (в их числе было немало христиан), в корне изменило обстановку. Осаждающие войска были разбиты. Имеются сведения об активном участии черногорцев в этом восстании. Об этом сообщал русский консул в Триесте С. Варука¹⁵⁵. Консул на Корфу Л. Бенаки информировал о том, что Махмуд Бушати победил осаждающие его войска при помощи черногорцев, «кои забыв вражду и прежние раздоры» ему очень помогли¹⁵⁶.

В конце 80-х гг. XVIII в. в Европе произошли важные события, получившие отклик и на Балканах. Вспыхнула русско-турецкая война 1787-1791 гг. В войне 1787-1791 гг. Австрия была союзницей России, и балканскому театру военных действий отводилось важное место в русских и австрийских военных планах. Вена пыталась привлечь к борьбе с турками шкодринского пашу Махмуда Бушати, зная, что он лишь номинально подчиняется Порте. При этом русским и австрийским правительствами был разработан масштабный план привлечения объединенных сил Черногории и Северной Албании к антитурецкой коалиции.

О том, что такой союз, казалось бы, непримиримых врагов, черногорцы почти постоянно находились в состоянии вооруженной конфронтации

с Северной Албанией, желателен и реален, информировали официальный Петербург многие российские дипломаты. Возможно, эта мысль оформилась под влиянием А. Палладоклиса, предлагавшего осуществить этот вариант еще во время своего пребывания в России¹⁵⁷. Вместе с тем Махмуд-паша желал сближения и с Россией. Об этом, напоминая князю Потемкину, еще в 1783 г. извещал тот же А. Палладоклис¹⁵⁸. Вероятность такого союза допускал и уже упоминавшийся генерал-майор Д.Г. Неранчич¹⁵⁹. Екатерина II с горячностью ухватилась за эту идею и отдала повеление ускорить контакты с Махмудом-пашой через консулов в Венеции и Триесте¹⁶⁰. В Петербурге понимали, что вовлечение в антиосманскую борьбу шкодринского паши лишит Порту военных ресурсов Северной Албании, а объединенные черногорско-албанские силы могли бы составить до 60 тысяч человек, из которых на черногорцев приходилось до 20 тысяч¹⁶¹. В конце 1787 г. Махмуд Бушати вновь взбунтовался против султана.

Еще до получения информации об этом мятеже вице-канцлер И.А. Остерман поручил послу в Венеции А.С. Мордвинову установить связь с албанским пашой в целях активизации борьбы против Порты и привлечения на свою сторону черногорцев¹⁶². Для ведения переговоров свою кандидатуру предлагал генеральный консул в Корфу Л.П. Бенаки¹⁶³, однако решено было использовать драгомана посольства в Венеции И.(Дж.) Оливьери. В марте 1788 г. Оливьери отбыл из Венеции в Черногорию, имея при себе письма А.С. Мордвинова к Петру I Негошу и Махмуду Бушати. В письме к митрополиту А.С. Мордвинов призывал черногорцев к военному союзу с Россией и обещал помощь со стороны русского флота, направляемого в Средиземное море¹⁶⁴. В ответном письме владыка заверял, что черногорцы готовы следовать за Россией, и просил лишь прислать русских офицеров с продовольствием и боеприпасами¹⁶⁵. Сходным по смыслу было письмо Мордвинова и для шкодринского паши. В самом начале мая 1788 г. А.С. Мордвинов заверял Петра I Негоша, что российская сторона готова предоставить черногорцам все что они пожелают и даже более того¹⁶⁶.

Проезжая через Далмацию, Оливьери познакомился с доверенным лицом Бушати, монахом-францисканцем Эразмом Франкини ди Баньо, и под строжайшим секретом открыл ему свое поручение, прося проинформировать обо всем Махмуда-пашу. В начале апреля 1788 г. отец Эразм сообщил из Шкодры, что паша с удовольствием принял предложение русского правительства, но не будет предпринимать какие-либо шаги, пока не обезопасится от своих врагов¹⁶⁷. Следует отметить, что в Шкодринском пашалыке не было единого мнения по поводу дальнейших отношений с Портой. Католическое население горных районов было готово к борьбе с турками, а торгово-ремесленное население Шкодры колебалось и склонялось к соглашению с султаном. Перспектива союза Бушати с христианскими державами пугала многих албанских феодалов-мусульман, они добивались мира с султаном любой ценой. Шкодринский паша решительно расправился с политическими противниками, приказав «отрубить головы двенадцати скутарским приматам», между которыми находились и его ближайшие родственники¹⁶⁸.

Вскоре А.С. Мордвинов сообщал в Петербург о готовности Махмуда-паши воевать в союзе с христианскими державами «и тем паче с нами»¹⁶⁹. Бушати торопил И. Оливьери с приездом в Шкодру, желая обговорить все

условия предстоящего соглашения. Ввиду болезни Оливьери туда был направлен находившийся в Черногории, в Станевичах, другой российский эмиссар, майор Сава Миркович. Переговоры продолжались три дня и проходили в напряженной для Бушати обстановке с «препятствием многих господ, всюду за ним следующих»¹⁷⁰. Они завершились выработкой проекта соглашения с Россией шкодринского пашы, который выражал полную готовность воевать с Турцией независимо от того, будет ли он прощен султаном или нет. Для успешного ведения дела Махмуд Бушати просил, кроме 60 тысяч червонных для подкупа соседних албанских пашей, выделить в его распоряжение отряд из шести русских линейных кораблей и нескольких вспомогательных судов для поддержания планируемых военно-морских операций в районе портовых городов Дураццо (Драч) и Валона, призванных устрашить соседних албанских правителей, заставив их «предаться России на договоре».¹⁷¹ Взамен шкодринский паша обещал после выполнения его условий собрать свои сухопутные силы, овладеть всей Албанией и Македонией и «внести мое оружие в самой Салоник и Монастырь», тем самым открыв русским войскам путь в Константинополь, а флоту завладеть Мореей. Махмуд-паша просил о переходе всех завоеванных им земель под покровительство России при условии сохранения мусульманской религии, как то разрешено в Крыму и других российских провинциях¹⁷². Демонстрируя свою преданность России, Махмуд Бушати заявлял, что деньги понадобятся ему только при появлении русского флота в акватории Дураццо и когда местные пашы «поставят печати свои и подписи», а также изъявлял готовность выделить 12 тысяч своих христиан в помощь российским войскам¹⁷³. В Петербурге заранее знали о честолюбивых замыслах Махмуда Бушати, поэтому Г.А. Потемкин, направляя для переговоров с ним майора Мавромихайли, который от имени императрицы заверял пашу, что если Екатерина II увидит содействие в его действиях против турок, то признает его «государем Албании и прочих земель, кои он завоюет»¹⁷⁴. Однако, когда Мавромихайли прибыл в Черногорию, он был тотчас отправлен И. Оливьери обратно, поскольку Оливьери запретил ему вести переговоры с Махмудом Бушати¹⁷⁵. Вероятно, это было вызвано тем, что в число земель, на которые претендовал Бушати, со временем могла попасть и пока еще союзная ему Черногория, на которую он ранее уже претендовал и в 1785 г. подверг опустошительному набегу. Возможно, именно это обстоятельство позволило российскому дипломату не побояться гнева всемогущего князя и прервать нежелательный визит его посланца. На то, что следует предотвращать конфликты между союзниками, не позволять им истреблять друг друга, Екатерина II обращала внимание назначенного командующим русскими войсками и флотом в Средиземном море генерал-лейтенанта И.А. Заборовского. Хотя при этом императрица в большей степени опасалась агрессивного поведения со стороны черногорцев, нежели Махмуда Бушати¹⁷⁶.

Сложно понять подлинные мотивы, которыми руководствовался Махмуд, ведя переговоры. С. Миркович полагал, что паша был искренним, поскольку и его спасение требовало объединения с Россией¹⁷⁷. Возможно и то, что он вел сложную политическую интригу, направленную на примирение с Портой, и переговоры с Россией рассматривал как спасительную лазейку в случае неудачи переговоров с султаном. Вероятно все-таки, что Бушати,

начиная переговоры, был искренне заинтересован в союзе с Россией. Он, видимо, понимал, что Порты, несмотря на то, что она время от времени была вынуждена прощать его, не будет этого делать до бесконечности и рано или поздно попытается расправиться с ним окончательно. К тому же значительная часть его войска состояла из христиан, которые поддерживали бы его ориентацию на Россию и Австрию.

Черногорцы были в курсе содержания переговоров с Бушати. Но обе стороны относились друг к другу с недоверием. И. Оливьери сообщал, что черногорцы ни на что не пойдут без согласия со стороны пашы¹⁷⁸. В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Петр I Негош дважды лично встречался с пашой, и переговоры прошли удачно, Махмуд-паша заверял митрополита в готовности воевать с Россией против Оттоманской Порты¹⁷⁹. Пророссийские настроения у Махмуда Бушати активно поддерживали его приближенное и доверенное лицо Мурат-ага Аджеми, уже упоминавшийся монах-францисканец Франкини ди Баньо и уроженец Шкодры, одновременно венецианский консул при Махмуде-паше Иаков Сума, родом из влиятельной католической семьи, действовавший в этом случае втайне от венецианских властей¹⁸⁰.

Союзники, Россия и Австрия, понимали, что успех задуманного во многом зависит от обеспечения черногорцев оружием, боеприпасами и продовольствием (Шкодра, в отличие от черногорцев, не испытывала в этом нужды). В силу географической близости снабжение удобнее было осуществлять австрийцам. Однако для этого следовало заручиться поддержкой Венеции, далматинское побережье которой было наиболее удобным пунктом для переправки всего необходимого в Черногорию. Австрийцы в конце концов сумели осуществить это, но не без потерь. В условиях войны Венецианская республика придерживалась политики нейтралитета и старалась избежать использования своей территории и прибрежных вод какой-либо из воюющих сторон. Поэтому венецианский галерный флот расположился в районе Будвы для пресечения сообщения между австрийцами и черногорцами. Две попытки австрийцев произвести выгрузку с судов солдат для отправки их в Черногорию закончились безрезультатно. Причем в перестрелке с венецианцами погибли австрийские военнослужащие¹⁸¹. Такая ситуация не могла устроить союзников и в первую очередь Австрию. Вероятно, не без ее скрытого нажима Венецианская республика распорядилась не препятствовать высадкам австрийцев в Приморье. После этого в Черногорию было доставлено достаточное количество оружия и боеприпасов. Образовался даже излишек запасов, и часть ружей была возвращена австрийцам¹⁸². Со стороны России стараниями российского эмиссара М.К. Ивелича из Триеста в Черногорию было доставлено 40000 кулей «сарацинского» пшена (риса)¹⁸³.

Черногорцы и шкодринский паша с нетерпением ждали известий об отплытии из России морской эскадры. Намеченная средиземноморская экспедиция Балтийской эскадры тщательно готовилась. Балтийская военная эскадра из 15 линейных кораблей и 6 фрегатов должна была войти в Средиземное море для разгрома там турецкого флота, что облегчило бы операции русского флота в Черном море. Затем блокировать Босфор и Дарданеллы и высадить десант в Стамбуле. Экспедиция в Средиземное море

была тесно увязана с планом восстания православных славян на Балканах, и в первую очередь черногорцев, а также албанцев и греков против Османской империи¹⁸⁴. Екатерина II хотела, чтобы, как и в прошлую русско-турецкую войну, флот возглавили братья Алексей и Федор Орловы. Имена Орловых были широко известны среди греков и славян, а туркам была памятна Чесма. Императрица справедливо полагала, что их имена прибавят «вес и меру морского вооружения». После отказа А.Г. Орлова командование было поручено С.К. Грейгу. Подготовить встречу русского флота и организовать набор добровольцев на русскую службу должен был командированный в Триест генерал-лейтенант И.А. Заборовский. Вена старалась содействовать его миссии. Губернатору Триеста было дано предписание о дозволении австрийским шкиперам поступать на русскую службу¹⁸⁵. Еще находясь в Петербурге, И.А. Заборовский известил Петра I Негоша о готовности направить русскую эскадру в Средиземное море и о посылке в Черногорию подполковника Тутолмина и премьер-майора Драшковича с целью разузнать, что необходимо черногорцам для боевых действий против турок. Одновременно российские эмиссары везли черногорскому митрополиту в качестве подарка от императрицы драгоценную панагию как знак благословения на начало «храбрых и витезских дел»¹⁸⁶.

Военная кампания 1788 г. складывалась для союзников неудачно. Русские войска безуспешно осаждали Очаков, австрийцы тщетно пытались взять Хотин. Поэтому Австрия и Россия были крайне заинтересованы в нанесении объединенными силами албанцев и черногорцев чувствительного удара по турецким силам в тылу османских владений. Вена просила русский двор содействовать организации диверсии черногорцев и албанцев в Боснию, и вице-канцлер И.А. Остерман солидаризировался в этом с австрийцами¹⁸⁷.

С начала 1788 г. в Черногории, в Цетинье, находилась австрийская военная делегация, возглавлявшаяся майором Ф. Вукасовичем и капитаном Л. Пернетом, и 400 солдат. Австрийцы доставили 100000 дукатов, оружие, боеприпасы и продовольствие, а также грамоту императора Иосифа II к черногорцам с призывом воевать против турок и уверением, что за это им будет оказано постоянное покровительство со стороны венского двора¹⁸⁸. Однако, как замечал И. Оливьери, черногорцы не пожелали присягать австрийскому императору, и все ожидали помощи от России¹⁸⁹. Взаимоотношения между русскими и австрийскими представителями в Черногории складывались не лучшим образом. Австрийские офицеры вступили в конфликт с С. Мирковичем во время его пребывания в Черногории, жаловались в Вену, что тот нелестно отзывался об Австрии и настраивал черногорцев против австрийцев. Схожие обвинения были ими выдвинуты и против русского консула в Пизе Г. Мильковича, также посетившего Черногорию. Об этом конфликте через австрийского представителя при русской армии принца де Линя узнал Потемкин. Де Линь просил князя направить в Черногорию дополнительные инструкции российским эмиссарам¹⁹⁰.

Российская дипломатия не меньше австрийской была заинтересована в ликвидации трений между австрийцами и черногорцами, часто возникших по самым разным причинам. Грубость и высокомерие австрийцев отмечал И. Оливьери. Так, один из австрийских офицеров избил священника, племянника митрополита, только за то, что тот не снял перед ним

клубук¹⁹¹. Поведение членов австрийской миссии вызывало недовольство Петра I Негоша и некоторых старейшин, но митрополит был вынужден терпеть эти выходки, опасаясь кровопролития¹⁹². Австрийская миссия не могла найти достаточной опоры среди черногорцев. А.С. Мордвинов был прав, когда утверждал, что австрийские офицеры не терпели С. Мирковича «от зависти их видеть себя малоуспевающими в порученном им деле»¹⁹³. К аналогичному выводу пришел и австрийский вице-канцлер Ф. Кобенцль, объяснявший негодование и жалобы австрийских эмиссаров их незначительными успехами. Вице-канцлер считал, что причина недоброжелательности черногорцев к австрийцам была лишь следствием привязанности черногорцев к России¹⁹⁴. О том, что дело обстояло именно так, свидетельствуют конкретные факты, приводимые С. Мирковичем. Так, на его вопрос к черногорцам, примут ли они у себя генерала Зорича, будто бы направлявшегося к ним, либо других российских офицеров, они единогласно отвечали, что примут: «Ибо церкви, монастыри и прочия церковные здания, украшение, утвари и книги – все российским иждивением создано и от России имеем, коей издревле предки наши присягали». Черногорцы изъявляли готовность повиноваться даже любому российскому солдату, присланному с запиской от «благочестивой царицы», чем «самому первому цесарскому офицеру»¹⁹⁵. При этом финансовые затраты, понесенные тогда российской стороной для поддержки черногорцев, были минимальными, существенно отличаясь от австрийских.

Махмуд-паша обусловил свое выступление прибытием в эти края российского флота. Однако Вена, военные дела которой складывались далеко не блестяще, торопила события. Ф. Вукасович получил повеление выступить против турок с одним корпусом черногорцев. Он заверял австрийское правительство в готовности черногорцев к походу, но те медлили, ожидая инструкций от русской военной миссии, направленной в Черногорию. Конфликты и трения между австрийцами и черногорцами были бы в конечном итоге все же преодолены, если бы внезапно не произошло трагическое событие, спутавшее все планы союзников.

В июне 1788 г. Иосиф II направил к Махмуду Бушати своего личного представителя кавалера де Броньяра, в миссию которого входила задача убедить пашу выступить на боснийский театр военных действий и тем самым помочь австрийской армии. Переговоры проходили удачно. Махмуд-паша заверил, что он будет помогать России и Австрии. Был выработан вариант совместных действий австрийцев, албанцев и черногорцев. Обнадеженные австрийцы отправились в Черногорию, но подверглись неожиданному нападению со стороны враждебных паше албанцев и были убиты. Среди убитых был де Броньяр, Л. Пернет, поручик Сенсплук и один черногорец. Их отрубленные головы были доставлены Махмуду-паше, а затем были отправлены по его распоряжению в Стамбул к султану. Остается неясным, произошло ли это убийство с ведома Махмуда Бушати или явилось следствием заговора протурецкой группировки шкодринского пашалька. Консул А. Палладоклис, проводивший специальное расследование причин гибели австрийских делегатов, ссылаясь на сведения, полученные им от шкодринских купцов, сообщал, что убийство произошло без ведома паши. Его совершил некий Метикул и шесть его сторонников из числа

людей, «которые к паше не усердны». Взяв себе в помощь 16 слуг, они напали и перебили австрийцев, переодетых «в skutарское платье». Поначалу Махмуд-паша хотел казнить убийц и даже сжег их дома, но те успели сбежать и укрыться¹⁹⁶. Однако в письме к некоему Ахмет-бею Махмуд-паша утверждал, что австрийские делегаты были убиты по его приказу, «ибо через сие надеюсь получить свое спасение»¹⁹⁷. Было ли это правдой или Махмуд Бушати, понимая, что содеянного не исправишь, пытался хотя бы извлечь из этого пользу для попытки примирения с Портой, неясно. Убийство австрийских офицеров накалило обстановку в Шкодре, возмущенное христианское население было готово к открытому бунту против паши и ожидало только прибытия русского флота¹⁹⁸.

После убийства членов австрийской миссии, независимо от того, произошло оно по приказу паши или без его ведома, Махмуду Бушати не оставалось ничего другого, как искать примирения с Портой, ибо он понимал, что Австрия не простит ему гибели своих представителей. Махмуд-паша разослал в черногорские нахии письма, призывающие к расправе с австрийцами. Он обещал 5 тысяч червонцев за голову Ф. Вукасовича, в свою очередь австрийский офицер предлагал заплатить вдвое больше за голову паши¹⁹⁹.

В это время в Черногорию прибыла русская военная миссия в составе подполковника М.К. Ивелича, подполковника Тутолмина и премьер-майора Драшковича. Еще совсем недавно в Петербурге рассматривалось предложение венского двора организовать с помощью российских эмиссаров совместную диверсию войск Махмуда Бушати и черногорцев в Боснию²⁰⁰, но теперь обстоятельства круто изменились. Подполковник Тутолмин огласил на Общечерногорском зборе грамоту Екатерины II от 14 (25) марта 1788 г., призывавшую черногорцев на борьбу против Порты. В задачу М.К. Ивелича входило поднять на антитурецкую борьбу не только черногорцев, но и население близлежащих областей. Первоначальная идея привлечь к этой борьбе Махмуда Бушати теперь отпадала.

Русские делегаты теперь все более разочаровывались в австрийцах. И. Оливьери считал их виновниками провала переговоров с Махмудом-пашой²⁰¹. Тутолмин видел мало пользы от пребывания австрийцев в Черногории. Русские эмиссары критиковали австрийцев и Петра I Негоша за преждевременное выступление против Махмуда-паши. Возможно, у русской дипломатии еще некоторое время была надежда наладить отношения со шкодринским пашой. Так, А.С. Мордвинов, узнав о гибели австрийцев, во все не предлагал разорвать контакты с Махмудом Бушати, а призывал их ограничить, свести к минимуму из-за опасения нанести вред паше в сложившейся ситуации²⁰². Однако начавшиеся вскоре по инициативе австрийцев их совместные с черногорцами боевые действия против Махмуда Бушати и переговоры паши с Портой об очередном прощении перечеркнули эту надежду, если, разумеется, она была.

Военные действия черногорцев, к которым примкнула часть племен Брды, не принесли успеха. Они велись в районе городов Подгорицы, Жабляка Црноевича, Спужа. А.С. Мордвинов, ссылаясь на французского поверенного в Венеции, сообщал, что в сражении под Спужем участвовало 300 австрийских солдат и 800 черногорцев. Против них был двинут 2-тысячный вражеский корпус Махмуда Бушати. В этой ситуации черногорцы покину-

ли поле боя, а вслед за ними вынуждены были отступить и австрийцы²⁰³. После ряда военных неудач еще более усилилась неприязнь черногорцев к австрийским военным, которые, опасаясь за свою жизнь, бежали из Черногории и укрылись в венецианских владениях. По информации консулов А. Джики и А. Палладоклиса, их безуспешно преследовало 600 черногорцев, которым удалось только захватить в плен одного отставшего солдата и лекаря. За последнего черногорцы потребовали выкуп в 2 тысячи червонцев, но в конце концов согласились и на 60 червонцев²⁰⁴. Ф. Вукасович вместе с австрийцами из Котора на судах отбыл в Задар, оставив черногорцев в «великом волнении», поскольку те все еще надеялись на возвращение австрийцев, чтобы побудить черногорцев к нападениям на турецкие владения²⁰⁵.

Вскоре и русская военная миссия по настоянию Вены, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию. По правде говоря, ни русская, ни австрийская делегации не оправдали надежд черногорцев, а совместные неудачные военные действия черногорцев и австрийцев против Махмуда Бушати могли вызвать месть шкодринского паши. Однако несомненно и то, что своим присутствием русская миссия упрочила положение митрополита, придерживавшегося русской ориентации, и подорвала авторитет губернатора Й. Радонича, сторонника Австрии. В письме Екатерине II Й. Радониц и его окружение, видя усиление позиций митрополита, просили прислать к ним С. Юговича-Марковича и жаловались, что пребывавшие до этого эмиссары русского двора «пребывали мало время между нами и зачали хулить нас бесчестно»²⁰⁶. Несомненно, что негативное отношение российских эмиссаров распространялось только на губернатора и его сторонников, так как в этот приезд М.К. Ивелича в Черногорию между ним и митрополитом сложились хорошие отношения и Ивелич отмечал преданность Петра I Негоша России²⁰⁷.

В свою очередь М.К. Ивелич, посланный «по секрету» с манифестами Екатерины II для организации антитурецкого восстания в Албании, Черногории и Герцеговине, направился из Черногории на свою малую родину, в расположенный на побережье Которского залива г.Рисан, находившийся тогда еще в здешних венецианских владениях, с целью склонить герцеговинцев на сторону России. Прибывшие к нему герцеговинские «главары» присягнули России, дав при этом клятву и «обязательные письма». С их помощью в сентябре 1788 г. Ивеличу удалось набрать 1200 человек вооруженных герцеговинцев, готовых, как первоначально замышлялось, к походу в Морею. За это Ивелич, имевший на то право, произвел «главарей» в штаб- и обер-офицерские чины. Однако получив вскоре новую инструкцию, Ивелич отменил греческий вариант маршрута и направился в Герцеговину, где эти 1200 человек во главе с Ивеличем, «подавая пример прочим единоверцам», нападали на турок, одержали 6 больших побед, сжигая при этом турецкие селения и угоняя в добычу скот. Итогом этих действий возглавляемых им герцеговинских повстанцев стало недопущение здешних 40 тысяч турецких военных сил к соединению с главной армией, так по крайней мере утверждал сам М.К. Ивелич²⁰⁸. Это, впрочем, могло соответствовать истине, поскольку турки должны были понимать, что уход основных их сил из Герцеговины неизбежно вызовет мощное усиление повстанческого движения. Возвращаясь в 1790 г. в Россию, Ивелич заверял

герцеговинцев, что он вскоре к ним вернется, что, впрочем, и произойдет, хотя и не так скоро. За свои заслуги, оказанные в этих краях, М.К. Ивелич был награжден знаком Св. Георгия и Св. Владимира с бантом.

Оставшись один на один с Махмудом-пашой, черногорцы добивались присылки русских войск в Черногорию, что и было им обещано И.А. Заборовским²⁰⁹. Однако планы России отправить в Средиземное море эскадру были сорваны нападением Швеции на Россию и закрытием английских портов, необходимых для остановок эскадры. Швеция заключила союз с Турцией, а Англия и Пруссия воспрепятствовали союзнице России – Дании выступить против Швеции. Посол Швеции в Константинополе открыто бахвалился перед турецким правительством «диверсией», которую сделал шведский король, остановив российский флот, на котором было 20 тысяч войска, – сообщал из Варшавы российский посол Штапельберг²¹⁰. В надежде на скорый разгром шведов из российского посольства в Венеции информировали черногорского митрополита, что сразу по окончании войны со шведами русский флот из Кронштадта выйдет в Средиземное море²¹¹.

Когда был сорван морской вариант, тогда в Петербурге было принято решение отправить «к Адриатическому морю и Черным Горам» через австрийские владения сухопутные войска. Одновременно было дано предписание послу в Вене Д.М. Голицыну добиться разрешения на проход русских войск, а И.А. Заборовскому – заняться агитацией среди албанцев и греков, чтобы те выступили против турок²¹². Однако этот план не был осуществлен. Д.М. Голицын совместно с австрийскими властями предпринял попытку создать морской отряд из русских кораблей, значительное число которых находилось в испанских, португальских и французских портах. В этот отряд должны были войти и австрийские корабли. Осуществлению этого плана помешала позиция Венеции, не пожелавшей пойти на столь явное нарушение нейтралитета и предоставить свои порты кораблям союзников²¹³. Таким образом, и этот вариант возможной помощи черногорцам оказался нереализованным.

Попутно заметим, что в российских военных кругах довольно быстро нашли замену Махмуду Бушати. Им стал правитель Южной Албании и Эпира Али-паша Янинский. В 1790 г. подполковник русской службы и одновременно генеральный консул в Албании и Химаре, эпириот по происхождению Пано Бичилли вошел в контакт с Али-пашой и по старому с ним знакомству рекомендовал выйти из-под власти Порты и объявить себя подданным России, на что Али-паша охотно согласился²¹⁴. Контакты российского военного руководства, в том числе и Г.А. Потемкина, были продолжены и летом 1791 г. Однако они не привели к какому-либо официальному соглашению, поскольку в Петербурге, поощряя во время русско-турецких войн полунезависимых албанских правителей к выступлениям против султана, не намеревались при этом брать на себя какие-либо политические обязательства²¹⁵. Тем временем русско-турецкая война постепенно близилась к закату. Уже после падения Измаила (декабрь 1790 г.) новый султан Селим III «пришел в великую робость» и, уповая лишь на заключенный в январе 1790 г. турецко-пруссский союз, заявлял прусскому посланнику, что если Пруссия не вступит в войну с Россией, то он будет вынужден заключить мир на тех условиях, какие предложит Россия. Об этом,

ссылаясь на известия из Константинополя, А.С. Мордвинов информировал вице-канцлера И.А. Остермана²¹⁶.

Следует сказать, что в России и в дальнейшем не исчез интерес к использованию боевых сил черногорцев и албанцев. Так А.В. Суворов, разрабатывая план возможных будущих батальей против Турции (ноябрь 1793 г.), считал реальным привлечение сил Махмуда Бушати, Али-паши Янинского и черногорцев²¹⁷.

Оставшись одна, Черногория продолжала борьбу с Северной Албанией, а прощенный Портой Махмуд-паша вновь восстал против султана Селима III и грозил, что пойдет на Адрианополь, жители которого бунтовали против вводимых Портой новых реформ. Османская империя оказалась бессильной перед мятежным пашой, и то, что не сумела сделать она, удалось маленькой Черногории.

Ближе всего к границам Шкодринского пашалыка находилась Брда, горная область, примыкающая к Черногории. Туда и решил направить свой первый удар Махмуд-паша. Он письменно предупредил Петра I Негоша о том, что идет на Брду, и посоветовал ему не вмешиваться. В ответном послании митрополит писал, что считает брдян своими братьями и если Бушати нападет на Брду, то черногорцы придут ей на помощь²¹⁸. Митрополит, губернатор и антиалбански настроенные старейшины понимали, что только добившись прочного внутреннего единства, можно успешно противостоять врагу. Петр I Негош занялся деятельной агитацией среди колеблющихся племен, написал письма в Црмницкую, Лешанскую и Риечскую нахии. 20 июня (1 июля) 1796 года Общечерногорский Збор в Цетинье огласил Одлуку (Постановление), состоящую из 6 статей и введившую борьбу против Махмуда Бушати в закон²¹⁹.

Со своей стороны Махмуд Бушати также тщательно готовился к решающему сражению. В 1795 году в Шкодру прибыли французские офицеры и инженеры для реорганизации североалбанских войск. Французы поставили паше 7 галер с боеприпасами и амуницией²²⁰.

Первое сражение состоялось у села Мартиничи, вблизи Спужа, в июле 1796 года. Его описание сделано русским дьяконом Алексеем, заведовавшим канцелярией у черногорского митрополита²²¹. В Российском государственном историческом архиве хранится описание этой битвы, составленное архимандритом С. Вукотичем²²². Это почти дословное донесение дьякона Алексея с незначительными уточнениями и стилистическими правками. По свидетельству Алексея, численность черногорцев составляла 9863 человека, а войско Бушати насчитывало 34860 воинов. Черногорские войска состояли из четырех отрядов, первым и вторым командовал сам митрополит, а третьим и четвертым – губернатор Й. Радонич. Решающее сражение началось 11 (22) июля в 6 часов утра и продолжалось до 3 часов дня. Оно закончилось разгромом североалбанских войск, которые потеряли около 2600 человек убитыми. Махмуд Бушати был ранен в этом сражении и, как писал участник боя архимандрит Стефан Вукотич, «в большом сумнительстве жизни тогда от ран находился»²²³.

Б. Павичевич на основании обнаруженного им в архиве Морачского монастыря документа утверждал, что войско черногорцев состояло из 3 тысяч человек, а албанцев было 18 тысяч²²⁴. Вероятно, данные, приводимые Б. Па-

вичевичем, более объективные. Но какими бы ни были конкретные цифры, ясно одно – силы албанцев многократно превосходили черногорцев по численности. Митрополит известил о победе русские власти, а в ответном письме вице-канцлера П.А. Зубова отмечалось, что русский двор с особым удовольствием узнал о знаменитой победе, одержанной черногорцами²²⁵.

Однако, хотя Махмуду-паше был преподан кровавый урок, силы его были далеко не исчерпаны, и уже через два месяца он выставил новые войска. Они, как писал дьякон Алексей, состояли из 23 тысяч человек пехоты и конницы²²⁶. На этот раз сражение произошло у села Крусы. Со стороны черногорцев и брдян в нем участвовало 6590 человек, составлявших два корпуса под командованием митрополита и губернатора. Североалбанские войска атаковали первыми и предприняли попытку окружения, «но в расположении своем остались без удовольствия», а черногорцы и брдяне отступили и укрылись в труднодоступных местах. Второе сражение началось 22 сентября (3 октября) в 8.30 утра. В ходе упорного оборонительного сражения черногорцы измотали численно превосходящие силы неприятеля, перешли в наступление и погнали врагов «через их лагерное место и далее, сколько возможно было». Если в первом сражении шкодринский паша был только ранен и его жизнь была под угрозой, то во второй битве Махмуд Бушати с жизнью распрощался. По одной из версий, его убил Богдан Вуков из села Залаза, входивший в отряд охраны митрополита, а голову преподнес владыке²²⁷. Затем голова Махмуда Бушати была доставлена в Цетинье и выставлена на всеобщее обозрение. Албанцы, как сообщал дьякон Алексей, потеряли 3400 человек убитыми, а черногорцы всего 132. На поле битвы было также найдено 4 мертвых француза в турецком одеянии «с длинными европейскими волосами». Г. Станоевич считал, что албанские потери составляли около одной тысячи человек²²⁸.

В результате двух блестящих побед при Мартиничах и Крусах над многократно превосходящими силами противника Черногория укрепила свою политическую самостоятельность и избавилась от опаснейшего врага – Махмуда Бушати. Благодаря этой победе к Черногории была присоединена часть Брды (Пипери, Белопавличи), ее престиж в соседних землях резко возрос, особенно в Герцеговине и в пока еще венецианском Приморье, где уже назревали большие перемены, которые вскоре коснутся и Черногории.

В историографии существует мнение, берущее начало еще от Вука Караджича, что именно 1796 г. стал рубежом фактической независимости Черногории от Турции²²⁹. При этом невольно игнорируется тот факт, что в сражениях 1796 г. были разбиты не турецкие, а именно североалбанские войска Махмуда Бушати, который действительно мог завоевать Черногорию, но сам он, как уже отмечалось, практически не подчинялся Порте, был злейшим ее врагом. Для Черногории, впрочем, как и Брды, с приходом к власти Махмуда Бушати несравненно важнее стало то, что происходит в Шкодре, а не в Стамбуле, поскольку именно из Шкодры шла агрессия против Черногории, которую Порта не провоцировала, а была самостоятельным решением шкодринского паши. Так было в 1785 г., когда Бушати напал на Черногорию, и в 1796 г., когда он вначале напал на Брду, а затем и на Черногорию. Именно в Шкодре, а не в казне султана оседали деньги, какие под предлогом сбора дани удавалось изъять Бушати у черногорцев

и брдян в ходе карательных экспедиций. Поэтому в Стамбуле были крайне обрадованы тому, что черногорцы избавили Порту от «самого беспокойного неприятеля», угрожавшего устоям Османской империи – информировал Екатерину II российский посланник в Константинополе В.П. Кочубей²³⁰. Сам Петр I Негош отчетливо осознавал, что черногорцы воюют не с султаном, а с его мятежным вассалом, который, как он писал в 1796 г. австрийскому императору Францу I, «против своего законного государя» бунтует и от него не зависит²³¹. Надо также полагать, он понимал, что этой победой черногорцы оказали огромную услугу султану Селиму III. Понимали это и в Петербурге. Иначе П.А. Зубов в ответном письме Петру I Негошу не стал бы поздравлять митрополита с победой черногорцев при Мартиничах²³², если бы эта победа считалась победой над турками, а не над мятежным вассалом султана, поскольку это могло радикально испортить русско-турецкие отношения, что тогда абсолютно не входило в планы российского руководства. В собственно черногорско-турецких отношениях победа над Махмудом Бушати ровным счетом ничего не меняла, разве что некоторое время в Стамбуле испытывали благодарность к черногорцам, тем более что пришедший к власти в Северной Албании брат Бушати Ибрагим-паша по крайней мере на первых порах был полностью лоялен султану. Вместе с тем Порта по-прежнему считала Черногорию составной частью Османской империи, но именно считала, ибо реально прочно утвердить свою власть в ней она не могла и до 1796 года. Помимо воинственности черногорцев этому способствовали тяжелейшие природные и экономические условия жизни Черногории, не позволявшие туркам даже при желании держать здесь длительное время войска с целью обуздать черногорцев, привести их к окончательному повиновению, поскольку их содержание за счет крайне скудных местных ресурсов не представлялось возможным. К тому же у слабеющей Османской империи и так хватало более важных проблем, как внутренних, так и внешних, помимо Черногории.

Обращаясь к внешней политике Черногории конца XVIII в., следует сказать, что со вступлением на престол Павла I открылась новая страница в истории русско-черногорских отношений. Павел I отошел от политики нейтралитета в отношениях с бонапартистской Францией, начался длительный период войн с Наполеоном. Заинтересованность России в Восточном Средиземноморье, Балканах резко возросла, что положительно сказалось на русско-черногорских отношениях.

Началом русско-черногорских взаимоотношений в этот период послужила афера Николая Чирковича-Давидовича, выдававшего себя за «графа», черногорского «обер-воеводу» и «бывшего полковника венецианской службы» Черноевича-Давидовича. Она была раскрыта русскими властями уже при Александре I в 1802-1803 гг. благодаря информации, полученной от главы своеобразного «землячества» живущих в России черногорцев Ф. Марошевича и майора И. Парапановича²³³.

Судя по описанию, жизненный путь «графа» и «обер-воеводы» был весьма извилистым и богатым авантюрами. Родился он в Подгорице, затем перебрался с отцом в Котор и тогда носил еще фамилию Чиркович. Прихоти судьбы заносили Чирковича в Триест, в Пешт и Германию. В 1791 г. он был зачислен в Шкловское училище графа С. Зорича, где обучался до

1794 г. уже под фамилией Давидович. Затем Н. Чиркович-Давидович прибыл в Петербург, имея при себе подложный патент капитана венецианской службы, и предпринял попытку поступить на российскую военную службу, но отказался от предложенного ему чина прапорщика. В столице поначалу жизнь Н. Чирковича-Давидовича протекала несладко. Он питался подачками «людей добрых» и с трудом пристроился в дом русского вельможи Л.А. Нарышкина, который принял его из-за милосердия и содержал вместе с другими бедняками.

Вскоре Чирковичу-Давидовичу удалось узнать о нахождении в Петербурге родственника митрополита Петра I Негоша А. Филотича (он прибыл в Россию в составе депутации, ходатайствовавшей о переселении герцеговинцев в Россию, с ним были посланы сердар М. Лазаревич и архимандрит А. Радониц) и что у Филотича имеются документы, данные ему «обществом черногорским». Н. Чиркович-Давидович сумел войти в доверие к тяжело болевшему А. Филотичу и после его смерти в конце 1797 г. завладел хранившимися у него документами. Затем, как сообщали Ф. Марошевич и И. Парапанович, Н. Чиркович-Давидович на основе подлинников сделал себе подложные документы, согласно которым он становится полковником венецианской республики и «обер-воеводою» черногорцев, хотя чина обер-воеводы никогда не было среди черногорцев. Вслед за этим Н. Чиркович-Давидович от имени черногорских старейшин, якобы уполномочивших его поздравить с восшествием на престол Павла I, объявился при дворе. Павел I, считая «мнимого посланца за настоящего», принял эти поздравления.

Следствием этих авантюрных поступков Н. Чирковича-Давидовича стали вполне конкретные действия русского императора, положительно повлиявшие на развитие русско-черногорских отношений. Первым шагом в этом направлении была грамота Павла I черногорским старейшинам с подтверждением покровительства России Черногории²³⁴. В 1798 г. Павел I также именным указом наградил черногорского митрополита одним из высших российских орденов, орденом Александра Невского²³⁵. Кроме того, по списку, представленному Н. Чирковичем-Давидовичем (список, вероятно, был составлен на основании подлинных документов, изъятых у А. Филотича), пятнадцатью золотыми медалями награждались черногорские и брдские старейшины, а также пожаловано было «сверх того 4 медали серебряных для чиновников»²³⁶. Сам Н. Чиркович-Давидович также был награжден медалью.

В апреле 1803 г. Ф. Марошевич, исправляя ранее сообщенные сведения, подчеркивал, что Н. Чиркович-Давидович безвыездно находился в Петербурге с 1794 по 1798 г.²³⁷ (и, следовательно, не мог прибыть из Черногории в Россию в 1797 г., как утверждают некоторые исследователи²³⁸), и только после того, как получил грамоту Павла I, медали и орден для митрополита, отбыл в Черногорию. По прибытии туда, писали Марошевич и Парапанович, Н. Чиркович-Давидович встретился с митрополитом, который до того не подозревал о его существовании. Однако, получив из рук Чирковича-Давидовича конкретные подтверждения возросшего интереса и внимания России к Черногории, был «пленен оными до восхищения».

Н. Чиркович-Давидович, получив соответствующие официальные полномочия от митрополита, которые, как пишут авторы доноса, «дал бы

всяк на его месте бывши», отправлен был в Россию. Петру I Негошу, чтобы не навлечь подозрений на Н. Чирковича-Давидовича со стороны русского правительства, пришлось признать за ним нелепый для Черногории титул графа и звание обер-воеводы.

Оценивая роль Н. Чирковича-Давидовича в развитии русско-черногорских связей конца XVIII - начала XIX в., следует отметить ее двойственность. Он был не первым уроженцем Балкан, который из сербского или черногорского «кнеза» переименовал себя в венецианских владениях в «конта», а прибыв в Россию, называл себя графом или князем. Он был авантюристом, которыми так богат XVIII век. Неудовлетворенность тяжелым настоящим толкнула его на столь рискованный шаг, но, по-видимому, не только это. Безусловно ловкий и выдавший виды человек, он был и достаточно образован. Шкловское училище, позднее переведенное в Москву и преобразованное в Московский первый сухопутный кадетский корпус, и в те годы славилось системой обучения. Здесь учились многие балканские славяне²³⁹. Н. Чиркович-Давидович, как и многие его соплеменники, жившие в России, желал избавить Черногорию от угрозы османского порабощения, добиться расширения ее границ и внес посильную лепту в это дело, и это его качество ценили в высшем российском руководстве. Канцлер А.Р. Воронцов, выговаривая в дальнейшем Петру I Негошу за неразборчивость при назначении малоизвестного ему человека «черногорским депутатом», отмечал, что самозванный граф Черноевич-Давидович исполнял поручения «к выгодам вашим и пользам черногорского народа»²⁴⁰.

Забегая вперед, заметим, что в 1803 г. вследствие доносов Ф. Марошевича и И. Парапановича самозванство Н. Чирковича-Давидовича было разоблачено. Александр I удовлетворил прошение Петра I Негоша о сложении «графом Черноевичем-Давыдовичем» звания черногорского депутата. Все находящиеся при нем «бумаги» от митрополита и «черногорского общества» вместе с золотой медалью, выбитой в честь коронации Александра I и предназначенной для Петра I Негоша, должны были быть отправлены в Черногорию к митрополиту. Сам Чиркович-Давидович также отправлялся в Черногорию. Однако он предпочел скрыться. Его разыскивала полиция. В конечном итоге Н. Чиркович-Давидович уже как Кирил Черноевич обосновался в г. Каменец-Подольский, где в 1808 г. был разоблачен подольским губернатором и по именному повелению Александра I был арестован, судим «за присвоение себе титулов и достоинства ему не принадлежащих». Обнаруженные при нем документы, как подлинные, так и подложные, были отосланы через российского посла в Вене А.Б. Куракина Петру I Негошу²⁴¹. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

В конце XVIII в. происходили важные изменения на границах Черногории. В 1797 г. Венецианская республика под ударами французов прекратила свое существование. В то же время Наполеон нанес поражение австрийцам, и между Францией и Австрией в октябре 1797 г. был подписан Кампоформийский мир, условия которого были продиктованы Бонапартом. В соответствии со статьями мирного договора владения Венецианской республики были поделены между Францией, Австрией и Цизальпийской республикой. Австрия получила Истрию, Далмацию и Боку Которскую, что открывало венскому двору путь для дальнейшего проникновения на Бал-

каны. Воспользовавшись крахом Венецианской республики и не зная еще об условиях Кампоформийского договора, митрополит с черногорцами занял Будву. Население Боки Которской (состоящее на 2/3 из православных, остальные – католики) еще до заключения мира между Францией и Австрией в основной своей массе склонялось к мысли об объединении с Черногорией. Однако 5 или 6 которских дворян-католиков поспешно проявили инициативу по передаче Боки Которской Австрии, заверяя при этом бокельцев, что и «Черногория будет под одной с ними державою». Митрополит, как он сам позже признавался российскому эмиссару М.К. Ивеличу, добровольно пошел на сдачу Будвы и Приморья австрийцам из-за «строного молчания» по поводу происходивших здесь событий тогдашнего российского консула в Дубровнике А. Джики, а также, как уже замечал сам Ивелич, «по неимению гарнизона»²⁴², поскольку нести постоянную гарнизонную службу в Будве не привыкшие к воинским порядкам черногорцы не стали бы. Молчание консула А. Джики вполне объяснимо, поскольку Россия тогда ничем не могла помочь Черногории, так как объединенная русско-турецкая эскадра под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова будет направлена в Средиземное море для освобождения от французов Ионических островов лишь в сентябре 1798 г., а пока на Средиземноморье хозяйничали французы. К тому же Австрия рассматривалась в Петербурге как будущий союзник в предстоящей борьбе с Францией. Удержать Приморье, а с ним и Будву самостоятельно черногорцы были не в силах.

Будва оставалась в руках черногорцев около двух месяцев. Австрийский генерал Рукавина, получивший предписание занять отошедшие к Австрии области, взял приморские города, а затем подошел к Будве, и митрополит Петр I был вынужден вручить ему ключи от города, а австрийский флот обосновался в Боке Которской. Однако, когда находившийся в районе Дубровника французский флот стал угрожать Боке Которской и французы потребовали удаления оттуда австрийцев, граф Турн, будущий австрийский комиссар Далмации, призвал владыку и черногорцев оказать помощь Австрии в борьбе против общего врага, «разрушителя веры и самых священных социальных уз»²⁴³. Черногорцы выразили полную готовность поддержать австрийцев, и, узнав об этом, французы вынуждены были ретироваться, отказавшись от замысла завладеть Бокой Которской.

Петр I Негош оказывал в то время поддержку австрийцам, поскольку он помнил, что Австрия и Россия были союзниками в русско-турецкую войну 1787-1791 гг., к тому же его настораживала и пугала резко антиклерикальная политика Директории. В то время заслуги черногорцев перед Австрией, также тогда не желавшей конфликтовать с Черногорией, признавались венским двором, и император Франц II в знак благодарности послал Петру I Негошу «отменной величины крест и перстень бриллиантовый в шесть тысяч червонных»²⁴⁴. Однако, когда австрийцы после Кампоформийского мира прочно утвердились в Далмации и Боке Которской, черногорско-австрийские отношения стали резко ухудшаться. Австрийские власти Боки Которской, и особенно комендант генерал-лейтенант Ф.М. Бради, под тем предлогом, что черногорские монастыри Станевичи и Маине находятся на бывшей венецианской территории, стали обосновывать на них свои претензии. Более того, в сентябре 1797 г. по рас-

поражению генерала Бради австрийские солдаты предприняли попытку насильственно завладеть монастырем Маине. На это моментально среагировал Петр I Негош, призвавший собравшихся черногорцев и брдян защищать до последнего монастырь, одновременно предупредив Бради, что если он не откажется от своего намерения, то вооруженные черногорцы и брдяне вступят в Боку Которскую «отмщение делать». Бради был вынужден отступить, письменно известив об этом черногорцев²⁴⁵. Помимо этого австрийцы хотели изъять свои новоприобретенные земли из-под церковной власти черногорского владыки и поставить в них послушного им православного архиерея²⁴⁶, о чем речь еще пойдет позже. Население Боки Которской также было недовольно порядками, установленными австрийцами, а жители Будвы проявляли явную склонность к России, собиравшись в июле 1798 г. французский консул в Дубровнике²⁴⁷.

Однако действия австрийцев находили поддержку в лице губернатора Й. Радоница, который еще в декабре 1797 г. в письме к императору Францу II высказывал свою радость в связи с тем, что Австрия стала соседкой Черногории, и выражал надежду, что венский двор примет Черногорию под свое покровительство²⁴⁸. В отличие от губернатора, в сложившейся ситуации митрополит возлагал надежды исключительно на Россию. На майской скупщине 1797 г. было решено направить в Петербург архимандрита С. Вукотича, который по прибытии в российскую столицу представил в Коллегию иностранных дел прошение черногорского народа Павлу I. В этом документе содержалась просьба о покровительстве России Черногории и даче правил духовных, военных и гражданских; о заведении училищ и об отдании распоряжения касательно таможенных сборов и отыскании металлов, а также о присылке в Черногорию специального уполномоченного от русского двора «для вящего обозрения» в совершенной верности черногорцев России²⁴⁹.

Русское правительство, учитывая военно-стратегическое значение Черногории, было заинтересовано в поддержании единства черногорских племен, в укреплении власти митрополита. В ответ на просьбу Петра I Негоша Павел I установил в 1799 г. ежегодную субсидию в размере 1 тысяча червонных (3 тысячи рублей). По поводу этой субсидии указывалось, что она учреждается «на общенародные надобности, а наипаче на всякия полезныя заведения, кои, утверждая в народе христианския добродетели и доставляя оному просвещение, споспешествовать будут неминуемо благосостоянию земли»²⁵⁰. Вскоре по предписанию Павла I адмирал Ф.Ф. Ушаков, командовавший объединенной русско-турецкой эскадрой в Средиземном море, отправил в Черногорию капитан-лейтенанта Х.И. Клопакиса. Офицер доставил Петру I Негошу письмо Ф.Ф. Ушакова, в котором адмирал заверял митрополита в постоянном благоволении и расположении к нему и черногорскому народу императора Павла I²⁵¹. Встреча Клопакиса с митрополитом проходила в монастыре Маине. На ней по приказанию генерала Ф.М. Бради присутствовали австрийские чиновники, которые «политически меня караулили» – замечал Клопакис. С глазу на глаз владыке и Клопакису удалось побеседовать всего лишь один час. В отличие от австрийских чиновников брандвахтенный капитан из Боки Которской, несмотря на свою прямую зависимость от австрийского начальства, содействовал тому, чтобы российский морской офицер избежал длительного карантина в рагузском порту, сказав при этом Клопакису: «Я для России го-

тов жертвовать жизнью своею»²⁵². В другом, написанном в тот же день рапорте Ушакову Клопакис обращал свое внимание на ситуацию в Боке Которской и Черногории в связи с присутствием русского флота в Средиземном море. В частности, ему стало известно о безуспешных попытках Бради отлучить черногорцев от России и сделать их австрийскими подданными. Клопакис заметил среди знатных бокельцев-католиков страх стать подданными России, в противовес простолюдинам-католикам, желающим быть таковыми и только ждущим вместе с черногорцами прибытия русского флота в эти края. Российский флаг, развевающийся над Бокой Которской, также обрадует и черногорского митрополита – замечал Х.И. Клопакис²⁵³. Прибытие русского офицера уверило черногорцев в том, что все начинания Петра I Негоша поддерживаются русским правительством, и оживило надежду на официальное покровительство со стороны России²⁵⁴. Это сложившееся мнение мог подтвердить и С. Вукотич: возвращаясь на родину через Константинополь, он встречался с русским посланником В.С. Томарой. Последнему еще в январе 1799 г. Павел I повелел защищать интересы черногорцев перед Портой²⁵⁵.

Русское правительство в то время было крайне обеспокоено захватами Наполеона в Средиземноморье, угрожавшими превращением Средиземного моря во «французское озеро», и нависшей в связи с этим угрозой Балканам и рубежам России. В конце 1798 - начале 1799 года складывается вторая коалиция против Франции. Главными ее участниками были Англия, Россия, Австрия и королевство Неаполитанское. Естественно, что в создавшемся положении русскому двору было нежелательно обострять отношения с Австрией из-за Черногории. Но все же Павел I предписал послу в Вене А.К. Разумовскому «употреблять дружеское ходатайство», в защиту черногорцев, основывая его на «единоверии нашем с тем народом»²⁵⁶. Решительно, по-флотски, действовал в поддержку черногорцев адмирал Ф.Ф. Ушаков. В письме к военному коменданту Боки Которской генерал-лейтенанту Ф.М. Бради, продолжавшему интриговать против черногорцев и митрополита, он резко одернул австрийского чиновника и потребовал оставить «напрасные затеи и замыслы» против «народов и мест», находящихся под защитой российского императора²⁵⁷. Это письмо русского адмирала отрезвляюще подействовало на Бради и в какой-то степени умерило его пыл, хотя и ненадолго²⁵⁸. Австрийское правительство, власти Далмации и Боки Которской небезосновательно опасались российского влияния на своих новых славянских подданных, а прорусски настроенные черногорцы и их владыка служили его проводниками. Проавстрийская политика губернатора Й. Радонича и его окружения привела к тому, что он постепенно утратил доверие народа. Этому способствовало и то, что он предпринимал внешние акции по отношению к венскому двору без санкции Общечерногорского збора. Такая политика не могла остаться без последствий, и в марте 1798 г. митрополит информировал константинопольского архиепископа Григория о том, что губернатор Радониц «между нами почтенен именем, а не властью»²⁵⁹. Сам же Петр I Негош на одной из скупщин в 1799 г. объявил себя «явным неприятелем австрийского дома, преданным по смерть России». На той же скупщине народ едва не расправился с губернатором и его сторонниками, но митрополит, успокаивая черногорцев, довольствовался тем, что «сии главари формально и письменно» отказались иметь какие-либо отношения с австрийцами²⁶⁰.

В начале 1800 г. уже действительно в звании полномочного черногорского депутата в Петербург прибыл пока еще неразоблаченный Н. Черноевич-Давидович (Чиркович). Ему были даны обширные инструкции, предписывалось обратить внимание русского двора на тот факт, что ранее Черногория имела выход к морю, но приморские территории были отторгнуты у нее венецианцами, а затем перешли в руки Австрии, в то время как население этих земель готово воссоединиться с Черногорией. Черногорский посланец информировал о том, что в случае войны России с Турцией славяне могут оттянуть на себя значительные военные силы²⁶¹. Однако международная обстановка в Европе шла вразрез с такого рода предложениями, ибо Россия в союзе с Османской империей и другими государствами вела войну с Францией. Учитывая это обстоятельство, Черноевич-Давидович предложил официально подтвердить покровительство России черногорскому народу и учредить при митрополите «одну особу в российском чине»²⁶².

В октябре 1800 г. Н. Черноевич-Давидович обратился с прошением к Павлу I, где, среди прочего, зондировался вопрос о содействии России в присоединении к Черногории Боки Которской²⁶³. Его благоприятное разрешение, казалось бы, стало возможным ввиду резкого обострения русско-австрийских отношений из-за недовольства Павла I тем, как австрийцы воевали против французов. Однако для реализации этого плана не представилось возможности. Дело в том, что международная обстановка на рубеже XVIII и XIX столетий менялась почти мгновенно, вчерашние союзники становились противниками и наоборот. Важные события происходили в Восточном Средиземноморье. Британский флот блокировал о. Мальту и в сентябре 1800 г. вынудил капитулировать французский гарнизон. Англичане, в нарушение ранее принятых обязательств, решили не допускать русский военный гарнизон на остров. Захват Мальты, игравшей важную роль во внешнеполитических планах Павла I, вызвал разрыв русско-английских отношений (1800 г.) и положил начало русско-французскому сближению. Это в свою очередь вызвало недовольство англофильской группировки в России. Против императора был организован заговор, и в марте 1801 г. Павел I был убит. Со вступлением на престол Александра I начнется новая, наполненная героическими и драматическими событиями страница истории Черногории и русско-черногорских отношений.

Восемнадцатый век был для Черногории трудным, но обнадеживающим временем. Он начинался с межплеменной разобщенности черногорского общества, анархии и кровной вражды, а заканчивался если не победой над этим злом, то значительным его смягчением. В стране, где долгое время царил беззаконие, стал действовать кодекс законов и функционировать правительство, о чем речь пойдет ниже. Международное положение Черногории также улучшилось. Благодаря победам 1796 г. над правителем Северной Албании Махмудом-пашой Черногория укрепила фактическую самостоятельность и в дальнейшем уже никогда не платила дани ни Порте, ни ее мятежным вассалам. Русско-черногорские отношения, несмотря на известные осложнения, связанные с правлением в Черногории выдававшего себя за Петра III самозванца Степана Малого, в целом складывались благополучно. Россия оказывала дипломатическую и материальную поддержку Черногории. Особенно эти отношения улучшились во время правления Павла I.

§3. Создание центральных органов власти и суда в период правления митрополита Петра I Петровича Негоша

В югославянской историографии существуют различные суждения о развитии и состоянии государственной организации в Черногории. Одни исследователи полагали, что Черногория после завоевания ее турками утратила государственность, а османская государственная система в ней не привилась, так как она подчинялась Порте лишь номинально, и вновь обрела государственность в XIX веке²⁶⁴. Другие придерживались мнения, что в Черногории XVIII в., когда она избавилась от власти султана, существовали «классические родоплеменные отношения»²⁶⁵. Б. Павичевич полагает, что с конца XVIII в. черногорская племенная организация начинает распадаться и уступает место государственному устройству черногорского общества, важнейшим шагом в этом процессе являлось создание в 1798 г. Правительства суда черногорского и брдского. Окончательное оформление государственности в Черногории, по мнению Б. Павичевича, произошло только при князе Даниле, когда некогда свободное население племен становится подданными государства, а старейшинский слой начинает все более приобретать облик бюрократии²⁶⁶. Аналогичных взглядов придерживается и В. Йовичевич²⁶⁷.

Й. Бойович определяет период второй половины XVIII века в становлении государственной организации Черногории как начальный период создания «современного черногорского государства»²⁶⁸, имея в виду начавшиеся более интенсивные и результативные процессы централизации власти и государственного аппарата страны. М. Шукович полагает, что Черногория вновь обрела свою государственность в период с 1796 по 1803 год. В это время благодаря победам при Мартиничах и Крусах (1796 г.) была обретена независимость, оформлено единство черногорского народа и территории Черногории, сформировано Правительство суда черногорского и брдского, принят Законник 1798-1803 гг. Все это в совокупности, полагает историк, позволяет утверждать о наличии государственной организации в Черногории²⁶⁹.

Современный черногорский историк Ж.М. Андрияшевич считает, что после победы в 1796 г. при Крусах Черногория стала независимым государством²⁷⁰. До этого, начиная с митрополита Данилы, в черногорском обществе постепенно формировалась и оформлялась идея о черногорской государственности, наследницы средневековой государственности Црноевичей.

На наш взгляд, Черногория, даже находясь под турецкой властью, в значительной мере сумела сохранить, хотя и в изменившейся форме, собственную (национальную) государственность. Этому способствовало наличие широкой автономии и слабое вмешательство Порты во внутренние дела страны, решавшиеся народным собранием (Збором) и старейшинской верхушкой. Мы считаем период от конца XV в. до конца XVII в. периодом политической раздробленности, а длительный промежуток от начала XVIII в. до второй половины XIX века включительно – временем создания централизованного, самовластного, абсолютистского государства в Черногории, ставшего таковым при князе Даниле. При этом процесс централизации государственной системы Черногории с конца XVIII в. начинает приобретать более совершенные формы в организации власти и законода-

тельства, становится заметно интенсивнее, нежели ранее. Завершился он принятием в 1855 г. Законника князя Данилы и окончательным подавлением сепаратизма (1856 г.). Следует отметить, что и у других балканских народов с конца XVIII в. начался продолжительный этап борьбы за образование самостоятельных национальных государств.

Преодоление сепаратизма и создание централизованного государства обычно было процессом длительным и сложным у всех народов. Успех его зависел от условий как внутренних, так и внешних, в которых приходилось действовать господствующим общественным силам. В Черногории процесс создания централизованного государства проходил хотя и не медленнее, чем в других странах, но имел свои особенности. Его спецификой являлось создание в первую очередь общечерногорских судебных органов, прообраза правительства конца XVIII в. Как уже отмечалось, в 1713 г. черногорский митрополит Данила создал единый общечерногорский суд типа сената из 12 старейшин. Суд ввел наказание за кровную месть²⁷¹. Несколько десятилетий спустя митрополит Василий Петрович с той же целью учредил суд из сердарей, воевод и кнезов. В югославской литературе он известен как «главарский суд»²⁷². Эти центральные судебные органы распались, просуществовав короткое время, но они подготавливали почву для возникновения новых общегосударственных учреждений, продолжавших действовать в направлении централизации государства.

Светский правитель Черногории Степан Малый (1767-1773) также предпринял ряд эффективных мер, направленных на пресечение кровной мести. За кровную месть полагалась смертная казнь, осужденный за воровство мог быть выслан за пределы отчизны, а если преступник скрывался, его близкие подвергались штрафу в 10 дукатов, которые делились между «главарями». Степан Малый предпринял попытку ввести общегосударственные налоги. Исполнение приговоров, вынесенных судом из 12 наиболее влиятельных старейшин, должно было контролироваться специальным военным отрядом²⁷³.

Митрополит Сава, вновь возглавивший Цетинскую митрополию после смерти Степана Малого, был неспособен продолжить борьбу за создание централизованной государственной системы. Эту роль попытался взять на себя губернатор Йован Радониц, видевший свою цель в уничтожении межплеменной анархии, в создании государственного устройства, отвечающего интересам старейшинского слоя. Именно со Степаном Малым, а не со слабовольным Савой в это время соперничал гувернадур Й. Радониц, признанный в 1770 г. «первым и верховным главой как чинов мирских, так и духовных»²⁷⁴. Но при этом расчет им строился исключительно на помощь извне. Й. Радониц ориентировался сначала на Венецию, а в последние годы жизни – на Австрию (от которой получал пенсию), что не создавало ему популярности среди православного населения Черногории.

Цетинские митрополиты проявляли не меньшую заинтересованность в укреплении центральной власти, но они имели более прочную опору в народных массах и старейшинском слое. Цетинская митрополия противостояла на Балканах засилию под крылом Вселенской патриархии греческого духовенства, политика которого среди православных народов в значительной мере устраивала Порту. В связи с этим заметно вырос престиж

митрополии среди православных народов. Под церковной юрисдикцией черногорских владык находилось православное население австрийского Приморья и все брдские племена. Они сгруппировали вокруг себя преобладающую часть старейшинской верхушки, которая, хотя и ориентировалась на внешнеполитическую помощь, но в свою очередь в разрешении стоящих перед страной проблем старалась опереться на внутренние силы, что делало эти круги ближе и понятнее народу, обеспечивало его поддержку. Цетинская митрополия и ее владыки являлись хранителями исторической традиции средневекового Сербского государства, преемниками которого они себя выставляли.

Наряду с силами, заинтересованными в централизации власти, действовали и силы полярные: консервативная часть сельского населения, упорно державшаяся за тормозящие развитие государства патриархальные порядки, протурецки и проавстрийски настроенные элементы, имевшиеся преимущественно в пограничных районах страны (Црмницкая, Ричская нахии, некоторые племена присоединенной Брды). Но не им принадлежала ведущая роль в черногорском обществе, а тем прогрессивным силам, которые объединились вокруг Цетинской митрополии.

Время правления митрополита Петра I Негоша (1784-1830) было насыщено не только важнейшими внешнеполитическими событиями, но и большой созидательной деятельностью, направленной на создание основ централизованной государственной организации в Черногории, модернизацию государственного устройства страны. Как уже отмечалось ранее, черногорцы почти весь XVIII в. пребывали в постоянной внутрплеменной и межплеменной междоусобице, что помимо прочего самым негативным образом сказывалось на решении задач освободительной борьбы. Для успешного сопротивления османскому натиску требовалась консолидация всех внутренних сил Черногории. Только таким путем можно было ликвидировать межплеменную вражду, анархию, самоуправство, ускорить процесс создания более совершенного экономического базиса для развития государства.

Можно считать, что, как и у ряда других европейских народов, внешняя опасность явилась для черногорцев важным стимулом политического сплочения общества, создания общегосударственной организации, централизации системы правления.

Правление митрополитов, продолжавшееся до второй половины XIX века, не означало, однако, существование в Черногории теократической формы правления, как полагали отдельные исследователи²⁷⁵. Черногория не подходит под стандарты теократического государства, поскольку в ней никогда не существовало определяющего влияния церкви на законодательство. Политический строй Черногории нельзя уподобить, например, имамату (одна из форм мусульманской теократии). Особую известность приобрел имамат (теократическое государство) Шамиля (1834-1859) на территории горного Дагестана и Чечни, в котором обычное право было полностью заменено сводом религиозно-этических и правовых предписаний – шариатом, а мюридизм (послушничество) проповедовал духовное совершенствование на основе религии и слепое подчинение своим наставникам и вождям.

В Черногории была совершенно иная ситуация, поскольку долгое время жизнь черногорского общества регулировалась нормами обычного права, а с конца XVIII в. письменным законодательством, где отсутствовали какие-либо законоположения теократического характера. Говоря о роли церкви в Черногории, следует отметить, что православная церковь на протяжении веков играла важную объединительную роль в стране. Цетинская митрополия и ее владыки являлись в черногорском обществе хранителями идей средневекового сербского феодального государства, преемниками которого они себя считали. В письме к жителям Дубровника в 1775 г. митрополит Сава отмечал, что князь Иван Црноевич (1465-1490), перед тем как навсегда покинуть Черногорию, передал власть цетинским митрополитам²⁷⁶. С этого времени авторитет и роль православной церкви, ее владык будет возрастать.

В дальнейшем митрополит Петр I Негош подчинит себе губернаторов, а Петр II Негош навсегда упразднит этот государственный институт, и его власть с конца 30-х годов XIX в. будет все более приобретать черты абсолютизма. Следует заметить, что югославские исследователи второй половины прошлого века государственного устройства Черногории, в отличие от своих предшественников XIX в. (М. Медаковича, Л. Поповича и др.), не считали черногорское государство теократическим, отмечая, что правление митрополитов не меняло светского характера власти²⁷⁷.

Действительно, никак нельзя сказать, что религия и церковь пронизывали в Черногории все общественные и властные структуры, что народ и его духовные пастыри отличались какой-либо повышенной религиозностью и тем более фанатизмом. Это обстоятельство неоднократно отмечалось отечественными исследователями (П.А. Ровинский, Н.И. Хитрова, И.С. Достян, А.П. Бажова и др.). Многие черногорские священники были весьма невежественны в вопросах богословия и богослужения. Они внешне не выделялись среди народной массы, ходили вооруженными и снимали оружие лишь во время церковных проповедей, принимали участие в боевых действиях. Черногорцы крайне неохотно становились монахами, и, чтобы монастыри окончательно не запустели, в различных нахиях и селах страны существовала определенная очередность на принятие монашеского сана²⁷⁸.

Основная масса черногорцев была не столько религиозна, сколько невежественна и суеверна. Черногорцы боялись проклятия со стороны владыки, которое иногда было более действенным способом наказания за преступление перед законом, нежели уголовное преследование. Однако в правящей среде черногорского общества весьма скептически относились к силе религиозных заклинаний митрополитов. Так, в начале XIX в. один черногорский старейшина на вопрос, что означает для него проклятие Петра I Негоша, заявил следующее: «Для меня страшнее проклятие единого мною обиженного мальчика, нежели употребляемое владыкою»²⁷⁹. Обида ребенка, помимо прочего, могла и навлечь месть со стороны его родственников, а угрозы митрополита воспринимались этим старейшиной и некоторыми другими более просвещенными черногорцами как сотрясение воздуха, как угроза без каких-либо реальных для них последствий.

Православная религия в Черногории способствовала на протяжении веков поддержанию и развитию национального самосознания, что было чрезвычайно важным в условиях антитурецкой борьбы. Отдельные по-

пытки распространить в среде черногорцев ислам и католицизм встречали решительный отпор со стороны православной церкви и ее иерархов, черногорцы твердо держались веры своих предков. Православие служило важнейшим символом национального единения и освободительной борьбы черногорцев. Это идеологическое оружие успешно использовалось Цетинской митрополией и ее владыками. В конечном итоге православие и свобода слились для черногорцев в единое целое. Это выкристаллизовалось и в кличе черногорцев, с которым они шли в бой – «За честный крест и свободу золотую».

Митрополит Петр I Негош и его окружение, проводя последовательно политику централизации власти, создания более совершенного государственного устройства Черногории, стремились опереться на помощь России в этом процессе, что неоднократно отмечалось исследователями.

На состоявшейся 19 (31) мая 1798 г. в Цетинье скупщине был принят проект государственного устройства Черногории, а в июле этого же года он был доставлен в Петербург черногорским посланником архимандритом С. Вукотичем (Вучетичем). Проект содержал основные мысли Петра I Негоша и правящего слоя страны, пути становления черногорского общества и государства²⁸⁰. Этот документ, подписанный митрополитом Петром I Негошем, губернатором Йованом Радоничем, 6 сердарами, 12 воеводами и 6 кнезами, состоял из следующих пунктов:

1. Высшая власть в Черногории должна принадлежать народной скупщине, она выражает суверенитет народа, в ее функции входит: принятие новых законов; выбор митрополита, губернатора, сердаров, воевод. Скупщина утверждает налоги и определяет, «какого рода они будут», принимает грамоты от русского императора. В случае объявления войны Россией какому-либо государству черногорцы обязывались на стороне России участвовать в войне.

2. Так как Черногория поделена на нахии и созыв общенародной скупщины вызывает определенные затруднения, то, чтобы «весь народ участвовал в осуществлении верховной власти», правительство учреждает определенное число представителей на скупщине от каждой нахии. Все нахии должны иметь представителей на скупщине, лишь в этом случае скупщина будет выражать волю всего народа.

3. В целях сохранения свободы и независимости, «ради обеспечения своих прав, охраны своих законов, ради спокойствия, мира и общей пользы» народ доверяет исполнительную власть правительству. Правительство, выполняя свои обязанности, должно «неусыпно заботиться о народном благе и быть верным народу и своему покровителю».

4. Решения правительства являются обязательными для каждого черногорца, но и правительство в своей деятельности обязано исполнять законы, утвержденные народом и высоким покровителем.

5. Судебные органы как по уголовным, так и по гражданским делам находятся в подчинении правительству. Оно выбирает судей, которые решают дела на основании существующих законов, подлежащих утверждению русским императором. Правительство должно обеспечивать мир и порядок и принимать меры, чтобы они не нарушались, работать над усовершенствованием старых законов, а новые вносить на утверждение скупщины. Лишь после утверждения законов скупщиной они должны вступить в силу. Прави-

тельство по согласованию с «высоким покровителем» уполномочено заключать мир и включать в свой состав временных членов из числа старейшин.

6. Правительство составляется из двух частей: Сената младших и старших сенаторов, оно возглавляется двумя председателями. Сенаторы выбираются из числа сердаров (2 сенатора), воевод (3 сенатора), кнезов (7 сенаторов). Из первого состава сенаторов четверо выбираются на один год; четверо – на два и еще четверо – на три года.

7. Председателями правительства являются митрополит и губернатор. Поскольку их власть не может быть полностью самостоятельной, они должны работать в тесном сотрудничестве. Духовная власть митрополита независима от правительства, а каждый вновь избранный митрополит обязан прибыть в Петербург и получить подтверждение на сан от Св. Синода

8. Черногорский и брдской народ через свое правительство объявляет перед всем миром, что Черногория находится под покровительством русского императора. «Народная власть и правительство», черногорский народ просят императора прислать на некоторое время русские войска для обеспечения безопасности народа и правительства в случае борьбы против тех сил, которые покусились бы «нарушить законы и мир» в стране.

Под «нарушителями законов и мира» подразумевалась не какая-либо оппозиция намечаемым в Черногории преобразованиям, а внешняя угроза, которая, по мнению черногорских властей, исходила от Австрии и Турции. В Петербурге сочли эти опасения безосновательными, но обнадежили черногорцев готовностью российской средиземноморской эскадры под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова прийти им на помощь в случае необходимости²⁸¹. Русское правительство, учитывая военно-стратегическое значение Черногории, было заинтересовано в поддержании единства черногорских племен, укреплении власти митрополита. Доставленный С. Вукотичем в Петербург проект государственного устройства имел республиканскую направленность. Он был призван модернизировать черногорское общество, совершенствовать аппарат по управлению страной. Полагаем, что в Черногории XVIII и первой половины XIX века, вплоть до провозглашения ее княжеством в 1852 г., происходило постепенное формирование института монархии. До этого, по ряду объективных формальных признаков, в черногорском государстве долгое время существовала республиканская форма правления. По сути дела проект 1798 г., как и последующие проекты конституционного устройства Черногории, разработанные в 1805 г. при содействии русских представителей М.К. Ивелича и С.А. Санковского²⁸², о которых речь пойдет далее, во многом фиксировали ту форму правления, какая уже существовала в Черногории, лишь совершенствуя и приспособляя ее, хотя бы частично, к условиям Европы нового времени.

В научной литературе еще в конце XIX века был поднят вопрос о форме государственного устройства Черногории при митрополитах. Казанский историк-славист А.И. Александров, имевший в своем распоряжении черногорские документы не только внешнеполитического характера, но и относящиеся к внутренней истории страны, выявленные им во время научной командировки в Черногорию, отстаивал идею примата народного суверенитета в эпоху митрополитов, не отрицая факта частичной концентрации светской власти в руках владык. Он относил народное собрание к

высшему органу власти, а форму государственного устройства Черногории определял как республиканскую²⁸³. Полемизируя с А.И. Александровым, И.П. Роганович²⁸⁴ утверждал, что черногорские митрополиты являлись «теократическими государями». Концепция Рогановича строится на некоторых суждениях венецианских государственных деятелей о «неограниченной власти» митрополитов в XVIII в., отдельных высказываниях самих владык перед иностранными политическими и военными деятелями, содержащих утверждение о концентрации духовной и светской власти в руках митрополитов, и даже хвалебных поэтических произведениях, где Петр I Негош именуется «черногорских сербов повелителем». Научно аргументированные доводы А.И. Александрова в пользу республиканского устройства Черногории при митрополитах представляются нам более убедительными, чем суждения И.П. Рогановича.

Органом высшей власти в Черногории издавна являлся Общечерногорский збор, а затем скупщина, которая во второй половине XVIII в. являлась собранием народных старейшин – представителей различных нахий и племен. В компетенцию скупщины входило разрешение всех наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешних сношений. Именно этот государственный орган по предложению старейшин утверждал митрополитов и губернаторов, а также кандидатуры местных высших властей (сердары, воеводы, власть которых фактически являлась наследственной), а с конца XVIII в. – правительство, и выполнял законодательные функции. Созывались скупщины и на местах (в племенах, нахиях) для разрешения различных вопросов местной жизни; сердары, воеводы и кнезы выступали здесь как судьи исходя в своих решениях из норм обычного права, а позже и письменного законодательства. Все это свидетельствует о наличии в Черногории хотя и весьма слабой государственной организации и аппарата принуждения, тесно переплетавшихся с патриархальными обычаями. С.А. Санковский, выполнявший в Черногории и Которской области в 1805-1807 гг. различные поручения русского правительства, отмечал в донесении в МИД, что черногорский народ, собранный на «генеральный сейм..., заступает лицо и имеет власть государя», и все распоряжения каких-либо иных органов правления считаются недействительными, «если оный народ их не утвердит; равно как без его согласия не могут существовать и быть постановлены законы; без его ведома не можно также иметь с чужестранными дворами сношения, и от его решения зависит, начать войну или сделать мир»²⁸⁵.

Народная скупщина тотчас после утверждения митрополита и губернатора объявляла их «верховными начальниками над всем черногорским и бердским народом», то есть вручала им высшую исполнительную власть в стране. При этом все же верховная духовная и светская исполнительная власть постепенно сосредоточивалась в руках митрополитов, а губернаторы выступали как второе правящее лицо²⁸⁶. Одновременно следует заметить, что власть митрополитов, если она касалась внутривременных проблем, зачастую не признавалась старейшинами и они на деле руководствовались племенными обычаями и решениями местных народных собраний, а не указаниями митрополитов. Полностью, к тому же не сразу, светскую власть сумеет сосредоточить в своих руках лишь Петр II Негош, хотя на от-

дельных этапах, обычно связанных с серьезной военной угрозой, это удавалось и его предшественникам.

Государственный строй Черногории во время правления митрополитов, при котором высшие органы власти были избираемы народными представителями на Общечерногорском зборе или скупщине и были в значительной степени подотчетны народному собранию, можно определить, по нашему мнению, как республиканский. Республикой Черногорию считали некоторые современники описываемых событий. Так, С.И. Мазарович, уроженец Пераста, несколько лет проведенный в Черногории, а в дальнейшем служивший в российском МИДе, отмечал в 1808 г., что Петр I Негош сумел полностью подчинить себе черногорских старейшин и сосредоточить власть в своих руках. Но вместе с тем он подчеркивал, что «это маленькое государство» является республикой, притом в высокой степени демократичной²⁸⁷. К этому присоединяется В.Б. Броневский, писавший о Черногории как о республике «в полном смысле слова»²⁸⁸. Профессор Дерптского университета, специалист по русскому и славянскому праву А.М. фон Рейц, посетивший Черногорию в 1832 г., также считал, что пять нахий Черногории и Брды образуют республику²⁸⁹. Исследователь и путешественник В.С. Клементьев, в 1841 г. посетивший Черногорию, отмечал авторитарные черты, присущие власти митрополитов в XIX в., но относил народную скупщину к высшему органу власти, стоящему над исполнительной властью. Форма правления страной определялась им как демократическая²⁹⁰, то есть республиканская. Аналогичных взглядов придерживался исследователь быта и нравов черногорцев, знаток черногорского законодательства А.Н. Попов, а также известный английский этнограф Г. Вилкинсон, посетивший Черногорию с научной целью в 1844 г.²⁹¹

Кроме уже упомянутых конституционных проектов 1798 и 1805 гг. были и другие обращения со стороны черногорского руководства к иностранным державам с просьбой о покровительстве. В них за Черногорией предполагалось закрепить республиканскую форму правления. Так, в 1813 году Петр I Негош обратился к командованию английского флота (англичане совместно с черногорцами тогда же освободили Боку Которскую от французской оккупации) с пространственным обращением, где среди прочего содержалась просьба и о признании этого государственного образования за «малую республику» под покровительством Великобритании и России²⁹². Думается, что черногорский митрополит тем самым желал подтверждения такого типа государственного правления, который был присущ черногорскому обществу, и не замыслил какого-либо радикального переворота в форме государственного устройства²⁹³. Следует также заметить, что другой черногорский митрополит Василий Петрович в 1753 году в письме к канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину прямо указывал, что после прекращения правления династии Црноевичей (правителей средневековой Зеты) Черногория стала «республикой под владением своего митрополита», оставаясь таковой и в дальнейшем²⁹⁴. Полагаем, что такой высокообразованный политический и религиозный деятель, автор книги «История о Черной Горы», все же знал форму государственного устройства того общества, в котором он жил. В проекте конвенции, предложенной венскому двору в 1779 г. чер-

ногорской делегацией во главе с губернатором Й. Радоничем, отмечалось, что Черногория является *республикой*²⁹⁵.

В ходе политического противостояния Петра I Негоша и губернатора Й. Радонича сентябрьская скупщина 1797 г. представителей 3 нахий (Риечской, Лешанской и Црмницкой) признала Петра I Негоша «начальником и покровителем» черногорского народа²⁹⁶. Однако это не означало, что черногорский митрополит был правителем монархического типа. В письме к обер-прокурору Синода князю А.Н. Голицыну митрополит отмечал, что черногорцы считают владык лишь «ходатаями своими и миротворцами» и повиновались им только в случае крайнего обострения внешнеполитической ситуации, когда возникла реальная угроза независимости страны²⁹⁷. В 1799 г., когда в Черногории узнали об очередных происках авантюриста Дмитрия Вуича, замышлявшего стать светским правителем Черногории, скупщина приняла постановление, согласно которому Вуичу запрещалось вмешательство во внутренние дела страны и подчеркивалось, что Черногория желает сохранить существовавшую до сих пор форму правления без «господаря»²⁹⁸.

С 1697 года во главе Цетинской митрополии находились представители дома Петровичей Негошей (Данило, Сава, Василий Петрович, Петр I и Петр II Петровичи Негоши), которые наследовали митрополичий престол (а совсем не трон монарха) согласно завещанию предшественника. Обязательным актом при этом было признание и подтверждение наследования со стороны народного собрания как высшего органа власти. В 1823 г., когда Петр I Негош решил изменить завещание, составленное в пользу его племянника Георгия Савова Петровича, то на это ему также потребовалось специальное решение скупщины²⁹⁹. Если бы власть митрополитов была наследственно-монархической, то невозможен был бы в 1782-1784 годах перерыв в правлении Петровичей Негошей, когда после смерти Савы почти 2 года митрополитом был представитель другого рода – Арсений Пламенац, избрание которого объясняется в том числе и недовольством черногорцев правлением слабовольного Савы. Совместное правление митрополитов Савы и Василия Петровичей Негошей (40-60 гг. XVIII в.) также не совсем вписывается в монархическую форму власти. Вместе с тем следует признать, что наследование по завещанию митрополичьего престола долгое время в роду Петровичей Негошей, безусловно, способствовало формированию монархических тенденций в Черногории. Однако сами митрополиты не персонифицировали себя с правителями-монархами и в дипломатической переписке, а также в письмах и грамотах, предназначенных для внутреннего употребления, по большей части подписывались так: «смиранный митрополит черногорский», «покорнейший слуга и богомолец митрополит Петр Петрович Негош», «владыка» и т.п.³⁰⁰ Российские монархи в официальных грамотах, направленных в Черногорию, обращались не персонально к митрополиту как государю, но и к «губернаторам, воеводам, князьям и сердарям и иным духовным и мирским начальникам, також и всему народу Черногорской и Бердской славеносербских областей»³⁰¹, учитывая тем самым широкую форму народного представительства. Екатерина II, поднимая в 1788 году черногорцев на совместную антитурецкую борьбу, именует их «гражданами», а не подданными, ставя в грамоте митрополита в общий ряд лиц, воплощавших власть в Черногории, основан-

ной на республиканских началах³⁰². Также и в ответе черногорского правительства российскому эмиссару М.К. Ивеличу (июнь 1804 г.) Петру I Негошу отводится в черногорском обществе статус «гражданина между нами почтеннейшего...»³⁰³, но никак не правителя монархического типа. Примат народного суверенитета безоговорочно признавался русским правительством и Николаем I при провозглашении Черногории княжеством в 1852 г. Не приходится сомневаться, что если бы не было положительного решения скупщины на изменение формы правления, то в Петербурге желание Данилы стать князем было бы отвергнуто. Понимал это и сам Данила, тщательно подготавливавший благоприятное для него решение скупщины, о чем еще будет сказано в дальнейшем.

Петр I Негош, как и некоторые другие владыки из рода Петровичей Негошей, на отдельных этапах пребывания на митрополичьем престоле сумел сконцентрировать в своих руках значительную государственную власть (возглавлял военные силы, председательствовал в высшем суде, когда решались проблемы общегосударственного значения, предпринимал самостоятельно некоторые внешнеполитические акции и в целом во многом определял внешнюю политику Черногории и т.п.). Эти важные рычаги государственной власти, которыми в большей или меньшей степени, в зависимости от обстоятельств, обладал Петр I Негош, его авторитет как церковного владыки – все это способствовало формированию в народном сознании представления о нем как «господаре»³⁰⁴ Черногории. Можно сказать, что при нем продолжалось постепенное формирование института монархической власти в Черногории, но все же сам Петр I Негош являлся первым лицом в государстве республиканской формы устройства. Анализируя роль и место Петра I Негоша в Черногорской истории, П.А. Ровинский подчеркивал, что он не являлся «светским государем», но был «представитель и вместе с тем в полном смысле слуга, как православной церкви в Черногории, так и обитавшего там народа»³⁰⁵. А по мнению черногорского историка Ч.М. Лучича, Черногория при Петре I Негоше была «мелкособственнической безиерархической землей, чье политическое основание базировалось на общенародной воле, а верхушку общества составляли выборные от народа»³⁰⁶, что является близким к признанию существования в Черногории республиканского строя.

Когда мы утверждаем, что Черногория, вплоть до провозглашения ее княжеством, была республикой, то следует определить тип республиканского устройства. Разумеется, республика в Черногории не являлась буржуазно-демократической. Не была Черногория при Петре II Негоше и «раннебуржуазным государством», как полагают некоторые югославские историки государства и права³⁰⁷. Можно говорить с известной осторожностью об отдельных и слабых элементах раннебуржуазных отношений, отчетливо проявивших себя в 30-е годы и приобретших более явственные очертания во второй половине XIX в., но никак не при Петре I Негоше и тем более в якобы уже сформировавшемся раннебуржуазном государстве.

По нашему мнению, республиканский строй Черногории в определенной степени был сродни той форме республиканского устройства, которое известно еще со времен античной Греции. Черногория при митрополитах, если руководствоваться общепринятой терминологией, во многом напо-

минала олигархическую (аристократическую) республику, какой была, например, Спарта, где народное собрание (апелла) выбирало высших должностных лиц и принимало участие в решении наиболее важных государственных дел³⁰⁸. При этом реальная власть постепенно сосредоточивалась в руках старейшин, а спартанская герусия (совет старейшин), являвшаяся высшим судебным и административным органом, по функциям была определенным аналогом государственных учреждений Черногории, возникших в стране при Петре I и Петре II Негошах, а также ранее. Функции басилеев в Спарте (применение в литературе в их отношении термина «цари» носит исключительно условный характер) ограничивались лишь военными, религиозными и некоторыми судебными делами, то есть во многом были аналогичны функциям митрополитов. Заметим, что олигархическая форма правления является наиболее естественной фазой перехода к монархическому режиму власти. Кроме прочего, Спарту и Черногорию сближало и то обстоятельство, что оба эти государства в значительной мере были изолированы от внешнего мира и представляли собой военизированные общества, поскольку военный характер был присущ спартанской общине, а черногорское племя являлось не только административно-территориальной единицей, но и военно-политическим объединением. Следует также отметить, что республиканской Спарте, находившейся, как и Черногория, на раннеклассовом этапе общественного развития, были присущи значительные остатки родового строя, черты которого, как уже отмечалось, сохранялись и в Черногории. Причем, если для Спарты, как, впрочем, и других античных республик, это было естественное состояние общества, совершившего переход от родового строя к государству, то для Черногории родоплеменные черты общественной жизни и политического строя являлись в большей мере следствием других причин. На их реанимацию в свое время повлияло османское завоевание и исторически сложившаяся затем изолированность страны, ставшая причиной регресса общественной и хозяйственной жизни. Однако оживление патриархального уклада не привело к утрате черногорцами государственности. В данном случае мы разделяем взгляды югославского историка Б. Петковича, считавшего, что «Черногория и в XVII веке была фактически государством, основывающимся на союзе племен, имевшем свое представительство во главе с митрополитом, свои законы и своих судей; в ней были сильны традиции средневековой государственности, которые поддерживались Цетинской митрополией»³⁰⁹. К этому следует только добавить, что государственное устройство Черногории было республиканского типа.

Разумеется, проводить полную аналогию между Черногорией и Древней Грецией не следует. Черногория XVIII - первой половины XIX в., несомненно, отличалась от античных обществ. Достаточно вспомнить, что наряду с патриархальными пережитками в Черногории существовали на церковных землях сравнительно устойчивые феодальные, а не рабовладельческие отношения. Социальные структуры в силу этого, естественно, также различались. Безусловно, существовали и многие другие различия, обусловленные в том числе разными временными эпохами. Вместе с тем политическая организация власти античных государств-республик и Черногории была схожа, и прежде всего это выражалось в роли народных со-

браний, являвшихся как в античной Греции, так и Черногории наследием родоплеменных отношений, а также в постоянно возраставшем влиянии старейшинской верхушки на внутривластную жизнь общества.

Если от античности обратиться к более близким временам, то, на наш взгляд, республиканское устройство Черногории, прежде всего в системе организации высшей исполнительной власти, имело определенное сходство с Новгородской раннефеодальной республикой периода XII - первой половины XIII в. Тогда городское вече играло определяющую роль в политической жизни и новгородская община распоряжалась княжеским столом и посадничеством. В Новгороде этого периода высшие управленческие функции принадлежали избираемому вече *владыке* (финансы, внешняя политика, суд и пр.), а гражданское лицо – посадник, был лишь вторым по значению³¹⁰.

Оценивая республиканское устройство Черногории, следует отметить, что для Европы нового времени этот государственный строй был явлением примитивным, архаичным. Республики на тех же Балканах (Дубровник, Ионическая республика) находились на гораздо более высокой ступени политической организации. Руководство Черногории, осуществляя преобразования в стране, стремилось при всесторонней поддержке России усовершенствовать и государственную систему, приспособить ее, хотя бы отчасти, к общеевропейским образцам. При этом оно хотело сохранить в преобразованном государственном устройстве традиционную для Черногории республиканскую форму правления. Если бы это совершилось, то у Черногории, при благоприятном стечении международных обстоятельств, появлялись шансы выйти на европейскую арену субъектом международных отношений в качестве республики, находящейся под покровительством мощной державы, какой являлась Россия.

Вполне возможно, что в глубине души Петр I Негош испытывал желание стать правителем монархического типа. Во всяком случае так считал его политический противник Ф. Марошевич, информировавший российский МИД в 1808 г. о стремлении Негоша стать наследным князем Черногории³¹¹. Однако, как показали события, нужно было еще время и дополнительные условия – как внутренние, так и внешние, для превращения страны в светскую монархию. Его преемник Петр II Негош преуспел в этом деле, поскольку с конца 30-х гг. XIX в. начал практически самовластно управлять государством, сумел с помощью регулярных отрядов полицейского типа – гвардии и перяников (телохранителей), добиться значительных успехов в борьбе с родоплеменными пережитками, племенным сепаратизмом. Ему удастся сосредоточить в своих руках не только духовную власть, но и всю полноту светской власти. При Петре II республиканский строй стал, по сути дела, ширмой абсолютистского режима, где за его формальной оболочкой скрывалась монархия. Окончательно процесс трансформации республиканского строя в монархию будет завершён в 1852 г. провозглашением Черногории княжеством.

В течение почти половины столетия черногорским владыкой был Петр I Петрович Негош – выдающийся государственный деятель, мудрый политик и талантливый военачальник. Укрепив свое положение главы государства, он повел решительную борьбу с племенным сепаратизмом, до-

биваясь объединения всех сил, чтобы противостоять опаснейшему противнику Черногории – правителю Северной Албании Махмуду-паше Бушати.

В разгар подготовки военных действий в июне 1796 г. скупщина старейшин в Цетинье огласила уже ранее упоминавшуюся «Одлуку» (Постановление) о совместных боевых действиях черногорцев и брдян³¹². На следующей скупщине в августе 1796 г. была принята так называемая «Стега» (Ограничение). Авторство этого документа, состоявшего из шести статей, принадлежало Петру I Негошу. Он в основном повторял содержание Одлуки. Этим документом участие в борьбе с неприятелем возводилось в закон, единство и взаимовыручка черногорцев и брдян рассматривалась как необходимый элемент этой борьбы, сурово порицались изменники общего дела. «Найдется какой черногорец, или какое село, или племя, или какая нахия, где будет явный или тайный изменник, такового все единогласно предаем вечному проклятию», – говорилось в одной из статей. Этот изменник считался «кровником всего народа», и он сам, и его род становились презираемыми в Черногории³¹³. Стега не предусматривала применение в отношении нарушителей каких-либо карательных санкций, а ограничивалась лишь мерами морального воздействия.

Следующим важным шагом в процессе формирования черногорского государства являлось принятие Законника общего черногорского и брдского (известного в югославской и современной черногорской исторической и правовой науке как Законник Петра I, владыки черногорского), который утвердила 18 (29) октября 1798 г. скупщина в Станевичах³¹⁴. Тогда же было сформировано Правительство суда черногорского и брдского, или Кулук – общечерногорский орган власти. Сведений о его составе не сохранилось, но имеются данные о следующем правительстве и суде, которое было реорганизовано из предыдущего в сентябре 1799 г. и включало 50 чиновников из числа старейшин³¹⁵. Заметим, что для обществ со слабым развитием феодализма свойственна неотделенность суда от администрации, отсутствие специальных органов, то есть те органы и должностные лица, которые осуществляют законодательную власть и управление, в той же мере выполняют и судебные функции. Это относится как к высшим органам, так и к местным, и в монархиях и в республиках³¹⁶. Правительство суда черногорского и брдского было институтом центральной власти, но еще слабой и недостаточно концентрированной. В этой связи уместно вспомнить справедливое суждение Ф. Энгельса, что публичная власть «может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоположностями и в отдаленных областях...»³¹⁷.

При правительстве имелась Народная канцелярия, возглавляемая народным секретарем, в ее штат входило еще несколько секретарей. Через этих служащих Народная канцелярия объявляла решения о созыве скупщин, мобилизации на войну, ее чиновники имели право решать мало-важные судебные дела, занимались разбором конфликтов, возникавших между черногорцами и австрийскими подданными. Народная канцелярия поддерживала внешнеполитические контакты и наделяла полномочиями черногорских представителей, отправлявшихся в другие государства³¹⁸.

Законник общий черногорский и брдский включал 16 статей, а позже, в 1803 г., был дополнен еще 17 статьями и насчитывал всего 33 статьи. За-

конник базировался на нормах обычного права, некоторые исследователи прослеживают в нем византийское влияние³¹⁹. Его автором был Петр I Петрович Негош³²⁰.

Цель основной статьи Законника – разрушение остатков родоплеменных обычаев, пресечение кровной мести. «Если черногорец убьет брата своего черногорца или брдянина без всякой вины, то он подвергается смертной казни» (ст.2). Отсюда проистекает начало, противное ранее существовавшему родоплеменному обычаю, дававшему убийце возможность откупиться. Если преступник, повинный в кровной мести, скрывался за пределами Черногории и не мог быть пойман, то его имущество подлежало конфискации, часть – в пользу семьи погибшего, другая – в государственную казну (ст.3). Поймавший убийцу мог убить его и за это не нес ответственности перед законом (ст.5).

Власти понимали, что архаичные представления о чести и морали, глубоко укоренившиеся в сознании черногорцев, будут мешать отправлению правосудия. Эту возможность должна была пресечь статья Законника, по которой укрыватель убийцы подлежал одинаковому с ним наказанию, то есть смертной казни. По-иному трактовалось неумышленное убийство и убийство в целях обороны (ст.10). За такое преступление полагалось менее суровое наказание. В судебных материалах содержится дело, по которому за убийство в целях обороны был взыскан крупный денежный штраф³²¹. За нанесение раны во время ссоры на виновного накладывался денежный штраф.

Защита интересов, в первую очередь зажиточной части населения, выражавшаяся в охране частной собственности, предопределила суровость мер, направленных на пресечение грабежей и воровства (ст.13, 14, 16, 17)³²². Необходимо учитывать, что эти законы вводились в стране, где такое преступление, как угон чужого скота, считалось своеобразным героическим поступком, проявлением «юначества». Не нес уголовного наказания и человек, убивший или ранивший вора, застав его на месте преступления (ст.13). Аналогичная статья содержится в «Русской правде»³²³. Здесь подтверждается правило, установленное обычаем, – право убить вора на месте преступления, которое встречается в законодательстве обществ, находящихся на раннеклассовой стадии развития. Однако на практике этот закон зачастую не соблюдался, и такого невиновного перед законом убийцу поджидала все же кровная месть³²⁴.

Купля-продажа недвижимого имущества представляла преимущественное право на покупку родственникам и ближайшим соседям владельца (ст.15). Примечательно, что право покупки недвижимой собственности (племенщины) закреплялось и Полицким статусом, но распространялось только на близких родственников, которые обладали правом выкупа племенщины³²⁵. Черногорский Законник не содержал подобной оговорки, однако на практике суд предоставлял такую возможность, руководствуясь уже нормами обычного права.

В Законнике имелась статья, которая должна была способствовать улучшению условий торговой деятельности, в чем был особенно заинтересован старейшинский слой, – беспорядки на базаре приравнивались по силе вины к беспорядкам в церкви (ст.19). Не были обойдены и международно-правовые отношения, касающиеся, в частности, австрийского При-

морья. Черногорцы обязывались «держать с приморцами добрососедский мир и тишину, какая приносит обеим сторонам взаимную пользу» (ст.18). В последующих статьях упорядочивалась система судопроизводства, предусматривались тяжкие наказания судьям за взятки и злоупотребления. Причем наказанию подлежал и взяткодатель. Закон предписывал каждому черногорцу и брдянину «подчиняться, уважать и любить судей ими же выбранных» (ст.26). Менее значительные гражданские дела должны были решаться местными судьями. Тенденция к формированию местных судов относится к началу XIX в. Они не представляли собой стабильные учреждения, периодически распадались и возникали вновь³²⁶. Правительство и сам Петр I наказывали судей за следование патриархальным обычаям в судебной практике. Однако, если встречались дела, не подпадавшие под действие норм Законника, судьи могли рассматривать их и выносить приговор по «обычаям и по своей совести»³²⁷.

Для того, чтобы государственные органы могли функционировать, необходимо было их финансировать. На содержание Правительства и суда шли суммы из денег, попадавших в казну в качестве штрафов. Однако главным источником финансирования были субсидии России, рассматриваемые митрополитом Петром I Негошем как необходимое средство для поддержания государственной организации в Черногории. В сентябре 1799 г. он сообщал Н. Черноевичу-Давидовичу (Чирковичу) в Петербург: «Определяемая в ежегодное течение по 1000 червонцев сумма денег имеет быть здесь употребляема во общую пользу для содержания в судах достойно определенных старшин»³²⁸. Причем наряду с денежными суммами, получаемыми непосредственно от русского правительства, существовала еще такая форма дотации, как денежные пожертвования Цетинскому монастырю русским Синодом (каждые три года по 500 рублей)³²⁹. Однако необходимо было найти свой постоянный источник содержания аппарата власти, и Законником впервые вводится налог с каждого дома. Необходимость этой меры обосновывалась Петром I Негошем очень ярко и убедительно: «Ни один народ не может быть уважаемым и счастливым, не имея законного суда и хорошего правительства, а ни одно правительство без помощи народа существовать не может. Поэтому все народы на свете ежегодно платят общий налог, сколько в каком месте и государстве установлено, платят его не для других, а для самих себя, чтобы на эти деньги содержать правительство, суды и войска, которые их будут защищать от нападения неприятелей и охранять от всякого злого и дурного человека, чтобы народ мог мирно и без всякого страха заниматься своим делом и жить спокойно и мирно. А это и нам очень нужно, и потому постановляет, чтобы всякий дом платил ежегодный налог в 60 динаров» (ст.20).

Не все статьи Законника сразу и легко были введены в жизнь. Например, во времена Петра I Негоша так и не был налажен регулярный сбор упомянутого выше налога, но не вызывает сомнения весьма широкое применение Законника в судебной практике первых десятилетий XIX в.³³⁰

Некоторые историки представляли митрополита Петра I Негоша как смиренного духовного пастыря, который, видя зло, царящее вокруг, лишь по-отечески увещевал враждующих. Безусловно, митрополит в борьбе за искоренение беззаконий использовал свой авторитет главы церкви, но

в случае необходимости возглавляемое им Правительство суда черногорского и брдского не останавливалось и перед наказаниями, вплоть до смертной казни. В октябре 1803 г. Петр Негош извещал русского консула в Дубровнике К.К. Фонтана о том, что вследствие издания закона и по настоянию судей схвачены совершившие разные преступления черногорцы, их дела расследованы и рассмотрены, по закону некоторые из них осуждены. Сообщалось о приведении в исполнение смертной казни и других наказаний, в том числе денежными штрафами в пользу обиженных³³¹. Через год русский консул в Которе А.О. Мазуревский получил от митрополита письмо, в котором говорилось об аресте нескольких черногорцев и подчеркивалось, что с виновными поступят «по строгости на сей случай изданных законов»³³². Смертные приговоры за кровную месть выносились неоднократно, что иногда удерживало от мести родственникам убийцы. Были также случаи прямого отказа от кровной мести и получения «кровнины» – денежной компенсации за убитых родственников³³³. В 1815 г. священник Н. Калуджерович, который «пошел с Кулуком» по стране, вынес около 1500 судебных приговоров³³⁴.

Появление такого юридического кодекса, как Законник общий черногорский и брдский, объясняется глубокими социально-экономическими процессами, происходившими в черногорских землях в конце XVIII - начале XIX в., когда примитивные формы жизни тормозили формирование государственных институтов, вступали в противоречие с интересами старейшинского слоя, выделявшегося в господствующую социальную группу. Законник привел к определенной централизации власти. Благодаря мерам, направленным на пресечение кровной мести, охрану частной собственности и упорядочение торговли, он сыграл положительную роль в создании основ государственной организации и соответствующего потребностям времени правопорядка. Подтверждением тому является включение этого юридического документа в свод законов первого светского правителя Черногории князя Данилы в 1855 г.

В начале XIX в. Петр I Негош принимает решение создать в стране более совершенный государственный аппарат, чем Правительство суда черногорского и брдского, имевшего прежде всего судебные функции. На скупщине в августе 1803 г. была принята вторая часть Законника и вновь декларировано создание правительства, о чем митрополит сообщил в Петербурге. Направленный с политической миссией в Черногорию российский эмиссар М.К. Ивелич (деятельность которого подробно будет освещена далее) поддержал просьбу Петра I Негоша к Александру I утвердить черногорское правительство, считая, что это укрепит в стране русское влияние³³⁵.

В начале марта 1805 г. митрополит обратился к посредничеству М.К. Ивелича для получения денежных средств от царского правительства на создание новых государственных органов и гвардии. Ежегодные расходы на государственный аппарат должны были составить сумму в 33000 руб. Национальная гвардия обязана была поддерживать внутренний порядок (ликвидация кровной мести, охрана церковного имущества), проводить в жизнь правительственные и судебные постановления, охранять границу и взимать пошлины. За несение службы должно было выплачиваться соответствующее жалованье. Высшую власть представляли президент, шесть

сенаторов, чрезвычайный российский советник, шесть депутатов и восемь чиновников (секретарь, казначей и др.) Чиновникам начислялось ежегодное жалованье³³⁶. Осуществление этого проекта позволило бы создать более стройную, централизованную систему управления республиканского типа, стабилизировать обстановку в стране. В апреле 1805 г. М.К. Ивелич информировал управляющего министерством иностранных дел А.А. Чарторыйского о своем свидании с черногорскими старшинами и митрополитом, которые были обеспокоены беспорядками в стране. Ивелич считал, что без создания «национальной гвардии» в 500 человек и без учреждения правительства по проекту митрополита мир в стране не будет восстановлен³³⁷.

В это время Россия готовилась к войне с Францией и, полагая, что Балканы и Средиземноморье станут одной из арен предстоящих битв с Наполеоном, активизировала свою политику на Балканах. В связи с этим проявлялась и заинтересованность в укреплении черногорского государства, совершенствовании его государственного аппарата, модернизации военных сил. В марте 1805 г. в Черногорию прибыл русский дипломат С.А. Санковский. В инструкции, полученной им от А.А. Чарторыйского, говорилось: «Для нас очень важно иметь точное и определенное представление о форме правительства, созданного митрополитом, числе судей, его составляющих; знать, является ли это правительство постоянным или временным, какова широта его власти и степень влияния в нем этого прелата (Петра I Негоша. – Ю.А.). Вы собираете об этом все свидетельства, которые сможете добыть, и уведомите нас также, принимает ли народ какое-либо участие в решениях, исходящих от правительства, и насколько существующее правительство обещает быть прочным. Может быть, чтобы его сделать таковым, нужно было бы основать постоянное управление и составить его, например, из 12 членов во главе с управителем, которым, по-нашему мнению, было бы возможным ассигновать содержание»³³⁸.

На Санковского помимо других поручений возлагалась задача окончательно уладить русско-черногорские взаимоотношения, временно обострившиеся из-за попытки Петра I Негоша вступить в контакты с Францией, о чем подробнее будет еще сказано в дальнейшем. С.А. Санковский доставил в Черногорию грамоту Александра I и 3 тысячи дукатов золотом³³⁹. Ему довольно быстро удалось завоевать доверие и расположение черногорского митрополита. «Ничто отнюдь не делается на Черной Горе в противоположность моей просьбе», – писал он А.А. Чарторыйскому³⁴⁰. С целью изучения обстановки в стране русский дипломат совершил вместе с митрополитом поездку по Черногории, проявив себя при этом не как сторонний наблюдатель, а как самый деятельный помощник Петра I Негоша. Он оказал всемерное содействие митрополиту, пресекавшему междоусобицы среди черногорских племен.

С.А. Санковский подробно проанализировал деятельность черногорского правительства, подчеркнул его заслуги в борьбе с сепаратистскими тенденциями отдельных старейшин. В письме к Чарторыйскому от 4 (16) июня 1805 г., рассказывая об одном таком конкретном случае, он отмечал, что «правительство, имея доверенность и уважение к себе народа, имело также власть осудить и приказать дом сего главаря разорить, запрещая, чтоб никогда более не был бы оный построен вновь»³⁴¹. Санков-

ский заключал однако, что черногорское правительство утрачивало свою власть. Его 50 членов-судей, не получая платы за службу и не будучи в состоянии себя содержать, стали расходиться по домам или брать взятки с «челобитствующих». Видя свою задачу в том, чтобы «приложить старание дабы возможно было учредить на Черной Горе постоянное правление, сходственно с правами, обычаями и нравами сего народа...»³⁴², русский дипломат принял активное участие в составлении проекта государственного устройства в Черногории.

Новый вариант такого проекта (перекликавшегося с проектом 1798 г.), подписанного митрополитом Петром I Негошем, губернатором В. Радони-чем³⁴³ и пятью сердарами нахий, а также проект внутренней организации черногорского правительства были направлены Санковским в Петербург в октябре 1805 г.³⁴⁴ Содержание этих документов позволяет судить о тех идеях и намерениях, которые в конце XVIII в. и в первые годы XIX в. созрели у Петра I Негоша и его ближайшего окружения в отношении дальнейшего развития государственного строя в Черногории.

Высшим органом государства в указанном проекте объявлялась народная скупщина (по терминологии Санковского – генеральный сейм): «Народ черногорский и брдский будет пользоваться во всем своем пространстве прежними правилами. Собран на сейме, он будет иметь верховную власть, состоящую в утверждении новых законов, в выборе непрременных своих начальников, как то: митрополита, губернатора, сердарей и воевод, которые, однако ж, должны повиноваться правительству и иметь от него ограниченную власть...». Народной скупщине принадлежит право вводить налоги, принимать грамоты от государей в присутствии правительства и через митрополита и губернатора, объявлять войну «с согласием своего высочайшего покровителя», участвовать в войне на стороне России, «посылая своих людей сражаться везде с неприятелем». Закреплялся принцип равного участия в исполнении верховной власти депутатов каждой нахии. Правительству вменялось в обязанность «учредить законный порядок, каким образом генеральный сейм должен собираться и сколько именно депутатов каждая княжина (племя. – Ю.А.) должна на оный послать».

Исполнительная власть возлагалась на правительство – Сенат. Он состоял из Сената старших, которому принадлежала административная власть, и Сената младших, имевшего судебные функции. Тем самым делался шаг к разделению этих сфер деятельности.

Правительство должно было возглавляться двумя президентами – митрополитом и губернатором, а их преемники – утверждаться народной скупщиной. Характерно, что власть президента-митрополита по проекту была несколько шире, чем президента-губернатора. Митрополит имел единоличное право созвать народную скупщину, приостановить исполнение смертного приговора, он обладал в правительстве правом лишнего голоса. Провозглашалось отделение духовной власти митрополита от светской.

Предполагалось, что, пока Черногория не имеет собственных доходов, ее правительственные учреждения будут содержаться на средства России, которая пришлет и отряд своих войск. Все это способствовало бы международному признанию покровительства России, утвердило бы «власть народную и правительства». В проекте упоминалось также о чиновниках в

нахиях, назначаемых правительством и ему подчиненных, а в донесениях Санковского указывалось на необходимость учредить местные органы власти – трибуналы³⁴⁵.

Таким образом, проект предусматривал создание в стране стройной системы управления, демократический характер которой выражался в широких правах народной скупщины как верховного органа власти, в постоянной смене членов Сената и его ответственности перед скупщиной. Авторы этой своеобразной конституции учитывали специфику общественно-экономического и политического положения Черногории. Патриархальные обычаи не подвергались коренной ломке, а приспособлялись к новым условиям. Проект сочетал опыт и планы митрополита и его окружения в отношении государственной организации страны и взгляды на эту проблему С.А. Санковского, старавшегося учесть интересы России. Черногория, получив международное признание своей самостоятельности, попадала в сильную политическую и экономическую зависимость от русского правительства. Имея свой кодекс законов и утвержденную царем конституцию, эта маленькая славянская республика с сильной центральной властью, с сохранявшейся главенствующей ролью народной скупщины могла стать образцом для других балканских народов. Но осуществить такую задачу черногорцы могли лишь при самой активной политической и материальной помощи России. В бурную эпоху наполеоновских войн, когда международная обстановка в Европе принимала совершенно неожиданные повороты, такая помощь не могла быть предоставлена, замыслы государственных преобразований в Черногории остались неосуществленными. Однако идеи, заложенные в конституционных проектах 1798-1805 гг., не были забыты. Они оказали известное влияние на процесс формирования государственной организации страны в 1830-е годы.

Деятельность С.А. Санковского и составленный при его участии проект черногорского правительства имели прямую связь с замыслами политической перестройки балканских земель, которые в ходе наполеоновских войн выдвигались как правительством Александра I, так и балканскими деятелями, в частности Петром I Негошем, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем.

§4. Русско-черногорские политические связи в начале XIX века. Миссия М.К. Ивелича в Черногорию

Начало XIX века в Европе было временем наполеоновских войн, в которых Россия приняла самое активное участие. Они коренным образом изменили политическую карту Европы, расстановку сил в борьбе великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Балканская политика России во многом определялась русско-турецким союзным договором, заключенным в конце 1798 г., по которому Павел I обязался предоставить Порте вооруженную помощь в случае французской агрессии, а Турция на время войны с Францией разрешала свободный проход русского военного флота через проливы Босфор и Дарданеллы. Освобождение в 1798-1799 гг. от французской оккупации Ионических островов и создание там Республики Семи Соединенных Островов под номинальным сюзеренитетом Турции и

покровительством России явилось в дальнейшем для русского правительства прецедентом для попыток создать аналогичные государства на Балканах. Кроме того Ионические острова, являвшиеся ключевой позицией и крупнейшей военно-оперативной базой в Восточном Средиземноморье, стали играть ведущую роль в балканской политике России. Сконцентрировав на островах военно-морские и сухопутные силы, Россия могла с успехом бороться против экспансии Наполеона в Южной Италии и на Балканах.

Вступив на престол, Александр I остался верен курсу на сохранение союзнических отношений с Портой. Управляющий Коллегией иностранных дел Н.П. Панин и В.П. Кочубей, дипломат и один из «молодых друзей» императора, во многом определявшие внешнеполитическую позицию Александра I в начале его правления, достаточно и последовательно высказывались за сохранение целостности Османской империи и развитие с ней добрососедских отношений. В 1801 г. В.П. Кочубей следующим образом трактовал внешнеполитические задачи России в отношении Турции: «Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно вперед быть коренным правилом нашей политики»³⁴⁶. Эта концепция русско-турецких отношений в дальнейшем отчетливо проявилась в курсе русского правительства, направленном на сохранение «слабого соседа».

В этих условиях русское правительство пыталось сдерживать антиосманское движение на Балканах, одновременно добиваясь от Порты принятия мер, направленных на улучшение положения христианского населения Балканского полуострова, создание условий для самостоятельного внутреннего развития отдельных областей. Россия, продолжая традиционную политику, поддерживала с балканскими народами политические, церковные и культурные связи. Такие шаги, предпринимаемые петербургским кабинетом, способствовали укреплению русского влияния среди этих народов.

В свою очередь югославянские и другие народы Балкан возлагали большие надежды на Россию. Среди них только Черногория являлась фактически независимой страной, в силу этого ее престиж в балканских землях был очень высок, и именно на нее во многом опиралась Россия при проведении внешней политики в этом регионе Юго-Восточной Европы. В 1801 г., поздравляя Александра I с восшествием на престол, Петр I Негош выразил надежду на то, что Россия по-прежнему будет оказывать покровительство Черногории³⁴⁷. По примеру Черногории и не без ее влияния другие югославянские народы обращали свои взоры к России³⁴⁸.

Если взаимоотношения между Россией и Османской империей, вплоть до русско-турецкой войны 1806-1812 гг., в целом складывались благополучно, то этого нельзя сказать о русско-французских отношениях. Большинство политических деятелей, руководителей русской дипломатии были твердо убеждены в необходимости для России отойти от ставшего про-французским курса Павла I в конце его царствования и вернуться к прежним ее союзным отношениям, и в первую очередь с Англией. Такой взгляд был прежде всего основан на господствующем в правящих кругах России недоверии к политике Франции. В глазах одних Франция по-прежнему являлась носителем революционных идей, у других, либеральных моло-

дых друзей Александра, антагонизм к Франции был вызван ее внешней политикой, нарушавшей европейское равновесие. Но наибольший вес этим убеждениям политических верхов давало то, что в их основе лежали действительные экономические интересы России, которые диктовали необходимость русско-английского сближения. С Англией Россия поддерживала взаимовыгодные экономические связи. До разрыва Павлом I отношений с Лондоном Англия поглощала 37% российского экспорта, а 63% всех купцов, торговавших с Россией, были англичанами³⁴⁹. Идя навстречу интересам российского дворянства и купечества, Александр I в июне 1801 г. заключил договор о взаимной дружбе с Англией, но, не желая пока еще воевать с Францией, он почти одновременно, в сентябре 1801 г., подписал мирный договор с Наполеоном. В Европе воцарился мир, но он оказался недолгим. Наполеон использовал его для подготовки войны с Англией. Видя это, Англия аннулировала Амьенский мирный договор (сентябрь 1802 г.) и сама объявила войну Франции. Непосредственным поводом к войне послужил отказ Англии выполнить требование Наполеона о выводе войск с ее главной военной базы в Средиземноморье о. Мальта.

В первые годы XIX века Франция начинает активизировать свою политику на Ближнем Востоке и Балканах, создавая тем самым угрозу турецким владениям. Если русское правительство, как уже отмечалось, еще при Павле I отказалось от радикальной антиосманской политики, то в противовес этому французская дипломатия вела двойную игру. С одной стороны, в июле 1802 г. в Париже был заключен мирный договор между Францией и Турцией, а с другой – Наполеон рассылал своих эмиссаров на Балканы и подготавливал десант для высадки в западных балканских провинциях Османской империи. Одновременно с этим в 1801-1802 гг. он предлагал Александру I, хотя и безрезультатно, поделить и так обреченную, по его мнению, на распад слабую Османскую империю, замечая при этом, что ее раздел должен соединить Францию и Россию³⁵⁰. Личный эмиссар Наполеона Ф. Себастиани, посетив Сирию, Египет и Ионические острова, настаивал на повторном захвате французами Египта и Ионических островов³⁵¹. Естественно, российскую дипломатию беспокоило как заигрывание Наполеона с Портой, так и реальная угроза прямого военного вторжения французов на Балканы: последнее создавало явную опасность для южных рубежей российского государства. Поэтому предотвращение французской экспансии на Балканском полуострове, организация вооруженного отпора наполеоновской агрессии в случае десантирования французских войск на Адриатическое побережье стали важной задачей русского правительства. В связи с этими обстоятельствами российское руководство рассчитывало на военную помощь со стороны черногорцев и православного населения соседних областей, находившегося под влиянием Черногории. В Петербурге не сомневались в преданности черногорцев и до поры до времени не знали, что те широкообещательные обещания, какие давал Наполеон через своих агентов, нашли определенный отклик и в Черногории. Так, сердары Башкович и Дрекалович сообщали в апреле 1803 г.: «Мы имеем довольно врагов и недоброжелателей, старающихся истребить в народе ревность и усердие к Российской империи»³⁵², хотя и не уточняли, кто они. В свою очередь французские агенты в Дубровнике

– Бертье, Пуквилль – поддерживали профранцузские настроения в самом черногорском митрополите³⁵³.

Развернувшиеся в мае 1803 г. военные действия на море между Англией и Францией делали Средиземное море центром противоречий европейских держав, а опасения появления французских войск на Балканах возросли и сильно тревожили русское, турецкое и австрийское правительства. Летом 1803 г. в российском министерстве иностранных дел обсуждался вопрос о том, какие меры следует принять в случае высадки французского десанта на побережье Адриатики. При этом Черногории было уделено особое внимание из-за ее важного военно-стратегического положения на полуострове, воинственности ее жителей. Но в то же время в Петербурге еще не знали, что Петр I Негош направил в Голландию своего посланца, который в начале марта 1802 г. встретился там с французским артиллерийским офицером, полковником Феликсом де Лапрадом. Эмиссар митрополита передал Лапраду депешу владыки, в которой Петр I Негош выражал готовность напасть на «соседних турок», находившихся тогда в мятежном состоянии. Лапрад предложил митрополиту отложить эту акцию, и тот дал обещание не предпринимать никаких действий в течение одного года. О своей встрече с посланцем митрополита Лапрад уведомил министра иностранных дел Франции Шарля Мориса Талейрана только в начале мая 1803 г. по возвращении в Париж. Талейран, выслушав Лапрада, также предложил отложить активные действия против турок со стороны митрополита на один год³⁵⁴. Почти одновременно с посланием к Лапраду Петр I Негош 29 марта (10 апреля) 1802 г. направил письмо тогда еще первому консулу Бонапарту, содержащее поздравление по поводу примирения Франции с Россией. Основываясь на дошедших до митрополита слухах о возможности возникновения войны между Францией и Турцией, Петр I Негош предлагал свое содействие в этом с использованием боевых сил черногорцев. Он также информировал Бонапарта о готовности других народов, страдающих под османским гнетом, объединиться в борьбе за свободу³⁵⁵. Подписанный мирный договор между Россией и Францией, о котором упоминал Петр I Негош, был заключен 26 сентября (8 октября) 1801 г. Согласно этому договору Россия признавала режим консульства и его завоеваний, и в то же время он знаменовал собой попытку предотвратить захваты новых территорий французами.

По мере развития событий французская активность все более вызывала озабоченность петербургского кабинета. Русское правительство было обеспокоено деятельностью французской дипломатии в Константинополе, направленной на подрыв союзнических отношений между Россией и Турцией. В министерстве иностранных дел был сделан вывод, что политика Франции создает угрозу южным границам России и ее торговле на Черном море³⁵⁶. В свое время, еще в 1796 г., Петр I Негош в письме к Екатерине II предсказывал и предупреждал, что французы, продолжая наступательное движение, «намереваются принять шествие к Молдавии и далее, даже к прежде бывшим польским границам и пределам Российской империи»³⁵⁷.

В июне 1803 г. под предлогом «собственных надобностей» в российскую столицу прибыл черногорский архимандрит С. Вукотич (Вучетич), ранее как черногорский посланец в 1798 г. бывавший в России и известный руководством МИДа. Сразу же по прибытии Вукотич подал на имя Александра I

специальную Записку, препровожденную императором канцлеру А.Р. Воронцову. В ней С. Вукотич сообщал русскому двору, что секретарь Петра I Негоша аббат Дольчи склонил митрополита «в приверженность французской республике» и что митрополит Петр I Негош и Дольчи вступили в переписку с французскими эмиссарами³⁵⁸. Затем С. Вукотич в устной и письменной форме ознакомил канцлера и министра иностранных дел А.Р. Воронцова «с деяниями митрополита черногорского» и внес предложение отправить в Черногорию графа М.К. Ивелича с целью пресечь «все злые намерения»³⁵⁹.

Архимандрит С. Вукотич был первой ласточкой, вскоре аналогичные сведения, подтверждающие тайные контакты черногорского правителя с французами, поступили от венского двора и некоторых российских дипломатов (посланника в Сардинии И. Лизакевича, генерального консула в Дубровнике К.К. Фонтон)³⁶⁰. Фонтон полагал, что в случае высадки французов на Адриатическое побережье они будут поддержаны черногорцами³⁶¹. Подозрительность в российском внешнеполитическом руководстве дошла до такой степени, что впоследствии А.А. Чарторыйский всерьез интересовался у К.К. Фонтон, не является ли утвержденное на августовской скупщине 1803 г. черногорское правительство во главе с митрополитом плодом деятельности французского правительства и не является ли «душой» этих перемен французский агент аббат Дольчи³⁶².

Таким образом, могло стать, что верные союзники-черногорцы, неоднократно в XVIII в. демонстрировавшие преданность России, могли влиться в ряды неприятеля, каким вновь для России становилась наполеоновская Франция, готовая, как в свою очередь считал Петр I Негош, вступить в войну против Османской империи, но не против России, с которой, как полагал митрополит, Франция находится в дружеских отношениях.

Можно полагать, что Петр I Негош подозревал о том, что в Вене готовят компрометирующие материалы против Черногории. В феврале 1803 г. в письме к А.Р. Воронцову он сетовал на происки Австрии, желающей внести раздор между черногорцами и «покорить сей край». Митрополит обращал внимание канцлера на интриги австрийцев против него и «старого верного друга аббата Дольчи»³⁶³. Петр I Негош, узнав, хотя и с опозданием (уже после отъезда С. Вукотича в Россию), о намерениях архимандрита дать в Петербурге показания против него и его секретаря, попытался нейтрализовать эту опасность. Поэтому в следующем письме к Воронцову, обвиняя Вукотича в вероломстве и пронырстве, митрополит просил изгнать его из России как возмутителя общественного спокойствия в Черногории³⁶⁴. С аналогичной просьбой митрополит обратился и к самому императору³⁶⁵. Надо сказать, что, отправляя С. Вукотича в январе 1803 г. в Россию и тогда еще ему полностью доверяя, Петр I Негош вручил Вукотичу помимо прочего любопытное письменное обращение к российскому посланнику в Константинополе А.Я. Италинскому. В нем митрополит просил российского дипломата, что когда С. Вукотич на обратном пути из России будет в Константинополе, то он должен забрать у Италинского султанский указ, согласно которому «Черная Гора, будучи исдревле вольна и ни от кого зависима, принята под высочайшую протекцию всероссийского самодержца». Якобы истребование этого указа от Порты было уже предписано Италинскому Александром I, и что, по слухам, этот указ вы «давно уже достать

изволили». Уверенный или по крайней мере желающий убедиться в существовании такого султанского указа, Петр I Негош просил российского посланника через С. Вукотича доставить к нему заверенные печатью посольства копии этого указа на турецком, русском и итальянском языках³⁶⁶. Разумеется, никакого подобного султанского указа не было и не могло быть, и Александр I не обращался с таким предложением к Порте. Петр I Негош выдавал желаемое за действительное и хотел верить различного рода посторонним слухам об этом якобы существовавшем указе. Россия, как уже отмечалось, оказывая фактически покровительство Черногории, ни тогда, ни ранее не облакала его в международно-правовую форму, не заявляла об этом открыто на международной арене. Тем не менее это письмо Петра I Негоша чрезвычайно важно для прояснения складывающейся ситуации в русско-черногорских отношениях того периода, поскольку оно свидетельствует, что несмотря на контакты митрополита с Францией он и не думал лишаться фактического покровительства со стороны России и даже желал его упрочить, придав российскому покровительству международно-правовое обоснование.

Черногорский митрополит был явно озабочен тем, какое мнение о нем складывается при русском дворе, поэтому он одновременно с посланием к царю обратился и к российскому канцлеру. Петр I Негош опять обвинял Вукотича в интригах, а в неустойчивом положении, сложившемся в стране, он вновь винил австрийские власти. При этом одним из проводников австрийского влияния митрополит называл капитана русской службы Дж. Войновича, который, согласно его утверждению, нося российский мундир, «отправляет скрытно звание австрийского агента»³⁶⁷. Он утверждал, что Дж. Войнович прилагал усилия, «дабы отторгнуть меня от России», и запугивал угрозой совместного австро-турецкого вторжения в Черногорию. В заключении письма митрополит сообщал о том, что из-за австрийских происков покидает Черногорию «верный и всегдашний друг наш» аббат Дольчи³⁶⁸, однако вскоре выяснится, что это не так.

Столь противоречивая информация произвела ошеломляющее впечатление в министерстве иностранных дел России. Совсем недавно был разоблачен один «аферист», Н. Черноевич-Давидович, черногорский посланник, выдававший себя за «графа» и «обер-воеводу», как вдруг выясняется, что черногорский митрополит и его ближайшее приближенное лицо, вероятно, состоят в тайных связях с Францией. В Петербурге вскоре ожидали агрессивных действий французов против союзной России Османской империи, и, в частности, высадки французских войск на адриатическое побережье в ее владениях, для дальнейшего продвижения в глубь Балкан. Ситуация требовала быстрой ответной реакции министерства на события в Черногории. Первоначально для нейтрализации возможного французского влияния в стране русское правительство не было склонно предпринимать какие-либо экстраординарные меры. Канцлер А.Р. Воронцов в докладе Александру I советовал, снабдив С. Вукотича грамотой, предложить ему вернуться в Черногорию и объяснить там, что русское правительство по-прежнему придерживается своей традиционной политики относительно Черногории, свидетельством чему является выплата ежегодной денежной субсидии в 1 тысячу червонных. К докладу прилагался проект письма Александра I митрополиту, содержащий заверения о продолжении покрово-

вительства Россией Черногории и пограничному с ней православному населению, находящемуся под духовной юрисдикцией черногорского владыки. В свою очередь в депеше генеральному консулу в Дубровнике К.К. Фонтону предписывалось оказывать черногорцам всяческое содействие³⁶⁹. Одновременно с этим А.Р. Воронцов рекомендовал Александру I направить Фонтону в Черногорию под предлогом неофициальной поездки «... для узнавания истины о тамошних интригах», узнать о влиянии, какое там имеют иностранные державы, а особенно французы, и что за человек аббат Дольчи, «которого подозревают посланным от первого консула», в последнем случае внушить митрополиту удалить его от себя. Канцлер тогда полагал, что причиной приезда Вукотича в Россию стала его ссора с «французским интригантом» аббатом Дольчи, вызвавшая недовольство митрополита Вукотичем. Не видя поначалу во всем этом какой-либо угрозы российским интересам в Черногории, а в большей степени обыкновенную внутреннюю склоку, канцлер предлагал императору отправить Вукотича обратно в Черногорию, снабдив его грамотой Александра I к черногорскому народу с уверением о покровительстве императора черногорцам и снабдив его 400 червонных на обратный проезд³⁷⁰. Одновременно канцлер подготовил проект письма митрополиту, где, вспоминая самозваного «графа Черноевича-Давидовича», советовал владыке в дальнейшем быть более осмотрительным при выборе кандидатур, направляемых им к российскому двору. При этом отмечалось, что император не считает архимандрита С. Вукотича «вредным в обществе человеком» и отправляет его обратно в Черногорию с грамотой Александра I к черногорцам³⁷¹.

Однако на этом все не успокоилось, и черногорские дела стали приобретать новый, более крутой оборот, в том числе и с подачи самого А.Р. Воронцова. В конце сентября 1803 г. только что поступивший на службу в МИД К.К. Родофиникин встречался с архимандритом Вукотичем и интересовался у него, не имеет ли он при себе каких-либо обличительных «бумаг» против митрополита. В ответ Вукотич сказал для того, чтобы его обвинения не были голословными, что он попытался добыть свидетельства, избличающие митрополита и Дольчи в связях с французами, но сделать это ему не удалось. Заявляя, что митрополит и его секретарь хотели привлечь Вукотича на свою сторону, он одновременно обвинял находившегося в России эмиссара Петра I Негоша Саву Пламенца в том, что по поручению митрополита и Дольчи он встречался с французами, в том числе был послан для встречи с французским посланником в Константинополе³⁷².

Затем, по мере того, как все более усиливались подозрения против самого митрополита, появилось решение вызвать его в Петербург для отчета в своих действиях перед Св. Синодом. Архивные материалы свидетельствуют, что в дипломатических кругах России существовало опасение, и, как покажет время, не безосновательное, что митрополит может не явиться на вызов Синода. По этому поводу высокопоставленный чиновник и дипломат Д.П. Татищев имел специальную беседу с С. Вукотичем, который рассеял эти опасения. Тем самым он практически дезинформировал русские власти, хотя, безусловно, был осведомлен о степени влияния митрополита в стране. Вукотич уверял в том, что митрополит не посмеет не повиноваться повелению Св. Синода «... и буде бы помыслил пренебречь

позыв сей, то народ принудит его повиноваться оному»³⁷³. Он утверждал, что с удалением митрополита исчезнут надежды французского правительства на содействие черногорцев в замыслах относительно Албании, Мореи, а черногорцы смогут выставить 20-тысячное войско против французов³⁷⁴. По мнению Вукотича, в Черногорию следовало отправить «доверенную особу». Способным выполнить поручение он по-прежнему считал лишь М.К. Ивелича, уже посещавшего Черногорию с русской военной миссией в русско-турецкую войну 1787-1791 гг.

В Петербурге стремились как можно больше узнать о внешнеполитических планах черногорского митрополита, поэтому в Одессе был арестован и затем препровожден в столицу эmissар Петра I Негоша Сава Пламенац. Учиненный ему в присутствии С. Вукотича допрос выявил только то, что С. Пламенац предупредил митрополита об интригах Вукотича против него (Пламенац отбывал в Одессе карантин вместе с Вукотичем и, по-видимому, там узнал о планах архимандрита), но он был абсолютно не в курсе дел о контактах Петра I Негоша с французами³⁷⁵. В министерстве иностранных дел опасались, что Пламенац предупредит митрополита о готовящейся против него акции русского двора, и поэтому он был оставлен в Петербурге под надзором вахмистра Живодерова, и лишь в начале 1804 г. Пламенац был отпущен в Одессу, где за ним также была установлена слежка³⁷⁶. Между тем после некоторых колебаний в МИДе было принято решение направить М.К. Ивелича в Черногорию, полагая, что на месте он сумеет разобраться в черногорских делах, сможет изменить ситуацию в пользу России и организовать надежный заслон против французов на побережье Адриатики.

В югославянской историографии (В. Джорджевич, Д. Лекич, Ч.М. Лучич и др.) превалирует точка зрения, согласно которой миссия М.К. Ивелича носила карательный характер, основной и единственной целью которой было отстранение митрополита Петра I Негоша от власти в Черногории. Однако это не соответствует истине. Инструктируя М.К. Ивелича, канцлер А.Р. Воронцов заострял внимание российского эmissара на том, что «главное старание ваше, обратиться долженствует на воспрепятствование французам поставить твердую ногу в Постровичах и Антивари (Баре), защита коих под руками вашими находится...»³⁷⁷. В высшем российском руководстве, включая Александра I, тогда не существовало ни малейшей тени сомнения в том, что эта высадка французских войск на адриатическое побережье все же состоится и дальнейшей целью этой военной операции французов станет материковая Греция – Морея (Пелопоннес). Возможное проникновение туда французских войск увязывалось в Петербурге с существовавшими тогда планами у французского правительства полного или частичного сокрушения Османской империи. Такой, представлявшийся тогда реальным, вариант развития событий на Балканах был крайне нежелателен для русского правительства. В Петербурге предпочитали иметь соседом слабую империю османов, чем сильного и непредсказуемого потенциального противника в лице наполеоновской Франции вблизи российских границ³⁷⁸. Сам М.К. Ивелич также видел свою основную задачу в предотвращении высадки французов на адриатические побережья³⁷⁹.

Обширная инструкция Александра I М.К. Ивеличу предписывала выяснить степень французского влияния в Черногории, но главной целью его

миссии была организация обороны побережья с помощью черногорцев и герцеговинцев³⁸⁰. В Петербурге явно опасались высадки французского десанта с итальянского берега на территорию австрийского и турецкого Приморья (Паштровичи, Будва, Бар и пр.) для дальнейшего продвижения на полуостров Морья, где греки из-за ненависти к турецкому правлению стремятся «свергнуть иго, их тяготящее», не задумываясь над тем, что поменяют «нынешнюю их неволю на оковы тягчайшие». Поскольку в Петербурге полагали, что ослабевшая Османская империя не представляет какой-либо угрозы России, поэтому, инструктируя Ивелича, Александр I замечал, что она является лучшим нашим соседом, существование которой в Европе следует сохранять³⁸¹. Если бы Ивеличу удалось добиться нейтрализации в Черногории «французского влияния», то, по мнению русского правительства, черногорцы и присоединившиеся к ним брдяне и герцеговинцы могли создать надежную преграду французскому продвижению на побережье Северной Албании, прилегающие местности австрийского Приморья и далее. Пока же, отмечал Александр I, аббат Дольчи, войдя в доверие к митрополиту и отвратив его от преданности к России, сумел своим пронырством вызвать волнения в австрийских владениях на Паштровическом побережье, и в частности это касалось Грбаля (Жупы), Будвы и Паштровичей. Благодаря этому, полагал император, французы не получают в случае высадки на побережье должного отпора, а местное население встретит их как избавителей от ненавистной Австрии. С помощью 20 тысяч черногорцев, обманутых своим архипастырем, французы могли бы овладеть не только Северной Албанией, но также нанести Порте «удары неисцелимые», способные стать прологом к разрушению союзной с Россией Османской империи, и как следствие увеличение и без того уже чрезмерного могущества Франции. Что же касается Черногории, то ее ожидает французское рабство, если французские войска вступят в Черногорию.

Для предотвращения столь негативных для России последствий, в случае дальнейшего сближения между Францией и Черногорией в инструкции Александра I детально излагались те радикальные и довольно жесткие меры, какие должен был предпринять М.К. Ивелич в отношении Петра I Негоша и его секретаря аббата Дольчи, считавшихся в Петербурге главными инициаторами французского влияния в Черногории и, как покажет время, явно преувеличенного.

Помимо рекомендаций, какими способами добиться Ивеличу доверия черногорских и брдских старейшин и народа, известив о том, что митрополит намерен «предать их в руки французского правительства», в инструкции подробно излагались меры, направленные против самого митрополита. Владыку как лицо, обладавшее духовной и светской властью, в глазах черногорского руководства и народа предлагалось дискредитировать с двух сторон, как со стороны его церковной деятельности, так и государственной. В религиозном отношении митрополиту ставилось в укор несоблюдение религиозных обрядов, запустение монастырей и церквей, слабая пастырская деятельность, которая якобы сделала народ равнодушным к православию. И во всем этом был виноват митрополит, предавший-ся «Франции и церкви латинской». Нападкам со стороны Александра I подвергалась и светская деятельность владыки. Петр I Негош обвинялся в

присвоении девяти золотых медалей, предназначенных для старейшин и присланных в Черногорию из России одновременно с его наградой, орденом Св. Александра Невского, в 1799 г. Митрополит также обвинялся в злоупотреблениях при расходовании денежных средств из ежегодной русской субсидии в 1 тысячу червонных, предназначенных на государственные нужды. Мотивы такого поведения Петра I Негоша объяснялись корыстолюбием самого владыки и его стремлением убедить народ в том, что русский двор не заботится о его благосостоянии и тем самым склонить его на сторону Франции. Открыть же глаза черногорскому народу «на гибель ему предстоящую» и должен был М.К. Ивелич.

Ему также была вручена грамота Св. Синода от 16 (28) октября 1803 г., содержащая резкие упреки в адрес религиозной деятельности митрополита Петра I Негоша и вызов его в Петербург на суд Синода и предлагавшая там оправдаться по всем выдвинутым против митрополита обвинениям³⁸². В грамоте черногорскому владыке напоминали, что благодаря российским пожертвованиям черногорские и брдские церкви снабжены различными церковными утварями, богослужебными и поучительными книгами и пр. Однако все это при «вашем священноначалии» употребляется лишь во зло, поскольку драгоценные утвари и ризницы переданы в руки иноверцев. Митрополит обвинялся в несоблюдении церковных обрядов при крещении младенцев, в том, что народ не знает наставления в вере и благочестии, а монастыри запустели без иноков. Владыке ставилось в вину, что он скрыл от народа «знатное количество миро», 100 антиминов (плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного святого. – Ю.А.), присланных ему для церковных нужд из России, а он сам многие годы не исполняет своих прямых обязанностей, не несет церковную службу. В этом Синод с огорчением видит «нерадивого стаду своему пастыря, если не умышленного учителя разврата». Все это, по мнению Синода, грозит гибелью православия в Черногории. Поэтому митрополит вызывается Синодом «на судбище», а в случае отказа он будет признан в замыслах против православия и в приверженности «латинской церкви». Следствием этого будет отлучение его от сана, а черногорцы и брдяне изберут себе нового архиерея и пришлют его в Петербург для посвящения.

Заметим, что существует значительно более мягкий вариант грамоты Св. Синода от 9 (21) октября 1803 г. В ней отмечалось, что черногорское и брдское общество «содержит христианский греко-российский исповедальный закон всегда нерушимым», предано «всероссийскому престолу», оказав ему важные услуги. В ней содержалось приглашение черногорскому митрополиту прибыть в Петербург для объяснений по делам, относящимся к пользе духовной, и лишенное каких-либо угроз в адрес митрополита³⁸³. Не приходится сомневаться, что именно этот вариант грамоты Синода первоначально предназначался для отправки в Черногорию.

Вместе с тем надо признать, что церковная жизнь в Черногории была далека от идеала, но винить в этом исключительно митрополита нельзя. Монастыри находились в бедственном положении и запустении не из-за отсутствия внимания к ним со стороны митрополита, а из-за отсутствия должных средств на их содержание, а также, потому что черногорцы крайне неохотно шли в монахи. Сам митрополит Петр I Негош, безусловно,

уделял больше внимания делам государственным, нежели церковным, поскольку сама жизнь черногорского общества в то время, полная внутренних и внешних проблем, требовала этого. Заметим, что практически все обвинения, выдвинутые Синодом против митрополита Петра I Негоша, были включены Александром I в инструкцию для М.К. Ивелича.

Важно отметить, что окончательный текст грамоты составлялся отнюдь не членами Св. Синода, а при самом деятельном участии уже упоминавшегося высокопоставленного дипломата Д.П. Татищева. Именно Д.П. Татищев 9 (21) октября 1803 г. явился к Санкт-Петербургскому и Новгородскому митрополиту Амвросию и объявил ему фактический приказ канцлера А.Р. Воронцова в короткое время подготовить от имени Синода иную, уже отлучительную грамоту для черногорского митрополита. Более того, в министерстве иностранных дел была заранее подготовлена специальная Записка, в которой излагался детальный план и содержание проектируемой грамоты Синода³⁸⁴, на основе которой и была подготовлена грамота Синода, почти дословно совпадающая с текстом Записки. Заискивание, хотя, безусловно, и вынужденное, высшей духовной власти перед светской простерлось до того, что митрополит Амвросий предоставил окончательное редактирование синодальной грамоты с правом ее исправления как заблагорассудится самому канцлеру А.Р. Воронцову. Составленная от лица Синода митрополитом Амвросием грамота поступила в МИД, где в нее были внесены незначительные изменения. После этого она была возвращена митрополиту Амвросию для переписки и подписания, затем подписанная членами Синода грамота на имя черногорского митрополита была вновь представлена А.Р. Воронцову³⁸⁵, окончательно одобтившему ее текст. Таким образом, как справедливо указывает В. Жмакин, царская политика, воспользовавшись церковным авторитетом Синода для достижения политических целей, навязала «позорную роль» высшей церковной власти в России³⁸⁶. Вместе с тем следует все же заметить, что вызов митрополита Петра I Негоша на суд Синода был обусловлен тем, что в высшем российском руководстве, и в частности у канцлера А.Р. Воронцова, тогда бытовало ошибочное мнение, что черногорский митрополит «по духовным делам» находится в зависимости от Синода³⁸⁷. Следует также учесть, что ставки во всем происходящем по мнению высшего руководства России были слишком высоки. В связи с этим именно Синод был единственной инстанцией, способной, по мнению, сложившемуся в Петербурге, заставить митрополита прибыть в российскую столицу. Поэтому Синод был выбран в качестве инструмента давления на черногорского владыку.

Александр I не сомневался в том, что митрополит либо по собственной воле, либо под давлением народа будет удален из Черногории. Он даже выражал опасение, что черногорцы, узнав «о разврате, коему подпал архипастырь», могут посягнуть на его жизнь, и Ивелич должен был ни в коем случае не допустить народного самосуда над митрополитом. Впрочем, решать судьбу Петра I Негоша должен был отнюдь не Синод, а российский император, оставивший за собой право возвращать обратно или нет митрополита в Черногорию. В случае отрицательного решения Александра I Ивелич, получив предписание, должен был предложить народу избрание нового митрополита, благочестивого и преданного России, отправив уже

его в Петербург для рукоположения в высший церковный сан. М.К. Ивелич же до возвращения нового владыки оставался в Черногории, формируя в черногорцах приверженность к России, и самым активным образом занимаясь главным своим поручением – предотвращением высадки французских войск на адриатическое побережье и их дальнейшего продвижения в глубь Балканского полуострова, привлекая для этого черногорцев и герцеговинцев. Содействовать этим планам должно было и продвижение турецкой эскадры к Морее. В том случае, если французы десантируются на побережье еще до прибытия Ивелича и привлекут на свою сторону черногорцев, российский эмиссар должен был добиться того, чтобы черногорцы не только разорвали все контакты с французами, но и вступили в боевые действия против французских войск.

Как видно из инструкции М.К. Ивеличу, Александр I стремился предотвратить ту негативную внешнеполитическую ситуацию, которая по его мнению, да и мнению высшего российского руководства, сложилась или могла сложиться вокруг Черногории. Однако его суждения о положении дел в самой Черногории, о степени влияния на все происходившее в стране митрополита Петра I Негоша были глубоко ошибочны, поскольку в основном опирались на недостоверные сведения, полученные от С. Вукотича, что станет ясным уже в ближайшее время. Кроме того, М.К. Ивелич увозил с собой и грамоту Александра I к черногорским старейшинам³⁸⁸. В ней отмечалось «особливое покровительство» со стороны России соплеменной и единой Черногории и выражалась озабоченность императора тем, что властолюбие иноземцев, подкрепляемое вредными замыслами неких неблагонамеренных людей в Черногории, создает угрозу ее независимости.

1803 г. складывался неблагоприятно для черногорского митрополита и в делах сугубо религиозных, и не только во взаимоотношениях с российским Синодом. Австрийское руководство не устраивало то обстоятельство, что право церковной юрисдикции над православным населением присоединенных к Австрии в 1797 г. венецианских владений в Приморье принадлежало Петру I Негошу, как это было издавна заведено еще при его предшественниках. Особенно это касалось Боки Которской, где, по замечанию одного австрийского дипломата, влияние черногорского владыки было всемогущим и безграничным³⁸⁹. Поэтому в 1803 г. генерал-губернатору австрийской Далмации и Боки Которской генерал-лейтенанту Ф.М. Бради венский двор предложил, посоветовавшись со «знатными и достойными людьми от нации славяносербской греко-римского исповедания», выбрать достойного православного священнослужителя и направить его в Вену для «усовершенствования» и принятия затем архиерейского сана. Выбор Бради пал на Спиридона Филиповича³⁹⁰, человека сложной и интересной судьбы, деятельного участника многих событий на Балканах в начале XIX в. С. Филипович в 1796 г. стал монахом Савиногу Успенского монастыря в Боке Которской, а в ноябре 1797 г. Петром I Негошем был рукоположен в сан иеромонаха того же монастыря. С тех пор митрополит поручал С. Филиповичу дела, связанные не только с религией, но и возлагал на него поручения политического характера.

Предложение Бради С. Филипович принял, но перед отъездом в Вену решил все же посоветоваться со «своим благодетелем и духовным отцом»

митрополитом Петром I. Поскольку из-за пограничных споров черногорско-австрийские отношения были крайне напряженными, свою поездку к Петру I С. Филипович предпринял тайно от местных австрийских властей. Митрополит, понимая, что австрийцы так или иначе будут пытаться добиваться своего, благословил С. Филиповича на отъезд в Вену, поскольку его кандидатура, безусловно, была наиболее приемлемой для Петра I Негоша, одновременно наградив С. Филиповича наперсным крестом за услуги, оказанные ему лично и отечеству, и снабдив его рекомендательными письмами в Вену. Однако этот визит С. Филиповича к черногорскому владыке не стал тайной для австрийцев. По возвращении из Черногории в г. Которе состоялась его встреча с гражданским губернатором Боки Которской бароном Б. Розетти, и тот публично и громогласно обвинил С. Филиповича в связях с человеком, который «желает иметь сверху митры корону», и что Филипович может возвращаться восвояси в свой монастырь, а обо всем произошедшем Розетти уже «написал куда следует». А это, безусловно, была Вена, где по-прежнему надеялись убрать черногорского митрополита.

Вместе с Ивеличем в Черногорию поехал и Вукотич, который, безусловно, сам метил на место митрополита, казавшееся ему уже вакантным, тем более что накануне отъезда С. Вукотич «за любовь к отечеству вашему и приверженность к России» был награжден орденом Св. Анны 2-го класса³⁹¹.

Их путешествие, начавшееся из Петербурга 30 октября (12 ноября) 1803 г., проходило тайно, с соблюдением строгой конспирации, и через Венгрию, Хорватию и Далмацию они прибыли в Котор 2 (14) января 1804 г. Еще находясь в пути, Ивелич через курьера получил письмо от Д.П. Татищева, снабженное чертежами предполагаемого места высадки французских войск. Д.П. Татищев, и это было не только его личное мнение, полагал, что французские войска будут поделены на два корпуса. Один должен высадиться либо в Паштровичах, либо во владениях Дубровницкой республики, а второй – в Антивари (Баре) или в Валонском заливе, то есть на территории владений Али-паши Янинского, где они должны были объединиться. Дальнейшему продвижению этих двух корпусов, которые, как полагал Татищев, могли пойти даже в Румелию, должен был воспрепятствовать Ивелич, возглавив черногорцев и 30 тысяч герцеговинцев, обещанных находившимся тогда в Петербурге и прибывшим из Герцеговины пивским архимандритом А. Гаговичем³⁹². О задачах своей миссии Ивелич известил австрийские власти Котора. Австрийское правительство не менее российского было обеспокоено активизацией французской политики на Балканах, опасаясь за судьбу своих владений в Приморье. В Вене тогда рассматривали несколько вариантов сотрудничества с М.К. Ивеличем, которые были изложены в феврале 1804 г. в письме императора Франца I барону Б. Розетти, составленном на основе предложений министра иностранных дел, вице-канцлера Л. Кобенцля и кабинет-министра Коллоредо. Согласно первому из них, если черногорский митрополит согласится с предложением Ивелича и добровольно отправится в Петербург, то ему не следует препятствовать и облегчить его вояж. Два других содержали инструкции о поведении австрийских властей в том случае, если митрополит будет находиться в Черногории или в монастыре Станевичи. При нахождении митрополита в Черногории помощь Ивеличу запрещалась, за исключением добровольной

сдачи черногорцами своего митрополита российскому эмиссару. В случае нахождения митрополита в Станевичах или в каком-либо другом месте на австрийской территории выдача митрополита была возможна по просьбе Ивелича с его ссылкой на распоряжение об этом российского двора, при условии сохранения мира и спокойствия в австрийских владениях в Приморье. В этом случае митрополит должен быть сразу же посажен на корабль и отправлен по назначению, то есть в Россию³⁹³.

Одновременно с этим рассматривался вариант ареста митрополита без требования со стороны Ивелича в случае его целесообразности и необходимости. Тогда митрополита следовало отправить в Триест, известив об этом его губернатора. Все инструкции Франца I касались и аббата Дольчи, которого при желании Ивелича следовало ему выдать, а если оно не последует – то отправить Дольчи в Триест³⁹⁴. Арест черногорского митрополита австрийское правительство рассматривало как благоприятный момент для реализации своих религиозных планов. Согласно письму императора сразу по устранении митрополита Розетти должен был в отличие от того, что предлагалось в 1803 г., уже единолично, без генерала Бради, подыскать и назначить на его место духовного представителя «из греческой, неунитской веры» для православных австрийских подданных Приморья и одновременно приверженного австрийскому двору. Он должен был управлять делами до тех пор, пока Франц I не назначит нового владыку для новой «Епархии греко-восточной веры», а черногорцев следовало успокоить тем обещанием, что с ними будут поддерживать дружеские, мирные отношения, без вражды на границах³⁹⁵. Эта планируемая венским двором новая епархия должна была располагаться в Приморье, на территории австрийской Албании, как теперь стала называться бывшая венецианская Албания.

О задачах миссии Ивелича Петербург не преминул уведомить британское и турецкое правительства³⁹⁶. В свою очередь из Стамбула последовало предписание шкодринскому правителю Ибрагиму-паше о дружественном взаимодействии с М.К. Ивеличем. Одновременно с этим весной 1804 г. Порты предприняла меры для обороны Кипра, Родоса, Крита, Мореи, берегов Албании и других областей Османской империи от возможного вторжения французских войск³⁹⁷.

Российский эмиссар, понимая все последствия возможного альянса французов с черногорцами и другим славянским населением этих мест, сразу же по прибытии занялся организацией обороны Приморья. Ивеличу довольно быстро удалось склонить на свою сторону часть черногорцев и брдян, примирить враждовавшее между собой турецкое население Герцеговины (Никшич, Мостар, Колашин) и убедить всех в необходимости совместного, черногорско-турецкого, отражения готовящейся французской агрессии. Положительный результат принесли и его переговоры с боснийскими и шкодринскими пашами, согласившимися выставить объединенное 70-тысячное войско против французов³⁹⁸.

Тем временем генеральный консул в Дубровнике К.К. Фонтон информировал канцлера А.Р. Воронцова, что неожиданный приезд генерала М.К. Ивелича произвел сильнейшее впечатление как в Бока ди Каттаро, так и Черногории, стал «ударом молнии» для митрополита и «коварных интриганов», его окружающих. Одновременно с этим, сообщал Фонтон, несмотря

на то, что черногорцы продемонстрировали свою преданность России, а французские агенты в Черногории были раскрыты, высадка французов все же состоится. Французы только вместо подготовленного им митрополитом и аббатом Дольчи места для высадки в Паштровичах и Антивари (Баре) выберут другое. Фонтон, не приводя абсолютно никаких доказательств и руководствуясь, по всей видимости, только своей подозрительностью относительно митрополита и его секретаря, утверждал, что некие черногорцы под предлогом коммерческих дел доставляют морским путем из Бока ди Каттаро письма митрополита и Дольчи к французам. В заключение своего донесения консул, ссылаясь на самые последние известия, сообщал, что высадка французов на адриатическое побережье совсем близка, и, судя по всему, они направятся к Рагузе (Дубровнику). В связи с этим, выполняя инструкции Ивелича, Фонтон брал на себя обязанность с помощью архимандрита А. Гаговича подготовить герцеговинских христиан к отражению возможной атаки французов³⁹⁹.

В свою очередь меры, предпринятые М.К. Ивеличем, были необходимы для обороны Приморья, поскольку австрийская оборона этих мест страдала существенными изъянами. Расквартированные в Боке Которской австрийские войска насчитывали всего 700 человек при слабой артиллерии и отсутствии военных кораблей, а Паштровичи охранялись лишь 60 солдатами при 3-х артиллерийских орудиях. Отсутствовал в этих местах и турецкий флот, а прибрежные воды контролировали лишь несколько английских фрегатов⁴⁰⁰, которые, естественно, не могли быть сколь-нибудь надежной защитой от французов. Благодаря активным мобилизационным мероприятиям М.К. Ивелича была отменена французским командованием уже подготовленная высадка 18-тысячного корпуса с неаполитанского побережья (Пула) в район Паштровичей⁴⁰¹. Во всяком случае, так тогда искренне полагал сам Ивелич, действия которого получили полное одобрение в Петербурге, в том числе и со стороны Александра I⁴⁰². Надо сказать, что М.К. Ивелич, на наш взгляд, все же излишне доверял сведениям, получаемым им от лазутчиков о намерениях французов десантироваться в Приморье. Если верить лазутчикам, как поступал Ивелич, то французы, только сев в лодки, узнали, что на противоположном берегу их уже поджидают черногорцы и турки, и поэтому они поспешно вышли обратно на берег. Было ли вообще такое или же это только плод воображения лазутчиков, а заодно и Ивелича, остается только гадать. В целом все же трудно представить, чтобы генерал-лейтенант М.К. Ивелич, при всем уважении к его военным талантам, сумел в одночасье разрушить планы Наполеона. Тем временем расквартированные в Отранто, на берегу одноименного пролива, являющегося входом в Адриатику, французские войска, предназначенные, как первоначально полагали в Петербурге, для высадки на побережье Северной Албании весной 1804 г., находились без какого-либо движения⁴⁰³. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Пуле в сентябре 1804 г. При чем генерал Бради заверял Ивелича, что французские войска в настоящее время не намерены десантироваться на Албанское побережье⁴⁰⁴.

Безусловно, как покажет время, Наполеона по-прежнему интересовали и Ионические острова, утраченные Францией и перешедшие под контроль России в результате побед адмирала Ф.Ф. Ушакова над французами в 1798-1799 гг.,

и Далмация, и даже, возможно, рассматривался вариант высадки десанта на ее побережье для дальнейшего продвижения в глубь Балканского полуострова. Однако в той конкретной обстановке, какая сложилась в Европе в 1803-1804 гг., все это было отодвинуто Наполеоном на второй план, поскольку все его военные ресурсы и усилия тогда были направлены против Англии, вступившей в мае 1803 г. в войну с Наполеоном и с которой он не хотел идти на примирение. Уже в конце 1803 г. Наполеон завершил создание грандиозного военного лагеря в Булони, на Ла-Манше, напротив английского берега, где была сконцентрирована почти 200-тысячная армия и флот, предназначенные для высадки в Англии⁴⁰⁵. Наполеон тогда не был столь могуществен, чтобы одновременно вести две большие войны, с Англией и Османской империей, даже если гипотетически обратиться к такому варианту развития событий. В данном случае помимо прочего следует учитывать общую политику Наполеона в отношении Османской империи, а она была далеко неоднозначной. В 1800 г., когда при Павле I началось русско-французское сближение, Наполеон рассчитывал привлечь Россию к разделу Османской империи, но Павел I не пошел на это. Аналогичным образом поступал и Александр I, предпринимавший меры с целью обеспечить целостность союзной Османской империи. Этому в том числе служила и миссия М.К. Ивелича. Французские эмиссары, рассылаемые повсеместно на Балканы, не жалели щедрых обещаний независимости балканским народам, но одновременно с этим Наполеон через своих посланников уверял султана Селима III в дружеских чувствах, а в декабре 1802 г. российский посланник в Париже А.И. Морков с тревогой сообщал, что Франция намерена заставить Турцию начать войну с Россией из-за Молдавии и Валахии⁴⁰⁶, так как русско-турецкая конвенция 1802 г., укреплявшая влияние России в княжествах и в целом на Балканах, вызывала серьезное недовольство у части турецкого правительства. Оценивая политику Наполеона относительно Османской империи, видный исследователь наполеоновской эпохи французский историк А. Вандаль справедливо замечал, что Наполеон рассматривает защиту Турции исключительно только как почву для соглашения с другими государствами. «Если бы ему представили убедительные данные, что, предлагая кому-нибудь из европейских дворов раздел Турции вместо ее сохранения, он вернее сблизился с ним, он не отказался бы вступить на этот путь»⁴⁰⁷. Однако все европейские государства, включая Россию, не желали этого. Наоборот, правительство Александра I предпринимало меры для обеспечения целостности Османской империи. Заинтересованная в союзе с Россией Великобритания охотно шла навстречу ей в этом вопросе. Австрия также предпочитала сохранение целостности Османской империи, хотя еще в 1801 г. французское правительство предлагало ей поучаствовать в разделе турецких владений⁴⁰⁸.

Следует признать, что в российском руководстве все же явно завывшали вероятность начала агрессивных действий Франции против Османской империи в Далмации и Греции, на чем так настаивал, в частности, канцлер А.Р. Воронцов⁴⁰⁹. Таким образом, отнюдь не оборонительные мероприятия М.К. Ивелича сыграли решающую роль в предотвращении десантирования французов на адриатическое побережье, а нежелание самого Наполеона начинать тем самым военные действия против Османской империи, не

имея на то союзников в Европе, а только противников в вопросе о ее судьбе. Его целью тогда была только Англия⁴¹⁰. Сам М.К. Ивелич в сентябре 1807 г. в письменном обращении к только что назначенному управляющему министерством иностранных дел Н.П. Румянцеву уже не упоминал о главной цели своей миссии в Черногорию, заключающейся в обороне Приморья от французского вторжения, поставленной перед ним тогдашним канцлером А.Р. Воронцовым и Александром I. Свою заслугу Ивелич видел только в том, что по многотрудной борьбе с черногорским митрополитом и французским агентом, «злобным врагом России» аббатом Дольчи сумел все же обратить митрополита «на добрую стезю»⁴¹¹. Тогда же М.К. Ивеличу вторил и А.А. Чарторыйский в письме к видному российскому государственному деятелю Н.Н. Новосильцеву, замечавший, что Ивелич был послан в Черногорию для уничтожения в этой стране «французских происков», виновником которых был аббат Дольчи и временно попавший под его влияние митрополит, который, сам того не ведая, содействовал замыслам Франции относительно Черногории⁴¹². Делая такую обтекаемую формулировку, А.А. Чарторыйский, не раскрывает суть возможных действий Франции в балканском регионе, какой она ему представлялась ранее. Чарторыйский ни словом не упоминал о том, что сам он ранее, в феврале 1804 г., настаивал перед Александром I на реальной угрозе высадки французских войск в Греции или Албании⁴¹³. Аналогичные предупреждения в марте 1804 г. от него получали российский посланник в Константинополе А.Я. Италинский и русский полномочный представитель в Ионической республике Г.Д. Мочениго⁴¹⁴. Обо всем этом Чарторыйский в 1807 г. уже не вспоминал, поскольку то, что казалось вполне реальным в 1803-1804 гг., на поверку, к счастью российского руководства, а также Турции и Австрии, не оправдалось в силу общей политики Наполеона относительно Османской империи.

Касаясь во всем происходившем роли Черногории и лично Петра I Негоша, следует сказать, что митрополит искренне поверил обещаниям Бонапарта даровать свободу балканским народам, тем более он также был убежден в наличии оборонительно-наступательного союза между Францией и Россией. Переориентировать политику Черногории исключительно на Францию, разорвать отношения с Россией митрополит отнюдь не намеревался, хотя в Петербурге и считали иначе. Таким образом, в конечном итоге заблуждались обе стороны конфликта, но каждая по-своему, как митрополит Петр I Негош, так и высшее российское руководство во главе с Александром I. Сменивший в 1805 г. М.К. Ивелича другой российский эмиссар, С.А. Санковский, не отрицая под влиянием аббата Дольчи контактов Петра I Негоша с французами и Бонапартом из-за слухов о франко-русском союзе, полностью отрицал возможность принятия митрополитом в Черногории французов, в том числе и для дальнейшего их продвижения в глубь Балканского полуострова. Он также отмечал крайне неприязненное отношение черногорцев к французам, еще помнивших, что злейший враг Черногории Махмут-паша Бушати «был им великий друг»⁴¹⁵.

Несомненно, в другой ситуации, когда в Петербурге не господствовала бы уверенность во французском вторжении на Балканы, то и отношение к черногорскому митрополиту было бы совершенно иным, даже в случае выявления его контактов с Францией в обход России. Безусловно, Петру I Не-

гошу сделали бы строгое внушение, хотя бы через консула К.К. Фонтонна, как и предлагал в свое время канцлер А.Р. Воронцов, с требованием отказаться от какого-либо взаимодействия с Францией. Из Петербурга также потребовали бы удалить из Черногории аббата Дольчи, на что митрополит уже ранее, как отмечалось, давал свое согласие, и этим бы все ограничилось, поскольку в конфронтации не было заинтересовано ни российское правительство, ни Петр I Негош. Однако события в Черногории стали к сожалению развиваться по другому сценарию, не предусмотренному в Петербурге.

Обращаясь уже к другой части миссии Ивелича, которая касалась радикальных акций в отношении митрополита Петра I Негоша, отметим, что данная ему инструкция царя предписывала прибыть в Черногорию и на скупщине («сейме народном») огласить грамоту Александра I и письмо Св. Синода, которые, как полагали в российском руководстве, основываясь на свидетельствах С. Вукотича, будут одобрены черногорцами. Очутившись же вблизи черногорских границ, М.К. Ивелич скоро убедился, что реальное положение вещей выглядит иначе, чем это представлялось в Петербурге. М.К. Ивелич поначалу предпочел остаться в Которе, а затем перебрался в Рисан, где он имел сторонников и родственников, так как сам был выходцем из этих мест, бывая наездом и в Будве. Он предпринял ряд шагов, направленных на подрыв влияния митрополита: рассылал в черногорские нахии копии грамот Александра I и Св. Синода, призывая черногорцев не повиноваться митрополиту, обвиняя его в том, что он держит при себе французского шпиона аббата Дольчи⁴¹⁶.

М.К. Ивелич предпринял безуспешную попытку вызвать в Котор самого Петра I Негоша, а когда тот не явился, призвал к себе старейшин некоторых черногорских нахий. Прибывшие к нему главари Црмницкой и Риечской нахий принесли присягу на верность России⁴¹⁷. М.К. Ивелич полагал, что его действия, направленные на подрыв авторитета черногорского митрополита, проходили успешно. Он информировал Петербург о падении влияния Петра I Негоша среди старейшин, когда последние узнали от него о попытках митрополита изменить прорусской ориентации⁴¹⁸. На наш взгляд, Ивелич допускал преувеличение своих успехов, так как С.А. Санковский позднее сообщал в министерство иностранных дел о неприязненном отношении «главарей» к М.К. Ивеличу и о том, что они вручали все полученные от Ивелича письма митрополиту⁴¹⁹.

В югославской исторической литературе существует мнение, что М.К. Ивелич после отъезда митрополита в Россию намеревался стать светским правителем Черногории⁴²⁰. Д. Вуксан именно в этом видит главную роль М.К. Ивелича. Мы считаем, что это утверждение не соответствует действительности: на это нет даже намек ни в дипломатической переписке, ни среди личных бумаг Ивелича. Скорее всего, митрополит и его окружение с целью подрыва влияния графа Ивелича сознательно распространяли порочащие его слухи. Неприязнь к Ивеличу была столь велика, что со стороны аббата Дольчи, подкупившего преданных ему черногорцев, предпринимались даже попытки его физического устранения⁴²¹, во всяком случае так полагал сам М.К. Ивелич. Конечно, в Черногории были отчаянные головы, способные на это. Однако сам митрополит Петр I Негош не мог желать насильственной смерти российского эмиссара, поскольку в Петербурге ему

бы такого никогда не простили. О том, что выполнение возложенной на него «комиссии» сталкивается с большими трудностями и риском для жизни, М.К. Ивелич жаловался и в письме к Д.П. Татищеву⁴²².

Авторитет митрополита в стране оказался настолько высок, что не могло быть и речи о лишении митрополита власти. 16 (28) марта 1804 г. «Правительство суда черногорского и брдского» в письме к Ивеличу отмечало заслуги Петра I Негоша в деле ликвидации «самовластия и неустройства и междоусобных кровопролитий» в Черногории и организации государственного правления. Правительство просило оправдать митрополита перед русскими властями от возводимой на него клеветы и заявляло: «... весь народ наш черногорский и бердский крайне уязвлен, ибо оскорбление сего нашего доброго пастыря – наше всеобщее оскорбление, его честь – всего народа честь, к нему благоволение – всему народу благоволение, к нему неблаговоление – ко всему народу неблаговоление»⁴²³. 1 (13) мая 1804 г. Правительство известило М.К. Ивелича, что архимандрит С. Вучетич (Вукотич) за свои многочисленные проступки и клевету, возводимую им на митрополита, лишается сана архимандрита, а также чина священника, дьякона, полудьякона и вообще монашеского звания, «клятвопреступник» Вучетич объявлялся расстригой⁴²⁴. Впрочем, в мае 1805 г. Петр I Негош был все же вынужден простить Вукотича, восстановив его полностью в прежнем достоинстве⁴²⁵.

Несколько раньше черногорское правительство поставило Ивелича в известность, что будет жаловаться на его действия в российскую Коллегию иностранных дел (как структура, подчиненная МИДу, существовала до 1832 г.), а до тех пор, пока не последует оттуда решение, просило оставить их в покое⁴²⁶. По поручению Петра I Негоша его секретарь Д. Владевич уведомил российского посланца о намерениях направить в Петербург черногорскую делегацию и сообщить царю о случившихся здесь «учреждениях и приключениях»⁴²⁷. Эти шаги еще раз свидетельствовали о том, что ни черногорское правительство, ни его глава митрополит не были намерены порывать с Россией. Более того, правительство заявило Ивеличу, что черногорцы не захотели принять предложенное им покровительство Австрии⁴²⁸.

До отправления в Петербург черногорских делегатов дело не дошло, поскольку об этом черногорское правительство просил сам М.К. Ивелич. Однако новый губернатор Вуколай Радонич, сын скончавшегося в конце августа 1802 г. губернатора Йована Радонича, обратился вместе с «главарями» с письмом к Александру I, в котором выделял заслуги митрополита в деле государственного устройства и управления страной и обвинял Ивелича в том, что своими действиями он разрушает народное единство. Говоря о действительных или мнимых угрозах М.К. Ивелича в адрес митрополита (сослать в Сибирь и атаковать Черногорию силами трех империй в случае неповиновения), В. Радонич подчеркивал, что, пока живы черногорцы, «никакая сила человеческая» не сможет ему сделать какой-либо неприятности⁴²⁹. Черногорский губернатор и старейшины заявляли русскому царю, что митрополит не находится «под повелением» Синода, а лишь под покровительством Александра I, и то исключительно под моральным. Закljučая свое обращение, они просили царя направить в Черногорию «посланника из природных русских»⁴³⁰. Одновременно правительство отправило письмо М.К. Ивеличу, где приводились неллицеприятные сведения о С. Ву-

котиче, именуемом в письме расстригой. В частности, Вукотича обвиняли в клеветнических измышлениях против митрополита о якобы присвоенном им церковном имуществе, о его «похвалках», что, связав митрополита веревкой за шею, лично повлечет владыку в Сибирь, и пр.⁴³¹

Заметим, что упреки, высказанные черногорским руководством в адрес М.К. Ивелича, следовало скорее отнести к российскому МИДу и самому Александру I, поскольку Ивелич лишь выполнял то, что ему было поручено, иногда даже для пользы дела не соблюдая буквального смысла инструкции. Русское правительство, снабдив своего эмиссара ультимативными наставлениями, по сути дела грубо вмешивалось во внутренние дела страны, формально даже не связанной с Россией какими-либо обязательствами. Поэтому отпор со стороны черногорских властей был естественен. Столкнувшись с решительным противодействием митрополита и правительства, понимая, что обострение ситуации нежелательно для обеих сторон, Ивелич предпринял ряд мер, направленных на урегулирование конфликта. Он пытался примириться с митрополитом через посредничество старейшин. Владыка также не был заинтересован в обострении конфликта. В мае 1804 г. в пограничном селении Бечич состоялась встреча М.К. Ивелича и Петра I Негоша, прибывшего туда в сопровождении правительства и одиннадцати депутатов Риечской нахии. Прибывшая делегация присягнула на верность России⁴³². Эта встреча не разрядила все же до конца напряженную ситуацию, конфликт был ликвидирован несколько позже. Следует заметить, что если распространяемая М.К. Ивеличем копия грамоты Александра I к черногорским старейшинам не вызвала особой неприязни и отторжения среди черногорцев, то совершенно иное отношение было к грамоте Синода, составленной, как уже отмечалось, в резких выражениях, оскорбительных для митрополита. Вместо того, чтобы восстановить народ против владыки, произошло обратное. Черногорцы, и в первую очередь их руководство, только еще больше сплотились вокруг митрополита. Это явственно проявилось в очередном письме черногорского правительства М.К. Ивеличу от 3 (15) июня 1804 г. Уведомляя его о получении грамоты Синода, правительство увидело в ней высказывания неприятные для черногорского и брдского народа. Правительство отмечало, что «святые отцы русские», основываясь только на клеветнических утверждениях «нашего неприятеля и злодея», вызвали нашего архипастыря на суд Синода, и прежде, чем он там мог явиться, ему уже был вынесен обвинительный приговор, лишавший владыку архиерейского сана. В письме, которое подписали 67 человек (губернатор, сердары, воеводы, кнезы, байрактары (знаменосцы), священники), детально перечислялись заслуги Петра I Негоша как в плане пресечения внутренней вражды и междоусобиц среди черногорцев, так и в его церковной деятельности. При этом отмечалось, что лучшего архипастыря, заботливого и верного христианству, у черногорского народа никогда не было.

Особое внимание в письме правительства уделялось объяснению статуса Цетинской митрополии, которая после упразднения Печской патриархии Сербской православной церкви (1766 г.) стала фактически самостоятельной. Поэтому правительство выражало удивление, что российский Синод простирает свою власть «во все концы вселенной», и отмечалось, что

митрополит неподвластен Синоду, а если в чем бы и провинился, то его мы бы и судили, «но не как архирея, а как гражданина между нами почтеннейшего...». Одновременно с этим подчеркивалось, что хотя черногорский и брдской народ не состоит в российском подданстве, а только находится под «моральным покровительством», он и не желает быть в русском подданстве, как «внутренние народы» России, и готов с кем угодно сражаться за свою свободу. Все же правительство недвусмысленно подтверждало свою приверженность России до тех пор, пока «в ней будет существовать вера православная», то есть «на все времена»⁴³³.

Вскоре в Цетинье прибыл назначенный русским консулом в Которе А.О. Мазуревский. О том, что Александр I подписал указ об учреждении консульства в Которе в начале мая 1804 г., Петра I Негоша известил А.А. Чарторыйский⁴³⁴. Весть об открытии консульства горячо поддержал М.К. Ивелич, у которого к лету 1804 г. возникли серьезные разногласия с К.К. Фонтоном из-за необоснованного, по его мнению, вмешательства Фонтонна в черногорские дела⁴³⁵, хотя Фонтону еще при утверждении его в 1801 г. консулом в Дубровнике поручалось ведение дел, связанных и с Черногорией. Открытие консульства в первую очередь было связано с тем, что в Петербурге по-прежнему опасались французского вторжения в турецкие владения, поэтому «отличные чиновники и консулы» назначались не только в Котор (в тексте «Монтенегро». – Ю.А.), но и в Морею, и в Румелию⁴³⁶. На состоявшейся 7 (19) августа 1804 г. скупщине под председательством митрополита и в присутствии 1625 человек (М.К. Ивелич не присутствовал на ней из-за «болезни»)⁴³⁷ Мазуревский огласил грамоту Александра I от 26 октября (7 ноября) 1803 г. При чтении он, вероятно, опустил острые моменты – так полагает Д. Вуксан⁴³⁸. М.К. Ивелич информировал Петербург о том, что на «сейме» митрополита уверяли в благоволении к нему Александра I с целью уладить междоусобицу⁴³⁹. Скупщина также постановила следующее: «Правительство и народ положили и письменно уполномочили консула Мазуревского по всем своим делам с здешним австрийским правительством, дабы впредь с оным мимо реченого консула не иметь... никакой переписи или переговоров»⁴⁴⁰. Все присутствующие на скупщине, включая митрополита, поклялись в верности России. Таким образом, августовская скупщина подвела черту под затянувшимся конфликтом. После этого русско-черногорские отношения окончательно нормализовались, а еще ранее черногорское правительство проинформировало Александра I о готовности черногорцев сражаться с французами в случае их появления в сопредельных границах⁴⁴¹.

2 (14) октября 1804 г. в присутствии черногорского губернатора и 25 старейшин состоялось торжественное открытие русского консульства в Которе. Несколько ранее, в мае, Мазуревский в письме к Петру I Негошу подчеркивал, что главная обязанность консула – защищать и отстаивать интересы черногорцев⁴⁴². Открытие консульства в Которе было важным моментом, способствовавшим развитию русско-черногорских отношений, так как до этого делами черногорцев, как уже отмечалось, занимался русский консул в Дубровнике К.К. Фонтон, а черногорцы поддерживали тесные связи именно с Котором (экономические, родственные), а не с Дубровником.

Если Петр I Негош и жители Черногории расценивали открытие консульства как дружественный акт со стороны русского правительства⁴⁴³, то совсем иначе отнеслись к этому местные австрийские власти, считая, что после этого русское влияние в Черногории усилится. По мнению командующего австрийскими войсками в Боке Которской генерал-лейтенанта Ф.М. Бради, действительной задачей миссии Ивелича было превращение Черногории в русскую провинцию, а конфликт с митрополитом – лишь ловкая мистификация со стороны русских властей, предпринятая с целью сокрытия истинных причин. Черногория, считал Бради, была бы лишь первым шагом в этом направлении, за ней должно было последовать присоединение других балканских территорий. В связи с этим он настаивал перед Веной на немедленном удалении Ивелича и Мазуревского⁴⁴⁴.

В отношении Мазуревского было выдвинуто и дополнительное обвинение, также исходящее от Бради. Консул якобы сделал в Которе устное «всенародное объявление», что Александр I «предлагает учинить в Черной Горе средоточие славяно-сербского государства под покровительством и верховной властью России»⁴⁴⁵. По этому поводу у Ивелича состоялась беседа с Мазуревским, который уверял, что «о сем никогда не говаривал». Сам Ивелич ничего подобного от консула не слышал и по этому поводу не получал никаких претензий от местных австрийских властей. Однако, выполняя предписания Чарторыйского, Ивелич все же сделал профилактический строгий выговор Мазуревскому, предупредив консула о том, чтобы тот впредь соблюдал осторожность в исполнении своих служебных обязанностей⁴⁴⁶. М.К. Ивеличу поручалось предупредить Мазуревского, что если он еще допустит превышение своих полномочий, то будет отозван⁴⁴⁷.

Австрийское правительство все же поспешило использовать этот инцидент для обоснования собственных претензий на Черногорию. В декабре 1804 г. министр иностранных дел граф Л. Кобенцль писал русским властям, что в случае раздела Османской империи (на что, полагали австрийские власти, нацеливается царское правительство) Черногория должна отойти к Австрии⁴⁴⁸. Это письмо вызвало негативную реакцию со стороны А.А. Чарторыйского. Через посланника в Вене А.К. Разумовского он известил австрийский двор о том, что черногорцы несколько веков находятся в полной независимости, а также он рассчитывает, что Вена не захочет «навязывать России жесткую необходимость лишить своего покровительства народ, который пользуется им в течение века и который добровольно бросился в ее объятия»⁴⁴⁹.

Русское правительство в первые годы XIX века, вплоть до русско-турецкой войны 1806-1812 гг., в борьбе против наполеоновской агрессии на Балканах и в Восточном Средиземноморье рассчитывало, с одной стороны, опереться на союз с Портой, а с другой – на поддержку со стороны православных подданных султана. Примером подобного политического лавирования может служить следующий факт. По приказу М.К. Ивелича были подвергнуты аресту приведенные к нему герцеговинцами эмиссары вождя Первого сербского восстания 1804-1813 гг. Карагеоргия Иван Ожегович и Яков Радмилович, посланные для организации антитурецкого восстания в Герцеговине и выдававшие себя за российских офицеров – майора и капитана, хотя таковыми не являлись. Оба мнимых российских эмиссара были из Рисана отправлены на корабле на остров Корфу в распоряжение гене-

рал-майора Р.К. Анрепа⁴⁵⁰. Однако А.А. Чарторыйский умерил пыл Ивелича. В письме к нему он объяснял это следующим образом: «Вам, без сомнения, известно, что турецкие начальники бесчеловечными своими поступками довели славянские народы до необходимости желать свергнуть с себя иго, которое невозможно уже было им сносить..., хотя обстоятельства и существующий союз с Оттоманской империей препятствует защищать их действительным способом». Поэтому эмиссары Карагеоргия не должны употреблять имя Александра I, но их самих не следует преследовать⁴⁵¹.

Решив, что митрополит не придерживается более французской ориентации, а благодаря его стараниям был обращен «к пользам России»⁴⁵², М.К. Ивелич ходатайствовал перед российским министерством иностранных дел о даровании ему прощения, объясняя, что митрополит действовал не столько по предательству, как по внушению агента французского, а также и австрийского аббата Дольчи⁴⁵³.

Франческо Дольчи Вискович родился в Дубровнике в 1742 г., какой-то период служил там священником. Дольчи был образованный человек. Знал иностранные языки, в том числе и французский. Некоторое время исполнял обязанности викария Св. Стефана в Вене, а затем викария в католической церкви Петербурга. Учитывая его незаурядные способности, князь Потемкин предложил ему остаться в России. Петр I Негош познакомился с ним в 1765 г., когда был в Петербурге вместе с митрополитом Василием Петровичем, но уже в 1785 г., во время поездки Петра I Негоша в Петербург, Дольчи был его секретарем и доверенным лицом. Трудно утверждать, являлся ли он инициатором установления контактов с французами, но он, безусловно, был в курсе всех внешнеполитических акций митрополита. Поэтому царское правительство, стремясь быть в курсе событий, предпринимало попытки сближения с аббатом Дольчи. Так, в мае 1804 г. в адрес Дольчи из российского министерства иностранных дел от имени его знакомого чиновника А.Н. Пизани было отправлено письмо, в котором ему обещали большую денежную пенсию⁴⁵⁴. Когда стало ясно, что Дольчи не поддается на денежные посулы, было решено прибегнуть к решительным мерам. М.К. Ивелич настаивал на аресте Дольчи, рассчитывая, что это поможет разузнать истину о контактах Петра I Негоша с французами. Неоднократно попытки митрополита оправдать своего секретаря не имели успеха.

Обстоятельства ареста Дольчи изложены в письме М.К. Ивелича к послу в Вене А.К. Разумовскому⁴⁵⁵. По письменному предписанию Ивелича от 9 (21) ноября 1804 г. консул Мазуревский, прибыв в монастырь Станевичи, должен был, известив митрополита, наложить арест на бумаги Дольчи для дальнейшей доставки их Ивеличу. Дольчи было предложено добровольно предъявить для просмотра хранившиеся у него документы, однако он отказался это сделать. Тогда в присутствии Петра I Негоша и 8 черногорцев было произведено их насильственное изъятие у связанного черногорцами аббата. Обнаружив среди всего переписку Дольчи и рассмотрев ее, разъяренные черногорцы «нешадно тут наказали его батогами и посадили в железа под стражу» вплоть до собрания правительства⁴⁵⁶. Позднее, в августе 1805 г., в письме А.А. Чарторыйскому уже сам Петр I Негош излагал обстоятельства дел, связанных с его секретарем. Митрополит отмечал, что поначалу он доверял Дольчи и не мог даже предположить, что тот окажет-

ся столь «неблагодарный и противу нас злоковарный». Взятый под подозрение по настоянию Ивелича Дольчи, как пишет сам митрополит, был им *предупрежден* (курсив наш. – Ю.А.), что если он будет уличен в переписке с правительствами иностранных государств, то будет осужден по черногорским законам, «где преступление сделал, там и должную месть да примет». Дольчи дал на это согласие, будучи, вероятно, убежденным, что его личный архив не будет подвергнут досмотру, а возможно, что-то из него все-таки убрав. За Дольчи, замечал митрополит, было установлено тайное наблюдение, а затем в Станевичи был приглашен консул Мазуревский с целью досмотра бумаг аббата. Однако Дольчи отказался от досмотра, угрожая тем, что «он заколет себя». После этого Дольчи был арестован в присутствии другого секретаря митрополита Д. Владевича и народного секретаря Якова Стефановича. При рассмотрении его архива была выявлена переписка Дольчи с французским правительством и иными государствами, а также поддельные подписи и печать⁴⁵⁷.

Архив Дольчи был доставлен к М.К. Ивеличу, а затем через Санковского был направлен в Петербург. В нем, как отмечал Ивелич, содержались три варианта плана войны с турками, 7 писем к аббату Дольчи от французов и 8 его писем к французам. Кроме того на 16 страницах была представлена его переписка с австрийцами, а также его рассуждение о тактике и обширные, на 48 полулистах, философские рассуждения аббата Дольчи⁴⁵⁸. Хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи бумаги Дольчи не содержат компрометирующих его данных⁴⁵⁹. Консул Мазуревский полагал, что многие подлинники документов уничтожены⁴⁶⁰. Вместе с тем А.А. Чарторыйский писал М.К. Ивеличу следующее: «Из бумаг Дольчи видно, что он хотел предать Черногорию под руку Австрии, когда убедился, что французское правительство из-за отдаленности не спешит удовлетворить их требования»⁴⁶¹. Возможно, А.А. Чарторыйский имел в распоряжении еще какие-то документы кроме нам известных. С.А. Санковский переслал Чарторыйскому некоторые письма, которые, по его мнению, уличали Дольчи как эмиссара венского двора⁴⁶². Однако С.А. Санковский не исключал и такой возможности, что некоторые оригинальные письма и инструкция венского двора, хранившиеся в принадлежавшем Дольчи маленьком сундучке, через посредничество которского дворянина Бизанти были вручены генералу Ф.М. Бради⁴⁶³. Бумаги, представленные Мазуревским, С.А. Санковский рассматривал как не очень важные: они свидетельствовали лишь о том, что Дольчи подделывал личную печать митрополита⁴⁶⁴.

Тем не менее 27 ноября (9 декабря) 1804 г. в Станевичах в присутствии консула А.О. Мазуревского состоялся суд над аббатом Дольчи. Собственно говоря, ход судебного процесса и сам приговор были уже predeterminedены «Объявлением», которое Мазуревский доставил «Правительству черногорскому и брдскому». Согласно этому документу митрополит во время беседы с Мазуревским 13 (25) ноября 1804 г. предложил владыке ознакомиться с перепиской его секретаря с французскими властями. В этих письмах Дольчи «призывает погубить вас, свободу и православие ваше» – замечал Мазуревский. Далее российский консул утверждал, что большая часть писем Дольчи, где «более всего кроются его преступления», либо им спрятана, либо кому-то передана⁴⁶⁵. Если бы Петр I Негош как и прежде настаивал

на невинности Дольчи, утверждал, что его секретарь оклеветан, это могло бы привести к осложнению русско-черногорских отношений, которые и без того только едва нормализовались. Поэтому митрополит дал все же свое согласие на суд над Дольчи.

В ходе судебного процесса Дольчи не отрицал, что он обращался с письмом к Бонапарту, в котором содержался только текст одной песни, но сделал это он якобы по просьбе С. Вукотича, который, побывав в России, убедился в бесполезности иметь с ней дело. Вукотич утверждал, что обращение к Бонапарту принесет пользу черногорцам, а ответного письма от Бонапарта Дольчи не получал. Дольчи настаивал на том, что его переписка с французским консулом в Дубровнике, а также с генералом Мюратом касалась личных дел, а не политических, а в его безответном письме к австрийскому принцу Карлу содержались только песенные тексты. Свою переписку с которскими властями Дольчи объяснял чисто финансовыми вопросами⁴⁶⁶. Следует сказать, что в своих показаниях против С. Вукотича Дольчи лукавил, он явно выгораживал митрополита, вероятно, по предварительной подсказке самого Петра I Негоша. Серьезной уликой против митрополита и его секретаря могло бы стать письмо митрополита Наполеону, но, к счастью для Петра I Негоша, оно никоим образом не фигурировало на судебном процессе, поскольку о нем в Петербурге, вероятно, узнали позже, а о контактах владыки с Феликсом де Лапрадом не знали вообще.

В приговоре суда отмечалось, что хотя, согласно 1 статье Законника 1798-1803 гг. Дольчи и заслуживает как изменник смертной казни, но, приняв во внимание ходатайство консула Мазуревского и просьбу митрополита, было принято решение заменить смертную казнь пожизненным заключением в темницу, где он должен был находиться закованным по рукам и ногам, либо до тех пор, пока не будет получен ответ от императора Александра I. Специальную прокламацию «с именем изменника и предателя» Дольчи было решено вывесить в Станевичах, Цетинье и во всех нахиях. Приговор был подписан губернатором Вуком Радоничем и 47 старейшинами различных черногорских племен и скреплен печатью и подписью народного секретаря Якова Стефановича⁴⁶⁷. М.К. Ивелич в письме к послу в Вене А.К. Разумовскому сообщал, что именно по его предписанию консул Мазуревский, ссылаясь на Ивелича, предложил правительству отменить уже вынесенный смертный приговор, поскольку «сие противно ... его императорского величества узаконениям». Правительство согласилось на это, решив все же имя Дольчи прибить под виселицей, а самого, «заковав в тяжкие оковы», содержать в темнице до получения резолюции Александра I⁴⁶⁸. Как видно из этого письма, Ивелич даже не упоминает о пожизненном заключении Дольчи, заранее решив, что его судьба зависит только от того, какое решение о Дольчи будет принято в Петербурге.

Аббат Дольчи был помещен в темницу монастыря Станевичи. Он находился под караулом 4 стражников из 4 нахий, получавших ежемесячное жалованье от Ивелича по 2 червонца каждому. С требованием выдачи Дольчи к Ивеличу обращался Ф.М. Бради, но российский эмиссар его проигнорировал, считая, что поскольку и местные австрийские власти, и венский двор состояли в переписке с Дольчи, то делать это не следует⁴⁶⁹. Выдачи Дольчи добивалось и российское руководство, заинтересованное

в том, чтобы узнать истину. А.А. Чарторыйский предлагал Ивеличу, заручившись поддержкой черногорского правительства, отправить аббата Дольчи на первом же российском судне на Корфу, откуда генерал-майор Р.К. Анреп должен был обеспечить его доставку в один из российских черноморских портов. Затем Дольчи поступал в распоряжение главного командира Черноморского флота и портов адмирала маркиза И.И. де Траверсе⁴⁷⁰. Как видим, в судьбу аббата Дольчи оказалось вовлечено высшее дипломатическое и военное руководство России. Более того, сам Александр I отдал распоряжение об отправке аббата Дольчи в Петербург⁴⁷¹. Против этого официально не возражало и черногорское правительство⁴⁷². Возможно, некоторые из членов правительства, относившиеся к недоброжелателям Петра I Негоша, желали выдачи бывшего секретаря митрополита. Однако этим планам не дано было осуществиться, так как Дольчи 26 апреля (8 мая) 1805 г. скончался после сердечного приступа⁴⁷³. Такова была официальная версия, хотя о его смерти ходили весьма противоречивые слухи. Некоторые полагали, что в смерти Дольчи повинен сам митрополит Петр I Негош. Так, отставной русский чиновник Ф. Марошевич, черногорец по происхождению, писал из Вены, что митрополит «сотоварища своего и благодетеля аббата Дольчи отправил, как говорится, в другой свет»⁴⁷⁴. Марошевич не принадлежал к сторонникам митрополита и поэтому, руководствуясь личной неприязнью, мог намеренно оговорить черногорского митрополита. Можно лишь предполагать, что митрополит, не желая отправки Дольчи в Россию, где последний поведал бы что-то нежелательное о связях владыки с французами, мог приказать расправиться с Дольчи, но на этот счет нет точных документальных свидетельств. В 1838 г. капитан корпуса горных инженеров Е.П. Ковалевский, в первый раз посетивший Черногорию и побывавший в монастыре Станевичи, где встретился со стариком-дьяконом, уроженцем Боки Которской Иваном (Йованом) Зейцем, сопровождавшим Ковалевского во время осмотра монастыря, услышал следующий рассказ: «Мы сошли в подвал, довольно глубокий и полуобрушившийся, где пахло могилой и трупом. Это темница, – сказал он, – и поник головой... Грустью сжалось сердце мое; я вспомнил о судьбе Дольчи, секретаря покойного владыки, одного из ученейших людей своего времени, одаренного душою сильной, но переполненной кипящими страстями... «Он истлел здесь, – сказал диакон, – как бы отвечая на мои мысли и, вероятно, увлеченный потоком своих собственных воспоминаний! Я любил Д[ольчи]; знал, что и владыка не остыл к нему, и посещал его... Как мудр и терпелив он был в своем лютом несчастье, с какою кротостью смирялся перед волей провидения... Помню, раз пришел я к нему, Д[ольчи] был спокоен и говорлив по-прежнему, только я заметил, что он был слишком слаб; тут заглянул я в кружку, что обыкновенно стояла с водою, – суха; я за тюремщиком. Виноват, – сказал он, – забыл сего дня принести воды. А вчера? – И вчера то же. – А хлеба? И хлеба также... А он, мой, сердечный, о том ни словечка, ни малейшего ропота! Виновен ли он? – спросил я, – в порыве чувств. Старик устремил глаза вверх и, как бы вызывая небесное правосудие, тихо произнес: «Видит бог!» Но зачем его мучили? «Говорят, так требовала политика! Он был изменником Черногории, прибавил он с усилием и желая придать речи своей грозный

голос» Был ли он изменником? Мог ли существовать заговор так сказать под глазами владыки?.. «Мы люди темные, отвечал диакон...»⁴⁷⁵.

Оценивая действия М.К. Ивелича, отметим следующее: главной задачей, стоявшей перед ним, являлось оказание противодействия в случае высадки французского десанта и ликвидация французского влияния в Черногории. В действительности и то и другое на поверку оказалось не соответствующим действительности, а опасения, какие существовали по этому поводу в Петербурге в высшем российском руководстве и у Александра I, были явно преувеличены. Видя невозможность вызова черногорского митрополита на суд Синода и убедившись в том, что Петр I Негош не ориентирован более ни в коей мере на Францию, М.К. Ивелич ходатайствовал перед русскими властями за черногорского владыку. Основываясь на донесениях М.К. Ивелича, в российском министерстве иностранных дел уже в январе 1805 г. пришли к выводу, что митрополит вновь предан России⁴⁷⁶. По прямому предписанию М.К. Ивелича консул А.О. Мазуревский поддерживал тесные контакты с митрополитом и уверял его и черногорцев в расположении к ним русского правительства⁴⁷⁷. Несмотря на личную антипатию к черногорскому правительству и вместе с тем понимая, что даже такое слабое правительство лучше, чем анархия и самоуправство, Ивелич через консула Мазуревского, пользовавшегося значительным влиянием среди народа, призывал черногорцев повиноваться решениям властей⁴⁷⁸. В исторической литературе встречается мнение, что М.К. Ивелич допускал финансовые злоупотребления⁴⁷⁹. Документальные данные свидетельствуют обратное: Ивелич не только не присваивал казенные деньги, но выдавал денежные дотации из личных средств, и по возвращении в Россию ему была компенсирована лишь часть личных затрат⁴⁸⁰. К тому же из-за секретности порученной миссии в Черногории Ивелич не был включен в список военнотружущих и в течение более чем 3 лет не получал денежного жалованья и «столовых денег»⁴⁸¹.

М.К. Ивелич, вызывая недовольство австрийцев, неоднократно ходатайствовал перед ними за черногорцев⁴⁸². Он принимал самое активное участие в улаживании конфликтов с пограничным мусульманским населением, причем не только в Черногории, но и в соседней Герцеговине, жители которой отмечали, что те два года, когда в здешних краях находился Ивелич, были самыми спокойными⁴⁸³.

К сожалению, личные отношения М.К. Ивелича с черногорским митрополитом складывались далеко не лучшим образом. Понимал это и он сам. Уже по возвращении в Россию в письме к управляющему министерством иностранных дел Н.П. Румянцеву Ивелич замечал, что он был отозван из Черногории по политическим причинам, поскольку уже не мог далее взаимодействовать с митрополитом, так как «навсегда осталась в нем сердечная ко мне ненависть»⁴⁸⁴. В МИДе, полагая, что Ивелич справился с порученной ему миссией, также считали взаимоотношения между ним и митрополитом безнадежно испорченными⁴⁸⁵. Между тем балканские дела требовали более тесного взаимодействия с черногорцами и их главой, поэтому в Петербурге было решено направить в Черногорию уже упоминавшегося дипломата С.А. Санковского.

Подводя некоторые итоги, отметим, что на рубеже XVIII-XIX вв. Черногория сделала шаг вперед в деле создания более совершенного государ-

ственного устройства. Это выразилось в укреплении единства черногорцев и брдян, принятии действенного кодекса законов, организации правительства. Существенную положительную роль в этом процессе сыграла установленная Павлом I ежегодная субсидия Черногории (1 тысяча червонных) со стороны России, благодаря которой правительственные органы смогли более успешно функционировать. Собственно русско-черногорские отношения, ухудшившиеся в 1803-1804 гг. из-за попытки Петра I Негоша установить контакты с французским правительством, не прерывая при этом связи с Россией, удалось в 1805 г. окончательно нормализовать благодаря деятельности русской дипломатии и обоюдному стремлению сторон к всестороннему сотрудничеству и сближению.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Описание черногорского самозванца Степана Малого, сделанное в Вене черногорским архимандритом Аввакумом, 5 (16) августа 1768 г. // *Драговић М.* Споменици о Шћепану Маломе. Из московскога главнога архива министарства иностранијех дела // Споменик Српске Кралевске Академије. Београд, 1893. Т. XXII. С. 29; Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1768 г. Д. 16. Ч. II. Л. 113об.
- ² Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л. 64.
- ³ *Макушев В.* Самозванец Степан Малый: По актам венецианского архива // Русский вестник. 1869. Август. Т. 82. С. 574.
- ⁴ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л. 64об.
- ⁵ Описание черногорского самозванца Степана Малого, сделанное в Вене черногорским архимандритом Аввакумом, 5 (16) августа 1768 г. // *Драговић М.* Споменици о Шћепану Маломе... С. 29; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1768 г. Д. 16. Ч. II. Л. 113об.-114.
- ⁶ *Драговић М.* Споменици о Шћепану Маломе... С. 28-29.
- ⁷ *Макушев В.* Самозванец Степан Малый... // Русский вестник. 1869. Август. Т. 82. С. 575.
- ⁸ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л. 69, 98.
- ⁹ Там же. Л. 69об.-70.
- ¹⁰ *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т. I. С. 592.
- ¹¹ *Яцимирский А. И.* Лже-Петр III у черногорцев // Исторический вестник СПб., 1907. Т. 109. С. 520; *Мыльников А. С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 244-245.
- ¹² *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. Т. 28. С. 295. Полагаю, что, встречаясь с М. Тарасовым, Степан Малый уже готовил себя к роли Петра III. Это общение с Тарасовым ему было нужно только того, чтобы получить от него под каким-либо предлогом больше сведений о России и о покойном императоре Петре III. Если бы это было не так, то совершенно непонятно, зачем какому-то простому работнику вообще встречаться с посланцем из России.
- ¹³ *Макушев В.* Самозванец Степан Малый... // Русский вестник. 1869. Июль. Т. 82. С. 21, 23;

- Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С.94; *Мыльников А.С.* Петр III: Повествование... С.248; и др.
- ¹⁴ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.71-72об.
- ¹⁵ Там же. Л.78-79.
- ¹⁶ Там же. Л.79об.
- ¹⁷ *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории (Русский лжецарь в Черногории). Перевод с сербского С. Якича и А. Зырина. Белград, 1996. С.122.
- ¹⁸ *Макушев В.* Самозванец Степан Малый... // Русский вестник. 1869. Август. Т.82. С.586.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С.578-579.
- ²¹ Описание черногорского самозванца Степана Малого, сделанное в Вене черногорским архимандритом Аввакумом, 5 (16) августа 1768 г. // *Драговић М.* Споменници о Шћепану Маломе... С.29; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1768 г. Д.16. Ч.II. Л.114.
- ²² *Драговић М.* Споменници о Шћепану Маломе... С.30.
- ²³ Там же; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1768 г. Д.16. Ч.II. Л.114об.
- ²⁴ Показания игумена С. Плавковича, 21 сентября (2 октября) 1767 г. // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.15-15об.
- ²⁵ *Макушев В.* Самозванец Степан Малый... // Русский вестник. 1869. Август. Т.82. С.575.
- ²⁶ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.75-75об.; *Макушев В.* Самозванец Степан Малый... // Русский вестник. 1869. Август. Т.82. С.580.
- ²⁷ Там же. С.581.
- ²⁸ Самозванец Петр III в Далмации в 1768 г. // Русская старина. 1883. №9. С.585. Это донесение А. Рениера распространилось по Европе, в частности, его сумел заполучить министр иностранных дел Сардинского королевства Джузеппе Ласкарис ди Каstellар. В России оно стало известно Екатерине II через принятого на службу в должности российского поверенного в делах при Венецианской республике маркиза Пано Маруцци (*Петрович Р.В.* Шћепан Мали. Загонетка је решена. Београд, 2001. С.193; АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.41/3. 1768 г. Д.36. Л.15-18).
- ²⁹ *Макушев В.* Самозванец Степан Малый... // Русский вестник. 1869. Август. Т.82. С.584-585; *Станојевић Г.* Шћепан Мали. Београд, 1957. С.26.
- ³⁰ Там же. С.27.
- ³¹ *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории ... С.37.
- ³² *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения ... С.93; *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории ... С.157.
- ³³ Настоящее имя и происхождение самозванца до сих пор не выяснено. А.П. Бажова полагает, что эту роль мог сыграть кто-либо из югославян, переселившихся в Россию в 50-х годах XVIII в. Однако ее предположение, что под именем Степана Малого мог скрываться один из организаторов переселения черногорцев в Россию майор С. Петрович (Шарович) (*Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С.95-97), является ошибочным, поскольку, как доносила рижская пограничная канцелярия уже после гибели Степана Малого в 1773 г., в декабре 1777 г. - июне 1778 г., С. Петрович уже в чине полковника совершил поездку в Вену с женой и служителем (*Строев А.Ф.* «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С.277). Черногорскому историку Р. Петровичу, безусловно, принадлежит главная заслуга в исследовании жизни и государственной деятельности Степана Малого. Вместе с тем в своей последней работе о нем (Шћепан Мали. Загонетка је решена (Степан Малый. Загадка решена). Београд, 2001) Р.В. Петрович выдвинул гипотезу, согласно которой под именем

Степана Малого скрывался И. Балевич, уроженец Брды, находившийся в России на военной службе и умерший, согласно челобитной его сына С.И. Балевича от 1780 г., в 1769 г. (Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С.326). Зная об этом документе, Р. Петрович все же полагает, что И. Балевич был одним из трех российских эмиссаров, которые, согласно дубровицкому источнику, были в 1766 г. направлены в Морею, а затем один из них якобы пробрался в Черногорию и объявился Степаном Малым (с.56). Безоговорочно доверяя этому источнику, Р. Петрович полагает, что в 1769 г. тогда еще шестилетний сын И. Балевича поверил в ложный слух о гибели Степана Малого, зная при этом, что самозванец – его отец (с.53-54). По мнению Р. Петровича, Екатерина II, направляя в 1768 г. с миссией в Черногорию старого знакомого И. Балевича полковника С. Эздемировича, также знала, что самозванец не кто иной, как И. Балевич (с.53). Эти и другие аналогичные предположения представляются крайне сомнительными, поскольку получается, что Екатерина II ни тогда, ни позже не известила об этом своих самых доверенных лиц, сохраняя – и это известно – неприязнь к Степану Малому и после его реальной гибели в 1773 г., именуя его исключительно самозванцем, поскольку его действительное имя так и осталось для нее тайной. Существует и другая версия, связывающая Степана Малого с Россией. По ней он мог попасть в Россию как младший церковнослужитель в свите кого-либо из представителей югославянского православного духовенства, посещавших Россию для получения денежных пособий и церковной утвари. Наслушавшись в России о смерти Петра III и самозванцах, он и решил разыграть роль императора в Черногории.

³⁴ Макушев В. Самозванец Степан Малый...// Русский вестник. 1869. Август. Т.82. С.589.

³⁵ Там же. С.576.

³⁶ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РФАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.76-76об.

³⁷ Там же. Л.77-77об.

³⁸ Драговић М. Споменници о Шћепану Маломе... С.5-6. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.285-286; Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије у периоду владавине црнагорских митрополита Саве и Василија Петровића. 1742-1766 гг. / Составители: Распоповић Р., Хлебникова В.Б., Распоповић С.Б. Подгорица – Москва, 2011. С.649-650.

³⁹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.287.

⁴⁰ Макушев В. Самозванец Степан Малый...// Русский вестник. 1869. Сентябрь. Т.83. С.15.

⁴¹ Степан Малый – Д.М. Голицыну, 2 (13) декабря 1767 г. // Драговић М. Споменници о Шћепану Маломе... С.6. Д.М. Голицын сумел убедить архимандрита Авакума в самозванстве Степана Малого и поручил ему доставить в Черногорию разоблачительную грамоту Екатерины II, возвращенную в посольство Г. Мерком, о чем речь пойдет далее. Однако по возвращении Авакума из Вены венецианские власти не пропустили его в Черногорию. Тогда Авакум отбыл в Венецию и передал грамоту российскому посланнику в Венеции маркизу Ламбро Маруцци, брату предшествовавшего представителя России в Венеции П. Маруцци. Л. Маруцци попытался переправить ее в Черногорию, но этому воспрепятствовал А.Г. Орлов, который нуждался в черногорцах и их правители как потенциальных союзниках во время средиземноморской экспедиции русского флота в русско-турецкую 1768-1774 гг. и полагал, что гневное послание Екатерины не послужит на пользу общему делу борьбы с турками.

⁴² Макушев В. Самозванец Степан Малый...// Русский вестник. 1869. Август. Т.82. С.591-592.

⁴³ Макушев В. Самозванец Степан Малый...// Русский вестник. 1869. Сентябрь. Т.83. С.10.

⁴⁴ Там же. С.10-11.

⁴⁵ Петрович Р.В. Степан Малый – загадка истории... С.164; Журнальная записка происшествиям во время экспедиции его сиятельства князь Юрья Долгорукова, от армии

генерал-майора и лейб-гвардии Преображенского полку майора, в Черную Гору, для учинения оттуда в Албании и Боснии неприятелю диверзии. 1769 год // Русский архив. 1886. Кн.1. С.422.

⁴⁶ *Стегний П.В.* Посол III класса: Хроники «времен Очаковских и покоренья Крыма». М., 2009. С.217.

⁴⁷ *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории... С.123.

⁴⁸ Грамота Екатерины II черногорским старейшинам, 14 (25) марта 1768 г. // Сборник императорского русского исторического общества (далее – Сборник РИО). 1893. Т.87. С.54-56; АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.41/3. 1784 г. Д.130. Л.20.

⁴⁹ Указ Коллегии иностранных дел Г. Мерку, 14 (25) марта 1768 г. // *Драговић М.* Споменици о Шћепану Маломе... С.13-14; Сборник РИО. 1893. Т.87. С.87-88.

⁵⁰ Циркулярный рескрипт Екатерины II к пограничным губернаторам в Киев, Новороссию, Смоленск, Ригу, Ревель и Выборг, 14 (25) марта 1768 г. // Сборник РИО. 1893. Т.87. С.49-51.

⁵¹ Записка венецианского посла в Вене к князю Д.М. Голицыну, 14 (25) апреля 1768 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1768 г. Д.16. Ч.II. Л.55-56.

⁵² Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 19 (30) апреля 1768 г. // *Драговић М.* Споменици о Шћепану Маломе... С.22.

⁵³ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.99.

⁵⁴ *Станојевић Г.* Шћепан Мали. С.37.

⁵⁵ *Драговић М.* Споменици о Шћепану Маломе...С.34.

⁵⁶ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.62. О том, что Теодосий Мркоевич являлся инициатором авантюры с самозванцем, отмечал в своих мемуарах и князь Ю.В. Долгоруков, писавший, что Теодосий, «узнав одного босняка, Степана Малого, который жил с разбойниками, человека видного и очень проворного, распустил слух, что сей Степан – Петр III, российский император» (*Долгоруков П.* Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С.305-306).

⁵⁷ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.62-62об.

⁵⁸ Там же. Л.99об.-100.

⁵⁹ Там же. Л.101об.

⁶⁰ И.М. Подгоричани – Екатерине II, 15 (26) июня 1769 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. 1769 г. Д.179. Л.3-12.

⁶¹ См. поименный список черногорцев: *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Черногорцы в России. М., 2011. С.83-84.

⁶² *Смилянская И.М., Вележев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С.73.

⁶³ Екатерина II – А.Г. Орлову, 6 (17) мая 1769 г. // Сборник РИО. СПб., 1867. Т.I. С.18.

⁶⁴ Пребывание русской эскадры в Средиземном море нашло отражение в песне, сочиненной матросами «Спиридов и матросы»:

Не цветами сине море покрывалося,
Не лазоревыми Средиземное украшалось,
Расцветало сине море кораблями,
Белыми полотняными парусами,
Разными российскими флагами.
Не ясен сокол по поднебесью летает,
Скиридов-генерал по кораблику гуляет,
Он российских матросов утешает,

Утешает их, забавляет:
«Не тужите вы, дети, по своей отчизне,
Не вовсе мы на синем море погибнем,
Воротимся мы в Русь с победой,
Увидимся с отцами-матерями,
Со братьями и сестрами,
Со молодыми своими женами,
Со милыми детьми со родными».
Матрозы печаль забывают
И с радости еще пробыть там желают

(Русская историческая песня: Сборник. Л., 1990. С.283).

⁶⁵ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч.ХI. С.366.

⁶⁶ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. №1. С.60

⁶⁷ Лециловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006. С.87.

⁶⁸ Екатерина II – А.Г. Орлову, 6 (17) мая 1769 г. // Сборник РИО. СПб., 1867. Т.I. С.16.

⁶⁹ Записка на память господину полковнику Есдемировичу. Б/г. // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф.115. Оп.1. Д.617. Л.192-195об. В выдержках приведен в кн.: Петрович Р.В. Степан Малый – загадка истории... С.153-154.

⁷⁰ Журнальная записка... С.392-393. Поскольку капитан И. Миловский был одновременно и секретарем экспедиции, то наиболее вероятно, что именно ему было поручено вести ее журнал. Предположение редакции «Русского архива» о том, что автором «Журнальной записки» был майор А. Розенберг, ничем не аргументировано. Между прочим, пристрастие Степана Малого к спиртным напиткам служило для черногорцев дополнительным и весомым доказательством того, что перед ними не самозванец, а русский царь, поскольку в Черногории было общеизвестно, что из всех напитков русские предпочитают горячительные.

⁷¹ Яцимирский А.И. Лже-Петр III у черногорцев... С.543.

⁷² Журнальная записка... С.406.

⁷³ Там же. С.394-395.

⁷⁴ Журнальная записка... С.396-397; Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С.307.

⁷⁵ Журнальная записка... С.397.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. М., 1994. Кн.XIV. Т.28. С.299.

⁷⁸ Журнальная записка... С.198, 402, 404.

⁷⁹ Прошение архимандрита Афанасия Милутиновича Екатерине II. Май 1778 г. // РГАДА. Ф.15. (Дипломатический отдел). Оп.1. 1778 г. Д.196. Л.1.

⁸⁰ Там же. Л.1об.

⁸¹ Журнальная записка... С.398, 402, 416. Позднее, через полгода отбытия Ю.В. Долгорукова и русской военной миссии из Черногории, шкодринский правитель Мехмет-паша все же дал согласие на выкуп плененных брдян, в том числе и сына Илии Дрекаловича. Однако, когда Илия Дрекалович в апреле 1770 г. прибыл в Шкодру, имея при себе деньги, пожертвованные для выкупа ранее князем, он вместе с двумя сопровождающими был убит и ограблен, а его голову Мехмет-паша отправил в Стамбул (Петрович Р.В. Степан Малый – загадка истории... С.205).

⁸² Журнальная записка... С.400.

⁸³ Там же. С.403. Следует заметить, что автор «Журнальной записки» возлагает всю вину за грабительские набеги исключительно на черногорцев. Не отрицая этого факта, все же следует сказать, что нередко аналогичным образом поступали и мусульманские соседи черногорцев. Иногда это была ответная мера, но чаще всего прямой грабеж.

⁸⁴ Там же. С.405.

- ⁸⁵ Там же. С.408-410.
- ⁸⁶ *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории... С.192; Журнальная записка... С.407-408.
- ⁸⁷ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. ... 1994. Кн.ХІV. Т.28. С.299.
- ⁸⁸ *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории... С.193.
- ⁸⁹ Там же. С.191; Журнальная записка ... С.417. Позже, перед отбытием из Черногории в Италию, Долгоруков, не имея ни возможности, а вероятно, и желания брать дезертиров с собой, договорившись с властями Котора об их прощении за побег, отправил 78 человек обратно.
- ⁹⁰ Журнальная записка... С.406.
- ⁹¹ Там же. С.427.
- ⁹² А.Г. Орлов – Н.И. Панину, 24 августа (4 сентября) 1772 г. (Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770-1773) // Русский архив. 1880. Кн.ІІІ (2). С.254; А.Г. Орлов – Екатерине ІІ. 10 (21) декабря 1769 г. // Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч.ХІ. С.422. Г.Л. Арш был излишне категоричен, когда исследуя участие греков в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., вслед за российской историографией ХІХ в., утверждал, что у Екатерины ІІ в те годы не было каких-либо планов политического переустройства Балкан в результате их освобождения от османского ига (*Арш Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768-1774 гг. Восстание в Море // История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004. С.438). Такой план был и он касался греков. Он изложен в письме Н.И. Панина, государственная деятельность которого на важнейшем посту в Коллегии иностранных дел во многом определяла внешнюю политику России, на имя А.Г. Орлова, возглавлявшего экспедицию русского флота в Архипелаг (Н.И. Панин – А.Г. Орлову, 21 июля (1 августа) 1770 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1101. Оп.1. 1770-1773 гг. Д.133. Л.2-7). Н.И. Панин информировал А.Г. Орлова о содержании отправленного на его имя рескрипта императрицы, в котором отмечалось желание Екатерины ІІ «при первом удобном случае составить из Греческих провинций некоторый соединенный корпус...» (то есть государственное образование), который, «освободившись от власти Порты, просил бы помощи у всего христианского общества». Далее Н.И. Панин излагал свои взгляды и суждения на форму устройства нового греческого государства и прогнозировал политику европейских держав в отношении греков, отделившихся от Османской империи и провозгласивших свою независимость. По мнению Н.И. Панина лучшим образцом государственного устройства для греков являлась бы конфедерация по образцу Нидерландов, которая, «подняв оружие против своего тирана, достигла до признания себя независимою областью от всех держав: а притом учредили себе правительство в одном корпусе, составленном из выбранных депутатов от каждой провинции». Известно, что победоносная буржуазная Нидерландская революция ХVІІ в. привела в конечном итоге к отделению от Испании семи северных провинций и к образованию республики Соединенных провинций, или, как ее чаще называли, Голландской республики. Именно эта республиканская модель государственного устройства, модель «Голландских Генеральных Статов», предлагалась Н.И. Паниным для освободившейся Греции. Таким образом, задолго до возникновения Ионической республики (1800-1807 гг.) в правящих кругах России возникали идеи республиканского устройства греческого общества. В то время Екатерина ІІ, видимо, одобряла республиканскую идею «Греческого проекта» Н.И. Панина и вместе с ним была озабочена обеспечением поддержки планируемому греческому государству со стороны других европейских держав. Тому, что этот «проект» не был осуществлен, достаточно и внешних, и внутренних причин. Не удалось организовать масштабное и эффективное участие греков в антиосманской борьбе, и тем самым придать русско-турецкой войне характер освободительной. Сказалась также протурецкая направленность политики Австрии и Франции и участие России в разделе Польши. А восстание Е.И. Пугачева (1773-1775 гг.) заставило Россию свернуть войну с Турцией и пойти на скорейшее заключение мира (см. об этом: *Аншаков Ю.П.* К истории «Греческого проекта» Екатерины ІІ // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Самара, 1997. С.12-14).

- ⁹³ *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории... С.164-165; Журнальная записка... С.415-416.
- ⁹⁴ *Рачинский А.В.* К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. (Извлечено из бумаг государственного вице-канцлера князя А.М. Голицына) // Русский архив. 1876. №7. С.277; А.Г. Орлов – Екатерине II, 10 (21) декабря 1769 г. // Материалы для истории русского флота. СПб, 1886. Ч.XI. С.422. Алексей Орлов, согласно рескрипту Екатерины II от 4 (15) марта 1769 года, имел право «гамошним знатым людям» присваивать офицерские чины до капитана включительно.
- ⁹⁵ В.С. Томара – А.Г. Орлову, 14 (25) августа 1769, Венеция // *Рачинский А.В.* К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского... С.284.
- ⁹⁶ *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг // Сочинения. М., 1957. Т.10. С.34.
- ⁹⁷ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч.XI. С.539.
- ⁹⁸ *Милович Ј.М.* Зборник документата из историје Црне Горе (1685-1782). Цетиње, 1956. С.321.
- ⁹⁹ *Лекович Ж.* Отношения России к черногорским, горным и герцеговинским племенам в 1750-1830 // Русија и Балкан током последња три столећа. Јубиларно издање посвећено три стогој годишњици црногорско-руских односа 1711-2011. Подгорица - Москва, 2012. С.94.
- ¹⁰⁰ *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории... С.195, 207; *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе. 1711-1918. Подгорица - Београд, 1996. С.97.
- ¹⁰¹ Описание черногорского самозванца Степана Малого, сделанное в Вене черногорским архимандритом Аввакумом, 5 (16) августа 1768 г. // *Драговић М.* Споменници о Шћепану Маломе... С.30-31; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. Д.16. Ч.II. 1768 г. Л.115об.; Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена. Копия // РГАДА. Ф.149 (О самозванцах). Оп.1. Ед. хр.78 (Дело о самозванце Степане Малом, возмущавшем Черногорию в 1767-69 годах). 1767-1769 гг. Л.87об.
- ¹⁰² *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории... С.45, 80.
- ¹⁰³ Там же. С.220.
- ¹⁰⁴ *Станојевић Г.* Шћепан Мали. С.92.
- ¹⁰⁵ На излете жизни Степана Малого некоторые черногорцы по-прежнему верили в то, что Степан Малый – император Петр III. Отдельные «главари» также считали, что Степан Малый все же прибыл к ним из России, что он «человек из царства Московского» – некая знаменитая личность, и поэтому после его смерти предлагали отправить в Петербург его оружие и одежду (*Станојевић Г.* Шћепан Мали. С.87).
- ¹⁰⁶ *Макушев В.* Самозванец Степан Малый... // Русский вестник. 1869. Август. Т.82. С.573.
- ¹⁰⁷ *Петрович Р.* Степан Малый – загадка истории... С.221.
- ¹⁰⁸ *Мордовцев В.* Самозванец Степан Малый // Русская беседа. 1860. Кн.1. С.48-49; *Яцимирский А.И.* Лже-Петр III у черногорцев... С.545-546.
- ¹⁰⁹ *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе. Књ.3. Од почетка XVI до краја XVIII вијека. Титоград, 1975. Т.1. С.399.
- ¹¹⁰ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе. 1773-1796. Београд, 1962. С.32.
- ¹¹¹ Прощение черногорской делегации к Екатерине II, 28 июля (8 августа) 1779 г. // *Александров Г.Н.* Исторические сведения о сношениях России с Черногорией // Русский архив. 1876. №7. С.258-259.
- ¹¹² Там же. С.259-261.
- ¹¹³ Записка для объявления черногорскому губернатору Ивану Радоничу, сердарю Ивану Петровичу и архимандриту Петру Петровичу // Там же. С.269.
- ¹¹⁴ Там же. С.270.
- ¹¹⁵ См. об этом: *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784-1830). Цетиње, 1950. С.37-42; *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе... С.31-33.
- ¹¹⁶ См. текст конвенции: *Лекић Д.* Спољна политика... С.45-50; *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом ... СПб., 1888. Т.1. С.747-748; *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе... С.104-106.

- ¹¹⁷ Лучић Ч.М. Митрополит Петар Први Петровић. Титоград, 1991. С.166.
- ¹¹⁸ Станојевић Г. Црна Гора пред стварање државе... С.44.
- ¹¹⁹ Там же. С.71-73.
- ¹²⁰ Петар I Петровић Његош. Кратка историја Црне Горе // Повјесница црногорска. Одобрене историје Црне Горе до краја XIX вијека. Подгорица, 1997. С.41-46.
- ¹²¹ Существовавшая с 1557 г. возобновленная Печская патриархия Сербской православной церкви в 1766 г. фирманом султана Мустафы III была упразднена, а ее территория отошла под юрисдикцию Вселенской патриархии в Константинополе, откуда стали присылаться священники-греки, которым требовались переводчики для исповедания прихожан. Упразднение Печской патриархии привело к разрушению единой церковной организации. Теперь одни сербы стали подчиняться Вселенскому патриарху, другие – Карловацкому митрополиту, третьи – греческому митрополиту, кафедра которого находилась в Венеции. При Петре I Негоше самостоятельность Цетинской митрополии окончательно утверждается. Св. Синод Русской православной церкви после ликвидации Печской патриархии официально не поднимал вопроса об автокефальности Цетинской митрополии. Однако фактическая обособленность черногорской церкви, ее самостоятельность, безусловно, учитывалась высшим церковным руководством России. Аналогичным образом в дальнейшем вынуждена была поступить и Вселенская патриархия, с которой Цетинская митрополия фактически не взаимодействовала, испытывая неприязнь к грекам-фанариотам и их патриарху, целиком зависимых от турецких властей.
- ¹²² Достян И.С. Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С.311.
- ¹²³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.330-331.
- ¹²⁴ Костић М. Школа и жизнь в Черногории // Славянский ежегодник. Киев, 1877. С.193.
- ¹²⁵ С. Югович-Маркович – Г.А. Потемкину, 16-20 ноября 1785 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. 1784-1785 г. Д.217. Л.10-15; Драговић М. Русија и Црна Гора од 1780 до 1790 г. (Материјал за историју Црне Горе у вријеме владања владике Петра I) // Гласник Српскога ученог друштва. Београд, 1891. Књ.72. С.244-247.
- ¹²⁶ А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 31 июля (11 августа) 1785 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1785 г. Д.401. Л.23-24об.
- ¹²⁷ Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна»... С.334-335.
- ¹²⁸ Петр I Негош – Г.А. Потемкину, 2 (13) ноября 1785 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. 1784-1785 г. Д.217. Л.1-1об.; Драговић М. Русија и Црна Гора од 1780 до 1790... С.223.
- ¹²⁹ Там же. С.226.
- ¹³⁰ Там же. С.229-230; Лучић Ч. Митрополит Петар Први Петровић. С.29-30 и др.
- ¹³¹ Различные мнения о «Греческом проекте» см.: Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М. - Л., 1947. С.66-67; Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986. С.5-6; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798-1807. М., 1962. С.51-55; Достян И.С. Россия и балканский вопрос. (Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.). М., 1972. С.36-42; Аншаков Ю.П. К истории «Греческого проекта» Екатерины II // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Самара. 1997. С.10-18; Виноградов В.Н. Греческий проект Екатерины II // Славянские народы Юго-Восточной Европы в XVIII в. М., 2003. С.106-115.
- ¹³² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т.2. С.244-245.
- ¹³³ Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С.208.
- ¹³⁴ Й. Радонић – С. Юговичу, 7 (18) сентября 1787 г.; Й. Радонић – Г.А. Потемкину, 7 (18) сентября 1787 г. // Архив Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф.265. Оп.2. 1787 г. Д.3825. Л.3, 5.

- ¹³⁵ В.С. Томара – Г.А. Потемкину, февраль 1791 г. // Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф.197. Оп.1. Д.70. Л.137об.
- ¹³⁶ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1836. Ч.II. С.83.
- ¹³⁷ *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII - начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи). М., 1963. С.85.
- ¹³⁸ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе... С.96.
- ¹³⁹ Там же. С.97.
- ¹⁴⁰ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. Београд, 1955. С.75-76; *Петровић Р.В.* Племя Кучи. 1684-1696. Београд, 2001. С.272-274. Р. Петрович считает, что войско паши на 2/3 было укомплектовано христианами. Русский консул в Далмации А. Палладоклис сообщал, что 5/6 войска Махмуда-паши составляли христиане – «жители Подгорицы, Кучи, Пипери, Клименти» (РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. 1784-1785 гг. Д.217. Л.2об.
- ¹⁴¹ А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 2 (13) июля 1785 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1785 г. Д.401. Л.19-20.
- ¹⁴² *Станојевић Г., Васић М.* Историја Црне Горе... С.425.
- ¹⁴³ *Драговић М.* Русија и Црна Гора од 1780 до 1790... С.262; А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 30 июня (11 июля) 1785 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. 1784-1785 гг. Д.217. Л.4.
- ¹⁴⁴ А. Палладоклис – некоему графу, не ранее июля 1785 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 43/1. 1785 г. Д. 402. Л.7-8об.
- ¹⁴⁵ А. Палладоклис – некоему графу, 26 октября (6 ноября) 1785 г. // Там же. Л.11об.-12
- ¹⁴⁶ См. об этом: А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 30 июня (11 июля) 1785 г. // РГАДА. Ф. 15 (Дипломатический отдел). Оп.1. 1784-1785 гг. Д.217. Л.2-6об; *Драговић М.* Русија и Црна Гора од 1780 до 1790... С.261-263.
- ¹⁴⁷ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе... С.100.
- ¹⁴⁸ Там же. С.104.
- ¹⁴⁹ *Јовановић Ј.* Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918 године. Цетиње, 1947. С.143.
- ¹⁵⁰ *Поповић Л.* Черногорский владыка Петр I. Киев, 1897. С.99.
- ¹⁵¹ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе... С.112. Попытку заступиться за Махмуда Бушати перед Портой предпринимала испанская дипломатия. Мадридский двор хлопотал за мятежного пашу по просьбе римского папы, рассчитывавшего, что если в случае его заступничества Махмуда Бушати в Стамбуле простят, то это облегчит жизнь христиан-католиков Северной Албании (В.П. Кочубей – Екатерине II, 16 (27) января 1795 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп.89/9. 1795 г. Д.808. Л.38об.-40).
- ¹⁵² А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 15 (26) сентября 1786 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1786 г. Д.80/13. Л.74об.-75.
- ¹⁵³ Я.И. Булгаков – Екатерине II, март 1787 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп.89/8. 1787 г. Д.689. Л.43об.
- ¹⁵⁴ Консул в Анконе Протопсалтий – А.И. Остерману, 16 (28) сентября 1787 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1787 г. Д.80/17. Л.33.
- ¹⁵⁵ *Арш Г.Л.* Албания и Эпир ... С.108.
- ¹⁵⁶ Л.П. Бенаки – Коллегии иностранных дел, без даты, 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.335. Л.59.
- ¹⁵⁷ А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 7 (18) декабря 1787 г. // Там же. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1787. Д.404. Л.86-87об.
- ¹⁵⁸ А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 6 (17) октября 1787 г. // Там же. Л.76-77.
- ¹⁵⁹ *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения ... С.274.

- ¹⁶⁰ Памятные записки А.В. Храповицкого. С.62.
- ¹⁶¹ А.С. Мордвинов – А.А. Безбородко, 15 (26) апреля 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.169. Л.25об.-26.
- ¹⁶² *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С.109.
- ¹⁶³ Л.П. Бенаки – Коллегии иностранных дел, 5 (16) января 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/18. Л.271-271об.
- ¹⁶⁴ А.С. Мордвинов – Петру I Негошу, 4 (15) февраля 1788 г. // Архивско одјељење Народ-ног музеја Црне Горе (далее – АОНМЦГ). Ф. Петар I Петровић Његош. 1788 г. Док.23; ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Д.121. Л.13об.
- ¹⁶⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.338-339.
- ¹⁶⁶ А.С. Мордвинов – Петру I Негошу, 3 (14) мая 1788 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1788 г. Док.28.
- ¹⁶⁷ *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С.112.
- ¹⁶⁸ И. Оливьери – А.С. Мордвинову, 8 (19) апреля 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.169. Л.21.
- ¹⁶⁹ А.С. Мордвинов – вице-канцлеру И.А. Остерману 22 апреля (2 мая) 1788 г. // Там же. Л.46об.
- ¹⁷⁰ С. Миркович – А.С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // Там же. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Д.170. Л.27.
- ¹⁷¹ Там же. Л.28.
- ¹⁷² См. полный текст проекта: АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп.89/8. Д.2072. Л.42-45. Там же. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Л.19-21. В выдержках приведен в кн.: *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С.115. *Он же.* Албания: Махмуд Бушати и Али-паша Тепелена // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 1984. С.500.
- ¹⁷³ С. Миркович – А.С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Л.28об.
- ¹⁷⁴ Г.А. Потемкин – Екатерине II, 3 (14) января 1788 г. // Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1771-1788. СПб., 1893. Вып. VI. С.170-171.
- ¹⁷⁵ А.С. Мордвинов – Коллегии иностранных дел, 3 (14) июня 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). Д.80/19. 1788 г. Л.396 об.
- ¹⁷⁶ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.337.
- ¹⁷⁷ С. Миркович – А.С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Л.29.
- ¹⁷⁸ И. Оливьери – А.С. Мордвинову, 8 (20) апреля 1788 г. // Там же. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.169. Л.22.
- ¹⁷⁹ А.С. Мордвинов – А.А. Безбородко, 15 (26) апреля 1788 г. // Там же. Л.25об.
- ¹⁸⁰ *Арш Г.Л.* Албания: Махмуд Бушати и Али-паша Тепелена... С.499; С. Миркович – А.С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Л.27-27об.
- ¹⁸¹ А.С. Мордвинов – Коллегии иностранных дел, 24 мая (3 июня) 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/19. Л.385; Л.П. Бенаки – Коллегии иностранных дел, 20 (31 мая) 1788 г. // Там же. Д.80/20. Л.35об.
- ¹⁸² С. Варука – Коллегии иностранных дел, 25 июля (5 августа) 1788 г. // Там же. Л.35.
- ¹⁸³ С. Варука – Коллегии иностранных дел, 30 мая (10 июня) 1788 г. // Там же. 1788 г. Д.80/19. Л.387об.
- ¹⁸⁴ *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья... С.60-61.
- ¹⁸⁵ С. Варука – Коллегии иностранных дел, 24 июня (3 июля) 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эр-митажное собрание). 1788 г. Д.80/20. Л.35.
- ¹⁸⁶ И.А. Заборовский – Петру I Негошу, 11 (22) мая 1788 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1788 г. Док.29.

- ¹⁸⁷ Конфиденциальная записка от 29 июня (8 июля) 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/19. Л.459об.
- ¹⁸⁸ Црногорско-руски односи 1711-1918. Подгорица - Москва, 1992. Књ.1. Руски извори о Црној Гори од краја до средине XIX вијека. С.82.
- ¹⁸⁹ И. Оливьери – А.С. Мордвинову, 8 (19) апреля 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.169. Л.22.
- ¹⁹⁰ *Бутковский Я.Н.* Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе. СПб., 1888. Т.I. С.80.
- ¹⁹¹ И. Оливьери – А.С. Мордвинову, 20 (31) мая 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Л.12, 13.
- ¹⁹² С. Миркович – А.С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // Там же. Л.24.
- ¹⁹³ А.С. Мордвинов – А.А. Безбородко, 21 июня (1 июля) 1788 г. // Там же. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788. Д.163. Л.21-21об.
- ¹⁹⁴ Конфиденциальная записка от 3 (14) июля 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/20. Л.15.
- ¹⁹⁵ С. Миркович – А.С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Л.25-25об.
- ¹⁹⁶ А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 1 (12) июля 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.406. Л.57.
- ¹⁹⁷ Махмуд-паша – Ахмет-бею, 22 июня (3 июля) 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1788 г. Д.2072. Л.61.
- ¹⁹⁸ М.К. Ивелич – А.А. Безбородко, 5 (16) июля 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1796-1800 гг. Д.29. Л.20-21.
- ¹⁹⁹ А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 13 (24) июля 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.406. Л.64-65об.
- ²⁰⁰ ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/19. Л.459об.-460.
- ²⁰¹ *Арш Г.Л.* Албания и Эпир ... С.117.
- ²⁰² А.С. Мордвинов – А.А. Безбородко, 24 июня (4 июля) 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.163. Л.22-23об.
- ²⁰³ А.С. Мордвинов – А.А. Безбородко, 9 (20) августа 1788 г. // Там же. Л.42-42об.
- ²⁰⁴ А. Джика – Коллегии иностранных дел, 12 (23) сентября 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/21. Л.92об.-93; А. Палладоклис – Коллегии иностранных дел, 21 сентября (2 октября) 1788 г. // Там же. Л.132.
- ²⁰⁵ А.С. Мордвинов – Коллегии иностранных дел, 11 (22) октября 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/21. Л.170об.
- ²⁰⁶ Й. Радонич и старейшины – Екатерине II, июнь 1789 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1788 г. Д.22. Л.1об.
- ²⁰⁷ М.К. Ивелич – А.А. Безбородко, 5 (16) июля 1788 г. // Там же. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1796-1800 гг. Д.29. Л.18об.
- ²⁰⁸ Записка о военных действиях генерал-лейтенанта графа Ивелича в бытность его в Черногории, Албании и Герцеговине в 1788, 1789 и 1790 годах // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. 1809 г. Д.28. «О поручении данному графу Марку Ивеличу в Черногории». Л.8-9об.
- ²⁰⁹ И.А. Заборовский – А.А. Безбородко, 9 (20) октября 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1788 г. Д.2072. Л.16об.
- ²¹⁰ Штакельберг – Коллегии иностранных дел, 16 (27) сентября 1788 г. // ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). 1788 г. Д.80/20. Л.352.
- ²¹¹ Ж. Стин – Петру I Негошу, 8 (19) февраля 1788 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1788 г. Док.24.
- ²¹² Памятные записки А.В. Храповицкого. С.79-80.
- ²¹³ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе... С.206-209.
- ²¹⁴ А.С. Мордвинов – вице-канцлеру И.А. Остерману, 15 (26) января 1791 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.191. Л.22об.
- ²¹⁵ Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С.92-93.

- ²¹⁶ А.С. Мордвинов – вице-канцлеру И.А. Остерману, 15 (26) января 1791 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.191. Л.30.
- ²¹⁷ Наука побеждать. Век XVIII (История Отечества в романах, повестях, документах). М., 1984. С.541.
- ²¹⁸ *Медаковић М.* Повестница Црне Горе од најстаријг времена до 1830 // Повјесница црногорска. Одобране историје Црне Горе до краја XIX вијека. Подгорица, 1997. С.207-208.
- ²¹⁹ См. текст Одлуки: АВПРИ. Ф. СПб ГАИ-5. 1805-1821 гг. Д.1. П.2. Л.286. По содержанию текст «Одлуки» во многом идентичен тексту «Стеги» (Ограничение). См. текст «Стеги»: Црногорски законици. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Зборник докумената. Књ.1. Приредили: Павићевић Б., Распоповић Р. Подгорица, 1998. С.3-6.
- ²²⁰ *Петковић Б.* Махмуд паша Бушаија од 1787-1796 године. Прилог за едину монографију // Историјски записи (далее – ИЗ). Књ. XIII. Св.1-2. Цетиње, 1957. С.239; *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997. С.156.
- ²²¹ *Драгович Ж.* Материјали за исторју Црне Горе (Из времена владања владике Петра I) // Гласник Српског ученог друштва (далее – Гласник СУД). Београд, 1886. Књ.65. С.134-136.
- ²²² С. Вукотич – обер-прокурору Синода А.Н. Голицыну, 8 (20) ноября 1811 г. // РГИА. Ф.797. Оп.1. Ед. хр. 4154. Л.3-4об.
- ²²³ Там же. Л.4об.
- ²²⁴ *Павићевић Б.* О првом походу Махмута Баштлије на Црну Гору 1796 // Историски часопис. Београд, 1956. Књ. VI. С.164; *Он же.* О првом походу Махмута Баштлије на Црну Гору 1796 // Бој Црногораца и Брђана с Махмут-пашом 1796. Зборник радава о биткама на Мартинићима и Крусима. Цетиње, 1996. С.231.
- ²²⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.374.
- ²²⁶ *Драгович Ж.* Черногория и ее отношение к России в царствование императора Павла I // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С.370-372.
- ²²⁷ *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С.128.
- ²²⁸ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе ... С.267.
- ²²⁹ См. напр.: *Караџић В.* Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С.36; История Югославии. М., 1963. Т.1. С.223; *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.112; Битка за Црну Гору: Мартинићи - Круси. 1796-1996. Зборник радава са научног скупа. Подгорица, 1997. С.84; *Андријашевић Ж.М.* Istorija Crne Gore: od najstarijih vremena do 2003. Podgorica, 2006. S.132; и др.
- ²³⁰ См. об этом реляцию В.П. Кочубея Екатерине II от 15 (26) октября 1796 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп.89/8. 1796 г. Д.833. Л.15-15об.
- ²³¹ Петр I Негош – Францу I, 3 (14) сентября 1796 г. // Бој Црногораца и Брђана с Махмут-пашом 1796. Зборник радава о биткама на Мартинићима и Крусима. Цетиње, 1996. С.81-82.
- ²³² П.А. Зубов – Петру I Негошу, 10 (21) октября 1796 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.374-375.
- ²³³ Дело по доносам Марошевича на гр. Черноевича // РГИА. Ф.1374. Оп.5. 1802-1806 гг. Д.205. Л.1-38.
- ²³⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.377. Как уже отмечалось, русское правительство не заявляло открыто и официально на международной арене о покровительстве России над Черногорией и никогда не ставило этот вопрос перед Портой. Однако Павел I, а позднее и Александр I, в своих грамотах, обращенных к черногорскому руководству и народу, употребляли термин «покровительство», понимая, что это усилит симпатии черногорцев к России.
- ²³⁵ Павел I – Петру I Негошу, 1 (12) мая 1798 г. Павловск // АОНМЦГ. Ф Петар I. 1798 г. Док.176.
- ²³⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1796-1800 гг. Д.29. Л.38.
- ²³⁷ РГИА. Ф.1374. Оп.5. 1802-1806 гг. Д.205. Л.24об.

- ²³⁸ См., например: *Павићевић Б.* Политика цара Павла I према Црној Горе // Гласник Цетињских музеја. Цетиње, 1970. Бр.3. С.24-25; *Бойович Ђ.Р.* Россия и Черногория в конце XVIII - начале XIX в. // Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С.43; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.376. Прим.1; и др.
- ²³⁹ *Корсаков А. С.Г.* Зорич-Черноевич и основанное им Шкловское благородное училище // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1850. Т.87. №347. С.358-377. В Шкловском училище обучался сын губернатора Ђ. Радоница Вукотич Радониц, который после смерти своего отца в 1802 г. станет губернатором Черногории.
- ²⁴⁰ Выписка из проекта письма канцлера А.Р. Воронцова к черногорскому митрополиту Петру Петровичу Негошу // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-8. 1803-1805 гг. Д.6. Л.11-11об.;
- ²⁴¹ АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1808 г. Док.1517, 1549.
- ²⁴² М.К. Ивелич – Г.Д. Мочениго, 19 (31) марта 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.55об.-56; М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 23 апреля (5 мая) 1805 г. // Там же. Л.69об.
- ²⁴³ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1888. Т.I. С.612.
- ²⁴⁴ *Достян И.С.* Описание Черногории... С.316.
- ²⁴⁵ *Драгович Ж.* Черногория и ее отношения с Россией в царствование императора Павла // Русская старина. 1882. Февраль. Т.XXXIII. С.437-438. Российский эмиссар С. Миркович считал, что монастырь Станевичи находится на венецианской территории (С. Миркович – А.С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп.43/1. 1788 г. Д.170. Л.24), что в общем-то соответствовало истине. То же самое можно сказать и Маине. Однако черногорцы никогда не желали смириться с потерей своих приморских общин, уступленных Турцией Венеции по Пожаревацкому миру в 1718 г. Конфликты с Австрией по поводу принадлежности этих монастырей будут и в дальнейшем.
- ²⁴⁶ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развика. Београд, 1981. С.319-320.
- ²⁴⁷ *Лекић Д.* Спољна политика... С.122.
- ²⁴⁸ Там же. С.120-121.
- ²⁴⁹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.379-382; Долгое время, не получая известий от Вукотича, митрополит просил адмирала Ф.Ф. Ушакова, чтобы он посдействовал перед русским двором просьбе черногорцев о покровительстве (Петр I Негош – Ф.Ф. Ушакову, 17 (28) марта 1799 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1797-1799 гг. Д.30. Л.4-5.
- ²⁵⁰ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.386.
- ²⁵¹ ОР РНБ. Ф.FIV. 677. Ч.I. Л.285-286об. Любопытно заметить, что на черновике этого письма первоначально адресатом был «митрополит черноморский». Поскольку вся жизнь прославленного российского адмирала была связана с Черным морем, это на подсознательном уровне отразилось и в письме к черногорскому митрополиту.
- ²⁵² Х.И. Клопакис – Ф.Ф. Ушакову, 17 (28) марта 1799 г. // ОР РНБ. Ф.FIV. 677. Ч.I. Л.392-394.
- ²⁵³ Там же. Л.320-321.
- ²⁵⁴ *Павићевић Б.* Политика цара Павла I... С.35.
- ²⁵⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.387.
- ²⁵⁶ Там же. С.387.
- ²⁵⁷ Ф.Ф. Ушаков – Ф.М. Бради, 12 (23) июля 1799 г. // *Драгович Ж.* Черногория и ее отношения... // Русская старина. 1882. Февраль. Т.XXXIII. С.440.
- ²⁵⁸ В 1800 г. Петр I Негош сообщал находившемуся тогда в Петербурге Н. Черноевичу-Давидовичу, что Бради вел закулисные переговоры с боснийским визирем, вырабатывая план набега турок на Черногорию (АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1800 г. Д.32. Л.1об.). В свою очередь Н. Черноевич-Давидович в августе 1800 г.

- извещал российское руководство о том, что комендант Боки Которской настраивает против Черногории скутарского пашу, рассчитывая, что, оказавшись перед лицом военной угрозы, исходящей от турок, черногорцы обратятся за помощью к Австрии и тем самым будут вынуждены «подчиниться австрийскому дому» (*Драгович Ж.* Черногория и ее отношения... // Русская старина. 1882. Февраль. Т. XXXIII. С. 422).
- ²⁵⁹ Петр I Негош – архиепископу Григорию, 10 (21) марта 1799 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1792-1799 гг. Д. 24. Л. 17.
- ²⁶⁰ *Достян И. С.* Описание Черногории... С. 316-317.
- ²⁶¹ Н. Черноевич-Давидович – Коллегии иностранных дел, август 1800 г. // Русская старина. 1882. Февраль. Т. XXXIII. С. 427.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С. 393.
- ²⁶⁴ *Vujović Д.* Specificnosti rasvitka crnogorske drzave // Juqoslovenski istorijski Časopis. 1973. Br. 1-2. С. 41-56.
- ²⁶⁵ См., например: *Чубриловић В.* Терминологија племенског друштва у Црној Гори. Београд, 1959. С. 28-29, 41.
- ²⁶⁶ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 412-416.
- ²⁶⁷ *Јовићевић В.* Стварање црногорске државе – скупштинске одлуке и снаге принуде // Битка за Црну Гору. Мартинићи-Круси. 1796-1996. Подгорица, 1997. С. 153-154.
- ²⁶⁸ *Бойович Ы. Р.* Законник князя Данилы. Автореф. дисс. ... докт. юр. наук. М., 1990. С. 6-7.
- ²⁶⁹ *Шуковић М.* Створена држава или само темељ за стварање државе // Битка за Црну Гору... С. 121-147.
- ²⁷⁰ *Андрияшевич Ж. М.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн // Истории Черногории с древнейших времен до 2006 года. М., 2010. С. 83; *Он же.* Историја Црне Горе (Од најстаријих времена до 2006. године). Београд, 2015. С. 130.
- ²⁷¹ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 42; *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения... С. 63.
- ²⁷² *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 97.
- ²⁷³ *Станојевић Г.* Шћепан Мали. С. 88, 90; *Петровић Р. В.* Степан Малый – загадка истории ... С. 219-220.
- ²⁷⁴ Грамота Общечерногорского збора от 20 (31) августа 1770 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. 1-8. 1800-1808 гг. Д. 3. Л. 155.
- ²⁷⁵ *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Государственная жизнь. Пгр., 1915. Т. III. С. 21, 26; *Роганович И. П.* Черногорский теократизм. 1496-1851. Казань, 1899. С. 14; Записка М. Медаковича. 1858 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С. 241; Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 168, 191; *Дэвис Н.* История Европы. М., 2004. С. 476. Английский историк Норман Дэвис считает теократическим период истории Черногории с 1516 г. по 1696 г. Далее, по его абсолютно неверному утверждению, с 1796 г. по 1918 г. в Черногории правила наследственные князья (курсив наш. – Ю. А.) из династии Петровичей Негошей (Там же), тогда как известно, что Черногория была провозглашена княжеством только в 1852 г. и первым князем стал Данило Петровић Негош, а с 1697 по 1851 г. Черногорией управляли митрополиты из рода Петровичей Негошей.
- ²⁷⁶ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе... С. 274.
- ²⁷⁷ См. например: *Istoriја државе i права Juqoslovenskih Naroda* (до 1918 qodine). Београд, 1967. С. 304-305; *Бојовић Ј. Р.* Законодавство и органи централне власти у Црној Гори у вријеме митрополита Петра I Петровића (1784-1830). // ИЗ. 1982. Св. 1-2. С. 57.
- ²⁷⁸ *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 35.
- ²⁷⁹ Ф. Марошевич – Петру I Негошу, 18 (30) ноября 1807 г., Негуши. // АВПРИ. Ф. Ионические острова. Оп. 618. 1801-1804 гг. Д. 10. Л. 504.
- ²⁸⁰ См. текст документа в кн.: *Вуксан Д.* Петар I Петровић Негош и његова доба. Цетиње,

1951. С.74-76; *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.113-114; *Павићевић Б.* Политика цара Павла I... С.28-29; *Бојовић Ј.Р.* Законодавство и органи... С.55-56; и др. Кроме этого документа С. Вукотич представил в Коллегию иностранных дел еще прошение, в котором перечислялись заслуги черногорцев перед Россией, содержалась просьба о протекции русского двора Черногории и выражалась надежда, что Павел I будет способствовать проведению государственных преобразований в стране (Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.379-382). И.С. Достян полагает, что Д. Вуксан, впервые опубликовавший это прошение в адрес «царя» (без указания его имени), ошибается, относя документ к 1798 г. И.С. Достян считает, что Вуксан имел в своем распоряжении недатированный отрывок из более позднего прошения черногорцев к Александру I, относящемуся к 1805 г., который по содержанию текста совпадает с частью прошения, направленного через С.А. Санковского в Петербург в 1805 г. (См. об этом: *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. С.28).
- ²⁸¹ Грамота Павла I черногорскому народу, 11 (22) января 1799 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.385.
- ²⁸² См. об этом: *Достян И.С.* Проблемы государственной организации...; *Хитрова Н.И.* Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Югословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804-1813 гг. Београд, 1983. С.323-324.
- ²⁸³ *Александров А.И.* «Нова Кола» од Николе I // Ученые записки императорского Казанского университета. 1897. Кн.3. Раздел критика и библиография. С.8-26.
- ²⁸⁴ *Роганович И.П.* Черногорский теократизм. 1496-1851. С.15-34.
- ²⁸⁵ *Достян И.С.* Описание Черногории ... С.298.
- ²⁸⁶ Там же. С.298-299.
- ²⁸⁷ Записка С.И. Мазаровича. 1808 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.147.
- ²⁸⁸ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.1. С.192. В.Б. Броневский использовал в своих мемуарных записках имевшиеся в его распоряжении материалы С.И. Мазаровича, что установила И.С. Достян (*Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С.154-157).
- ²⁸⁹ *Рейц А.М.* Слободне земаљске общине Црне Горе (Монтенегро). Прилог упознавању јужно-словенскога племена. Црна Гора. Положај и устав. // *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. Титоград, 1984. С.78.
- ²⁹⁰ *Клементьев В.С.* Черногория. Из записок русского путешественника в 1841 году // Благовест. 1891. Вып.18. С.547, 550-551.
- ²⁹¹ *Попов А.* Путешествие в Черногорию. С.138; *Дурковић-Јакшић Љ.* Енглези о Његошу и Црној Гори. Титоград, 1963. С.188-189.
- ²⁹² *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом ... СПб., 1888. Т.I. С.631; *Лекић Д.* Спољна политика ... С.270.
- ²⁹³ Нам представляется неубедительным высказанное в полемике А.И. Александровым мнение И.П. Рогановича, что предложение Негоша англичанам было обусловлено желанием черногорцев получить республиканскую форму правления как «более совершенную и прогрессивную по взглядам того времени» и, следовательно, тем самым упразднить якобы монархическую власть митрополита (*Роганович И.П.* Черногорский теократизм. 1496-1851. С.32).
- ²⁹⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.185.
- ²⁹⁵ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом ... СПб., 1888. Т.I. С.747.
- ²⁹⁶ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С.106.
- ²⁹⁷ Петр I Негош – А.Н. Голицыну, 26 июня (8 июля) 1824 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1824 г. Д.681. Л.7-7об; *Миловић Ј.М.* Петар I Петровић Његош. Писма и друга документи 1821-1830. Књ.2. Титоград, 1988. С.696.
- ²⁹⁸ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.72.

- ²⁹⁹ Там же. С.72-73.
- ³⁰⁰ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.59, 186, 379, 393 и др.; *Александров А.И.* «Новая Кола»... С.13-17.
- ³⁰¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.29, 385 и др.; *Александров А.И.* «Новая Кола»... С.20-21.
- ³⁰² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. С.339.
- ³⁰³ Черногорское правительство – М.К. Ивеличу, 3 (15) июня 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809. Д.4. П.4. Л.56об.
- ³⁰⁴ Отметим то, что Петра I Негоша иногда именовали в Черногории «господарем», это не означает, что владыка был монархом (*Павићевић Б.* Стваране црногорске државе. С.121).
- ³⁰⁵ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом ... Пгр., 1915. Т.III. С.4.
- ³⁰⁶ *Лучић Ч.М.* Митрополит Петар Први ... С.151.
- ³⁰⁷ Историја на државите и правата на југословенските народи. Београд, 1972. С.371; Историја држава и права југословенских народа. Београд, 1978. С.335. В югославской историографии против концепции о раннебуржуазном характере черногорского государства при Петре I Негоше высказывается Ч.М. Лучич (*Лучић Ч.М.* Митрополит Петар Први... С.151).
- ³⁰⁸ См. об этом: *Морган Л.Г.* Древнее общество. Л., 1934. С.155-159; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т.21. С.117-118; История государства и права зарубежных стран (Под общей редакцией О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой). М., 1997. Ч.I. С.106-122; Античная Греция. М., 1983. Т.I. Проблемы развития полиса. С.194-216.
- ³⁰⁹ *Петковић Б.* Прилог питању турске власти над Црном Гором у XVII веку // ИЗ. 1959. Књ.XV. Св.2. 440.
- ³¹⁰ *Рогов В.А.* История государства и права России IX - начала XX веков. М., 1995. С.24-26.
- ³¹¹ Записка Фомы Марошевича, 17 (29) июля 1808 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.138.
- ³¹² В АВПРИ находится один из вариантов постановления скупщины от 20 июня (1 июля) 1796 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Д.1. П.2. Л.286-286 об. Несколько иной вариант опубликован М. Драговичем (*Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе (Из времена владања владыке Петра I). // Гласник СУД. Београд, 1886. Књ.65. С.131-133 и др.).
- ³¹³ Петар I Петровић: Фреске на камену. Титоград, 1965. С.495-498; Црногорски законници. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Сборник докумената. Књ.1. Приредили: Павићевић Б., Распоповић Р. Подгорица, 1998. С.3-9. В литературе существуют различные мнения относительно этого документа. Одни исследователи (Г. Станоевич, Й. Бойович), приводя аргументы, отождествляют Одлуку и Стегу, другие (Б. Павичевич, Дж. Пейович) считают, что это различные документы. В пользу последней версии кроме прочего свидетельствует то, что в 1-й статье Законника 1798-1803 гг. упоминается специальное, отдельное постановление скупщины от 6 августа 1796 г. Вопрос об идентичности Одлуки и Стеги остается спорным. Однако, несмотря на то, что они действительно текстуально схожи, вероятно, это два различных документа, а не механическое дублирование постановления июньской скупщины (См. обзор точек зрения по этому вопросу: *Распоповић Р.М.* Дипломатја Црне Горе... С.138-141). Одновременно заметим, что Р. Распопович прав, утверждая, что к Стеге неправомерно применяют иногда в литературе термин «Законник», поскольку под Законником следует понимать собрание законов, в котором объединены и систематизированы нормы права, регулирующие определенную область общественных отношений, чего нельзя сказать о Стеге (Там же. С.140).
- ³¹⁴ Помимо официально утвердившейся точки зрения, что Законник принимался в два этапа (1798 и 1803 гг.), существуют и другие мнения, сторонники которых на основании косвенных данных полагают, что Законник принимался в иной хронологической последовательности: 1) 1790-1798-1803 гг.; 2) 1796-1798-1803 гг. (См. об этом:

- Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С.131-132; *Бојовић Ј.Р.* Законодавство и органи... С.28-44). В связи с изложенным представляет интерес письмо Петра I Негоша князю А.Н. Голицыну от 26 июня 1824 г., в котором Негош сообщал, что еще за семь лет до его прошения от имени черногорского народа к Павлу I (май 1798 г.) им был создан Кулук из 50 человек и «сочинен род уложений, по коему судим был каждый без лицеприятия» (АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1824 г. Д.681. Л.8; *Миловић Ј.М.* Петар I Петровић Негош. Писма ... С.697). Если митрополит не ошибался (что возможно по прошествии стольких лет), то его свидетельство представляет безусловный интерес. Однако окончательно прояснить вопрос могут лишь архивные поиски и выявление документа с текстом Законника с более ранней датой его принятия.
- ³¹⁵ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С.110-112.
- ³¹⁶ Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С.17-18.
- ³¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т.21. С.171.
- ³¹⁸ См. об этом: *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.58-59; *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С.115-116. При Петре I Негоше народными секретарями были русский дьякон Алексей, аббат Франческо Дольчи, И. Ожегович, С. Маркович, иеромонах Доментиан Владевич, Я. Стефанович, С. Орлович и Симо Милутинович. // *Поповић П.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951. С.285-286.
- ³¹⁹ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С.145.
- ³²⁰ Впервые полностью Законник был напечатан на сербском языке в приложении к книге *А.Н. Попова* «Путешествие в Черногорию» (СПб., 1847. С.281-301). Свой вариант опубликовал и М. Медакович (*Медаковић М.* Повестница Црне Горе од најстаријг времена до 1830. Земун, 1850. С.21-39). Югославские специалисты полагали, что текст, приведенный А.Н. Поповым, более точен (об этом см.: *Петровић Р.* Законник Петра I, владыке Црногорског. Београд, 1930. С.44-45), но и он содержит ошибки. Мы использовали уточненный вариант, опубликованный югославскими специалистами в кн.: *Петар I Петровић: Фреске на камену...* С.475-494. Следует заметить, что в АВПРИ (Ф. СПб ГА. II-25. 1803-1807. Д.1. Л.26-31) находится рукопись Законника 1798-1803 гг., написанного рукою С.А. Санковского и обнаруженного И.С. Достяна (*Достян И.С.* Проблемы государственной организации... С.31). Этот вариант текста Законника был опубликован Й.Р. Бойовичем (*Бојовић Ј.Р.* Рукопис митрополита Петра Првог Петровића // ИЗ. 1992. Св.1-4. С.39-47). Еще один рукописный текст Законника, находящийся в АВПРИ (Ф. Ионические острова. Оп.618. Д.10) опубликован Л.А. Мурашовой (*Мурашова Љ.* Нови подаци у Архиву спољне политике Русије о законодавној делатности Петра Првог Петровића Његоша. // ИЗ. 1992. Св.1-4. С.141-148; Црногорски законици... С.10-19).
- ³²¹ Црногорске исправе XVI-XIX вијека. Уредили Т. Никчевић и Б. Павићевић. Цетиње, 1964. Док.137.
- ³²² После убийства главным преступлением в Черногории было воровство. У черногорцев был свой своеобразный способ отыскания вора. Потерпевший повсюду разглашал, какая вещь или предмет у него украдены и какую цену он готов заплатить тому человеку, какой найдет вора. Если такой человек находился, то он не объявлял имя вора, а подсылал в свою очередь к нему посредника, дававшему вору знать, что некоему человеку известно, что он вор и что он именно украл, при этом советуя, чтобы вор рассчитался с хозяином украденной вещи. В том случае, если вор предвидел свое разоблачение, то он возвращал хозяину украденное, а хозяин оставался в неведении, кем являлся посредник. Хозяин рассчитывался с непосредственным разоблачителем вора, тайным дознавателем, а тот в свою очередь вознаграждал посредника. В случае, если подозреваемый в воровстве был невиновен или убежден в том, что его вина не может быть доказана и дело приобретало более сложный оборот, то сумма вознаграждения дознавателя увеличивалась. Так могло продолжаться 3-4 раза, и сумма вознаграждения нередко превышала сумму украденного. Все это время посредник

- находился в общении с вором, действительным или мнимым. В том случае, если вор все же не признавался в краже, то на сцену выходил уже сам дознаватель, предьявляя публично свои улики. Если вор был уличен, то он по старинному обычаю уплачивал хозяину семикратную стоимость вещи. Если приговор был оправдательным, то все убытки нес дознаватель. Такой дознаватель назывался «соком», от глагола «сочити» (искать что-либо), его посредник – «сокодржица», а обещанная награда – «сочбина» (*Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С.55-56; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.148-151).
- ³²⁵ Памятники русского права. Выпуск первый. М., 1952. С.80.
- ³²⁴ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.44.
- ³²⁵ *Греков Б.Д.* Полица: опыт изучения общественных отношений в Полице XV-XVII вв. М., 1951. С.238.
- ³²⁶ *Никчевић Т.* Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку. (Отпор стварању државе). Цетиње, 1958. С.51-52.
- ³²⁷ *Петровић Р.* Законик Петра I... С.232.
- ³²⁸ Петр I Негош – Н. Черноевичу-Давидовичу (Чирковичу), 10 (22) сентября 1799 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1799-1800. Д.31. Л.7. Любопытно заметить, что, оказавшись в щекотливой ситуации после разоблачения Н. Чирковича-Давидовича, российский МИД информировал черногорского владыку о том, что медали, присланные с Чирковичем-Давидовичем для награждения старейшин, якобы предназначались «неким особам с соседние турецкие земли» и попали в Черногорию по ошибке. Петр I Негош, безусловно, знавший истинную подоплеку этой «ошибки», хранил медали у себя и в 1830 г. интересовался у русского консула в Дубровнике И.М. Гагича, как ему распорядиться этими медалями. // *Миловић Ј.М.* Петар I Петровић Негош. Писма ... С.316.
- ³²⁹ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979. С.13.
- ³³⁰ См. об этом подробнее: *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С.148-162. Особенно большой материал относительно применения Законника содержат документы, опубликованные Б. Павичевичем и Т. Никчевичем (Црногорске исправе...); *Чизмовић М.* Богишињево мишљење о примјени Законика митрополита Петра Првог и Законика књаза Данила. // ИЗ. 1992. Св.1-4. С.81-99.
- ³³¹ Црногорске исправе... Док.126.
- ³³² Петр I Негош – А.О. Мазуревскому, 22 июня (3 июля) 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.68-69.
- ³³³ Црногорске исправе... Док.182.
- ³³⁴ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора...С.56.
- ³³⁵ *Достян И.С.* Проблемы государственной организации... С.13-14.
- ³³⁶ *Хитрова Н.И.* Из истории... С.323-324.
- ³³⁷ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 23 апреля (5 мая) 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.243-245.
- ³³⁸ *Достян И.С.* Проблемы государственной организации... С.14-15.
- ³³⁹ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.72.
- ³⁴⁰ С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, 5 (17) сентября 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. 1805-1821 гг. Д.1. П.2. Л.179.
- ³⁴¹ С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, 4 (16) июня 1805 г. // Там же. Л.64об.
- ³⁴² *Достян И.С.* Описание Черногории... С.305, 321.
- ³⁴⁵ Вуколай Радонич относился к узкому кругу образованных людей в Черногории. Как выяснил югославский историк Р. Драгичевич, он в 1790-х годах обучался в Шкловском училище С.Г. Зорича (*Драгићевић Р.* Документи из архива црногорских гувернадура // ИЗ. 1949. Књ.ІV. Св.4-6. С.166). Заметим, что в основанном в 1778 г. выходцем

из Сербии, генералом русской службы графом С.Г. Зоричем Шкловском военном училище учились дети не только обедневших белорусских дворян, но и юноши из других уголков Российской империи, а также Франции, Нидерландов, Швеции, Греции и югославянских земель. Так, двумя первыми поступившими в училище кадетами стали: русский юноша Егор Кисляков и серб Василий Райкович. В училище преподавали русский, французский и немецкий языки, литературу, математику, всеобщую историю и географию, архитектуру, обучали фехтованию, танцам и музыке, верховой езде и основам военных дисциплин. При училище находились прекрасная библиотека, музей, театр и корпус, который после смерти Зорича в 1800 г. был переведен в Гродно, а затем в Москву, где он стал «колыбелью» Первого Московского сухопутного кадетского корпуса (*Жорсаков А. Семен Гаврилович Зорич-Черноевич и основанное им Шкловское благородное училище // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1850. Т.LXXXVII. №357. С.358-377*).

³⁴⁴ См. текст проекта: *Достян И.С. Проблемы государственной организации...* С.29-39. Далее цитируем по этой публикации.

³⁴⁵ *Достян И.С. Описание Черногории...* С.323.

³⁴⁶ *Соловьев С.М. Император Александр I: Политика, дипломатия // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVII. Работы разных лет. М., 1996. С.234.*

³⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. 1801 г. Д.2219. Л.305-305об.

³⁴⁸ В 1802 г. герцеговинский митрополит Ананий добивался покровительства России и оказания поддержки православному населению Герцеговины. В 1803 г. в Петербурге побывал пивский архимандрит Арсений Гагович, зондировавший мнение русского двора относительно готовящегося антитурецкого всеобщего восстания в Герцеговине и сообщивший Александру I о стремлении всего населения западных Балкан войти в состав России или основать славяно-сербское царство под скипетром одного из великих князей.

³⁴⁹ *Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С.15.*

³⁵⁰ *Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. Т. II. От Тильзита до Эрфурта. Ростов-на-Дону, 1995. С.31.*

³⁵¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД (далее – ВПР). Серия 1. М., 1960. Т.1. С.570-571; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С.54. Во время египетского похода 1798-1799 гг. Наполеон однажды сказал следующее: «Европа – это кротовая нора. Все великие империи и революции были на Востоке» (*Дэвис Н. История Европы. М., 2004. С.536*).

³⁵² Черногорские старейшины – Н. Чирковичу-Давидовичу, 19 апреля (1 мая) 1803 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-8. 1800-1808 гг. Д.3. Л.124.

³⁵³ *Рамбо А. Юговосточная Европа. Турция и христианские народы. 1792-1815 гг. // Лависс и Рамбо. История XIX в. Т. II. Наполеоновская эпоха. М., 1906. С.112.*

³⁵⁴ *Лекић Д. Спољна политика...* С.144-145. В свою очередь французский историк А. Рамбо утверждал, что Лапрад еще в 1803 г. как посланец первого консула побывал в Черногории, по возвращении в Европу к нему в Гаагу прибыл племянник Петра I Негоша с письмом от дяди. В нем митрополит предлагал Лапраду командование всеми вооруженными силами Черногории, отдаваемые им в полное распоряжение Франции, предлагая напасть в интересах последней либо на австрийцев, либо на турок. Талейран, поставленный в известность об этих переговорах, дал уклончивый ответ (*Рамбо А. Юговосточная Европа...* С.112).

³⁵⁵ *Хитрова Н.И. Из истории...* С.310.

³⁵⁶ Там же. С.309.

³⁵⁷ *Драгович Ж. Черногория и ее отношения к России в царствование императора Павла I // Русская старина. 1882. Август. Т. XXXV. С.369.*

³⁵⁸ С. Вукотич – Александру I. Получено 28 июня (10 июля) 1803 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-8. 1803-1805 гг. Д.6. Л.24.

³⁵⁹ С. Вукотич – А.Р. Воронцову, 25 июля (7 августа) 1803 г. // Там же. Л.25-25об.

- ³⁶⁰ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија (1784-1814). Београд, 1914. С.77-78, 87-88.
- ³⁶¹ АВПРИ. Ф. Канцеларија. Оп.468. 1803 г. Д.7884. Л.276 об.
- ³⁶² А.А. Чарторыйский – К.К. Фонтону, 4 (16) января 1804 г. // АВПРИ. Ф. Канцеларија. Оп.468. 1804 г. Д.2594. Л.6-6об.
- ³⁶³ Петр I Негош – А.Р. Воронцову, 12 (24) февраля 1803 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-8. 1803-1805 гг. Д.6. Л.1-1 об.
- ³⁶⁴ Петр I Негош – А.Р. Воронцову, 1 (13) апреля 1803 г. // Там же. Л.6-6 об.
- ³⁶⁵ Петр I Негош – Александру I, 3 (15) апреля 1803 г. // Там же. Л.17-17 об.
- ³⁶⁶ Петр I Негош – А.Я. Италинскому, 9 (21) января 1803 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп.517. 1803 г. Д.1264. Л.48-48об.
- ³⁶⁷ Петр I Негош – А.Р. Воронцову, 3 (15) апреля 1803 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-8. 1803-1805 гг. Д.6. Л.19об.
- ³⁶⁸ Там же. Л.20.
- ³⁶⁹ *Хитрова Н.И.* Из истории... С.311.
- ³⁷⁰ Доклад А.Р. Воронцова Александру I, 9 (21) августа 1803 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-8. 1800-1808 гг. Д.3. Л.170об.-177; Выписка из доклада А.Р. Воронцова Александру I, 9 (21) августа 1803 г. // Там же. Ф. СПб ГА. I-8. 1803-1805 гг. Д.6. Л.8-10.
- ³⁷¹ Выписка из проекта письма канцлера А.Р. Воронцова к черногорскому митрополиту Петру Петровичу Негошу // Там же. Л.11-12об.
- ³⁷² *Драговић М.* Прилози за историју Црне Горе и Боке Которске почетком XIX столећа // Споменик Српске краљевске академије. Београд, 1889. Т.XXXI. Разред 29. С.99; *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија ... С.88-89.
- ³⁷³ Конференциальная записка беседы Российского министерства с черногорским архимандритом Вукотичем, 1803 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1797-1799 гг. Д.30. Л.89об.-90.
- ³⁷⁴ Там же. Л.95-96об.
- ³⁷⁵ Протокол допроса С. Пламенаца, 18 (31) октября 1803 г. // Там же. Л.74-86.
- ³⁷⁶ Там же. Л.99-99об.
- ³⁷⁷ А.Р. Воронцов – М.К. Ивеличу, 5 (17) декабря 1803 г. // *Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1907. Књ.1. С.398.
- ³⁷⁸ Д. Лекич заблуждался, когда на основе обращенного к герцеговинскому митрополиту А. Гаговичу проекта письма А.Р. Воронцова, где канцлер упоминает о слабости Османской империи и грядущей свободе «славяно-сербских народов», делает вывод, что А.Р. Воронцов был сам убежден в то время в неминуемом распаде Османской империи (*Лекић Д.* Спољна политика... С.149-150). В российском руководстве этого не желали и всячески старались избежать, а утешительные слова для славян о действительной слабости Османской империи отнюдь не означали скорого ее падения, а имели цель предотвратить военный альянс балканских славян и французов против турок. Тогда, утверждал канцлер А.Р. Воронцов, славяне будут вместо слабой Османской империи иметь дело «с лукавым и сильным народом» и попадут под «французское ярмо» (Там же. С.150). Этим объясняется поспешность миссии М.К. Ивелича в Черногорию и радикализм последующих действий российского эмиссара относительно Петра I Негоша, поскольку во многом благодаря показаниям С. Вукотича именно его, наряду с аббатом Дольчи, считали главными проводниками французского влияния в Черногории.
- ³⁷⁹ Записка М.К. Ивелича министру иностранных дел России А.Я. Будбергу, 6 (18) августа 1806 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.112.
- ³⁸⁰ См. полный текст инструкции Александра I М.К. Ивеличу от 26 октября 1803 г. // *Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1907. Књ.1. С.389-396; АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.41-48; РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. 1809 г. Д.28. «О поручении данном графу Марку Ивеличу в Черногории». Л.34-42об.
- ³⁸¹ *Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1907. Књ.1. С.390. Вопреки всему Наполеон 30 марта 1805 г. в письме персидскому шаху Фетху-Али, всячески восхваляя персидское го-

- сударство и его правителя, одновременно замечал, что есть на земле империи, где «люди от рождения беспокойны, жадны и завистливы. Устав от своей глуши, русские посягают на лучшие части Оттоманского царства» (*Дэвис Н.* История Европы. С.536). И это обращение французского императора к персидскому шаху следует тогда, когда Россия в условиях существовавшего русско-турецкого союза всячески старалась сохранить целостность Османской империи, сдерживая в том числе освободительную борьбу балканских народов, включая черногорцев, о чем Наполеон не мог не знать.
- ³⁸² См. текст грамоты: *Медаковић М.* Повјестница Црне Горе ... // Повјестница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. С.230-231; *Жмакин В.* Россия и Черногория в начале XIX века // *Древняя и новая Россия.* 1881. Т.ХІХ. №3. С.433-434; РГИА. Ф.796. Оп.205. 1803 г. Д.155. Л.18-20об.
- ³⁸³ Там же. Л.14-14об., 16-16об.
- ³⁸⁴ См. текст Записки в статье: *Жмакин В.* Россия и Черногория в начале XIX века ... С.435-436.
- ³⁸⁵ Там же. С.436-437.
- ³⁸⁶ Там же. С.434.
- ³⁸⁷ А.Р. Воронцов – посланнику в Константинополе А.Я. Италинскому, 8 (20) октября 1803 г. // ВПР. Серия 1. М., 1960. Т.І. С.531.
- ³⁸⁸ Копия грамоты Александра I «К губернаторам и воеводам черногорской и бердской славяно-сербских областей», 26 октября (7 ноября) 1803 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. І-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.49-49об.
- ³⁸⁹ *Андрияшевич Ж.* Черногорская церковь (1852-1918). М., 2011. С.40; *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија... С.64-65.
- ³⁹⁰ См. об этом: *Надеждин Н.И.* Жизнь архимандрита Спиридона Филиповича // ОР РНБ. Ф.865 (И.А. Шляпкин). Оп.1. Ед. хр.302. 1841 г. Л.1-18.
- ³⁹¹ Проект рескрипта черногорскому архимандриту Вукотичу от 19 (31) октября 1803 г. с резолюцией Александра I «Быть по сему» // АВПРИ. Ф. СПб ГА. І-8. 1803-1805 гг. Д.6. Л.44-45.
- ³⁹² АВПРИ. Ф. СПб ГА. І-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.50-50об.; Д.П. Татищев – М.К. Ивеличу, 8 (20) декабря 1804 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. 1809 г. Д.28. «О поручении, данном графу Марку Ивеличу в Черногории». Л.19-20.
- ³⁹³ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија... С.103; *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804-1806 гг. СПб., 2009. С.73.
- ³⁹⁴ Там же; *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија... С.104.
- ³⁹⁵ Там же; *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века... С.74.
- ³⁹⁶ *Mackesy P.* The War in the Mediterranean. 1803-1810 гг. London, 1957. P.47; А.Р. Воронцов – посланнику в Константинополе А.Я. Италинскому, 8 (20) октября 1803 г. // ВПР. Серия 1. М., 1960. Т.І. С.531.
- ³⁹⁷ Делеша А.А. Чарторыйского А.Я. Италинскому, 1 (13) июня 1804 г. // Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. Кн.1. 1804-1807. М., 1980. С.33, 34. Прим.1.
- ³⁹⁸ Записка о препоручениях исполненных генерал-лейтенантом графом Ивеличем в продолжение времени от ноября 1803 по май 1806 года // АВПРИ. Ф. СПб ГА. І-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.27об.-28.
- ³⁹⁹ К.К. Фонтон – А.Р. Воронцову, 3 (15) марта 1804 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2595. Л.9-14об. В свою очередь М.К. Ивелич в конце февраля 1804 г. сам обратился к А. Гаговичу с призывом организовать сопротивление герцеговинцев французским войскам (Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С.22).
- ⁴⁰⁰ К.К. Фонтон – А.Р. Воронцову, 3 (15) марта 1804 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2595. Л.12-13.
- ⁴⁰¹ Записка о препоручениях исполненных генерал-лейтенантом графом Ивеличем в продолжение времени от ноября 1803 по май 1806 года // АВПРИ. Ф. СПб ГА. І-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.28.

- ⁴⁰² Рескрипт Александра I М.К. Ивеличу, 5 (17) мая 1804 г. // Там же. Л.58.
- ⁴⁰³ А.А. Чарторыйский – М.К. Ивеличу, 6 (18) мая 1804 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.23.
- ⁴⁰⁴ Там же. С.29.
- ⁴⁰⁵ *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1957. С.144.
- ⁴⁰⁶ А.И. Морков – А.Р. Воронцову, 17 (29) декабря 1802 г. // ВПР. Серия 1. М., 1960. Т.I. С.360.
- ⁴⁰⁷ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... С.53.
- ⁴⁰⁸ ВПР. Серия 1. М., 1960. Т.I. С.91, 512.
- ⁴⁰⁹ Там же. С.527. В советской историографии существует предположение о том, что канцлер А.Р. Воронцов, возможно, все же преувеличивал возможность французской агрессии в этом балканском регионе исключительно с целью подтолкнуть Александра I к союзу с Великобританией (Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С.55). Такое суждение выглядит неубедительным, поскольку это означало помимо прочего вводить в сознательное заблуждение не только российских послов в Константинополе, Вене, Лондоне и других местах, но и самого императора, на что канцлер, разумеется, пойти не мог. В действительности высшее российское руководство, включая императора, канцлера, А.А. Чарторыйского, искренне были убеждены в 1803-1804 гг. в реальности планов Наполеона по вторжению в Далмацию, Албанию и Грецию, в необходимости в связи с этим организовать оборону Средиземноморья и Балкан. Более того, А.Р. Воронцов считал, что Наполеон не остановится только на Балканах, и хотя пока и отдаленной целью французского правительства является Египет как преддверие Индии (А.Р. Воронцов – С.Р. Воронцову, 20 ноября (2 декабря) 1803 г. // ВПР. Серия 1. М., 1960. Т.I. С.557).
- ⁴¹⁰ Вполне возможно, что 18 тысяч французов, о которых упоминал Ивелич, были призваны в какой-то степени отвлечь Наполеоном внимание английского правительства от угрозы планируемого вторжения в Англию, заставить англичан рассредоточить свои силы и, в частности, флот. Предупрежденный российским послом в Лондоне С.Р. Воронцовым английский министр иностранных дел лорд Гоуксбери об опасности французского вторжения в Морею, Албанию и Эпир в январе 1804 г., предписал министру-резиденту Англии в Корфу С. Форести взаимодействовать по этому вопросу с Г.Д. Моченино. В свою очередь С. Форести договорился с Али-пашой Янинским об открытии им своих портов на Адриатике для приема английской эскадры адмирала Нельсона (ВПР. Серия 1. М., 1960. Т.1. С.604-605).
- ⁴¹¹ М.К. Ивелич – Н.П. Румянцеву, 18 (30) сентября 1807 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. 1809 г. Д.28. Л.1-3.
- ⁴¹² А.А. Чарторыйский – Н.Н. Новосильцеву, 9 (21) марта 1807 г. // Там же. Л.6-7об.
- ⁴¹³ А.А. Чарторыйский – Александру I, 17 (29) февраля 1804 г. // ВПР. Серия 1. 1801-1815 гг. М., 1960. Т.I. С.619, 624.
- ⁴¹⁴ Там же. С.643-644, 661.
- ⁴¹⁵ С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, 24 октября (5 ноября) 1805 г. // *Достян И.С.* Описание Черногории... С.319; Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.86.
- ⁴¹⁶ М.К. Ивелич – Александру I, 26 января (7 февраля) 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.8.
- ⁴¹⁷ Записка о исполненном генерал-лейтенантом графом Ивеличем поручений по высочайшей воле. Б/г. // Там же. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.98-98об.
- ⁴¹⁸ М.К. Ивелич – Д.П. Татищеву, 8 (20) июля 1804 г. // Там же. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.65 об.
- ⁴¹⁹ С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, 1805 г. Донесение №17 // Там же. Ф. СПб ГА. I-5. 1805-1821 гг. Д.1. П.2. Л.41об.
- ⁴²⁰ *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош ... С.101, 140; *Лекић Д.* Спољна политика... С.154.
- ⁴²¹ М.К. Ивелич – Д.П. Татищеву, 21 января (2 февраля) 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.54.

- ⁴²² М.К. Ивелич – Д.П. Татищеву, 7 (19) февраля 1804 г. // ОР РНБ. Ф.762 (Д.П. Татищев). 1804 г. Д.14. Л.1-2.
- ⁴²³ В. Радонич и старейшины – М.К. Ивеличу, 16 (28) марта 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.47об.
- ⁴²⁴ *Медаковић М.* Повјестница Црне Горе ... // Повјесница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. С.229.
- ⁴²⁵ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 18 (30) октября 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.84об.; *Медаковић М.* Повјестница Црне Горе ... // Повјесница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. С.238. Утверждение М. Медаковича, что Вукотич по распоряжению Александра I при этом был лишен наград русского правительства ошибочно.
- ⁴²⁶ *Вуксан Д.* Политичка и друга интересантнија писма из времена митрополита Петра I // Записи. 1939. Књ.22. Св.4. С.237; *Медаковић М.* Повјестница Црне Горе ... // Повјесница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. С.227.
- ⁴²⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.21. Это письмо, с содержанием которого М.К. Ивелич ознакомил К.К. Фонтон, вызвало резкое возмущение последнего, посчитавшего письмо крайне дерзким и предложившим канцлеру заставить любой ценой «интригана» Д. Владевича покинуть Черногорию. (К.К. Фонтон – А.Р. Воронцову, 3 (15) марта 1804 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2595. Л.10).
- ⁴²⁸ *Хитрова Н.И.* Из истории... С.314.
- ⁴²⁹ В. Радонич и старейшины – Александру I, 1 (13) мая 1804 г. // АВПРИ. Ф. Ионические острова. Оп.618. 1801-1804 гг. Д.10. Л.329-333; *Медаковић М.* Повестница Црне Горе...// Повјесница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. С.235-237. М. Медакович не приводит дату письма. В литературе ее ошибочно приводят как 3 (15) июля 1804 г.
- ⁴³⁰ В. Радонич и старейшины – Александру I, 1 (13) мая 1804 г. // АВПРИ. Ф. Ионические острова. Оп.618. 1801-1804 гг. Д.10. Л.334-335об.
- ⁴³¹ В. Радонич и старейшины – М.К. Ивеличу, 1 (13) мая 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.55-58об.; *Медаковић М.* Повестница Црне Горе...// Повјесница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. С.227-229.
- ⁴³² АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.62; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.71.
- ⁴³³ В. Радонич и старейшины – М.К. Ивеличу, 3 (15) июня 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.55-58об.; *Медаковић М.* Повестница Црне Горе...// Повјесница црногорска. Одобрание историје Црне Горе до краја XIX вијека. С.231-235; *Жмакин В.* Россия и Черногория в начале XIX века... С.445-448; *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века... С.97-100.
- ⁴³⁴ *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош... С.130; *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века... С.108-109.
- ⁴³⁵ М.К. Ивелич – А.К. Разумовскому, 8 (20) июня 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-9. 1804 г. Д.1. Л.14-15.
- ⁴³⁶ Нота посланника в Константинополе А.Я. Италинского турецкому правительству, 26 сентября (8 октября) 1804 г. // ВПР. Серия I. 1801-1815 гг. М., 1961. Т.II. С.157.
- ⁴³⁷ АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.29; *Хитрова Н.И.* Из истории... С.317. Черногорские источники приводят иную цифру участников августовской скупщины 1804 г. – 2500 человек (*Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. С.248; *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века... С.117).
- ⁴³⁸ *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош... С.129.
- ⁴³⁹ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 30 сентября (12 октября) 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.107.
- ⁴⁴⁰ Там же. Л.106.

- ⁴⁴¹ В. Радонич и старейшины – Александру I, 3 (15) июня 1804 г. // АВПРИ. Ф. Ионические острова. Оп.618. 1801-1804 гг. Д.10. Л.382об.
- ⁴⁴² Вуксан Д. Петар I Петровић Његош... С.130; О деятельности русского консульства в Которе см.: *Распоновић Р.М.* Дипломатја Црне Горе... С.179-195; *Он же.* Россия и Черногория в начале XIX века ... С.154-199.
- ⁴⁴³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.24-25; М.К. Ивелич – Александру I, 7 (19) октября 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.122об.
- ⁴⁴⁴ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош... С.133-134.
- ⁴⁴⁵ А.А. Чарторыйский – М.К. Ивеличу, 31 января (12 февраля) 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.59-59об.; РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. 1809 г. Д.28. Л.24.
- ⁴⁴⁶ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 23 апреля (5 мая) 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.69-69об.
- ⁴⁴⁷ А.А. Чарторыйский – послу в Вене А.К. Разумовскому, 19 (31) декабря 1804 г. // ВПР. Серия 1. М., 1961. Т.II. С.252. Следует сказать, что А.О. Мазуревский действительно позволял себе иногда излишние высказывания, не соответствующие реальной российской политике относительно Черногории. Так, например, в письме к Петру I Негошу он отвергает саму возможность австрийского вторжения в Черногорию, поскольку та находится под защитой *протектора* (курсив наш. – Ю.А.) Александра I (А.О. Мазуревский – Петру I Негошу, 24 сентября (6 октября) 1804 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1804 г. Док.861). В действительности русское правительство в рассматриваемый период, оказывая фактическое покровительство Черногории, не ставило себе целью присоединение Черногории к России или установление над ней русского протектората.
- ⁴⁴⁸ Лекић Д. Спољна политика... С.168-169.
- ⁴⁴⁹ А.А. Чарторыйский – послу в Вене А.К. Разумовскому, 19 (31) декабря 1804 г. // ВПР. Серия 1. М., 1961. Т.II. С.252.
- ⁴⁵⁰ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 27 марта (8 апреля) 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.66-66об.
- ⁴⁵¹ А.А. Чарторыйский – М.К. Ивеличу, 15 (27) апреля 1805 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.35-36.
- ⁴⁵² М.К. Ивелич – Н.П. Румянцеву, 18 (30) сентября 1807 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. 1809 г. Доп. Д.28. Л.2об.
- ⁴⁵³ Записка о препоручениях исполненных генерал-лейтенантом графом Ивеличем в продолжении времени от ноября 1803 по май 1806 г. Б/г. // Там же. Л.28, 30.
- ⁴⁵⁴ Записка о исполненном генерал-лейтенантом графом Ивеличем поручении по высочайшей воле. Б/г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.108об.
- ⁴⁵⁵ М.К. Ивелич – А.К. Разумовскому, 1 (13) декабря 1804 г. // ОР РНБ. Ф.777. (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.47об.-48об.
- ⁴⁵⁶ О наказании палками Дольчи, защищавшего перед митрополитом «дело Франции», упоминает и А. Рамбо (*Рамбо А.* Юговосточная Европа... С.112).
- ⁴⁵⁷ Петр I Негош – А.А. Чарторыйскому, 23 августа (4 сентября) 1805 г. // Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. Кн.1. 1804-1807. С.157.
- ⁴⁵⁸ Записка М.К. Ивелича министру иностранных дел А.Я. Будбергу, 6 (18) августа 1806 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.115; ОР РНБ. Ф.777. (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.53.
- ⁴⁵⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп.95/1. 1785-1804 гг. Д.20.
- ⁴⁶⁰ Там же. Л.3об.
- ⁴⁶¹ А.А. Чарторыйский – М.К. Ивеличу, 2 (14) мая 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.119.
- ⁴⁶² Достян И.С. Описание Черногории... С.319.

- ⁴⁶³ Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.86-87.
- ⁴⁶⁴ С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. 1805-1821 гг. Д.1. П.2. Л.33.
- ⁴⁶⁵ *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века... С.159.
- ⁴⁶⁶ *Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе (Из времена владања владыке Петра I). // Гласнику СУД, Београд, 1884. Књ.55. С.291-292; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом ... СПб., 1888. Т.I. С.628-629.
- ⁴⁶⁷ *Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе... С.292-293; *Распопович Р.* Россия и Черногория... С.162.
- ⁴⁶⁸ М.К. Ивелич – А.К. Разумовскому, 1 (13) декабря 1804 г. // ОР РНБ. Ф.777. (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.48-48об.
- ⁴⁶⁹ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 22 марта (3 апреля) 1805 г. // Там же. Л.59.
- ⁴⁷⁰ А.А. Чарторыйский – М.К. Ивеличу, 15 (27 апреля) 1805 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.35.
- ⁴⁷¹ М.К. Ивелич – А.К. Разумовскому, 29 апреля (11 мая) 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.73.
- ⁴⁷² Черногорские старейшины – А.И. Мазуревскому, 29 ноября (11 декабря) 1804 г. // АВПРИ. Ф. ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.157.
- ⁴⁷³ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 29 апреля (11 мая) 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777. Оп.3. Д.121. Л.72-72об. Через посредничество консула А.О. Мазуревского митрополит предпринял попытку захоронить тело аббата Дольчи по католическому обряду в католической церкви Котора. Однако местный епископ отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что Дольчи при жизни не придерживался церковных правил и был дурного поведения (А.О. Мазуревский – Петру I Негошу, апрель 1805 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Негош. 1805 г. Док.778).
- ⁴⁷⁴ Записка Фомы Марошевича, 17 (29) июля 1808 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.138.
- ⁴⁷⁵ *Ковалевский Е.П.* Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841. С.98-99.
- ⁴⁷⁶ А.А. Чарторыйский – М.К. Ивеличу, 31 января (11 февраля) 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.61.
- ⁴⁷⁷ Там же. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.116.
- ⁴⁷⁸ М.К. Ивелич – А.И. Мазуревскому, 14 (29) октября 1804 г. // Там же. Л.133-133об.
- ⁴⁷⁹ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија... С.132.
- ⁴⁸⁰ АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.18-18об., 38об.-39.
- ⁴⁸¹ М.К. Ивелич – Н.П. Румянцеву, 18 (30) сентября 1807 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. 1809 г. Д.28. Л.2об-3.
- ⁴⁸² В частности, Ивелич протестовал против покушений австрийских властей завладеть монастырями Маине и Станевичи и пр.: М.К. Ивелич – Р.К. Анрепу, 19 (31) января 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.57-58.
- ⁴⁸³ Прошение жителей Герцеговины М.К. Ивеличу, 22 марта (3 апреля) 1806 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.12.
- ⁴⁸⁴ М.К. Ивелич – Н.П. Румянцеву, 18 (30) сентября 1807 г. // РГАДА. Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. 1809 г. Д.28. Л.2об.
- ⁴⁸⁵ А.А. Чарторыйский – Н.Н. Новосильцеву, 9 (21) марта 1805 г. // Там же. Л.94об.-95.

ГЛАВА IV. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЧЕРНОГОРИИ И РОССИЯ (1806-1830 гг.)

§1. Средиземноморская экспедиция вице-адмирала Д.Н. Сенявина и боевое содружество русских и черногорцев в 1806-1807 годах

Миссия С.А. Санковского кроме содействия в решении внутренних проблем Черногории, закрепления дружественных отношений с митрополитом и его окружением преследовала и обширные внешнеполитические цели. Санковский близко стоял к группировке «молодых друзей» Александра I, и он должен был прозондировать возможность осуществления на юго-востоке Европы «балканских планов» А.А. Чарторыйского. Поэтому его командирование в Черногорию было также тесно увязано с намеченной военно-морской экспедицией русской эскадры под командованием Д.Н. Сенявина в Средиземное море, которое вновь, как и в самом конце предыдущего столетия, становилось ареной ожесточенной борьбы России с наполеоновской Францией.

Международная обстановка в Европе в начале XIX века неуклонно обострялась из-за постоянно усиливающейся агрессивности Франции. Россия в 1806-1807 гг., вплоть до Тильзитского мира, активно противостояла французской экспансии на европейской арене, в том числе в Средиземноморье и на Балканах. Здесь ее внешнеполитические интересы, кроме Франции, сталкивались еще и с интересами Австрии, не желавшей военного присутствия России в этом регионе. Австрия всегда ревниво и подозрительно относилась к русскому влиянию среди местного православного населения, ожидая от этого самых непредсказуемых последствий для судьбы своих славянских владений на Адриатическом побережье.

Присутствие и прочерногорская деятельность российских эмиссаров М.К. Ивелича и консула в Которе А.О. Мазуревского раздражали Вену. М.К. Ивелич сообщал в Петербург: «Видно, что им (австрийцам. – Ю.А.) тяжело пребывание наше в здешних краях»¹. Самым сильным образом австрийцев беспокоило усиление российской военной мощи на главной, и пока единственной, военно-морской базе России в Средиземном море на Ионических островах. Сюда в январе 1805 г. прибыла эскадра капитан-командора А.С. Грейга, принявшего под свою команду уже находившуюся здесь эскадру капитан-командора А.А. Сорокина. Общее командование над всеми здешними русскими вооруженными силами принадлежало генерал-аншефу Б.П. Ласси. Ни турецкого флота, ни турецких сухопутных сил с августа 1801 г. на Ионических островах не было. Россия безраздельно господствовала в Ионической республике, и это радовало и ободряло православное население соседней с Черногорией, принадлежавшей Австрии Боки Которской: «Появление здесь фрегатов наших сколько обрадовало

бедных православных, столько привело в уныние цесарцев так, что они не знают ни что предпринимают, ни что производят, и можно сказать, что всякий русский выстрел для них есть смертельный громовой удар», – сообщал М.К. Ивелич в письме к Г.Д. Мочениго – полномочному русскому представителю на Ионических островах². Во время посещения по делам службы в июне 1805 г. Кастельново (Херцег-Нови) Ивелич узнал о случае, произошедшем с местным шкипером В. Джурашковым, которого австрийский капитан-лейтенант Шперо публично бранил следующими словами: «вы все изменники и желаете быть подданными России», а генералу Ивеличу прислано «для обласкания народов» 80 тысяч³. Заявленный по этому случаю австрийским властям М.К. Ивеличем протест с требованием наказать Шперо не возымел каких-либо последствий.

В самой же Черногории с целью ее ослабления австрийские власти пытались поддержать обстановку нестабильности и беспорядка, к чему и без того было склонно немалое число черногорцев, подорвать у них симпатию к России. «Австрийское здесь начальство старается произвести на Черной Горе неустройство», да еще пытается убедить черногорцев, что покровительство «нашего государя есть им бесполезно и вредно», – писал через несколько месяцев после прибытия в Черногорию С.А. Санковский⁴. Не меньшую неприязнь испытывали они к митрополиту, считая его врагом Австрии.

В этот период австрийской политике по отношению к Черногории свойственна непоследовательность. То австрийские власти признают право России покровительствовать Черногории, то отказываются от этого, заявляя, что считают черногорцев подданными Порты⁵. В довершение этого в беседе с С.А. Санковским гражданский губернатор Боки Которской барон Б. Розетти пытался обосновать претензии Австрии на Черногорию и выяснить мнение русского дипломата по этому вопросу. Претензии австрийского чиновника были решительно отвергнуты Санковским, утверждавшим, что «сия маленькая горсть людей поныне любит свою независимость», и о лишении ее не может быть и речи между Россией и Австрией⁶. Казалось бы, австрийцам, заинтересованным в черногорцах как в возможных военных союзниках против французов, следовало проявлять по отношению к ним политическую гибкость, искать компромиссные решения спорных вопросов. Вместо этого австрийское начальство Боки Которской уже тогда имело виды на монастыри Маине и Станевичи, считая их расположенными на своей территории. Однако М.К. Ивелич отверг эти претензии, исходившие от Розетти, поставив под сомнение законность прав самой Австрии на бывшие владения Венецианской республики. Ивелич утверждал, что Петр I Негош опрометчиво поступил, отдав после Кампоформийского мира между Францией и Австрией в 1797 г. Будву и Приморье Австрии, и что если входить в «тонкое исследование», то митрополит имеет большее и законное право на Боку Которскую, нежели австрийцы на Маине и Станевичи⁷.

Между австрийцами и черногорцами дело не ограничивалось территориальными спорами, но доходило и до открытых вооруженных столкновений. Так, в мае 1805 г. власти Боки Которской инспирировали выступление некоторых старейшин племени Негушей против черногорского правительства, а затем ввели на территорию этого племени своих солдат, которые, однако, были вскоре изгнаны черногорцами⁸. Жители австрийского При-

морья совершали набеги на территорию Черногории, угоняли стада скота, но и черногорцы не оставались в долгу. Однако власти Котора вместо того, чтобы предпринять действенные меры по пресечению подобных конфликтов, применяли карательные санкции исключительно против черногорцев. Более того, австрийские солдаты сами иногда занимались грабежом, отнимая у черногорцев скот на которском рынке⁹. Правительство же Черногории, конечно же, по мере возможности старалось карать черногорцев, виновных в угоне скота. Так, в письме Петра I Негоша к консулу А.О. Мазуревскому сообщалось, что скот, похищенный у австрийских подданных, будет возвращен, а с виновниками поступят строго по закону¹⁰. Такие меры объяснялись не только стремлением черногорского правительства соблюсти законность, но и желанием не портить отношения с могущественной соседкой, какой являлась Австрия. Однако черногорское правительство и сам митрополит Петр I Негош зачастую не находили взаимопонимания у высшей администрации австрийского Приморья, за исключением, пожалуй, генерала М. Рукавины, бывшего одно время губернатором в Боке Которской и занимавшего более лояльную позицию к черногорцам. Другие же представители австрийского правительства в здешних краях (генерал Ф.М. Бради, Б. Розетти и др.) держались открыто враждебной политики в отношении Черногории, ее руководства.

Поражение армий держав 3-й антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем сильнее всего сказалось на Австрии. Она вышла из войны и по условиям Пресбургского мира (декабрь 1805 г.) обязывалась отдать Франции Венецию, Истрию (кроме Триеста), Далмацию с прилегающими к ней островами в Адриатическом море, а также Боку Которскую. Это маленькая область (границы ее – с севера Дубровник и Герцеговина, с востока Черногория, с запада и юга Адриатическое море и Которский залив) с родственным черногорцам населением, которое почти не отделяло себя от Черногории. Эти новые французские приобретения в стратегически важном для России регионе существенно затрагивали ее внешнеполитические интересы.

Черногория, утратив еще в начале XVIII в. свои малые владения на Адриатике, не забывала об этом и всегда стремилась их вернуть, ибо выход к морю позволил бы разомкнуть изолированность страны, улучшить ее экономическое положение. Среди славянского населения Приморья также существовала тяга к объединению в единое государство, чему способствовали многосторонние связи между черногорцами и приморцами (бокельцами). Возникшие в начале XIX в. внешнеполитические условия создавали предпосылки для реализации черногорских планов, поскольку в это время интересы Черногории и России тесно переплелись. Россия, борющаяся за усиление позиций в Средиземноморье и на Балканах, была явно обеспокоена крайне угрожающим положением, сложившимся в этом регионе. М.К. Ивелич имел все основания полагать, что в случае передачи Франции Которской области с ее сильными крепостными укреплениями, удобным для базирования судов морским заливом она получит выгодный плацдарм, который французы могут использовать для привлечения на свою сторону антитурецки настроенного православного населения Герцеговины. Черногория, отрезанная от портов и коммуникаций, не в силах обеспечить себя продовольствием и боеприпасами и поэтому не сможет оказать

должное сопротивление столь сильному врагу. Жертвой французов может стать и Албания (Северная Албания. – Ю.А.), где немалое число католиков, готовых избавиться от турецкого рабства. Из Албании французские войска могут легко проникнуть в Морею, завладев не только этим полуостровом в Греции, но и другими провинциями, вплоть до Черного моря – замечал впоследствии М.К. Ивелич¹¹. Таким образом французы, по крайней мере теперь, легко могли обосноваться на адриатическом побережье, чего так боялись в Петербурге, но не случилось в 1803-1804 гг. Теперь это становилось реальностью. Под французской угрозой оказывались и Ионические острова, где пока еще русский флот и гарнизон были недостаточно сильны.

Российский посланник в Королевстве Обеих Сицилий Д.П. Татищев советовал находившемуся тогда в Которе С.А. Санковскому, чтобы в случае занятия Боки Которской французами перебраться в Черногорию и стараться оттуда частыми набегами «истреблять по частям пришельцев... дабы не давать французам спокойно владеть сим краем»¹². С прекращением австрийского правления в Боке Которской русское консульство в Которе утрачивало свой дипломатический статус, поэтому в Петербурге в начале января 1806 г. было принято решение о его упразднении. Об этом С.А. Санковский известил Петра I Негоша, черногорское правительство, а также консула А.О. Мазуревского, который, сняв российский герб с консульской резиденции, выехал в Черногорию¹³.

В это время М.К. Ивелич, уже передавший свои полномочия и дела С.А. Санковскому, вынужден был отложить свой отъезд в Россию. Он занялся деятельной агитацией среди бокельцев, привлекая их на сторону России. Жители Боки Которской «...начали явно роптать противу австрийцев», заявляя, что они прежде согласятся умереть с оружием в руках, «нежели подвергнуться рабству французов», – информировал Александра I российский эмиссар¹⁴. Таким образом, славянское население Приморья готово было вступить в борьбу с французами. Нужна была только помощь со стороны России, и она пришла. Еще осенью 1805 г. в Средиземное море была отправлена эскадра под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина. На него Александром I была возложена задача по защите Ионических островов, Мореи и всей Греции от возможного вторжения французских войск. Надо сказать, что эти опасения российского императора были вполне обоснованы, поскольку в сентябре 1805 г. во французском руководстве рассматривалась какое-то время идея раздела Османской империи и создания Восточной греческой империи под протекторатом Франции. Для реализации этого плана предлагалось ввести на Балканы французские войска, которые получили бы поддержку из-за восстания греческого и других христианских народов. Однако этот план постигла судьба сделанных ранее аналогичных предложений. Он был отвергнут Наполеоном¹⁵.

Сенявинская эскадра прибыла на остров Корфу в январе 1806 г., где под командованием Д.Н. Сенявина перешли все находившиеся на Ионических островах русские вооруженные силы. В начале 1806 г. средиземноморская эскадра состояла из 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 11 малых судов и 12 канонерских лодок. Сухопутные силы на островах насчитывали 13200 человек, включая сюда легион легких стрелков, состоявший из 2000 греческих и албанских добровольцев¹⁶. Сложившаяся ситуация требовала быстрых и но-

вых решений, активных действий. На этом настаивал Д.П. Татищев, писавший адмиралу, что новое территориальное приобретение Франции совершенно не отвечает интересам России и следует стараться всеми способами препятствовать не только распространению влияния французов, но и закреплению их в «областях от Австрии им уступленных»¹⁷. Одновременно Д.П. Татищев просил Сенявина выделить из эскадры два фрегата, один из которых должен был вести борьбу с французскими корсарами в Средиземноморье, а другой – крейсировать между далматинскими островами Ластва и Млет, где, с согласия местных жителей, Татищев предлагал установить артиллерийские батареи. Русский дипломат полагал, что это последнее послужит препятствием для проникновения французских войск в Дубровник (Рагузу) и поощрит жителей далматинского побережья к восстанию против новых их хозяев, «подав им надежду в нашем покровительстве и пособии». М.К. Ивелич также получил от Татищева предписание не отдавать Боку Которскую французам, а оборонять ее с помощью черногорцев¹⁸. В свою очередь и С.А. Санковский просил уведомить Сенявина, что черногорцы готовы сражаться с французами до последней капли крови. Он также добивался присылки из Корфы в Боку Которскую отряда военных кораблей для ободрения православного народа и военного снаряжения с боеприпасами¹⁹. Санковский даже предложил специальный сигнал оповещения для русских военных кораблей, если Бока Которская будет все же передана французам. В этом случае над черногорским монастырем Станевичи, расположенным рядом с австрийской границей, должен был весть российский флаг. Словом, русские дипломаты и военные проявляли оперативность, просчитывали различные варианты и готовились силой оружия помешать французам завладеть Которской областью.

Их взгляды на сложившуюся ситуацию разделял и А.А. Чарторыйский, который в «Записке о настоящем положении России», представленной Александру I, касаясь вопроса о Боке Которской, замечал, что преданный России митрополит Петр I Негош ничего не предпринимал в отношении Катарро, поскольку считал эту область принадлежащей союзной с Россией Австрии. Однако теперь, видя, что Бока Которская переходит во владения Франции, митрополит с согласия местного населения готов овладеть ею для противодействия завоеваниям Бонапарта. И задача России, полагал Чарторыйский, заключается в поддержке этого стремления славян, поскольку их приверженность к России заслуживает взаимности²⁰.

В начале февраля 1806 г. к С.А. Санковскому, не без подсказки М.К. Ивелича, обратились с письмом жители Рисанской общины. В нем они выражали желание стать российскими подданными и воевать против французов: «Прадеды и деды наши желали, да и мы сами желаем быть не только под высочайшим покровительством, но и *верноподданными* (курсив наш. – Ю.А.) единоверного и единоподданного великого государя императора все-российского на правах наших привилегий и обещаемся все единодушно мы и наследники наши по возможности нашей противу неприятеля его сражаться, не щадя даже и жизни своей»²¹. В ответном письме Санковский благодарил рисанцев за их приверженность к России и обнадеживал, что в ближайшее время им представится возможность законно низвергнуть «иго порабощения иностранного государя и прославлять с веселым духом вашего православного императора»²².

Следует сказать, что австрийцы, передавая Боку Которскую французам, грубейшим образом нарушали условия, на которых она вошла в состав Австрии. На это обстоятельство в свое время обратил внимание М.К. Ивелич, отмечавший, что Бока Которская вступила в подданство австрийскому императору добровольно и на правах и привилегиях, какие имела «от упавшей республики (Венеции. – Ю.А.)»²³. Одна из привилегий заключалась в том, что уступка Боки Которской другому государству может произойти лишь в том случае, если население даст на это добровольное согласие. Австрия отдавала же бокельцев Франции, не заручившись таким согласием, а «...как рабов в противность трактата»²⁴.

Тем временем 6-тысячное французское войско под командованием генерала Лористона, медленно продвигаясь, заняло часть Далмации и готовилось получить в свои руки Боку Которскую. Теперь счет шел уже на дни. После того, как в самом конце января 1806 г. новый австрийский гражданский губернатор Боки Которской маркиз де Гизильери объявил населению о предстоящей передаче г.Котора и всей области французам, в Боке Которской начались народные волнения. Местное население стало открыто выражать недовольство переходом под власть Франции. Во время воскресной церковной проповеди один из которских знатнейших граждан, обращаясь к прихожанам, произнес следующую зажигательную речь: «Пробудитесь от бездействия, уныние неприлично нам. Братия мои! Мы стоим на краю гибели, бездна под ногами нашими. Отечество в опасности, одна стезя остается нам к свободе: меч и храбрость ваша покажут вам ее»²⁵. Все бывшие в церкви поклялись умереть или избавиться от власти французов.

Население Боки Которской не могло оказать сколь-нибудь серьезного сопротивления ни австрийцам, ни тем более французам без посторонней помощи, и оно направило делегатов от Грбальской общины Приморья в Черногорию с просьбой об оказании поддержки. При этом делегаты, обращаясь к митрополиту за помощью, высказывали желание не иметь никакого «другого царя и покровителя, кроме великого императора русского». На скупщине, состоявшейся 15 (27) февраля 1806 г. в Цетинье, было решено отправить в Боку Которскую военный отряд из тысячи человек под командованием митрополита Петра I Петровича Негоша²⁶. Тем временем Санковский, не имея на то полномочий, но ради пользы общего дела распространял слух, что Россия признает Боку Которскую за свободную республику, по аналогии с Ионической республикой, а митрополита уверял, что в Петербурге признают объединение Боки Которской с Черногорией в одну республику под покровительством России²⁷.

Русские представители не желали доводить дело до вооруженного конфликта с австрийцами, которые настаивали на выполнении соглашения с Францией о передаче ей Боки Которской. М.К. Ивелич и С.А. Санковский во время беседы с представителями австрийской администрации и военного руководства Котора в феврале 1806 г. добивались сдачи военных укреплений бокельцам и черногорцам. Свое требование они аргументировали тем, что официальный срок передачи крепостей французам истек еще 30 января и «... что черногорцы с прочими славянами почитают оные крепости уже неприятельскими». В противном случае российские эмиссары предупреждали, что австрийский гарнизон подвергает себя опасности. Пообещав дать ответ на другой день, австрийские власти все же приняли

решение оборонять Котор от черногорцев и жителей общин православного вероисповедания до прибытия французов. Все православные славяне были изгнаны из Котора, а католикам из города и окрестностей было приказано готовиться к обороне от черногорцев²⁸.

После этого события решительно настроенные россияне разъехались. Санковский направился в Черногорию, а Ивелич – в Рисан. Безусловно, настойчивость русских эмиссаров подкреплялась боевыми отрядами черногорцев и мощью пушек эскадры Д.Н. Сенявина. Адмирал, не имея на то полномочий, решил все же занять Боку Которскую. Поскольку Пресбургский мир отдавал ее Франции, с которой Россия находилась в войне, Д.Н. Сенявин не находил нужным считаться с австрийцами, чтобы овладеть этой, ставшей уже французской, областью. Адмирал понимал всю важность приобретения Боки Которской для реализации задач внешней политики России в Средиземноморье, и хотя инструкция Александра I предписывала ему только защиту Ионических островов и Греции, он пошел на ее нарушение, направив корабли своей эскадры в Адриатику. Ибо, как справедливо замечал участник сенявинской экспедиции морской офицер В.Б. Броневский, судьба Боки Которской зависит от того, кто владеет морем, поскольку без флота ни взять, ни удержать ее невозможно²⁹. Другой офицер сенявинской эскадры П.П. Свинын отмечал воинственность бокельцев, находя их в этом схожими с черногорцами: «Даже неприметно, чтобы важные коммерческие сношения и житие по городам и селам сколько-нибудь смягчили их нравы, или нарушили их патриархальную простоту. Всякий из них также воин, всякий дышит войною»³⁰.

По приказу Д.Н. Сенявина к Боке Которской был направлен отряд кораблей – линейный корабль «Азия», фрегат «Михаил» и шхуна «Экспедицион» – под командованием капитана I-го ранга Григория (Генриха) Белле (в литературе он упоминается и как Белли), на бортах которых помимо команды было 140 морских солдат и канониров. Ему было отдано распоряжение произвести высадку на берег лишь в том случае, если местное население даст на это согласие. 16 (28) февраля 1806 г. русские суда вошли в Которский залив, а двумя днями позже на борту линейного корабля «Азия» Санковский и Петр I Негош объявили Белле, что состоявшийся в Черногории 15 (27) февраля «Генеральный сейм» принял решение не только сражаться против французов, но изгнать австрийцев, защищающих «сверх сроку» вражескую территорию. Они также известили капитана, что все славянское население Боки Которской добровольно переходит под покровительство и даже в подданство его императорского величества³¹. Обращения с подобными просьбами в феврале 1806 г. благодаря содействию М.К. Ивелича Санковский получал от представителей многих коммунитатов Которской области³². Вполне возможно, эти решения были подготовлены по подсказке и самого С.А. Санковского. Он как дипломат понимал, что если бы русское правительство согласилось удовлетворить просьбы бокельцев, то вопрос о Боке Которской автоматически мог стать предметом уже русско-французских переговоров. В таком случае Наполеону пришлось бы договариваться о судьбе Боки Которской с Россией, а не со сломленной Австрией.

Однако эти просьбы не были удовлетворены, поскольку русское правительство в начале XIX века не ставило себе целью присоединение Черно-

гории и других югославянских земель к России, ни установления над ними русского протектората, хотя в некоторых дипломатических и военных кругах существовали более радикальные проекты решения балканской проблемы. Так, управляющий министерством морских сил П.В. Чигагов пытался выяснить через Д.Н. Сенявина, не согласятся ли «черногорцы перейти в подданство или мощное покровительство государя императора»³⁵. Впрочем, ни бокельцы, ни черногорцы, ранее также обращавшиеся с подобными прошениями, не хотели в действительности превратиться в заморскую губернию Российской империи вопреки утверждению об этом В. Джорджевича³⁴. Российское подданство, в соответствии с международно-правовыми нормами, должно было обеспечить безопасность их границ, а отдаленность от России давала большие возможности фактического самоуправления. Митрополит Петр I Негош в момент охлаждения русско-черногорских отношений в 1804 г. откровенно высказался, что черногорцы «... в подданство как другие внутренние жители России вступать не желают и свободу предками... добытую оборонять будут»³⁵. Русское правительство не шло на предоставление подданства балканским славянам, понимая, что это породит массу проблем и конфликтов, в том числе и военных на европейской арене, а выгоды представлялись весьма эфемерными. Система покровительственных отношений к балканским народам, причем не декларируемых официально перед Портой, представлялась правящим кругам России более отвечающей интересам Российской империи, ее внешней политике.

Капитан Белле поддерживал тесные контакты с Петром I Негошем, который 19 февраля (3 марта) сошел с корабля «Азия» и направился в расположенный неподалеку от Херцег-Нови (Кастельново) монастырь, где вскоре собралась вся местная община, поднявшая российский флаг. Затем из Рисана подоспел племянник М.К. Ивелича Сава Ивелич с 1000 человек «отборного войска». Сюда же стали стекаться черногорцы и приморцы со знаменами³⁶. 20 февраля (4 марта) 1806 г. Белле направил прибывшему в Херцег-Нови для сдачи крепости (находившимся всего в 80 верстах французам) гражданскому губернатору Боки Которской маркизу де Гизильери 3-й по счету ультиматум, содержащий требование через 15 минут спустить австрийский флаг в Херцег-Нови. В остальных крепостях Которского залива (Котор, Будва, три укрепления о.Сан-Стефано, Тренита и Порто-Росса) – в течение суток. Гизильери предпринял попытку упрощить Белле, произведи по крепости хотя бы один пушечный выстрел с русского корабля: «Тогда, – заявил он, – я буду иметь право донести моему императору, что крепость пала во время боя». На это предложение Белле ответил, что в случае упорства заговорят все его пушки, и Гизильери вынужден был уступить требованию Белле³⁷. По настоянию Белле австрийцы передали ключи от крепости не русским офицерам, а представителям местного населения – капитанам от коммунитад. Утром 21 февраля (5 марта) на корабль «Азия» прибыл митрополит Петр I Негош со старейшинами, а затем они вместе с Белле и 140 русскими солдатами и канонирами вышли на берег. Во время торжественного молебна у Савиноного монастыря при большом стечении народа митрополит освятил крепостные знамена и, вручая их капитанам, произнес речь: «Свершилось желание ваше, храбрые славяне! Вы видите посреди вас давно ожидаемых по роду, вере, храбрости и славе братьев ва-

ших. Могущественный монарх российский принял вас в число чад своих. Но прежде нежели вручу вам сии священные знамена, вы должны дать клятву защищать их до последних сил». – «Клянемся!» – отвечал народ единогласно, и по древнему обычаю славян, потрясая обнаженными мечами». Во время шествия по городу русских осыпали цветами, обнимали, угощали всем лучшим, целовали даже края одежды. При громких восклицаниях народа: «Да здравствует царь наш белый, да веки проживет наш Александр!» в Кастельново и на крепостном редуте Ишпаниоле были подняты российские знамена. Корабли эскадры и крепостные орудия произвели по 101 выстрелу, дома и суда бокельцев расцвелились русскими флагами³⁸.

Затем практически сразу русскими войсками под командованием командира Витебского мушкетерского полка генерал-майора Мусина-Пушкина были заняты все крепостные укрепления Боки Которской, включая главное – крепость и г.Котор, на которых были подняты российские флаги. «Сим занятием жители были в чрезвычайном восхищении» – «Только и слышно голоса «една вера, една кровь, государь Александр и владыко Петр», – отмечал будущий контр-адмирал, а тогда лейтенант флота сенявинской эскадры С.И. Селивачев³⁹.

Так бескровно российским флотом и войсками при деятельном участии бокельцев и черногорцев произошло занятие Боки Которской. Действия здесь Д.Н. Сенявина, как извещал адмирала А.А. Чарторыйский, были полностью одобрены Александром I⁴⁰. Теперь гражданским губернатором Боки Которской стал С.А. Санковский, военным комендантом был назначен генерал-майор Мусин-Пушкин, а М.К. Ивелич, побывав еще и в Герцеговине, навсегда покинет Черногорию и через Рисан, Триест и Вену в мае 1806 г. отправится в Петербург. Осведомленный об участии черногорцев в событиях в Боке Которской, Александр I в письме к Петру I Негошу извещал владыку о дружелюбном отношении России к Черногории, отмечая, что для него приятно убеждение митрополита «в той истине, что на искренней приверженности, на теснейших связях с Россией должны быть основаны безопасность, независимость и спокойствие народа вверенного вашему управлению»⁴¹.

Д.Н. Сенявин с большими кораблями эскадры прибыл в Боку Которскую 16 (28) марта 1806 г. Свои впечатления о здешнем пребывании он изложил в реляции Александру I. Адмирал информировал императора о своей встрече на корабле с С.А. Санковским и Петром I Негошем, во время которой митрополит неоднократно заверял Сенявина о желании населения Боки Которской «пребывать навсегда под счастливейшим скипетром» российского императора. Самое благоприятное впечатление сложилось у Сенявина и о единоверных и единоплеменных жителях Которской области. Встреча с депутациями от всех 8 коммунитадов произошла у адмирала во время посещения им Котора. Не ограничиваясь изъявлением устной благодарности адмиралу, депутаты вручили Д.Н. Сенявину и письменные обращения. В частности, депутаты Поборского коммунитада, выдавая желаемое за действительное, благодарили Сенявина за то, что он якобы принял поборян и всю провинцию Бока Которскую согласно их желанию «в подданство великого императора всероссийского», и выражали готовность пожертвовать жизнью и имуществом для исполнения приказов и воли императора Александра I⁴².

Хронология событий, произошедших в Боке Которской, и обращение населения Которской области были запечатлены в песне, составителем которой является Джуру Милутинович Черногорец:

«Но вот уже девять лет,
Как мы, несчастные, себя перепродали
Австрийскому императору,
И он не был для нас отцом;
Потом настали проклятые якобинцы,
Перепродали нас и императора
Тому своему приятелю,
Бонапарту, королю французскому.
Но Сенявин, славный генерале!
Если ты твердо держишься русской веры,
Спешి как можно скорее:
Тебя желают бокезкие сербы,
Желают тебя, как сыновья отца».

Сенявин, прочитав письмо, спешит на кораблях в Боку Которскую.

«Откуда ни возмись, тут же и король Бонапарт;
Но счастье повезло Сенявину:
Он занял прежде его Боку.
Теперь поют православные бокезы:
«Боже милостивый, во всем тебе хвала!
Когда русский стал нашим государем:
Свой своему и помощь и слава»⁴³.

Чрезвычайно высоко оценивал Сенявин военно-стратегическое значение Боки Которской, поскольку обладание ею позволяло с одной стороны удерживать в случае необходимости турок в страхе, а с другой – для предотвращения нападения французов на турецкие владения. Особое восхищение у адмирала вызвала Которская бухта. Сенявин отмечал, что «Залив Бокка де Катаро есть наилучший в свете, граница, окружающая провинцию, почти неприступна, так что при помощи черногорцев и малого числа российских войск безопасна от нападения многочисленного неприятельского войска». Преимуществом Боки Которской являлось и то, заключал адмирал, что ее жители имели до 400 вооруженных пушками судов и до 5000 преискуснейших матросов. Все же, как полагал Сенявин, бокельцы могли выставить до 12 тысяч храбрых воинов. Отметил Сенявин и заинтересованность в бокельцах и черногорцах англичан, от которых в Дубровнике побывала «доверенная особа», пытавшаяся с помощью золота склонить на свою сторону черногорцев и бокельцев. Однако стараниями Санковского, к которому адмирал тогда благоволил, этот вполне реальный альянс удалось предотвратить⁴⁴.

Дела службы заставляли адмирала постоянно курсировать между Боккой Которской и Корфу. Важнейшей задачей для Сенявина являлось в то время изгнание 6-тысячного французского войска из Далмации, что существенно меняло стратегическую обстановку в здешнем регионе Европы в пользу России. Французы лишались бы выгодного плацдарма для возможного проникновения в глубь Балканского полуострова и к Ионическим островам.

Сенявин предписал Белле с отрядом из 9 судов овладеть некоторыми далматинскими островами. Сам же адмирал, взяв сухопутные войска

с Ионических островов и объединившись с черногорцами и бокельцами и отрядом Белле, намеревался быстро проследовать к Далмации и приступить к военным действиям против французов. Белле ранее информировал Сенявина о готовности черногорцев и приморцев воевать на стороне России, сообщал об отправлении объединенного черногорско-приморского отряда к Дубровнику с целью воспрепятствовать его оккупации французскими войсками⁴⁵.

Занятие Боки Которской значительно усиливало позиции России в Средиземноморье. Надо сказать, что Средиземное море не является открытым водным пространством, подобным, например, Атлантическому океану. Оно перегорожено барьерами островов и имеет рукава, глубоко вклинивающиеся в сушу. Восточная часть Средиземноморья имеет длинный морской рукав – Адриатику, частью которой является и Бока Которская. Которская бухта, одна из крупнейших в Европе, могла служить надежным убежищем для русского флота. Если из сравнительно далекого Корфу русское господство на Адриатике было затруднено, то отсюда было удобно осуществлять блокаду захваченных французами адриатических портов Далмации и Италии, что лишало французские войска возможности получать подкрепление с моря, а с суши позволяло производить диверсионные операции против французов в Далмации. У России были надежные союзники – черногорско-приморские военные формирования, готовые и на суше, и на море поддерживать русские военные силы.

Русское командование было заинтересовано в использовании боевых сил черногорцев и бокельцев, но не желало отталкивать от себя и дубровчан. Славянская католическая республика Дубровник (Рагуза), хотя и номинально, подчинялась Порте. Видя усиление позиций России в Средиземноморье со второй половины XVIII в., правительство Дубровника старалось заручиться поддержкой России. Еще в русско-турецкую войну 1768-1774 гг. дубровчане, опасаясь за свою морскую торговлю, стремились избежать захвата своих судов русскими кораблями. Екатерина II в те годы отмечала, что республика «стороною забегала уже ко двору нашему с просьбой, чтоб ее навигация от неприятельской отлична была»⁴⁶. В русско-турецкую войну 1787-1791 гг. Сенат Дубровника несмотря на требования Порты не предпринимал никаких действий, способных нанести ущерб России, и в своих поступках не проявлял «ни малейшего криводушия» – отмечал российский посол в Неаполе П. Скавронский⁴⁷. В противовес этому существуют данные, что в эту войну суда дубровчан поставляли туркам съестные припасы. Аналогичным образом они поступали и в 1798 г., когда поставляли продовольствие французам на о. Мальту⁴⁸. Поступая таким образом, Дубровницкая республика нарушала ст. 1 соглашения 1775 г., достигнутого между А.Г. Орловым и Сенатом республики, по которому республика должна была соблюдать нейтралитет в случае войны России с любым другим государством⁴⁹.

Дубровницкая республика формально находилась под верховной властью Турции, но фактически пользовалась почти полной независимостью. Местная аристократия, привыкшая лавировать между европейскими силами, не оценив опасности соседства с новыми владениями Франции в Далмации, поздравила Наполеона с его очередными победами. Однако после занятия русскими войсками Боки Которской Сенат Дубровника не-

медленно послал сенатора Владислава Сорго к Д.Н. Сенявину просить о покровительстве республике, что адмиралом и было обещано⁵⁰. Руководство республики налаживало контакты не только с адмиралом, но и с российскими моряками. Так, в конце марта 1806 г. 4 сенатора посетили линейный корабль «Азия» под командованием Белле и вручили в подарок команде судна корзину с фруктами, вино и пр.⁵¹ 6 (18) мая того же года Сенявин по приглашению Сената посетил Дубровник. Сенаторы заверяли адмирала в своей преданности России и ненависти к французам⁵². В результате переговоров Д.Н. Сенявин заключил с Сенатом соглашение, согласно которому в случае вторжения французских войск на территорию республики русские войска войдут в крепость и совместно с горожанами будут оборонять город⁵³. Следует заметить, что между французской границей с Далмацией и Дубровником расстояние было немногим более 50 километров, в этих условиях возможная русская помощь неминуемо запаздывала. Впрочем, это соглашение так и не вступило в силу, ибо 15 (27) мая 1806 г. французский воинский корпус численностью в 1 тысячу солдат под командованием генерала Лористона хитростью, введя в заблуждение сенаторов, бескровно овладел Дубровником. Французы попросили пустить их в город на один день якобы для отдыха. Лористон также попросил 500 бутылок вина для «освежения войска», утомленного маршрутом, но, когда войска вошли в город, Лористон изъял ключи от города, наложил арест на артиллерию, склады с боеприпасами и продовольствием. Через неделю французский гарнизон крепости увеличился до 1,5 тысяч человек, а на жителей была наложена контрибуция⁵⁴. На следующий день после занятия Дубровника русский консул К.К. Фонтон прервал все отношения с властями республики, которая после оккупации французами утратила свой фактический суверенитет. В свою очередь Лористон от имени Наполеона опубликовал прокламацию (на французском, итальянском и сербском языках), в которой обещалось признание независимости и нейтралитета Дубровницкой республики, но лишь тогда, когда русские войска уйдут с Корфу, Боки Которской и адриатических островов⁵⁵, а так как этого не произошло, то республика присоединялась к Франции. Так фактически закончилось существование многовековой аристократической Дубровницкой республики, хотя официальное решение о ликвидации республики и передаче ее территории Франции следует позже, в январе 1808 г., когда французский полковник Делор огласил декрет ставшего уже маршалом Мармона о роспуске Сената⁵⁶.

Французское командование, привыкшее к победам, решило перехватить военную инициативу. Еще накануне оккупации Дубровника К.К. Фонтон успел проинформировать С.А. Санковского о продвижении корпуса французских войск, и российский эмиссар 15 (27) мая 1806 г. обратился к черногорцам с призывом: «Долго мы ожидали... чтобы доказать французам, что мы достойны носить имя славян. Сие мгновение настало...»⁵⁷. О взятии Дубровника и о дальнейшем продвижении французов в направлении Боки Которской через турецкие владения Д.Н. Сенявина первым известил капитан 2-го ранга И. Быченский⁵⁸. Военное столкновение становилось неизбежным.

Черногорцы с неприязнью относились к Дубровницкой республике, видя в ней вассала и союзника Порты, а теперь и французов. Бокельцы, издавна успешно занимавшиеся морской торговлей, были заинтересова-

ны в ослаблении конкуренции Дубровника. Приняв помощь черногорцев и бокельцев, русские войска, состоявшие из рот Витебского и 13-го егерского полков, выступили навстречу продвигавшимся к Боке Которской французам с присоединившимися к ним дубровчанами, которые рады были «утолить старинную междоусобную ненависть» к бокельцам⁵⁹. Противники встретились у городка Цавтата, расположенного неподалеку от г. Старая Рагуза, состоящего всего из двух улиц, где прошел ряд успешных непрерывных сражений. За 5 дней этих боев, с 21 по 25 мая, французы и дубровчане потеряли 8 офицеров и до 550 солдат, потери русских, черногорцев и бокельцев, как убитыми, так и ранеными, не составили и 50 человек⁶⁰. Такой успех стал возможен благодаря огневой поддержке артиллерией сухопутных войск с моря, с корабля «Уриил», а также бокельских судов, обстреливавших отступавших от Цавтата в Старую Рагузу французов и дубровчан. Оставленная затем Старая Рагуза была опустошена и разграблена черногорцами и приморцами. Вот как описывал происходившее П.П. Свиньин: «Невозможно было равнодушно смотреть на черногорцев или бокельцев, в восторге возвращающихся домой с трофеями. Один из них одет был в женское платье, найденное им в Рагузе, на другом был капуцинский капишон, на третьем сенаторская мантия и парик, а на плечах с одной стороны на крючках навешаны живые гуси и куры, а с другой человеческие головы, книги, подушки и все, что только могли найти и унести с собою. Таким образом несколько дней являлись сии странные фигуры на голых скалах Далматских гор, пробираясь к хижинам своим с пляскою, и распевая веселые песни, которые с ужасным криком гусей и уток, всеящих у них на крючках – производили дикие отголоски! Сии победители представляли смешное и отвратительное зрелище»⁶¹. Попытки русского командования и митрополита Петра I Негоша воспрепятствовать этому не имели успеха.

Отступающим французам и дубровчанам удалось закрепиться лишь у горной цепи, юго-восточнее Дубровника. Здесь, в районе горы Бергат, генералом Лористоном были возведены артиллерийские батареи и мощный редут. Приступившие к Дубровнику русско-черногорско-бокельские войска осадили город-крепость⁶².

В ходе начавшегося здесь военного противостояния дубровническое ополчение в боях не уступало французам. Как отмечал командир корабля «Св. Михаил» М. Снаксарев, рагузинцы всегда первыми открывали огонь и в большем количестве, чем французы⁶³. Впрочем, это и не удивительно, ибо окрестности Дубровника подвергались опустошительным набегам со стороны черногорцев и приморцев – неизбежному последствию любой войны.

5 (17) июня 1806 г. состоялось решающее сражение. Запоминающееся описание этого боя приводит один из его участников, В.Б. Броневский: «Неприятель расположился на неприступных каменистых высотах Рагузских, устроил там батареи на выгоднейших местах и готов был к принятию атаки. Он занимал линию от моря до турецкой границы, не весьма пространную, и тем она была крепче. Природа и искусство обеспечивали его совершенно. Правое крыло его прикрито было морем и крутым берегом; левое – турецкою границею, где не надлежало быть сражению. Перед фронтом его отвесные высокие скалы; занимаемые им четыре важнейших пункта были один за другим сомкнуты и соединены так, что каждый из

них мог защищать один другого. Число неприятеля простиралось до 3000 регулярных и 4000 рагузцев, исправных и хорошо вооруженных стрелков. наших регулярных войск было 1200 человек, да черногорцев и приморцев до 3500 человек. С таким числом весьма трудно было атаковать неприятельский фронт, ибо известно, как французы умеют укреплять места и как искусно выбирают выгодное положение для батарей; несмотря на все сие с нашей стороны невыгодны, главнокомандующий положил сделать нападение... Черногорцы бросались храбро, и перед самым важным пунктом, на самокрутейшей горе, тотчас взяли один передовой пост и, ободрясь сею удачею, напали на другой с запальчивостью. Князь Вяземский, заметив, что неприятель предпринимает заманить черногорцев, отрядил для подкрепления их три роты егерей под командованием капитана Бабичева, который с чрезвычайною поспешностью взошел на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ее. Неприятель, усилясь, прогнал, было, черногорцев, но прибытие Бабичева удержало его стремление...

В сие время князь Вяземский, имея в виду повеление главнокомандующего непременно овладеть высотами обще с митрополитом, приступил к исполнению оного... Митрополит с нерегулярными войсками тотчас взошел на занятую высоту. Изумленный неприятель, не ожидая атаки с сей стороны и считая сие невозможностию, весьма отчаянно защищал сию позицию, и, усилившись, устремился на отряд капитана Бабичева; но три его роты и черногорцы, ободренные личным присутствием митрополита, не уступили ни шагу отчаянному неприятелю. Между тем как митрополит сражался на краю пропасти противу превосходных сил, на него устремленных, князь Вяземский, разделив малый отряд свой на две колонны и выслав пред оными охотников под команду храбрых офицеров Красовского, Клички, Рененкампа и Мишо пошел на неприступную высоту, укрепленную батареями, с решительностию, свойственною герою и возможною только для русского воина. Лористон, заметив общее движение, всею силою теснил охотников наших и ударил на митрополита, которого особа была в крайней опасности; колонны восходили на крутизну и было уже близ вершины. В сем положении отступление было уже невозможно: шаг назад и все потеряно. Мы, смотря с кораблей, с которых место сражение было видно, не смели спустить глаз и в мучительном беспокойстве ожидали, чем кончится. Наконец, на вершине горы показались наши знамена, эхо повторило громкое ура!...»⁶⁴.

О мужестве и героизме, проявленных союзниками в этом сражении, писал и П.П. Свинын. Он отмечал мужество и хладнокровие, проявленное военачальниками Петром I Негошем и генерал-майором В.В. Вяземским, героизм рядовых участников боя. В ходе этого жаркого сражения черногорцы и бокельцы бросались с русскими вместе на пушки, «и произвели впоследствии такой страх во французах, что они всякий раз при виде их предавались бегству. Не столько их варварская привычка резать головы, сколько удивительная способность метко стрелять из ружья и сверхъестественная легкость взбираться на чрезвычайные крутизны и перепрыгивать чрез пропасти, подали к сему повод»⁶⁵. Потери французской стороны составили около 420 человек убитыми, среди которых был и генерал Дельгог, и 91 пленный. Дубровчане потеряли в этом бою около 400 человек убитыми и ране-

ными. Потери русских составили: 17 убитых, 33 раненых и 1 пропавший без вести. Черногорцев и бокельцев убитых и раненых – около 100 человек⁶⁶. Результатом этого сражения было также взятие господствующих над городом высот. Дубровник был блокирован с моря и суши, черногорцам удалось прервать снабжение его водой. Казалось, ничто не сможет предотвратить падение Дубровника, но военная ситуация переменчива.

Франция находилась в состоянии войны с Россией. Однако Наполеон не желал больше растрачивать силы на боевые действия с русскими и югославянами из-за обладания Бокой Которской, предпочитая оказывать давление на Австрию. Поэтому находившийся со специальной миссией в Петербурге австрийский генерал и дипломат граф Максимилиан Мерфельд умолял Александра I отдать Которскую область Австрии для последующей немедленной передачи ее французам, уверяя царя, что в противном случае разгневанный Наполеон уничтожит Австрию. Александр I проинформировал Сенявина о постоянных жалобах французского правительства венскому двору, который, боясь последствий, неотступно его просит о позволении передать Боку Которскую французам. Император также сообщал адмиралу, что в этой бедственной для Австрии ситуации он поручил послу в Вене А.К. Разумовскому провести переговоры с французским послом, и от того, как поведет себя Франция, зависит судьба Боки Которской, которую, возможно, все же придется передать французам. Сенявин должен был придерживаться указаний Разумовского, но пока удерживать Бокка ди Каттаро, привлекая на российскую службу здешних моряков⁶⁷.

Тем временем французский посол в Вене А. Ларошфуко, не вступая в прямые переговоры с А.К. Разумовским, оказывал давление на австрийское правительство, заявляя министру иностранных дел Австрии И. Стадиону, что пока русские и черногорцы будут оставаться хозяевами Боки Которской, французы не вернут 5 тысяч австрийских военнопленных, а Наполеон отдаст приказ оккупировать Триест и Фиуме (Риеку)⁶⁸. Находясь в такой сложной ситуации и не желая резко ухудшить отношения с союзной Австрией, А.А. Чарторыйский предписал А.К. Разумовскому сообщить венскому двору, что Которский вопрос подлежит еще обсуждению и не исключено, что российские войска покинут Боку Которскую. Однако Россия не может оставить ее, не позаботившись о безопасности вставших на нашу сторону ее жителей и черногорцев, принявших участие в занятии Каттаро⁶⁹. Одновременно с этим Чарторыйский, выступая на заседании Особого комитета 9 (21) апреля 1806 г., заявил, что он предписал Санковскому предложить населению Каттаро в случае прихода французов объединиться с черногорцами и защищаться против французов. Князь считал, что привязанность этих славян к России и их ненависть к французам служат российским интересам⁷⁰.

Наполеон еще в мае 1806 г. потребовал от венского кабинета добиться ухода русских войск из Котора и даже заставлял австрийцев послать войска для изгнания русских, если они не согласятся уйти оттуда добровольно. Дальнейшее развитие событий не сулило смертельно напуганной Австрии ничего хорошего, вплоть до новой безнадежной войны с Наполеоном. Сломленная Австрия пошла даже на закрытие своих портов для русских судов, прервав тем самым кратчайшую линию связи эскадры Д.Н. Сенявина с Рос-

сией. Одновременно французы создавали трудности в снабжении русской эскадры боеприпасами, продовольствием, людскими ресурсами, а Наполеон настойчиво добивался от султана Селима III закрытия для русских судов Босфора и Дарданелл⁷¹. Таким образом Наполеон, понимая, что занятие Боки Которской русскими войсками ухудшило положение Франции и одновременно усилило позиции России на Балканах, предпринимал различные меры, чтобы изменить неблагоприятную для него обстановку в свою пользу, рассчитывая любым способом вытеснить русских из Которской области.

В конечном итоге Александр I посчитал нужным разрешить все спорные проблемы, какие существовали между Россией и Францией, в том числе и Которский вопрос, путем прямых русско-французских переговоров во время миссии русского дипломата П.Я. Убри в Париж, рассчитывая таким образом избавить Австрию от угроз и шантажа со стороны Наполеона. Одновременно он желал удержать Боку Которскую в своих руках, по крайней мере до заключения всеобщего мира с французами, сделав ее в крайнем случае предметом торга между Россией и Францией. Вместе с тем царь все же опасался, что Наполеон еще до заключения мира использует этот конфликт и вторгнется в австрийские владения либо подтолкнет Австрию к разрыву отношений с Россией. Поэтому в мае 1806 г., проезжая через Вену, П.Я. Убри сообщил послу А.К. Разумовскому, что Которский вопрос будет решаться на русско-французских переговорах, но в случае сильного нажима со стороны австрийского правительства он вправе от имени императора дать приказ о выводе русских войск из Боки Которской.

Австрийские власти продолжали оказывать давление на А.К. Разумовского, и он официально предписал Санковскому обеспечить передачу Которской области австрийцам, но в секретной инструкции посол рекомендовал всячески оттягивать ее сдачу. В качестве одного из доводов в пользу оставления здесь русских войск Разумовский указывал на горячее стремление черногорцев остаться под покровительством России⁷². Предписание о передаче удавалось до некоторого времени скрывать от союзников, но этого нельзя было делать до бесконечности. Поэтому С.А. Санковский исподволь начал готовить черногорцев и бокельцев к возможной передаче Боки Которской французам. «Воображение, что они принуждены сделаться австрийскими подданными, а потом к вящему несчастью порабощены будут французами, крайне угнетало их дух, и они от сего потеряли всю бодрость против французов», – доносил впоследствии Сенявин Александру I⁷³.

Несмотря на то, что Сенявин задерживал выполнение приказа о передаче Которской области, слухи о предстоящем уходе русских войск ширились. Подозрения, что русские могут оставить Боку Которскую, возникли и у Петра I Негоша, интересовавшегося у русских морских офицеров причинами прекращения боевых действий с моря против Дубровника⁷⁴. Более того, русским морякам пришлось выставить специальный караул для охраны 5-ти вновь строящихся кораблей в порту Санта-Кроче, расположенного вблизи Дубровника, черногорцы вероятно решив, что корабли строятся для эвакуации русских войск, попытались сжечь один из них⁷⁵. Значительная часть черногорцев и приморцев, задействованных под Дубровником, разошлась по домам, оставшиеся были деморализованы. В эти дни к Сенявину с письменным посланием обратились представители всех 8 коммунадов

Боки Которской, где заявляли, что они не будут противиться воле «монарха нашего», но единодушно готовы «придав все огню, оставить отечество и следовать повсюду за твоим флотом. Пусть одна пустыня, покрытая пеплом, насытит жадность Бонапарта, пусть он узнает, что храброму славянину легче не иметь отечества и скитаться по свету, нежели быть его рабом...»⁷⁶.

Для штурма Дубровника у Д.Н. Сенявина оставались явно недостаточные силы, всего 2300 человек против 13000 у неприятеля, и поэтому в конце июня 1806 г. осада была снята. Однако оставлять Боку Которскую адмирал не хотел, и он пользовался любой возможностью, чтобы задержать выполнение директивы об эвакуации из Котора. Преследуя эту цель, Сенявин содействовал отправлению в Петербург депутации от местных жителей, чтобы уговорить Александра I не сдавать Которскую область, куда он по предложению Петра I Негоша включил уже упоминавшегося иеромонаха Савиноного монастыря Спиридона Филиповича. 4 депутата от Боки Которской, во главе с архимандритом С. Вукотичем прибыли в Петербург, где были приняты Александром I⁷⁷.

Тем временем 8 (20) июля 1806 г. в Париже П.Я. Убри, как утверждалось позже, по собственной инициативе, вопреки данной ему инструкции, предусматривавшей приостановку французских завоеваний на Балканском полуострове, полный или частичный вывод французских войск из Далмации⁷⁸, подписал русско-французский договор о мире и дружбе, по которому Бока Которская отходила Франции. Русские вооруженные силы в Средиземноморье, согласно этому договору, оставались только на Ионических островах, их численность ограничивалась 4 тысячами человек. Договор обязывал черногорцев немедленно удалиться в свою страну. Наполеон соглашался прекратить военные действия против черногорцев, если они будут жить мирно и останутся подданными Порты⁷⁹.

Таким образом, этот договор разрушал все надежды Черногории на выход к Адриатическому морю и политическое объединение с Бокой Которской в единое государственное образование. Признание же со стороны России черногорцев подданными султана, безусловно, должно было вызвать у них чувство возмущения и разочарования. Следует заметить, что Наполеон вовсе не собирался выполнять условия договора в отношении черногорцев. Вскоре после его подписания он отдал распоряжение военному командованию в Далмации усыпить бдительность черногорцев и, дождавшись, пока спадет жара, атаковать черногорцев и отомстить им за все зло, которое они принесли французским войскам⁸⁰. Условия русско-французского договора неизбежно приводили Россию к разрыву союзнических отношений с Англией, ставили ее в положение изоляции. Россия утрачивала свои позиции на Адриатике, а также влияние на христианские народы Балканского полуострова. На состоявшемся еще в первой половине июня 1806 г. заседании созданного специального «Военного комитета по делам Каттаро и Адриатики» выступавший докладчик, по всей видимости, им был А.А. Чарторыйский, касаясь последствий, связанных с возможной передачей Боки Которской французам, замечал: «Приверженность к нам, проявленная в этих обстоятельствах черногорцами и бокезцами, столь же очевидна, как и отвращение, которое они питают к господству австрийцев или французом. Эта приверженность, которая действительно похожа

на фанатизм, превратилась бы в их непримиримую ненависть, если бы мы оставили эти народы на расправу их жесточайшим врагам»⁸¹. Схожие суждения, зная уже результаты миссии Убри, высказывал противник Наполеона и русско-французского сближения новый министр иностранных дел А.Я. Будберг. Выступая с докладом в начале августа 1806 г. на заседании Особого комитета в присутствии Александра I и касаясь Которского вопроса, он заявил буквально следующее: «Возвращая французам Каттаро, мы доставляем им все желанные средства, чтобы искоренить окончательно ту примерную привязанность, которую все народы этих стран питали к России в течение веков. Они будут считать, и справедливо, нашу политику опасною и будут иметь право сказать, что, употребив во зло их преданность, мы предаем их без милосердия их злейшим врагам. Действие, которое неизбежно произведет подобное поведение с нашей стороны на черногорцев и каттарцев, скоро сообщится сербам и грекам, и, вместо того, чтобы рассчитывать на все христианские народы, населяющие европейскую Турцию, как мы еще можем теперь, мы найдем в них лишь врагов, тем более непримиримых, чем безграничнее было их доверие к нам»⁸².

Пока в Петербурге решали судьбу Боки Которской, Сенявин, получив от Убри сообщение о мире с Францией, заключил с французским командованием перемирие. От передачи Которской области адмирал решительно отказался. Генерал Лористон, воспользовавшись перемирием, попытался привлечь на свою сторону черногорского владыку. Он тайно предлагал Петру I Негошу от имени Наполеона пост патриарха всей Далмации, но его попытка потерпела неудачу⁸³.

После некоторых колебаний Александр I счел договор неприемлемым и отказался его ратифицировать. В связи с этим существуют определенные сомнения, был ли русско-французский договор подписан по инициативе самого П.Я. Убри, превысившего данные ему полномочия, или эта инициатива исходила все же от самого Александра I. Генерал С.А. Тучков в своих мемуарах писал об этом следующее: «В бытность мою тогда в Петербурге возвратился известный Убри с подписанным от Наполеона мирным трактатом. Но только был оный объявлен Верховному совету (Непременный совет, включавший 12 сановников. – Ю.А.), как в первый и последний раз его правления дерзнули члены оного тому воспротивиться. Они представили императору весь вред, могущий последовать от того невыгодного договора. Хотя многим известно было, что Убри поступил во всем согласно с наставлениями, данными ему государем, но последний всю вину возложил на него»⁸⁴. Великий князь Николай Михайлович (1859-1919), бывший также известным историком, председателем Императорского русского исторического общества, зная об этом мнении Тучкова, считал это клеветой на Александра I, замечая, что сам Убри ничего подобного не разглашал, признавая во всем свою вину⁸⁵. По мнению А.А. Чарторыйского, Убри был либо подкуплен французами, либо хотел один пожать сомнительные лавры⁸⁶. Сам Убри оправдывался, что отказ от подписания договора с Францией мог повлечь за собой новую войну, которую Франция вела бы с большою энергией «против государств вовсе не приготовленных к отпору»⁸⁷. Сложно утверждать, что в словах С.А. Тучкова заключается причина подписания Убри мирного договора с Францией. Однако известно, что Убри,

хотя и был временно отстранен от службы и выслан в деревню, но затем вернулся на службу в МИД и занимал должности посланника в Неаполе, Мадриде, Франкфурте и Дармштадте, то есть он отделался, и то поначалу, весьма легким наказанием за столь серьезный проступок. Биограф Д.Н. Сенявина Ю.В. Давыдов, разделяя мнение Тучкова, полагает, что заключенный тайный союз между Россией и Пруссией, ставший прологом четвертой антинаполеоновской коалиции из России, Пруссии, Англии и Швеции, стал истинной причиной отказа Александра I ратифицировать русско-французский договор о мире и дружбе⁸⁸.

26 августа (8 сентября) 1806 г. к Сенявину прибыл специальный курьер от министра морских сил П.В. Чичагова с приказом возобновить военные действия против французов. Вскоре из канцелярии Д.Н. Сенявина последовало распоряжение командирам кораблей о возобновлении военных действий как на суше, так и на море против французов совместно с черногорцами⁸⁹, которые должны были первыми атаковать Дубровник, а затем к ним бы присоединились корабли русской эскадры. Однако прежде чем возобновить военные действия, адмирал стал ожидать, пока французы достроят батареи на мысе Пунто д`Остро при входе в Которскую бухту, а затем, захватив и имея в руках хорошо укрепленный форт, всеми силами обрушиться на Дубровник. Тем временем Петр I Негош направил к Дубровнику партию черногорцев с разведывательной целью для получения данных о продвижении французов⁹⁰.

Как только батареи были построены, Сенявин предложил новому французскому командующему Далматинской армией генералу Огюсту Фредерику Мармону, сменившему генерала Молитара, сдать их ему, но получил естественный отказ, и 31 августа (12 сентября) флоту и войскам было объявлено о возобновлении военных действий. В тот же день контр-адмирал Сорокин с 4 кораблями и 1 фрегатом начал блокаду Дубровника с моря, а 2 (14) сентября сводный отряд черногорцев и бокельцев под командованием уже упоминавшегося Дж. Войновича и Вуко Дж. Радонича напал на колонну французских войск и с большим уроном для французов отеснил ее от границы с Бокой Которской⁹¹. 13 (25) сентября после недельной бомбардировки с корабля «Св. Петр» и фрегата «Венус» все укрепления французов на мысе Пунто д`Остро были взяты, причем было захвачено 38 орудий и несколько малых судов. С момента возобновления военных действий французы только убитыми потеряли до 350 человек, потери русских и югославян были незначительны⁹².

Мармон, узнав об отклонении Александром I договора Убри, решил воспользоваться этим случаем, чтобы захватить Боку Которскую. Соотношение сил позволяло Мармону рассчитывать на успех, у Мармона было от 15 до 20 тысяч войск, у Сенявина – не более 5500 воинов из нескольких полков и корабельных десантов, а также черногорцев, бокельцев и герцеговинцев численностью около 2000 человек⁹³.

Русские войска заняли позиции у урочища Дебелый брег, у моста через реку Сатурино, в 13 километрах от Херцег-Нови, на дороге, ведущей отсюда в уже упоминавшийся Цавтат вблизи Старой Рагузы. Командовал ими генерал-майор Э.Г. Попондопуло. Выдвинутыми вперед черногорцами, занявшими позиции в долине Канали, командовал Петр I Негош. Находив-

шийся в Херцег-Нови главнокомандующий Д.Н. Сенявин координировал все боевые действия. Мармон вначале решил обойти черногорцев, отсечь их от русского лагеря и разгромить. Затем обойти уже русские войска, отрезать их от Херцег-Нови и также разгромить. Реализовав этот план, Мармон рассчитывал без особого труда завладеть всей Которской областью⁹⁴.

В ходе 3-дневных сражений с 18 по 20 сентября только в первых два дня Мармону сопутствовал успех, когда французы неожиданно атаковали передовые посты черногорцев и даже овладели местом расположения главной квартиры митрополита, заставив отступить черногорцев к урочищу Мокрино. Русские войска в ходе двухдневных оборонительных боев, периодически контратакуя французов, вынуждены были все же оставить позиции у Дебелого берега и отступить к крепости Херцег-Нови и крепостному редуту Ишпаниола. Отступление русских войск прикрывал картечный огонь с корабля «Ярослав» и канонерских лодок, расположившихся вдоль Которской бухты. 20 сентября (2 октября) стал решительным днем как для русских и их югославянских союзников, так и для французов. Мармон, не имея достаточно сильной артиллерии, не решился атаковать эти крепости, а попытался выманить оттуда русские войска, чтобы затем их совершенно разбить. В случае реализации его плана вполне реальным становилось решение главной задачи французов – овладеть Бокой Которской.

Разгадав замысел Мармона, русские войска не вышли из крепостей, а Д.Н. Сенявин загодя определил позиции кораблей с таким расчетом, чтобы корабельная и крепостная артиллерия могла взаимодействовать при отражении атак противника. Когда 20 сентября (2 октября) колонна французов приблизилась к Херцег-Нови, шквал картечного перекрестного огня с крепостей и огня с корабля «Ярослав» буквально выкашивал ряды французов. Залпы пушек «Ярослава» были «ответом французским бюллетеням», несколько раз объявлявшим о полном уничтожении сил Сенявина на Адриатике и занятии Боко-ди-Катаро – замечал П.П. Свиньин⁹⁵. В эти же дни чета черногорцев во главе с сердаром Джико Мартиновичем и присоединившиеся к ним герцеговинцы атаковали в горах французов, захватили их лагерь в Витолино и освободили всех содержавшихся русских пленных⁹⁶. 21 сентября (3 октября) возглавляемые Мармоном французские войска, бросив 7 пушек, все тяжелое снаряжение и 25 русских раненых воинов, вынуждены были отступить.

Потери русских войск составили: убитых и пропавших без вести 175 человек, ранено офицеров – 12 и рядовых – 276; черногорцев, бокельцев и герцеговинцев убито и ранено до 800 человек. Потери, понесенные французами, были значительно большими. Убито – 1 генерал и 18 штаб- и обер-офицеров. Ранено – генерал Молитор и 37 офицеров. Взято в плен – 1 генерал Бове, 47 офицеров и 1300 рядовых, захваченных уже на море русскими кораблями и бокельскими корсарам, когда бегущие французы попытались на небольших судах добраться до Дубровника. Помимо этого в руки победителей попало 50 пушек и захвачено призов более чем на 1 миллион рублей⁹⁷.

Следует сказать, что в отходе французов от Херцег-Нови немалую роль сыграло и то, что во время сражения за Херцег-Нови черногорцы, возглав-

ляемые митрополитом, сумели зайти в тыл войскам Мармона, что принудило французов отступить⁹⁸. Черногорцы с боевым кличем: «Кто витязь! Кто черногорец! Вставайте! Бегите, французы!» преследовали отступающего неприятеля до самого Цавтата.

Черногорцы в бою наводили панику на французов. В.Б. Броневский следующим образом описывал атаку черногорцев: «Представьте дикий вой, ободряющий черногорцев, ужасающий французов, и присовокупите к тому отрубленные головы, висящие у них на шее и за плечами»⁹⁹. О варварском обычае отрубать головы у плененных французов пишет и Г.А. Красовский в своих мемуарных записках, отмечая, что, несмотря на обещание русского командования платить деньги за каждого живого пленного, черногорцы их не приводили, а считали «за особую славу резать головы»¹⁰⁰. Между прочим, в боях за Херцег-Нови едва не поплатился жизнью перешедший на русскую службу из сардинской, уже упоминавшийся и отличившийся в сражении у Бергатских высот майор Мишо, не знавший русского языка. Мишо был принят черногорцами за французского офицера, был схвачен, и, как писал далее Г.А. Красовский, он «увидел много кинжалов над головою Мишо, но когда черногорцы услышали от меня, что это наш офицер, то бросились обнимать его, извиняясь в своей дерзости»¹⁰¹.

Впрочем, иногда удавалось спасти французов от рук черногорцев. Так, рядовой егерского полка Иван Ефимов в сражении под Дубровником взял в плен французского солдата, тут же отнятого у него черногорцами, желавшими отрезать ему по своему обыкновению голову. Егерь готов был уступить им своего пленного, но при условии, что черногорцы оставят его живым, уверяя, что по обещанию адмирала им дадут за пленного червонец. Однако уговоры Ефимова не возымели действия, и черногорцы сняли с «француза галстук, положили на землю и уже меч блеснул над головой несчастного». Предложенные егерем личные деньги были отвергнуты черногорцами, также как и его угроза посадить на штык первого, кто прикоснется к пленному. И только высказанная И. Ефимовым повторная угроза, что «митрополит проклянет вас», заставила набожных черногорцев отдать полуживого от страха француза Ефимову, не забыв при этом все же взять с него деньги. После размена пленных этот француз явился к главнокомандующему далматинской армии генералу Мармону и рассказал об этом факте, сравнивая при этом условия русского плена с пребыванием в гостях. Эта история имела продолжение. Когда Мармон узнал о произошедшем, то, желая поощрять и впредь к таким поступкам, переслал для Ефимова в награду 100 золотых наполеондоров, однако егерь, отсчитав из этой суммы 13 червонцев, отданных за пленного, отказался брать остальные. Тогда Сенявин, заменив отвергнутые наполеондоры на российские золотые червонцы и добавив своих, сказал: «Возьми, не французский генерал, а я тебе дарю; ты делаешь честь русскому имени», – и сверх того произвел И. Ефимова в унтер-офицеры¹⁰².

Жестокость черногорцев пытался объяснить Д.Н. Сенявин в письме к генералу Лористону. Адмирал, сетуя на их низкую просвещенность, отмечал, что черногорцы не нападали на дружественные или нейтральные земли. Но когда они увидели, что войска приблизились к их границам, то в действие вступил азиатский обычай: «не просить и не давать пощады», отменить который не в силах ни Сенявин, ни митрополит Петр I Негош¹⁰³.

Черногорцы были незаменимы в условиях горных боев, где они умело из-за естественных укрытий наносили чувствительный урон войскам Мармона. Это превосходно показал А.С. Пушкин в стихотворении «Бонапарт и черногорцы». Следует сказать, что черногорцы отличались не только личным мужеством и героизмом в бою, но и обостренной любовью к свободе. Большинство черногорцев, попавших из-за превратностей войны в плен к французам, лишали себя жизни, разбивая головы о камень или уморив себя голодом, предпочитая смерть позору плена¹⁰⁴. Однако, несмотря на отчаянную храбрость, проявленную в боях, черногорцам, как, впрочем, и бокельцам, была присуща низкая дисциплинированность. Черногорцы могли самовольно покинуть расположение войск и разойтись по домам для занятия домашним хозяйством. Видя это, Д.Н. Сенявин после сентябрьских сражений 1806 г. предложил митрополиту воздействовать на черногорцев и бокельцев, и уже в скором времени 2000 черногорцев и 1000 бокельцев приступили к действительной службе, научившись «некоторым егерским маневрам»¹⁰⁵. Мармон, потерпевший поражение под Херцег-Нови и Ишпальей, запершись в Цавтате и Дубровнике, лишенный поддержки с моря, уже не рисковал выделять для диверсионных операций большие отряды, а малые, рисковавшие выходить из Дубровника, быстро истреблялись черногорцами и бокельцами, приводившими почти каждый день пленных французов¹⁰⁶. Надо сказать: то, что черногорцы и бокельцы стали щадить пленных, является несомненной заслугой русских солдат и офицеров и особенно адмирала Д.Н. Сенявина и митрополита Петра I Негоша.

Героизм и храбрость югославянских союзников, проявленные в сентябрьских боях 1806 г., высоко оценивал Д.Н. Сенявин. В прокламации, обращенной к черногорцам и бокельцам, адмирал отмечал: «... Воины! Вы оказали отличное мужество, храбрость и исполнительность при совершенно добропорядочном поведении. Дерзость врага, осмелившегося вступить на землю вашу, наказана. Неприятель удивлен вашей твердостью и столько потерял людей, что нескоро может собрать новую силу и опять выступить. Поздравляю вас с победою, благодарю за хорошее обращение с пленными, и всячески желаю, чтобы человечество и впредь не было оскорблено»¹⁰⁷. Тем временем вернувшаяся посланная ранее в Петербург во главе с архимандритом С.Вукотичем депутация от Боки Которской привезла с собой ободряющее письмо министра иностранных дел А.Я. Будберга, а вскоре С.А. Санковский вручил Петру I Негошу пожалованный Александром I золотой крест с бриллиантами и 25 тысяч голландских червонных как компенсацию за понесенные затраты при занятии Боки Которской. В свою очередь митрополит просил императора наградить Д.Н. Сенявина «важным военным орденом 2-го класса» за успешно проведенные военные операции и за хорошее отношение к здешним народам, а С.А. Санковского – чином камергера и ордена Св. Владимира 2-го класса¹⁰⁸.

Если на суше предпочтение можно отдать черногорцам, то на море приоритет следует отдать бокельцам. Население Боки Которской издавна славилось морскими навыками. После Дубровника в южном Средиземноморье наиболее успешно развивалась городская экономика Бокка-ди-Каттаро, тесно связанная с морем. Бокельцы вели активную междуна-

ную морскую торговлю. Их флот в начале XIX в., по различным данным, состоял из 300-600 судов и 3-5 тысяч моряков¹⁰⁹. Бокельцы были заинтересованы в союзе с Россией не только в силу этнического родства и общности религии (население Боки Которской составляло около 35 тысяч человек, из которого 2/3 были православными и в религиозном отношении подчинялись митрополиту Петру I Негошу, остальные – католики и некоторое число униатов), но и в силу экономических интересов. Французская оккупация Боки Которской неизбежно сделала бы их противниками Британии и России – так же, как это случилось с Дубровником, суда которого были почти все конфискованы кораблями российской эскадры за контрабандную торговлю. Английский и российский флоты, занимавшие в то время господствующее положение в Средиземноморье, могли бы свести практически к нулю морскую торговлю бокельцев, заперев в гаванях или конфисковав как враждебные их суда и тем самым серьезно подорвав их экономическое положение. В.Б. Броневский по этому поводу замечал, что бокельцы – «народ воинственный, охотно будут помогать тому, кто имеет флот для защиты их торговли, а тому, кто не имеет, сопротивляться»¹¹⁰. Выгодным для бокельцев было и то обстоятельство, что, примкнув к французам, дубровчане утратили свои ведущие позиции в морской торговле, так как им пришлось ее практически свернуть из-за русской морской блокады и захвата судов.

Развертывая активные действия на морских сообщениях французов, Сенявин одновременно проявлял заботу и о судоходстве жителей Боки Которской. Адмирал, понимая, какое большое значение имела для бокельцев морская торговля, сразу же после освобождения Боки Которской от австрийцев приказал Белле заняться формированием морских конвоев для обеспечения безопасности перехода бокельских судов как в адриатические порты, так и в Константинополь¹¹¹. Эти действия русского командующего вызвали сильное раздражение у Наполеона, и он потребовал, чтобы австрийцы закрыли свои порты как для русских, так и британских кораблей. Тем временем в порту Триеста скопилось около 50 бокельских судов, также ходивших под российским флагом. Австрийский военный комендант Триеста Цах задержал эти торговые суда, не вышедшие из порта в течение назначенного короткого срока из-за невозможности подготовиться к выходу. Относительно русских военных кораблей Цах предупредил, что впредь они не будут подпускаться к Триесту ближе, чем на пушечный выстрел.

Вызывающие действия австрийского командования заставили Сенявина предпринять ответные шаги. 13 (25) мая 1806 г. адмирал с кораблями «Селафаил», «Св. Петр», «Москва» и фрегатом «Венус» направился в Триест. 20 мая (2 июня) русские корабли прибыли на триестинский рейд, и на адмиральском «Селафаиле» взвился сигнал «Приготовиться к бою», а эскадра в боевом порядке встала перед самыми батареями города. Цах немедленно поздравил Сенявина с прибытием и одновременно попросил, чтобы эскадра отошла на дистанцию пушечного выстрела. «Стреляйте, – ответил адмирал, – я увижу, где ваши ядра лягут и где мне должно встать». В ходе начавшихся переговоров австрийцы уверяли, что 20-тысячный французский корпус, стоящий возле Триеста, захватит город, если русская эскадра не удалится. Они просили, наконец, адмирала хотя бы во имя дружбы императора Александра с австрийским императором Францем I пожалеть

Австрию. Выразив австрийцам сочувствие, Сенявин заявил, что все суда должны быть возвращены. В противном случае он возьмет силою не только задержанные суда, но и австрийские, сколько их есть в гавани, а 20 тысяч французов не защитят Триест. Русская эскадра была готова к бою, но не прошло и часа, как при громких криках «Виват» на набережной на задержанных судах вновь взвились российские флаги¹¹².

Русское присутствие в Боке Которской не ущемляло права местного населения. В опубликованном С.А. Санковским еще в феврале 1806 г. манифесте гарантировалось сохранение привилегий, какие имели бокельцы во времена венецианского правления. Оставалась в силе система муниципального управления, сохранялся которский Совет и гражданский суд, обещалось создание специального апелляционного суда, подтверждалось сохранение должностей и лиц, выбранных в органы местного управления, и т.п.¹¹³ Надо сказать, что Сенявин с пониманием относился к желанию бокельцев сохранить и укрепить свое самоуправление. Ни он сам, ни подчиненные адмирала не позволяли себе какого-либо вмешательства во внутренние дела Боки Которской, сохраняя в этом деле прерогативы органов местного управления. Даже привлечение местного населения к оборонительным работам проводилось без вмешательства российских офицеров. Между Петром I Негошем и Д.Н. Сенявиным практически сразу установились доверительные, союзнические отношения. Адмирал информировал митрополита о планах предстоящих совместных боевых операций, извещал его о должностных назначениях в высшем командовании. В свою очередь Петр I Негош, хорошо разбиравшийся в тонкостях военного дела, мог дать объективную оценку тому или иному российскому военачальнику. Так, например, получив от Сенявина известие о том, что адмирал рекомендует назначить генерал-майора Э.Г. Попондополо командующим всеми российскими сухопутными войсками в Боке Которской вместо сменившего место службы полковника Буаселя, митрополит со знанием дела положительно охарактеризовал деятельность Буаселя по приведению Боки Которской в лучшее оборонительное состояние¹¹⁴. Петр I Негош установил связи не только с Д.Н. Сенявиным, но и с экипажами русских военных кораблей, которые он нередко посещал. Характерно то, что при посещении митрополитом русских судов ему отдавались военные почести. Так, например, когда Петр I Негош 15 (27) марта 1806 г. посетил линейный корабль «Ярослав» (командир – капитан 2-го ранга Митьков), ему как «властной особе» по отбытии с корабля отсалютовали из 21 пушки с «постановлением людей по реям»¹¹⁵. Аналогично происходило и на других кораблях русской эскадры при посещении их владыкой. Д.Н. Сенявин, сам нуждавшийся в деньгах и боеприпасах, не отказывал в них черногорцам. Так, в июне 1806 г. адмирал через командира своего флагманского корабля «Уриил» М. Быченского дважды посылал митрополиту по 25 тысяч испанских талеров на неотложные нужды. Одновременно с этим осуществлялось снабжение черногорцев патронами и продовольствием¹¹⁶.

Русские представители знали об известном антагонизме между православным и католическим населением Боки Которской, и ими пресекалась сама возможность его разрастания. Так, С.А. Санковский в июне 1806 г. издал постановление, которым провозглашалось равенство вероисповедания,

запрещались под угрозой наказания оскорбления в адрес католиков¹¹⁷. Католическое население не испытывало каких-либо притеснений со стороны русских должностных лиц, наделенных военной или административной властью. Многие католики приморских территорий принимали участие в боевых действиях против французов, поступали на русскую службу, и некоторые в дальнейшем перебрались в Россию. Так, например, поступил Семен (Шимун) Мазарович, потомок известной и влиятельной католической семьи из Пераста, вступивший в русскую службу в 1806 г., затем служивший в российском МИДе, а в 1818-1826 гг. занимавший пост поверенного в делах в Персии¹¹⁸. Католический священник из Будвы А. Койович свидетельствовал о хорошем отношении, которое сложилось между русскими моряками, солдатами и офицерами с населением Будвы. Было даже сыграно две свадьбы. Русский офицер и солдат взяли в жены местных жительниц¹¹⁹.

Русское командование было заинтересовано в использовании бокельских судов и опытных матросов, шкиперов и капитанов в морских операциях на Адриатике. По данным, приводимым югославским историком М. Злоковичем, на временную службу в российскую эскадру было мобилизовано 116 бокельских кораблей, не считая привлечения большого количества корсарских судов¹²⁰. Д.Н. Сенявин поначалу не слишком жаловал бокельских корсаров, считая, что их действия приносят мало пользы из-за редкого выхода в море и тех затрат, которые несло русское командование на их содержание. Отвечая на эти упреки, С.А. Санковский информировал адмирала, что корсары несут службу на условиях периодической сменяемости одних кораблей другими, из-за невозможности на долгое время отлучаться от своего домашнего хозяйства. Он также заверял Сенявина, что все затраты будут компенсированы бокельскими коммунитадами и что будет установлена ежемесячная сменяемость корсарских судов¹²¹. Сенявин резко изменил свое мнение о боевых качествах бокельцев в лучшую сторону, и произошло это в ходе боев на Адриатике в конце 1806 г.

Еще после провала сентябрьского наступления французов на Херцег-Нови и Ишпаниолу Мармон получил новые инструкции от Наполеона о предстоящей войне с Пруссией. Опасаясь возможного выступления Австрии на стороне Пруссии, император приказал основную часть войск, расквартированных в Далмации, приблизить к австрийским границам и быть готовым к боевым действиям в Кроации (Хорватии), но при этом удерживать и Дубровницкую республику. В соответствии с этой директивой Мармон значительно укрепил Дубровник, а 246 пушек, выделенных для этой цели, он разместил как на городских батареях, так и на подступах к Дубровнику. Основная часть войск французов была отведена к северу, в сторону австрийской границы, а в самой Дубровницкой республике Мармон оставил 4500 человек. Одновременно на занятых французами далматинских островах гарнизоны также были ослаблены¹²². И этой благоприятной ситуацией решил воспользоваться Д.Н. Сенявин.

Расположенный вблизи далматинского побережья остров Корчула (Курцоло) играл важную роль в планах русского и французского командования. Именно здесь Сенявин хотел создать форпост для дальнейшего вытеснения французов из Далмации в случае их поражения на континенте в войне с Россией и Пруссией. Сюда, а также на ближайшие острова, находившиеся у фран-

цузов, могли десантироваться французские войска, если будут все же вынуждены уходить из Далмации. Корчула уже побывала в руках русских, но летом 1806 г. во время перемирия и переговоров П.Я. Убри русские ушли оттуда. Предстояло вновь овладеть этим островом, а также островом Брач (Браццо).

Успешное проведение этой военной операции во многом зависело от быстроты ее осуществления и количества войск, ибо французский гарнизон на о.Корчула составлял более 500 человек и был превосходно вооружен. Сенявин обратился к Санковскому с просьбой о формировании отряда из 200 приморцев и 5-6 корсарских судов¹²³.

Надо сказать, что на территории Приморья, занятой русскими войсками и их славянскими союзниками, верховную власть осуществлял «триумvirат», состоявший из С.А. Санковского, Д.Н. Сенявина и Петра I Негоша. В своей деятельности они находили поддержку местных коммунитатов. Если черногорский митрополит отлично ладил как с С.А. Санковским, так и с Д.Н. Сенявиным, то в отношениях между Санковским и командующим эскадры не всегда достигалось полное взаимопонимание и согласованность в действиях.

Так, Санковский отказался сформировать вспомогательный отряд из бокельцев, что по его мнению за короткое время было крайне сложно сделать. Д.Н. Сенявин нашел выход из сложившейся ситуации, обратившись за помощью к архимандриту С. Вукотичу, который сумел в короткий срок организовать набор добровольцев, и они в положенное время прибыли на суда эскадры. Командир фрегата «Св. Михаил» капитан-лейтенант М. Снаксарев, используя знание сербского языка и личные дружеские контакты с бокельцами, быстро организовал отряд из корсарских судов. Поэтому Сенявин, отмечая перед управляющим министерством морских сил П.В. Чичаговым усердие и старание Вукотича и Снаксарева, имел полное право отметить их как единственных помощников и участников в приготовлении экспедиции¹²⁴.

А.Л. Шапиро приводит данные о том, что в сражении за Корчулу участвовало 1019 человек из морских и егерских полков, отборных черногорских и приморских стрелков, 6 русских кораблей и 5 бокельских судов¹²⁵, но у него не сказано о соотношении сил русских и югославын, участвовавших в этой операции, ни об их вкладе в ее успех. Е.В. Тарле, говоря о стратегической значимости захвата Корчулы и Брача, вообще не упоминает об участии в этом деле черногорцев и приморцев (бокельцев). К тому же он полагал, что маршал Мармон сфальсифицировал в своих мемуарах события при Корчуле. Е.В. Тарле считает, что французы сдали Корчулу без боя, и произошло это 11 декабря 1806 г. (нового стиля. – Ю.А.), а не 9 декабря, как писал Мармон¹²⁶. Однако существует архивный документ, позволяющий утверждать, что сражение за Корчулу, безусловно, было, и началось оно 29 ноября (9 декабря) 1806 г. В нем участвовали черногорцы и приморцы общей численностью в 302 человека. Этот документ интересен и тем, что он представляет поименный список югославын, участвовавших в боях за Корчулу и Брач. В нем черногорцы представлены по племенам, а приморцы – по кнежинам. Подсчеты показывают, что в боевых действиях принимали участие 163 черногорца и 139 приморцев из общин Грбаль, Маине, Побори, Браичи¹²⁷.

Особым упорством отличались бои за о.Корчулу, в восточной части которого были расположены крепость и прикрывавший ее редут, яв-

лявшийся ключом обороны и защищаемый 400-ми французами, то есть основными силами гарнизона. Перед высадкой с кораблей десанта Сенявин предложил коменданту Корчулы полковнику Орфенго сдать крепость без боя, но получил отказ. После чего был отдан приказ приступить к штурму. Черногорцами и бокельцами командовал брат Петра I Негоша Сава Петрович, архимандрит и обер-иеромонах Стефан Вукотич и «старшины, имеющие доверенность от народа» за их храбрость. К ним также был отряжен мичман Харламов. В ходе начавшегося сражения черногорцы первыми открыли огонь по обороняющим редут французам. На подкрепление к ним устремилась колонна русских войск, возглавляемая полковником Бабоедовым. Однако в ходе боя он и два офицера его отряда были ранены, отчего русские войска пришли в некоторое замешательство. Воспользовавшись этим, французы, покинув редут, устремились на отряд Бабоедова. Однако их левый фланг храбро контратаковали черногорцы и бокельцы, возглавляемые Савой Петровичем и подкрепленные егерями, посланными им на помощь Сенявиным. Вынужденные отступить французы вновь укрылись в редуте, из которого с помощью береговой артиллерии они были все же окончательно выбиты и отступили в крепость. После того, как крепость подверглась артиллерийскому обстрелу как с суши из занятого редута, так и с моря, с корабля «Ярослав», Орфенго приказал поднять белый флаг, и 1 (13) декабря над крепостью уже реял российский флаг.

В результате занятия Корчулы было пленено 403 француза, среди которых был полковник Орфенго и 13 обер-офицеров. В качестве боевых трофеев было взято 12 пушек и большое количество боеприпасов. В бою погибло 6 французских офицеров и около 100 солдат. Русские потери составили 3 обер-офицера, потери среди рядовых, черногорцев и приморцев – 21 человек. Раненых – 66 человек¹²⁸. В честь победы российских сухопутных войск и их югославянских союзников 3 (15) декабря 1806 г. из крепости был дан троекратный салют из 9 пушек, после чего русские войска, черногорцы и бокельцы были посажены на корабли и отплыли к о.Брач.

В день отплытия Сенявин, утвердив предложенные ему кандидатуры как из славян, так и итальянцев, возложил управление островом на местную администрацию, оставив в ее распоряжении все доходы от налогообложения. На Корчуле размещался русский гарнизон под командованием «полковника и кавалера» Быченского, и адмирал, обращаясь к местным жителям, просил воспринимать военнотружущих как своих братьев¹²⁹, подчеркивая, что, в отличие от французов, все расходы по содержанию военного гарнизона берет на себя русское командование. Адмирал был прав, когда заявлял, что приход русских выручил корчульцев, ибо население острова, насчитывающее около 6 тысяч жителей, под французской оккупацией было полностью «запертым без коммерции». Отметим, что и во времена австрийского правления (с 1797 г.) корчульцы претерпевали крайний убыток, так как австрийцы, скупая местные товары за свои деньги, отказывались принимать их обратно¹³⁰, и тем самым нарушался естественный оборот денежной массы.

Перед высадкой на остров Брач корабль «Москва» доставил к его побережью еще 100 черногорцев. Всего Сенявин выделил для десанта 400 рус-

ских егерей, а также отряд черногорцев и бокельцев. Целью высадки было уничтожение батареи, под прикрытием которой французские суда могли отстать у западных берегов Брача. Французский гарнизон острова насчитывал около 100 человек. Командование егерями было возложено на капитана Романовича, а черногорцами и приморцами командовал мичман Ф. Тизенгаузен. Французские позиции располагались на двух холмах вблизи батареи. Разделенный на 4 части десант действовал решительно и быстро, так что французы после короткой перестрелки сложили оружие. Таким образом, задача по занятию батареи была выполнена. В плен было взято 4 офицера и 79 солдат, захвачено 4 артиллерийских орудия. Военная операция произошла без каких-либо потерь со стороны русских, черногорцев и бокельцев¹³¹.

Характеризуя участие черногорцев в бою за о.Брач, В.Б. Броневский замечал, что первыми, кто атаковал французов, были черногорцы. Он также отметил их удивительную кротость в отношении пленных, в том числе и плененного командира французов капитана Бюре, поскольку черногорцы никого из них не убили и не обидели¹³². Следует заметить, что особо удивляться здесь нечему, так как черногорцы чаще всего поступали жестоко с теми пленными, какие оказывали им сопротивление. Если же в плен сдавались без боя, то к ним черногорцы относились более милосердно. По поручению Д.Н. Сенявина архимандрит С. Вукотич собрал черногорцев и бокельцев, участников сражения за Корчулу и Брач, и адмирал за усердие и храбрость, «оказанную без грабительства», дал каждому из них по 2 червонца и трофейному французскому ружью¹³³.

Особую благодарность за отличное мужество, храбрость и исполнительность при совершенно добропорядочном за все время поведении, проявленную в боях за Корчулу и Брач, Д.Н. Сенявин объявил «князю и всему народу» Маинского коммунистада, уведомляя при этом, что Александр I оповещен об их героизме¹³⁴.

По представлению Д.Н. Сенявина Александр I наградил за храбрость в боях при взятии Корчула брата митрополита Петра I Негоша Саву Петровича орденом Св. Георгия 4-й степени. В рескрипте императора, подписанном также адмиралом Ф.Ф. Ушаковым, отмечались отличное мужество и храбрость, проявленные Савой Петровичем в сражении на о.Корчула, где «Вы быв всегда первые, ударили неприятелю во фланг и тем принудили его убежать в реду»¹³⁵. Архимандрит С. Вукотич был награжден золотым нагрудным крестом с драгоценными камнями, иеромонах русской эскадры Спиридоний Филипович – золотым нагрудным крестом. Четверо отличившихся черногорцев и приморцев были награждены саблями с орденом Св. Анны, а 12 – серебряным оружием¹³⁶.

Союзники России отличились и в других сражениях. Так было во время сентябрьских боев 1806 г., когда французы пытались захватить Боку Которскую, где, как уже отмечалось, отличились черногорцы. На море успешно действовали бокельские корсары, например, братья Цицовичи. В свое время один из братьев, капитан корсарского судна (вероятно, Илия. – Ю.А.), не выполнил приказ командира фрегата «Св. Михаил» М. Снаксарева и отказался нести дозорную службу неподалеку от Дубровника, у о.Санта-Кроче, где французы намеревались установить батарею. Вдоба-

вок он подговорил команды двух других корсарских судов не выполнять этого приказа Снаксарева, что являлось прямым нарушением военной субординации и устава военно-морской службы. Снаксарев, не проявив должного такта, нанес капитану Цицовичу оскорбление действием, на что и пожаловался Сенявину брат капитана. Оправдываясь перед адмиралом, Снаксарев заявил, что «оному капитану усов не вырывал, и он находится точно с усами», а только на час заковал его «в железо»¹³⁷. За это Снаксарев получил все же строгий выговор от Сенявина. Однако и вина бокельского капитана, и проступок русского офицера остались в прошлом, а братья Цицовичи совместно с кораблем русской эскадры «Забяка» (командир – капитан Бутаков) сумели пленить 87 различного рода судов неприятеля. Они также содержали за свой счет 4 корсарских судна с командой в 240 человек. Действия братьев Цицовичей на морских коммуникациях высоко оценивались Д.Н. Сенявиным¹³⁸.

В сентябре 1806 г. Петр I Негош просил Сенявина оставить «в пользу и добычу» черногорцев и приморцев три захваченных в порту Моконто французских судна¹³⁹, и эта просьба владыки была удовлетворена адмиралом. Контр-адмирал А.А. Сорокин отмечал заслуги капитана тартаны (одномачтового судна) «Конкордия» Марко Радовича (коммуниатд Доброта), который «повсюду искал случая, где мог вредить неприятелю»¹⁴⁰. Черногорский «дворянин» Николай Петрович вместе со своим братом вооружил и содержал за свой счет два брига: 16-пушечный «Май» и 14-пушечный «Словян», неоднократно отличался в сражениях, особенно при взятии о.Корчулы, командовал отрядом из более чем 40 бокельских судов. Урон, нанесенный им и его братом, был настолько велик, что ожесточенные французы после Тильзитского мира потребовали от русского командования их выдачи, но получили отказ¹⁴¹. Подобных примеров можно привести довольно много.

Следует сказать, что во взаимоотношениях с другими союзниками не все складывалось так гладко, как хотелось бы. Сенявину приходилось вникать в жалобы австрийского МИДа на необоснованные, по мнению австрийцев, действия бокельских корсаров по захвату груза с некоторых итальянских судов¹⁴². Вольнолюбивые черногорцы отличались низкой дисциплинированностью. Можно верить сведениям, перепечатанным из австрийской прессы, о том, что после возвращения из-под Корчулы черногорцы зазывали русских матросов к себе в гости и были искренне удивлены тем, что моряки не могут оставить корабль. «Да если вы этого сами хотите, говорили они, кто же может запретить»¹⁴³.

В декабре 1806 г. Турция под влиянием Франции объявила войну России. Следует сказать, что дело к войне шло постепенно, начиная с Пресбургского мира между Францией и Австрией. Вскоре после него, в феврале 1806 г., султан Селим III, уступая настойчивости французов, официально признал императорский титул Наполеона, от чего Турция под давлением России и Англии отказывалась целых два года. Впечатляющие победы Наполеона, в том числе разгром союзных русско-австрийских войск в декабре 1805 г. под Аустерлицем, все это внушало Селиму III надежду, что в союзе с наполеоновской Францией можно будет возродить былое могущество Османской империи. Русско-турецкие отношения резко ухудшились после того, как господари Дунайских княжеств К. Ипсиланти и А. Мурузи в

1806 г. были смещены с престолов и заменены на турецких ставленников. И хотя Порта согласилась в конечном итоге восстановить господарей, однако русским военным кораблям создавались различные препоны при прохождении ими проливов Босфор и Дарданеллы, а Молдавия и Валахия могли в скором времени стать очередной жертвой французов. В конечном итоге Александр I во второй половине октября 1806 г. приказал генералу И.И. Михельсону, ставшему главнокомандующим Молдавской армии, занять Дунайские княжества, что вскоре и было сделано. Теперь, когда началась война, балканский театр военных действий расширился. Перед русскими морскими и сухопутными силами в Приморье и их славянскими союзниками встали новые сложные задачи – борьба против французов и турок одновременно, что требовало привлечения дополнительных военных сил. В конце 1806 г. удалось привлечь на русскую службу около 2000 черногорцев и 1000 бокельцев (впоследствии эта цифра возросла до 5000 человек) и научить их азам военных действий регулярных войск¹⁴⁴.

Д.Н. Сенявин с основной частью эскадры в начале февраля 1807 г. отправился к Дарданеллам, оставив часть сил для обороны Ионических островов, Корчулы и Которской области. Вместе с русской эскадрой в военно-морской поход отправились и некоторые корсарские суда, принявшие участие в сражениях с турками. В июньских боях за остров Тенедос отличился черногорский шкипер Александр Марвалевич. Кроме того, управляя судном «Св. Спиридоний», попавшим в сильнейший шторм, А. Марвалевич все же спас корабль и 146 находившихся на его борту русских солдат в ситуации, когда казалось не было ни малейшего шанса на спасение¹⁴⁵.

Оставленному за командующего сухопутными войсками в Бокке Которской полковнику Ф. Книперу адмирал предписывал защищать Бокка ди Катаро до последней возможности, как для преданности к нам жителей, так и для поддержания о нас доброго мнения других народов¹⁴⁶. В отправленном в тот же день письме к Петру I Негошу Сенявин выражал уверенность, что туркам не удастся покорить Черногорию и что черногорцы, соединившись с россиянами, «низвергнут в прах вражеское племя»¹⁴⁷. Уже на пути к Дарданеллам Сенявин издал манифест, призывающий христианские народы выступить «навстречу воинству российскому» для поражения общего врага¹⁴⁸.

Начавшаяся русско-турецкая война способствовала оживлению надежд Петра I Негоша на политическое переустройство балканских земель и создание югославянского государства. Следует заметить, что еще в самом начале 1806 г. фактический руководитель МИДа А.А. Чарторыйский в нескольких докладных записках Александру I и дипломатической переписке повторно, как и в 1804 г.¹⁴⁹, выдвинул предложение о создании на Балканах новых государственных образований¹⁵⁰. Им были сформулированы различные варианты «балканского проекта». Один из них носил перспективный радикальный характер и был рассчитан на случай распада Османской империи и раздела ее владений под влиянием внешних или внутренних факторов. Этот вариант предусматривал создание на месте турецких провинций отдельных государств, пользующихся независимостью во внутренних делах, однако находящихся под верховной властью России и под ее покровительством¹⁵¹. К этим государствам Чарторыйский относил Сербию, Герцеговину, Албанию, Македонию, Черногорию. Это была его про-

грамма-максимум. Другой, более скромный, вариант проекта, к осуществлению которого, по мнению А.А. Чарторыйского, можно было приступить в самом скором времени, предусматривал образование новых автономных государств – славянских и греческого, под фиктивным сюзеренитетом Порты и реальным покровительством России. Особое место в планах Чарторыйского отводилось Черногории: «Черногория становится средоточием наших действий; и, кажется, нам не найти лучшего места, в виду как географического положения этой страны, так и настроения митрополита с его заметным влиянием на все эти соседние народы»¹⁵². Этот вариант предусматривал сохранение русско-турецких союзнических отношений. По мнению Чарторыйского, если бы Порта пошла на этот шаг, то можно было объяснить черногорцам и другим славянским народам, что, соглашаясь на номинальный сюзеренитет Турции, они, стараниями России, получают на деле «счастливое, правильное и независимое существование»¹⁵³. Согласно этому варианту образовывалось славянское федеративное государство из Черногории, Герцеговины, Боки Которской, Далмации и Сербии¹⁵⁴.

Для осуществления этих далеко идущих планов было необходимо заручиться поддержкой либо Англии, либо Франции. Однако попытки русских дипломатов весной 1806 г. начать переговоры по этой проблеме с Лондоном и Парижем не имели успеха, поскольку Англия и Франция не были заинтересованы в усилении русского влияния на Балканах.

Петр I Негош поддерживал тесные контакты с Д.Н. Сенявиным, С.А. Санковским, а поэтому знал обо всех этих внешнеполитических проектах. Повидимому, это и побудило его направить в Петербург собственный план создания «Славено-Сербского царства». В нем предлагалось объединить Черногорию (с Подгорицей, Спужем и Жабляком Црноевича), Боку Которскую, Герцеговину, Дубровник и Далмацию. Это обширное государство со столицей в Дубровнике должно было находиться под верховной властью царя и управляться президентом из природных россиян. Вице-президентом или товарищем президента предлагалось назначить черногорского митрополита, «украсив его титулом князя российского». «Народы сии, – говорилось в заключении, – желают сохранить на вечные времена свою веру и вольность под покровительством российского престола»¹⁵⁵.

Объединение этих югославянских земель в единое государство Петр I Негош связывал с осуществлением успешного совместного антиосманского вооруженного выступления югославянских народов. Начавшаяся русско-турецкая война 1806-1812 гг. усилила надежды на реализацию этих обширных планов. Пребывание русской эскадры в Адриатике и тесные военно-политические контакты, установившиеся с черногорцами, а также сочувственное отношение к планам Петра I Негоша Д.Н. Сенявина поддерживало эти надежды. Хотя, на наш взгляд, проект Петра I Негоша реализовать было крайне сложно даже при самом благоприятном стечении внешнеполитических обстоятельств. Если объединение Черногории с Боккой Которской могло пройти сравнительно безболезненно, поскольку в Боке явно преобладало православное население, желавшее соединиться с Черногорией, то совершенно иначе выглядела ситуация с присоединением других земель. При объединении Черногории с турецкими владениями встал бы вопрос о переселении значительной части мусульманского населения этих областей в другие

места Османской империи, поскольку в противном случае неизбежны были острейшие конфликтные ситуации. Еще менее перспективным представляется включение Дубровницкой республики в планируемое государственное образование. В этом случае, если даже не принимать во внимание религиозные различия и недавнее военное противостояние, безусловно, дало бы себя знать резкое отличие социально-экономических и политических структур Черногории и Дубровника. Доминанта черногорского начала в объединенном государстве привела бы к серьезнейшим конфликтам, возможно, не преодолимым мирным путем, на почве различных подходов к пониманию проблем построения экономической и внутривнутриполитической жизни общества среди основной массы черногорцев и дубровчан. Рассчитывать же на готовность Дубровника пойти на жертвы ради югославянского единства не приходилось.

Петр I Негош с проектом направил в Петербург архимандрита Симеона Ивковича, снабженного рекомендательным письмом для А.А. Чарторыйского, где митрополит просил князя быть «добрым ходатаем» по делам Ивковича¹⁵⁶. Уже ушедший в отставку Чарторыйский, пользовавшийся еще некоторым влиянием на Александра I, обещал митрополиту содействовать всеми способами от него зависящими успеху общего дела¹⁵⁷. Однако Чарторыйский ничем не смог помочь владыке. Представленный в мае 1807 г. проект Петра I Негоша министру иностранных дел А.Я. Будбергу, хотя и в самой благожелательной форме, был отклонен. Вместе с тем Будберг обнадеживал митрополита, что в случае успеха России в войне с Наполеоном при решении общеевропейских дел одной из главных забот Александра I будет благоденствие черногорцев и сопредельных с ними народов и установление их дальнейшей судьбы, насколько возможно, согласно с их общим пожеланием¹⁵⁸. Одновременно министр предупредил Санковского, что впредь подобные инициативы со стороны Черногории должны им отклоняться для последующего согласования их с МИДом¹⁵⁹. Таким образом, попытка Петра I Негоша воспользоваться благоприятной международной ситуацией для расширения территории Черногории и получения выхода к Адриатике закончилась безрезультатно.

Но Бока Которская при помощи черногорцев и местного населения пока еще полностью контролировалась русскими военными силами, а в условиях войны России с Турцией ее стратегическое значение сразу же возросло. Отсюда можно было установить связи с сербскими повстанцами Карагеоргия и герцеговинцами. В ходе освободительной борьбы против Османской империи славянское население Герцеговины опиралось на помощь и поддержку со стороны Черногории. В ней находили надежное укрытие многие герцеговинцы, спасавшиеся от преследований турецких властей. Черногорские ускоки (так называли тех, кто по разным причинам, чаще уголовным, укрывался в Герцеговине) нередко приходили на помощь герцеговинцам. Герцеговинские добровольцы вне пределов своей родины воевали в небольшом количестве вместе с русскими, черногорцами и бокельцами против французов. Д.Н. Сенявин желал более активно привлекать герцеговинцев к боевым действиям, но этому мешали союзнические отношения с Турцией и ее нежелание как нейтрального государства вовлекать своих подданных в антифранцузскую борьбу. Теперь ситуация менялась коренным образом, рядом находился новый противник, с которым предстояло воевать.

Еще в преддверии войны с турками, но с появившимися уже в Герцеговине слухами об ее начале, С.А. Санковский предложил Д.Н. Сенявину план совместного вступления русских войск и черногорцев в Герцеговину и организации там антитурецкого восстания. Санковский считал нужным опередить турок, готовых, по его мнению, вторгнуться из Герцеговины в Боку Которскую¹⁶⁰. Предупреждая Петра I Негоша о войне с турками, Санковский предлагал ему сформировать иррегулярное войско из черногорцев и, объединившись с русским регулярным отрядом, вступить в Герцеговину и овладеть Никшичем¹⁶¹. В ответном письме митрополит полностью поддержал предложение Санковского, считая, что захват Никшича не составит особого труда, поскольку герцеговинский народ такого случая уже ожидает¹⁶². Как только стало известно о начавшейся войне между Россией и Турцией, С.А. Санковский обратился к министру иностранных дел А.Я. Будбергу с предложением реализовать идею герцеговинской операции, убеждая его, что славянское население Герцеговины готово выступить с оружием в руках против турок. Нужно только, чтобы русские войска первыми начали боевые действия и одержали первые победы «для вспышки энтузиазма народа». В случае удачного начала вся Герцеговина могла подняться на антитурецкую борьбу. По заверениям Санковского, в течение 15 дней 10-15 тысяч герцеговинцев могли быть поставлены под ружье и прервана связь боснийского визиря с Герцеговиной¹⁶³.

В свою очередь митрополитом Петром I Негошем был разработан конкретный план, предусматривавший вступление русско-черногорско-бокельских войск в Герцеговину, нейтрализацию вооруженных вражеских сил соседней с Черногорией и Герцеговиной Северной Албании, определены конкретные турецкие опорные пункты, подлежащие захвату¹⁶⁴. Самое деятельное участие в составлении плана диверсии в Герцеговину и его корректировке принимал С.А. Санковский. Александр I, министр иностранных дел А.Я. Будберг, главнокомандующий Дунайской армии И.И. Михельсон были в курсе намерений Санковского и Петра I Негоша и одобряли их. И.И. Михельсону было предписано обеспечить соединение правого крыла русской армии с сербскими повстанцами. Сербь должны были помочь Дунайской армии установить связь с Герцеговиной, Черногорией, эскадрой Д.Н. Сенявина, а также экспедиционными силами, находившимися в Боке Которской. В Петербурге строили масштабные планы относительно балканского театра военных действий, рассчитывая с помощью сербов и черногорцев создать мощный заслон против Турции по линии начиная от Черного моря до Адриатического¹⁶⁵. Петр I Негош известил Карагеоргия о готовности русских войск и черногорцев вступить «в земли неприятельские» и предлагал вождю сербских повстанцев без промедления направить сюда часть его войска для совместных боевых действий против турок¹⁶⁶. Для координации действий с сербами к ним был отправлен дипломатический представитель Петра I Негоша Сава Пламенац, который оставался при Карагеоргии и должен был служить проводником в случае выступления сербских отрядов.

Ключевой позицией плана Санковского-Негоша было взятие Никшича, важнейшего опорного пункта турецких сил в Герцеговине. Овладев им и близлежащими территориями, можно было с меньшими препятствиями

соединиться с сербскими повстанцами, одновременно тем самым воздействовать на активизацию освободительной борьбы герцеговинцев. Кроме того, реальными становились планы вытеснения французов из Далмации, ибо их военные силы были бы уязвимы уже с двух сторон. Крупная военная диверсия против турок, создание русского форпоста в тылу османских владений – все это сулило обнадеживающие перспективы. Однако они не были реализованы во многом из-за неумелых действий Санковского. С.А. Санковский был способным дипломатом, опытным и дельным администратором, принимавшим активное участие в составлении проекта совершенствования государственного устройства Черногории, но в ходе совместной русско-черногорско-бокельской военной операции в Герцеговине он, взявшись за абсолютно несвойственное ему дело, проявил себя неумелым военачальником. Все документальные источники выявляют в той или иной мере грубые просчеты и ошибки Санковского при ее организации и осуществлении. Герцеговинская операция проводилась в отсутствие Д.Н. Сенявина в Которе, отбывшего по делам службы на о. Корфу.

В феврале 1807 г. Санковский проинформировал Михельсона о готовности выступить с войсками «в те места, где нас давно уже ожидали»¹⁶⁷, и, как вскоре выяснится, не только герцеговинцы, но и турки с французами. Санковский, ссылаясь на согласие Александра I на захват Никшича и аргументируя тем, что отказ охладит привязанность черногорцев к России, уменьшит их желание воевать против французов, сумел убедить замещавших адмирала полковника Ф. Книпера и капитана I-го ранга И. Баратынского дать согласие на военный поход в Герцеговину. Одновременно с этим Санковский просил Книпера с целью дезинформации турок предпринять «фальшивый поход» с ложным намерением атаковать Дубровник, а также для ободрения черногорцев занять в Герцеговине местность Зубцы¹⁶⁸. Ф. Книпер, выполняя приказ Сенявина не ввязываться во всякое неясное военное предприятие, запрашивал Санковского о конкретном плане намеченной экспедиции, ее комплектации военными силами, снабжении продовольствием и боеприпасами и т.п.¹⁶⁹ Санковский заверил его, что все обстоит благополучно, и 3 (15) апреля приступил к проведению герцеговинской операции. Ход операции в Герцеговине не рассматривался в работах отечественных историков. Из-за отсутствия русских источников она, за исключением монографии Б. Павичевича о Петре I Негоше, поверхностно отражена в югославской литературе. Между тем военные и дипломатические круги России, Александр I, лидеры балканского освободительного движения Карагеоргий и Петр I Негош возлагали на нее большие надежды, рассчитывая, что ее успешное проведение серьезно изменит положение в пользу России, а следовательно, улучшит военную ситуацию на Балканах.

Русские экспедиционные силы состояли из 13-го егерского полка (1 тысяча человек под командованием подполковника Забелина). Кроме того, в походе было задействовано до 2 тысяч черногорцев, брдян и бокельцев. Объединенные военные силы были поделены на два отряда. Наиболее многочисленный, возглавляемый Петром I Негошем и Забелиным и состоявший из русских, черногорцев и брдян, подступил к Никшичу. Другой, состоявший из трех рот егерей под командованием капитана

Полянского и отряда бокельцев (11 рот) во главе с командиром бокельского ополчения, отставным майором русской службы Дж.Войновичем (после отставки Дж.Войнович переселился в Херцег-Нови), был направлен к турецкой крепости Требинье.

План диверсии в Герцеговине был осуществлен крайне неудачно. В г.Котор были призваны черногорцы, жившие неподалеку от Никшича, и тем самым, как замечал С. Вукотич, турки были предупреждены, что «против них в сем краю внутренний мятеж поджигается»¹⁷⁰. Соглашаясь на словах с предложением Петра I Негоша Санковскому отложить на время герцеговинскую операцию из-за непогоды, мешавшей собрать в нужном количестве иррегулярное войско¹⁷¹, Санковский на деле поступил иначе. Собранные в Которе силы выступили в поход в самое неудобное время, в продолжавшуюся весеннюю распутицу. Экспедиционный корпус, несмотря на заверения Санковского, не был снабжен в достаточном количестве продовольствием и военным снаряжением. Был выбран худший горный вариант маршрута, военные силы оказались рассредоточены, и их действия проходили несогласованно. Не оправдались надежды на мощный приток герцеговинских славян в помощь экспедиционным силам. К русско-черногорско-бокельскому отряду сразу после вступления в Герцеговину присоединилось лишь 600 оруженосцев¹⁷², а другие занимали выжидательную позицию и частью даже примкнули к туркам¹⁷³.

12 (24) апреля 1807 г. наиболее многочисленный отряд Забелина и Петра I Негоша подошел к Никшичу, но занял лишь передовые крепостные укрепления, так и не сумев овладеть Никшичем, хотя его гарнизон насчитывал всего 500 человек, а объединенные силы осаждающих составляли 3 тысячи человек. При осаде Никшича остро сказался недостаток боеприпасов и продовольствия. Как в дальнейшем И. Баратынский информировал Д.Н. Сенявина, русские войска в течение 3 суток питались различными овощами и травами. Черногорцы, среди которых были и брдяне, оказались менее стойкими вегетарианцами. Они рассыпались по окрестным герцеговинским селам и занялись угоном скота, грабежами и т.п., в чем им «сам владыка не в силах был препятствовать»¹⁷⁴. В результате под Никшичем осталось не более 200 черногорцев, и в конечном итоге войска вынуждены были снять осаду и с согласия находившегося здесь Санковского и Петра I Негоша отступить в Черногорию, а затем в Котор. С.А. Санковский оправдывал неудачу под Никшичем тем, что не оправдались его надежды на мощное антиосманское выступление никшичских христиан Герцеговины, а также мобилизационными мероприятиями шкодринского визиря Ибрагима-паши вблизи границ Черногории, что заставляло черногорцев вернуться в свои пределы¹⁷⁵. Митрополит уход из-под Никшича объяснял не только угрозой вторжения шкодринского паши в Черногорию, но и неумением черногорцев штурмовать крепости¹⁷⁶.

Разозленные неудачей под Никшичем, черногорцы были готовы физически расправиться с Санковским. Их удерживало то, что Санковский являлся представителем России. В свою очередь грабежи и буйства черногорцев заставили мирное население Герцеговины спасаться от таких «освободителей» в Херцег-Нови, где они, как информировал И. Баратынский, готовы были обороняться против нас¹⁷⁷. Русскому командованию с трудом удалось успокоить возмущение и негодование среди герцеговинских беженцев.

В сложном положении оказалась и другая часть экспедиционного корпуса, направленная в район турецкой крепости Требинье. Осведомленный в продвижении русско-бокельских войск комендант Требинье запросил помощи у генерала Лористона, который сразу же направил на помощь туркам 2-тысячный отряд французов под командованием генерала Лонеа¹⁷⁸. Прибытие на герцеговинский театр военных действий французских войск еще более ухудшало положение экспедиционных сил. Ф. Книпер, ссылаясь на сведения, полученные от Дж.Войновича, известил Санковского, что иррегулярные войска бокельцев, услышав о приближении французских войск к Требинье, наполовину разбежались, даже не вступив в бой¹⁷⁹. Отряд под командованием Войновича, не приступив к осаде Требинье, разбил лагерь неподалеку, в селе Зубцы (в 50-х гг. XIX в. одноименная область Зубцы станет центром мощного антитурецкого восстания во главе с Л. Вукаловичем). Однако и здесь его боевые действия ограничились стычкой с отрядом французов из 30 человек, в которой погибло лишь два француза. Зато потери в отряде Войновича, из-за повального бегства бокельцев, привели к тому, что от него осталось около 600 человек. К тому же бокельцы не получали жалованья, их продовольственное обеспечение оставляло желать лучшего¹⁸⁰. Ф. Книпер, видя, что великолепные первоначальные замыслы получили убогое воплощение, отдал приказ о возвращении в Боку Которскую егерей капитана Полянского, а затем вернулись и бокельцы Дж.Войновича. После отступления русских войск из-под Требинье турки все окрестные христианские селения «выжгли и превратили в пепел, малолетних же и старых, которые не в силах были ретироваться в бокезские границы, взяли в полон, а иных предали смерти», – отмечал участник тех событий И. Кадич¹⁸¹.

Любопытно, что в эти дни И. Баратынский рапортовал адмиралу Сенявину об удачных боях бокельцев против турок в районе Требинье. Убедительным доказательством этого, по мнению Баратынского, служили отбитые у турок и доставленные в Херцег-Нови вражеские знамена¹⁸². Совершенно иначе этот факт изложен С. Вукотичем. По его свидетельству, бокельцы получили турецкие знамена от жителей Зубцов, которые, узнав о приближении экспедиционных сил, изгнали турок, а захваченные при этом знамена передали Дж. Войновичу¹⁸³. Вполне возможно, что знамена, представленные Войновичем, были теми, что отбили у турок герцеговинцы, а успехи приморцев были, мягко говоря, преувеличены.

Герцеговинская операция, включая ее неудачный исход, запечатлелась в черногорской эпической песне, автором которой, вероятно, был уже упоминавшийся Джуро Милутинович Черногорец:

«Пьют вино два побратима
На Цетинье у белой церкви:
Один из них Петрович владыка,
А другой московский генерал,
По имени его Бригадиром звали.
Когда выпили красного вина,
Повели речь о том и о другом,
.....»

Уговорились оба побратима
Никшич отнять от турок.
Собрали все войско,
Бригадир двинул солдат,
А владыка молодых черногорцев
Прямо на белый Никшич.
И вот подошли к большому мосту,
Что ведет к белому Никшичу.
Турки укрепились в шанцах,
Не дает турок вступить на мост,
Тут бились ружейным огнем,
Несколько погибло богатырей».

Затем митрополит вызывает добровольцев из черногорцев занять мост, однако никто из них не соглашается, кроме подошедшего из Рудине байрактара (знаменосца) Бела. Он врывается на мост и прогоняет турок к Никшичу, город готов сдаться:

«Но где счастье, там же и несчастье:
Поссорился цетинский владыка
С московом своим побратимом.
Так ему говорит москов:
«Побратиме, цетинский владыка,
Сколько выбудет у меня из строя солдат,
На всякого ты мне дашь по два червонца».
А владыка сказал генералу,
Что не даст ему ни одного.
Тут – раздор, да Бог его убьет!
Оставили белый Никшич
И возвратились на цетинское поле»¹⁸⁴.

Явный провал апрельской операции не смутил Санковского, он желал вновь возобновить военные действия в Герцеговине. Санковский, признавая военную неудачу под Никшичем, настаивал на повторе герцеговинской операции. Он вновь надеялся на мощное восстание против турок герцеговинцев, и тогда «мы выполним план нашего двора» соединиться с Карагеоргием. На сей раз Санковский предлагал русским войскам, продвигаясь по Герцеговине через Баняны, Гацко и Пиву, сблизиться с Карагеоргием и с помощью уже брдян овладеть все же Никшичем. Ссылаясь на данное ему повторное предписание установить связь с Михельсоном и продолжать здесь военные действия, Санковский запрашивал у Книпера, какие силы тот может выделить для прикрытия Грахова и каковы будут его действия для поддержки герцеговинцев. Черногорцы и бокельцы, заверял Санковский, готовы к новому походу и митрополит ждет только приглашения¹⁸⁵.

Однако его предложение было отвергнуто Ф. Книпером и другими членами русского военного совета в Которе с мотивировкой, что здешних военных сил едва хватает для обороны Которской области, являвшейся главной задачей русских вооруженных сил. Понимая, что по инициативе русского командования часть герцеговинцев оказалась втянута в военные действия и им грозит месть со стороны турок, Ф. Книпер предлагал силой русского ору-

жая организовать локальную защиту таких мест, не втягиваясь в крупномасштабную операцию¹⁸⁶. Санковский, проявляя незаурядную настойчивость и подкрепляя ее повелением от «высочайшего двора» осуществлять руководство боевыми действиями в Герцеговине, добился все же своего.

В последних числах мая 1807 г. была предпринята повторная военная операция в Герцеговине совместными силами русских, черногорцев и бокельцев. На сей раз целью операции была выбрана турецкая крепость Клобук. Пунктом общего сбора стало Грахово, куда 25 мая (6 июня) прибыли 4 роты мушкетерского и егерского полков численностью менее 400 человек при 3-х артиллерийских орудиях, а также 1147 черногорцев, бокельцев и герцеговинцев. Значительная часть югославян была сразу же разослана на сторожевые посты с целью предотвращения подхода турок из-под Требинье и Никшича на помощь гарнизону Клобука. Однако эти пикеты были рассеяны турками, о чем уже приступившие к осаде крепости объединенные силы русских и югославян не были оповещены¹⁸⁷. В непосредственной осаде Клобука кроме русских войск было задействовано 218 черногорцев и 232 бокельца. Таким образом, объединенные силы русских и югославян составляли около 850 человек¹⁸⁸. Русским сводным отрядом командовал майор Безобразов, черногорцами – митрополит Петр I, а бокельцами – полковник русской службы, черногорец по происхождению Г.М. Радулович. Координацией общих военных действий русских и югославян занимался Петр I Негош. Первыми на штурм устремились черногорцы в количестве 50 человек во главе с губернатором Вуколаем Радоничем и бокельцы, которыми командовал капитан Богдан Джуркович. Затем к ним присоединились русские воинские части во главе с Безобразовым и остальные черногорцы, возглавляемые митрополитом. Турки помимо стрельбы сбрасывали на штурмующих камни, а также пни с пчелами. Кончилось все тем, что атакующие вынуждены были отступить. Взять Клобук с наскока, хотя гарнизон насчитывал всего около 200 человек, не получилось. При штурме погиб капитан Крамаренко и 23 русских солдата было ранено, из югославян никто не погиб, ранено 3 человека¹⁸⁹.

Решив подготовиться к следующему штурму более основательно, майор Безобразов под начавшимся проливным дождем приказал соорудить батарею для трех орудий с целью пробить брешь в каменной 4-метровой стене крепости. Дополнительную надежду на успех придавало и то, что на подкрепление прибыла 1 одна рота солдат во главе с подполковником Забелиным. Однако 1 (13) июня на помощь гарнизону Клобука со стороны г.Белича подошло 2000 турок во главе с Аджи-бегом и 500 французов. В ходе 5-часового сражения, в котором стоящие в арьергарде турок французы не приняли участия, русские и их союзники были разбиты и затем поспешно отступили в Грахово. Личное мужество в этом бою проявил Петр I Негош. Возглавляемые им черногорцы и рота егерей прикрывали отступление до тех пор, пока арьергардные части «с вида его не укрылись»¹⁹⁰. В ходе сражения погиб майор Безобразов, офицер Савицкий, около 60 человек было убито, а 60 русских воинов попало в плен. Позже пленные рядовые и поручик Проценко были обменены на находившихся на о.Корфу пленных французов¹⁹¹.

Как уже отмечалось, черногорцы предпочитали не сдаваться в плен. В.Б. Броневский, заимствуя сюжет, взятый им у С.И. Мазаровича, описывает случай, произошедший в ходе повторной герцеговинской операции. Во время отступления из-под Клобука уже находившийся в руках русский офицер упал на землю от усталости, казалось, он не в силах идти дальше и ему грозил плен. К офицеру тотчас подоспел черногорец и произнес следующий монолог: «Ты очень храбр и желать должен, чтобы я отрезал тебе голову. Сотвори молитву, перекрестись...» Такой радикальный способ решения возникшей проблемы ужаснул офицера, но одновременно вызвал у него дополнительный прилив сил, и офицер с помощью того же черногорца догнал основной отряд¹⁹².

Таким образом, «низвергнуть в прах вражеское племя», как в свое время надеялся Сенявин, в Герцеговине не удалось, а скорее получилось наоборот. Результатом непродуманно развязанных военных действий явилось не только поражение объединенных русско-югославянских сил, но и ответная месть со стороны турок, жертвой которой стали герцеговинские селения, и, в частности, Грахово, половина которого превращена в пепел, – сообщал С. Вукотич¹⁹³. Сорвалась также попытка создать военный треугольник из Сербии, Черногории и Герцеговины, что при благоприятном стечении обстоятельств могло бы положительно повлиять на ход русско-турецкой войны.

Д.Н. Сенявин, узнав в подробностях о результатах, действиях и роли Санковского в герцеговинской операции, запретил начинать какие-либо новые военные действия против турок с территории Которской области. Он также предписал Ф. Книперу, если Санковский будет в дальнейшем предлагать подобные непродуманные военные проекты, немедленно их отвергать с убедительными доводами¹⁹⁴. Сенявин не желал ссориться с весьма влиятельным человеком, каким был Санковский, близко стоявший к группировке «молодых друзей» Александра I и А.А. Чарторыйскому. Он также ценил Санковского за его полезную и эффективную деятельность в Черногории и Боке Которской. Вместе с тем, отдавая такое распоряжение и зная о негативном отношении некоторых старших офицеров к Санковскому, адмирал по сути запрещал допускать Санковского к делам сугубо военным. Судя по всему С.А. Санковский был не прочь и далее продолжить боевые действия против турок в Герцеговине. Возражая Петру I Негошу, считавшему, что нельзя абсолютно уповать на верность и готовность герцеговинцев воевать против турок, тем более, что турки готовы их простить за прошлое, если герцеговинцы перейдут на их сторону, Санковский утверждал, что такое невозможно. Он соглашался в одном с митрополитом, что герцеговинцев надо снабдить хлебом, и соответствующее распоряжение об этом в Рисан им уже сделано¹⁹⁵. Однако Тильзитский мир и наступившее вскоре русско-турецкое перемирие, продолжавшееся с августа 1807 г. по март 1809 г., помешало С.А. Санковскому реализовать его дальнейшие намерения относительно Герцеговины.

После снятия осады Дубровника военная экспедиция в Герцеговину была второй крупной неудачей российских войск и их югославянских союзников в этом стратегически важном регионе Балкан. Однако, оценивая в целом совместные боевые действия русских морских и сухопутных сил и черногорско-приморских войск на Адриатике и Адриатическом побережье в пе-

риод с начала 1806 г. и до середины 1807 г., следует признать их успешными. Под контролем союзников находилась большая территория Приморья от Петроваца до Дубровника. Здесь при активной поддержке Д.Н. Сенявина, С.А. Санковского и митрополита Петра I Негоша эффективно действовала система местного самоуправления. Успешные совместные действия против общего неприятеля способствовали укреплению дружбы между русскими и югославянами. Д.Н. Сенявин неоднократно отмечал храбрость, мужество и боевые заслуги черногорцев и приморцев, награждал их. Боевые действия русско-черногорско-приморских войск в тот период не дали возможности французам осуществить план присоединения Боки Которской к своим владениям, показали Наполеону, что Россия не намерена легко расстаться со своими позициями на Балканах и в Средиземноморье.

Пребывание эскадры Д.Н. Сенявина в этих краях позволило вновь обрести родину некоторым россиянам, которых превратности войны оторвали от России. Так, Гаврила Яковлев, уроженец Могилевской губернии, Рогачёвского уезда, деревни Новосёлки, служивший рядовым в Курском мушкетерском полку во время итальянского похода А.В. Суворова, был взят французами в плен в окрестностях Падуи. Проведя в плену полтора года, Г. Яковлев возвращался в Россию через австрийские владения, был задержан и насильно зачислен в австрийскую службу. Узнав о прибытии русской эскадры, он совершил побег и по приказу контр-адмирала А.А. Сорокина был вновь принят в русскую службу солдатом¹⁹⁶. В матросы 2-й статьи был зачислен неизвестно как оказавшийся в Далмации российский подданный Тимофей Белянков и присланный на эскадру через митрополита черногорец Христофор Драглевич¹⁹⁷.

Югославяне охотно шли в русскую службу. Священником на фрегат «Св. Михаил» был определен которский священнослужитель Фома Любатович, туда же, матросом 2-й статьи – которский житель Лазарь Збегович¹⁹⁸. Подобных примеров можно привести немало.

1807 г. на международной арене был тяжелым годом для России. Продолжалась война с Турцией, дела 4-й по счету антинаполеоновской коалиции складывались крайне неудачно. Захват французами почти всей Пруссии, бездействие Англии, не высадившей в кампании 1807 г. ни одного солдата на континент, и, наконец, поражение под Фридландом заставили Александра I изменить внешнюю политику и пойти на соглашение с Наполеоном. В результате Тильзитского мира (25 июня (7 июля) 1807 г.) Россия получила мирную передышку, но она была куплена дорогой ценой. Среди прочих уступок к Франции отходили Ионические острова и Бока Которская. Еще до Фридландского поражения, надеясь на успех в войне с Францией, А.А. Чарторыйский строил грандиозные планы по переустройству Европы, в том числе это касалось Ионической республики, Боки Которской и Черногории. Согласно им Ионические острова оставались за Россией, Черногория объединялась с Боккой Которской, а Александр I становился императором или протектором славянских и восточных народов¹⁹⁹. Реалии оказались совершенно иными. Россия утрачивала свои военно-стратегические и политические позиции в Восточном Средиземноморье и юго-западной части Балканского полуострова.

Александр I соглашался на вывод русских войск из Молдавии и Валахии, на передачу Франции Боки Которской, Ионических островов и пр. только,

как оказалось, ради одного – спасения Пруссии²⁰⁰, которой возвращались Померания, Бранденбург, Старая Пруссия, верхняя и нижняя Силезия. По этому поводу Наполеоном была произнесена следующая фраза: «Из уважения к его величеству императору всероссийскому, а то бы Пруссия исчезла с лица земли и была бы разделена»²⁰¹. Это отнюдь не бескорыстное «уважение» дорого обошлось югославянским союзникам России, да и ей самой. Многие было сделано Александром I для Пруссии, но и здесь находились недовольные. Так, видный государственный деятель Пруссии, будущий канцлер К.А. Гарденберг осмелился утверждать, что помощь, оказанная Пруссии при тильзитских переговорах, была недостаточной, и в беседе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом заметил, что король, при всем его злополучии, счастливее Александра, у которого Наполеон сумел «отнять честь»²⁰². В связи с этим следует сказать, что если честь Александра I и пострадала, то только не перед пруссаками, а перед черногорцами, бокельцами и ионийскими греками, возлагавшими на него большие надежды, да и русскими моряками, военными, государственными деятелями и дипломатами, приложившими немало усилий, отдававшими жизни не только ради решения внешнеполитических задач России, но для лучшего будущего балканских народов.

Тильзитский мир заставил Россию отказаться от целей, определявших русскую политику в Восточном Средиземноморье в 1798-1807 гг. Война с Османской империей привела к закрытию проливов Босфор и Дарданеллы для русских военных кораблей. В свою очередь разрыв русско-английского союза сделал средиземноморский флот Великобритании из дружественной России военно-морской силой враждебной. 24 октября (5 ноября) 1807 г. русское правительство заявило о разрыве русско-английских отношений. Началась англо-русская война 1807-1812 гг., в которой обе стороны так и не приступили к военным действиям. Таким образом, русский флот на Средиземном море оказался изолированным, запертым с двух сторон. Его коммуникации, позволявшие снабжать эскадру кораблей Д.Н. Сенявина и русские сухопутные войска всем необходимым из России, были полностью нарушены. В таких обстоятельствах удержать Ионические острова и Боку Которскую, даже при наличии такого желания со стороны России, становилось практически невозможным. Гипотетически, конечно, можно предположить, что в случае сохранения за Россией Ионических островов и Боки Которской в Англии, где не считали тильзитский союз сколь-нибудь прочным и только ждали, когда Россия вновь начнет войну с Францией, закрыли бы глаза на переброску подкреплений Д.Н. Сенявину через Атлантический океан и Гибралтар. Однако в этом случае спасение Пруссии даже в урезанном виде становилось невозможным. Пойти на это Александр I не захотел, поскольку он видел в Пруссии противовес Франции, рассчитывая в дальнейшем ее использовать в борьбе с Наполеоном. Забегая вперед, заметим, что Пруссия по-своему «отблагодарит» Александра I за свое спасение в 1807 г., приняв участие в нашествии Наполеона на Россию в 1812 г.

Что же касается непосредственно Черногории, то ее дальнейшая судьба была predeterminedена третьей секретной статьей русско-французского договора о мире и дружбе. Наполеон брал на себя обязательства не пре-

следовать подданных Османской империи и в особенности черногорцев за участие в боевых действиях против французских войск, при условии, что они будут впредь сохранять мирные отношения с французами²⁰⁵. Тем самым Александр I отступал и от своего совсем недавнего принципа, и от аналогичного принципа его предшественников, начиная со второй половины XVIII в., и заключавшегося в признании фактической независимости Черногории от Османской империи.

Русское правительство в начале XIX века в переговорах с Портой стремилось оградить Черногорию от турецких посягательств. Так, согласно девятой секретной статье проекта союзного оборонительного договора 1805 г. между Россией и Турцией, Порта должна была признать покровительство России жителям Черногории и обязывалась сохранять неприкосновенность их территории²⁰⁴. И хотя турецкое правительство в дальнейшем отказалось включить эту статью в договор, попытка русской дипломатии свидетельствует о том, что правительство Александра I проявляло заботу об интересах Черногории, хотя осуществить это в полной мере не удавалось по не зависящим от России обстоятельствам.

Признание черногорцев подданными Османской империи по условиям русско-французского договора 1807 г. было мерой вынужденной. Подписанный в Париже в июле 1806 г. мирный договор Убри-Кларка также ставил черногорцев в вассальную зависимость от султана, но тогда он не был все же ратифицирован Александром I и все осталось на своих местах. Теперь же международная ситуация для России изменилась только в худшую сторону. Поэтому, если бы русская делегация в Тильзите заявила о независимости Черногории и покровительстве ей со стороны России, вполне возможно, что Наполеон, лишив Россию Ионических островов и Боки Которской и не пожелав иметь прорусски настроенную воинственную Черногорию в тылу своих владений, не пытался бы обосновать свои претензии на Черногорию, понуждая Россию поддержать их. При этом он вполне мог при желании проигнорировать Османскую империю и ее права на Черногорию, чьи владения, используя фактор войны между Россией и Турцией, в ходе тильзитских переговоров Наполеон предлагал Александру I разделить²⁰⁵. Потерпев поражение от Наполеона и сдав все стратегические позиции России в Средиземноморье Франции, Александр I даже при желании не мог эффективно содействовать Черногории в противовес французским претензиям. Признание Россией и Францией турецкого сюзеренитета над Черногорией формально выводило ее из сферы русско-французских переговоров.

Впрочем, забегая вперед, заметим, что сам Александр I, идя на уступки в Тильзите, на деле не считал черногорцев подданными султана. Это видно хотя бы из того, что, по его мнению, Петр I Негош в 1808 г. сам был вправе решать, следует ли ему допустить открытие французского консульства в Цетинье или отказать в этом. Реальное положение вещей понимали не только в Петербурге, но и в Париже, там также Наполеон, планируя учредить консульство в Черногории, даже не думал интересоваться мнением Порты на этот счет²⁰⁶.

О тех переменах, какие произошли в Тильзите, С.А. Санковского известил находившийся там министр внутренних дел В.П. Кочубей. Он про-

сил Санковского использовать все свое влияние для успокоения населения Боки Которской, а также информировал Санковского об обещании, данном Наполеоном Александру I, придать все ранее произошедшее забвению и что жители Боки Которской не испытают ни малейшего вреда от перемены в их правлении²⁰⁷.

Что же касается русской эскадры, то через три дня после заключения Тильзитского мира Александр I подписал рескрипт Сенявину. Командующему русскими вооруженными силами в Средиземноморье было приказано сдать Ионические острова и Которскую область французам, а эскадре следовать к русским берегам. 31 июля (12 августа) Котор был занят французами, а 19 сентября (1 октября) 1807 г. эскадра Сенявина покинула Корфу и войска генерала Бертье заняли Ионические острова. Прощание с греками было горестным и трогательным. На одном из кораблей эскадры намерены были удалиться в Россию митрополит Петр I Негош с родственниками и губернатор В. Радонич со всем семейством. Но ободренный надеждой со стороны С.А. Санковского на продолжение покровительства России, Петр I Негош, распустив черногорские войска, из Котора со своею свитою вернулся в Черногорию. Скрывавший в душе разочарование и обиду, митрополит возвращал Санковскому присланные для награждения черногорцев золотые и серебряные медали²⁰⁸.

Весть об уходе эскадры Д.Н. Сенявина повергла в отчаяние и население Боки Которской, прежде всего православное, хотя и некоторые католики выражали приверженность России. Как сообщал об этих днях Санковский, «плач и стон во всей провинции был слышен», не менее болезненно восприняли это известие и герцеговинцы²⁰⁹. Даже после вступления французских войск в Котор к русскому представителю Санковскому, а не генералу Лористону, обращались за наставлениями и приказаниями представители местных коммунитатов. Санковский предупреждал Петра I Негоша о скором и неизбежном его конфликте с французскими генералами Лористоном и Мармоном по поводу принадлежности монастырей Маине и Станевичи, которые французы захотят прибрать к своим рукам, о присоединении к ним Брды, о «мирской власти» митрополита в Черногории и о его духовной – в Приморье²¹⁰. Несмотря на обещание новых властей не мстить за приверженность к России, многие видные участники событий 1806-1807 гг. (архимандрит С. Ивкович, Дж.Войнович, А. Фрушка и др.) решили удалиться в Россию²¹¹. С.А. Санковскому, на которого, как он сам замечал, легла тяжкая и трудная обязанность передачи французам Боки Которской и объяснений с местным населением, удалось в итоге все же внести в народ некоторое успокоение и не допустить кровавых конфликтов с французами. Санковский заметил намерение французского командования склонить черногорцев к отказу от покровительства со стороны России, заменив его на французское. Это предложение, сделанное Петру I Негошу Мармоном, было отвергнуто митрополитом, обещавшим Санковскому «намерение нации сопротивляться по крайней мере год». Санковский не сомневался, что черногорцы, сколько это будет возможно, будут преданны русским интересам, а бокельцев заверил, что они опять будут принадлежать России²¹². Покидая навсегда эти края, С.А. Санковский в письме к Петру I Негошу выразил благодарность митрополиту «за

оказание благорасположения вашей особою и народом черногорским» во время его пребывания и посчитал своим неперменным долгом еще раз с митрополитом и черногорским народом проститься²¹³.

По-разному сложилась дальнейшая судьба участников знаменательных событий 1806-1807 гг. на Адриатике. Эскадра адмирала Д.Н. Сенявина после всех превратностей войны оказалась интернированной англичанами в Портсмуте в сентябре 1808 г. Флаги на русских кораблях не спускались до тех пор, пока адмирал и капитаны не оставили их с соответствующими почестями со стороны англичан. Д.Н. Сенявин вернулся с экипажем на средства Англии в 1809 г. в Россию. Успехи и громкие победы Сенявина были преданы забвению, и до смерти Александра I он находился не у дел. Герой многих военно-морских баталий капитан 1-го ранга Г.Г. Белле после разрыва отношений с Англией и вследствие предписания министра морских сил П.В. Чичагова об увольнении с флота «всех природных англичан» был отрешен от занимаемой должности²¹⁴, отправлен в Россию и вместо того, чтобы воевать с турками на Черном море, был сослан на 4 года в Саратов. Незаслуженно оскорбленный до глубины души Г.Г. Белле заявил: «Я честно служил России с мичманского чина, с самого 1783 г. Не щадя своей жизни, я дрался с турками при Фидониси, в Керченском проливе, Гаджибее, Калиакрии, дрался с французами при Цериге, Занте и Корфу, взял города Фоджио и Неаполь, покорял крепости Кастельново, С. Эльм и Капую, занял Боко ди Катаро, брал с боя Далматинские острова – и все это во славу России. И если через 25 лет такой службы, когда возникла война с Англией, меня ссылают в Саратов, то не вправе ли я поступить теперь на службу Англии и на британских кораблях сражаться против русского флота?..»²¹⁵. В 1812 г. Белле все же вернулся в Севастополь и командовал кораблем, а с 1816 г. он командир 3-й Черноморской флотской дивизии. В 1816 г. ему присвоено звание вице-адмирала. Умер Г.Г. Белле в 1826 году.

Капитан-командор И.А. Баратынский продолжал службу во флоте, в 1811 г. он стал контр-адмиралом. М.К. Ивелич и в дальнейшем выполнял ответственные дипломатические поручения. В 1812 г. в связи с подготовкой «адриатической экспедиции» он в качестве эmissара русского правительства был послан в повстанческую Сербию. В 1814 г. М.К. Ивелич стал сенатором, членом Государственного совета. В конце своей жизни он покинул Россию и поселился вблизи своих родных мест, в г.Перасте, где и умер в глубокой старости в 1825 г. С.А. Санковский после возвращения из Черногории отошел от дипломатической службы. В 1810-х гг. был градоначальником Феодосии, оказывая и на этом посту посильное содействие черногорцам.

Некоторые югославы перебрались на жительство в Россию. После многих жизненных перипетий, отъезда в Россию с эскадрой Сенявина и возвращения в Котор, где в 1811 г. он был арестован французскими властями, архимандрит С. Вукотич вновь вернулся в Россию. Он получал пенсию, имел награды от русского правительства. Умер в России в 1816 г.

Долгую жизнь в России прожил бывший архимандрит из Боки Которской С. Филипович²¹⁶. Активный участник многих сражений сенявинской эскадры, неоднократно раненный, он также имел пенсию и награды от России. В 1828 г. именно С. Филиповича, как пользовавшегося влиянием

среди местного населения, Сенявин рекомендовал Николаю I использовать в случае развертывания военных действий на Балканах в годы русско-турецкой войны 1828-1829 гг. В конце 30-х гг. XIX в. с Филиповичем, ставшим настоятелем Гиржавского монастыря близ Кишинева, встречался и беседовал о событиях, увлекших священнослужителя «в самое жерло покинутого света», известный журналист, историк и этнограф Н.И. Надеждин²¹⁷, который тогда еще не знал, что в 1841 г. при посещении Черногории он побывает в тех местах, где вместе с русскими против общего неприятеля воевал С. Филипович.

В 1883 г., совершая путешествие по Далмации, Герцеговине и Черногории, потомок известной в России семьи сербских переселенцев Г.А. Милорадович познакомился на пароходе с его капитаном, дубровчанином графом Конте-Ивеличем. Капитан разрешил Милорадовичу снять копию с аттестата своего деда, начальника Рисанского коммунидата Савы Ивелича, выданного ему Д.Н. Сенявиным 17 (29) сентября 1807 г. В нем адмирал отмечал заслуги С. Ивелича в освобождении Боки Которской из-под власти Австрии, в борьбе против французов и турок, где С. Ивелич был «всегда авангардным начальником»²¹⁸. С. Ивелич был племянником М.К. Ивелича, зачисленного в российскую службу еще в 1769 г., и они постоянно взаимодействовали с пользой для общего дела России и югославян. Случай свел австрийского подданного Конте-Ивелича с подданным России Милорадовичем. Их объединяло то, что их предки верой и правдой служили России, общему делу борьбы балканских славян за независимость, в том числе и во время пребывания эскадры адмирала Д.Н. Сенявина на Адриатике в 1806-1807 гг.

§2. Черногория после Тильзитского мира. Которский вопрос в 1813-1814 годах

Тильзитский мир и уход русской эскадры создали новую обстановку на границах Черногории. Теперь могущественная наполеоновская Франция была ее соседкой, а Бока Которская вновь стала чужим владением. Черногорцы лишились непосредственной русской поддержки и помощи, их отношения с новыми соседями складывались сложно и противоречиво, особенно в первые годы французской оккупации Приморья. Оставшись одна, Черногория, хотя и была ослаблена людскими и материальными потерями в сражениях 1806-1807 гг., сумела все же противостоять настойчивым попыткам Наполеона сломить ее, подчинить непокорную страну своему влиянию. После Тильзитского мира сфера военно-политической активности России в Юго-Восточной Европе изменилась и ограничивалась Дунайскими княжествами, Сербией и Северной Болгарией. Однако С.А. Санковский, понимая перспективную значимость Черногории в балканской политике России, перед своим отъездом, как уже отмечалось, взял с Петра I Негоша обещание по крайней мере в течение года не признавать над Черногорией какого-либо покровительства, кроме российского. Начиная с октября 1807 г. и на протяжении 1808 г. французские соседи Черногории неоднократно обращались к митрополиту с предложением учредить свое консульство в Цетинье. В феврале 1808 г. Петр I Негош известил посла в Вене А.Б. Куракина о таком предложении, поступившем от генерала Мармона,

и просил российского дипломата проинструктировать, как ему поступать в данной ситуации²¹⁹. На должность консула Мармон предлагал офицера Далматинского полка Павла Томича. В ответном письме А.Б. Куракин, ссылаясь на мнение Александра I, предложил владыке самому принимать решение о консульстве²²⁰. В мае 1808 г. в Цетинье состоялась скупщина, где французское предложение о консульстве было отклонено, поскольку помимо всего прочего Черногория, как отмечалось в постановлении скупщины, находится под покровительством России и этого достаточно²²¹.

Тем временем ситуация на черногорско-французской границе складывалась тревожная, и в августе 1808 г. дело едва ли не дошло до вооруженного конфликта сторон. Тогда митрополит не допустил французские войска в монастырь Маине, который французы хотели использовать как опорную базу для борьбы с восставшими жителями приморской общины Браичи. Около 400 черногорцев примкнули к повстанцам. Генерал Бертран во главе 8-тысячного отряда был уже готов вторгнуться в Црмницкую нахию, но отступил, увидев готовность черногорцев дать решительный отпор²²². Несмотря на достигнутые в Тильзите договоренности не преследовать участников военных действий против французов в Далмации на практике новые власти Боки Которской нарушали их. В Петербурге следили за тем, как выполняются условия Тильзитского договора, касающиеся этих проблем. Поэтому, когда Александр I узнал, что военная комиссия в Которе прибегает к репрессивным мерам, вплоть до смертных приговоров в отношении некоторых участников антифранцузской борьбы, он не оставил это без последствий. По указанию царя посол в Париже П.А. Толстой обратился к министру иностранных дел Франции Ж.Б. Шампаньи с настоятельным требованием прекратить преследование этих людей. Дело получило огласку, в курсе событий был сам Наполеон, который посчитал, что комиссия превысила свои полномочия, и распорядился предать полному забвению проступки осужденных²²³.

Сохранявшееся и после Тильзита русское влияние в Черногории беспокоило Наполеона. В связи с этим генерал Мармон отмечал, что император прилагал большие усилия, надеясь подчинить черногорцев своей политике и навязать им покровительство Франции²²⁴. Преследуя эту цель, военное командование в Далмации оказывало постоянное давление на черногорского митрополита, но все было тщетным. Петр I Негош решительно отказывался от установления тесных политических и экономических отношений с Францией, не изменял своей приверженности к России и высоко оценивал ее роль в исторической судьбе Черногории. Митрополит и черногорцы не верили французскому императору, и, хотя Наполеон был в это время в союзе с Россией, на Балканах мало кто верил в искренность и прочность этого союза.

Постоянная готовность черногорцев противостоять возможной французской агрессии сдерживала французов, заставляла их прибегать то к щедрым посулам, то к угрозам. В адрес черногорцев звучали грозные обещания превратить Монтенегро (Черногорию) в Монтероса (Красногорию), то есть залить ее кровью²²⁵. Но пойти на это французы не решались, понимая, что слишком много их крови будет пролито в этих горах. В свою очередь черногорцы не стремились без необходимости враждовать с французами,

не имея для этого достаточных сил. Стремясь к добрососедским отношениям, митрополит запрещал черногорцам конфликтовать с французами. Поэтому с осени 1808 г. по 1811 год удавалось соблюдать относительный мир на границах, хотя и случались эпизодические локальные конфликты.

В 1809 г. Наполеон основал Иллирийские провинции, в которые среди прочих славянских земель была включена и Бока Которская. Сохранявшееся черногорское влияние в Приморье сильно беспокоило французов, не желавших иметь в тылу своих владений воинственный, непокоренный народ, способный в любую минуту подняться на борьбу и увлечь за собой других православных славян. По настоянию императора Мармон, ставший уже маршалом Франции, весной 1811 г. разработал детальный план военной экспедиции против Черногории, согласно которому Черногория должна была быть атакована с 4-х сторон военными силами в составе 13-14 батальонов при 12 орудиях²²⁶. Реализации этих намерений помешало только то, что Мармон был отозван императором к другому месту службы, в Португалию. Сменившему его генералу Бертрону в июле 1811 г. было поручено Наполеоном рано или поздно уничтожить влияние черногорского владыки²²⁷. К тому времени французская администрация уже упразднила духовную власть Петра I Негоша в Приморье, которой черногорские митрополиты обладали еще с середины XV века. Новый военный губернатор Далмации генерал Бертран был готов реализовать план своего предшественника и даже удалил из Боки Которской русских офицеров, находившихся здесь в связи с урегулированием русско-французских финансовых вопросов²²⁸, по-видимому, опасаясь, что русские офицеры придут на помощь вчерашним союзникам. Поводом к военной экспедиции служило то, что черногорцы, несмотря на запреты своих властей, стали угонять скот с французской территории. Еще более раздражало французскую администрацию Приморья то обстоятельство, что сотни бокельцев, скрываясь от призыва в армию, находили убежище в Черногории²²⁹. Митрополит, черногорское руководство вовсе не желали испытывать судьбу и вступать в новую войну с французами, тем более не имея сильного союзника. Петр I Негош многократно предупреждал своих воинственных соплеменников, что месть французов может им дорого обойтись. В свою очередь французы стали задумываться над ценной замышляемой военной экспедиции. Это, а также изменившаяся политическая обстановка в средиземноморском регионе заставляли французов действовать более лояльно по отношению к черногорцам. Митрополит в письме к своему секретарю С. Орловичу замечал, что генерал Гаутер письменно уверял его в приятном отношении французов к черногорцам. Однако их учтливое обращение, в том числе и при посещении черногорцами Котора, вызвано тем, что французы боятся возможности присоединения черногорцев к англичанам²³⁰. В результате в июне 1812 г. состоялась встреча французских представителей во главе с генералом Готье и черногорских старейшин и Петра I Негоша, итогом которой стало подписание француско-черногорского соглашения. Согласно ему, все «недоразумения» отныне должна была решать совместная француско-черногорская комиссия. Во внешнеполитическом плане особый интерес представляла ст.4, где среди прочего отмечалось, что если по призыву России Черногория согласится воевать против Франции, то французские власти должны быть предупреж-

дены об этом за 2 месяца²³¹. Петра I Негоша радовали успехи русских войск на заключительном этапе русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Желая русским войскам «счастья и славы», владыка, вспоминая прошедшие 100 лет с тех пор, когда митрополит Данило «возложил надежду на россиян», горестно сетовал, что сейчас у него надежда только на Бога, который не оставит Черногорию за верность России²³². Несмотря ни на что Черногория была готова вновь выступить на стороне России. Как подчеркивалось в письме митрополита к главнокомандующему Дунайской армии П.В. Чичагову, написанному в разгар войны 1812 г., никакие «колообращения европейских обстоятельств» не могут поколебать преданности черногорцев России²³³.

О победе России в Отечественной войне 1812 г. Петр I Негош узнал в декабре от того же П.В. Чичагова, который из военного лагеря на р.Десне сообщал митрополиту о совершенном истреблении французской армии и заодно обнадеживал черногорского владыку возможными переменами обстоятельств в судьбах балканских народов²³⁴. Победа над наполеоновской Францией усилила политическое и военное влияние России в Европе, вырос и личный престиж Александра I в глазах европейских народов и их правителей. Гибель французской армии в России и последовавший затем заключительный этап борьбы с Наполеоном – все это оживило старые планы у черногорского руководства, самого Петра I Негоша. Для Черногории вновь обрела реальность надежда объединиться с Бокой Которской в единое государство, получить желанный выход к Адриатике.

Радикальное окончательное решение вопроса о приморских территориях стало казаться возможным черногорцам во второй половине 1813 г., когда оформилась шестая по счету и последняя антинаполеоновская коалиция (Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия, Швеция). Но Петр I Негош и его окружение не знали, что судьба Боки Которской в случае победы союзных сил над Францией была фактически предрешена, ибо во время переговоров о присоединении к антинаполеоновской коалиции летом 1813 г. Австрия выдвинула как неперемное условие переход в ее руки Иллирийских провинций, в состав которых входила и Бока Которская²³⁵. Однако в Черногории ничего не знали об этом и еще задолго начали готовиться к решительной борьбе с французами за обладание Бокой Которской.

В ходе антинаполеоновских войн английский флот в 1812 г. прочно обосновался в Средиземном море, а английская и австрийская агентурная сеть широко распространялась по Приморью, охватив и Черногорию. Зная, что Великобритания находится в союзе с Россией, митрополит через своего эмиссара С. Пламенаца установил тесные связи с английским полковником Данезом, который, бывая в Цетинье, упорно склонял владыку к союзу с англичанами с целью освобождения Которской области от французского владычества. Петр I Негош согласился на это, поставив перед англичанами одним из условий объединение Черногории, Боки Которской и дубровницкого района Конавль в «единую небольшую республику» под покровительством России и Великобритании. Зная по опыту кампании 1806-1807 гг. переменчивость военной фортуны и международной политики, владыка добивался гарантий, чтобы в случае поражения от французов черногорцы, по желанию, были переселены в Россию либо Англию, сохраняя при этом свободу вероисповедания²³⁶. Англичане обещали митрополиту выполнить поставленные им условия.

Достигнув соглашения с англичанами и уверенные в поддержке населения Приморья, черногорцы в сентябре 1813 г. вступили на территорию Боки Которской. Черногорцы и примкнувшие к ним бокельцы были оповещены митрополитом, что боевые действия против французов ведутся по согласованию с Россией, Австрией и Англией²³⁷. В октябре 1813 г. с помощью британского флота вся территория Боки Которской (кроме капитулировавшего в январе 1814 года г.Котора) была очищена от французов.

Еще в ходе боев Петр I Негош и его приморские сторонники подготавливали общественное мнение к объединению Боки Которской с Черногорией. В результате их действий, не дожидаясь освобождения г.Котора, представители Черногории, Будвы, Паштровичей и Боки Которской на скупщине в Доброте 29 октября 1813 г. приняли решение об объединении этих земель с Черногорией. Вскоре было сформировано Вече из 41 члена и временное правительство (Центральная комиссия) из 9 представителей Черногории и 9 представителей приморских общин²³⁸. Оба этих представительных органа нового государственного образования республиканского типа возглавил в качестве председателя митрополит Петр I Негош.

Перед новым государственным образованием практически сразу встала острая внешнеполитическая проблема – выбор державы-покровительницы. В некоторых общинах с католическим населением под влиянием религиозных и культурных традиций, деятельной агитации австрийских агентов, направленной на вхождение Боки Которской и всего Приморья в состав Австрийской империи, существовали проавстрийские настроения. За установление в Боке Которской власти Австрии после окончания войны с Наполеоном выступали и некоторые бокельцы, входившие в состав Веча и правительства. Центром проавстрийского течения был Пераст. В противовес этому в Которе сформировалась прорусская группировка, возглавляемая Петром I Негошем. Обе группировки действовали через голову правительства, стараясь заручиться внешней поддержкой, австрофильская добивалась этого в Вене, а прорусская рассчитывала на Петербург. В ноябре 1813 г. Петр I Негош направил письмо Александру I, в котором он уведомлял императора об освобождении Боки Которской и, заверяя царя в своей преданности России, просил признать объединение Черногории с Бокей Которской. Митрополит также просил царя принять новое государственное образование в свое владение, либо, если это невозможно, переселить в Россию желающих черногорцев²³⁹. Эти действия Петр I Негош предпринимал втайне от правительства и лидеров проавстрийской группировки, которые в свою очередь также тайно направили представителя католических общин Боки к австрийскому императору Францу-Иосифу I с прошением считать их своими подданными, а Боку Которскую – австрийской провинцией²⁴⁰.

Петра I Негоша интересовали не только масштабные международные проблемы, но и дела внутренние, которые он старался решить с помощью российского эмиссара капитана П.Н. Никича. Посланный П.В. Чичаговым в Боку Которскую для организации выступления славянских народов против французов, Никич по предложению митрополита возглавил черногорско-бокельские отряды, а после окончательного освобождения Боки Которской стал ее губернатором. В короткий срок он сумел оживить морскую торгов-

лю, наладить охрану населения, создать пограничную стражу и добиться нормализации отношений с турецкими соседями²⁴¹. Вновь, как и в 1806-1807 гг., над Котором реял русский флаг, который, как и прежде, вызывал крайнее раздражение австрийцев. Деятельность Никича вызывала неприязнь у турецкого и австрийского правительств. Австрийский генерал Томашич трижды пытался ввести войска в Боку Которскую и оккупировать ее, но Никич «силою и внушением» выдворил австрийцев, сумев в этой весьма деликатной ситуации избежать возникновения конфликта между двумя союзными империями²⁴². Организаторская деятельность П.Н. Никича, которая, по словам Петра I Негоша, помогла «превозмогнуть и уничтожить великие опасности», заслужила самую высокую оценку митрополита²⁴³.

Все же существовавшая неопределенность в статусе никем не признанной в Европе объединенной Черногории и Боки Которской не позволяла радикально решать все жизненно важные проблемы, вселяла неуверенность в действия руководства. В январе и феврале 1814 г. Петр I Негош вновь письменно обращается к царю и высшим сановникам Российской империи с просьбой решить вопрос о Боке Которской, но ответа не последовало. Лишь в конце февраля через российского посла в Вене Г.О. Штапельберга митрополит был оповещен, что решение вопроса о судьбе Боки Которской откладывается до заключения мирного договора²⁴⁴.

Положение, сложившееся вокруг Боки Которской, доставляло изрядное беспокойство русскому правительству, ставило его в затруднительную ситуацию. В силу заключенных в 1813 г. соглашений, главной целью которых было привлечение Австрии к антинаполеоновской коалиции, Бока Которская должна была отойти к Австрии, но нахождение там черногорцев и тем более объединение их с приморцами в единое государство – все это усложняло ситуацию и требовало специального решения. Александр I определил свое отношение к этому вопросу еще 28 февраля (12 марта) 1814 г., когда в Шомоне, на своей Главной квартире, написал письмо к Петру I Негошу, извещая его о передаче Боки Которской в руки Австрии. Митрополиту же и черногорцам царь советовал вернуться в свои пределы²⁴⁵. Однако это письмо не было отправлено, а посланец Петра I Негоша С. Пламенац был вынужден задержаться во Франции до лета 1814 г.

В апреле 1814 г., находясь в Париже, С. Пламенац направил письмо Александру I, в котором от имени митрополита просил императора принять объединенную Черногорию и Боку Которскую в российское подданство. В случае невозможности этого варианта Петр I Негош желал заручиться покровительством России, присоединив к Черногории и Боке Которской «малую частицу земли» Канавле, ранее принадлежавшую Дубровнику. Граница нового государства устанавливалась по небольшому городку Старая Рагуза²⁴⁶. Тем временем и П.Н. Никич из Котора письменно обратился к Александру I, заверяя императора, что объединенные в единую нацию черногорский и бокельский народы живут одной надеждой обрести покровителя в лице Александра I, спасителя Европы. Никич также отмечал, что митрополит и все «начальство народное» возложили на него исполнение обязанностей главного военачальника и что он уже приступил к выполнению своих обязанностей при Центральном правительстве, уделяя в первую очередь внимание решению пограничных вопросов с турецкими владениями²⁴⁷.

В это время русское правительство было крайне обеспокоено судьбой сербских вождей, участников восстания 1804-1813 гг., которые после поражения от турок вынуждены были укрываться в австрийских владениях. Сербь-беженцы стремились к выезду в Россию, но венский двор чинил всяческие препятствия этому. Русское правительство напрямую увязывало вопрос о передаче Боки Которской с решением вопроса о выезде сербов в Россию и возврате им конфискованного австрийскими властями имущества. Переговоры по этому вопросу велись весной 1814 г., и, ожидая их положительного результата, Александр I уклонялся от ответа на письмо черногорского митрополита. Лишь после разрешения выезда сербов в Россию Александр I 20 мая (1 июня) 1814 г. подписал письмо Петру I Негошу (точную копию февральского послания), в котором сообщал о решении союзных держав передать Боку Которскую Австрии²⁴⁸.

Однако Петр I Негош получил это письмо не сразу, поскольку С. Пламенац, первым из черногорцев узнавший это крайне огорчительное для его страны известие, отправился из Парижа в Вену. Здесь, во время работы Венского конгресса, С. Пламенац предпринял попытку изменить ситуацию с Бокой Которской. Он письменно обращался к Александру I с просьбой не отдавать Боку Которскую Австрии, поскольку, как настаивал эмиссар митрополита, венский двор не имеет права на эту провинцию, не относящуюся к Далмации и освобожденную от французов ратными успехами черногорцев²⁴⁹. Однако все было тщетным, Александр I был непоколебим, и С. Пламенац в начале сентября вернулся в Черногорию, где и вручил Петру I Негошу майское письмо царя.

Между тем Бока Которская уже находилась в австрийских руках. Еще в начале июня генерал Милутинович по предписанию своих властей во главе военного отряда из 3600 человек и при поддержке 15 кораблей вторгся в Боку Которскую. Тем самым он нарушил данное Петру I Негошу обещание не предпринимать каких-либо действий до получения им решения царя о судьбе Боки. Поверив австрийскому военачальнику, Никич сократил крепостные гарнизоны и ослабил охрану пограничной зоны. Неожиданно атакованный с суши и моря, гарнизон Котора 10 июня 1814 г. вынужден был капитулировать, а на следующий день черногорцы и митрополит вернулись в Черногорию²⁵⁰. Черногорцы были готовы силой оружия вернуть Боку Которскую, но по настоянию Петра I Негоша, дожидавшегося ответа от Александра I, не вступили в борьбу с австрийцами. Возвращение С. Пламенаца с ответом царя перечеркнуло все надежды Петра I и черногорцев на воссоединение с Бокой Которской и другими приморскими территориями.

В отечественной и югославской историографии как ранее, так и сейчас существуют различные оценки отказа Александра I признать объединение Черногории с Приморьем в единое государство. П.А. Ровинский видел в этом непоследовательность и бесхарактерность русского правительства²⁵¹. Й. Бойович считал этот акт «огромной исторической несправедливостью»²⁵². В этом с ним можно согласиться. В. Джорджевич полагал, что победителю Наполеона Александру I хватило бы «одного слова», чтобы объединить Боку Которскую с Черногорией и создать независимое государство²⁵³. Аналогичных взглядов придерживался и Д. Вуксан, считавший, что «одного росчер-

ка пера» Александра I было бы достаточно для объединения Боки и Черногории и тем самым выхода последней к морю²⁵⁴. Подобные варианты не следует абсолютно игнорировать, как гипотетические они имеют право на существование. Могло же, например, русское правительство официально заявлять, что положительное для Австрии решение вопроса о Боке Которской напрямую связано с судьбой сербов-беженцев. Возможно, но лишь сугубо теоретически предположить, что Россия, пойдя на какие-либо территориальные компромиссы с Австрией в другой части Европы, в конкретных условиях 1814-1815 гг. сумела бы отстоять интересы Черногории. Так во всяком случае полагали некоторые лица из окружения черногорского митрополита. Свидетельством тому служит проект создания славяно-сербского государства, предложенный в феврале 1814 г. на рассмотрение министра иностранных дел Н.П. Румянцева бывшим секретарем Петра I Негоша Д. Владевичем. Этот «прожектец» (так его именовал сам Владевич) предполагал закрепить за Россией Далмацию, Дубровник, Боку Которскую, Ионические острова, а также Галицию и Буковину. В качестве компенсации Владевич предлагал расширить австрийские владения за счет Венеции и Нидерландов, а в германских землях присоединить к Австрии «какую-нибудь Швабию». Кроме того, по мнению Владевича, за истребление сербов Россия имела право принять под свое покровительство Сербию, Болгарию и Северную Албанию²⁵⁵. Разумеется, в такой фантастической комбинации и Черногория могла извлечь для себя пользу, заполучив не только Которскую область, но и Дубровник, что входило в дальние планы Петра I Негоша.

Подобные наивные «прожекты», нацеленные на то, чтобы перекроить значительную часть Европы, строились на представлении о безграничных возможностях России, победительницы Наполеона. Они не могли всерьез восприниматься русским правительством и самим Александром I.

Безусловно, гораздо менее масштабное государственное образование Боки Которской с Черногорией под русским покровительством давало России возможность создать мощный военный форпост на Адриатическом побережье, где Которский залив мог служить идеальным пристанищем для русского флота. Все это было проверено на практике еще в 1806-1807 гг. Вместе с тем в Петербурге не могли не осознавать и тех больших отрицательных последствий для России, которые неизбежно проявились бы в случае реализации этого плана. В первую очередь, несомненно, ухудшились бы русско-австрийские отношения. Австрия вынужденно терпела русское влияние в изолированной от моря Черногории, согласилась под давлением обстоятельств терпеть присутствие русских войск и флота на Адриатике в 1806-1807 гг. Однако в новых условиях посленаполеоновской Европы подобная ситуация становилась для венского двора неприемлемой. У Австрии было достаточно сил воспротивиться русскому проникновению в этот регион. Поскольку после победы над Наполеоном Австрия не только сохранила, но и усилила свои позиции в Центральной и Южной Европе, к тому же за ее спиной стояла Англия.

Британия, чей флот безраздельно господствовал в Средиземном море, также не собиралась уступать или делиться своим преобладанием в Средиземноморье. Наоборот, Венский конгресс отдал под протекторат Британии Ионические острова, бывшие опорной базой русского флота, и правительство России под давлением обстоятельств пошло на это²⁵⁶.

Объединение Черногории с Бокой Которской создало бы обостренную ситуацию и в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство никогда не признавало независимости Черногории и лишь вынужденно терпело фактическое покровительство России над ней. Расширение границ Черногории к морю делало этого естественного врага Порты соседом в турецких приморских владениях. Порта, даже в силу необходимости сохранения международного престижа, могла предъявить свои претензии на новое государственное образование. Как следствие всего этого здесь мог возникнуть сложный клубок русско-австрийско-британско-турецких противоречий.

Возможность возникновения подобного рода ситуации понимали в западноевропейских столицах. Поэтому не только Англия и Австрия, но даже побежденная Франция, еще до начала работы Венского конгресса, настроились решительно добиваться международного признания статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке, рассчитывая тем самым сковать на ближайшее время возможную активность России в этом регионе. Таким образом, то, что было возможным в годы борьбы против общего врага Наполеона, становилось неприемлемым в годы мира. Западные державы не были намерены возвращать России утраченные ею военно-морские базы в Средиземноморье. Не имея же их, Россия, даже если бы и пожелала, не могла оказать помощь Черногории в удержании Боки Которской.

В судьбе Боки Которской нашло отражение соотношение сил великих держав в их борьбе за преобладание в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье. Кроме того принципы легитимизма и баланса сил в Европе, провозглашенные победителями Наполеона, позволяли западным державам сдерживать Россию в ее попытках укрепиться в этих регионах. Идеология Священного союза вступала в противоречие с интересами европейских народов, боровшихся за свое национальное освобождение, создание самостоятельных государств, возвращение некогда утраченных территорий. По справедливому замечанию И.С. Достяна, правительство Александра I вместе с другими европейскими кабинетами несло ответственность за проведение такой политики²⁵⁷.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что у России в Европе были проблемы, несравненно более значимые для ее внешней политики, чем объединение Черногории с Бокой Которской. Например, тот же важнейший для нее польский вопрос не мог быть решен без участия Австрии. Поэтому царское правительство шло на компромиссы и уступки Австрии в других менее важных делах.

В Черногории, где хитросплетения большой европейской политики были неведомы, известие о передаче Боки Которской Австрии восприняли как трагедию. Черногорцы и Петр I Негош были явно обижены и разочарованы тем, что их заслуги в борьбе против французов и проявленная при этом преданность России не были оценены по достоинству. В письме к царю от 26 сентября (8 октября) 1814 г. митрополит откровенно сетовал на это и одновременно жаловался на притеснения со стороны Австрии, которые явились следствием усердия и верности черногорцев России²⁵⁸. С этим письмом к Александру I был направлен П.Н. Никич, но это обращение не принесло результата. Петр I Негош возлагал опре-

деленные надежды на Венский конгресс. В австрийской столице тот же Никич получил аудиенцию у Барклая де Толли, но вскоре убедился, что судьба Черногории не интересует участников конгресса, которые из-за острых разногласий предпочли вообще не обсуждать проблемы, связанные с Восточным вопросом. Из Вены Никич направился в Лондон, рассчитывая заинтересовать английское правительство делами Черногории, но и здесь его постигла неудача²⁵⁹. Всего лишь годом раньше англичане, как уже отмечалось, заинтересованные в военных силах черногорцев в борьбе против французов за Которскую область, обещали многое, в том числе и объединение Черногории с Бокой Которской. Но прошло время, ситуация изменилась, отпала нужда в черногорцах, и в Лондоне предпочли забыть о своих обещаниях. Так Черногории пришлось пережить еще одно разочарование, на сей раз виновницей этого была Великобритания.

Военная и дипломатическая борьба за Боку Которскую в 1813-1814 гг. потребовала от Черногории напряжения всех сил народа, больших военных и финансовых затрат, но все оказалось тщетным. Страна вновь оказалась в изоляции, без выхода к морю, во враждебном окружении австрийских и турецких соседей.

§3. Русско-черногорские отношения от Венского конгресса до Адрианопольского мира и окончания правления Петра I Негоша

Оставшись одна, без эффективной внешней поддержки и материальной помощи, Черногория не была окончательно сломлена, но внутреннее ее положение ухудшилось. Вновь, как всегда случалось в наиболее критические моменты истории Черногории, усилился племенной сепаратизм, пал авторитет Петра I Негоша и возобновились попытки губернаторского семейства Радоничей сконцентрировать власть в своих руках. Однако внутренние проблемы и трудности не сломили черногорского митрополита, по-прежнему стремившегося к активной внешнеполитической деятельности. И снова Россия, несмотря на все обиды и разочарования, оставалась в центре внешнеполитических акций митрополита. Россию никак не могла подменить Турция, этот извечный враг Черногории. Черногория в целом, несмотря на существовавшие некоторые протурецкие настроения в соседних с османскими владениями племенах, не желала никоим образом воспринимать даже саму идею османского владычества, не говоря уже о ее конкретном воплощении. Австрия, благодаря которой Черногория лишилась выхода на адриатическое побережье, являлась ближайшей соседкой, с которой следовало отрегулировать отношения, также не могла игнорироваться черногорскими властями. Поэтому еще в 1815 г. черногорские старейшины на скупщине приняли обязательство не нарушать границы с Австрией. Вместе с тем претензии Австрии на некоторые приграничные территории, прежде всего монастыри Маине и Станевичи, не позволяли надеяться на быстрое улучшение черногорско-австрийских отношений. Австрия не рассматривалась черногорским руководством как дружественное государство. Даже Радоничи, чье влиятельное семейство в основном придерживалось проавстрийской ориентации, с 1815 г. какое-то время делали ставку на Россию.

Петр I

**Митрополит Данило
Петрович Негош**

**Митрополит Сава
Петрович Негош**

Елизавета Петровна

**Митрополит Василий
Петрович Негош**

Петр III

Екатерина II

Г.А. Потемкин

Катаро

Черногорка

Ю.В. Долгоруков

Василий Бркич

**Митрополит Петр I Петрович
Негош**

Павел I

Александр I

Наполеон I

М.К. Ивелич

Д.Н. Сенявин

Черногорцы

Возвращение черногорцев после боя

А.А. Чарторыйский

Огюст Фредерик Мармон

Николай I

**Митрополит Петр II Петрович
Негош**

Черногорская гвардия

Вид на Которский залив

К.В. Нессельроде

Клеменс Меттерних

Й.М. Гагич

Князь Данило Петрович Негош

Бой черногорцев с турками

Раненый черногорец

Е.П. Ковалевский

Омер-паша Латас

Александр II

А.М. Горчаков

Цетинский монастырь

Монастырь Василия Острожского

Тяжелое экономическое положение страны усугублялось частыми урожаями, которые привели Черногорию к голоду. Бедность материальных ресурсов не позволяла надеяться на свои внутренние возможности. Поэтому даже при столь малой численности населения во второй половине 1810-х гг. переселенческая политика стала важным направлением внешнеполитической деятельности черногорского руководства.

По-прежнему ориентируясь на Россию, Петр I Негош обращался к русскому правительству, видным государственным деятелям с просьбами о переселении черногорцев в Россию. В апреле 1815 г. П.Н. Никич по поручению митрополита представил посланнику в Испании Д.П. Татищеву проект переселения черногорцев в Россию. Реализация этого плана требовала, по мнению Никича, прояснения 3 основных вопросов: 1) станет ли переселение черногорцев полезным делом для России; 2) какое место в России явилось бы наиболее благоприятным для расселения черногорцев; 3) каким образом организовать переселение черногорцев. Д.П. Татищев с энтузиазмом воспринял идею переселения черногорцев в Россию. По его мнению, Россия могла бы принять 20-25 тысяч семей черногорцев и расселить их в Бессарабии, а переселение, считал посланник, можно было осуществить через австрийские или турецкие владения²⁶⁰.

Такое крупномасштабное переселение оголило бы всю Черногорию и оставило ее беззащитной перед внешним неприятелем. Кроме того на его реализацию требовались большие финансовые средства, возможны были и дипломатические осложнения с Турцией и Австрией, что не отвечало интересам русского двора. Поэтому в Петербурге этот план не встретил поддержки.

Несмотря на отсутствие положительного ответа Петр I Негош на свой страх и риск отправил в Россию 16 черногорских семей во главе с братом губернатора Дж. Радоничем, которые в августе 1815 г. через Константинополь прибыли в Одессу. Обстоятельства их поселения освещены в отечественной и югославской литературе²⁶¹. Однако архивные данные позволяют внести уточнения в количественный состав переселенцев и их национальную принадлежность. Известно, что в июле 1815 г. Петр I Негош отправил в Россию 85 жителей села Хумац²⁶². Однако в Одессу прибыло уже 90 переселенцев²⁶³. В списке переселенцев, составленном годом позже, указано, что количество переселенцев составляет цифру в 87 человек (42 лица мужского пола и 45 женского), включая сюда 2 дезертиров-поляков из австрийской армии²⁶⁴. Таким образом, к 85 черногорцам-хумцам, безусловно, с ведома Дж. Радонича, примкнуло в пути еще 5 человек, которые в 1815 г. были все без исключения представлены как черногорцы. Остается только добавить, что поляки-дезертиры в 1816 г. выразили согласие вместе с черногорцами перейти в казачье сословие, а трое человек неизвестной национальной принадлежности, из числа прибывших в Одессу, бесследно растворились в российских просторах.

В связи с этим переселением прослеживаются и другие интересные сюжеты из истории российско-югославянских отношений и даже отчасти югославянско-французских. Направляя черногорцев в Россию, Петр I Негош возлагал надежды на помощь переселенцам со стороны генерал-губернатора Одессы герцога Э.О. Ришелье, о чем его митрополит письменно уведомил²⁶⁵. Отправляя письмо, Петр I Негош не знал, что Ришелье в 1814 г. вернулся во Францию, где вскоре стал премьер-министром и министром

иностранных дел. Однако митрополит был осведомлен, что Ришелье на посту генерал-губернатора Одессы и Новороссийского края (1803-1813 гг.) оказывал всестороннюю помощь и поддержку переселенцам из славянских земель, в том числе и герцеговинцам, прибывшим в Россию в 1804 г. во главе с Миной Никшичем. Любопытно заметить, что, вернувшись на родину, Э.О. Ришелье не забывал герцеговинских переселенцев, с некоторыми из которых у него сложились не только хорошие отношения по службе, но и личные. Так, в 1818 г. Ришелье из Парижа направил капитану Б. Никшичу письменное свидетельство о крещении его новорожденного в 1804 г. сына Матвея. В сопроводительном письме виднейший государственный деятель Франции выражал пожелание, чтобы его крестник «имел всевозможные успехи в науках и службе»²⁶⁶. Заметим, что обряд крещения М. Никшича совершал протоиерей А.А. Самборский, известный российский общественный деятель, поборник освобождения балканских народов с помощью России. Он в это время возвращался из Австрии и посетил юг России, где встречался с югославянскими колонистами. Крестной же матерью Матвея Никшича стала генерал-майорша Попандополо, муж которой генерал-майор Э.Г. Попандополо был в дальнейшем активным участником кампании 1806-1807 гг. на Адриатике. Всю свою жизнь он посвятил службе в русской армии и умер в 1810 г. от ран, полученных при сражении с турками.

В Петербурге пожелание Петра I Негоша было учтено, и переселенцы были приписаны к Бугскому казачьему войску. При этом в правительстве учитывали, что земледельческий труд был малопривлекательным занятием для черногорцев, больше привыкших к ратному делу, нежели к званию колонистов-земледельцев²⁶⁷. Однако служба в казачьем войске не удовлетворяла черногорцев-переселенцев. В 1817 г. они обратились с просьбой поселить их среди «славяно-сербских» колонистов Тираспольского уезда Херсонской губернии. Свое пожелание черногорцы мотивировали тем, что Бугское казачье войско, состоящее из улан, не соотносится с привычным им образом жизни²⁶⁸. В октябре 1817 г. Александр I удовлетворил их просьбу, но черногорцы были поселены в Одесском уезде Херсонской губернии, где основали поселенье Цетинье. Все это время Петр I Негош не забывал о своих соплеменниках, переселившихся в Россию, проявляя интерес к их судьбе. Так, в 1824 г. он просил новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова покровительствовать черногорцам, поселившимся в «Терез-Польском уезде (Тираспольском, хотя черногорцы жили уже в Одесском уезде – Ю.А.)» и другим соотечественникам, находившимся под его ведомством²⁶⁹. В ответном письме русский сановник давал самую лестную оценку черногорцам как ближайшим соплеменникам россиян, заверял митрополита, что будет оказывать особое внимание черногорцам, переселившимся в Новороссийский край²⁷⁰.

Проводимая русским правительством переселенческая политика требовала больших финансовых затрат, поскольку переселенцы из югославянских земель чаще всего пребывали малоимущими или даже совсем без каких-либо средств, как, например, черногорцы. Поэтому сразу же по прибытии в Одессу они получили денежную помощь на все 16 семейств в размере 5 тысяч рублей²⁷¹, но этого явно не хватало. Достаточно сказать, что только на строительство одного дома требовалась сумма в 400 рублей, но были

и иные необходимые расходы. Министр внутренних дел О.П. Козодавлев полагал, что пособие на одну семью должно составлять сумму примерно в 1 тысячу рублей, поэтому он предлагал принимать из Черногории не более 50-100 семейств в год²⁷².

В круг задач Дж. Радоница входили не только проблемы, связанные с эмиграцией черногорцев в Россию, но и попытка установления тесных политических и военных контактов, аналогичных тем, какие существовали ранее, в 1806-1807 гг. В декабре 1815 г. Дж. Радонич, приехав в Петербург, подал в МИД специальный меморандум, состоявший из 11 пунктов²⁷³. Радонич в первую очередь предлагал план военной помощи черногорцев России в случае войны с Турцией, слухи о возможном начале которой распространились в это время. Черногорцы готовы были принять активное участие в борьбе против турок на Балканах. Радонич также выражал надежду на образование «княжества Сербского» с включением в него черногорцев, герцеговинцев, боснийцев и албанцев. Это государственное образование должно было, по мнению Радоница, находиться под управлением своей «матери-России». Эти планы могли быть реализованы только при условии войны между Россией и Турцией. В случае же сохранения мира Радонич просил оказать финансовую помощь для реализации проекта государственного устройства Черногории, разработанного в 1805 г. при участии С.А. Санковского. Кроме того он просил вновь открыть русское консульство в Которе и продолжить выплату установленной Павлом I ежегодной денежной субсидии (1 тысячу червонцев), выдача которой была приостановлена после Тильзитского мира. Помимо всего этого меморандум содержал просьбу о переселении 500 семей черногорцев в Россию.

Это прошение Дж. Радоница, по-видимому, согласованное с Петром I Негошем и губернатором В. Радоничем, рассматривалось в МИДе, но ответ был отрицательным. Руководство Черногории, обращаясь с такими просьбами в Петербург, пыталось вновь воссоздать ту систему русско-черногорских отношений, которая существовала перед Тильзитским миром. В Цетинье никак не хотели воспринимать тех изменений, какие произошли в международной обстановке, во внешней политике царского правительства после победы над Наполеоном и результатов Венского конгресса. Политику Александра I не могли поколебать страстные призывы и просьбы «благопризреть» Черногорию, с которыми обращался к царю и сам Петр I Негош²⁷⁴. Правительство Александра I не желало обострять отношений с Турцией и Австрией и тем более с кем-либо воевать. Обо всем этом было прямо заявлено Радоницу и подчеркнуто, что залог благополучия Черногории состоит в мирных отношениях с соседними государствами²⁷⁵.

Отрицательный ответ, полученный в Петербурге, не заставил черногорское руководство отказаться от надежды на помощь со стороны России. Случай для этого представился в 1817 г., когда митрополит без ведома Петербурга направил в Россию новую партию переселенцев в количестве 835 человек во главе со своим племянником Станко Петровичем и Иваном Шпадиером. В инструкции С. Петровичу митрополит предписывал добиваться от русских властей поселения черногорцев на добротной земле со здоровым климатом со всеми привилегиями иностранных

колонистов. Кроме того, в наставлениях митрополита своему племяннику содержалось указание, связанное с прояснением вопроса о судьбе государственной субсидии Черногории, а также пожелание заручиться поддержкой обер-прокурора Синода князя А.Н. Голицына для получения большого количества боеприпасов из России и двух типографий с гражданским и церковным шрифтом²⁷⁶.

Плавание переселенцев на кораблях до турецкой столицы, откуда черногорцы намерены были продолжить путь в Одессу, проходило в чрезвычайно сложных условиях. Скоро кончились запасы хлеба, и переселенцам пришлось питаться сырой пшеницей, начались болезни, и 24 человека (в основном дети и старики) умерли на пути в Стамбул²⁷⁷. Прибытие черногорцев оказалось полнейшей неожиданностью для российского посла Г.А. Строганова, оказавшегося в связи с этим в затруднительном положении. С одной стороны он не имел права на выдачу пособия для переселенцев, но с другой – крайне бедственное положение переселенцев заставило российского дипломата снабдить черногорцев деньгами, продовольствием, медикаментами и проездными документами до Одессы²⁷⁸. Как несколько позже отмечалось на заседании кабинета министров, сделано это было с целью, чтобы отказом от принятия черногорцев не произвести неприятного впечатления в стране преданной России²⁷⁹. Это волевое решение Г.А. Строганова, принятое без какого-либо согласования с МИДом, было полностью одобрено царем. Александр I отдал повеление о принятии черногорцев в Россию и об отводе им земли и предоставлении «нужных пособий» для первоначального обзаведения хозяйством²⁸⁰. Вице-канцлер К.В. Нессельроде полагал, что денежные суммы, затраченные на переселенцев, окупятся развитием сельского хозяйства в Крыму, где первоначально предполагалось поселить черногорцев²⁸¹. Однако корабли с черногорцами-переселенцами так и не попали в Одессу. Плохие погодные условия не позволили быстро и скрытно от турецкого правительства переправить черногорцев к российским берегам. О присутствии черногорцев в Стамбуле узнали турецкие власти. Порта потребовала объяснений от Г.А. Строганова и выдачи черногорцев как ее подданных. Опасаясь за безопасность и свободу черногорцев, посол вынужден был отправить их на родину²⁸². Все издержки по провозу и снабжению переселенцев были оплачены русским правительством, они составили более 94 тысяч пиастров.

После того, как попытка осуществить переселение такой крупной партии черногорцев закончилась безрезультатно и едва не привела к дипломатическому конфликту с Портой, русское правительство решило отказаться от регулярной переселенческой политики в отношении черногорцев. Черногорские депутаты С. Петрович и И. Шпадиер, сопровождавшие переселенцев, а затем прибывшие в Петербург с политическим поручением Петра I Негоша к русскому двору, были уведомлены об этом. Отклонены были и другие просьбы митрополита, касающиеся покровительства России над Черногорией, присылки туда русского чиновника для руководства государственными делами страны, выделения денежных сумм на государственные нужды и т.п.²⁸³ Одновременно безрезультатно закончилась и самостоятельная акция губернатора В. Радоница, соперничество которого с Петром Негошем чрезвычайно обострилось в 1817 г., через своего

эmissара Луку Пейовича повлиять на русское правительство и добиться отстранения митрополита от власти²⁸⁴. Многочисленные обращения с черногорской стороны к Александру I и русским сановникам, прибытие черногорских представителей в Россию – все это заставило российское руководство в начале 1818 г. специально рассмотреть вопрос о русской политике в отношении Черногории. При этом были обойдены молчанием важнейшие просьбы Петра I Негоша, и все практически свелось к возможности периодической эмиграции черногорцев в Россию (раз в 10 лет) по согласованию с Австрией и согласия на открытие, в перспективе, в Которе русского консульства²⁸⁵. На практике все это так и не было реализовано.

Правительство Александра I, соблюдая верность принципам Священного союза, проявляло осторожность в политических отношениях с Черногорией, но разрывать их полностью оно не было намерено. Не желая осложнять отношения с Турцией и Австрией, царское правительство воздерживалось от прямой помощи черногорцам, вынуждено было отказывать многим их просьбам. Вместе с тем в 1817 г. Петру I Негошу была назначена личная ежегодная пенсия в 300 дукатов. Не прерывались церковные контакты по линии Синода. Так, в феврале 1816 г. митрополит обратился с просьбой о выдаче денег на Цетинский монастырь из «палестинских сумм» Синода за прошедшие десять лет и на последующие шесть лет, и его просьба была удовлетворена²⁸⁶. Царское правительство практически отказалось от политики массового переселения черногорцев, но единичные случаи поселения их в России не встречали препятствий. Так, в 1819 г. в Россию переселился черногорец М. Княжевич (Кнежевич), затем привезший и своих родственников. Он был активным участником боевых действий на Адриатике в 1806-1807 гг. При освобождении от французов о. Корчула был ранен. Его усердие по службе, деловые и боевые качества были отмечены аттестатами Д.Н. Сенявина и С.А. Санковского. М. Княжевичу и его родне была выделена земля в Тираспольском уезде Херсонской губернии. В 1830 г. Княжевичу и его родственникам было пожаловано российское дворянство, а в 1845 г. именным указом Николая I их земельные наделы стали наследственными до тех пор, пока никого в России «из рода переселившихся Княжевичей в живых не останется»²⁸⁷.

Однако на межгосударственном уровне отношения складывались не лучшим образом для Черногории. Петр I Негош упорно добивался от правительства Александра I официального признания покровительства со стороны России над Черногорией. Рассчитывая на это, он даже выдавал отправляющимся за границу черногорцам паспорта от имени русского правительства с российским гербом. Г.А. Строганов, действуя согласно полученной инструкции, заверял митрополита в расположении Александра I к Черногории. Вместе с тем он обращал внимание Петра I Негоша на то, что Россия не может распространять покровительство «до степени не сообразной с существующими трактатами», и подчеркивал, что ни в одном договоре, заключенном между Россией и европейскими государствами, не определяются отношения Черногории к Российской империи²⁸⁸. Таким образом «единоверным и единоплеменным» черногорцам еще раз дали понять, что их расчеты на резкую активизацию русско-черногорских взаимоотношений нереальны в условиях новой системы европейских отношений. Судя по той ситуации, которая сложилась с черногорцами-переселенцами в 1817 г., Александр I готов был

искренне помочь им переселиться в Россию, но только без риска возникновения осложнений с Портой. Не желало русское правительство из-за Черногории портить отношения и с венским двором.

В начале 1819 г. в Цетинье прибыл чиновник российского МИДа, далматинец по происхождению Лазарь Павкович. Задачи и результаты его миссии подробно исследовала И.С. Достян²⁸⁹. Л. Павкович был направлен Г.А. Строгановым с целью собрать сведения о Черногории и Далмации, произвести денежные расчеты с митрополитом и уладить деликатную ситуацию с выдачей заграничных паспортов Петром I Негошем по образцу российских. В письме и секретном «препоручении», направленных Строганову через Павковича, митрополит информировал российского посланника об опасности, грозившей его стране со стороны Северной Албании и Австрии, и просил предоставить для защиты большую партию оружия и боеприпасов. Владыка, перечисляя заслуги черногорцев перед Россией, все еще надеялся, что Александр I будет «защитителем» Черногории, и отмечал, что утверждение К.В. Нессельроде (в его письме к Петру I Негошу от 22 февраля 1818 г.²⁹⁰) о праве Австрии покровительствовать Черногории привело его в уныние и он не решился объявить эту печальную весть народу²⁹¹. Митрополит опять добивался назначения российского консула в Котор, рассчитывая тем самым укрепить и свой авторитет, а также престиж России в глазах черногорцев. Это было тем более необходимо, поскольку жители приморской общины Доброты от имени австрийского правительства настойчиво склоняли некоторых черногорских старейшин перейти в австрийское подданство²⁹².

Налаживание нормальных, добрососедских отношений с Австрией являлось одной из важнейших внешнеполитических задач черногорских властей. Еще в 1816 г. Петр I Негош предлагал создать совместный с представителями австрийских властей Боки Которской единый судебный орган для разрешения пограничных споров и конфликтов. Аналогичное постановление приняла и состоявшаяся в августе 1817 г. скупщина²⁹³. Эти предложения черногорских властей не были приняты австрийскими чиновниками. Вместе с тем австрийское правительство проявляло заинтересованность в поддержании спокойствия на границе с Черногорией. В 1819 г. К. Меттерних представил специальный доклад императору Францу I, в котором были сформулированы задачи политики Австрии в отношении Черногории. Министр иностранных дел (с 1821 г. К. Меттерних станет и канцлером) утверждал, что Черногория является частью Османской империи, которая благодаря своему выгодному географическому положению до сих пор нарушает свои вассальные обязательства в отношении Порты. По мнению Меттерниха, черногорцы являются мятежными подданными султана, на которых можно воздействовать либо уговорами, либо силой. Отсутствие достаточного количества войск в Далмации делает бесперспективной политику принуждения черногорцев к миру, поскольку это грозит «малой войной». Поэтому лучше действовать, прибегая к обещаниям и уговорам²⁹⁴. Однако на австро-черногорской границе по-прежнему продолжались межевые споры, которые приводили к ежегодным человеческим жертвам с обеих сторон. Не разрядили до конца обстановку и действия австро-черногорской комиссии по разграничению, начатые в 1820 г. С австрийской стороны ее возглавил граф Кабога, который так и не сумел закончить дело надлежащим образом²⁹⁵.

Австрия считала Черногорию входящей в состав Османской империи и не стала бы вступать в какой-либо острый конфликт с Портой из-за нее. Вместе с тем она претендовала на некоторые черногорские пограничные территории, относя их к числу своих далматинских владений, и подогревала в них проавстрийские настроения, прежде всего в Црмницкой нахии. Кроме того Австрия постоянно стремилась заменить русское влияние в Черногории своим.

Все старания Петра I Негоша добиться признания Европой независимости Черногории от Порты, обрести статус государства, официально находящегося под покровительством России, не достигали результатов. Риторические заклинания и эмоциональные призывы черногорского владыки, напоминания о заслугах черногорцев перед Россией, обращения других политических деятелей к русскому двору не находили и не могли найти положительный отклик в Петербурге. Известный американский государственный деятель, историк и политолог Генри Киссинджер заблуждается, утверждая, что уже в первые годы существования Священного союза Россия с «жадностью» глядела на славянское население Балкан и была готова к «интервенции» в этом регионе, предотвратить которую удалось благодаря исключительному дипломатическому таланту К. Меттерниха²⁹⁶. Ошибочность подобных суждений убедительно доказана в работах отечественных историков²⁹⁷. В 1816-1820 гг. политика русского правительства в отношении Турции и балканских народов стала более, чем раньше, исходить из условий русско-турецких договоров: Кючук-Кайнарджийского 1774 г., Ясского 1791 г. и Бухарестского 1812 г. В связи с этим акции России в отношении отдельных балканских народов реализовывались в различных формах и методах. Наиболее дипломатически активной она была в Дунайских княжествах и Сербии, где русское правительство пыталось отстоять свое право гаранта автономных привилегий Молдавии и Валахии и добивалось закрепления автономии за Сербским княжеством. Внешне сдержанную политику проводило царское правительство в отношении греков, пассивную в Болгарии и предельно осторожную в Черногории. Таким образом, после Венского конгресса главная цель внешней политики России на Балканах заключалась в упрочении тех успехов, какие были ею достигнуты в ходе русско-турецких войн в прошедшие полстолетия.

Поэтому говорить о каких-либо экспансионистских планах России в отношении Балкан в этот период не приходится. Геополитические интересы России в Европе в то время были сосредоточены на сохранении мира, на поддержании принципа неприкосновенности границ между европейскими государствами, который по аналогии распространился и на владения Османской империи. Однако система статус-кво, как уже отмечалось, вступала в противоречие с интересами балканских народов, боровшихся за свое национальное освобождение и создание самостоятельных государств, а общая заинтересованность России и Австрии в поддержании созданного в Европе баланса сил на время сковала активность России в Восточном вопросе. Австрия, главная соперница России на Балканах, имела реальные возможности оказывать давление на Петербург в делах, касавшихся балканских проблем и Османской империи в целом.

В декабре 1819 г. К.В. Нессельроде в депеше к Г.А. Строганову проинструктировал посланника в Константинополе о позиции русского правительства в черногорском вопросе²⁹⁸. Вице-канцлер поручил Строганову немедленно выплатить пенсию Петру I Негошу, но отказывал в просьбе митрополита о поставке черногорцам боеприпасов, поскольку Россия неправомочна «пещись о безопасности их территории». По мнению Нессельроде, Россия не имела в отношении Черногории никаких прав и обязанностей, и поэтому Петербург отказывался от каких-либо демаршей перед Веной в защиту черногорцев, предлагая это делать самому митрополиту. Назначение русского консула в Котор, о чем также неоднократно просил Петр I Негош, откладывалось на дальнейшее. Не успокоившись на этом, Нессельроде вскоре вновь поручил Строганову разъяснить митрополиту, что Россия не может выступать ходатаем по черногорским делам, поскольку положение черногорцев определено существующими соглашениями²⁹⁹. Тем самым Черногории вновь давали понять, как и в феврале 1818 г., что поскольку она соседствует со славянскими народами бывших Иллирийских провинций, перешедших под власть Австрии, то черногорцы входят в сферу австрийского влияния. Вероятно, тем самым Александр I и его вице-канцлер хотели продемонстрировать своей союзнице Австрии, что принципы незыблемости европейских границ, а следовательно, и сфер влияния для них превыше всего. Однако заметим, что в дальнейшем ни сам Александр I, ни его преемники никогда более не позволяли себе делать такие широкие жесты и поступаться перед Австрией своим влиянием в Черногории.

Игнорирование царским правительством насущных интересов Черногории порождало неверие и скептицизм у Петра I Негоша в отношении России. Это проявлялось и в оценке политики России на Балканском полуострове в целом. Так, в 1822 г. в ответном письме Милошу Обреновичу по поводу перспективы разрыва русско-турецких отношений из-за восстания в Греции митрополит выражал мнение, что дело не дойдет до войны между Россией и Турцией. Одновременно он предупреждал сербского князя, что Греция и Сербия, как и Черногория, могут быть оставлены в жертву врагу, и выражал крайнее разочарование в русской политике в отношении балканских народов³⁰⁰. Не рассчитывая больше на одну Россию, Петр I Негош в 1822 г. решил обратиться за поддержкой к европейским державам. Он направил европейским монархам, собравшимся на Веронский конгресс, обращение, в котором уверял их в лояльности и расположенности к ним своего народа и просил монархов принять Черногорию под их совместную защиту и покровительство, а также добивался содействия в просвещении его родины, утверждения здесь европейских законов и обычаев³⁰¹. Однако это обращение было оставлено Европой без внимания, поскольку в Вероне занимались в основном подготовкой подавления революции в Испании, а также греческим вопросом, проблемы же Черногории никого не интересовали. Эта демонстративная акция, предпринятая Петром I Негошем, не привела к внешнеполитической переориентации страны. Вместе с тем она свидетельствовала об определенном падении русского влияния в Черногории, и не по вине руководства этой страны.

Восточный кризис 20-х годов XIX в., вспыхнувший в 1821 г. с началом греческой национально-освободительной революции, развивался, и это

создавало серьезные проблемы петербургскому кабинету. Россия вначале была готова активно вмешиваться в восточный конфликт и объявить войну Турции, но вскоре из-за враждебной позиции Австрии и Англии отказалась от идеи радикального разрешения греческого вопроса. После Веронского конгресса российское правительство продолжало прилагать усилия к урегулированию греческого вопроса мирными средствами, путем согласованных действий всех союзных держав, но они оказались бесплодными, прежде всего из-за позиции Англии, объявившей в марте 1823 г. о признании греков воюющей стороной. Неожиданный удачный дипломатический ход сент-джеймского кабинета повлиял на политику России, которая в 1824-1825 гг. стала более активной в решении балканских проблем, существенно затрагивающих ее национальные интересы.

Повстанческая Греция стремилась установить политическое и военное сотрудничество с другими балканскими народами, среди которых были и черногорцы. С 1823 г. греческие эмиссары предпринимали неоднократные попытки установить тесные контакты с Петром I Негошем. В 1825 г., когда повстанцы терпели одно поражение за другим, греческое правительство предприняло попытку привлечь черногорских добровольцев к войне против Турции. В Черногорию был направлен специальный эмиссар Павел Македон с поручением греческого правительства убедить черногорское руководство сформировать большой отряд добровольцев для отправки в Грецию. Для доставки волонтеров греческое правительство готово было предоставить свои военные корабли. Оно также обещало, что будет относиться к черногорцам как к своим родным детям и распространит на них все льготы и преимущества, какими пользуются участники войны из природных греков. Петр I Негош относился с большим сочувствием к греческой революции. Однако бедность страны, людских и материальных ресурсов, внешняя угроза рубежам самой Черногории делали эту добровольческую военную акцию невозможной. Поэтому письменный ответ Петра I Негоша, в котором подчеркивалась общность судеб греков, черногорцев и других балканских народов, все же был отрицательным. Таким образом, миссия Павла Македона не дала положительного результата³⁰².

Между тем внутреннее положение Черногории лишь ухудшалось, вновь ожили племенные междоусобицы и кровная вражда, усугублявшиеся повсеместным голодом. На эти беды и «пагубное безначалие» жаловался в Петербург дряхлеющий митрополит, осознававший свое бессилие перед многочисленными проблемами, стоящими перед страной³⁰³. Свои надежды в деле государственного реформирования митрополит возлагал не только на внутренние консолидирующие силы, но и вновь на русское правительство, пытаясь при этом использовать живших постоянно в России черногорцев. Одним из них был Иван Иванович Вукотич, внук известного генерала русской армии Г. Подгоричани, владельца крупного имения на Украине (Богодуховский уезд) и солидного денежного капитала. Через посредничество И. Вукотича, используя его личные связи, митрополит в 1823-1825 гг. письменно обращался к обер-прокурору Синода князю А.Н. Голицыну и управляющему императорской канцелярией А.А. Аракчеву с просьбами о возобновлении государственной субсидии, выплата ко-

торой, как уже отмечалось, была прекращена в 1807 году³⁰⁴. В свою очередь И. Вукотич, получив от Петра I Негоша официальные полномочия ходатая по черногорским делам при русском дворе, самым деятельным образом занялся проблемами Черногории. В 1824 г. в письме к митрополиту И. Вукотич развивал некоторые положения, исходившие по своей сути из проектов конца XVIII в. - первых лет XIX в. и ставшие прообразом тех преобразований, которые начнут при его участии осуществляться в Черногории в начале 30-х годов. И. Вукотич предлагал Петру I Негошу создать Сенат под председательством самого митрополита. Он писал, что только суд и Сенат могут распоряжаться жизнью и имуществом граждан, что каждый черногорец равен перед законом. Обеспечить соблюдение законности и порядка в Черногории должны были военные подразделения (батальоны) по 1 тысячи человек во главе с офицерами. По мнению И. Вукотича, эти преобразования требовали финансовых издержек в сумме 20 тысяч цехинов (по 2 тысячи цехинов в год), и он проявлял готовность финансировать из личных средств предлагаемые им реформы³⁰⁵. Кроме того, И. Вукотич, вероятно, по внушению Петра I Негоша, обратился к князю А.Н. Голицыну с предложением расширить территорию Черногории, присоединив к ней плодородные земли бывшей Зеты, осуществив переселение находящихся там турок за счет русской казны³⁰⁶. В 1825 г. в российское министерство иностранных дел была представлена «Записка о настоящем положении черногорского митрополита Петра Петровича и управляемого им черногорского и брдского народа»³⁰⁷. В ней излагались как собственные мысли Вукотича относительно задач преобразования общественно-политического устройства страны, так и взгляды на эту проблему митрополита. Для установления твердого порядка в Черногории, говорилось в «Записке», требовалось дать народу «гражданское управление», позаботиться о его просвещении. Все нововведения должны делаться с возможным уважением к местным обычаям, а учредительная инициатива должна принадлежать только «соотечественникам» или тем лицам, которых они сами пожелают избрать. Таким образом, черногорцы отходили от идеи привлекать к государственным преобразованиям чиновников из «природных россиян», о чем ранее неоднократно просили. Необходимость совершенствования аппарата управления требовала, по мнению Вукотича, принятия мер, направленных на развитие экономики и торговли. Следовало завести «капитал общественных доходов», ремесленные училища и фабрики. Но важнее всего – расширить государственную территорию, получить выход к морю. Поэтому во внешнеполитическом плане ставилась задача овладения портом Антивари (Баром), через который можно было бы вести торговлю. Вукотич считал также необходимым провести военную реформу и обучать военному делу детей «поглаварей», завести регулярную пограничную стражу, дозорные объезды и т.п., открыть «первоначальное училище» при Цетинской митрополии. Для осуществления этих масштабных преобразований от русского двора требовалось предоставление Черногории единовременного беспроцентного займа в размере 10 тысяч червонцев, а в течение последующих 10 лет – 5 тысяч червонцев. В записке также содержалась просьба о содействии в получении от Австрии денежной компенсации за финансовые издержки, понесенные черногорцами при освобождении Боки Которской от французской оккупации в 1813 г.

В августе 1825 г. о просьбах митрополита было доложено Александру I, и он распорядился возобновить выдачу Черногории государственной субсидии в размере прежней суммы, то есть 1 тысячи червонцев ежегодно, которая в дальнейшем вместе с личной пенсией митрополита регулярно получалась Петром I Негошем через консула в Дубровнике Иеремию (Иеремию) Михайловича Гагича³⁰⁸. Другие просьбы митрополита остались без ответа, а за получением компенсации от Австрии было предложено обратиться к венскому двору. Забегая вперед, заметим, что попытка уже Петра II Негоша получить эти деньги от австрийского правительства в 1845 году закончилась безрезультатно, так как австрийские власти сослались на отсутствие должных документов³⁰⁹.

Таким образом, многолетние ходатайства черногорского руководства перед петербургским двором увенчались частичным, но важным для страны успехом. Восстановление субсидии со стороны России позволило, хотя и не в должной мере, реанимировать ослабевшую деятельность черногорского правительства и судебных органов, которые во второй половине 20-х годов функционировали, руководствуясь законодательством 1798-1803 гг.³¹⁰ Безусловно, этот шаг царя навстречу пожеланиям Черногории объясняется не каким-либо его особым расположением к черногорцам, а общим изменением курса внешней политики России на Балканах. Александр I после безрезультатных переговоров по урегулированию греко-турецкого конфликта с Австрией, Францией и Пруссией в августе 1825 г. окончательно решил действовать единолично в отношении Турции. Это решение царя наносило сильнейший удар по устоям Священного союза. Убедившись в провале курса на умиротворение Турции, Александр I намечал вступление России в войну с ней на весну 1826 г. Однако его смерть в ноябре 1825 г., последовавшее затем междуцарствие и восстание декабристов, наконец, воцарение Николая I, которому еще предстояло определить свое отношение ко многим проблемам империи, – все это на два года отодвинуло войну России с Турцией.

Во время царствования Николая I во внешней политике России преобладали, чередуясь, два направления: 1) борьба с революционными движениями в Европе и 2) попытки разрешить проблемы, связанные с Восточным вопросом. Борьба с революционным движением станет актуальной для царизма в 30-40-е годы, вначале же центральное место заняли проблемы восточной политики. Уже во время первой беседы с французским послом графом Э. Сен-При Николай I произнес слова, встревожившие многие европейские кабинеты: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело... Если все мои союзники не будут в единомыслии и добросовестно стремиться к одной и той же цели – скорейшему окончанию этого дела, то они вынудят меня приняться за него и совершить его одному...»³¹¹.

С восшествием на престол Николая I русско-черногорские отношения первоначально не претерпели радикальных изменений в лучшую сторону. Однако развитие Восточного кризиса в связи с продолжавшейся борьбой греков за независимость, последовавшее затем вовлечение в этот процесс Великобритании и Франции, наконец стремление нового императора заявить о себе на международной арене, поднять явно ослабевший престиж России на Балканах – все это привело к активизации балканской политики царизма, пиком которой стала русско-турецкая война 1828-1829 гг.

В условиях войны в высших правящих кругах России рассматривался вопрос о привлечении балканских народов к борьбе против Турции. И здесь вновь понадобился Д.Н. Сенявин. Николай I пожелал узнать его мнение, и адмирал, памятуя опыт военной кампании на Адриатике в 1806-1807 гг., подал в конце апреля 1828 г. специальную записку на имя царя³¹². В ней Д.Н. Сенявин предостерегал императора о сложностях ведения боевых действий в горных условиях Балкан, где турки, по мнению адмирала, могли бы эффективно противостоять русским войскам. Д.Н. Сенявин предлагал заблаговременно подготовиться к такому возможному обороту событий путем создания передовых специальных отрядов из «горных воинских народов», куда он включал и черногорцев. В дополнение к первой записке Д.Н. Сенявин представил и другую, состоящую из 16 пунктов³¹³. Здесь получила развитие идея Сенявина об организации «горного передового войска» для борьбы с турецкими военными силами на балканском театре военных действий. По мысли адмирала, в него должны были войти черногорцы, сербы, болгары, живущие как собственно в Болгарии, так и Дунайских княжествах, казаки-некрасовцы, укрывшиеся в турецких владениях после подавления восстания Кондратия Булавина в 1708 г., и пр. В записке Д.Н. Сенявина особенно подчеркивается искренняя приверженность черногорцев к России. Он предлагал вызвать в Россию из Черногории «несколько вернейших граждан» для согласования совместных действий против турок. Обращая внимание царя на сильное влияние православного духовенства среди балканских славян, Сенявин предлагал использовать их помощь и авторитет для вовлечения балканского населения в антитурецкую борьбу. Особенно усиленно рекомендовал адмирал Николаю I проживавшего тогда в Кишиневе своего боевого соратника архимандрита Спиридония Филиповича, черногорца по происхождению, который, как отмечал Сенявин, в продолжение средиземноморской кампании 1806-1807 гг. «показывал примерное рвение к пользе России».

Безусловно, русское военное командование, сам Николай I понимали, что вовлечение в боевые действия на балканском театре военных действий местного населения могло существенно повлиять на ход войны, заставить Порту пойти на заключение выгодного для России мира. Вместе с тем правящие круги России опасались нового подъема национально-освободительного движения на Балканах, еще больших осложнений с западными державами, и в первую очередь с Австрией. Поэтому, когда в ноябре 1828 г. заседал военный комитет под председательством царя, где обсуждались перспективы войны с Турцией, было принято решение отказаться от использования помощи сербов из-за опасения осложнения русско-австрийских отношений и предоставления повода сербам потребовать «новых постановлений», то есть расширения своей политической самостоятельности и даже получения независимости от Порты³¹⁴. По аналогии с сербами царское правительство отказалось от идеи крупномасштабного вовлечения других балканских народов, в том числе и черногорцев, в войну с Турцией. Вместе с тем после переправы русской армии через Дунай стали повсеместно возникать добровольческие отряды из жителей Балкан, оказавшие существенную помощь русским воинам. Кроме того, в 1829 г. по инициативе полковника генерального штаба И.П. Липранди был создан

большой отряд волонтеров, составленный из сербов, македонцев, албанцев, болгар, а также и черногорцев. Отряд возглавил сам Липранди, и он сыграл значительную роль в ведении партизанской войны против турок весной и летом 1829 г.³¹⁵ В самой Черногории также было крайне неспокойно. Там инициатором вступления черногорцев в антитурецкую борьбу был Лука Пейович, посещавший, как уже отмечалось, Россию еще в 1818 г. с поручением губернатора В. Радоница. Он, прикрываясь «именем России», тайно готовил черногорцев к нападению на турецкие владения. Для предотвращения этой диверсии понадобились значительные усилия Петра I Негоша, внушавшего черногорцам, что русский царь воюет не с турецким народом, а с султаном и его войском, поскольку не выполняются условия Аккерманской конвенции³¹⁶.

Начало русско-турецкой войны 1828-1829 гг. оживило надежды черногорцев на получение поддержки со стороны России для решения их внутренних и внешних проблем. Весной 1828 г. митрополит направил в Петербург черногорского родственника И. Вукотича Матия Вучичевича с письмами царю и некоторым русским сановникам. В них содержалась просьба об «открытом покровительстве» России Черногории, предоставлении ей необходимых средств для содержания правительства и заведения училищ и пр.³¹⁷

В письме Николаю I от 20 июля (1 августа) 1829 г., пересланном через того же М. Вучичевича, Петр I Негош просил прислать в Черногорию небольшое количество русских войск для борьбы с турками. В случае же заключения мира он хотел с помощью России добиться присоединения к Черногории порта Антивари (Бара) на Адриатике и территории бывшей Зеты. Тогда, по мнению Петра I Негоша, в стране можно было бы «установить правительство» и обеспечить безопасность территории. Митрополит просил удовлетворить его просьбы хотя бы частично. В противном случае он просил у царя разрешения черногорцам переселиться в Россию³¹⁸. Письмо Петра I Негоша попало в МИД, когда Адрианопольский мир был уже подписан, а в октябре 1829 г. Николай I наложил отрицательную резолюцию на прошение митрополита. Причины этого были достаточно ясными: Черногория не фигурировала в предыдущих русско-турецких мирных договорах XVIII-XIX вв. Поэтому, в отличие от Дунайских княжеств и Сербии, вопрос о ней не мог стать предметом русско-турецких переговоров. Оказание в одностороннем порядке давления на Порту в черногорском вопросе, без надежды на поддержку других великих держав, не желавших укрепления России на Балканах, было делом бесперспективным.

После окончания русско-турецкой войны балканское направление внешней политики оставалось одним из важнейших в системе международных отношений России. Адрианопольский мир зафиксировал важные изменения в русско-турецких отношениях, в государственном устройстве балканских народов. Договор укреплял автономию Дунайских княжеств, а Сербия и Греция ее обрели. В 1830 г. Греция была провозглашена независимым государством, тогда же за князем Милошем Обреновичем были закреплены наследственные права правителя Сербии. Победа в войне закрепила влияние России в Турции. В это триумфальное для внешней политики России время австрийский посол, сообщая в Вену из турецкой столицы о возросшем влиянии русской миссии, замечал, что теперь в Стамбуле

ничего не делается без ее согласия, и «все народы, покровительствуемые ею, наперекор заискивают ее поддержки, дабы лучше преуспеть в своих делах»³¹⁹. В это время в самом Петербурге распространился слух, что султан Махмуд II, вступивший на путь внутренних реформ и встречавший в своих преобразованиях сопротивление со стороны высшего духовенства, называвшего его «султаном-гяуром», готов принять христианство, объявив его господствующим в империи. На сказочную фантазию поддался даже Николай I, заявивший в 1830 г. во время прощальной аудиенции турецкого посла Галиль-паши, чтобы тот передал «другу моему султану», что лучший способ упрочить государство, престол и династию состоит в том, чтобы исповедовать религию большинства своих подданных³²⁰, то есть христианство. Такое пожелание, хотя и нереальное, «повелителю правоверных» со стороны русского императора все же свидетельствовало о нарастающем влиянии России на Османскую империю.

В Черногории хотели использовать сложившуюся ситуацию в русско-турецких отношениях в своих целях, для решения внутренних и внешних проблем страны. В январе 1830 г. «полномочным митрополита и народа черногорского» М. Вучичевичем была направлена в МИД специальная записка о положении дел в Черногории и на ее границах³²¹. Ее содержание во многом перекликалось с предыдущими обращениями Вукотича и Вучичевича к русским властям, суть которого излагалась ранее (присоединение округа Зеты к Черногории, предоставление беспроцентного займа в 50 тысяч червонцев на 10 лет для «учреждения школ и восстановления промышленности» и пр.). Вместе с тем Записка содержала новые суждения о внешнеполитическом положении страны.

М. Вучичевич обращал внимание российского МИДа на враждебную позицию Австрии в отношении Черногории. По его словам, австрийское правительство, опасаясь влияния Черногории на соседние славянские народы, которые со временем могут служить «или значительным пособием в политике Австрии, или сильным противником оной», сеяло вражду и противостояние между черногорцами. В отличие от предыдущих лет черногорский представитель видел главную угрозу независимости Черногории не в Турции, а в Австрии. Она, как подчеркивалось в Записке, желает «совершенно поработить Черногорию своему владычеству или стереть с лица земли и самую память о ней». М. Вучичевич получал достаточно достоверную информацию от митрополита Петра I Негоша, знал влиятельных и осведомленных лиц в России (Д.Н. Сенявина, князя А.Н. Голицына и др.) и понимал, что после окончания войны Россия стала поддерживать добрососедские отношения с Османской империей и что этому хотели помешать соперничавшие с Россией на Балканах и Ближнем Востоке западные державы, в том числе и Австрия. Вполне возможно, что в Черногории хотели разыграть «австрийскую карту», рассчитывая с помощью России каким-либо образом приструнить Австрию. Австрия активно вмешивалась во внутренние дела Черногории, содействовала сепаратизму отдельных нахий, противовес митрополиту Петру I Негошу поддерживала губернатора В. Радоница, конфликтовала на черногорских границах, в том числе и в 1829 г. Она и тогда, и в дальнейшем серьезно опасалась черногорского влияния на своих славянских подданных, других балканских славян. Однако не могло

быть и речи о том, что она намеревается «поработить» Черногорию. Ибо в подобном случае Австрия не избежала бы серьезнейших международных осложнений, конфликта с Турцией и Россией, на что тогда ее правительство не могло пойти, тем более в новых условиях, сложившихся после Адрианопольского мира. Считая, что наряду с просьбами уместны будут и встречные предложения, черногорская сторона обязывалась при первой надобности России выставить 40-тысячный корпус «лучшего европейского войска» в здешнем краю, что было сильным преувеличением.

Как и в предыдущий раз, М. Вучичевич добивался от МИДа официального признания Россией ее покровительства Черногории, по сути дела установления русского протектората над ней. Следует отметить, что традиционно Россия, как единственная православная великая держава, покровительствовала всему православному населению Османской империи, и это служило идеологическим обоснованием ее восточной политики. Право подобного покровительства российская дипломатия выводила из 7-й статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по которому турецкое правительство обязывалось обеспечить «твердую защиту христианскому закону и церквям оного»³²². Договор практически защищал права христианских подданных Турции, причем эта защита фиксировалась в международно-правовой форме. Однако, как верно замечает В.Н. Виноградов, договор допускал не прямое покровительство России, а лишь опосредствованное, через Порту, воздействуя на турецкое правительство. В связи с этим в русско-турецких официальных соглашениях нигде не употреблялся термин «покровительство»³²³. Поэтому просьбы Черногории об «открытом покровительстве» игнорировались русским двором и дипломатией.

Черногория в силу своей фактической независимости находилась в системе российско-турецких отношений в более сложном положении, чем, например, та же Сербия или Дунайские княжества. Согласно статье 16 Кючук-Кайнарджийского мира российские дипломаты «могли говорить в пользу» Дунайских княжеств. Правам России в Сербии также отводилось место в Бухарестском договоре 1812 г. Но разговор мог идти только о подданных султана, а черногорцев русское правительство в реальности таковыми не считало. Безоговорочно диктовать свои условия Турции Россия в то время не могла. Османская империя была суверенным государством, ревниво и болезненно воспринимавшим любые попытки вмешательства в ее внутренние дела, к которым она относилась и все то, что связано с Черногорией.

Правительство Николая I не желало обострять отношения с Турцией ради увеличения территории Черногории. Однако при русском дворе учитывали сложность обстановки внутри Черногории и вокруг нее. Сербии и Дунайским княжествам в начале 30-х гг. XIX века отводилась более заметная роль в балканской политике России, нежели Черногории, но и она никогда не сбрасывалась полностью со счетов. К этому, вольно или невольно, обязывало царское правительство и предыдущая история русско-черногорских отношений, где Черногория выступала как верный союзник России. С.С. Татищев, проследившая основные этапы истории русско-черногорских отношений, справедливо отмечал: «В ряду балканских народов, связанных с Россией единством не только веры, но и племени, и узами глубокой, искренней, вековой привязанности, первое место занимают,

бесспорно, черногорцы»³²⁴. Принималось во внимание в правящих кругах России и то влияние, которое оказывала Черногория на сопредельные балканские народы.

Поэтому русское правительство решило предпринять определенные меры, рассчитанные на оказание помощи Черногории. Когда в начале мая 1830 г. М. Вучичевич отбыл на родину, он отвозил с собой письмо вице-канцлера к митрополиту, содержащее информацию о приглашении царем в Петербург проживавшего в России и уже известного в правительственных кругах И. Вукотича, для «изыскания с ним наиудобнейших средств» для благополучия черногорского народа³²⁵.

Маршрут М. Вучичевича пролегал через Сербию. Он был снабжен письмом К.В. Нессельроде к Милошу Обреновичу, содержащим просьбу о переселении в Сербию черногорцев. В ходе состоявшихся переговоров с сербским князем черногорский посланец получил от него согласие на переселение части своих земляков, особо страдавших от голода, в сербские земли. Милош Обренович также согласился на установление тесных, союзнических отношений с Черногорией и оказание ей помощи с сербской стороны. Однако реализация этих договоренностей откладывалась до разрешения сербско-турецких пограничных дел, связанных с возвращением Сербии отторгнутых от нее Портой шести округов (вошли в состав княжества в 1833 г.)³²⁶. Правительство России, из-за больших материальных издержек и нежелания вызвать трения в русско-турецких отношениях (аналогичных возникшим в 1817 г., при провозе черногорских переселенцев), не хотело переселения черногорцев в Россию³²⁷, поэтому и последовало обращение со стороны Петербурга к сербским властям. После благополучного для Сербии разрешения территориального спора черногорцы и брдяне сотнями семей переселялись в княжество³²⁸. Власти Сербии охотно их принимали, прежде всего ценя их боевые качества, необходимые для защиты новых границ.

М. Вучичевич так и не доехал до Черногории из-за вооруженного конфликта, развязанного османскими властями Герцеговины против Черногории. Петр I Негош, опасаясь, что его посланец попадет в турецкий плен, предпочел, снабдив его письменно инструкциями, отправить из Сербии сразу в Петербург, куда М. Вучичевич и прибыл в сентябре 1830 г.

18 (31) октября 1830 г. скончался митрополит Петр I Петрович Негош. Жизнь этого выдающегося политического и религиозного деятеля Черногории была тесно связана с Россией, от которой он получал и награды, и не всегда справедливые упреки. Петр I Негош имел основание держать обиду на русское правительство, которое зачастую мало учитывало интересы Черногории в своей балканской политике. Однако он всегда высоко ценил значимость России, самого факта ее существования как великой православной державы, служившей надеждой и опорой освободительной борьбы балканских народов против османского ига. Его завещание содержит страстное заклинание: «кто бы из вас черногорцев и бердянцев помыслил только отойти от покровительства и надежды на единородную и единоверную Россию, у того у живого да отпадет частями тело его, и да будет лишен всякого блага и в сей, и в вечной жизни»³²⁹.

Русско-черногорские отношения в 1806-1830 гг. складывались противоречиво. Они были наиболее интенсивными в 1806-1807 гг., когда зародилось

и окрепло непосредственное боевое содружество черногорцев и русских во время пребывания эскадры Д.Н. Сенявина на Адриатике. Именно тогда у черногорского руководства появились надежды на реализацию их обширных планов, направленных на создание более совершенного государственного устройства страны, расширение ее территории и обретение выхода к морю путем вхождения в состав планируемого «славяно-сербского» государства. Однако Тильзитский мир и последовавший затем уход эскадры Д.Н. Сенявина из Адриатики перечеркнули эти замыслы. Также под влиянием внешних обстоятельств остались неосуществленными надежды черногорцев объединить Черногорию с Бокой Которской в 1813-1814 гг.

Пятнадцатилетие, прошедшее от Венского конгресса до окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг., не внесло каких-либо кардинальных перемен в русско-черногорские отношения. На Балканах Россия в этот период стремилась закрепить свое политическое преобладание в Дунайских княжествах и Сербии и не оказывала существенной поддержки Черногории. На развитии русско-черногорских связей, безусловно, сказалась «венская система», принципы которой исключали прямую поддержку национально-освободительных движений славянских народов. Вместе с тем по сравнению с периодом, наступившим сразу после Тильзитского мира, положительные сдвиги, несомненно, были. Прежде всего это проявилось в восстановлении денежной субсидии Черногории со стороны России в 1825 г. и упомянутых ранее некоторых других шагах русского правительства (переселение партии черногорцев, личная пенсия митрополиту, церковные контакты и пр.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 30 декабря 1804 г. (11 января 1805 г.) // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.172.
- ² М.К. Ивелич – Г.Д. Мочениго, 19 (31) марта 1806 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.56-56об.
- ³ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 15 (25) июля 1805 г. // Там же. Л.80об.
- ⁴ С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, получено МИДом в августе 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. 1805-1821 гг. Д.1. П.2. Л.19.
- ⁵ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 15 (27) июня 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.80-82.
- ⁶ С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, май 1805 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. 1805-1821 гг. Д.1. П.2. Л.32.
- ⁷ М.К. Ивелич – Р.К. Анрепу, 19 (31) января 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.57об-58.
- ⁸ АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. 1805-1821 гг. Д.1. П.2. Л.79, 109 об.-110 об.
- ⁹ Петр I Негош – С.А. Санковскому, 1805 г. // Там же. Л.353.
- ¹⁰ Петр I Негош – А.И. Мазуревскому, 22 июля (4 августа) 1804 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.4. Л.68.
- ¹¹ Записка М. К. Ивелича министру иностранных дел России А.Я. Будбергу, 6 (18) августа 1806 г. // Черногорско-русские отношения 1711-1918. Кн.1. Русские извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица - Москва, 1992. С.117-118.
- ¹² Грачев В.П. Сербия и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805-1807 гг.). М., 2003. С.38.

- ¹³ *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804-1806 гг. СПб., 2009. С.196-197.
- ¹⁴ М.К. Ивелич – Александру I, 14 (26) мая 1806 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.2.
- ¹⁵ *Сироткин В.Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806-1807 гг. // Ученые записки института славяноведения. М., 1962. Т.XXV. С.175; *Он же.* Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции (от Парижского мира 1801 г. до Эрфуртской конвенции 1808 г. // Югословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804-1813. Београд, 1983. С.94-95.
- ¹⁶ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958. С.96.
- ¹⁷ Д.П. Татищев – Д.Н. Сенявину, 19/31 янв. 1805 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБ ИИ РАН). Ф.79 (собр. бумаг де Ласси). Оп.1. 1806 г. Д.56. Л.1-1об.
- ¹⁸ Записка М.К. Ивелича министру иностранных дел России А.Я. Будбергу, 6 (18) августа 1806 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.119.
- ¹⁹ С.А. Санковский – Г.Д. Мочениго, 14 (26) января 1806 г. // АСПБ ИИ РАН. Ф.79 (собр. бумаг де Ласси). Оп.1. 1806 г. Д.55. Л.1-1об.
- ²⁰ Князь Адам Чарторижский. Воспоминания и письма. М., 2010. С.371. Эта Записка была подана Чарторыйским императору в марте 1806 г., когда Бока Которская уже будет занята русскими войсками и черногорцами, однако известия об этом еще не дошли до Петербурга. В данном случае важно мнение самого Чарторыйского как управляющего министерством иностранных дел и влиявшего на принятие решений по внешней политике России, в том числе и на Балканах.
- ²¹ Письмо Савы Ивелича и жителей Рисанской общины С.А. Санковскому, 8 (20) февраля 1806 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С.37-38. Помимо Ивелича и Санковского формированием общественного мнения населения Боки Которской в пользу России занимался и Джордже (Георгий) Войнович, отставной офицер русской службы, вернувшийся после отставки в Боку Которскую и возглавлявший в 1806-1807 гг. иррегулярное войско бокельцев.
- ²² Там же. С.38.
- ²³ М.К. Ивелич – Г.Д. Мочениго, 19 (31) марта 1805 г. // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Д.121. Л.56.
- ²⁴ М.К. Ивелич – А.А. Чарторыйскому, 3 (15) июня 1806 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.18. По договору, который был заключен в 1420 г. между Венецией и Боккой Которской, отмечалось, что «если Венецианская республика вследствие каких-либо политических событий не будет способна защитить Котор, то она не имеет права его кому-либо уступить или продать, а должна оставить его в старой свободе» (*Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С.137). Справедливости ради следует все же сказать, что австрийский император Франц I сразу после заключения Пресбургского мира высказывал сожаление, что он не имел времени предупредить «русских генералов» в Средиземном море о пункте договора, касающемся Бокко ди Катаро, чтобы они могли опередить французов, создавая при этом видимость изгнания австрийцев из Боки Которской (А.А. Чарторыйский – А.К. Разумовскому, 4 (16) июня 1806 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД (далее – ВПР). Серия 1. 1801-1815 гг. М., 1963. Т.III. С.199.
- ²⁵ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1836. Ч.I. С.140-141; *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование императора Александра I // История российского флота. М., 2006. С.259.
- ²⁶ *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997. С.284-285; *Бажова А.П.* Россия и югославяне в конце XVIII - начале XIX века. М., 1996. С.63.

- ²⁷ *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. С.284.
- ²⁸ Записка М.К. Ивелича министру иностранных дел России А.Я. Будбергу, 6 (18) августа 1806 г. // Черногорско-русски односи 1711-1918. ... С.119.
- ²⁹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера ... СПб., 1836. Ч.1. С.235.
- ³⁰ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте Павла Свиньи́на. СПб., 1818. Ч.1. С.168.
- ³¹ Г.Г. Белле – Д.Н. Сенявину, 22 февраля (6 марта) 1806 г. // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.8.
- ³² М.К. Ивелич – Александру I, 14 (26) мая 1806 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д.4. П.6. Л.7-7об.
- ³³ *Сироткин В.Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах ... С.181.
- ³⁴ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII веку. Београд, 1912. С.65, 165-166.
- ³⁵ *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784-1830). Цетиње, 1950. С.160.
- ³⁶ Записка М.К. Ивелича министру иностранных дел России А.Я. Будбергу, 6 (18) августа 1806 г. // Черногорско-русски односи 1711-1918. ... С.120.
- ³⁷ *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование императора Александра I ... С.260. А.Л. Шапиро полагает, что Белле отказывался производить символический выстрел по крепости, поскольку все время учитывал, что Россия не находится в состоянии войны с Австрией (*Шапиро А.Л.* Адмирал Сенявин. С.118). Однако непосредственный участник этих событий М.К. Ивелич также утверждал, что в случае отклонения Гизильери ультиматума Белле, без всяких скидок на то, что Австрия является союзницей России, готов был предпринять «Генеральный штурм», при котором с австрийским гарнизоном поступили бы «без всякой пощады» (Записка о исполненном генерал-лейтенантом графом Ивеличем поручении по высочайшей воле. Б/г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.15 (Дипломатический отдел). Оп.1. Доп. Д.28. 1809 г. Л.17). Решительный и прямолинейный моряк Г.Г. Белле был чужд того, чтобы учитывать какие-либо внешнеполитические обстоятельства. В письме к Д.Н. Сенявину Белле замечал: поскольку австрийцы должны сдавать крепостные укрепления французам, он решил «выгнать из оных мест цесарцев и занять оные прежде неприятеля, дабы не дать оному сдесь усилиться» // Г.Г. Белле – Д.Н. Сенявину, 21 февраля (5 марта) 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.13.
- ³⁸ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.1. С.143-144.
- ³⁹ Дневник лейтенанта (впоследствии контр-адмирала) Семена Ивановича Селивачева с 14 августа 1805 по 9 декабря 1830 г. // РГА ВМФ. Ф.315. Оп.1. Д.614. Л.39об-40.
- ⁴⁰ А.А. Чарторыйский – Д.Н. Сенявину, 15 (27 мая) 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.315. Оп.1. Д.184. 1788-1811 гг. Л.78.
- ⁴¹ Александр I – Петру I Његошу, 23 апреля (5 мая) 1806 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.44.
- ⁴² ВПР. Серия 1. 1801-1815 гг. М., 1963. Т.III. С.669-670. Прим.79.
- ⁴³ Певанния черногорска и херцеговачка, собр. Чубром Чайковичем черногорцем. Лейпциг, 1837. Перевод В. Макушева // *Макушев В.В.* Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, этнографические и исторические. СПб., 1867. С.174-175. Псевдоним Чубр Чайкович принадлежит знаменитому сербскому просветителю Вуку Стефану Караджичу.
- ⁴⁴ Д.Н. Сенявин – Александру I, 1 (13) апреля 1806 г. // ВПР. Серия 1. 1801-1815 гг. М., 1963. Т.III. С.116-117; Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф.35 (Ломанский В.И.). Оп.4. Ед. хр.167. Л.1-2. По данным, приводимым М. Злоковичем, на момент подписания Пресбургского мира в декабре 1805 г. в Боке Которской имелось 396 патентных судов различного типа и 3628 моряков (*Злоковић М.* 160-годишњица доласка флоте адмирала Сењавина у Боку Которску // Годишњак Поморског музеја у Котору. Котор, 1967. Књ.XV. С.100. Сконцентрированные тогда в Боке Которской объединенные черногорско-бокельские войска насчитывали около 12 тысяч человек (*Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. С.286).
- ⁴⁵ Г.Г. Белле – Д.Н. Сенявину, 22 февраля (6 марта) 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.8-8 об.

- ⁴⁶ Рескрипт Екатерины II контр-адмиралу Арфу от 5 (16) июня 1770 г. // АСПБИБИ РАН. Ф.115. 1769-1775 гг. Д.617. Л.64.
- ⁴⁷ П. Скавронский – вице-канцлеру И.А. Остерману, 27 декабря 1791 г. (7 января 1792 г.) // АВПРИ. Ф. Сношения России с Неаполем. Оп.70/5. Д.218. 1791 г. Л.126.
- ⁴⁸ Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузинской республикой // Чтения в императорском обществе истории древностей российских при Московском университете. М., 1865. Кн.3. Июль-сентябрь. С.41-42.
- ⁴⁹ Лециловская И.И. Дубровник и Россия // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.265.
- ⁵⁰ Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземное море (1805-1807). М., 1954. С.44.
- ⁵¹ Дневник лейтенанта (впоследствии контр-адмирала) Семена Ивановича Селивачева с 14 августа 1805 по 9 декабря 1830 г. // РГА ВМФ. Ф.315. Оп.1. Д.614. Л.42об.
- ⁵² Свиньин П.П. Воспоминания на флоте... СПб., 1818. Ч.1. С.172.
- ⁵³ Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузинской республикой ... С.51; Лециловская И.И. Дубровник и Россия ... С.273.
- ⁵⁴ Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузинской республикой ... С.53-56; Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. С.138-139.
- ⁵⁵ Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузинской республикой ... С.56.
- ⁵⁶ Лециловская И.И. Дубровник и Россия... С.274.
- ⁵⁷ Грачев В.П. Сербь и черногорцы... С.55.
- ⁵⁸ И. Быченский – Д.Н. Сенявину, 16 (28) мая 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.75.
- ⁵⁹ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте ... СПб., 1818. Ч.1. С.178.
- ⁶⁰ Броневский В.Б. Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.14-15; Каллистов Н.Д. Флот в царствование императора Александра I... С.264.
- ⁶¹ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте... СПб., 1818. Ч.1. С.178-179.
- ⁶² А.Л. Шапиро, сопоставив различные данные из русских и французских источников, отмечал, что под Дубровником против 4-5 тысяч французов и рагузинцев было задержано 5 тысяч русских, черногорцев и приморцев, причем свыше 4 тысяч из них были сосредоточены на решающем направлении для штурма бергатских позиций (Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. С.142).
- ⁶³ М. Снаксарев – Д.Н. Сенявину, 5 (17) июня 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.130об.
- ⁶⁴ Броневский В.Б. Записки морского офицера ... СПб., 1836. Ч.II. С.18-20; Милаковић Д. Историја Црне Горе // Повјесница црногорска. Одабране историје Црне Горе до краја XIX вијека. Подгорица, 1997. С.383-384; Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина... С.50-51.
- ⁶⁵ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте... СПб., 1818. Ч.1. С.181.
- ⁶⁶ Броневский В.Б. Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.22.
- ⁶⁷ Александр I – Д.Н. Сенявину, 23 мая (4 июня) 1806 г. // ВПР. Серия 1. 1801-1815 гг. М., 1963. Т.III. С.184; РГА ВМФ. Ф.315. Оп.1. Д.184. 1788-1811 гг. Л.81-83.
- ⁶⁸ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте... СПб., 1818. Ч.1. С.185; Грачев В.П. Сербь и черногорцы... С.47. Которский вопрос беспокоил и Порту. Рейс-эфенди неоднократно требовал от российского посланника А.Я. Италинского, чтобы Россия не вовлекала в войну с Францией черногорцев, которых Порта считает своими подданными, так как Османская империя является нейтральным государством в войне между Россией и Францией (Грачев В.П. Сербь и черногорцы... С.49).
- ⁶⁹ ВПР. Серия 1. 1801-1815 гг. М., 1963. Т.III. С.683. Прим.131.
- ⁷⁰ Сборник Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). СПб., 1892. Т.82. С.344-345.
- ⁷¹ Там же. С.195.
- ⁷² ВПР. Серия 1. 1801-1815 гг. М., 1963. Т.III. С.246, 697. Прим.158.
- ⁷³ Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина... С.55.

- ⁷⁴ И.Т. Быченский – Д.Н. Сенявину, 15 (27) июня 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.96.
- ⁷⁵ М. Снаксарев – М.Т. Быченскому, 10 (22) июня 1806 г. // Там же. Л.87.
- ⁷⁶ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.45.
- ⁷⁷ Д.Н. Сенявин – Петру I Негошу, 22 июня (4 июля) 1806 г. // Архивско одјелјење Народнoг музеја Црне Горе (далее – АОНМЦГ). Ф. Петар I Петровић Његош. Док.1207; *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.47.
- ⁷⁸ ВПР. Серия 1. М., 1963. Т.III. С.134-137, 672. Прим.90.
- ⁷⁹ См. текст договора: ВПР. Серия 1. М., 1963. Т.III. С.229-231.
- ⁸⁰ *Шапиро А.Л.* Которский вопрос в 1806 г. // Проблемы истории международных отношений: Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972. С.203.
- ⁸¹ ВПР. Серия 1. М., 1963. Т.III. С.668.
- ⁸² Сборник РИО. СПб., 1892. Т.82. С.453.
- ⁸³ *Милаковић Д.* Историја Црне Горе // Повјесница црногорска... С.388; *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.156.
- ⁸⁴ Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808. М., 2011. С.351.
- ⁸⁵ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Биография. М., 2010. С.50-51.
- ⁸⁶ *Шапиро А.Л.* Которский вопрос в 1806 г. ... С.203.
- ⁸⁷ Сборник РИО. СПб., 1892. Т.82. С.447.
- ⁸⁸ *Давыдов Ю.В.* Сенявин. М., 1972. С.107.
- ⁸⁹ Копия с повеления, данного Д.Н. Сенявиным командующим судов, 5 (17) сентября 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.192.
- ⁹⁰ Петр I Негош – Д.Н. Сенявину, 25 июля (6 августа) 1806 г. // Там же. Л.149. Следует сказать, что подписанное Убри соглашение о мире с Францией положительно сказалось на численности французских войск в Далмации. Если до приостановки военных действий их численность составляла приблизительно 10000 человек, то к началу возобновления военных действий она выросла, по различным оценкам, до 15-20 тысяч человек, включая итальянцев (Ср. различные данные об этом: *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.157; *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование императора Александра I... С.267).
- ⁹¹ *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование императора Александра I... С.267; *Милаковић Д.* Историја Црне Горе // Повјесница црногорска... С.388.
- ⁹² *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование императора Александра I... С.267.
- ⁹³ Там же. По данным С.А. Санковского, на начало октября 1806 г. иррегулярное войско югославян составляло далматинцев – 830, черногорцев – 600, кастельновцев в случае тревоги – 800. Итого 2230 человек, бокельцев – 1000 (*Бажова А.П.* Россия и югославыне... С.84).
- ⁹⁴ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.157.
- ⁹⁵ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте.... СПб., 1818. Ч.1. С.197.
- ⁹⁶ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера ... СПб., 1836. Ч.II. С.75; *Милаковић Д.* Историја Црне Горе // Повјесница црногорска... С.390.
- ⁹⁷ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.76; *Милаковић Д.* Историја Црне Горе // Повјесница црногорска... С.391; *Медаковић М.* Повјестница Црне Горе // Повјесница црногорска... С.241.
- ⁹⁸ *Красовский Г.А.* К истории войны с турками в 1807-1808 гг. // ОР РНБ. Шифр. FIV. 824. Л.31.
- ⁹⁹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.1. С.272.
- ¹⁰⁰ *Красовский Г.А.* К истории войны с турками в 1807-1808 гг. // ОР РНБ. Шифр. FIV. 824. Л.30-30 об.
- ¹⁰¹ Там же. Л.30об.
- ¹⁰² *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.233-236.
- ¹⁰³ Там же. С.244.
- ¹⁰⁴ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте... СПб, 1818. Ч.1. С.218.
- ¹⁰⁵ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.76-77.
- ¹⁰⁶ Там же. С.77-78.

- ¹⁰⁷ Там же. С.79-80.
- ¹⁰⁸ *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. С.302-303; *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы... С.76.
- ¹⁰⁹ *Миљутиновић К.* Бока Которска. 1797-1815. // Сборник радова из науке, културе и умјетности. Херцег-Нови. 1976. Књ.8. С.215-216.
- ¹¹⁰ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.1. С.238.
- ¹¹¹ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.125.
- ¹¹² См. об этом: *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование императора Александра I... С.262-263; *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.125-127.
- ¹¹³ *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. С.285; *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование императора Александра I... С.220-221.
- ¹¹⁴ Петр I Његош – Д.Н. Сенявину, 15 (27) июля 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.145-145об.
- ¹¹⁵ Дневник лейтенанта (впоследствии контр-адмирала) Семена Ивановича Селивачева с 14 августа 1805 по 9 декабря 1830 г. // РГА ВМФ. Ф.315. Оп.1. Д.614. Л.40об.
- ¹¹⁶ М.Т. Быченский – Д.Н. Сенявину, 21 июня (3 июля) 1806 г. // Там же. Л.103; *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.119.
- ¹¹⁷ *Миљутиновић К.* Бока Которска. 1797-1815... С.222.
- ¹¹⁸ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С.155; Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. М., 1991. С.291, 403-408 и др.
- ¹¹⁹ См. об этом: *Којовић А.* Моје доба. Из мемоара, дневника и стихова. Титоград, 1969. С.53-62.
- ¹²⁰ *Злоковић М.* Херцег-Нови од пада Млетачке Републике до Бечког конгреса (1797-1815). // Бока. Сборник радова из науке, културе и умјетности. Херцег-Нови, 1972. Књ.4. С.44.
- ¹²¹ С.А. Санковский – Д.Н. Сенявину, 28 сентября (10 октября) 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.235-235об.
- ¹²² *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.162.
- ¹²³ Д.Н. Сенявин – П.В. Чичагову, 13 (25) декабря 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.575. Л.1-2.
- ¹²⁴ Там же. Л.2.
- ¹²⁵ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.163.
- ¹²⁶ *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина... С.82-83.
- ¹²⁷ Список черногорцев и приморцев, бывших в сражении с французами 29 ноября при занятии о-ва Курцоло и 10 декабря при взятии о-ва Браццо // АСПБ ИИ РАН. Ф.115. Д.360. Л.63-67 об.
- ¹²⁸ См. об этом: Донесение Д.Н. Сенявина в министерство морских сил, 13 (25) декабря 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.315. Оп.1. Д.614. Л.178-181об.; Дневник лейтенанта (впоследствии контр-адмирала) Семена Ивановича Селивачева с 14 августа 1805 по 9 декабря 1830 г. // Там же. Л.73об.-76об.
- ¹²⁹ Прокламация жителям о-ва Курцоло, 3 (15) декабря 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.259-259об. В эти дни командир корабля «Ярослав» Митьков извещал Сенявина, что к нему на корабль 11 (23) декабря прибыл с о.Полица посланный князем католический монах, известивший о том, что полицейские славяне, католики по вероисповеданию, готовы объединиться с русскими войсками для борьбы против французов (Митьков – Д.Н. Сенявину, 22 декабря 1806 г. (3 января) 1807 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.277-277об.).
- ¹³⁰ И.Т. Быченский – Д.Н. Сенявину, 6 (18) июля 1806 г. // Там же. Л.138.
- ¹³¹ Донесение Д.Н. Сенявина в министерство морских сил, 13 (25) декабря 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.315. Оп.1. Д.614. Л.182; *Броневский В.Б.* Записки морского офицера... СПб., 1836. Ч.II. С.226-227.
- ¹³² Там же. С.227-228.
- ¹³³ Записка С. Вукотича Александру I о различных вредных происшествиях от неосто-

- рожного распоряжения статского советника Санковского случившихся, 4 (16) января 1808 г. // РГА ВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.586. Л.4.
- ¹³⁴ ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Д.121. Л.88-88об.
- ¹³⁵ *Медаковић М.* Повјестница Црне Горе// Повјесница црногорска... С.241-242.
- ¹³⁶ Д.Н. Сенявин – Петру I Негошу, 27 мая (8 июня) 1806 г. // АСПБ ИИ РАН. Ф.115. Д.360. Л.75-75об.
- ¹³⁷ Рапорт М. Снаксарева Д.Н. Сенявину, 9 (26) июня 1807 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.89-89об.
- ¹³⁸ *Злоковић И.* Један прилог о поморцима Цицовићима // Годишњак Поморског музеја у Котору. Котор, 1983-1984. Књ. XXXI-XXXII. С.143-144.
- ¹³⁹ Петр I Негош – Д.Н. Сенявину, 18 (30) сентября 1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.26. Л.215.
- ¹⁴⁰ А.А. Сорокин – Д.Н. Сенявину, 26 сентября (8 октября) 1806 г. // Там же. Л.232-232об.
- ¹⁴¹ Аттестат Н. Петровича, выданный С.А. Санковским, 9 (21) августа 1807 г.; Аттестат Н. Петровича, выданный Д.Н. Сенявиным, 18 (30) сентября 1807 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.46-47, 49.
- ¹⁴² Д.Н. Сенявин – А.К. Разумовскому, 30 июня (12 июля) 1807 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. 1807 г. Д.1909. Л.16-17об.
- ¹⁴³ Сын отечества. 1852. Кн. XII. С.89.
- ¹⁴⁴ *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. С.179.
- ¹⁴⁵ Копия со свидетельства полковника Лопухина от 20 сентября (3 октября) 1807 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.14209. Оп.5/165. Св.58. Д.111. Л.34-34 об.
- ¹⁴⁶ Д.Н. Сенявин – Ф. Книперу, 6 (18) февраля 1807 г. // АСПБ ИИ РАН. Ф.115. Д.360. Л.39-40об.
- ¹⁴⁷ Д.Н. Сенявин – Петру I Негошу, 6 (18) февраля 1807 г. // Там же. Л.40об.
- ¹⁴⁸ Обращение Д.Н. Сенявина к христианским подданным Оттоманской Порты, 15 (27) февраля 1807 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. 1807 г. Д.1908. Л.10-10об.
- ¹⁴⁹ В 1804-1805 гг. во время переговоров с Портой о возобновлении русско-турецкого союзного договора, секретные статьи проекта которого предусматривали привлечение Турции к коалиции против Франции, в него были заложены и балканские планы А.А. Чарторыйского. Одна из статей проекта предполагала установление равноправия с мусульманами христиан – балканских подданных Порты, признание за Россией права защищать их интересы перед турецким правительством. В нем также предусматривалось расширение привилегий Дунайских княжеств, прекращение нарушений фактической самостоятельности Черногории. Британское правительство было извещено о намерении России добиваться «улучшения судьбы» христианских подданных султана. Однако в Лондоне, на необходимую поддержку которого перед Портой рассчитывала русская дипломатия, это предложение было встречено в штыки, поскольку там решили, что Россия намерена оккупировать часть турецких владений, а затем осуществить раздел Османской империи (См. об этом: *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII - начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798-1807 гг. М., 1976. С.234; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос (из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.). М., 1972. С.52-53; ВПР. Серия 1. 1801-1815. М., 1961. Т. II. С.665-666. Прим.81).
- ¹⁵⁰ См. об этом: четыре записки А. Чарторыйского от 11 (23) января 1806 г. // Сборник РИО. СПб., 1892. Т.82. С.244-278; *Сироткин В.Г.* Франко-русская дипломатическая борьба... С.171-179; Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С.230-231; На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII - начало XX вв. М., 1997. С.76-77.
- ¹⁵¹ Записка А. Чарторыйского от 11 (23) января 1806 г. // Сборник РИО. СПб., 1892. Т.82. С.254.
- ¹⁵² Там же. С.269.
- ¹⁵³ Там же. С.274.
- ¹⁵⁴ Напомним, что балканские планы А.А. Чарторыйского в основном объяснялись не

какой-то особой, исключительной симпатией к освободительной борьбе балканских народов против Османской империи, а доминирующей в них идеи восстановления польского государства в прежних границах в унии с Россией. Об этом Чарторыйский вполне откровенно писал в своих мемуарах следующее: «Идея ее (Польши. – Ю.А.) восстановления сама собой вытекала из моей программы и того направления, которое я хотел дать русской политике. Я говорил только о постепенном освобождении народов, несправедливо лишенных их политической самостоятельности, не боялся говорить о греках и славянах, ибо подобная мысль не шла вразрез со взглядами и желаниями русских; однако по логической последовательности те же принципы естественно должны были быть применены и к Польше. Относительно этого между нами как бы существовало вроде безмолвного соглашения; но также безмолвно понималось и то, что временно надо еще избегать определенного упоминания о моем отечестве» (Князь Адам Чарторыйский. Воспоминания и письма. С.279-280).

- ¹⁵⁵ Доклад А.Я. Будберга Александру I, начало мая 1807 г. // Сборник РИО. 1893. Т.88. С.42; Францев В.А. К истории наших сношений с Черной Горой в начале XIX столетия // Русская старина. СПб., 1908. Т.133. Январь-март. С.239-240.
- ¹⁵⁶ Петр I Негош – А.А. Чарторыйскому, 6 (18) марта 1807 г. // Там же. С.241-242.
- ¹⁵⁷ А.А. Чарторыйский – Петру I Негошу, 9 (21) мая 1807 г. Копия // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Негош. Док.1333; Францев В.А. К истории наших сношений с Черной Горой... С.242.
- ¹⁵⁸ А.Я. Будберг – Петру I Негошу, 11 (23) мая 1807 г. // Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн.1. 1804-1807. С.362.
- ¹⁵⁹ А.Я. Будберг – С.А. Санковскому, 11 (23) мая 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.444.
- ¹⁶⁰ С.А. Санковский – Д.Н. Сенявину, 4 (16) ноября 1806 г. // Первое сербское восстание... М., 1980. Кн.1. 1804-1807. С.305.
- ¹⁶¹ С.А. Санковский – Петру I Негошу, 8 (20) января 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.42-42об.
- ¹⁶² Петр I Негош – С.А. Санковскому, 12 (24) января 1807 г. // Там же. Л.48.
- ¹⁶³ С.А. Санковский – А.Я. Будбергу, 23 января (3 февраля) 1807 г. // Первое сербское восстание... М., 1980. Кн.1. С.317-318.
- ¹⁶⁴ Там же. С.322-323.
- ¹⁶⁵ А.Я. Будберг – И.И. Михельсону 7 (19) января 1807 г. // РГВИА. Ф.470. Оп.1. Д.2. Л.2-3.
- ¹⁶⁶ Петр I Негош – Карагеоргию, 26 февраля (10 марта) 1807 г. // Первое сербское восстание... М., 1980. Кн.1. 1804-1807. С.324.
- ¹⁶⁷ С.А. Санковский – И.И. Михельсону, 22 февраля (6 марта) 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.48.
- ¹⁶⁸ С.А. Санковский – Ф. Книперу, 29 марта (11 апреля) 1807 г. // Там же. Л.172.
- ¹⁶⁹ Ф. Книпер – С.А. Санковскому, 30 марта (12 апреля) 1807 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.66. Л.131-131об.
- ¹⁷⁰ Записка С. Вукотича Александру I о различных вредных происшествиях от неосторожного распоряжения статского советника Санковского случившихся, 4 (16) января 1808 г. // РГА ВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.586. Л.4. Архимандрит С. Вукотич вследствие неприязни к нему Петра I Негоша был лишен духовного сана, но в 1805 г. прощен и в дальнейшем принимал самое активное участие в военных действиях против французов.
- ¹⁷¹ Петр I Негош – С.А. Санковскому, 19 (31) марта 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.164.
- ¹⁷² Павићевић Б. Црна Гора и Бока Которска од пужанског до тилзитског мира. 1805-1807. // Историјски записи (далее – ИЗ). 1985. Св.3-4. С.48; Он же. Петар I Петровић Негош. С.325.
- ¹⁷³ С.А. Санковский – Петру I Негошу, 10 (22) апреля 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.206.
- ¹⁷⁴ И.А. Баратынский – Д.Н. Сенявину, 28 апреля (10 мая) 1807 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.66. Л.138.

- ¹⁷⁵ С.А. Санковский – Ф. Книперу, 19 апреля (1 мая) 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.208-208об.
- ¹⁷⁶ Петр I Негош – С.А. Санковскому, 30 апреля (12 мая) 1807 г. // Там же. Л.222-222об.
- ¹⁷⁷ И.А. Баратынский – Д.Н. Сенявину, 28 апреля (10 мая) 1807 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.66. Л.138.
- ¹⁷⁸ *Лекић Д.* Спољна политика... С.219.
- ¹⁷⁹ Ф. Книпер – С.А. Санковскому, 19 апреля (1 мая) 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.207.
- ¹⁸⁰ Ф. Книпер – С.А. Санковскому, 23 апреля (5 мая) 1807 г. // Там же. Л.211-211 об.
- ¹⁸¹ И. Кадич – управляющему министерством иностранных дел Н.П. Румянцеву, 10 (22) ноября 1807 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.50.
- ¹⁸² И.А. Баратынский – Д.Н. Сенявину, 28 апреля (10 мая) 1807 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.66. Л.139.
- ¹⁸³ Записка С. Вукотича Александру I о различных вредных происшествиях от неосторожного распоряжения статского советника Санковского случившихся, 4 (16) января 1808 г. // Там же. Ф.166. Оп.1. Д.586. Л.5.
- ¹⁸⁴ Певанія черногорска и херцеговачка, собр. Чубром Чайковичем черногорцем. Лейпциг, 1837. Перевод В. Макушева // *Макушев В.В.* Задунайские и адриатические славяне... С.175-177.
- ¹⁸⁵ С.А. Санковский – Ф. Книперу, 24 апреля (5 мая) 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821 гг. Д.1. П.4. Л.217.
- ¹⁸⁶ Ф. Книпер – С.А. Санковскому, 27 апреля (9 мая) 1807 г. // Там же. Л.218-218об.
- ¹⁸⁷ Петр I Негош – С.А. Санковскому, 11 (23) июня 1807 г. // Там же. Л.270.
- ¹⁸⁸ Рапорт полковника Г.М. Радуловича С.А. Санковскому, 13 (25) июня 1807 г. // Там же. Л.271.
- ¹⁸⁹ Там же. Л.271об.
- ¹⁹⁰ Рапорт полковника Г.М. Радуловича С.А. Санковскому, 13 (25) июня 1807 г. // Там же. Л.272 об.
- ¹⁹¹ Ф. Книпер – С.А. Санковскому, 7 (19) июня 1807 г. // Там же. Л.265; Ф. Книпер – С.А. Санковскому, 22 июня (4 июля) 1807 г. // Там же. Л.296.
- ¹⁹² *Броневский В.В.* Записки морского офицера... Ч.I. С.268; Записка С.И. Мазаровича. 1808 г. // Черногорско-русски односи 1711-1918. ... С.156.
- ¹⁹³ Записка С. Вукотича Александру I о различных вредных происшествиях от неосторожного распоряжения статского советника Санковского случившихся, 4 (16) января 1808 г. // РГА ВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.586. Л.6.
- ¹⁹⁴ Д.Н. Сенявин – Ф. Книперу, 27 мая (8 июня) 1807 г. // АСПБ ИИ РАН. Ф.115. Д.360. Л.74.
- ¹⁹⁵ С.А. Санковский – Петру I Негошу, июль 1807 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Негош. Док.1359.
- ¹⁹⁶ И. Быченский – Д.Н. Сенявину, 14 (26) сент.1806 г. // РГА ВМФ. Ф.194. Оп.1. Д.54. Л.227-227об.
- ¹⁹⁷ Там же. Л.91об.
- ¹⁹⁸ Там же. Л.187, 285.
- ¹⁹⁹ *Чарторыйский А.А.* Записка об устройстве европейских дел в случае удачного окончания войны. Не ранее марта 1807 г. (в тексте мемуаров ошибочно указан 1804 г.) // Князь Адам Чарторижский. Воспоминания и письма. С.324.
- ²⁰⁰ Александр I – Наполеону I, 24 июня (6 июля) 1807 г. // Сборник РИО. СПб., 1893. Т.88. С.70-72; ВПР. Серия 1. 1801-1815. М., 1963. Т.III. С.630-631. Даже ослабленная Пруссия нужна была Александру I как потенциальный союзник в будущей борьбе с Наполеоном. О том, что она предстоит, Александр I откровенно писал своей матери Марии Федоровне: «Союз с Наполеоном лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы...» (Русская старина. СПб., 1899. Кн.4. С.18). В инструкциях послам в Берлине и Вене предписывалось убеждать правительства Пруссии и Австрии набраться тер-

- пения, копить силы и ждать благоприятного момента для возобновления борьбы с наполеоновской Францией. В российском руководстве были как сторонники, так и противники Тильзитского договора. Новым министром иностранных дел вместо А.Я. Будберга стал Н.П. Румянцев, сторонник мирных отношений с Францией.
- ²⁰¹ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Биография. С.59.
- ²⁰² *Соловьев С.М.* Император Александр I. Политика, дипломатия // *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1986. Кн.XVII. С.343.
- ²⁰³ ВПР. Серия 1. 1801-1815. М., 1963. Т.III. С.641. Аналогичная 1-я статья австро-турецкого мирного договора в Систове (1791 г.), включавшая черногорцев в число амнистированных подданных султана, оказалась для них своеобразной миной замедленного действия, поскольку во время черногорско-турецкой войны 1852-1853 гг. Порта распространила среди иностранных дипломатических представителей в Стамбуле специальный меморандум, где в качестве основных доводов в пользу признания вассальной зависимости Черногории от Турции фигурировали условия Систовского мира (Лајнингенова мисија у Цариграду 1853. Године // ИЗ. 1976. Књ.XXXIII. Св.2. С.197-198). В отличие от этого секретная статья Тильзитского договора не стала достоянием гласности, и поэтому Турция не смогла извлечь для себя каких-либо политических выгод, даже в сфере дипломатической игры вокруг Черногории.
- ²⁰⁴ ВПР. Серия 1. 1801-1815. М., 1961. Т.II. С.677-678. Прим.157.
- ²⁰⁵ Александр I – Фридриху-Вильгельму III, 15 (27) июня 1807 г. // ВПР. Серия 1. 1801-1815. М., 1963. Т.III. Док.252. С.622; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С.62.
- ²⁰⁶ *Лекић Д.* Спољна политика... С.230.
- ²⁰⁷ В.П. Кочубей – С.А. Санковскому, 28 июня (10 июля) 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821. Д.1. П.4. Л.281-281об.
- ²⁰⁸ Петр I Негош – С.А. Санковскому, 27 июля (8 августа) 1807 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.46.
- ²⁰⁹ Петр I Негош – С.А. Санковскому, 25 июля (6 августа) 1807 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-5. Оп.4. 1805-1821. Д.1. П.4. Л.323; С.А. Санковский – А.А. Чарторыйскому, 16 (28) августа 1807 г. // Там же. Л.336.
- ²¹⁰ С.А. Санковский – А.А. Безбородко, 14 (26) августа 1807 г. // Там же. Л.314-315об.
- ²¹¹ Экстракт из донесения С.А. Санковского в МИД, 16 (28) августа 1807 г. // Там же. Л.340об.
- ²¹² Там же. Л.339-339об.
- ²¹³ С.А. Санковский – Петру I Негошу, 17 (29) августа 1807 г. // Там же. Л.355.
- ²¹⁴ И. Балтунов – А.Б. Куракину, 10 (22) апреля 1808 г., Триест. // Там же. Ф. Канцелярия. Оп.468. 1807 г. Д.11557. Л.73-73об.
- ²¹⁵ *Каллистов Н.Д.* Русский флот и двенадцатый год (Роль и участие флота в Отечественной войне в связи с циклом Наполеоновских войн в России). СПб., 1912. С.38.
- ²¹⁶ В публикации документов «Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия» (М., 1983. Т.2. С.389) ошибочно говорится, что он умер в 1826 г.
- ²¹⁷ *Надеждин Н.И.* Прогулка по Бессарабии // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1840. Т.26. №102. С.204.
- ²¹⁸ *Милорадович Г.А.* Православный монастырь Житомыслич в Герцеговине: Выдержки из дневника. Чернигов, 1890. С.13-14.
- ²¹⁹ Петр I Негош – А.Б. Куракину, 25 февраля (8 марта) 1808 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Негош. 1808 г. Док.1478.
- ²²⁰ Там же. Док.1552.
- ²²¹ *Распоновић Р.М.* Црна Гора и Русија: огледи и есеји. Београд - Подгорица, 2005. С.168-169.
- ²²² *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развика. Београд, 1981. С.391.

- ²²³ Сборник РИО. СПб., 1893. Т.88. С.401-402, 422-423.
- ²²⁴ *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина... С.128.
- ²²⁵ Петр I Негош – П.В. Чичагову, 8 (20) августа 1812 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.64.
- ²²⁶ *Лекић Д.* Спољна политика... С.259.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ *Лукић Ч.* Митрополит Петар Први Петровић. Титоград, 1991. С.71.
- ²²⁹ Петр I Негош – П.В. Чичагову, 8 (20) августа 1812 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.65.
- ²³⁰ Петр I Негош – С. Орловичу, 18 (30) апреля 1812 г. // РГВИА. Ф.14209. Оп.3/163⁶. Св.24. Д.12. Ч.IV. Л.124об-125.
- ²³¹ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.394.
- ²³² Петр I Негош – С. Орловичу, 18 (30) апреля 1812 г. // РГВИА. Ф.14209. Оп.3/163⁶. Св.24. Д.12. Ч.IV. Л.124-124об.
- ²³³ Петр I Негош – П.В. Чичагову, 8 (20) августа 1812 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.66.
- ²³⁴ П.В. Чичагов – Петру I Негошу, 13 (25) декабря 1812 г. // Там же. С.67.
- ²³⁵ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С.94; *Хевролина В.М.* Из истории русско-черногорских отношений в 1813-1833 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Материалы международной научной конференции. М., 1992. Ч.I. С.81.
- ²³⁶ См. текст англо-черногорского соглашения: *Лекић Д.* Спољна политика... С.269-270.
- ²³⁷ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.398.
- ²³⁸ *Бойович Й.Р.* Россия и Черногория в конце XVIII - начале XIX в. // Россия и славяне: политика и дипломатия. Балканские исследования. М., 1992. Вып.15. С.47; О деятельности созданных органов власти см.: *Вићевић В.* Прилог проучавању дјелатности Правног ресора Уједињених покрајина Црне Горе и Боке Которске. 1813-1814. // Уједињење Црне Горе и Боке Которске 1813-1814. Године (Зборник радова са научног скупа одржаног у Котору 10-12. Новембра. 1988). Титоград, 1991. С.63-73.
- ²³⁹ Петр I Негош – Александру I, 22 ноября (4 декабря) 1813 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.69.
- ²⁴⁰ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С.95; *Бойович Й.Р.* Россия и Черногория... С.48.
- ²⁴¹ *Хевролина В.М.* Из истории... С.83.
- ²⁴² П.Н. Никич – Н.П. Румянцеву, 7 (19) апреля 1814 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.83.
- ²⁴³ ВПР. Серия 1. М., 1970. Т.VII. С.789.
- ²⁴⁴ *Хевролина В.М.* Из истории... С.84.
- ²⁴⁵ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С.96; *Хевролина В.М.* Из истории... С.84; АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-8. Оп.7. 1813-1814 гг. Д.1. Л.22-22об.; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.83.
- ²⁴⁶ С. Пламенац – Александру I, 26 апреля (8 мая) 1814 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Негош. 1814 г. Док.2179.
- ²⁴⁷ П.Н. Никич – Александру I, 7 (19) мая 1814 г. // Там же. Док.2185.
- ²⁴⁸ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С.96-97; *Хевролина В.М.* Из истории... С.84-85.
- ²⁴⁹ *Вулековић В.Б.* Дипломатска дјелатност Саве Пламенца у вези уједињењем Црне Горе и Боке Которске // Уједињење Црне Горе и Боке Которске... С.145-146.
- ²⁵⁰ *Лекић Д.* Спољна политика... С.287; *Хевролина В.М.* Из истории... С.85.
- ²⁵¹ *Ровинский П.А.* Отношения между Россией и Черногорией при владыках. // Журнал министра народного просвещения. 1885. Ч.ССXXXIX. С.225.
- ²⁵² *Бойович Й.Р.* Россия и Черногория... С.48.
- ²⁵³ *Ворђевић В.* Црна Гора и Аустрија. 1814-1894. Београд, 1924. С.4.

- ²⁵⁴ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његова доба. Цетинье, 1951. С.246.
- ²⁵⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.81-82.
- ²⁵⁶ ВПР. Серия 1. М., 1972. Т.VIII. С.705-706.
- ²⁵⁷ Достян И.С. Россия и балканский вопрос... С.194-195.
- ²⁵⁸ Вуксан Д. Политичка и друга интересантнија писма из времена митрополита Петра I. // Записи. 1940. Књ.ХХIII. Св.4. С.239-240; Аналогичные письма черногорский митрополит направил и российским государственным деятелям (Н.П. Румянцеву, А.Б. Куракину и др.) // Там же. С.241-242.
- ²⁵⁹ Хевролина В.М. Из истории... С.86.
- ²⁶⁰ Пејовић Ђ. Д. Исељавања Црногораца у XIX вијеку. Титоград, 1962. С.120.
- ²⁶¹ Морозов П.О. Черногорские переселенцы в России. Материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891; Павићевић Б. О сеоби Хумаца у Русију 1815 године. // ИЗ. 1970. Књ.ХХVII. Св.1-2. С.71-82; Хевролина В.М. Из истории... С.88-89.
- ²⁶² Пејовић Ђ. Д. Исељавања Црногораца... С.121.
- ²⁶³ ВПР. Серия 1. М., 1972. Т.VIII. С.523; Павићевић Б. О сеоби... С.74.
- ²⁶⁴ РГВИА. Ф. ВУА. 1814-1817 гг. Д.563. Л.147-148 об.
- ²⁶⁵ Вуксан Д. Политичка и друга интересантнија писма из времена митрополита Петра I. // Записи. 1940. Књ.ХХIII. Св.5. С.304-305.
- ²⁶⁶ Маркевич А.И. Материалы архива сердара Малише и капитана Бошка Бучича-Никшича. // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. 1896. Т. XIX. С.94.
- ²⁶⁷ О.П. Козадавлев – П.П. Коновницыну, март 1816 г. // РГВИА. Ф. ВУА. 1814-1817 гг. Д.563. Л.121об.
- ²⁶⁸ Там же. Л.177а-177аоб.
- ²⁶⁹ Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн.36. С.460-461.
- ²⁷⁰ Там же. С.463-464.
- ²⁷¹ Хевролина В.М. Из истории... С.89.
- ²⁷² Там же. В 1834-1835 гг. 9 черногорских семей (Милашевичи, Гуровичи, Вукосавовичи) обращались с просьбой к председателю Попечительского комитета об иностранных переселенцах Южного края России генерал-майору И.Н. Инзову с просьбой исключить их из числа колонистов, поскольку они являются черногорскими дворянами, а следовательно, должны быть освобождены от повинностей. В случае отказа эти черногорские семьи желали вернуться в Черногорию. Сенат не удовлетворил просьбу черногорцев о признании их дворянами, сочтя доказательства недостаточными. В дальнейшем к этим 9 семействам присоединились и остальные 7, также пожелавшие вернуться в Черногорию. После уплаты всех недоимок на протяжении 1836, 1837, 1838 годов черногорцам выдали заграничные паспорта для возвращения их на родину. В Черногорию возвращалось 90 человек, мужчин и женщин, ровно такое число, какое их прибыло в 1815 г. в Одессу. По правде говоря, в России расставались с черногорцами-колонистами без какого-либо сожаления. Они спустя рукава относились к занятию сельским хозяйством, уклонялись от переписи при составлении ревизских сказок, уплаты податей. На их место было поселено 23 семейства немецких колонистов, образовавших колонию Гелененталь (Прошение поверенных жителей колонии Цетинье И.Н. Инзову, 28 августа (9 сентября) 1835 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.383. Оп.29. Ед. хр.596. 1835-1839 гг. Л.7-8; И.Н. Инзов – министру государственных имуществ П.Д. Киселеву, 30 января (11 февраля) 1839 г. // Там же. Л.15-18об.).
- ²⁷³ См. об этом: Достян И.С. Россия и балканский вопрос... С.183-184; Павићевић Б. О сеоби... С.77-79.
- ²⁷⁴ Петр I Негош – Александру I, 18 (30) декабря 1815 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.122.

- ²⁷⁵ Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. М., 1983. С.93.
- ²⁷⁶ Петр I Негош – С. Петровичу, 13 (25) мая 1817 г. // Записи. 1940. Књ. XXIII. Св.6. С.362-363.
- ²⁷⁷ *Пејовић Ђ.Д.* Исељавња Црногораца... С.124.
- ²⁷⁸ Г.А. Строганов – Петру I Негошу, 16 (28) июля 1817 г. // Записи. 1940. Књ. XXIII. Св.6. С.363-364.
- ²⁷⁹ Протокол заседания кабинета министров от 14 (26) августа 1817 г. // РГИА. Ф.1263. Оп.1. 1817 г. Д.126. Л.186об.
- ²⁸⁰ Там же.
- ²⁸¹ К.В. Нессельроде – Г.А. Строганову, 22 июня (7 июля) 1817 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп.517/1. Д.74. Л.403-404.
- ²⁸² Г.А. Строганов – Петру I Негошу, 16 (28) июля 1817 г. // Записи. 1940. Књ. XXIII. Св.6. С.364.
- ²⁸³ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С.186.
- ²⁸⁴ Там же. С.187-188.
- ²⁸⁵ Там же. С.188; *Хевролина В.М.* Из истории... С.91.
- ²⁸⁶ РГИА. Ф.796. Оп.3. 1830 г. Ед. хр.22. Л.4-5; Там же. Ф.797. Оп.2. 1816 г. Ед. хр.5183. Л.20.
- ²⁸⁷ Там же. Ф.383. Оп.29. 1819-1845 гг. Д.454. Л.105.
- ²⁸⁸ Г.А. Строганов – Петру I Негошу, 17 (29) февраля 1819 г. // Записи. 1940. Књ. XXIV. Св.1. С.43-45.
- ²⁸⁹ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С.190-192.
- ²⁹⁰ В этом письме К.В. Нессельроде без обиняков пояснил митрополиту, что вопросы, связанные с русско-черногорскими отношениями, должны Петербургом предварительно согласовываться с Австрией, поскольку ей предоставлено право «покровительствовать Черной Горе и заведовать всеми областями, прибрежными Адриатическому заливу» (ВПР. Серия вторая. 1815-1830 гг. Т. II (X). М., 1976. С.219).
- ²⁹¹ Петр I Негош – Г.А. Строганову, 18 (30) июня 1819 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.202-203.
- ²⁹² Памятные пункты Петра I Негоша Л. Павковичу, 23 июня (5 июля) 1819 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.204.
- ²⁹³ Черногорские старейшины и В. Радонич Петру I Негошу, 6 (18) августа 1817 г. // Записи. 1940. Књ. XXIII. Св.6. С.365-367.
- ²⁹⁴ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија. 1814-1894. С.16-17.
- ²⁹⁵ Донесение генерал-майора Й.А. фон Турски в Вену, 12 (24) августа 1841 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1841 г. Д.698. Л.15об.-16.
- ²⁹⁶ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С.73, 79.
- ²⁹⁷ См. например: *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С.129-195; Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. ... С.65-96; *Кудрявцева Е.П.* Россия и образование автономного Сербского государства (1812-1833 гг.). М., 1992. С.51-63; *История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны).* М., 2012. С.147-148; и др.
- ²⁹⁸ К.В. Нессельроде – Г.А. Строганову, 31 декабря 1819 г. (12 января 1820 г.) // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С.214-215; ВПР. Серия 2. М., 1979. Т. III (XI). С.756.
- ²⁹⁹ К.В. Нессельроде – Г.А. Строганову, 17 (29) марта 1820 г. // ВПР. Серия 2. М., 1979. Т. III (XI). С.335.
- ³⁰⁰ *Миловит Ј.М.* Петар I Петровић Његош. Писма и друга документи. 1821-1830. Књ.2. Титоград, 1988. С.76.
- ³⁰¹ Там же. С.88-89.
- ³⁰² Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. С.159-160.
- ³⁰³ Петр I Негош – А.Н. Голицыну, 26 июня (8 июля) 1824 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1824 г. Д.631. Л.7-10; *Миловит Ј.М.* Петар I Петровић Његош. Писма... Књ.2. С.695-700.
- ³⁰⁴ *Хевролина В.М.* Из истории... С.94.

- ³⁰⁵ *Павићевић Б.* Припреме за долазак Вукотића и Вучићевића у Црну Гору 1831 године. // Из. 1968. Књ. XXV. Св. 4. С. 95-96; И. Вукотич – Петру I Негошу, 9 (21) октобра 1824 г. // АВПРИ. Ф. СПБ ГА. Политотдел. Оп. 233. 1836 г. Д. 1. Л. 113-118.
- ³⁰⁶ И. Вукотич – А.Н. Голицыну, 22 новембра (4 децембра) 1824 г. // АВПРИ. Ф. СПБ ГА. V-A₂. Оп. 181/2. 1824 г. Д. 681. Л. 5-6об.
- ³⁰⁷ АВПРИ. Ф. СПБ ГА. V-A₂. Оп. 181/2. 1823. Д. 680. Л. 4-9об.; *Павићевић Б.* Припреме за долазак... С. 93-95. Б. Павичевич ошибочно считает 1823 год временем подачи «Записки» в МИД, что установлено В.М. Хевролиной (*Хевролина В.М.* Из истории... С. 94-95).
- ³⁰⁸ *Миловић Ј.М.* Петар I Петровић Његош. Писма... Књ. 2. С. 167-168, 196, 225-226, 319.
- ³⁰⁹ *Миловић Ј.М.* Петар I Петровић Његош. Грађа: 1830-1851. Књ. 4 (1845-1847). Титоград, 1986. С. 32-36.
- ³¹⁰ Црногорске исправе XVI-XIX вијека. Уредили Т. Никчевић и Б. Павићевић. Цетиње, 1964. Док. 197, 201, 202 и др.
- ³¹¹ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 210.
- ³¹² Д.Н. Сенявин – Николаю I, 22 априла (4 маја) 1828 г. // РГВИА. Ф. ВУА. 1828 г. Д. 4414. Л. 2-2об.; Частично текст записки приведен в монографии Е.В. Тарле: *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина... С. 161-162.
- ³¹³ РГВИА. Ф. ВУА. 1828 г. Д. 4414. Л. 3-6.
- ³¹⁴ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос... С. 275-276.
- ³¹⁵ *Кудрявцева Е.П.* Россия и образование... С. 139-141.
- ³¹⁶ Петр I Негош – И.М. Гагичу, 1 (13) октобра 1829 г. // *Миловић Ј.М.* Петар I Петровић Његош. Писма... Књ. 2. С. 311-312. Аккерманская конвенция 1826 г. не только обязывала Порту выполнить все условия Бухарестского мира (1812 г.) относительно Сербии и Дунайских княжеств, но и значительно их дополняла в плане расширения автономных прав этих земель, возвращения Сербии отторгнутых в 1813 г. округов и пр. Однако Порты всячески тормозила выполнение условий Аккерманской конвенции.
- ³¹⁷ *Павићевић Б.* Припреме за долазак ... С. 545-547.
- ³¹⁸ Петр I Негош – Николаю I, 20 јула (3 августа) 1829 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С. 311-312.
- ³¹⁹ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху севастопольской войны. СПб., 1887. С. 340.
- ³²⁰ *Шильдер Н.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 2. С. 256.
- ³²¹ Копия записки поданной МИДу полномочным митрополита и народа черногорского воеводою Вучичевичем, 21 јануара (2 февраля) 1830 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 4. Д. 389. Л. 1-8.
- ³²² *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. (Его подготовка и заключение). М., 1955. С. 352.
- ³²³ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 230.
- ³²⁴ *Татищев С.С.* Внешняя политика... С. 309.
- ³²⁵ *Хевролина В.М.* Из истории... С. 98.
- ³²⁶ Записка М. Вучичевича о настоящем положении Черногории, 5 (17) февраля 1831 г. // АВПРИ. Ф. СПБ ГА. V-A₂. Оп. 181/2. 1831 г. Д. 688. Л. 18-18об.
- ³²⁷ Там же. Ф. СПБ ГА. V-A₂. Оп. 181/2. Б/г. Д. 711 Л. 19.
- ³²⁸ *Пејовић Ђ.Д.* Исељвање Црногораца... С. 140-142.
- ³²⁹ Духовное завещание Петра I Петровича Негоша, 18 (30) октобра 1830 г. // Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е годы). Документы. Отв. ред. Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013. С. 150.

ГЛАВА V. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНОГОРИИ В 30 - 40-х гг. XIX ВЕКА И РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

§1. Иван Вукотич и Матия Вучичевич в Черногории. Первая поездка Петра II Негоша в Россию (1833 г.) и его реформаторская деятельность

19 (31) октября 1830 г. скупщина старейшин Черногории и Брды, подтвердив завещание Петра I Негоша, провозгласила его наследником 17-летнего Радивоя (Раде) Томова Петровича, младшего племянника покойного митрополита. Тогда же он принял монашеский постриг, а 31 января (12 февраля) 1831 г. на острове Ком в Скадарском озере (место родовой усыпальницы средневековых правителей Черногории Црноевичей) призренским митрополитом Ананием под именем Петра был рукоположен в сан архимандрита.

Молодой и еще совсем неопытный в государственных делах Петр Петрович нуждался в поддержке, тем более что смерть Петра I активизировала оппозиционную группировку во главе с губернатором Вуколаем Радоничем. Группировавшиеся вокруг губернатора силы пытались отстранить Петра II от политической власти и сосредоточить ее в руках В. Радонича, оставив в ведении владыки только дела религии. Возглавляемая В. Радоничем политическая группировка ориентировалась на Австрию, получала от нее денежную помощь. Первый этап противостояния Петра II Негоша с В. Радоничем завершился 17 (29) ноября 1830 г., когда решением скупщины Радонич был объявлен изменником и лишен звания губернатора, стал рядовым черногорцем, за намерение предать Черногорию. Поводом для этого явилось обнаружение его тайных связей с австрийцами. Таким образом, более чем вековой институт государственной власти, каким являлось губернаторство, был окончательно ликвидирован в Черногории. Однако В. Радонич не был казнен, несмотря на вынесенный ему смертный приговор, и не был даже тогда изгнан из страны из-за опасения открытого мятежа со стороны его приверженцев¹. В то же время местные австрийские власти потребовали, чтобы новый правитель Черногории покинул монастырь Станевичи, расположенный на «австрийской земле» и только пожизненно уступленный Петру I Негошу. Однако австрийцы получили на это категорический отказ со стороны черногорцев².

Ослабление центральной власти в последние годы жизни Петра I Негоша вынудило его, уже накануне своей кончины, внести предложение о создании такого органа верховной власти, как «Вече». Сразу же с приходом к власти Петра II такой орган, состоявший из 12 представителей всех нахий, был создан. Именно «Вече», а не формально еще существовавшее Правительство суда черногорского и брдского, олицетворяло, совместно

с Петром II Негошем, исполнительную власть в стране. Для поддержания мира и порядка на Риеке Црноевича был создан специальный военизированный отряд⁵. Так обстояло дело с верховными органами управления страной вплоть до учреждения в 1831 г. Сената.

На первых порах новому руководству пришлось столкнуться с анархией и самоуправством в среде черногорцев, всплеском кровной мести и межплеменного сепаратизма. Пытаясь примирить враждующих, Негош собирал их в Цетинье, но и там, перед монастырем, вновь происходили кровавые схватки, попытки запретить кровную месть встречали упорное сопротивление черногорцев⁴. «О мире с черногорцем нечего и говорить, пока у него заряжены оба пистолета и ружье; это значит толковать голодному о воздержности, когда перед ним стоит сытный обед» – замечал великолепный знаток Черногории и черногорцев Е.П. Ковалевский⁵. Несмотря на это Петр II настойчиво проводил линию борьбы с кровной местью, и к прибытию в Черногорию упоминавшихся ранее И. Вукотича и М. Вучичевича (август 1831 г.) ему, с помощью своих сторонников, удалось в определенной мере «помирить весь народ»⁶.

Активность находившихся еще тогда в России М. Вучичевича и И. Вукотича, их заинтересованность в черногорских делах вновь проявились в их письменных обращениях к российскому руководству. М. Вучичевич 5 (17) февраля 1831 г. представил в МИД записку «О настоящем положении Черногории»⁷, где вновь (в который уже раз) обращал внимание русской дипломатии на бедственное положение его родины. Еще находясь в Сербии, М. Вучичевич узнал из письма Петра I Негоша о неурожае в Черногории и о том, что ее ожидают все ужасы голодной смерти, кончина же митрополита лишь завершила многочисленные беды черногорцев. Описывая состояние Черногории в самых мрачных тонах (что в общем-то соответствовало действительности) – внешняя конфронтация, внутренняя анархия и т.п., М. Вучичевич допустил и ряд неточностей в своем изложении. Так, он сообщал МИД, что в Черногории не существует никаких законоположений⁸. В действительности в стране существовал Законник 1798-1803 гг., на основании статей которого выносились судебные приговоры и на протяжении 20-х гг. XIX в.⁹ Преувеличенным было также утверждение М. Вучичевича о неограниченной власти покойного митрополита, бывшей, по его мнению, единственной силой для удержания народа в должном повиновении¹⁰.

Выводы М. Вучичевича о ситуации в Черногории были пессимистичны. Он считал, что преемник митрополита Петр II Негош слишком молод для тяжелого бремени управления народом и церковью, полагал, что при таком положении дел Черногория лишится не только независимости, «но и самого бытия своего». Все надежды черногорский посланец возлагал лишь на быструю и эффективную помощь со стороны России.

Двумя днями позже только что прибывший в Петербург из своего имения в с.Пархомовка Богодуховского уезда Харьковской губернии И. Вукотич представил в МИД записку «О предполагаемом образовании народа черногорского и брдского», также содержащую сведения о положении Черногории¹¹. Если Записка М. Вучичевича была своеобразным эмоциональным всплеском и, в отличие от предыдущих обращений, не предполагала

каких-либо конкретных шагов в исправлении ситуации в Черногории, то И. Вукотич предлагал осуществить ряд конкретных мер, способных улучшить положение страны.

Его предложения сводились к 5 пунктам, в которых обосновывалась необходимость учреждения в Черногории училищ (как общеобразовательных, так и ремесленных), заведения фабрик и различных ремесел, создания регулярного войска. В предложениях И. Вукотича уделялось внимание и государственному управлению. Четвертым пунктом предусматривалось создание Правительственного Совета, органа верховной власти страны. И. Вукотич планировал, что правительство будет состоять из 15 человек (10 – от Черногории, 5 – от Брды). Правительство обязано было принести присягу в соблюдении правосудия и охраны прав народа, предусматривалась также и всенародная присяга Совету с обязанностью повиноваться «его повелениям и постановлениям». В компетенцию правительства входило утверждение местных судебных органов, назначение чиновников «службы народной» как внутри, так и вне пределов Черногории. Предусматривался 3-летний срок работы правительства, затем оно полностью обновлялось. При правительстве полагалось иметь 1 делопроизводителя, 2-х канцелярских служащих и 25 стражников из лучших фамилий Черногории, обязанных претворять в жизнь правительственные решения. В планах И. Вукотича не упоминается глава государства. Управлять Черногорией должен был коллективный орган – Совет. Последним, 5 пунктом предусматривалось отделение духовной власти от светской. Молодого архимандрита Петра Петровича И. Вукотич предлагал отправить в Россию для получения образования в Духовной академии. Вопросами религии во время его отсутствия должен был заниматься специально учреждаемый из лучших черногорских священнослужителей духовный Совет под председательством присланного из России архиерея или архимандрита.

Таким образом, предполагалось создать довольно стройную систему органов управления как в центре, так и на местах. Возможно, удаление молодого черногорского правителя под предлогом получения духовного образования было обусловлено желанием И. Вукотича, как и окажется в дальнейшем, сконцентрировать в своих руках власть в Черногории либо появившимся у него под влиянием М. Вучичевича сомнением в способностях Петра II Негоша управлять страной.

На намеченные преобразования, по подсчетам И. Вукотича, требовалась сумма в 24 тысячи червонцев, из которых 12 тысяч предоставлялись в первый год, а в дальнейшем по 4 тысячи червонцев в год. Затем, по мнению Вукотича, Черногория могла обойтись собственными средствами. На тот случай, если российская казна не сможет предоставить искомую сумму, И. Вукотич предлагал и другой вариант решения проблемы финансирования. Он просил беспроцентный заем в 200 тысяч рублей на 10 лет под залог своего богатого (1000 душ) имения. Из этой суммы он предлагал за свой счет покрывать потребности Черногории.

В ответ на просьбы М. Вучичевича и И. Вукотича в Петербурге поступили следующим образом: русское правительство имело задолженность перед Черногорией по государственной субсидии, выплата которой не производилась с 1807 г. по 1825 г. Решением Особого комитета (июнь 1831 г.)

Черногории предполагалось выплатить половину этой задолженности в размере 7 тысяч 200 червонцев на общественные нужды, борьбу с анархией и голодом¹². Безусловно, суммы, выделяемые русским правительством, были невелики, но и бюджет России не был бездонным. Достаточно сказать, что предназначенная для Черногории сумма в 7 тысяч 200 червонцев была изыскана лишь из денег, полученных по контрибуции от Турции. К тому же существовало опасение, что суммы другого, более высокого порядка (и это являлось главным) могли бы расходоваться не по прямому назначению, а на приобретение боеприпасов, вооружение черногорцев и т.п., что в свою очередь неизбежно вызвало бы резкие протесты со стороны Турции и Австрии. Поэтому послу в Вене Д.П. Татищеву предписывалось успокоить австрийские власти, проинформировав, что деньги выделяются исключительно с благотворительной целью¹³. Контролировать расход этих средств должен был И. Вукотич, выразивший желание отправиться в Черногорию вместе с М. Вучичевичем.

В июне 1831 г. И. Вукотич и М. Вучичевич, получив награды от русского правительства (И. Вукотич стал кавалером ордена Владимира 4-й степени, а М. Вучичевич – ордена Св. Анны 3-й степени), а также церковные книги и утварь, отправились в Черногорию. В югославской литературе существует мнение, что И. Вукотич и М. Вучичевич являлись «русскими представителями»¹⁴. Это не так. Они были отправлены из России как «черногорские депутаты», так о них и было доложено Николаю I¹⁵. Когда в 1836 г. уже вернувшийся в Россию и служивший по ведомству почтового департамента М. Вучичевич обратился с просьбой зачесть ему в стаж его службу по линии МИДа, то получил отказ. К.В. Нессельроде не склонен был считать, что деятельность М. Вучичевича имела какое-либо отношение к службе в МИДе¹⁶.

И. Вукотич и М. Вучичевич прибыли в Черногорию в конце августа 1831 г., в трудное для нее время. В стране продолжалось противостояние между двумя политическими течениями. Одно представлял архимандрит Петр Петрович Негош, поддерживаемый многочисленной родней. Вокруг Цетинской митрополии сконцентрировалось еще несколько авторитетных и влиятельных в Черногории катунских семейств (Мартиновичи, Вукотичи и др.), тесно связанных с Петровичами родственными узами и во внешней политике ориентировавшихся на помощь и поддержку со стороны России. Им все еще активно противостояло семейство уже бывшего губернатора Вуколая Радонича, наиболее богатое в Черногории, пользовавшееся влиянием и поддержкой среди некоторых черногорских племен (Цекличы, Люботиняне и др.), а также в Брде.

Свою деятельность в Черногории И. Вукотич и М. Вучичевич начали с того, что предъявили фальшивую грамоту с поддельными подписями Николая I и К.В. Нессельроде, зачитанную на состоявшейся вскоре после их прибытия скупщине. В «грамоте», в частности, отмечалось, что в Черногорию направляются «верноподданные наши» Вукотич и Вучичевич, «коим повелеваем мы учинить порядок и благоустройство между черногорским и брдским народом»¹⁷. Несомненно, такой проступок не украшал И. Вукотича и М. Вучичевича, но и обвинять их за это сложно, поскольку, поступая подобным образом, они знали, что любое дело будет продвигаться значительно быстрее и лучше, если оно осенено именем России и ее императора.

И. Вукотич и М. Вучичевич быстро становятся заметными фигурами во внутривосточной жизни Черногории. И. Вукотич поначалу самым тесным образом сотрудничал с Петром Петровичем Негошем. Он отмечал его заслуги и успехи в деле борьбы с самовластием старейшин, межплеменной враждой и кровной мстостью, достигнутые еще до приезда Вукотича в Черногорию¹⁸. От того, к какому лагерю примкнут И. Вукотич и М. Вучичевич, во многом зависел расклад политических сил в стране, укрепление позиций той или иной группировки. Несмотря на то, что В. Радониц был лишен должности губернатора, а также поначалу не был избран в Сенат во время формирования правительства в конце того же года, он и его сторонники не считали все потерянным и готовились к борьбе за власть.

Петр Петрович Негош, И. Вукотич, М. Вучичевич не желали углублять конфронтацию, особенно в то время, когда принимались судьбоносные для страны решения. Поэтому они сочли возможным закрыть глаза на прошлое и содействовали в дальнейшем избранию В. Радоница в Сенат, полагая, что он займет впредь лояльную к власти позицию¹⁹. Разумеется, в первую очередь здесь присутствовал государственный подход. Безусловно, «триумvirат» рассчитывал использовать влияние В. Радоница на часть черногорского и брдского общества. Если бы удалось объединить эти три политические силы (Петра II Негоша и его сторонников, В. Радоница и его окружение, «российских представителей» И. Вукотича и М. Вучичевича), то процесс реформирования в стране проходил бы успешнее. Хотя и так в этом деле были достигнуты положительные результаты.

В октябре 1831 г. вместо упраздненных Правительства суда черногорского и брдского и временного органа с правительственными полномочиями («Вече»), возникшего после смерти Петра I Негоша, был учрежден высший административно-судебный орган Черногории – Сенат. По этому поводу 2 (14) октября 1831 г. состоялась общенародная скупщина жителей Черногории и Брды численностью около 8 тысяч человек, одобрившая создание Сената и формирование гвардии. Скупщина сопровождалась салютом из небольших пушек и криками: «Да здравствует император Николай!»²⁰. Следует заметить, что черногорский Сенат не имел ничего общего с сенатом в европейском понимании. Сенат располагался в убогом одноэтажном каменном здании, крытом соломою, где также содержался домашний скот. Здесь для сенаторов в комнате, где проходило заседание Сената, готовилась пища на очаге, около него же они грелись зимой. Ночевали сенаторы также в этом здании на кроватях, покрытых соломою. Однако сенаторы чаще всего предпочитали жить по своим домам, с семьями и довольно редко собирались все вместе²¹. Так по крайней мере обстояли дела в первые годы правления Петра II Негоша.

Первым председателем Сената стал И. Вукотич, вице-председателем – М. Вучичевич. Петр II Негош являлся главой государства, но не входил в состав правительства, которое первоначально состояло из 16 сенаторов. В отличие от Правительства суда черногорского и брдского, созданного по принципу племенного представительства, Сенат был более узким по составу. Члены Сената являлись чиновниками и получали годовичную плату, составлявшую 100 талеров у сенатора и 600 – у председателя²². Вскоре за учреждением Сената последовало создание регулярных военно-политиче-

ских отрядов – гвардии и перяников (телохранителей главы государства, которые также выполняли карательные функции вплоть до расстрела). Гвардия формировалась из представителей племен, ее первоначальная численность составляла 156 человек, а к 1834 г. ее численность возросла до 388 человек. В задачи гвардии входило поддержание правопорядка в нахиях, розыск преступников и передача их высшему суду в Цетинье. Однако следует заметить, что местные общины считали постыдным выдавать своих преступников чужим людям и предпочитали чаще все же укрывать их у себя²³. По новым порядкам теперь отменялось денежное вознаграждение за отказ от кровной мести, но далеко не всем черногорцам пришлось это по нраву. Более всего этим нововведениям противились жители Црмницкой нахии, предпочитавшие прежние порядки. Разгневанный Петр II Негош за это запретил некоторым црмницким племенам посещать церкви. Вук Караджич при личной встрече со старейшинами этой нахии услышал от них, что если бы к ним прибыл сам владыка, то все нововведения были бы приняты. На это пошли бы даже продолжавшие вражду те 2 или 3 семейства, которым бы владыка пригрозил отлучением от церкви²⁴. Незначительные нарушения закона гвардия решала сама, вынося судебные приговоры. Штрафные суммы (глоба), получаемые с преступников, вносились в государственную казну, откуда гвардии выплачивалось ежегодное жалование по 60 гульденов (39 рублей серебром)²⁵. Гвардия являлась судебным органом низшей инстанции, высшей был Сенат, куда и переносилось дело, если подсудимые были недовольны решением гвардии²⁶. Перяники (первоначально их численность составляла 8 человек, затем – 15), кроме обеспечения безопасности Петра II, также арестовывали правонарушителей и выполняли приговоры по мелким судебным делам. Это были молодые люди из родовитых семейств, которым более всего доверял черногорский правитель. Общая численность аппарата государственного управления (Сената, гвардии) составляла 180 человек²⁷. Таким образом, идеи, заложенные еще Петром I Негошем в проектах 1798 г. и 1805 г., принесли, хотя и в частично измененном виде, свои первые результаты.

Петр II Негош уже на первых порах своего правления понимал значимость просвещения народа для дела государственного строительства, модернизации общества. В письме к И.М. Гагичу он отмечал, что ему было бы радостно видеть процветание науки и просвещения на его родине, чтобы и в Черногории были «верные сыны, которые могли бы обороняться не только оружием, но и пером разумным»²⁸. Сам Негош, во многом под влиянием своего учителя, знаменитого сербского поэта Сима Милутиновича Сарайлия (он обучал молодого Негоша с 1827 г. до 1833 г., затем окажется в оппозиции к Петру II Негошу и покинет страну), уже тогда увлекался литературным творчеством, прежде всего поэзией. Черногорскому правителю пришлось управлять отсталой страной, бедной материальными ресурсами, где постоянная борьба с внешней угрозой и родоплеменными пережитками не давала возможности в должной мере развиваться просвещению и образованию. Понимая не в меньшей степени, чем Негош, необходимость введения хотя бы элементарного просвещения народа, И. Вукотич и М. Вучичевич проявили инициативу в этом важном деле и учредили 2 приходских училища – одно в Цетинье, а другое в Цеклине (Риецкая нахия). Этого было

безусловно мало для Черногории. И. Вукотич полагал, что необходимо открыть в стране по крайней мере еще 6 подобных училищ, поскольку народ погряз в невежестве и охотно желает и даже просит отдавать детей в науку²⁹.

Однако сложная внутривосточная обстановка, сложившаяся в стране к началу 1832 г., не позволила сосредоточить все внимание правительства и главы государства на реформировании черногорского общества. Определенные надежды на то, что семейство Радоничей удастся привлечь на сторону правительства, не оправдались. Вскоре выяснилось, что бывший губернатор Вуколай Радонич, прощенный по просьбе Негоша и Вукотича и даже ставший сенатором, «подбирает себе партию, [чтобы] ниспровергнуть правительство и тем ввергнуть народ в пагубное прежнее его безначалие»³⁰. В январе 1832 г. В. Радонич, его брат Марко были арестованы и заключены в тюрьму, а вскоре семейство Радоничей было изгнано из Черногории. Их дома, в соответствии со ст.1 Законника 1798-1803 гг., были подвергнуты разрушению. В акции по аресту и последующему изгнанию Радоничей из страны большая роль принадлежала катунской гвардии и сенатору от той же нахии С. Вукотичу. При аресте дело не обошлось без кровопролития. В стычке с гвардией было убито несколько представителей семьи Радоничей. Следует сказать, что это важнейшее событие во внутривосточной жизни Черногории сильно поколебало влияние и возможности проавстрийской группировки. С тех пор австрофилы уже никогда не имели сколь-нибудь серьезного влияния в Черногории. Кроме того, ликвидацией губернаторства и изгнанием В. Радонича завершился почти семидесятилетний процесс соперничества за власть семейства Петровичей Негошей с Радоничами, а в Черногории упрочилась прорусская ориентация.

Забегая вперед, отметим, что Радоничи предпринимали попытку вернуться в Черногорию. Разочаровавшись в возможностях австрийских властей оказать содействие в этом, брат последнего губернатора Черногории (В. Радонич умер в изгнании в австрийских владениях в 1832 г.) Марко Радонич в 1835 г. прибыл в Россию и обратился в Азиатский департамент МИДа с просьбой ходатайствовать перед черногорским правительством о возвращении его на родину и возврате конфискованного имущества. Дело сочли достаточно важным, о нем доложили императору. Учитывая, что русское правительство приняло себе за правило не вмешиваться во внутренние дела Черногории, а также то обстоятельство, что Петр II Негош имел достаточные причины к изгнанию Радоничей, в просьбе было отказано. Однако, принимая во внимание древность рода Радоничей и бедственное положение просителя, решено было, снабдив М. Радонича 200 червонцами, отправить его обратно к месту пребывания³¹, то есть в австрийские владения. Следует отметить, что русское правительство в это время не желало вмешиваться во внутривосточные интриги и в других балканских государствах. Так, было отказано в просьбе вдовы вождя Первого сербского восстания 1804-1813 гг. Карагеоргия оказать содействие возвращению ее сына в Сербию, поскольку это вызывало резкие возражения князя Милоша Обреновича³².

Весной 1832 г. М. Вучичевич по поручению Петра II Негоша, И. Вукотича и черногорского правительства вновь был направлен в Россию. Эта миссия была вызвана важными событиями внутривосточной жизни страны. Черногорское правительство – Сенат был избран на один год, срок его пол-

номочий истекал, и на сентябрь 1832 г. уже была намечена скупщина для избрания нового состава правительства. Положение правящего тогда правительства – «триумvirата» в лице Петра II Негоша, И. Вукотича и М. Вучичевича – представлялось весьма шатким. Во многом это объяснялось частыми набегами со стороны соседних турецких владений, которые, как отмечали Петр II Негош и И. Вукотич в обращении к Николаю I, «стесняют нас до того, что мы не можем заниматься ни начатым с успехом устройством, ни промышленностью», а вынуждены вести оборонительную войну³³. В связи с этим черногорское правительство с единодушного согласия народа обращалось к императору с просьбой о «явном покровительстве», рассчитывая, что благодаря этому прекратятся все бедствия черногорцев и непрерывные войны с соседями³⁴. Наряду с внешней опасностью угрозой делу проведения реформ в Черногории представляло тяжелое, по мнению М. Вучичевича, финансовое положение правительства. В его Записке, адресованной в МИД для последующей передачи К.В. Нессельроде, явно присутствуют панические настроения. Он сетовал, что недостаточность денежных средств сильно затрудняет работу правительства, чиновничьего аппарата. М. Вучичевич просил русское правительство оказать срочную финансовую поддержку Сенату из остававшейся задолженности по государственной субсидии Черногории. Сделать это он просил до перевыборов правительства. В противном случае, полагал М. Вучичевич, «немошь правительства обнаружась перед народом, убьет его доверие к начальству, отнимет желание служить», а также породит сомнение в расположении России к Черногории³⁵.

В правящих кругах России информацию о положении в Черногории получали не только от черногорских посланцев, но и через российских дипломатов, в частности, от вице-консула в Дубровнике И.М. Гагича. П.А. Ровинский довольно метко характеризовал И.М. Гагича как верного и преданного России, аккуратного чиновника. Вместе с тем он отмечал в И.М. Гагиче излишнюю осторожность, стремление придержать любое неординарное дело, не дать ему хода, чтобы избежать личной ответственности³⁶.

В российском МИДе сравнивали полученную из различных источников информацию, анализировали ее и делали соответствующие выводы. В конце августа 1832 г. К.В. Нессельроде в Царском Селе доложил императору Николаю I свое мнение о ситуации в Черногории, основанное на сведениях, полученных от Петра II Негоша, И. Вукотича, М. Вучичевича и И.М. Гагича, побывавшего по предписанию вице-канцлера в Черногории³⁷. К.В. Нессельроде положительно оценивал внутренние распоряжения, сделанные Вукотичем, полагал, что черногорцы года через три смогут сами содержать свое правительство (этот вывод вице-канцлера, как покажет время, был слишком оптимистичным), но до тех пор русские субсидии представлялись ему необходимыми. В пограничных конфликтах К.В. Нессельроде, ссылаясь на объективную информацию И.М. Гагича, видел не только агрессию со стороны соседей-мусульман против Черногории, но и вину черногорцев, имея в виду в первую очередь две неудачные попытки черногорцев и брдян овладеть Подгорицей, о чем еще пойдет речь далее. Воспрепятствовать этому в дальнейшем, по мнению К.В. Нессельроде, должно было клятвенное обязательство черногорского правительства и народа избегать конфликтов с «турками» и австрийскими пограничными властями. В во-

просе о государственной субсидии вице-канцлер считал нужным выдать из казны 3 тысячи червонцев в счет погашения задолженности, а остаток (4 тысячи 200 червонцев) выплатить в последующие 3 года. Этим, полагал К.В. Нессельроде, ограничивалось все то, что можно было сделать для черногорцев. Николай I утвердил предложения Нессельроде. Но вопрос о «явном покровительстве» Черногории со стороны России даже не рассматривался, поскольку русское правительство, как уже неоднократно отмечалось, оказывая фактическое покровительство Черногории, избегало открытого международного его признания. Впрочем, в то же самое время в посланиях русских дипломатов самого высокого ранга к черногорским политическим деятелям, в служебной переписке по линии МИДа признавалось наличие покровительства России Черногории, хотя оно и ставилось в зависимость от соблюдения черногорцами мира с соседями³⁸. Такая политика в первую очередь диктовалась внешнеполитическими интересами России, стремившейся упрочить свои стратегические позиции на Балканах, в том числе и в Черногории с ее традиционно доминирующей прорусской ориентацией. Порта, особенно после недавнего поражения в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., вынуждена была терпеливо сносить русское влияние на Балканах, в частности в Черногории.

Черногорское правительство постоянно нуждалось в деньгах, поскольку внутренние источники финансирования были крайне ограничены. Русская субсидия, предназначенная на проведение государственных преобразований и установление правопорядка в стране, также не могла покрыть потребности правительства. Поэтому в октябре 1832 г. находившийся уже полгода в Петербурге вице-председатель Сената М. Вучичевич представил в МИД свою вторую Записку³⁹. В ней он отмечал успехи в деятельности правительства, подчеркивал, что черногорцы ощущают пользу новых преобразований и повинуются решениям властей. Однако, отмечалось в Записке, недостаток финансов может парализовать в скором времени работу правительства. Поэтому М. Вучичевич вновь от имени черногорского Сената просил выделить в заем сумму в 30000 червонцев сроком на 6 лет (по 5 тысяч червонцев ежегодно). М. Вучичевич полагал, что ежегодная потребность Сената в деньгах составляет 10000 червонцев. Однако 5000 предполагалось покрывать за счет введения налогов и ежегодной русской субсидии в 1000 червонцев, установленной еще Павлом I. Черногорский посланец заверял, что его правительство просит лишь необходимый минимум, без которого невозможно нормальное функционирование правительства. Кроме того М. Вучичевич вновь просил срочно ликвидировать российскую задолженность по государственной субсидии и опять добивался официального признания со стороны России покровительства Черногории. В том случае, если русское правительство не удовлетворит эти просьбы, М. Вучичевич не видел смысла возвращаться на родину и просил предоставить ему русское подданство и определить на службу. В правительственных кругах России сочли такие просьбы чрезмерными, полагая, что и так для Черногории сделано достаточно. Поэтому прошение М. Вучичевича было отклонено, а ему было предложено вернуться в Черногорию⁴⁰.

Следует отметить, что, поступая подобным образом, в российском МИДе, в правительственных сферах не знали с полной достоверностью

внутреннюю ситуацию в Черногории, действительных потребностей ее народа и правительства. Как уже отмечалось, кроме собственно черногорских источников, которым не всегда вполне доверяли, информацию о положении в стране получали из донесений вице-консула И.М. Гагича, депеш из посольств в Вене и Константинополе, которые также не могли служить исчерпывающим источником о реалиях жизни черногорского общества 30-х гг. XIX века. В этом плане, безусловно, положительную роль сыграло бы открытие русского консульства в Цетинье, ибо И.М. Гагич крайне редко навещал Черногорию и не мог в полном объеме вникнуть в суть происходивших в ней событий. В близкой к Черногории Сербии российское консульство было открыто в 1838 г., вскоре после открытия там австрийского и британского дипломатических представительств. Однако и до этого Россия в большей степени интересовалась состоянием дел в Сербском княжестве, нежели в Черногории, поскольку Сербии как более крупному государству с большей численностью населения и достаточно развитой, по сравнению с Черногорией, экономикой отводилась более важная роль в балканской политике России. Этому также, несомненно, способствовало и то обстоятельство, что благодаря султанским хатти-шерифам (указам) 1829-1830 гг. Россия, как держава-покровительница, могла официально влиять на внутренние дела Сербского княжества. В формально зависимой от Порты Черногории, как уже отмечалось, такие возможности России были ограничены, поскольку права и преимущества Черногории не были зафиксированы в каких-либо русско-турецких соглашениях. В то же время, например, Болгарии в 30-40-х гг. XIX в. русское правительство отводило на Балканах гораздо менее значительную роль, чем Черногории. Это в первую очередь объясняется сдержанной политикой самого царского правительства, не желавшего обострять отношения с Портой и рассматривавшего выступление болгар как мятеж против законного государя. На взаимоотношениях Болгарии и России негативно сказывалось и то обстоятельство, что в Болгарии отсутствовали какие-либо собственные (национальные) органы государственной власти, которые могли бы послужить фундаментом для активизации болгарско-русского политического сближения. Однако борьба болгарского народа за обретение автономии (по аналогии с Дунайскими княжествами и Сербией) в первой половине XIX в. не увенчалась успехом.

В июне 1833 г. М. Вучичевич отбыл на родину, так и не получив того, на что рассчитывало черногорское правительство.

Тем временем в Черногории происходили важные события, которые могли оказать заметное влияние на государственно-правовую жизнь страны. В мае 1833 г. председатель Сената И. Вукотич подготовил новый кодекс законов, так называемые «Законы отечества»⁴¹. Этот проект состоял из 20 статей. В его преамбуле содержится утверждение, что черногорцы не имеют законов, «по которым правят и судят», хотя сам проект частично повторял Законник 1798-1803 гг. и, вероятно, И. Вукотич имел его под рукой при составлении своего кодекса. В нем также утверждалось, что законы составлены Вукотичем «по повелению царя русского», что, хотя и косвенно, соответствовало истине, поскольку в российском руководстве неоднократно обращали внимание черногорских властей на необходимость действен-

ной борьбы с анархией и самоуправством в стране. Законом гарантировалась безопасность жизни и имущества черногорцев и брдян и проживающих в стране иностранцев (ст.1), чего не было в Законнике митрополита Петра I. Законы отечества карали смертью через повешение изменника, взяточника и грабителя (ст.2, 3). Также на смерть судом должен был быть приговорен любой человек, который будет оказывать сопротивление «законам народным и другим предписаниям» (ст.4). Такая устрашающая статья носила скорее декларативный характер, поскольку этим законоположением исключалось любое нарушение не только закона, но и последующих различных указов, что было делом невозможным в любом обществе, не говоря о черногорском, где почтение к закону и праву было весьма слабым. По меткому замечанию Б. Павичевича, неизвестно, сколько людей в Черногории нашли бы смерть на виселице или от расстрела, если бы это законоположение было реализовано⁴².

Во многом схожи с Законником 1798-1803 гг. постановления, предусматривающие наказание лиц, помогающих преступнику скрыться от возмездия. В этом случае «Законы отечества» предусматривали либо смертную казнь, либо тюремное заключение или телесное наказание палками. В том случае, если племя или братство не оказывали помощи в поимке преступника, на их территорию могли быть введены войска. Согласно ст.5 «Законов отечества» предусматривалось коллективное наказание такого племени или братства выплатой всех издержек, связанных с пребыванием войск. В судебной практике такая форма коллективной ответственности существовала и во время правления Петра I Негоша⁴³.

Развитие ростовщичества, ставшего распространенным явлением в Черногории в 30-е гг. XIX в., заставляло правительство предпринимать попытки его ограничения. Этой цели служила ст.7. По ней процентная ставка за заем не должна была превышать 6%. Ибо закон гласил, что «большой барыш разоряет народ, уничтожает торговлю и приводит к народным возмущениям». Нарушитель этого законоположения карался двухнедельным тюремным заключением, вся сумма займа конфисковалась и шла в государственную казну.

«Законы отечества» ставили главной целью дальнейшее укрепление государственной власти, особенно судебной. Вместе с тем другие проблемы, и в частности финансовые, также не были обойдены законодателем. Их, хотя бы частично, призваны были решить ст.18 и 20, касавшиеся налогообложения населения. Устанавливался ежегодный налог в 1 талер с дома, притом предоставлялась возможность платить его не единовременно, а дважды в течение года.

По нормам черногорского «обычного права» и общественной моралью оскорбление и клевета расценивались как тяжкое преступление, нередко приводившее к кровопролитиям. Ст.9 «Законов отечества» наказывала обидчика штрафом в 5 талеров в пользу пострадавшего, а также обязывала внести 2 талера в «народную казну» и карала двухнедельным тюремным заключением. В законодательстве нашло выражение различие, существовавшее между утверждавшимся чиновно-бюрократическим слоем и остальным населением страны. За оскорбление сенатора, гвардейца или «человека от суда» виновный обязан был выплатить штраф оскорбленному

должностному лицу в сумме его годовичного жалования. Кроме того он был обязан заплатить в государственную казну еще 10 талеров и подвергался двухмесячному тюремному заключению (ст.11).

Ст.16 передавала дела, связанные с расторжением брака, в ведение церковного суда, вероятно, следуя в этом случае примеру российского законодательства. Попутно заметим, что проблемы брачных отношений, семейного права интересовали главу черногорского государства и церкви. Так, одним из поводов намеченной на 1846 г. поездки митрополита Петра II в Россию было прояснение через Синод вопроса о «трудных браках» в Черногории⁴⁴.

«Законы отечества» не были претворены в жизнь, поскольку они не получили одобрение Сената и Петра II Негоша. Вероятно, те жесткие и суровые меры, которые предусматривал в ряде законов И. Вукотич, могли получить действенный отпор со стороны населения. Влияние же Сената, гвардии и перяников еще только утверждалось в стране. Кроме того новые законоположения не всегда в должной мере учитывали фактор самосознания черногорцев. В частности, это касается предусмотренного законом палочного наказания виновных, что являлось оскорбительным для достоинства черногорцев, которые, случалось, предпочитали самоубийство телесному наказанию⁴⁵. Попытка Петра II в 1845 г. все же ввести палочное телесное наказание закончилась провалом и едва не вызвала взрыв народного возмущения⁴⁶. Только князю Даниле удастся узаконить телесное наказание. Не следует исключать и то, что определенные трения между Петром II и И. Вукотичем, возникшие уже в 1833 г., также сыграли свою роль в неприятии «Законов отечества». Вполне возможно, что последнее было главным. Так как «Законы отечества», несмотря на определенные, легко устранимые изъяны, могли, в случае их введения, сыграть положительную роль в налаживании правопорядка в Черногории.

Во время правления Петра II Негоша в Черногории по-прежнему действовали нормы обычного права и Законника 1798-1803 гг., которыми с небольшими отступлениями руководствовалось черногорское правительство⁴⁷. Петр II Негош всю жизнь последовательно проводил политику централизации власти, подчинения общества закону. При нем особо сурово карались тяжкие преступления (участие в заговоре и измена отечеству, кровная месть, предумышленное убийство), за что правительство приговаривало виновных к смертной казни через расстрел. Случалось такое, что та или иная община сопротивлялась выдаче убийцы центральным властям. При этом дозволялось разорить и сжечь его дом, конфисковать скот и имущество. Это избавляло родственников убийцы от кровной мести. Сам преступник изгонялся из общины, и любой черногорец мог его убить, не понеся при этом наказания, что предусматривалось еще 5-й статьей Законника 1798-1803 гг. Лишенная имущества семья убийцы вынуждена была искать приют у родственников. Однако если убийца был пойман и казнен, то его имущество оставалось в распоряжении семьи⁴⁸.

Чтобы не подвергать гвардию и перяников риску кровной мести со стороны родственников, расстрел производился членами братства осужденного преступника⁴⁹. Однако так было не всегда. В противоположность этому Вук Караджич приводит случай показательного расстрела в Цетинье двух приговоренных к смерти преступников. Для исполнения приговора над ними из

различных нахий и племен было набрано более 100 черногорцев, которые одновременно с малого расстояния произвели выстрелы, но убили лишь одного из них, а другого только ранили. Раненого затем выпустили на свободу, поскольку участники расстрела посчитали, что он не так уж и виновен⁵⁰.

Случалось, что совершившему убийство или измену черногорцу-преступнику удавалось скрыться в турецких владениях, чаще всего в соседней Герцеговине. Такие перебежчики назывались ускоками, и они с удовольствием принимались турками, которые освобождали их от уплаты харача, помогали обустроиться. В свою очередь эти ускоки обязаны были принимать участие в четовании против черногорцев, иначе их могли счесть за лазутчиков, а были и такие. Вуку Караджичу рассказали об одном ускоке, из-за обиды ушедшем к туркам, принявшем мусульманство и сменившем имя на Кериман, который, занимаясь четованием, «отрезал и унес одна за одной 27 черногорских голов»⁵¹. Подобные ускоки бахвалились: «Пока будут крепости Спуж и Никшич, не боюсь я ни сената, ни кого-либо другого»⁵². Однако и здесь безопасность ускока не была гарантирована, поскольку и тут его могла настичь смерть от руки подосланного наемного убийцы. Безусловно, тайное убийство за пределами Черногории не являлось законным методом наказания за совершенное преступление, но оно внушало суеверным черногорцам страх, что приговор владыки повсюду настичет виновного⁵³. Были и такие ускоки, и их было большинство, которые из-за преследования христиан или убийства турка либо по какой другой причине бежали из турецких владений и находили себе убежище уже в Черногории. Это позволяло им быть свободными людьми и по желанию воевать против турок. Вместе с тем польза от таких ускоков для черногорцев была невелика, поскольку, как замечал Вук Караджич, они, в отличие от перебежчиков в турецкие владения, вовсе не были обязаны заниматься четованием против своих вчерашних земляков, хотя бы и турок⁵⁴.

1833 г. стал знаменательным годом в истории русско-турецких и русско-черногорских отношений. 26 июня (8 июля) уполномоченными России и Порты был заключен Ункяр-Искелесийский оборонительный договор сроком на восемь лет. Подписанию этого важного международного акта предшествовали события, связанные с борьбой Порты против мятежного вассала султана паши Египта Мухаммеда Али, требовавшего расширения подвластных ему земель и признания наследственных прав владения ими. Войска египетского паши сумели наголову разгромить турецкую армию при Конье (Анатолия), они продвигались к Стамбулу, положение султана Махмуда II стало катастрофическим. Вновь резко обострившийся Восточный вопрос втянул в свою сферу западноевропейские державы, а также Россию. Великобритания не собиралась поддерживать султана вооруженными силами, а издавна покровительствовавшая Мухаммеду Али Франция фактически его поддерживала. Находящийся в полной панике султан вынужден был обратиться за помощью к России, впоследствии оправдываясь перед европейскими дворами тем, что «утопающий и за змею хватается». Введенная в Босфор русская эскадра и русский десант, расположившийся на малоазиатском берегу, быстро умерили наступательный пыл египетского паши, и он пошел на мирные переговоры с султаном, которые завершились в мае 1833 г. уходом египетской армии.

Ункяр-Искелесийский договор предусматривал взаимную помощь России и Турции в случае войны с третьей державой. Интересы России оговаривались в секретной статье (ставшей вскоре достоянием гласности), по которой Турция освобождалась от военной поддержки, а ее помощь выражалась в обязанности султана держать Босфор и Дарданеллы закрытыми для иностранных военных кораблей во время войны России с любой другой державой или державами, помогая тем самым России в защите Черноморского побережья. Этот договор на время закрепил преобладающее влияние России в Турции, повышал ее престиж в Стамбуле, что вызвало резкое недовольство Англии и Франции.

Для Балкан значение Ункяр-Искелесийского договора было неоднозначным. Он был, безусловно, выгоден для Сербии, поскольку вследствие русско-турецкого сближения российской дипломатии удалось добиться упрочения автономии княжества благодаря новому хатт-и-шеруфу, направленному в Сербию в ноябре 1833 г. Вместе с тем Ункяр-Искелесийский договор продолжал курс на сохранение «слабого соседа», взятый царским правительством после заключения Адрианопольского мира в сентябре 1829 г., что в дальнейшем отрицательно сказалось на развитии освободительного движения балканских народов.

В 1833 г. произошло важное событие в истории русско-черногорских церковных, да и политических связей. В июле Петр II Негош приехал в Петербург, где 6 (18) августа в Преображенском соборе Александро-Невской лавры молодого двадцатилетнего черногорского владыку в торжественной обстановке, в присутствии Николая I посвящают в архиерейский сан епископа. Петр II Негош был первым владыкой Черногории, который посвящался русским Синодом в столь высокое в церковной иерархии звание. Это событие, а также сама поездка Негоша в Россию укрепили его положение и авторитет в Черногории. В связи с посвящением ему было выдано 23 тысячи рублей на архиерейское облачение и панагию, Петр II Негош также получил 5 тысяч рублей на пособие для черногорского народа, что позволяло, хотя и ненадолго, улучшить финансовое положение страны. Из России Петр II Негош увез с собой не только иконы, но и большое количество книг (на сумму в 10 тысяч рублей). Кроме того им в Петербурге было получено 3 тысячи рублей на развитие культуры и просвещения и 300 рублей на пополнение библиотеки⁵⁵. Благодаря этой первой поездке в Россию черногорский правитель обзавелся полезными связями в официальных кругах российской столицы, его приезд вызвал интерес в высшем обществе⁵⁶.

Петр II Негош прибыл в Россию после заключения Ункяр-Искелесийского договора. Он понимал, что в условиях новых отношений, установившихся между Россией и Турцией, становятся невозможными повторные просьбы об официальном покровительстве России Черногории, какие-либо резкие претензии в адрес Порты и т.п. Тем более что во время аудиенции у Николая I и в МИДе, как позднее вспоминал владыка, ему настойчиво внушали мысль поддерживать дружелюбные отношения как с пограничными австрийскими властями, так и с турками, поскольку «его императорское величество находится с обоими императорами в братском союзе»⁵⁷. Вместе с тем Петр II Негош стремился использовать резко возросшее русское влияние на Турцию в интересах Черногории. Поэтому он обратился в МИД с просьбой

повлиять на Порту, чтобы черногорцам было разрешено выезжать в соседние турецкие владения для занятия промыслами и торговлей. Недостаток плодородных земель и частые неурожаи заставляли черногорцев переселяться в чужие края. В связи с этим владыка просил содействовать переселению в близлежащие турецкие земли, соглашаясь с тем, что черногорцы будут нести все повинности, возложенные на подданных Порты. Он просил только избавить черногорцев от налогов на 3 года, сохранить для них свободу вероисповедания, запретить мусульманам селиться среди черногорцев и разрешить старейшинам самим чинить «суд и расправу» над своими соплеменниками⁵⁸. По существу черногорский правитель рассчитывал получить с помощью России весьма широкие автономные права для черногорских переселенцев на территории Османской империи.

В 1833 г. высокий престиж России в Турции казался незыблемым, и в Петербурге постарались оказать помощь Петру II Негошу в переселении части черногорцев в соседние турецкие владения на автономных началах и в свободе торговли для них в османских землях. Управляющий Азиатским департаментом МИДа К.К. Родофиникин в сентябре 1833 г. уполномочивал русского посланника в Константинополе оказать в этом деле поддержку черногорцам⁵⁹. При этом он обращал внимание А.П. Бутенева на фактическую независимость Черногории от Порты и на то, что черногорцы всегда были преданы России, служили ей «при разных случаях усердно», и, следовательно, российский двор должен принять участие «в благосостоянии сего народа»⁶⁰. Однако и в период наибольшего русского влияния в Константинополе нашей дипломатии приходилось проявлять осторожность, лавировать, дожидаться удобного момента для решения черногорских дел. А.П. Бутенев считал несвоевременным обращаться к турецкому правительству в защиту торговых и переселенческих интересов черногорцев. Он считал, что этому препятствует возмутившее Порту участие черногорцев (хотя и косвенное) в мятежах боснийских и албанских феодалов в 1831-1832 гг., продолжающееся негодование в Турции в связи с изданием в интересах Сербии (при самой активной поддержке российской дипломатии) хатт-и-шерифа 1833 г., а также делами армянской церкви, ходатаем за интересы которой в Константинополе уже выступал А.П. Бутенев. Эти причины, а также обострение турецко-австрийских отношений из-за территориальных претензий Австрии на земли, лежащие вблизи черногорских границ, – все это не позволило А.П. Бутеневу в то время заняться проблемами Черногории⁶¹. В дальнейшем он неоднократно защищал интересы Черногории перед турецким правительством, стараясь использовать любой удобный случай и предлог для этого.

В Петербурге также не забывали о Черногории и ее правителе. В 1834 г. по предложению Николая I Синод посвятил Петра II Негоша в сан архиепископа, характеризуя это событие как акт уважения русской церкви к «древности сей епархии и в доказательство возрастающей любви Российской церкви к сему принявшему от нее поставление свое архипастырю»⁶². В свою очередь Негош благодарил обер-прокурора Синода С.Д. Нечаева за присланную в его адрес дорогую церковную утварь⁶³.

Как уже отмечалось, Петр II Негош понимал, что государственные преобразования должны идти рука об руку с просвещением народа. Являясь

уже в то время человеком высокообразованным, он делал все возможное, чтобы привить народу хотя бы азы грамоты и просвещения. В 1834 г. Петр II открыл в Цетинье первую светскую школу, где на полном государственном пансионе обучалось до 30 юношей, в том числе и молодые священники, со всей Черногории⁶⁴. В школе преподавались следующие предметы: Ветхий и Новый Завет, сербская грамматика, арифметика и всеобщая история (по книге для детей Шлоссера). Первым школьным учителем был переехавший из Котора в Черногорию П. Чиркович, преподававший в Цетинье до 1837 г., то есть до тех пор, пока в ходе очередного конфликта с «турками» все его ученики не ушли на войну, «в старую школу черногорскую»⁶⁵. Цетинская школа успешно функционировала и в дальнейшем, программа изучаемых предметов расширялась, число учеников (среди которых был и Данило Петрович, впоследствии князь Черногории) росло. В 1843 г. в школе побывал известный славянофил Ф.В. Чижов, который, путешествуя по Далмации, посетил и Черногорию. К сожалению, Ф.В. Чижову не удалось поприсутствовать на уроках, но зато ему посчастливилось увидеть, как юные черногорские воеводы играют в чехарду⁶⁶.

Книги для школы в основном печатались в Цетинье, где в том же 1834 г. Петр II Негош основал типографию. В ней работал прибывший с Негошем из России книгопечатник М. Петров, обучавший своему мастерству и черногорцев. Кроме литературы для школы в типографии в 1834 г. вышло известное сочинение Вука Караджича «Народные пословицы». Первые поэтические произведения Негоша – «Лекарство от ярости турецкой» и «Цетинский отшельник» также вышли в Цетинской типографии. С 1835 г. здесь под редакцией Д. Милаковича стал издаваться черногорский научно-популярный альманах «Грлица» (1835-1839 гг.)⁶⁷.

Проводимые в любой сфере государственные преобразования требовали финансирования, получаемая из России денежная помощь заметно влияла на реализацию курса реформ. Благодаря 17-ти тысячам червонцев, полученным в счет задолженности по субсидии за 1807-1825 гг., стало возможным оплатить расходы, связанные с созданием новых органов власти⁶⁸. Однако содержание государственного аппарата и особенно нужды обороны требовали еще дополнительных финансовых средств. Их правительство рассчитывало получить за счет налогов с населения. Сбор налогов (по 1 талеру с дома) начался с 1834 г. Особенно сильное сопротивление налоговой политике правительства оказывало население Риечской, Црмницкой и Лешанской нахий, где кроме прочего были сильны сепаратистские настроения. В других областях страны налоги удавалось собирать, хотя в Белопавличах и Пиперах для этого пришлось посылать воинские отряды⁶⁹.

Борьба с оппозицией не прекратилась после упразднения губернаторства, она проходила успешно для черногорского владыки. В 1834 г. укрепилась единоличная власть Петра II. И. Вукотич и М. Вучичевич после конфликта с Негошем были вынуждены уехать в Россию. И. Вукотич и по возвращении в Россию не перестал интересоваться проблемами Черногории, делами ее правителя. Весной 1836 г. он пытался очернить Петра II и осуществляемый им курс реформ. Вукотич, превознося свои заслуги в бытность его в Черногории, уверял руководство Азиатского департамента МИД в ошибочности проводимой Петром II Негошем политики, просил не верить

получаемой от него информации, утверждал, что семейство Петровичей Негошей не пользуется влиянием и поддержкой среди народа, вновь впавшего в междоусобную войну и кровопролитие, обвинял Негоша в неэффективном использовании денежных средств, присылаемых из России, и т.п.⁷⁰

Петр II Негош знал о закулисной деятельности И. Вукотича и предпринял ответные меры аналогичного порядка. Отправленному в Петербург народному секретарю Д. Милаковичу вменялось в обязанность проинформировать К.В. Нессельроде о неблагоприятных поступках И. Вукотича и М. Вучичевича за весь период их пребывания в Черногории. Негош вспомнил обо всем, начиная с предъявленной скупщине фальшивой грамоты и кончая обвинением И. Вукотича в финансовой задолженности перед черногорским народом. Черногорский владыка просил предания Вукотича и Вучичевича суду в России и добивался присылки в Черногорию специального русского представителя, чтобы тот на месте прояснил истину⁷¹.

Безусловно, такого рода поступки не украшали ни ту, ни другую сторону. Взаимная неприязнь Петра II Негоша и И. Вукотича заставляла обоих «забывать», что как один, так и другой приложили в начале 30-х гг. немало общих плодотворных усилий в деле укрепления власти и создании нового государственного аппарата по управлению страной.

Миссия Д. Милаковича в Россию не достигла желаемых Петром II результатов. В Петербурге, вероятно, сочли все это взаимными склоками и интригами, не стоящими внимания, а пожелание Негоша отдать Вукотича и Вучичевича в руки российского правосудия было отклонено вице-канцлером⁷². Однако вскоре повторные, во многом аналогичные обвинения Вукотича в адрес Петра II будут востребованы МИДом, что, хотя и на короткое время, отрицательно скажется на отношении российского руководства к черногорскому владыке.

Влияние Петра II Негоша в Черногории еще не было достаточно прочным из-за сопротивления его противников курсу реформ и их слабого финансового обеспечения. Он понимал, что для утверждения своей власти в стране, дальнейшей модернизации государственного аппарата и пресечения междоусобиц необходимы дополнительные денежные средства и внешнеполитическая поддержка. Соседняя Австрия не выступала против наведения порядка в Черногории, но в строго дозированной норме: порядка, который мог бы обеспечивать безопасность ее границ от набегов черногорцев, стычек на рынках Котора и т.п. Однако создание достаточно сильного, централизованного управления, ликвидация межплеменного сепаратизма, развитие экономики – все это могло превратить Черногорию в довольно стабильное государство, проводящее активную внешнюю политику, оказывающее заметное влияние на освободительную борьбу балканских славян, в том числе и на подданных Габсбургской империи. Такая Черногория была не нужна австрийскому правительству, которое и так имело достаточно примеров, чтобы убедиться во влиянии черногорцев на австрийских славян. Стать марионеточным правителем, послушным воле Австрии (а именно таковым его желало видеть австрийское правительство), Петр II Негош не хотел, да и подавляющая часть черногорского общества не позволила бы ему это сделать. Владыке оставалось только, следуя заветам своих предшественников, пытаться вновь опереться на другую

могущественную внешнеполитическую силу – Россию. Впрочем, как покажет ближайшее время, у черногорского правителя был еще один, запасной, вариант внешнеполитической ориентации Черногории.

§2. Вторая поездка Петра II Негоша в Россию (1837 г.).

Государственные преобразования в Черногории в конце 30 - 40-х годах

В начале октября 1836 г. Петр II Негош известил И.М. Гагича о своем намерении вместе с двоюродным братом Георгием Петровичем отправиться в Россию, а в ноябре он специальным «Объявлением» известил об этом старейшин и весь народ⁷³. Владыка призывал во время его отсутствия соблюдать внутренний покой и мир на границах. Управление страной он возлагал на Сенат и гвардию, а также архимандрита И. Павичевича.

В конце декабря 1836 г. Петр II Негош прибыл в Вену, откуда он хотел отправиться дальше, в Россию, желая при личной встрече с Николаем I объяснить сложное положение страны. Его намерение не вызвало энтузиазма ни в Петербурге, где из донесения И.М. Гагича уже знали о готовящейся поездке, ни в русском посольстве в Вене. В начале января 1837 г. К.В. Нессельроде докладывал императору о желании Негоша посетить Петербург. При этом Нессельроде считал приезд черногорского владыки нежелательным, поскольку, приняв его в России, царское правительство могло осложнить отношения с Портой, болезненно воспринимавшей любые русско-черногорские контакты, тем более на таком высоком уровне. Поэтому К.В. Нессельроде предложил императору отказать Негошу в его просьбе, смягчив отказ компенсацией в виде 2000 червонцев. Николай I согласился с вице-канцлером, сократив вдвое сумму компенсации⁷⁴. В посольстве в Вене, куда Негош сразу же нанес визит по прибытии, князь А.М. Горчаков, замещавший отсутствующего посла, попытался склонить черногорского правителя к возвращению на родину, но получил решительный отказ. Свое стремление посетить Россию Петр II Негош аргументировал насущными нуждами Черногории, которые он изложил А.М. Горчакову, а затем сформулировал в специальной Записке, адресованной Николаю I.

В Записке Петр II Негош высказывал свои суждения о наиболее важных задачах внешней и внутренней политики черногорского государства⁷⁵. По сути дела он повторял просьбы, обращенные к русскому правительству в свое время еще через М. Вучичевича. Их можно свести к двум узловым моментам. Черногорский правитель сетовал на то, что его страна не в силах прокормить в существующих границах постоянно растущее население, и поэтому он хотел, через русское посредничество перед Портой, присоединить к Черногории территорию Верхней Зеты с Подгорицей, Спужем и Жабляком Црноевича, захваченную турками несколько столетий назад.

Вероятно, мало надеясь на возможность хотя бы частичного решения демографических и экономических проблем за счет присоединения с помощью России турецких владений к Черногории, Петр II Негош предлагал на рассмотрение царя и другой вариант русской помощи его стране. Согласно ему Черногория оставалась в прежних границах, но ей предоставлялись денежные средства, необходимые для проведения внутренних преобразований. Негош просил у русского правительства 80 тысяч рублей

ежегодно в качестве пособия, включая сюда и 1 тысячу червонцев, пожалованных Павлом I на государственные нужды Черногории. Это пособие испрашивалось сроком на 10 лет, в течение которых он рассчитывал заложить прочный фундамент реформ. В заключение своего обращения к Николаю I владыка писал, что если последует отказ на его просьбы, то он, семейство Петровичей Негошей и еще «несколько первоклассных фамилий черногорских», просят разрешения на переселение в Россию.

Николай I был проинформирован К.В. Нессельроде о желаниях черногорского правителя, и по его повелению вице-канцлер составил письменный ответ Петру II Негошу⁷⁶. К.В. Нессельроде, учитывая всю совокупность существующих европейских международных отношений и взаимных обязательств, отмечал, что передача Верхней Зеты Черногории «выходит из круга вещей возможных», поскольку права Османской империи на завоеванные когда-то турками земли сейчас находятся «в нравственном ручательстве всех европейских держав»⁷⁷. Непонятно, на что рассчитывал Негош, обращаясь с просьбой о расширении территории Черногории к российскому руководству. Возвращение, например, Сербии в 1833 г. шести спорных округов предусматривалось обязательствами Турции по Адрианопольскому миру. К тому же Сербия, хотя и пользовалась широкой автономией, признавала сюзеренитет султана. Склонить же турецкое правительство вернуть фактически независимой Черногории земли, утраченные ею столетия назад, было нереально даже гипотетически, поскольку тем самым Порта могла создать опаснейший для себя прецедент. Политический курс России на защиту целостности Османской империи в 30-е гг. XIX в. получил наибольшее развитие, поэтому расчеты Петра II Негоша были эфемерны, что ему аргументированно и разъяснили из Петербурга.

Вице-канцлер считал, что желание Негоша вместе с некоторыми семьями черногорских старейшин переселиться в Россию возникло лишь под влиянием обид и оскорблений, нанесенных ему на родине. К.В. Нессельроде советовал черногорскому владыке брать пример с его дяди, митрополита Петра I Негоша, не покинувшего отчизну в еще более трудные времена. В ответе Негошу вице-канцлер обошел молчанием вопрос об увеличении денежной помощи Черногории. Но чтобы хоть чем-то «утешить» Петра II Негоша, он сообщал, что послу в Константинополе А.П. Бутеневу предписано оказывать финансовую помощь черногорцам, прибывшим на заработки в турецкую столицу. К.В. Нессельроде, ссылаясь на опыт русских крестьян, занимавшихся «отходничеством», выражал уверенность, что при скромном поведении и свойственном черногорцам трудолюбию они смогут найти работу и в близлежащих странах.

В служебном послании в Вену, к А.М. Горчакову, вице-канцлер был более откровенен⁷⁸. Он отмечал, что сам черногорский владыка довольно путанно объясняет необходимость увеличения русской субсидии, то заявляя, что деньги необходимы для содержания госаппарата и гвардии, то утверждая, что они необходимы для прокормления народа. Сам К.В. Нессельроде считал, что 80000 рублей нужны черногорскому правителю не столько для проведения реформ, сколько для преследования с помощью гвардии внутренней оппозиции и преодоления сопротивления черногорцев введению налогов. При этом вице-канцлер обращал внимание на то, что и в России

есть бедные, поэтому именно о них и надо заботиться. К.В. Нессельроде считал виновной в обострившемся в 1836 г. конфликте с герцеговинским визирем из-за Грахова исключительно черногорскую сторону и полагал, что черногорский правитель должен был бы быть более гибким политиком и ему не следовало «писать пашам в тоне сильной державы», поскольку это вызывает ответную негативную реакцию. В заключение вице-канцлер советовал А.М. Горчакову внушить Негошу мысль, что он должен поддерживать мир на границах и это позволит черногорцам обеспечить себя работками в соседних турецких провинциях. Он считал абсолютно излишним приезд владыки в Россию и советовал А.М. Горчакову отправить его на родину, вручив 1000 червонцев на обратную дорогу.

Суждения К.В. Нессельроде в адрес реформаторской деятельности Петра II Негоша, его намерений тратить русские субсидии практически лишь на борьбу с оппозицией представляются необоснованными, поскольку вся дальнейшая преобразовательная деятельность Петра II опровергает это утверждение. Вероятно, подобные взгляды сложились у вице-канцлера под влиянием предвзятой информации, полученной от Вукотича⁷⁹. Бывший председатель черногорского Сената, ссылаясь на сведения из Черногории, обвинял Негоша в том, что он «помутил народ черногорский» и поссорил племена. Он также утверждал, что Грахово всегда терпело притеснения от черногорцев, а туркам платило лишь небольшую дань, и обвинял Негоша за герцеговинско-черногорский конфликт из-за Грахова, залога втайне от народа Маинского монастыря за 7 тысяч серебряных гульденов и т.п.

Пребывание Петра II в Вене породило проблемы не только для русской дипломатии, но и для австрийской, и турецкой. Представление А.М. Горчаковым черногорского правителя К. Меттерниху, радушный прием, оказанный австрийским канцлером Негошу, не пришелся по душе турецкому послу при венском дворе Ферику-Ахмету-паше. Уязвленный турецкий дипломат выразил протест К. Меттерниху в связи с тем, что канцлер прибег к русскому посредничеству для встречи с Негошем. Ферик-Ахмет-паша считал, что Петр II Негош, как подданный Порты, мог принимать какие-либо решения лишь с одобрения турецкого посольства, куда он и должен был явиться в первую очередь⁸⁰. А.П. Бутенев вместе с австрийским посланником Б. Штюмером сумели успокоить турецкое правительство. Однако Порты все же выразила недовольство отсутствием такта у черногорского архиепископа по отношению к Ферику-Ахмету-паше как представителю султана, легитимного и признанного сюзерена Черногории. Вместе с тем А.П. Бутенев замечал, что, поскольку терпение Порты не безгранично, ему сейчас бесполезно и даже вредно предпринимать какие-либо действия по защите черногорских интересов перед турецким правительством⁸¹.

В Вене были обеспокоены предпринятыми шагами черногорского владыки привлечь общественное мнение к международному положению Черногории. В австрийской столице Негош часто встречался с В. Караджичем, опубликовавшим в Аугсбурге (Бавария) книгу «Черногория и черногорцы», где Черногория именовалась независимым государством. Благодаря посредничеству Караджича, Петр II Негош познакомился с агентом сербского князя Милоша неким В. Хопе (Хоупом), являвшимся также корреспондентом мюнхенской газеты «Альгемейне Цайтунг». Следствием этого знаком-

ства явилась публикация в «Альгемайне Цайтунг» надиктованной Негошем В. Хоппе статьи о Черногории, где также отстаивалась идея независимости этой славянской страны⁸².

В Вене за Петром II Негошем был установлен негласный надзор как со стороны австрийского правительства, так и со стороны русского посольства. У черногорского владыки часто бывал австрийский капитан (хорват по национальности) Ф. Орешкович, составлявший затем подробные рапорты австрийским властям о своих беседах с Петром II Негошем⁸³. С русской стороны выполнение такой деликатной миссии было возложено на находящегося при посольстве в Вене подполковника корпуса жандармов Я.Н. Озерецковского, являвшегося также секретным агентом военной разведки, чиновником по особым поручениям, а также «сербского литератора» Вука Караджича⁸⁴. Рассуждая о нем, Я.Н. Озерецковский замечал: «Это человек очень ученый и хитрый. За изданный им сербский словарь и народный песенник получает он от русского правительства по тысячи рублей ассиг[нациями] пенсии. Сын его воспитывается на казенном иждивении в Петербурге, в Горном корпусе. Этот г-н Караджич находится безотлучно при владыке во время пребывания его в Вене и доставлял очень подробные и верные сведения его светлости князю Миттерниху о каждом шаге и слове его высокопреосвященства, с которым давно знаком и дружен. Подобная преданность двум правительствам в одно и то же время не мешает ему быть человеком основательным в суждениях и благонамеренным»⁸⁵. О своих встречах с Негошем Я.Н. Озерецковский информировал А.М. Горчакова, шефа корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа, управляющего III отделением А.Н. Мордвинова и российский МИД. Именно Я.Н. Озерецковский первым или одним из первых узнал, что Петр II Негош после отказа принять его в России решил не возвращаться на родину, а намерен отправиться в Западную Европу и, в частности, в Париж⁸⁶.

Это известие ошеломило австрийские власти, российское посольство в Вене и официальный Петербург. Установившаяся после победы Июльской революции 1830 г. монархия Луи-Филиппа, этого «короля баррикад», была ненавистна Николаю I. Некоторое время русский император вынашивал идею вооруженной интервенции держав Священного союза против Франции с целью реставрации династии Бурбонов. И хотя все же Николай I вынужден был признать режим июльской монархии, русско-французские отношения были испорчены.

В 30-е гг. XIX в. Балканы еще не стали предметом острого русско-французского соперничества, хотя Франция поддерживала антирусские настроения, существовавшие в Дунайских княжествах, Греции и Сербии. В Париже отель «Ламбер» являлся штаб-квартирой либерального крыла польской эмиграции, деятели которой с 30-х гг. пытались проводить активную антирусскую политику на Балканах. В 1835 г. к Петру Негошу в Цетинье приезжал некто Н. Радонич, впоследствии британский вице-консул в Нови-Пазаре, а затем и агент лидера польской эмиграции князя А.А. Чарторыйского. Он предлагал черногорскому владыке отказаться от пророссийской ориентации и добиваться покровительства у Англии и Франции, при этом Н. Радонич возлагал все это на себя. В конце 1836 г. он письменно подтвердил свои предложения, но они были отвергнуты Петром II Негошем⁸⁷.

Встревоженный перспективой поездки правителя Черногории во Францию, К. Меттерних информировал А.М. Горчакова, что тщательная слежка, установленная за владыкой, позволяет утверждать, что у черногорского правителя политические интересы преобладают над церковными. В случае, если Негош поедет в Париж, полагал австрийский канцлер, он может стать игрушкой в руках революционеров, которые только дожидаются удобного предлога, чтобы возбудить Восток⁸⁸. Российский поверенный в делах со скепсисом отнесся к этим суждениям К. Меттерниха, полагая, что «девственной и нетронутой натуре» черногорцев не следует приписывать подобные идеи, но и он, придерживаясь петербургской инструкции, считал необходимым добиться возвращения Петра II Негоша в Черногорию.

Намерение Негоша ехать в Париж сильно беспокоило и Я.Н. Озерецковского, обязанного в силу своего служебного положения просчитывать все возможные последствия этого европейского вояжа, в том числе и самые нежелательные для России. Первоначально при личной встрече черногорский правитель представлялся ему человеком, исполненным политического благоразумия, преданным России. Однако вскоре Я.Н. Озерецковский был поражен произошедшими с ним изменениями. Он отмечал, что архиепископ Негош до получения ответа на отправленное им из Вены прошение и архиепископ Негош после получения решения на свою просьбу – это два совсем различных человека. Негош высказывал гневные упреки, что Россия бросает черногорцев, «ласкав их уже более ста лет, обещаниями и надеждами на ее щедрую помощь», говорил, что впредь не будет утруждать Николая I своими просьбами, а намерен из Вены отправиться в поездку по Европе и посетить Париж⁸⁹. Я.Н. Озерецковский выражал серьезную обеспокоенность в связи с этим желанием владыки. Он полагал, что если даже пребывание Петра II Негоша в Вене позволило прессе «толковать криво и косо» о Черногории и ее политическом положении, то его визит в Париж создаст гораздо больше политического ажиотажа вокруг него и Черногории. Появление Негоша в Париже «с неопытностью молодого человека, с редкою колоссальностью своего стана и с озлоблением в душе против России, будет радостно пропагандистам», – считал Я.Н. Озерецковский⁹⁰.

Были использованы различные средства, чтобы отвратить Негоша от мысли ехать в западноевропейские страны. Его даже пытались склонить к поездке в Грецию, мотивируя это предложение симпатиями греков к черногорцам за их упорную антиосманскую борьбу⁹¹, но и этот вариант не соблазнил черногорского правителя. Дело явно зашло слишком далеко. Петр II Негош уже обратился во французское посольство в Вене и получил от посла паспорт для следования во Францию⁹². В Париже Негош не предполагал обращаться к русскому послу графу П.П. Палену, чтобы у французов не создалось впечатление зависимости черногорского владыки от России⁹³. Потерпев неудачу отговорить Негоша от поездки по Европе, А.М. Горчаков, взяв на себя всю ответственность, вынужден был выдать ему паспорт до Санкт-Петербурга, где, как полагал князь, «смогут исправить тенденцию, которая пока существует только в зародыше»⁹⁴.

Однако на этом неприятности, связанные для Петра II Негоша с поездкой в Россию, не закончились. Информация, представленная в МИД И. Вукотичем, сыграла свою роль. Черногорскому владыке ставилось в упрек, что

его правление сопровождается постоянной нестабильностью черногорского общества, острыми межплеменными конфликтами и пограничными распрями, преступным распоряжением церковным имуществом, вынужденной эмиграцией части населения страны. В связи с этими обвинениями владыка по распоряжению Николая I в феврале 1837 г. был вынужден задержаться в Пскове до тех пор, пока не «рассеется тьма и не просветится истина»⁹⁵. Одновременно вице-консулу И.М. Гагичу было дано распоряжение о проверке подлинности обвинений, выдвинутых против черногорского правителя⁹⁶. Всесильный корпус жандармов и на территории России не остался в стороне от дел, связанных с Черногорией. Это в значительной степени объяснялось желанием русского правительства проверить политические симпатии и убеждения черногорского правителя. Капитану корпуса жандармов Ф.С. Ракееву было предписано встретить Негоша в Литве, в Ковно, затем, соблюдая такт и почтительность на пути в столицу, препроводить в Псков и находиться при нем, наблюдая «между тем под рукою» за архиепископом. В Петербурге опасались, что Негош может проигнорировать указание Николая I и, минуя Псков, направиться в столицу. Капитан Ф.С. Ракеев, в случае настояния Негоша на петербургском маршруте, должен был проявить видимость согласия с владыкой, но при этом все же препроводить его в Псков. Он должен был также воспрепятствовать возвращению владыки в Черногорию, если у того возникнет такое желание⁹⁷. Официальный Петербург решил окончательно разобраться и с делами черногорского архиепископа, и черногорскими проблемами в целом, но для этого нужно было, чтобы черногорский правитель был под рукой, вблизи от столицы. Император не хотел принимать Петра II Негоша официально в Петербурге до прояснения всех обстоятельств черногорских дел. При этом не учитывалось, что подобное обращение недопустимо в отношении главы страны, формально не зависящей от России и не связанной с ней никакими международными обязательствами. В Петербурге были сами вправе решать вопрос о том, стоит ли разрешать Петру II Негошу приезд в Россию или нет. Но поскольку визит все же состоялся, то русским властям следовало соблюдать корректность и такт в отношении владыки, а этого явно не хватало в первоначальных действиях российского руководства.

Капитан Ф.С. Ракеев «перехватил» Негоша уже только в Луге 22 февраля (6 марта), а на следующий день они были в Пскове. Владыка счел нужным беспрекословно подчиниться воле царя. Псковскому губернатору А.Н. Пещурову и жандармскому капитану Ф.С. Ракееву было предписано обходиться с Петром Негошем внимательно и почтительно, с учетом его духовного сана и положения. Однако такое «гостеприимство» в известной степени походило на арест, несмотря на самые льготные условия содержания. Петр II Негош не был склонен безмолвно ждать решения русских властей относительно его участи и пытался объяснить и оправдать свои действия перед российским руководством. В своем письменном ответе в адрес вице-канцлера он заявил о своей невиновности в предъявленных ему обвинениях⁹⁸. Он утверждал, что все возводимые на него обвинения являются фальсификацией его политических противников, обращал внимание К.В. Нессельроде на свои личные заслуги в деле наведения внутреннего порядка в Черногории. В частности, Негош отмечал разницу в поло-

жении страны до и после его прихода к власти. Он писал, что «Черногория представляла жалостное позорище междоусобия и всякого рода несогласий. Сильный грабил бессильного, племя с племенем сражалось, и не было и не существовало спокойствия, право сильного торжествовало. Я уничтожил это варварство, водворил мир и тишину, обеспечил жизнь и достояние каждого». Негош оправдывал те подчас суровые меры, какие приходилось ему применять для укрощения анархии и самовластия, считая, что если у него отнимут «право казнить злых возмутителей», то он не в состоянии будет управлять Черногорией. Петр II Негош отнюдь не рассчитывал, что в правящих кругах России поверят лишь его словам и доводам, поэтому он сам призывал вице-канцлера проверить правоту приводимых им фактов через И.М. Гагича и австрийские власти.

Ф.С. Ракеев пользовался доверием у черногорского владыки (во всяком случае так он полагал). В довольно частых беседах с Негошем он был введен в курс происходившего в Черногории. В свою очередь Ф.С. Ракеев информировал МИД о том, что черногорский правитель находит унижительным и для народа, и для него лично, что в министерстве поверили доносам его недоброжелателей. В случае отказа со стороны русского правительства в его просьбах Негош считал возможным воспользоваться случаем и «передать себя и черногорцев покровительству другого государя», на что их уже давно с выгодными условиями приглашали⁹⁹.

Тем временем в руководстве МИДа пока еще царила неопределенность в том, какую позицию занять по отношению к Петру II Негошу и проводимой им политике. Известия от И.М. Гагича еще не поступали, и К.В. Нессельроде решил направить в Псков управляющего Азиатским департаментом МИДа К.К. Родофиникина, тем более что вопросы, связанные с Черногорией, входили в круг его прямых служебных обязанностей. О своей встрече с владыкой, состоявшейся 19 (31) марта 1837 г., К.К. Родофиникин составил подробный отчет¹⁰⁰. Во время встречи с высокопоставленным чиновником МИДа черногорский правитель довольно полно и обстоятельно изложил суть и причины проводимых им государственных преобразований, а также останавливался на том, что ему мешает в их проведении. К.К. Родофиникин отмечал, что на Негоша и на выработку курса проводимых им реформ оказало влияние посещение России в 1833 г. Именно после возвращения из Петербурга он, видя существование прежних неурядиц, разоряющих народ, решился на проведение радикальных реформ, Петр II Негош не скрывал перед управляющим Азиатского департамента, что реформы, направленные на совершенствование государственного аппарата, несмотря на поддержку со стороны рядовых черногорцев, встречали неприязнь со стороны племенной верхушки, сопротивление которой (большей частью пассивное) усмиралось гвардией. Негош признавался К.К. Родофиникину, что он приступил к реформированию страны, будучи совсем молодым, неопытным в государственных делах и не предвидел всех последствий принимаемых им решений. Главной проблемой настоящего времени Негош считал недостаток финансовых средств, необходимых для содержания Сената и гвардии численностью в 300 человек. Он отмечал, что местные доходы не могут покрыть всех расходов и в настоящее время нет возможности их увеличения, ибо «грубый народ припишет тогда вве-

дение стражи, Сената и начальников» лишь к желанию взимать с народа подать, ведущую к обогащению владыки и Сената¹⁰¹. Невозможность из-за отсутствия средств продолжать начатые преобразования, первоначальный отказ на просьбу посетить Россию – все это навело Негоша на мысль не возвращаться в Черногорию, а посетить Германию и Францию, намереваясь в дальнейшем осесть в Германии для совершенствования своего образования, ибо, как говорил владыка К.К. Родофиникину, он не хотел быть только «зрителем тягостных для него переворотов на его родине». Однако последовавшее затем разрешение на поездку в Россию заставило его сразу же переменить свое решение и отправиться в Санкт-Петербург¹⁰². Во время встречи К.К. Родофиникина с Петром II Негошем не была обойдена вниманием и проблема Грахова, вызвавшая беспокойство в российском МИДе. Владыка, как и ранее, настаивал, что Грахово принадлежит Черногории, и, излагая историю борьбы за этот округ, обвинял пашу из Зворника в зверствах, учиненных над граховлянами в августе 1836 г. После этой взаимопользуемой встречи К.К. Родофиникин покинул Псков и 22 марта (3 апреля) вернулся в столицу. С рапортом управляющего Азиатским департаментом ознакомился не только вице-канцлер, но и император.

Вынужденное пребывание Петра II Негоша в Пскове затягивалось. Петербург аккуратно переводил денежные суммы на содержание Негоша, но вызов в столицу, которого с нетерпением ожидал владыка, не следовал. Находясь в Пскове, Негош не был в полной изоляции от окружающих, он имел регулярные встречи с губернатором А.Е. Пешуровым, псковскими чиновниками, церковными деятелями, изучал французский язык. Новости из Черногории (разумеется, пройдя соответствующую перлюстрацию) также доходили до него. Так, брат Негоша извещал, что народ с нетерпением ждет его возвращения, но некоторые «злые люди составили бумагу, наполненную клеветами» против владыки и намерены ее отправить в Петербург¹⁰³. Тогда же архимандриты И. Павичевич и Ляунович информировали владыку о преданности ему народа, чувствующего всю пользу от его правления. Далее архимандриты предупреждали о готовящемся нападении «турок» на черногорские пределы и о том, что возвращение его на родину будет способствовать спокойствию в стране¹⁰⁴.

В апреле 1837 г. МИДом была получена информация о результатах поездки И.М. Гагича в Черногорию¹⁰⁵, целью которой был сбор сведений о степени влияния Негоша на положение дел в стране и его способности осуществлять руководство. Деятельность Петра II Негоша вице-консул оценивал неоднозначно. С одной стороны, И.М. Гагич сообщал, что черногорцы с нетерпением ожидают своего владыку, связывая с его именем свое спасение от голода. Во время встречи Гагича с черногорским правительством его заверили, что в стране сохраняется спокойствие, соблюдается мир на границах, а правительство повинуетея своему пастырю. Вместе с тем некоторые старейшины выражали сожаление по поводу удаления из Черногории И. Вукотича, считали, что от этого правительство потеряло свою силу. Сам И.М. Гагич полагал, что черногорский владыка игнорирует рекомендации русского правительства и только «домогаются наших денег, а над советами нашими издеваются». Следует сказать, что взаимоотношения между российским вице-консулом и черногорским правителем складывались далеко

не просто. Как замечал П.А. Ровинский, И.М. Гагич постоянно поддерживал противников владыки, так это было, например, во время конфликта Петра II Негоша и губернатора В. Радоница¹⁰⁶. Вероятно, поэтому Негош старался всеми силами содействовать желанию И.М. Гагича переменить место службы в 1834 г. и занять должность российского генерального консула в Триесте вместо умершего консула А.Я. Коронелли¹⁰⁷.

Полученные МИДом сведения от И.М. Гагича позволяли по-разному истолковать дела и поступки черногорского владыки. Однако вскоре последовало другое донесение И.М. Гагича, которое если и не снимало надуманные и сомнительные обвинения Вукотича в адрес Негоша, то все же свидетельствовало об авторитете черногорского владыки среди народа, его способности навести порядок в стране¹⁰⁸. Вице-консул сообщал об усиливающемся в Черногории голоде и предупреждал, что если Негош в ближайшее время не вернется на родину, то черногорцы неминуемо начнут совершать набеги на соседние турецкие владения, а это вызовет недовольство и жалобы Порты на черногорцев. Свое послание в Азиатский департамент он заканчивал следующим однозначным выводом: «Ни в какое время, кажется, не было столь нужно присутствие владыки в Черногоре как теперь, когда черногорцы, доведены будучи бедственным положением своим до крайности, находятся под плохим правлением своих сенаторов». Можно предположить, что И.М. Гагич все же убедился в действительности влияния именно Петра II Негоша на события в Черногории, вместе с тем он явно не желал нести личную ответственность за возможное развитие событий как внутри Черногории, так и на ее рубежах, поэтому и для него возвращение владыки было лучшим вариантом.

После встречи Негоша с К.К. Родофиникиным в Петербурге было принято решение о приезде владыки в столицу. Однако неизвестно, как отнеслись к его просьбам и к нему самому при русском дворе, если бы не эта последняя информация И.М. Гагича. Она была получена МИДом 18 (30) мая 1837 г. Именно в этот день Петр Негош прибыл в Санкт-Петербург¹⁰⁹.

Черногорский владыка был размещен в здании Духовной Академии, расположенном вблизи Александро-Невской лавры и уже 23 мая (4 июня) 1837 г. принят императором. Во время аудиенции у царя Петру Негошу пришлось выслушать упреки за его желание поехать в Париж и Лондон (насколько нам известно, у Негоша не было намерения посетить Англию. – Ю.А.), где он, как полагал Николай I, «без сомнения сделался бы слепым орудием врагов общего спокойствия»¹¹⁰. Однако сделанное Николаем I внушение Негошу носило скорее формальный характер, возможно, потому, что в Петербурге так или иначе все же пришли к осознанию того, что черногорский владыка является «духовной особой России не подвластной»¹¹¹. В МИДе были вполне удовлетворены объяснениями Петра II Негоша о причине намечаемого им ранее заграничного вояжа. Поэтому произнесенные «с отеческой милостью» назидания владыке скорее преследовали профилактические цели, с предупреждением на будущее. Информация, полученная от И.М. Гагича, позволила в министерстве сделать выводы, что народ испытывает доверие к своему правителю, что если владыка и допускал некоторые проступки, не соответствующие его сану и положению, то это объясняется его молодостью и неопытностью, но не злыми намере-

ниями. В МИДе полагали, что только Петр II Негош имеет право управлять Черногорией в силу следующих 3-х причин: 1) вследствие назначения его преемником власти в Черногории завещанием Петра I Негоша; 2) как правителя, имеющего прежде всего в виду благо своего народа; 3) как человека просвещенного и одаренного природным умом¹¹². Убедившись в беспочвенности и надуманности большинства обвинений И. Вукотича против Петра II Негоша и осознав, что если Черногория не получит поддержки от России, то может выйти из-под контроля и будет искать помощи в других местах, при русском дворе было принято решение оказать ей экстренную финансовую помощь. Вместе с тем в Петербурге даже не стали рассматривать просьбу черногорского правителя о присоединении Верхней Зеты (с Подгорицей, Спужем и Жабляком Црноевича) к Черногории, отклоненную К.В. Нессельроде еще в январе 1837 г. В связи с продовольственным кризисом возник вопрос о переселении части населения за пределы страны. Петр II Негош настаивал на переселении в Россию. Однако управляющий Азиатским департаментом К.К. Родофиникин считал целесообразным расселить черногорцев не в России, а в Греции и аргументировал это тем, что Греция расположена гораздо ближе к Черногории, нежели Россия, и богата плодородными землями, но бедна рабочей силой. К.К. Родофиникин считал, что Негошу следует побеседовать об этом варианте переселения черногорцев с греческим послом в России. Одобрительно к этому плану относился и К.В. Нессельроде¹¹³. Желая переложить заботу о переселении черногорцев на греческие власти, русское правительство хотело избежать не только возможных политических осложнений, но и больших финансовых затрат, связанных с переселением (аренда кораблей, приобретение инвентаря и скота, содержание за счет казны колонистов в течение года и т.п.). Однако этот «греческий проект» не устроил черногорского владыку, и он от него отказался. Важнейшим для черногорцев и Петра II Негоша был вопрос об увеличении денежной субсидии Черногории со стороны России. Решение, хотя бы и частичное, финансовых проблем позволило бы Негошу, черногорскому правительству продолжить государственные преобразования в стране, улучшить экономическое положение населения. Поэтому принятое русским правительством решение о выделении на 10 лет дополнительной ежегодной субсидии (при сохранении старой – 1 тысячи червонцев) в 80000 рублей на обеспечение «беднейших из черногорцев и на внутреннее благоустройство народа»¹¹⁴ было чрезвычайно важно для Черногории. Как мы видим, в данном случае правительство России пошло даже дальше пожеланий Негоша, не только выделив просимую владыкой сумму, но и сохранив старую государственную субсидию. Денежные средства перечислялись в российское посольство в Вене и уже оттуда, поделенные по третям, направлялись в Черногорию.

Петр II Негош не шантажировал в Вене русское посольство и австрийское руководство, когда отказался вернуться в Черногорию и выбрал для себя маршрут в Западную Европу. Вместе с тем сложившаяся вокруг этого конфликтная ситуация была в конечном итоге максимально использована Петром II Негошем для интересов Черногории. Вернувшись безрезультатно из Вены на родину, черногорский правитель едва ли мог рассчитывать на дальнейшую широкую поддержку его лично и проводимых

им преобразований. Наоборот, в этом случае его ждало усиление сепаратизма, межплеменной розни, кровавых междоусобиц, что, несомненно, способствовало бы и резкому возрастанию внешней опасности, угрозы порабощения Черногории. Полная реабилитация государственной деятельности Петра II Негоша в глазах русского правительства, дополнительная финансовая поддержка со стороны России весомо укрепляли влияние Негоша и его сторонников в Черногории, способствовали проведению реформ, направленных на централизацию власти и искоренение самоуправления и сепаратизма. Академик Б. Павичевич был прав, когда считал 1837 г. поворотным в развитии русско-черногорских отношений. С этого момента Черногория, несмотря на свою экономическую отсталость и небольшую территорию, «становится важной точкой опоры русской политики на Балканах, а материальная и политическая поддержка России – первостепенным фактором для дальнейшего развития черногорского государства»¹¹⁵. В это время серьезное беспокойство в Петербурге вызвало открытие британского консульства в Белграде и антирусская позиция английского консула полковника Д.Л. Ходжеса, имевшего большое влияние на князя Милоша¹¹⁶. Вероятно, в связи с этими событиями при отъезде Петра II Негоша в Черногорию Николай I вновь интересовался, не намерен ли черногорский владыка вместо возвращения на родину посетить Лондон или Париж¹¹⁷. Разумеется, русское правительство принимало действенные меры к нейтрализации британского влияния в Сербии (миссия князя В.А. Долгорукова в княжество осенью 1837 г.), но естественным было и активизировать русскую политику в отношении Черногории, которая с конца 30-х гг. XIX в. вновь становится одним из наиболее важных звеньев балканской политики России. Поскольку прорусски настроенная Черногория могла способствовать укреплению позиций России на Балканах, которые вследствие активизации политики западных держав ослабли не только в Сербии, но и в Греции и Дунайских княжествах¹¹⁸.

В начале июня 1837 г. Петр II Негош завершил все свои дела в Петербурге. Перед отъездом он получил письменные наставления от управляющего Азиатским департаментом, которыми ему советовалось соблюдать мирные отношения с соседями, расходовать субсидии только на те предметы, которые могут упрочить благосостояние черногорцев¹¹⁹. Литературные увлечения Негоша за время его пребывания в Санкт-Петербурге сказались в том, что он с целью получать сведения о современной русской литературе подписался на журнал «Библиотека для чтения»¹²⁰, который должен был ему пересылаться на родину через российское посольство в Вене. В прощальном послании на имя Николая I черногорский владыка еще раз оправдывал свое поведение до приезда в Россию отчаянием и невозможностью управлять народом без помощи извне. Теперь, заверял он императора, когда получена щедрая поддержка со стороны России, «легко будет тяжкое бремя судьбами на меня возложенное»¹²¹. Завершив благополучно свою миссию в Россию, Петр II Негош вместе со своим двоюродным братом Г. (Дж.) Петровичем, Дм. Милаковичем и слугою владыки Давидовичем 13 (25) июня 1837 г. через Варшаву и Вену отбыл в Черногорию.

Русская поддержка Черногории в материальном плане выражалась не только в предоставлении денежной субсидии, но, как уже отмечалось в эко-

номическом обозрении, и в помощи хлебом. Голод был частым явлением в стране, и правительство возложило на себя обязанность по мере возможностей снабжать население зерном. Вопрос о предоставлении Россией безвозмездно хлеба черногорцам ставился Петром II Негошем во время его пребывания в Петербурге в 1837 г. Николай I отдал повеление о закупке и доставке в Черногорию 10 тысяч четвертей (около 2 тысяч тонн) зерна для создания запаса на случай неурожая¹²². Средства на приобретение зерна (пшеницы, кукурузы, ржи) и доставку его до места были изысканы из сумм денежной контрибуции, возложенной русским правительством на Турцию после войны 1828-1829 гг. Таким образом Порты, хотя и опосредованно и сама о том ничего не ведая, помогла Черногории.

В 1838 г. из Одессы (куда были пересланы деньги и где закупалось зерно) в Котор, а затем Черногорию было переправлено 3480 четвертей зерна на сумму (учитывая транспортные расходы) в 71 тысячу 518 руб. 64 коп.¹²³ В Петербурге внимательно следили за тем, чтобы черногорское правительство действительно создавало хлебные запасы. И.М. Гагичем для этой цели была даже запланирована специальная инспекционная поездка в Черногорию на весну 1839 г. По настоятельной просьбе Петра II Негоша, изыскавшего возможность покупки более дешевого зерна в турецких владениях, вместо российской задолженности в 6 тысяч 520 четвертей хлеба в 1844 г., было выделено из казны 20000 рублей серебром с предписанием Николая I не употреблять эти деньги на какие-либо другие нужды Черногории, кроме закупки хлеба¹²⁴. Следует заметить, что Негош не злоупотреблял русским доверием. По его распоряжению в различных нахиях были открыты государственные магазины, где в неурожайные годы население могло закупать хлеб в кредит. Кроме того, Петр II Негош раздавал деньги остро нуждающимся черногорцам, чтобы те самостоятельно закупали хлеб в Северной Албании и Которе. Только в 1844-1845 гг. черногорский правитель раздал на эти цели более 20000 талеров¹²⁵. Разумеется, такая разовая акция русского правительства не могла коренным образом улучшить тяжелейшую ситуацию с продовольствием в Черногории. Негош в беседе с И.М. Гагичем как-то заметил, что если бы сумма, выделенная русским правительством на закупку хлеба, была бы в 10 раз больше, то и ее было бы недостаточно для снабжения хлебом на один год всех нуждающихся черногорцев¹²⁶. В целом такая оценка, наверное, близка к истине, но все же следует заметить, что русская помощь зерном и деньгами, как уже отмечалось, помогла перенести страшный голод 1846 г., дала возможность тогда же устоять черногорцам (хотя и не всем) от соблазнов шкодринского паши, обещавшего от имени Порты снабдить всех черногорцев хлебом, если они выступят против своего правительства¹²⁷.

Успешные результаты миссии Петра II Негоша в Россию повысили престиж главы государства в стране, дали возможность продолжить реформы. Прежде всего они коснулись государственного аппарата. Процесс постепенного ослабления влияния правительства в пользу укрепления его личной власти, начатый Петром II еще после возвращения из России в 1833 г., был вновь продолжен. В августе 1837 г. был избран новый состав Сената из 12 человек во главе с братом Негоша Перо (Петром) Томовым Петровичем, а вице-президентом Сената стал двоюродный брат владыки Георгий

(Джордже) Савов Петрович. Таким образом, общая численность Сената составляла 14 членов. Он теперь был полностью подчинен Негошу, имевшему возможность своей властью отменять постановления правительства. Число перьяников, возглавляемых влиятельным «главарем» Николой Калуджеровичем, возросло до 30 человек, а гвардия была увеличена до 420 человек. Помимо реорганизации правительства Петр II провел реформу и на местах. Во главе племен и нахий он поставил «капетанов», которым выплачивалось жалование из государственной казны. Эта мера существенно ущемляла права и возможности племенных старейшин¹²⁸.

Кроме этого дальнейшее развитие получила система налогообложения. С 1838 г. вводилось трехступенное налогообложение (1, 2 и 3 флорина с дома) в зависимости от имущественного состояния налогоплательщиков¹²⁹. В условиях еще существовавшей племенной разобщенности, устойчивого представления значительной части населения о том, что уплата подати ставит свободных черногорцев на одну ступень с зависимыми от Турции народами, – все это в совокупности сказалось на слабой эффективности мер налогообложения. Кроме того, это учитывалось и Негошем, и правительством, в неурожайные годы населению трудно было заплатить и небольшую подать. Поэтому размеры собираемой подати существенно колебались, собиралась она не всегда, но все же в той или иной мере пополняла государственный бюджет. Только во время правления князя Данилы, в середине XIX в., когда будет окончательно подавлен племенной сепаратизм, а также улучшится экономическая ситуация в стране, уплата налогов упорядочится.

Наряду с внешней опасностью реальную угрозу и препятствие государственным реформам, централизации власти представлял сепаратизм, тесно переплетающийся с попытками некоторых влиятельных старейшин страны удержать власть на местах в своих руках. Поэтому Петром II в конце 30-40-х гг. были предприняты меры, направленные на борьбу с сепаратизмом и самовластием старейшин. Именно Негошем было заложено прочное основание централизованного государства, создание которого завершится при его преемнике князе Даниле. На этом пути у Петра II было немало политических противников, одним из которых был влиятельный люботинский старейшина (кнез) А. Калуджерович, активно противостоявший централизаторской политике главы государства. Не дав возможности гвардии исполнить служебные обязанности на территории своей общины, он тем самым открыто противопоставил себя правительству. За это А. Калуджерович в ноябре 1837 г. был арестован, судим и расстрелян¹³⁰. По этому поводу австрийский капитан Ф. Орешкович (близко знавший Петра II Негоша и участник многих событий, связанных с австро-черногорскими отношениями) послал сообщение губернатору Далмации В.Ф. Лиленбергу. Он утверждал в нем, что казнь А. Калуджеровича, представителя влиятельного рода в Черногории, вызвала шок в стране, и отныне «трепещут дикие черногорцы, услышав слово суд»¹³¹.

Некоторое время в оппозиции к Петру II Негошу находился Георгий (Джордже) Савов Петрович. Назначенный в свое время преемником митрополита Петра I, он сам отказался от власти, отправился в Россию, где служил офицером в армии. В 1835 г., упав с лошади «и сделавшись от ушибу» неспособным продолжать службу, Г. Петрович изъявил желание вер-

нуться на родину¹³². Некоторые оппозиционно настроенные к Петру II Негошу старейшины сразу же по возвращении Г. Петровича предложили ему помочь отстранить от власти «молокососа Пророковича» (мать Петра II была из этого рода) и самому стать владыкой. Тогда Г. Петрович категорически отверг это предложение¹³³ и даже стал вице-президентом Сената. Однако вскоре он вступил в тайные сношения с австрийскими властями Далмации, замышляя при поддержке австрийцев свергнуть Петра II Негоша и самому занять его место. В 1840 г. Г. Петрович искал поддержки турецкого коменданта Подгорицы, обещая ему поднять мятеж против главы государства¹³⁴. Затем Г. Петрович изменил свою позицию и проявил себя уже деятельным противником сепаратизма, возглавив в 1847 г. подавление мятежа в Црмницкой нахии. В 40-е годы активные выступления сепаратистов, поддерживаемые шкодринским визирем Османом-пашой, происходили в племенах Кучи, Пипери и Црмницкой нахии. Они были подавлены с помощью вооруженных сил Петром II Негошем.

Консолидация черногорского общества и укрепление государственной власти позволили повести решительную борьбу с таким пагубным явлением в жизни Черногории, как кровная месть. К середине XIX в. кровная месть не исчезла окончательно, но перестала быть повсеместным явлением. Русский представитель в Черногории Е.П. Ковалевский, вторично посетивший Черногорию в 1853 г., оценивая вклад Петра II Негоша в дело укрепления центральной власти и борьбы с пережитками, замечал следующее: «Кровомщение, которое так сильно терзало страну, теперь почти уничтожилось; произвол и самоуправство заменены судом сената, которого исследования и решения... всегда скоры и большею частью беспристрастны»¹³⁵.

Петр II Петрович Негош был человеком исключительной одаренности, государственный деятель и реформатор, он стал и выдающимся поэтом своего времени, не имевшим себе равных в югославянском мире¹³⁶. Это понимали не только потомки, но и современники, в том числе и в России. Высоко оценивая поэтическое творчество Негоша (именно так в Черногории принято называть Петра II Негоша), Е.П. Ковалевский подчеркивал, что «он является истинным поэтом, по всем правам стоящим во главе сербских поэтов»¹³⁷. Его литературное наследие составляют стихи, поэмы, переводы, письма. Истоки творчества Негоша восходят к народной эпике и народной песне. В стихах и поэмах он воспевал героику борьбы черногорцев за свободу, патриотическая тема занимает главное место в его поэзии. Творчество Негоша неразрывно связано не только с Черногорией, ее историей, но и Россией, культуру которой, и прежде всего поэзию, он знал и любил. Негошу принадлежит перевод нескольких отрывков из «Слова о полку Игореве», чему поспособствовало знание им русского языка. Из русских поэтов, оказавших влияние на его творчество и близких ему по духу, следует назвать М.М. Хераскова, Г.Р. Державина, позднее им стал А.С. Пушкин, ставший любимым поэтом Негоша. Его библиотека в Цетинье была обустроена по образцу пушкинской в Михайловском, в кабинете висел портрет Пушкина.

Собственно результатом первой поездки Негоша в Россию можно считать публикацию его первой книги «Отшельник цетинский» (1834), сборника торжественных, высокопарных од, прославлявших освободительную

миссию России. Помимо прочего примечательно здесь эмоциональное обращение поэта к Неве: «О, Нева, ты всегда текла со славой, тобою гордились народы – твой русский храбрый с братьями славянами».

Следующее произведение «Лекарство от ярости турецкой» (1834) написано Негошем в духе народных песен на исторические сюжеты, а патриотическая поэма «Свободиада» (1835) прославляет подвиги черногорцев и сербов в многовековой освободительной борьбе. Негош был отличным знатоком народной поэзии, и это в полной мере проявилось в вышедшем в 1846 г. сборнике «Сербское зеркало», куда вошли лучшие песни героико-патриотического плана. Наряду с собственно народными песнями в сборник включены тексты, вышедшие из-под пера Петра I Негоша, автором одной песни является сам Негош. Эту книгу он посвятил памяти А.С. Пушкина, называя его «счастливым певцом великого народа».

Эпос – это чаще всего плод коллективного народного творчества, передаваемый из уст в уста от поколения к поколению. Но иногда и гений поэта создает законченное литературное произведение, повествующее о самих истоках: о рождении культуры, нации, государства, а иногда – и самой Вселенной. Взлет поэтического творчества Негоша приходится на 1844–1847 гг. Именно тогда Негош создает свои лучшие произведения – философскую поэму «Свет микрокосма» (1845), где на основе библейских сюжетов поставлены вечные вопросы о смысле жизни, борьбе добра и зла, света и тьмы, а также историко-драматическую поэму «Степан Малый» (1847) о деяниях в Черногории самозванца, выдававшего себя за императора Петра III. Однако подлинным венцом поэтического творчества Негоша является драматическая поэма «Горный венец» (1847)¹³⁸. В ней воссоздается драматический эпизод черногорской истории начала XVIII в., связанный с истреблением и изгнанием из Черногории черногорцев, принявших ислам, потурченцев. Кульминация действия в поэме, герои которой – в основном реальные персонажи черногорской истории, среди которых выделяется владыка Данило, приходится на Рождественский сочельник (Баньо вече).

Для Данилы потурченцы, поддавшиеся «сласти ложной веры», – враги, из-за которых может погибнуть Черногория, и тогда «задуется сербская лампада». Однако, даже приняв решение «в божьем стаде истребить заразу», владыка не теряет надежды на то, что потурченцы «вернутся в нашу веру и кровавый пламень сам погаснет». Негош, считавший важной этническую принадлежность, старался в жизни терпимо, насколько это возможно, относиться к потурченцам¹³⁹. Возможно, поэтому он не склонен демонизировать образ потурченцев, наоборот, потурченцы в поэме, не желая отречься от мусульманства, все же полагают, что «хоть земля и вправду узковата, но ужиться могут в ней две веры, будто в миске разом две похлебки». Они предлагают и далее жить по-братски, «а любви нам никакой не надо».

Однако главное действующее лицо поэмы – православный черногорский народ – бескомпромиссен. Он не согласен смириться с тем, что «потурчился край наш бедный», «засмердили нехрестями горы», «рев муллы на всем стоит Цетине... и креста трехперстного все меньше». По мере развития событий накал драматизма в поэме возрастает, и вот уже «варево кипит в котле дрожащем, скоро, скоро через край оно прольется». В финале поэмы следует ожидаемая развязка, воевода Бактрич сообщает владыке:

Острой саблей всех мы положили,
кто не захотел принять крещения;
ну а кто пред Рождеством склонился
и святым крестом перекрестился,
того взяли за родного брата.

Патриотизм, ожившая в стихах реальность быта и нравов черногорцев, их поверья и празднества, своеобразный «черногорский колорит» – все это создало «Горному венцу» неувядаемую славу. Многие строки «Горного венца» вошли в пословицы, присказки, поговорки, живущие и поныне.

Как уже отмечалось, важным аспектом государственной деятельности Петра II Негоша и черногорского правительства была переселенческая политика, поскольку нехватка плодородных земель и, как следствие, голод заставляли многих черногорцев искать счастья в чужих краях. Часть из них шла на заработки в австрийские и турецкие владения, добиралась и до Стамбула, где русское посольство оказывало им в случае необходимости материальную помощь и поддержку. К 30-м гг. XIX в. относится первое упоминание о миграции черногорцев даже в США (штат Техас)¹⁴⁰.

Занятия в основном неквалифицированной работой не могли принести сколь-нибудь существенного заработка этим черногорцам за пределами родины. Однако незначительная миграция населения не решала проблемы. Черногория при малом количестве населения, как это ни парадоксально на первый взгляд, страдала от его избытка, поскольку не была в состоянии прокормить всех. Поэтому в политике черногорского правительства важное место отводилось мерам по относительно массовому переселению черногорцев в другие страны. В конце 30-х - начале 40-х гг. XIX в. сотни семей, спасаясь от голода и османского насилия, по согласованию между правительствами Сербии и Черногории (и даже без него) переселялись в Сербское княжество. О массовом переселении в январе 1841 г. сотен черногорцев в сербские, хорватские и венгерские земли сообщал посольству в Вене русский представитель в австро-черногорской комиссии по разграничению А.В. Чевкин¹⁴¹. Находясь в 1837 г. в Петербурге, Петр II Негош не захотел (как это ему рекомендовалось русскими властями) вести переговоры с греческим посланником в России о переселении черногорцев в Грецию. Однако летом 1838 г. из-за угрозы голода он предпринял такую попытку, обратившись с просьбой к греческому королю Оттону I о переселении 1 тысячи черногорских семей в Грецию, но положительного результата это обращение не принесло¹⁴².

В 30-е годы идею о переселении черногорцев в Россию и, в частности, на Кавказ для использования в борьбе против горцев поддерживали российские представители в Черногории Я.Н. Озерецковский и Е.П. Ковалевский, о чем будет идти речь далее. В 1838 г. одновременно с обращением к греческому королю аналогичное прошение о переселении черногорцев в Россию было отправлено в Петербург¹⁴³. Двумя годами позже Петр II Негош предлагал переселить на Кавказ партию черногорцев (1 тысяча человек) и, если бы эта попытка оказалась успешной, выражал готовность поселиться со всем народом на Кавказе и вести борьбу против горцев под русским знаменем¹⁴⁴. Неизвестно однако, как бы к такому «великому переселению» относились сами черногорцы. Сомнительно, что эта идея была бы одобрена

всем народом. Да и сам Петр II Негош вряд ли бы пошел на то, чтобы буквально воплотить свои слова в жизнь и навсегда покинуть родину, оставив ее без защиты и отдав в руки врагов. По-видимому, он просто полагал, что демонстрация преданности русским интересам в такой решительной форме не будет излишней. Хотя, конечно, нельзя отрицать, что экстремальные условия жизни черногорского общества могли заставить Петра II Негоша просчитывать все варианты, в том числе и вариант всеобщего переселения черногорцев на Кавказ, где их ожидали нелегкие обязанности несения пограничной службы.

В России также было намерение использовать военные навыки черногорцев на Кавказе. В 1841 г. в высших правительственных кругах и при дворе рассматривалось предложение генерала от инфантерии, командира отдельного Кавказского корпуса, ведшего активные боевые действия против Шамиля, Е.А. Головина о переселении 500 и более черногорских семей в Абхазию¹⁴⁵. Русское командование в ходе военной экспедиции в абхазские горы (р-н Дала) выселило оттуда 500 семей горцев и предлагало заселить эту местность таким же количеством семей «испытанной преданности к Российской державе»¹⁴⁶. Переселение туда русских поселенцев Е.А. Головин считал нецелесообразным, поскольку в окружении «воинственных и алчных к добыче» горцев они не смогли бы проживать там без постоянного вооруженного прикрытия русских солдат. Поэтому, считал генерал, в абхазские горы следует переселить народ православный, воинственный и преданный России, который, ничего не требуя для своей защиты, мог бы сам «служить страхом для соседей»¹⁴⁷. Черногорцы, полагал Е.А. Головин и предложивший эту идею капитан 2-го ранга Вукотич¹⁴⁸, идеально отвечали этим требованиям.

К.В. Нессельроде, докладывавший об этом предложении царю, в принципе разделял мнение командира отдельного Кавказского корпуса, хотя и выражал обоснованное сомнение в том, что черногорцы могут быть проводниками христианского учения среди кавказских горцев-мусульман. Поскольку, как замечал вице-канцлер, черногорцы сами не имеют совсем никакого образования. Однако проведение в жизнь этого плана, по мнению К.В. Нессельроде, сопряжено было с большими неудобствами как финансового, так и политического плана. Переселение такой большой массы черногорцев действительно требовало значительных материальных затрат, но не только это смущало вице-канцлера. Он обращал внимание Николая I на официальную нерешенность «деликатного вопроса» о том, считать ли черногорцев подданными Порты или нет. Обращение к турецкому правительству, по мнению К.В. Нессельроде, требовалось в любом случае, ибо маршрут черногорцев-переселенцев должен был проходить через территорию Османской империи. Сухопутный вариант переселения «толпы воинственного народа» через османские владения мог послужить поводом к восстанию христиан против турок, в которое, как полагал К.В. Нессельроде, из-за ненависти к туркам могли втянуться и черногорцы. К тому же на переселение, считал вице-канцлер, пойдут лишь самые отчаянные черногорцы, и они на Кавказе не сумеют подчиниться тем мерам благоустройства, которые от них будут требоваться¹⁴⁹. Учитывая совокупность этих обстоятельств, Николай I отклонил предложение генерала Е.А. Головина, а

также самого Петра II Негоша о переселении черногорцев на Кавказ, хотя сама идея, как благородная, понравилась русскому императору¹⁵⁰. В 40-е годы Петр II Негош еще несколько раз безрезультатно обращался к русским властям с просьбой о переселении черногорцев¹⁵¹. Не рассчитывая больше на официальный Петербург, Петр II Негош накануне своей смерти вел прямые переговоры с наместником на Кавказе М.С. Воронцовым об отправке на Кавказ нескольких тысяч черногорцев-колонистов¹⁵², но безвременная кончина митрополита перечеркнула эти планы.

Если оценивать далеко идущие последствия, то для Черногории была невыгодна масштабная миграция населения в Россию, поскольку тем самым страна лишалась активной части и так немногочисленного населения. Хотя понятно, что черногорцы шли на такие меры не от хорошей жизни.

Оценивая реформаторскую деятельность Петра II Негоша, следует учитывать тяжелые социально-экономические условия жизни черногорского общества того периода, сложную внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию в стране в 30-40-х гг. XIX в. Проводя преобразования в такой сложной обстановке, Негош, по сравнению со своим предшественником, достиг больших успехов в борьбе с родоплеменными пережитками, разобщенностью общества и сепаратизмом. Им был создан достаточно эффективный государственный аппарат, с помощью которого Петр II Негош сумел создать прочные основы централизованного государства, окончательно оформившегося при князе Даниле. Петр II Негош не был правителем-монархом, и, следовательно, Черногория не являлась монархическим государством. Однако проведенные после возвращения из России в 1837 г. преобразования позволили Петру II Негошу фактически сосредоточить всю полноту власти в своих руках. Им был установлен по сути дела абсолютистский режим правления, который существенно продвинул Черногорию на пути преобразования уже во многом формального республиканского строя в светскую монархию в 1852 г.

§3. Миссия Я.Н. Озерецковского и поездки Е.П. Ковалевского в Черногорию в 1837-1838 годах

Вторичное пребывание Петра II Негоша в России в 1837 г., отказ от обвинений и подозрений в его адрес со стороны русских властей, признание заслуг владыки в деле реформирования черногорского общества – все это способствовало укреплению политических отношений России с Черногорией. Русское правительство при всем консерватизме принципов своей внешней политики, желании поддержать целостность и неприкосновенность Османской империи в то же время учитывало специфику в положении Черногории на Балканах, ее фактическую независимость.

В 30-е гг. XIX в. на Балканах преимущественно соперничали три державы – Россия, Австрия и Великобритания. Франция еще только начинала осваиваться на Балканах, хотя ее влияние становилось заметным в Греции и Дунайских княжествах, что вызывало определенное беспокойство русского правительства¹⁵³. Однако Черногория пока еще слабо интересовала парижский кабинет. Возможно, поездка Негоша в Париж содействовала бы началу черногорско-французского сближения, но, к удовлетворению российской

дипломатии и Николая I, она не состоялась. Вместе с тем ослабление русского влияния в Сербском княжестве вследствие интриг британской дипломатии и просчетов внутренней политики князя Милоша заставляло русское правительство искать дополнительную точку опоры в этой части Балканского полуострова, и Черногория подходила на эту роль. Безусловно, даже перспектива ослабления русской ориентации в Черногории настораживала официальный Петербург, где не хотели повторения ситуации, аналогичной сербской. Поэтому прежде всего русское правительство желало обстоятельно и непредвзято разобраться в ситуации в Черногории, ее внутренних и внешних проблемах, чтобы затем проводить свою политику с учетом черногорских реалий. Консул И.М. Гагич, как уже отмечалось, бывал в Черногории крайне редко, наездами, в силу служебных предписаний. К тому же его суждения о черногорском владыке были не всегда беспристрастны, иногда они содержали элементы предубежденности и недоверия к личности Петра II Негоша, к его делам, что, вероятно, было замечено в Петербурге.

Еще во время пребывания Петра II Негоша в России в МИДе было принято решение направить в Черногорию Я.Н. Озерецковского, чтобы он собрал обширные, разнообразные сведения о стране «доселе во всех отношениях малоизвестной». Ему вменялось в обязанность надзирать за действиями архиепископа, «делать ему внушения к приличному благочестию, подавать советы касательно внутреннего благоустройства», а также отклонять владыку от действий против «турок», и чтобы российское пособие им расходовалось строго по назначению¹⁵⁴. Русское правительство также интересовало географическое, экономическое, политическое положение страны, ее финансы и общественная жизнь, военные возможности. В конце мая 1837 г. шеф корпуса жандармов А.Х. Бенкендорф дал согласие вице-канцлеру на откомандирование в Черногорию из посольства в Вене подполковника Я.Н. Озерецковского с собственными поручениями императора «до устройства черногорского народа касающимися»¹⁵⁵.

Кандидатура Я.Н. Озерецковского была выбрана не случайно. Как уже отмечалось, во время пребывания черногорского владыки в австрийской столице перед отъездом в Россию Я.Н. Озерецковский выполнял поручение по политическому надзору за Петром II Негошем и добросовестно докладывал посольству в Вене, МИДу, А.Н. Мордвинову и А.Х. Бенкендорфу содержание своих бесед с черногорским правителем, характеризовал его политические воззрения, трактуя их, разумеется, в русле русских интересов балканской политики. Я.Н. Озерецковский уже тогда проявлял известную осведомленность и заинтересованность (во многом благодаря личным контактам с Негошем) в делах Черногории, пытался привлечь внимание МИДа к проблемам этой славянской страны. Он, например, считал, что черногорское правительство, Петр II Негош испытывают острую необходимость в финансировании со стороны России, поскольку черногорский владыка справедливо предвидел разрушение своих реформ, а вместе с этим и падение своего влияния на народ при отсутствии денежных средств. Вместе с тем он поначалу полагал, что получаемую Черногорией русскую помощь следовало использовать в первую очередь не на образование Сената и гвардии, а на открытие народного училища с целью просвещения черногорского народа¹⁵⁶. Несомненно, общая отсталость Черногории, ску-

дость ее материальных ресурсов и постоянная необходимость противостоять внешней угрозе не способствовали развитию просвещения, в коем действительно нуждалась страна. Однако Я.Н. Озерецковский тогда еще не знал силу обычая кровной мести и сопротивления консервативной части черногорского общества внутренним преобразованиям, нейтрализовать или преуменьшить которые можно было в то время лишь при наличии эффективно действовавшего правительства и гвардии, либо длительным эволюционным путем просвещения народа, на что историей не было отпущено Черногории времени. Впрочем, столкнувшись впоследствии с реалиями жизни черногорского общества, Я.Н. Озерецковский довольно быстро расстался с иллюзиями и убедился сам в правильности пути, выбранного Петром II Негошем. Следует также отметить, что Негош – великий югославянский поэт, разумеется, понимал значимость образования и желал видеть свое отечество просвещенным, об этом он писал И.М. Гагичу еще в декабре 1831 г.¹⁵⁷ Как уже упоминалось, некоторые меры в этом отношении предпринимались. Так, И. Вукотич, прибыв на родину, содействовал открытию 2-х церковно-приходских училищ, а в 1834 г. Негош учредил первую светскую школу в Цетинье. Политические деятели Черногории и в начале 30-х гг. понимали необходимость сочетания процесса совершенствования государственного аппарата и просвещения народа, но приоритетным было все же создание централизованного государства, пресечение анархии и самоуправства с помощью правительства и гвардии.

В конце июля 1837 г. Я.Н. Озерецковский отбыл из Вены в Триест, откуда вместе со встречавшим его Петром II Негошем направился в Черногорию. Еще по пути в Цетинье, останавливаясь в австрийских владениях, русский посланник сумел убедиться, что черногорцы испытывают самые теплые чувства к своему владыке. Он информировал посольство в Вене, что черногорцы, узнав об их приезде, спешили толпами в Котор, изъявляя при этом свою радость и преданность владыке¹⁵⁸. В г.Заре (административный центр Далмации) Негош и Озерецковский были приняты генерал-губернатором графом В.Ф. Лиленбергом. В беседе с российским посланцем далматинский наместник «в необыкновенно лестных выражениях отозвался о хороших качествах владыки, которого считает он своим другом», – отмечал Я.Н. Озерецковский¹⁵⁹. Причина такой неожиданной доброжелательности со стороны австрийского чиновника высокого ранга к черногорскому правителю была ясна для Я.Н. Озерецковского. Она была прозаична: согласно ранее достигнутой договоренности между Петром II Негошем и канцлером К. Меттернихом предстояло провести разграничение между Черногорией и австрийскими владениями, и в Котор уже прибыло несколько австрийских инженеров для проведения демаркационных работ. Далматинский губернатор рассчитывал на активное участие и содействие Петра II Негоша в реализации плана разграничения и поэтому добивался расположения владыки.

В Цетинье Петр II Негош и Я.Н. Озерецковский прибыли в середине августа, и здесь российский посланец вручил владыке в счет части субсидии 26 тысяч 666 рублей, пожалованные на «пользу народа»¹⁶⁰, то есть, как и планировалось, треть из ежегодной субсидии в 80000 рублей. Довольно скоро Я.Н. Озерецковский убедился, что Негош и правительство прилагают максимум усилий для удержания черногорцев «от междоусобий, кро-

вомщения и нападений на турецкие границы»¹⁶¹. Теперь, находясь в самой Черногории, Я.Н. Озерецковский смотрел иначе, чем в Вене, и на Сенат, и на гвардию, считая, что без этой силы нет другого способа привести черногорцев в повиновение и заставить их хотя бы со временем вносить небольшую подать для дальнейшего развития страны. «Теперь же черногорец не находит талера, если от него требуют одного как подать, и в то же время найдет червонец, чтобы купить хоть сколько-нибудь патронов», – замечал российский эмиссар¹⁶². Я.Н. Озерецковский считал себя обязанным оказать поддержку реформаторской деятельности Петра II Негоша и его сподвижников, тем более что этого желало и русское правительство.

Через неделю после приезда Негоша и Озерецковского, то есть 23 августа (4 сентября) 1837 г., состоялась народная скупщина из представителей всех нахий, где Петр II Негош, как уже отмечалось, заявил о реорганизации правительства, гвардии и перяников. При этом он особо обращал внимание собрания на значимость поддержки со стороны России Черногории и заявлял, что на русскую помощь можно рассчитывать лишь в том случае, если черногорцы прекратят междоусобия, будут жить в согласии с законом и соблюдать мирные отношения с соседями¹⁶³.

Я.Н. Озерецковский считал, что черногорцы и их правитель искренне желают жить в мире с соседями, а вскоре после возвращения в Черногорию Негош (не без его влияния) отправил письмо в Шкодру с предложениями Осман-паше о мире на границах¹⁶⁴. Но сам подполковник скептически относился к возможности установления согласия на турецко-черногорских границах. Он считал, что трудно рассчитывать на прочный мир между двумя народами, «разделенными вероисповеданиями и вековой враждою, народами, равно необразованными и равно готовыми к войне»¹⁶⁵. Озерецковский обращал внимание посла в Вене Д.П. Татищева на то, что в многочисленных спорах и конфликтах с мусульманским населением пограничных районов трудно разобраться в истинных виновниках противостояния, правоте той или иной стороны. Вблизи турецких границ черногорцам приходилось обрабатывать землю с оружием за спиной, ибо каждый неосторожный шаг мог дать повод к распрям и военным столкновениям¹⁶⁶. Схожие мысли за тридцать лет до этого высказывал и другой представитель России в Черногории, дипломат С.А. Санковский¹⁶⁷. В Европе прошли десятилетия, чередовавшиеся с тех пор войной и миром, и только в этом уголке Балкан, как и ранее, не прекращалось длительное вооруженное противостояние между Черногорией и мусульманами, между австрийцами и черногорцами. «С буллой Коран славян убивают», – напишет позднее Негош о трагических страницах истории этой ожесточенной борьбы¹⁶⁸.

Приезд российского посланца обеспокоил мусульманских соседей Черногории, считавших, что это событие подтолкнет черногорцев к активным действиям, и они стали днем и ночью стрелять из ружей, готовясь отразить ожидаемое нападение. Я.Н. Озерецковскому пришлось принять определенные меры «словами и поступками», чтобы рассеять эти подозрения¹⁶⁹. Занимался подполковник и проблемой Грахова, одной из наиболее конфликтных в черногорско-герцеговинских отношениях, вызывавшей серьезную озабоченность и в российском МИДе. Он полагал, что меры, принимаемые Петром II Негошем для снятия напряженности в этом вопросе,

способны лишь на время смягчить противостояние, но радикальным решением будет лишь разграничение между Черногорией, Северной Албанией и Герцеговиной, инициатором которого должно было выступить турецкое правительство¹⁷⁰. Поэтому вряд ли справедливо мнение Б. Павичевича, основанное на австрийском источнике, что Я.Н. Озерецковский призывал граховских старейшин «сбросить турецкое ярмо»¹⁷¹. Сделать подобное заявление, в корне противоречившее полученной им инструкции, зная, что оно почти неизбежно станет достоянием гласности, подполковник корпуса жандармов не мог. К тому же в отличие, например, от Е.П. Ковалевского, он даже не утверждал, что Грахово принадлежит Черногории, а лишь замечал, что таково мнение самих черногорцев¹⁷².

Я.Н. Озерецковский довольно тесно общался с Петром II Негошем, правительственным казначеем и секретарем владыки Дм. Милаковичем, другими членами черногорского правительства. Он осуществлял контроль за использованием по назначению денежных сумм из русской субсидии, что было вменено ему в обязанность МИДом. Я.Н. Озерецковский полностью разделял мнение Негоша о путях преобразования черногорского общества, считал сделанные им в этой части распоряжения «благоразумными и ведущими к полезной цели»¹⁷³. Все прежние обвинения и слухи о Негоше Я.Н. Озерецковский категорически отвергал, замечая, что «Из прежних писаний об нем кажется одно справедливо – что он молод»¹⁷⁴. Я.Н. Озерецковский активно занимался сбором экономических, статистических, географических и геодезических сведений о Черногории, которые в дальнейшем им были представлены в Российское посольство в Вене и Петербург. В этих целях подполковник посетил Црмницкую и Риечскую нахии. Срок дипломатической миссии Я.Н. Озерецковского не был строго регламентирован, и он, несомненно, задержался бы еще в Черногории, но серьезная болезнь заставила его вернуться в Вену. «Я ускользнул от эскулапа, худой, небритый – но живой!» – замечал Я.Н. Озерецковский, цитируя слова поэта князя П.А. Вяземского в одном из писем к А.Н. Мордвинову¹⁷⁵. За время пребывания в Черногории русский посланец довольно тесно подружился с Негошем, с которым его сблизили не только служебные дела, но и общая любовь к литературе. Он завел довольно обширный круг друзей в Черногории и даже стал побратимом воеводы Й. Княжевича¹⁷⁶, о котором не забывал и по возвращении в Россию. В связи с отбытием 17 (29) октября 1837 г. русского посланца черногорский владыка написал стихотворение «Отъезд из Черногории г. полковника Озерецковского», напечатанное в черногорском альманахе «Грлица» за 1839 г. В письме, адресованном Д.П. Татищеву, Петр II Негош отмечал заслуги российского представителя и выражал желание, чтобы тот «если не всю жизнь свою, то, по крайней мере, несколько лет в Черногории провел»¹⁷⁷. И в дальнейшем Негош и Озерецковский поддерживали довольно тесные отношения, обменивались дружескими письмами. В одном из ответных писем в 1846 г. митрополит Петр II Петрович Негош прочувственно писал: «Как приятны известия от друзей, я Вас никогда не забуду. Вы в моей душе будете жить навсегда приятным воспоминанием. Как забыть Вас, который некогда мою судьбу, как собственную, оплакивали, и которое все мое как собственное интересовало»¹⁷⁸.

Прибыв в Вену и отчитавшись о результатах своей командировки, Я.Н. Озерецковский остался недоволен тем, как отнеслись в посольстве к его информации. Позже в письме к Негошу он с горечью отметил, что в российском посольстве все остались равнодушными к делам и положению черногорского народа и что он «многим, если не всем, казался даже помешанным на мысли о Черной Горе»¹⁷⁹. Несмотря на болезнь он из Вены отправился в Петербург, ставя перед собой 2 задачи: 1) сообщить императору подробные и достоверные сведения о Черногории; 2) представить перед русским двором Петра II Негоша «с настоящей точки зрения» и тем самым «изгладить все ложное о Черногории» и обратить внимание Николая I на ее проблемы¹⁸⁰. В столице Я.Н. Озерецковскому удалось довольно быстро решить некоторые вопросы по Черногории, поскольку при дворе ждали результатов его миссии. Через своего начальника А.Х. Бенкендорфа Озерецковский передал императору альбом с десятью рисунками на черногорские сюжеты, а также материалы о социально-экономическом положении страны и ее истории. Специальная записка о Черногории политического характера была представлена им А.Х. Бенкендорфу. Она содержала критические суждения о турецкой и австрийской политике в отношении Черногории, в ней отмечалась преданность черногорцев России¹⁸¹.

Отметим, что Николай I был уже ознакомлен с обширным донесением о состоянии дел в Черногории, направленным Я.Н. Озерецковским послу в Вене еще в сентябре 1837 г. Поэтому попытки склонить русское правительство к более энергичной поддержке Черногории пали на подготовленную почву. Я.Н. Озерецковский старался внушить правящим кругам России мысль, что Черногория, благодаря своей активной борьбе, имеет большое влияние на Герцеговину, христианское население Албании и ей не хватает только денежных средств, «чтобы взять первенство и приобрести еще сильнейшее влияние, с одной стороны на Далмацию и Герцеговину, а с другой на берег Адриатического моря до Греции»¹⁸². Я.Н. Озерецковский был убежден сам и пытался лишней раз убедить официальный Петербург в преданности Черногории интересам России. Вместе с тем он обращал внимание А.Х. Бенкендорфа на то, что австрийское правительство проводит античерногорскую политику и стремится подорвать русское влияние в Черногории, подогревает сепаратистские настроения в приграничных с австрийскими владениями черногорских нахиях. При этом, подчеркивал Озерецковский, Австрия стала унижать Черногорию в глазах России, чтобы «лишить оную могучего покровителя и тем ослабить ее возникающее значение». В этом подполковник Озерецковский, вероятно, имел достаточно случаев убедиться за время своей службы чиновником по особым поручениям в посольстве в Вене. Следует заметить, что Я.Н. Озерецковский приводил и позитивные данные в своих суждениях об австрийской политике в отношении славян. Он отмечал, что с начала правления Франца Иосифа I «заметно особенное снисхождение к славянам», подданным австрийской короны. Это проявлялось в разрешении печатания изданий «приводящих славян к мысли о их прошедшей самобытности»¹⁸³. Высказывая это суждение, Я.Н. Озерецковский не подозревал, что поддержка, оказываемая на первых порах правящими кругами Австрии иллирийскому движению, объяснялась стремлением Вены ослабить венгерскую оппозицию и усилить

влияние на балканских славян. Продолжалось это недолго, и уже в 1843 г. австрийское правительство ввело строгую цензуру хорватской печати. В 1838 г. возвратившийся из австрийских владений генерал-майор Муравьев отмечал многочисленные факты притеснения православных славян в Австрийской монархии (в том числе и в Далмации), стремление австрийского правительства, опасавшегося влияния России на славян, обратить их в униатство. Об этом и о многом другом, а также о запрете православным священникам «говорить материным языком» сообщил в Синод состоящий при посольстве в Вене архимандрит Порфирий¹⁸⁴.

Стремясь усилить интерес Петербурга к Черногории, Озерецковский вывез оттуда образцы различных горных пород и высказал предположение, что в селении Златица (Брда) возможно нахождение месторождения золота. Узнав об этом, Николай I счел нужным отправить в Черногорию офицера корпуса горных инженеров. Сам Озерецковский практически не надеялся на обнаружение золота в Черногории. В письме к Негошу он замечал, что хорошо было бы найти «хоть что-нибудь, хоть серу. Для Черной Горы и она не лишняя, стоит даже золота»¹⁸⁵. Однако он сознательно не спешил делиться этими сомнениями с кем-либо в России, полагая, что в любом случае приезд русского офицера в Черногорию сослужит ей пользу, и, как покажет время, он не ошибся.

Николай I оценил заслуги Я.Н. Озерецковского, присвоив ему чин полковника и пожаловав табакерку стоимостью в 1 тысячу рублей. После того как мнение царя о черногорцах и их владыке стало близким «к благосклонному вниманию», большую активность в отношении Черногории начал проявлять и высший чиновничий аппарат России. Дела Черногории неожиданно вызвали интерес у А.Х. Бенкендорфа, заметную заинтересованность в Черногории стал проявлять К.К. Родофиникин, посол в Вене «тоже прозрел», а К.В. Нессельроде тут же учел настоятельную рекомендацию Озерецковского и вместо 5 тысяч четвертей хлеба, выделенного в помощь Черногории, согласился вдвое увеличить эту цифру¹⁸⁶.

Миссия Я.Н. Озерецковского дала возможность Николаю I, русскому правительству и дипломатии окончательно убедиться в беспочвенности обвинений, выдвинутых в адрес Петра II Негоша, понять, что его государственная деятельность полезна для Черногории и не расходится с интересами России на Балканах. В дальнейшем в русско-черногорских отношениях будут еще сложности и взаимные трения, но уже никогда русское правительство не будет надолго забывать и игнорировать полностью проблемы этого небольшого славянского государства, значение которого будет неуклонно возрастать во внешней политике России XIX века.

Я.Н. Озерецковский и после возвращения из Черногории не утратил интереса к этой стране. Он не только состоял в дружеской переписке с Негошем, но и представил в 1840 г. А.Х. Бенкендорфу свою статью «О политическом положении Черногории». Шеф жандармов одобрительно отозвался о суждениях Озерецковского, но счел нецелесообразным печатать «о сих обстоятельствах в журнале»¹⁸⁷. С ним полностью солидаризировался и вице-канцлер К.В. Нессельроде. К сожалению, мы не имеем в распоряжении этих материалов Я.Н. Озерецковского, но можно предположить, что в них в той или иной форме присутствовали критические суждения автора о по-

литике Порты в отношении Черногории. Вероятно, в условиях обострения турецко-египетского кризиса 1839-1840 гг., в котором Россия опять встала на сторону султана, действительно не следовало напоминать Стамбулу о еще одной болевой точке, какой для Турции являлась Черногория. Статья Озерецковского так и не вышла в свет.

Как уже отмечалось, предположение о наличии месторождения золота в Черногории не оставили в Петербурге без внимания, поэтому для проведения геологических изысканий в 1838 г. туда был направлен капитан корпуса горных инженеров Е.П. Ковалевский. Его кандидатура была утверждена неслучайно. Е.П. Ковалевский имел уже опыт разведки и разработки золотых месторождений в Сибири и на Урале. Узнав о командировании Е.П. Ковалевского в Черногорию, Я.Н. Озерецковский горячо рекомендовал его Негошу: «он наш, и с ним можно быть откровенным»¹⁸⁸, – писал Озерецковский. Время покажет правоту его слов. В дальнейшем вся жизнь этого талантливого военного специалиста, дипломата, ученого и писателя так или иначе будет связана с Черногорией, о которой он никогда не забывал и многое делал для нее на всех постах служебной карьеры, венцом которой станет должность директора Азиатского департамента МИДа.

Е.П. Ковалевский был снабжен специальной инструкцией за подписью самого вице-канцлера. Она состояла из 4 пунктов и предписывала заниматься в Черногории исключительно геологическими изысканиями и уклоняться от любого вмешательства в дела, не имеющие прямой связи с его поручением. Кроме того, Ковалевский должен был собрать самые обширные сведения о Черногории, включая географию, статистику и геологию этой страны¹⁸⁹. Одновременно о направлении Ковалевского в Черногорию был извещен и Петр II Негош. Е.П. Ковалевский был также проинструктирован начальником штаба корпуса горных инженеров К.В. Чевкиным. Генерал-майора как специалиста более интересовали сведения о новых технологических разработках в промышленности и горном деле («О любопытнейших устройствах или производствах вами виденных»), которые Ковалевскому следовало собрать в австрийских владениях. В случае обнаружения золотого месторождения в Черногории Ковалевский был обязан составить проект организации промышленного производства по разработке золота и передать его Петру II Негошу, от воли и распоряжений которого зависело все дальнейшее¹⁹⁰. Изыскательские работы финансировались русским правительством суммой в 16 тысяч рублей. В заграничном паспорте Е.П. Ковалевского, подписанном К.В. Нессельроде, была сделана следующая запись: «Отправляется в Австрию и соседние с оной страны сроком на 1 год»¹⁹¹. Черногория здесь не была обозначена, хотя собственно являлась основной целью поездки Ковалевского. Сделано это было неслучайно. Русское правительство после заключения с Австрией Мюнхенгрецкой конвенции (1833 г.) взяло на себя обязательство строго придерживаться политики сохранения статус-кво на Балканах. Поэтому при оформлении заграничного паспорта Е.П. Ковалевского в Петербурге решили, что даже само название Черногории лучше бы не использовать, чтобы предупредить, особенно за границей, «толков о сем деле»¹⁹². Хотя, как покажет время, сделать этого не удалось.

В марте 1838 г. Е.П. Ковалевский выехал из Санкт-Петербурга, и в начале апреля он уже был в Вене, где получил дополнительные инструкции от Д.П. Татищева, относящиеся к его геологоразведочной деятельности. В австрийской столице Е.П. Ковалевский имел встречи и беседы не только с русскими дипломатами, но и В.С. Караджичем. Еще в России ему было поручено встретиться со знаменитым сербским ученым и прояснить судьбу будто бы обнаруженных старых славянских летописей в Крагуеваце. После встречи с Караджичем Ковалевский уведомил Петербург в ложности этой научной сенсации¹⁹³.

В конце мая 1838 г. капитан Е.П. Ковалевский прибыл в Цетинье, где он вручил черногорскому владыке письменные послания к нему К.В. Нессельроде и Д.П. Татищева. В ответах к вице-канцлеру и послу в Вене Петр II Негош оценивал приезд Ковалевского как новое доказательство «всегдашнего попечения его императорского величества о пользе черногорского народа», заверял в своем стремлении сохранять «приятельные сношения» с пограничными жителями, но одновременно сообщал о концентрации 20 тысяч войска из Боснии и Герцеговины на черногорских рубежах¹⁹⁴. Собирая геологические, статистические и географические сведения о Черногории, Е.П. Ковалевский объехал всю Черногорию. С геологической точки зрения страна представляла слабый интерес, и здесь он мало чем мог помочь черногорцам. Золото не было обнаружено, но Е.П. Ковалевский нашел залежи железного колчедана. Зная острую потребность Черногории в оружии и боеприпасах, он, как уже отмечалось, принял активное участие в основании на Риеке Црноевича небольшой мастерской по производству пороха, которая вступила в строй в 1846 г.

Именно в Черногории Е.П. Ковалевский вынужден был выполнять тогда еще не свойственную ему функцию дипломата, поскольку на границах Черногории почти постоянно была напряженная ситуация. Следуя настоятельными рекомендациям российского МИДа, Петр II Негош прилагал все усилия для сохранения мира на границах турецких и австрийских владений. Однако неурегулированный международно-правовой статус Черногории, когда фактически независимая страна не имела официально признанных границ, а территории, которые она считала своими, не признавались таковыми соседними Турцией и Австрией – все это порождало кровавые военные конфликты. Российская дипломатия могла десятилетиями стараться внушать черногорцам мысль о налаживании добрососедских отношений с сопредельными государствами, но почти всегда находил повод для взаимных претензий и обид. Лишь эффективные, нередко суровые, меры правительства и Петра II Негоша приводили черногорцев к законопослушанию, поддержанию мира на границах. Однако тогда это зачастую воспринималось соседями как слабость и провоцировало их к вторжениям на территорию Черногории. Поэтому неслучайно Я.Н. Озерецковский советовал сохранять черногорцам «всегдашнюю воинственную силу со всех сторон», руководствоваться девизом «мир и сила»¹⁹⁵. Сам Петр II Негош сообщал в Петербург, что черногорцы придерживаются принципа мирных отношений с соседними государствами, и лишь только чувство личного самосохранения может заставить нас к защите¹⁹⁶, – писал он. К сожалению, обороняться черногорцам приходилось почти постоянно.

В улаживании крупного военного конфликта между черногорцами и австрийцами Е.П. Ковалевский принял самое деятельное участие. Начатое по обоюдному согласию в 1838 г. австро-черногорское разграничение привело к военному конфликту (о чем подробно будет еще сказано в дальнейшем), в котором австрийские войска потерпели поражение. Прочерногорская позиция Ковалевского в этом противостоянии вызвала к нему сильнейшую неприязнь со стороны австрийских властей как в Приморье, так и в Вене.

Следует отметить, что австрийское правительство сразу же настороженно отнеслось к миссии Е.П. Ковалевского в Черногорию, а губернатор Далмации В.Ф. Лиленберг предписал окружному которскому начальнику Г. Ивачичу вести негласный надзор за его действиями¹⁹⁷. Австрийцев явно раздражала деятельность Е.П. Ковалевского в Черногории, впрочем, как и любого другого представителя России в этой стране. Уже упоминавшийся австрийский капитан Ф. Орешкович, ставший сотрудником комиссии по австро-черногорскому разграничению, отмечал в рапорте В.Ф. Лиленбергу, что «черногорцы смотрят на любого офицера, который прибыл из России, как на апостола и относятся ко всему, что он им не скажет как к решению русского правительства»¹⁹⁸. Согласно данной ему инструкции Е.П. Ковалевский был обязан не вмешиваться во внутренние дела Черногории, однако быть сторонним наблюдателем в австро-черногорском конфликте русский офицер не смог. В объяснительной записке на имя Д.П. Татищева Ковалевский писал, что не мог не выполнить воли черногорского владыки, когда дело шло о гибели нескольких тысяч людей¹⁹⁹. Западная пресса, и в первую очередь австрийская, устроила настоящую травлю русского офицера, утверждая, что он находится в Черногории в качестве российского агента. Поэтому в Петербурге, с согласия царя, было принято решение отозвать Е.П. Ковалевского из Черногории, тем более что надежды обнаружить там золото практически не оставалось²⁰⁰. В сентябре 1838 г. Е.П. Ковалевский был вынужден покинуть Черногорию, однако на этом его злоключения не закончились. Канцлер К. Меттерних использовал визит К.В. Нессельроде в Милан, чтобы высказать упреки в адрес черногорского правителя и Ковалевского²⁰¹. Из затруднительной ситуации Ковалевскому помог выйти посол в Вене Д.П. Татищев, заверивший К.В. Нессельроде, что оправданием его поведения является прекращение кровавого конфликта²⁰². Этот факт не преминула благожелательно отметить «Сербская газета»²⁰³. Однако, даже когда Е.П. Ковалевский после довольно длительного отсутствия (уехав из Черногории, он по служебным делам побывал в Венеции и Баварии) вернулся в Петербург, австрийское правительство через своего посла в России Л. Фикельмона продолжало возводить на него «всевозможные преступления». Русское правительство не могло официально оправдывать действия Ковалевского перед Веной. Вместе с тем во время аудиенции император несколько раз благодарил меня за поведение в Черногории, – отмечал Ковалевский²⁰⁴. А на его записке о действиях в Черногории царь поставил помету «Капитан Ковалевский действовал как настоящий русский».

По возвращении в Россию Е.П. Ковалевский представил в МИД два документа: 1) Статистическое и географическое обозрение Черногории²⁰⁵; 2) Записку о Черногории²⁰⁶. Четырехмесячное пребывание Ковалевского в Черногории дало ему возможность близко познакомиться со страной, по-

бывать во многих, даже самых труднодоступных ее уголках. Близкое знакомство и дружба с черногорским правителем, поверившим без утайки русскому офицеру проблемы своей родины, похвальная личная наблюдательность Ковалевского – все это позволило ему довольно точно изложить внутреннюю и внешнюю ситуацию Черногории, привести сведения о населении страны, ее географии, влиянии на соседние христианские народы, сделать рекомендации министерству относительно возможностей развития русско-черногорских связей.

Еще в Записке к Д.П. Татищеву Ковалевский в критических тонах отозвался о вышедшей в 1836 г. в Англии карте Черногории²⁰⁷. Поэтому он на основе личного знакомства с местами, «загражденными природою и турками», с трудом и редко посещаемыми черногорцами, составил обстоятельную карту Черногории, лучшую из имевшихся в то время. Приводимые им статистические сведения в основном верны и представляли интерес для русского правительства, особенно в той части, которая касалась количества боеспособных черногорцев (до 23 тысяч человек), их боевых качеств и реальных возможностей в случае необходимости стать главной объединительной силой для 1 млн. 100 тысяч сопредельных православных христиан.

Продолжавшаяся Кавказская война велась Россией в трудных условиях, как военных, так и природных. Е.П. Ковалевский (как, впрочем, до этого и Озерецковский), находясь в Черногории и по возвращении в Россию предлагал реализовать инициативу Петра II Негоша и переселить на Кавказ для помощи русской армии до 6 тысяч черногорцев и албанцев (вероятно, имелись в виду горцы-католики, которые, в отличие от мусульман, часто поддерживали Цетинье, а не Шкодру)²⁰⁸. Ибо, как верно замечал Ковалевский, «Черногорец будет драться один против пяти на аршинном пространстве и всегда с успехом, потому что для него каждый камень, каждый куст служит пособием; он знает, где ему прилечь, где распрямиться, где напасть и где бежать»²⁰⁹. Словом, черногорцы, в течение столетий постоянно оттачивавшие тактику боя в горных условиях, при случае могли дать отпор кавказским горцам. О том, как к подобным проектам черногорского руководства и русских военных кругов относилось царское правительство, нам уже известно. Они в силу различных обстоятельств не были востребованы.

Взаимоотношения Черногории с Турцией и Австрией также не были обойдены вниманием в «Обзрении» Ковалевского. Он отчетливо видел античерногорскую направленность как турецкой, так и австрийской политики. Вместе с тем Ковалевский чутко улавливал различие в подходах при ее осуществлении: «Турки, силою оружия, немцы (австрийцы. – Ю.А.) – силою политики заслонили ее тщательно от всех отношений с иноземцами, от европейского образования и торговли... Первые непрерывной борьбой изощрают черногорцев в войне и раздувают страсть к ней, вместо того, чтобы тушить ее. Немецкое правительство мелочными притеснениями своими озлобляет их против себя и вообще народов западных»²¹⁰. Отнюдь не идеализируя черногорцев, отмечая их «азиатчину» и невежественность, Е.П. Ковалевский справедливо полагал, что причины многих бед Черногории следует искать в непродуманной, агрессивной политике Порты и австрийского правительства в отношении этой славянской страны.

Состоящая из шести пунктов «Записка о Черногории» предназначалась для К.В. Нессельроде и была составлена Е.П. Ковалевским по просьбе Петра II Негоша. В отличие от «Обозрения», где все же главное внимание уделялось внутренней жизни Черногории, «Записка» в основном содержит сведения внешнеполитического плана. Е.П. Ковалевский отмечал активизацию британской политики в этой части Балканского полуострова и роль в этом уже упоминавшегося английского консула в Нови-Пазаре Н. Васоевича-Радоница, сумевшего объединить вокруг себя часть племен Брды, которые, как замечал Ковалевский, более сомневались в самом факте существования Англии, чем в силе и могуществе консула²¹¹. Авантюристические планы Н. Васоевича-Радоница, направленные на создание карликового государственного образования из горцев под покровительством Англии и его управлением, были опасны для Черногории. Эта политическая спекуляция, поддерживаемая британской дипломатией, могла бы нанести ущерб русскому влиянию в этом районе, подорвать авторитет России. Как следует из текста Записки, реальность этого осознавал и сам черногорский правитель. Поэтому Петр II Негош высказывал пожелание, чтобы в Черногории постоянно под любым предлогом находился русский представитель, и тогда окружающие страну славянские народы видели бы в этом залог взаимного внимания российского правительства к нуждам славян²¹².

Следует отметить, что в 30-е гг. XIX в. русское правительство иногда явно запаздывало с открытием своих дипломатических представительств в некоторых балканских землях. Так случилось в Сербском княжестве, где российское консульство было образовано уже после открытия консульств Австрии и Великобритании в Белграде. Учреждение английского и французского консульств в Нови-Пазаре и Шкодре, при отсутствии там аналогичных российских учреждений, также не отвечало политическим видам России. Желание Петра II Негоша добиться под каким-либо предлогом присылки в Черногорию русского дипломата объяснялось еще и тем, что он хотел избавиться от опеки И.М. Гагича, предвзятость которого и отсутствие взаимопонимания с черногорским владыкой создавали определенные трудности в деятельности Негоша. Надо сказать, что Ковалевский старался помочь Петру II Негошу в этом вопросе. Более того, в марте 1839 г. он сообщал владыке, что его недоброжелатель Гагич будет переведен из Дубровника (Рагузы) и новому консулу будет предписано часть года обязательно находиться в Цетинье. Но жить постоянно в Черногории желающих в Азиатском департаменте не нашлось, что весьма удивляло самого Ковалевского²¹³. Однако эти надежды не оправдались, и, вероятно, не только по причине отсутствия желания у какого-либо дипломата ехать в Черногорию, так как в случае необходимости МИД своим распоряжением мог отправить любого чиновника в края еще более «дикие», чем Черногория. Дело, на наш взгляд, заключалось в том, что в Петербурге учитывали возможность острой реакции турецкого правительства на учреждение консульства в фактически независимой прорусски настроенной стране, тем более в условиях второго турецко-египетского кризиса 1839-1841 гг., поставившего вновь на грань крушения Османскую империю.

Е.П. Ковалевский также излагал вице-канцлеру пожелание Петра II Негоша об отправлении молодых черногорцев в Россию для получения

образования (Ковалевский сам с этой целью привез из Черногории мальчика Джуро Давидовича, ставшего кадетом корпуса горных инженеров). В Записке Е.П. Ковалевский сугубо отрицательно отзывался об австрийской политике в отношении Черногории. Его суждения в адрес австрийцев были бескомпромиссны. Убеждая К.В. Нессельроде в необходимости русской поддержки Черногории, Е.П. Ковалевский заключал Записку выводом, что «Черногория может истерзать сама себя, если покровительство России не будет над нею бдительным провидением, которое может изготовить блестящую участь для этого народа сильного, юного и преданного России безгранично и безусловно»²¹⁴.

Рассматривая итоги деятельности Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского, следует отметить ее позитивную роль как для собственно Черногории, так и для дальнейшего развития русско-черногорских отношений. Пребывание Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского в Черногории как официальных представителей России способствовало росту престижа и авторитета Петра II Негоша и правительства в глазах черногорцев, что в свою очередь положительно сказалось на реформаторской деятельности черногорского руководства. Благодаря им в Петербурге получили объективную информацию о географическом, экономическом и политическом положении страны, окончательно убедились, что Петр II Негош является опытным государственным деятелем, а проводимые им преобразования служат интересам черногорского общества²¹⁵. В отчетах МИДа за 1838 г. высоко оценивались заслуги Е.П. Ковалевского и отмечалось, что благодаря его пребыванию в Черногории ее жители убедились в постоянном внимании к ним со стороны России, а министерство получило точные и достоверные сведения «о внутреннем состоянии Черногории во всех отношениях»²¹⁶.

Подводя итоги, отметим, что в общественно-политической жизни Черногории в 30-40-е годы XIX в. произошли прогрессивные перемены. Учреждение Правительствующего Сената, создание регулярных военно-полицейских отрядов (гвардии и перяников), преобразования в системе местного управления – все это позволило Петру II Негошу достигнуть заметных успехов в деле борьбы с родоплеменными пережитками и разобщенностью черногорского общества. Во многом благодаря эффективной деятельности владыки был создан фундамент централизованного государства, а власть Петра II Негоша с конца 30-х гг. приобрела черты авторитарно-монархической.

В то же время русско-черногорские отношения складывались противоречиво, что объясняется не только консервативными принципами царского правительства, но и ограниченностью возможностей России при осуществлении балканской политики. Если не сама Турция, то поддерживающие ее западные державы, и в первую очередь Австрия, заняв враждебную России позицию, активно противодействовали ее акциям на Балканах. Нежелание Петербурга конфликтовать с Веной и Стамбулом сковывало возможности России в отношении Черногории, но дипломатическая поддержка Черногории в ее взаимоотношениях с Турцией и Австрией все же оказывалась. 1837 г. явился значительным рубежом в развитии русско-черногорских отношений. Начавшийся с конфликта из-за желания Петра II Негоша посетить Францию, он завершился укреплением русско-черногорских отноше-

ний благодаря дополнительной ежегодной денежной субсидии в 80 тысяч рублей и достижением взаимопонимания между русским правительством и Петром II Негошем. Этому в значительной мере способствовали и поездки в Черногорию русских представителей Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского, которые привели к усилению влияния России в этой славянской стране и содействовали росту престижа Петра II Негоша на родине, что наряду с денежной субсидией положительно сказалось на проводимых им внутренних преобразованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развика. Београд, 1981. С.82; И.М. Гагич – Д.П. Татищеву, 29 ноября (11 декабря) 1830 г. // Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е годы). Документы. Отв. ред. Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013. С.159.
- ² Радивой Петрович – И.М. Гагичу, 21 ноября (3 декабря) 1830 г. // Там же. С.154-155.
- ³ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.88.
- ⁴ *Попов А.Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С.135-136.
- ⁵ *Ковалевский Е.П.* Черногория и славянские земли // *Ковалевский Е.П.* Собр. соч. СПб., 1872. Т.IV. С.95.
- ⁶ Записка И. Вукотича в Азиатский департамент МИДа, 14 (26 февраля) 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.197.
- ⁷ Записка М. Вучичевича «О настоящем положении Черногории», 5 (17) февраля 1831 г. // Там же. С.163-166.
- ⁸ Там же. С.164.
- ⁹ Црногорске исправе XVI-XIX вијека. Уредили Т. Никчевић и Б. Павићевић. Цетиње, 1964. С.137-156.
- ¹⁰ Записка М. Вучичевича «О настоящем положении Черногории», 5 (17) февраля 1831 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.165.
- ¹¹ Там же. С.166-170; *Павићевић Б.* Припреме за долазок Вукотића и Вучићевића у Црну Гору 1831. Године // *Историјски записи* (далее – ИЗ). 1969. Књ. XXV. Св.4. С.113-115.
- ¹² Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 6 (18) июня 1831 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.174-175.
- ¹³ *Павићевић Б.* Припреме за долазок... С.117; Деша К.В. Нессельроде Д.П. Татищеву, 6 (18) июня 1831 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.179. Данная мера не была излишней. Австрия весьма болезненно относилась к русскому влиянию в Черногории. Поэтому, когда в феврале 1829 г. М. Вучичевич в первый раз возвращался из России на родину, он был подвергнут в г.Которе тщательному и унижительному обыску. В письме к И.М. Гагичу черногорский посланец отмечал, что подобным образом австрийские власти поступают «только с русскими или из России приезжающими». (*Миловић Ј.М.* Петар I Петровић Његош. Писма. 1988. Књ.2. 1821-1830. С.811).
- ¹⁴ *Јовановић Ј.* Улога Вукотића и Вучићевића у Црној Гори // ИЗ. Цетиње, 1951. Књ.7. Св.7-9. С.296.
- ¹⁵ К.В. Нессельроде – Николаю I, 6 (18) июня 1831 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.174.
- ¹⁶ Азиатский департамент МИДа – Почтовому департаменту, 15 (27) июля 1836 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА. I-6. Оп.5. 1823-1833 гг. Д.2. Л.54.
- ¹⁷ Там же. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1836 г. Д.1. Л.123.
- ¹⁸ Записка И. Вукотича в Азиатский департамент МИДа, 14 (26) февраля 1832 // Петр II Петрович Негош и Россия... С.196-197.

- ¹⁹ Там же. С.197.
- ²⁰ Донесение управляющего Которским округом М. Мартеллини австрийским властям, 4 (16) октября 1831 г. // Там же. С.184-185.
- ²¹ *Карађућ В.С.* Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С.57; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.155-157.
- ²² *Jstorija drzave i prave juqoslovenskih naroda (do 1918 qodine).* Bеоqrad, 1967. С.311. Вук Караджич определял жалованье сенатора суммой в 80 гульденов (около 52 рублей серебром). В дополнение к жалованью сенаторам выделялась мука для выпечки хлеба (*Карађућ В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.53; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.139).
- ²³ *Карађућ В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.53; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.140.
- ²⁴ *Карађућ В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.53; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.141-142.
- ²⁵ *Карађућ В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.53; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.139.
- ²⁶ *Попов А.Н.* Путешествие в Черногорию. С.149.
- ²⁷ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 6 (18) декабря 1831 г. // Цијелокупна дјела Петра Петровића Његоша. Београд, 1951. Т.7. С.89; Записка И. Вукотича в Азиатский департамент МИДа, 14 (26) февраля 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.196.
- ²⁸ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 6 (18) декабря 1831 г. // Цијелокупна дјела... Т.7. С.90.
- ²⁹ Записка И. Вукотича в Азиатский департамент МИДа, 14 (26) февраля 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.196.
- ³⁰ Там же. С.197.
- ³¹ Докладная записка К.К. Родофиникина Николаю I, 18 (30) июня 1835 г. // Там же. С.281-282.
- ³² Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 2 (14) мая 1833 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-I. Оп.781. 1833 г. Д.9. Л.45-46.
- ³³ Петр II Негош и И. Вукотич – Николаю I, 5 (17) апреля 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.207.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Записка М. Вучичевича в МИД, 12 (24) июля 1832 г. // Там же. С.215.
- ³⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф.123 (П.А. Ровинский). Оп.1. Ед. хр.73. Л.6-6об.
- ³⁷ Записка К.В. Нессельроде Николаю I «О народе черногорском», 26 августа (7 сентября) 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.224-225.
- ³⁸ Проект депеши МИД Д.П. Татищеву с резолюцией Николая I «Быть по сему», 3 (15) сентября 1832 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1832 г. Д.689. Л.35-39; Д.П. Татищев – И. Вукотичу, 23 сентября (5 октября) 1832 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1832 г. Д.315. Л.27-28.
- ³⁹ Записка М. Вучичевича К.В. Нессельроде, 12 (24) октября 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.231-234.
- ⁴⁰ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, с резолюцией императора «Высочайше повелеваю отказать во всем», 18 (30) октября 1832 г. // Там же. С.241-242.
- ⁴¹ Впервые опубликованы: *Вуксан Д.* Један пројекат црногорског Законика из доба Вла-

- дике Рада // Записи. 1927. С.44-51; *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.93-95. Црногорски законици. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Зборник докумената. Погорица, 1998. Књ.1. С.101-107.
- ⁴² *Павићевић Б.* О мисији Ивана Ивановича-Вукотића и Матеја Петровића-Вучићевића у Црној Гори. 1831-1834. // Историјски часопис. Београд, 1957. Књ.7. С.275.
- ⁴³ Там же. С.276.
- ⁴⁴ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 24 октябра (5 новембра) 1846 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1846 г. Д.326. Л.11-12.
- ⁴⁵ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1901. Т.II. Ч.II. С.426.
- ⁴⁶ *Медаковић М.* Живот и обичаи Црногораца. Нови Сад, 1860. С.128.
- ⁴⁷ *Милакович Д.* История и нынешнее состояние Черногории // Сын Отечества. 1838 г. Т.6. №11-12. С.98.
- ⁴⁸ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.54-55; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.143-146.
- ⁴⁹ *Медаковић М.* Живот и обичаи... С.127.
- ⁵⁰ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.55; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.146-147.
- ⁵¹ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.62; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.176-177.
- ⁵² *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.63; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.178.
- ⁵³ *Миловић Ј.М.* Петар II Петрович Негош у свом времену. Титогорад, 1984. С.404; *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Современник. 1854. Т.45. №5-6. С.60.
- ⁵⁴ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.61-62; [*Караджич В.С.*] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.172, 176.
- ⁵⁵ *Хевролина В.М.* Из истории русско-черногорских отношений в 1813-1833 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Материалы международной научной конференции. М., 1992. Ч.1. С.99; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979. С.63-64. Просветительские и гуманитарные наклонности Петра II Негоша проявились в том, что, находясь в Петербурге, владыка через Синод получил следующие издания книг: 1. Грамматика Востокова – 6 экз. 2. Истории церковной – 1 экз. 3. Всеобщей [истории] Шлецера – 5 экз. 4. Всеобщей [истории] Шрека – 2 экз. 5. Лексикона латинского Кронеберга – 1 экз. 6. Правил пиитики – 1 экз. 7. Российско-латинских разговоров – 2 экз. 8. Словарь к лексикону Кронеберга – 1 экз. 9. Прописей на разных языках – 52 экз. 10. Словарь российско-латинского языка Лебедева – 1 экз. 11. Уставов училищных – 2 экз. 12. Теории и истории изящных наук Мейнерса – 1 экз. Всего на сумму 152 рубля 60 копеек (Об отпуске некоторых классических книг на счет Святейшего Синода в ведение черногорского епископа Петра. Начато 21 октября 1833 г., кончено 23 ноября 1833 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.802. Оп.1. Д.8313. 1833 г. Л.3).

- ⁵⁶ Негош поведал своему секретарю М. Медаковичу один из любопытных эпизодов пребывания в Петербурге. К черногорскому владыке однажды пришел неизвестный человек и, вручив запечатанный конверт, поспешно удалился. В конверте оказалась тысяча рублей банковскими билетами без указания имени пожертвователя. Позднее Негош все же узнал, что это был дар графини Орловой, дочери графа А.Г. Орлова, командовавшего морскими и сухопутными силами в Средиземноморье в русско-турецкую войну 1768-1774 г. // *Кутасова О. Жизнь поэта // Петр Негош. Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С.17.* В ходе этой войны черногорцы оказали вооруженную поддержку России, воспрепятствовав объединению войск боснийского, герцеговинского и шкодринского пашей с главными турецкими силами. Вероятно, в память отца, поддерживавшего через своих эмиссаров контакты с черногорцами, графиня Орлова и сделала этот благотворительный жест.
- ⁵⁷ Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 14 (26) августа 1836 г. // *Цјелокупна дијела... Т.7. С.357; Петр II Петрович Негош и Россия... С.290.*
- ⁵⁸ К.К. Родофиникин – А.П. Бутеневу, 14 (26) сентября 1833 г. // Там же. С.261-262.
- ⁵⁹ Там же. С.262.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ А.П. Бутенев – К.К. Родофиникину, 5 (17) декабря 1833 г. // *АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1833 г. Д.501. Л.35об.-36.*
- ⁶² С.Д. Нечаев – К.В. Нессельроде, 6 (18) мая 1834 г. // *Петр II Петрович Негош и Россия... С.266.*
- ⁶³ Петр II Негош – С.Д. Нечаеву, 8 (20) ноября 1834 г. // *Цјелокупна дјела... Т.7. С.278.*
- ⁶⁴ *Карађић В.С.* Црна Гора и Бока Которска. С.75. Как уже отмечалось, стараниями И. Вукотича и М. Вучичевича вскоре после их прибытия в 1831 г. в Черногорию было открыто 2 приходских училища (АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1832 г. Д.689. Л.44об.). Насколько нам известно, этот факт не отмечен в работах черногорских исследователей.
- ⁶⁵ *Драгович Ж.* Очерки из церковной жизни в Черногории // *Странник. 1881 г. Декабрь. С.583-584.*
- ⁶⁶ *Чижов Ф.В.* Отрывок из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // *Московитянин. 1845. Ч.IV. №7-8. С.43.* Несмотря на определенные успехи в постановке школьного образования в Черногории по сравнению с предыдущим периодом, говорить о каком-либо серьезном прорыве в этом деле не приходится, особенно если сравнить, например, с соседней Сербией. В Белграде в 1846 г. уже функционировал Лицей, школа богословия, гимназия, коммерческое училище. В других городах дети и юноши получали образование в 17 окружных и 144 сельских школах. Всего к 1846 г. в Сербии насчитывалось 6238 учеников и 215 учителей, в основном выходцев из Австрии. Кроме того сербы получали военное образование в Гвардейской школе и военной академии (*Кудрявцева Е.П.* Россия и становление сербской государственности (1812-1856). М., 2009. С.122), о чем-то подобном тогда в Черногории и мечтать не могли.
- ⁶⁷ См. об этом: *Драгович Ж.* Очерки из церковных... С.583; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.77.
- ⁶⁸ Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., 1986. С.185.
- ⁶⁹ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. Београд, 1955. С.258-260.
- ⁷⁰ И. Вукотич – К.К. Родофиникину, 25 апреля (7 мая) 1836 г. // *Петр II Петрович Негош и Россия... С.284-286.*
- ⁷¹ Петр II Негош – Д. Милаковичу, 26 апреля (8 мая) 1836 г. // *Цјелокупна дјела... Т.7. С.347-350.*
- ⁷² *Павићевић Б.* Негошева мисија у Русији 1837 године // *Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. 1960. Књ. XXVI. Св.1-2. С.50.*
- ⁷³ Объявление Петра II Негоша главарям и старейшинами и всему народу черногорскому и брдскому, 12 (24) ноября 1836 г. // *Цјелокупна дјела... Т.7. С.372-373.*
- ⁷⁴ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 9 (21) января 1837 г. // *Петр II Петрович Негош и Россия... С.306-307.*

- ⁷⁵ См. текст записки: *Павићевић Б. Његошева мисија...* С.53-55. Ее краткое содержание приводится в специальной записке «По делам Черногории» за 1837 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1836 г. Д. 1. Л.140-140об.
- ⁷⁶ К.В. Нессельроде – Петру II Негошу, 12 (24) января 1837 г. // *Павићевић Б. Његошева мисија...* С.56; Петр II Петрович Негош и Россия... С.309-311.
- ⁷⁷ Там же. С.309.
- ⁷⁸ К.В. Нессельроде – А.М. Горчакову, 12 (24) января 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.307-309.
- ⁷⁹ И. Вукотич – К.К. Родофиникину, 29 января (10 февраля) 1837 г. // Там же. С.311-313.
- ⁸⁰ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.204-205.
- ⁸¹ А.П. Бутенев – К.В. Нессельроде, 6 (18) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.336-338.
- ⁸² *Миловић Ј.М.* Петар II Петрови Његош у свом времену. С.206-207; А.М. Горчаков – К.В. Нессельроде, 3 (15) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.325.
- ⁸³ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С. 221-242.
- ⁸⁴ А.М. Горчаков – К.В. Нессельроде, 3 (15) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.323.
- ⁸⁵ *Вишняков Я.В.* Черногория в балканской политике России (1830-1860 гг.). М., 1998. С.36-37; Я.Н. Озерецковский – управляющему III отделением Собственной его величества канцелярии А.Н. Мордвинову, 23 июля (4 августа) 1837 г. // Тайная миссия подполковника Я.Н. Озерецковского / Публ. В. Боковой // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Новая серия. М., 2003. Вып. XII. С.324.
- ⁸⁶ Секретная депеша Я.Н. Озерецковского А.Н. Мордвинову с пометой: «препровождено к вице-канцлеру», 3 (15) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.331.
- ⁸⁷ Секретная записка Я.Н. Озерецковского А.Х. Бенкендорфу, 23 декабря 1836 г. (4 января 1837 г.) // Петр II Петрович Негош и Россия... С.297-298. Радониц (Радониц-Васоевич), он же Басович и Вазович, известный в югославской историографии как «князь» Васоевич-Радониц, был авантюристом. Родился на территории Брды в племени Васоевичи. Настоящее имя Николай Милошевич (1797-1844). Вместе с герцеговинскими переселенцами во главе с М. Никшичем в 1804 г. его семья переселилась в Новороссию, в окрестности Одессы. Архивные и опубликованные материалы позволяют дополнить представление о его довольно извилистом жизненном пути. В 1822 г. Радониц как русский подданный поступил в Военно-строительное училище путей сообщения, закончив его в том же году. В ноябре 1824 г. был откомандирован в г.Тмутаракань (Тамань) с поручением снять на план и описать берега Черного и Азовского морей. По прибытии на место от командира гарнизона к Радоницу в качестве писаря был приставлен разжалованный из унтер-офицеров в рядовые некий Пелишев, который, по словам командира гарнизона, когда-то готовился к важной роли «в политическом перевесе». Радоница это заинтересовало, он вошел в доверие к Пелишеву, уверив его в своей ненависти к русским, делая подарки и пр. От Пелишева он узнал, что тот был принят в Варшаве в масонскую ложу, целью которой было при благоприятном случае в одну ночь вырезать всех русских, убить великого князя Константина Павловича и восстановить независимость Польши. Пелешев утверждал, что число заговорщиков простирается до нескольких тысяч человек, обещая список заговорщиков показать Радоницу, но не сделал этого и бежал из гарнизона. Описание истории жизни Пелишева, составленное Радоницем, в сентябре 1825 г. сгорело в Киеве на его квартире. Свои сведения о Пелишеве Радониц в январе 1826 г. все же изложил в Киеве генерал-адъютантам Николаю I А.Г. Щербатову и И.Н. Демидову. Сделанный после этого запрос в Варшаву к Константину Павловичу прояснил, что Пелишев, служивший в 1-м Бутском уланском полку унтер-офицером, несколько раз находился в бегах, используя «фальшивые виды» на имя хорунжего и городского секретаря Чако, а все сказанное им Радоницу – совершенная ложь. Однако Радониц разоблачал не только мнимых

заговорщиков, но и реальных. Его имя, наряду с именами Бошняка, Майбороды, пресловутого Шервуда Верного и др., значится в списке осведомителей о заговоре декабристов. Благодаря этой заслуге уже в начале 1826 г. Радониц служил «по политическим делам» при дежурном генерале Главного штаба. В дальнейшем с успехом служил прапорщиком в военно-строительных частях, но в январе 1828 г. был предан суду, разжалован и посажен в крепость за оскорбление начальства и «явное подозрение в присвоении денег нижних чинов». В 1830 г. был помилован Николаем I и выслан за границу. Затем Н. Радониц 7 лет находился на турецкой военно-инженерной службе, где благодаря содействию английского и французского послов был Портой «признан в княжеском достоинстве». Впоследствии 2 года был английским консулом в Нови-Пазаре. В 1838 г. Н. Васоевич-Радониц хотел из части племен Брды и Сев. Албании создать «особенный округ под покровительством Англии и своим управлением».

В 1841 г. Н. Васоевич-Радониц прибыл в Париж, где он, как сообщают русские источники, фигурировал под фамилией Басович и установил связи с польской эмиграцией, в частности, с М. Чайковским. Здесь, как пишут югославские историки, Н. Васоевич-Радониц договорился с А.А. Чарторыйским о создании независимого государственного образования «Холмия» (Брда). Кроме того, писал в своих воспоминаниях М. Чайковский, Васоевич-Н. Радониц (выдававший себя перед польской эмиграцией и французскими властями за князя Святополка Вазовича) вступил в контакт с одним из лидеров эмиграции В. Замойским и согласился участвовать в реализации его планов на Балканах. По плану В. Замойского «Вазович» должен был перейти в католичество с целью дальнейшего его распространения среди южных славян, в том числе и черногорцев. В. Замойский начал подготовку военной экспедиции в Черногорию, в которой должно было участвовать до 1 тысячи поляков и ирландцев. Ее целью было возведение на «королевский престол» в Черногории «князя Святополка Вазовича». Из польских офицеров во главе с генералом В. Хржановским был создан военный штаб экспедиции. Первоначально эти планы поддерживались французскими правительственными кругами. Так, председатель совета министров Н.Ж. Султ, вероятно, не без согласия Луи-Филиппа, выдал «Вазовичу» 30 тысяч франков «для начала его карьеры в роли властителя Черногории». Однако авантюризм этой идеи был все же понят и экспедиция не состоялась. Затем Н. Васоевич-Радониц прибыл в Италию, а вскоре, растратив деньги, «полученные от революционных комитетов», оказался на короткое время среди племен Брды и вскоре подвергся аресту во владениях шкодринского паши. Если верить самому Н. Васоевичу-Радоницу, то его арест был вызван обвинениями в подстрекательстве христиан к неуплате подати султану, разжигании вражды между племенами Брды и турками, а также в его совместном заговоре с Петром II Негошем, направленном против турок. Из Шкодры Н. Васоевич-Радониц обращался к Николаю I с письменной просьбой о покровительстве ему лично и его отечеству, аналогичное обращение последовало от него и к прусскому двору. Как пишут югославские историки, с 1842 г. по 1844 г. Н. Радониц жил в Васоевичих (Брда) как независимый правитель. Осенью 1844 г. по пути в Черногорию он был убит политическими противниками, по другой версии – грабителем-черногорцем. // См. об этом: АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1838 г. Д.19. Л.1-19об.; Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1843 г. Д.513. Л.100-101; Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1836 г. Д.1. Л.10; Црногорско-руски односи 1711-1918. Подгорица - Москва, 1992. Књ.1: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С.238-239; «Записки Михаила Чайковского» // Русская старина. 1898. №3. С.672-674; *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830-1851). Београд, 1951. С.28-63; *Губернић Р.П.* Кнез Никола Васојевић. Иванград, 1990; *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.159, 175, 379, 399, 441; *Дујовић Ј.* Славни црногоски пустолови. Београд, Б/г. С.149-234; *Просул В.Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40 - начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Т.II. С.37-38; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С.307, 403.

- ⁸⁸ А.М. Горчаков – К.В. Нессельроде, 3 (15) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.323-324.
- ⁸⁹ Секретная депеша Я.Н. Озерецковского А.Н. Мордвинову с пометой: «препровождено к вице-канцлеру», 3 (15) февраля 1837 г. // Там же. С.331.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Записка о черногорском владыке, 11 (23) февраля 1837 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1836 г. Д.1. Л.30-30об.
- ⁹² А.М. Горчаков – К.В. Нессельроде, 3 (15) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.327.
- ⁹³ Сведения о владыке Черногории, 10 (22) февраля 1837 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1837 г. Д.318. Л.26-27.
- ⁹⁴ А.М. Горчаков – К.В. Нессельроде, 3 (15) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.328.
- ⁹⁵ К.В. Нессельроде – Петру II Негошу, 17 февраля (1 марта) 1837 г. // Там же. С.341.
- ⁹⁶ К.К. Родофиникин – И.М. Гагичу, 9 (21) февраля 1837 г. // Там же. С.339; К.К. Родофиникин – И.М. Гагичу, 18 февраля (2 марта) 1837 г. // Там же. С.342-344.
- ⁹⁷ Предписание К.К. Родофиникина капитану Ф.С. Ракееву, 21 февраля (5 марта) 1837 г. // Там же. С.344-345.
- ⁹⁸ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 26 февраля (10 марта) 1837 г. // Там же. С.354-356; Цјелокупна дјела... Т.7. С.379-381.
- ⁹⁹ Ф.С. Ракеев – К.К. Родофиникину, 1 (13) марта 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.361.
- ¹⁰⁰ *Павићевић Б.* Његошева мисија... С.64-65. Рапорт К.К. Родофиникина К.В. Нессельроде, 23 марта (3 апреля) 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.363-365.
- ¹⁰¹ Там же. С.364.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Перо Томов Петрович – Петру II Негошу, 28 апреля (10 мая) 1837 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1836 г. Д.1. Л.83.
- ¹⁰⁴ Архимандриты И. Павичевич и Луянович – Петру II Негошу, 17 (29) апреля 1837 г. // Там же. Л.83-83об.
- ¹⁰⁵ И.М. Гагич – в Азиатский департамент МИДа, 29 апреля (10 мая) 1837 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. Д.694. Л.4-8.
- ¹⁰⁶ СПбФ АРАН. Ф.123 (П.А. Ровинский). Оп.1. Ед. хр.73. Л.9-10.
- ¹⁰⁷ Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 8 (20) ноября 1834 г.; Петр II Негош – К.К. Родофиникину, 8 (20) ноября 1834 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.280-282.
- ¹⁰⁸ И.М. Гагич – в Азиатский департамент МИДа, 17 (29) апреля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.371-372.
- ¹⁰⁹ Б. Павичевич ошибается, когда считает, что Негош не мог прибыть в Петербург 18 (30) мая, так как он, по мнению Б. Павичевича, выехал из Пскова в лучшем случае 17 (29) мая (*Павићевић Б.* Његошева мисија... С.66). В действительности Негош покинул Псков 15 (27) мая 1837 г., об этом А.Н. Пешуров известил К.В. Нессельроде // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. Д.1. 1836 г. Л.92.
- ¹¹⁰ *Павићевић Б.* Његошева мисија... С.66; Проект депеши К.К. Родофиникина Д.П. Татищеву, 9 (21) июня 1837 г. с резолюцией Николая I «Быть по сему» // Петр II Петрович Негош и Россия... С.383.
- ¹¹¹ Записка «По делам Черногории», 1837 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1836 г. Д.1. Л.145.
- ¹¹² Проект депеши К.К. Родофиникина Д.П. Татищеву, 9 (21) июня 1837 г. с резолюцией Николая I «Быть по сему» // Петр II Петрович Негош и Россия... С.383.
- ¹¹³ *Павићевић Б.* Његошева мисија... С.67; Доклад К.К. Родофиникина Николаю I, 2 (14) июня 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.378-379.
- ¹¹⁴ К.К. Родофиникин – Петру II Негошу, 11 (23) июня 1837 г. // Там же. С.386-387.
- ¹¹⁵ *Павићевић Б.* Његош и Яков Николајевич Озерецковски // ИЗ. Титоград, 1967. Књ. XXIV. Св.1. С.5.

- ¹¹⁶ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С.166-171; *Достян И.С.* Миссии русских государственных деятелей и военных в Сербском княжестве в 30-е гг. XIX в. // Национальное возрождение... Ч.1. С.139-141.
- ¹¹⁷ Доклад К.К. Родофиникина Николаю I, 7 (19) июня 1837 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-I. Оп.781. 1837 г. Д.13. Л.29-29 об.
- ¹¹⁸ См. об этом: Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. М., 1990. С.87-132.
- ¹¹⁹ К.К. Родофиникин – Петру II Негошу, 11 (23) июня 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.386-387.
- ¹²⁰ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.149.
- ¹²¹ Петр II Негош – Николаю I, 12 (24) июня 1837 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.385-386; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.469. 1837 г. Д.139. Л.2-3об. Архивная копия письма датирована 10 (22) июня 1837 г.
- ¹²² *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.21.
- ¹²³ К.В. Нессельроде – министру финансов Е.Ф. Канкрину, 13 (25) января 1839 г. // АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп.495. 1838-1849 гг. Д.9135. Л.2-3об., *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.21.
- ¹²⁴ Управляющий министерским Советом – Петру II Негошу, 23 августа (3 сентября) 1844 г. // АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп.495. 1838-1849 гг. Д.9135. Л.200-201об.
- ¹²⁵ И.М. Гагич – в МИД, 29 декабря 1845 г. (10 января 1846 г.) // Там же. Л.252аоб.
- ¹²⁶ Там же. Л.252а.
- ¹²⁷ И.М. Гагич – Н.П. Медему, 18 (30) июля 1846 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1846 г. Д.793. Л.7.
- ¹²⁸ См. об этом: *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.65; *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.89-90; *Попов А.Н.* Путешествие в Черногорию. С.139.
- ¹²⁹ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.200.
- ¹³⁰ См. об этом: *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.271-280.
- ¹³¹ Там же. С.403. За правосудием к Петру II Негошу, случалось, обращались и мусульмане из соседних турецких владений, претерпевшие в чем-либо обиду от черногорцев. Если в ходе рассмотрения дела виновной оказывалась черногорская сторона, то митрополит наказывал преступившего закон черногорца денежным штрафом в пользу пострадавшего (*Попов А.Н.* Путешествие в Черногорию. С.144). Такое стало возможным благодаря успехам Негоша в организации дела защиты правопорядка в стране, что способствовало признанию его авторитета в этой сфере не только в Черногории, но и в соседних турецких землях.
- ¹³² Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 27 февраля (11 марта) 1835 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-I. 1835 г. Оп.781. Д.11. Л.10-10об.
- ¹³³ *Медаковић М.* П.П. Његош, последњи владајући владика црногорски. Нови-Сад, 1882. С.48-49.
- ¹³⁴ См. об этом: *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.114-115; *Миловић Ј.М.* Петар II Његош у свом времену. С.405-406.
- ¹³⁵ *Хитрова Н.И.* Россия и провозглашение Черногории княжеством (1852) // Славяно-балканские исследования: историография и источниковедение. М., 1972. С.350.
- ¹³⁶ О литературном творчестве Негоша см.: *Лавров П.А.* Петр II Петрович: владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887; *Кутасова О.* Жизнь поэта // Негош Петр. Горный венец; Самозванец Степан Малый: Пер. с сербскохорв. / Предисл. и примеч. О. Кутасовой. М., 1988. С.5-38; История литератур западных и южных славян. М., 1997; *Созина Ю.А.* Россия в творчестве Петра II Петровича Негоша // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С.140-151; *Она же.* Поэзия Негоша и Россия // Библиотека Дани Његошеви. Књига 4. Јубиларни зборник 200-годишњица рођења Петра II Петровића Његоша. Никшић-Тверь, 2014. С.135-153; и др.
- ¹³⁷ *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки ... С.66.
- ¹³⁸ Далее цитируем по: *Негош Петр.* Горный венец...

- ¹³⁹ Так, в письмах к Осман-паше Скоплянину (шкодринскому правителю), многократно потворствовавшему грабительским набегам своих отрядов на Черногорию, Негош указывал: «Когда ты говоришь, как мой брат босниец, я твой брат, твой друг; но когда ты говоришь, как азиат, как враг нашего племени и имени, мне противно и каждому благородно мыслящему человеку было бы противно». Негош напомнил Осман-паше о его славянских корнях, а также о правителе Герцеговины Али-паше Ризванбеговиче и других потурченцах, выступая за мир и согласие между братьями, которые одной крови, «одним молоком вскормлены и в одной колыбели качались» // Петр II Негош – Осман-паше Скоплянину, 5 (17) октября 1847 г. // Цјелокупна дјела... Београд, 1955. Т.9. С.358, 230-240.
- ¹⁴⁰ Пејовић Ђ.Д. Исељавања Црногораца у XIX вијеку. Титоград, 1962. С.103.
- ¹⁴¹ А.В. Чевкин – Г.Г. Струве, 2 (14) августа 1841 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1841 г. Д.322. Л.10.
- ¹⁴² А.В. Чевкин – Д.П. Татищеву, 11 сентября (н. ст.) 1839 г. // Там же. Ф. Канцелярия. Оп.469. 1839 г. Д.214. Л.472; А.В. Чевкин – Г.Г. Струве, 2 (14) августа 1841 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1841 г. Д.322. Л.10.
- ¹⁴³ А.В. Чевкин – Д.П. Татищеву, 11 сентября (н. ст.) 1839 г. // Там же. Ф. Канцелярия. Оп.469. 1839 г. Д.214. Л.472.
- ¹⁴⁴ Г.Г. Струве – К.В. Нессельроде, 20 октября (1 ноября) 1841 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1841 г. Д.322. Л.12-12об.
- ¹⁴⁵ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 27 сентября (9 октября) 1841 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.548-550.
- ¹⁴⁶ В 1840 г. на черноморском побережье России вспыхнуло восстание горских племен (убыхи, шапсуги и др.), перекинувшееся на горные общества Абхазии – Цебельду и Дал (Кодорское ущелье). Зимой 1840-1841 гг. карательная экспедиция полковника Н.Н. Муравьева подавила восстание в Цебельде и Дале. Жители Дала были выселены, а их дома сожжены.
- ¹⁴⁷ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 27 сентября (9 октября) 1841 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.548.
- ¹⁴⁸ Имеется в виду Петр Маркович Вукотич, потомок черногорских переселенцев в Россию, будущий участник Крымской войны и военный губернатор Севастополя в 1857-1858 гг. Скончался в июне 1862 г. в звании вице-адмирала. В 1839-1841 гг., командуя 84-пушечным линейным кораблем «Три Иерарха», П.М. Вукотич участвовал в войне с кавказскими горцами, высаживая десанты на черноморском побережье Кавказа и обеспечивая поддержку артиллерией сухопутным войскам.
- ¹⁴⁹ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 27 сентября (9 октября) 1841 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.549-550.
- ¹⁵⁰ А.В. Чевкин – Петру II Негошу, 27 июля (5 августа) 1842 г. // Вуксан Д. Писма Озерецковскога, Ковалевскога и Чевкина Владици Радуге. Споменик СКА. Београд, 1935. Књ.81. С.28.
- ¹⁵¹ Пејовић Ђ.Д. Исељавања Црногораца... С.127-128.
- ¹⁵² Российский поверенный в делах в Неаполе Ф.Ф. Шеппинг – П.К. Мейндорфу, 12 (24) февраля 1851 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.673, 675.
- ¹⁵³ Международные отношения на Балканах... С.99-100; 117-122; История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира. 1856 г.). М., 1995. С.321-324.
- ¹⁵⁴ Проект депеши К.К. Родофиникина Д.П. Татищеву, 9 (21) июня 1837 г. с резолюцией Николая I «Быть по сему» // Петр II Петрович Негош и Россия... С.384.
- ¹⁵⁵ А.Х. Бенкендорф – К.В. Нессельроде, 24 мая (3 июня) 1837 г. // АВПРИ. Ф. Политотдел. Оп.233. 1836 г. Д.1. Л.94.
- ¹⁵⁶ Секретная депеша Я.Н. Озерецковскога А.Н. Мордвинову с пометой: «препроваждено к вице-канцлеру», 3 (15) февраля 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.332.
- ¹⁵⁷ Цјелокупна дјела... Т.7. С.90.

- ¹⁵⁸ Я.Н. Озерецковский – Д.П. Татищеву, 1 (13) сентября 1837 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.197.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Формирование национальных... С.186.
- ¹⁶¹ Я.Н. Озерецковский – Д.П. Татищеву, 11 (23) сентября 1837 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1838 г. Д.695. Л.36.
- ¹⁶² Там же. Л.36-36об.
- ¹⁶³ Там же. Л.39 об.-40.
- ¹⁶⁴ Петр II Негош – Осман-паше, 21 августа (2 сентября) 1837 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.393-394.
- ¹⁶⁵ Я.Н. Озерецковский – Д.П. Татищеву, 1 (13) сентября 1837 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.198.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ *Достян И.С.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С.294.
- ¹⁶⁸ *Негош П.* Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С.167.
- ¹⁶⁹ Я.Н. Озерецковский – Д.П. Татищеву, 1 (13) сентября 1837 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.198.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ *Павићевић Б.* Негош и Јаков Николајевић Озерецковски... С.22.
- ¹⁷² Я.Н. Озерецковский – Д.П. Татищеву, 1 (13) сентября 1837 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.198.
- ¹⁷³ Там же. С.201.
- ¹⁷⁴ Я.Н. Озерецковский – А.Н. Мордвинову, 6 (18) сентября 1837 г. // Тайная миссия подполковника Я.Н. Озерецковского... С.345.
- ¹⁷⁵ Я.Н. Озерецковский – А.Н. Мордвинову, 15 (27) ноября 1837 г. // Там же. С.346.
- ¹⁷⁶ *Павићевић Б.* Негош и Јаков Николајевић Озерецковски... С.24.
- ¹⁷⁷ Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 25 октября (3 ноября) 1837 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.408.
- ¹⁷⁸ Петр II Негош – Я.Н. Озерецковскому, 5 (17) января 1846 г. // Тайная миссия подполковника Я.Н. Озерецковского... С.362.
- ¹⁷⁹ Я.Н. Озерецковский – Петру II Негошу, 19 апреля (1 мая) 1838 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога... С.7.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Записка Я.Н. Озерецковского шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, 24 февраля (8 марта) 1838 г. // Црногорско-руски односи. 1711-1918. ... С.219-225.
- ¹⁸² Там же. С.221.
- ¹⁸³ Там же. С.223.
- ¹⁸⁴ *Лебедева О.В.* Культурные и политические аспекты православной миссии России в землях австрийских славян в XIX веке // Российское общество и зарубежные славяне XVIII - начало XX века. М., 1992. С.91-93.
- ¹⁸⁵ Я.Н. Озерецковский – Петру II Негошу, 19 апреля (1 мая) 1838 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога... С.8.
- ¹⁸⁶ Там же. С.8, 10.
- ¹⁸⁷ Биограф Я.Н. Озерецковского И.А. Шмаков (*Шмаков И.* Яков Николаевич Озерецковский. Материалы биографии. // Одесские ведомости. 10 (22) декабря 1864 г.) имел в своем распоряжении архив и путевые дневники Озерецковского, содержащие в том числе сведения и о Черногории, в частности о А.В. Чевкине. Архив И.А. Шмаковым был передан редактору «Новороссийского телеграфа» Н.С. Серебряникову и затерялся после смерти последнего. Дневники Я.Н. Озерецковского были переданы для ознакомления редактору петербургской газеты «Деятельность» Я.Л. Долинскому и также затерялись. // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф.265 (Архив ж. «Русская старина»). Оп.2. Ед.хр.1882.
- ¹⁸⁸ Я.Н. Озерецковский – Петру II Негошу, 19 апреля (1 мая) 1838 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога... С.9.

- ¹⁸⁹ К.В. Нессельроде – Е.П. Ковалевскому, 10 (22) марта 1838 г. // *Павићевић Б.* Меморандум Јегора Петровића Ковалевског о Црној Гори 1838 године. // Из. Титоград, 1967. Књ. XXIV. Св.2. С.215; РГИА. Ф.44. Оп.2. 1837-1840 гг. Д.560. Л.38-39об.
- ¹⁹⁰ Секретная инструкция К.В. Чевкина Е.П. Ковалевскому, 10 (22) марта 1838 г. // Там же. Л.40-44.
- ¹⁹¹ Там же. Л.37.
- ¹⁹² Е.Ф. Канкрин – К.В. Нессельроде, 23 февраля (7 марта) 1838 г. // Там же. Л.19-19об.
- ¹⁹³ Е.П. Ковалевский некоему Вашему превосходительству, 9 (21) апреля 1838 г. // Там же. Л.61-61; Вероятно, речь шла о рукописях, попавших к князю Милошу из Черногории и купленных им за 5 тысяч дукатов, а затем отправленных на экспертизу к В. Караджичу // *Павићевић Б.* Меморандум Јегора Петровића Ковалевског ... С.217.
- ¹⁹⁴ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 26 мая (7 июня) 1838 г.; Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 26 мая (7 июня) 1838 г. // *Цјелокупна дјела... Београд, 1953. Т.8. С.55-58.*
- ¹⁹⁵ Я.Н. Озерецковский – Петру II Негошу, 19 апреля (1 мая) 1838 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога... С.9-10.
- ¹⁹⁶ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 13 (25) июня 1838 г. // *Цјелокупна дјела... Т.8. С.69.*
- ¹⁹⁷ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.296.
- ¹⁹⁸ Там же. С.299.
- ¹⁹⁹ *Хитрова Н.И.* Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30-50-х годах XIX века // *Портреты российских дипломатов. М., 1991. С.118.*
- ²⁰⁰ Рапорт генерал-лейтенанта гр.Канкрин Николаю I, 27 сентября (9 октября) 1838 г. с резолюцией императора «согласен» // РГИА. Ф.44. Оп.2. 1837-1840 гг. Д.560. Л.110 об.
- ²⁰¹ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.305.
- ²⁰² *Хитрова Н.И.* Дипломатическая деятельность... С.118.
- ²⁰³ *Дурковић-Јакшић Јб.* Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори (1833-1851). Београд, 1951. С.95.
- ²⁰⁴ Е.П. Ковалевский – Петру II Негошу, 12 (24) марта 1838 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога... С.16-17.
- ²⁰⁵ Статистическое и географическое обозрение Черногории // *Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.231-236.*
- ²⁰⁶ Там же. С.237-241. В 30-е гг. XIX в. Черногория, хотя и довольно редко, с различными целями посещалась иностранцами. Среди них были и россияне. Еще до приезда Я.Н. Озерецковского здесь в 1832 г. побывал профессор юридического ф-та дерптского университета Александр Рейц, опубликовавший в 1833 г. очерк, содержащий сведения о географии, государственном устройстве и правовых нормах черногорского общества. В конце 1833 г. в Боке Которской и Черногории был некто Г.С. Твердохлебов, изготовивший географическую карту Черногории, с которой был знаком и Я.Н. Озерецковский. В 1838 г., во время пребывания Е.П. Ковалевского, Петр II Негош планировал пригласить в Черногорию наследника русского престола цесаревича Александра, совершавшего после окончания обучения путешествие по Европе. Следует сказать, что если бы этот визит состоялся, то это было бы не первое посещение Черногории представителями монархических династий. В мае 1838 г. в Черногории побывал король Саксонии Фридрих Август II, предпринявший с научной целью (король интересовался ботаникой) путешествие по Далмации (см. об этом: *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.60-98, 246, 304, 313, 315). Извещая Д.П. Татищеву о пребывании в Черногории короля Саксонии, Петр II Негош замечал, что «Наши горы отзывались восклицаниями радостного приветствия его величеству, и выстрелы ружейные сопровождали его повсюду, как и гром пушек, что огласил его приезд в Цетине и отъезд из оногo» (Петр II Петрович Негош и Россия... С.483). Гостеприимством черногорцев король остался чрезвычайно доволен.
- ²⁰⁷ Записка Е.П. Ковалевского Д.П. Татищеву, 7 (19) июля 1838 г. // *Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.229.*
- ²⁰⁸ Там же. С.231.

- ²⁰⁹ Там же. С.230.
- ²¹⁰ Там же. С.231-232.
- ²¹¹ Там же. С.238.
- ²¹² Там же. С.239.
- ²¹³ Е.П. Ковалевский – Петру II Негошу, 12 (24) марта 1839 г. // *Вуксан Д. Писма Озерецковскога...* С.17.
- ²¹⁴ Записка Е.П. Ковалевского, 7 (19) февраля 1839 г. // *Црногорско-руски односи 1711-1918. ...* С.241.
- ²¹⁵ Положительное значение деятельности русских представителей в Черногории отмечалось как югославскими историками (Б. Павичевич, Дж. Пейович), так и российскими исследователями русско-черногорских отношений (*Вишняков Я.В. Черногория в балканской политике России (1830-1860 гг.).* М., 1998; *Белов М.В., Вишняков Я.В. Сентиментальный жандарм: миссия Я.Н. Озерецковского в Вене и Цетинье* // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С.155-176).
- ²¹⁶ АВПРИ. Ф.137. Отчеты МИД за 1838 г. Л.242об.

ГЛАВА VI. БОРЬБА ЧЕРНОГОРИИ ЗА РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ И ПРИЗНАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ В 30 - 40-е ГОДЫ XIX ВЕКА. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НЕГОША

§1. Отношения Черногории с Северной Албанией

В 30-40-х гг. XIX века Черногория по-прежнему оставалась фактически независимой страной, но ее реально существовавшие границы с Северной Албанией, Герцеговиной, а также Австрией не были подтверждены международно-правовыми актами. Этому препятствовала Турция, не оставлявшая надежды подчинить себе Черногорию. Особенное давление в этом отношении приходилось испытывать черногорскому населению пограничных районов, которое к тому же экономически было привязано к соседним турецким рынкам.

Как и прежде основные внешнеполитические задачи Черногории были следующие: международное признание ее независимости, расширение территории и получение выхода к Адриатическому морю. Осуществление этих задач позволило бы решить многие внутренние проблемы и прежде всего удовлетворить земельный голод в стране. Территориальный, а вместе с тем аграрный вопрос мог быть хотя бы частично решен путем присоединения пограничных земель, входивших в состав Шкодринского пашалыка (Кучи, Васоевичи), а также пограничных районов Герцеговины и в первую очередь Грахово. Там в основном проживали этнически родственные черногорцам православные славяне, а также славяне-мусульмане и албанцы. Руководство Черногории придерживалось намеченных еще Петром I Негошем основных направлений внешнеполитической деятельности, но у него не было, да и не могло быть конкретной, поэтапной программы реализации этих действий. Поскольку оно вынуждено было действовать в зависимости от обстоятельств, складывающихся на границах Черногории и в соседних землях, которые часто менялись. Поэтому внешнеполитическая активность Черногории была направлена то в одну, то в другую сторону, что сказывалось на ее результативности.

Далеко не просто складывались у Черногории отношения с таким близким соседом, как Северная Албания. Еще со второй половины XVIII в. черногорцы вели борьбу с полунезависимыми правителями Шкодринского пашалыка из рода Бушати. Бушати причисляли себя к потомкам принявшего ислам сына Ивана Црноевича (правителя Черногории в 1465-1490 гг.) и на этом основании претендовали на Черногорию, которую Порты, идя навстречу пожеланиям и определенному давлению со стороны семейства Бушати, согласилась административно причислить к Шкодринскому пашалыку.

После вероломного убийства в 1822 г. Али-паши и ликвидации Янинского пашалыка единственным полунезависимым правителем в Албании

остался шкодринский Мустафа-паша. С окончанием русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Порты предприняла решительные действия, направленные на преодоление сепаратизма в Албании. Летом 1830 г. войскам великого визиря Мехмеда-Решида-паши удалось подчинить юг Албании. Следующим шагом в этом направлении должна была стать ликвидация «автономии» Северной Албании, и Мустафа-паша, понимая это, решил сопротивляться. На его призыв откликнулась часть албанских пашей и боснийские феодалы. Весной 1831 г. 40-тысячная армия Мустафы-паши оставила Шкодру и выступила в боевой поход. Паша не сомневался, что легко уничтожит 6-тысячный корпус великого визиря, а затем двинет свои войска к Стамбулу¹. Вспыхнувший бунт и передвижение войск шкодринского паши тревожили не только турецкого визиря, но и русское командование в Дунайских княжествах, опасавшихся, что при продвижении к центру Османской империи войска мятежников могут атаковать крепость Силистрию (Дунайские княжества и Силистрия оставались у России до выполнения всех условий Адрианопольского договора 1829 г.). В связи с этим военному коменданту Силистрии предписывалось, что если skutарский паша перейдет демаркационную линию, то поступать с ним «как противу разбойников»². В Петербурге, стараясь сохранять и поддерживать мирные отношения с Турцией, явно не желали возникновения какого-либо крупного военного конфликта на Балканах. Поэтому Мустафа-паша однозначно рассматривался правящими кругами России как мятежник, поднявший бунт против своего законного сюзерена. Кроме того в МИДе опасались, что турецкие власти могут расценить появление в Черногории уже упоминавшихся И. Вукотича и М. Вучичевича (направленных туда в 1831 г.) как какой-либо подстрекательский акт со стороны России, особенно в то время, когда албанские провинции Порты находятся в состоянии восстания. Поэтому послу в Вене Д.П. Татищеву строго предписывалось, чтобы он при встрече в австрийской столице с «черногорскими депутатами» И. Вукотичем и М. Вучичевичем, где они были проездом, проинструктировал их о запрете черногорцам вмешиваться в албанские события³.

С началом восстания Мустафы-паши черногорцы оказались перед непростым выбором: либо присоединиться к восставшим, к чему склонял черногорцев мятежный паша, либо, воспользовавшись отвлечением албанских вооруженных сил на борьбу с султаном, всей мощью обрушиться на Шкодру и расширить свою территорию, вернув ранее принадлежавшие Черногории земли. И то и другое решение было чревато для Черногории серьезными последствиями. Россия не поддерживала Мустафу-пашу, и участие черногорцев в боевых действиях на стороне албанцев могло осложнить русско-черногорские отношения, но главное, в случае поражения шкодринского паши от турок следовало ожидать военного ответа со стороны Порты. К тому же массированное нападение на владения шкодринского паши требовало военной подготовки, успех не был гарантирован, и также можно было ожидать ответной военной акции Мустафы-паши против черногорцев. И.М. Гагич был, естественно, противником вмешательства в этот конфликт и советовал Петру II Негошу действовать с предельной осторожностью в отношении враждующих сторон⁴. Сербский князь Милош Обренович в ситуации, какая сложилась вокруг Северной

Албании, вел двойную игру, рассчитывая вовлечь в нее черногорцев. Зная о колебании Петра II, князь в феврале 1831 г. советовал черногорскому владыке послать в помощь шкодринскому паше некоторое количество вооруженных черногорцев за плату. Он также рекомендовал Негошу дать клятву Мустафе-паше, что албанцы не подвергнутся нападению черногорцев, в особенности на административный центр Северной Албании – город Шкодру. Поскольку, полагал сербский правитель, Черногория не может без него существовать, «она и продукты имеет от него, и торговлю свою через его посредничество распространяет»⁵. Сам же Милош Обренович, втайне от российского МИДа, поощрял мятеж паши, в частности, оказал Мустафе-паше денежную помощь в размере 250000 курушей, рассчитывая, что Порта под влиянием внутренних проблем выполнит наконец-то положения Адрианопольского договора о Сербии⁶. Одновременно князь Милош поддерживал самые тесные отношения с султаном Махмудом II и обещал ему военную помощь против бунтовщиков людьми, продовольствием и деньгами. На это же его склоняло и русское посольство в Константинополе⁷. Черногорский владыка в целом занял осторожную, выжидательную позицию в турецко-албанском конфликте, хотя некоторые брдяне, например Васоевичи, поддержали Мустафу-пашу⁸.

В начале мая 1831 г. армия Мустафы-паши потерпела сокрушительное поражение от регулярных войск великого визиря. Оказавшись в сложнейшей ситуации, Мустафа-паша решил прибегнуть к посредничеству Австрии и даже римского папы Пия VIII с целью добиться прощения султана. Он был прощен Махмудом II, отправлен в Стамбул, где этот последний представитель рода Бушати стал крупным турецким чиновником, и умер в 1861 г. Оказавшись вблизи черногорских границ, великий визирь Мехмед-Решид-паша захотел заодно навести порядок и в Черногории. Он потребовал от черногорцев подчиниться Порте на условиях, аналогичных положению Сербии в составе Османской империи, то есть на правах широкой административной автономии⁹. Над страной нависла реальная угроза вторжения турецких войск. О готовности великого визиря нанести удар по Черногории Петра II Негоша информировал князь Милош¹⁰. Черногорию от крупномасштабной военной интервенции спасло то обстоятельство, что в 1832 г. снова и почти катастрофически для Турции обострился Восточный вопрос. Могущественный вассал султана египетский паша Мухамед Али восстал против своего сюзерена, и войска великого визиря понадобились для другой, более важной для Порты войны.

Во время борьбы Мустафы-паши с султаном Петр II Негош все же в целом демонстрировал нейтралитет. Однако не все черногорцы разделяли позицию владыки, и, считая, что Мустафа-паша обречен на поражение, несколько сот черногорцев решили воспользоваться ситуацией и в октябре 1831 г. предприняли неудачную попытку овладеть Подгорицей. Петр II Негош проинформировал И.М. Гагича, что это нападение произошло без его ведома¹¹. Маловероятно, что Негош не знал о готовящемся походе, скорее всего он покривил душой перед русским вице-консулом. Вместе с тем заметим, что этот первый военный набег не выходил за рамки обычного пограничного инцидента. Зато ко второму походу, замышляемому уже не только против Подгорицы, но и прилегающих районов

Зеты (крепости Спуж и Жабляк Црноевича), готовились более тщательно. Тем более что в случае успеха этого замысла стратегические позиции Черногории значительно бы окрепли. Возвращение же Черногории низменных, плодородных земель этой области, утраченных еще в начале XVI века, позволило бы улучшить продовольственную ситуацию в стране. Петр II Негош стремился найти союзников и обратился за поддержкой к Хусейну-капетану Градашевичу, одному из самых богатых и влиятельных феодалов Боснийского эйалета¹². Хусейн-капетан в союзе с Мустафой-пашой принимал самое деятельное участие в мятеже 1831-1832 гг., направленном против реформ султана и за автономию Боснийского эйалета. Продолжил он борьбу и после окончательного поражения шкодринского паши в ноябре 1831 г. В войсках, направленных в Боснию для подавления мятежа, было много албанцев, которые, стремясь загладить вину перед Портой, храбро сражались в рядах султанских войск¹³. Таким образом, у Хусейн-капетана была причина для ответной мести североалбанцам, а у Негоша была надежда на союз со «Змеем Боснии» (таково было прозвище Хусейн-капетана), поскольку их интересы в тот момент совпадали. Однако весной 1832 г. военные силы Хусейн-капетана были разбиты, а сам Градашевич бежал в Австрию.

Несмотря на неудачу с Градашевичем Петр II Негош не отказывался от своих намерений. Он привлек на свою сторону часть горцев (хоти, малисоры, мердиты) из Северной Албании, мобилизовал брдян (Белопавличи, Пипери и другие). Боевые силы были поделены на два отряда: первый – под командованием председателя Сената И. Вукотича направлялся в район Зетской равнины, а второй – во главе с Негошем нанес удар по Подгорице. Однако и этот предпринятый в конце февраля 1832 г. военный поход закончился неудачей. Причиной провала боевых операций явилось то, что, издавна умело воюя в горных условиях, черногорцы по-прежнему не имели достаточного опыта осады городов и крепостей. И на этот раз противник оказался более искусным, причем не только в военном плане, но и тем, что сумел посеять раздор среди некоторых старейшин, что в немалой степени способствовало неуспеху черногорцев.

Не без основания опасаясь, что в Петербурге отрицательно отнесутся к очередному противостоянию черногорцев с соседями-мусульманами, Петр II Негош поспешил оправдать действия черногорцев перед И.М. Гагичем. В письме к нему Негош довольно невразумительно объяснял причину конфликта действиями самих подгоричан, пленивших и убивших несколько черногорцев, притеснениями православного населения Зеты и т.п.¹⁴ Совершенно иначе описывал эти события И.М. Гагич. Он называл сведения, полученные от Негоша, «оскорбляющими истину» и излагал иную версию случившегося. По его словам, черногорцы «возбудили зетян» и албанцев греческого и католического вероисповедания, которые и выступили против «султанской партии». Заняв же затем Подгорицу, но покинув ее через 8 дней, черногорцы своим «донкишонством» довели дело до расправы над местным христианским населением¹⁵. О том, что присоединение к Черногории области Зеты невозможно без войны с Турцией, предупреждал в марте 1832 г. И. Вукотича князь Михаил Обренович. Одновременно он справедливо полагал, что Россия никогда не позволит Черногории начать

эту войну, а надежды в этом плане на взбунтовавшуюся Боснию слишком призрачны¹⁶. Это вскоре и подтвердилось.

Россия, руководствуясь своими интересами, желала сохранения ослабленной в результате войны 1828-1829 гг. и попавшей от нее в определенную зависимость Османской империи. Царское правительство не хотело потерять свое влияние и в Черногории, но рассчитывало видеть ее покорно следующей в русле тогдашней русской политики на Балканах, исключавшей, в принципе, какую-либо вооруженную конфронтацию черногорцев с подданными Порты. Поэтому петербургский двор не оставил без внимания события вокруг Подгорицы и окрестных мест. И.М. Гагич извещал черногорский Сенат, что Николай I с явным неудовольствием воспринял известие о нападении черногорцев на Подгорицу и полагает, что в связи с этим возникла явная угроза независимости Черногории, поскольку этим дан законный повод войскам султана отомстить ей¹⁷. Не удовлетворившись письменными предупреждениями, И.М. Гагич по распоряжению из Петербурга был направлен в Черногорию, где в июле 1832 г. на скупщине старейшин зачитал наставления российского МИДа черногорцам. Вице-консул объявил, что они должны соблюдать мирные отношения с Портой, не нападать на ее земли и жителей, не поддерживать мятежников, если хотят уберечь себя от беды, неизбежной в противном случае¹⁸.

Порта не могла проигнорировать даже косвенное участие черногорцев в восстании Мустафы-паши (переговоры о военном союзе, участие части брдян в мятеже) и их нападение на Подгорицу и окрестности. Новый наместник султана в Северной Албании губернатор Али Намык-паша, несмотря на предложение со стороны Петра II Негоша о заключении «вечного мира» с Албанией, по прямому приказу великого визиря во главе 4000 албанцев предпринял военный поход на Черногорию, но был разбит при Мартиничах (апрель 1832 г.). Потери албанцев, как информировал И.М. Гагич, составили около 450 человек убитыми и ранеными, остальные албанцы в панике разбежались, а сам Али Намык-паша с десятком албанцев едва спасся, укрывшись в лагере под Подгорицей¹⁹. Порта, дела которой складывались крайне неудачно из-за восстания паши Египта Мухамеда-Али, тогда особенно болезненно воспринимала любые военные неудачи. К тому же по Южной и Северной Албании в 1833 г. вновь прокатилась волна мощных антисултанских выступлений. Не владевший ни внутренней, ни внешней ситуацией Али Намык-паша был отозван, и в январе 1834 г. его место в Шкодре занял Хафиз-паша.

Разрастанию военного конфликта между черногорцами и турками воспрепятствовали действия русской дипломатии в Константинополе, демарши посланника А.П. Бутенева перед Портой, благодаря которым те опасности, какие угрожали черногорскому народу, были устранены²⁰. Во время первого посещения Петербурга (1833 г.) Негошу была вручена инструкция МИДа, рекомендовавшая черногорцам соблюдать мир и спокойствие на границах. Практически сразу черногорский владыка предпринял попытки наладить дружественные отношения с соседним мусульманским населением. В письме к герцеговинскому мусульманину (административная должность в Османской империи, заместитель визиря) Негош призывал забыть старые распри, эту «чуму народов», и жить в мире, как все другие европей-

ские народы²¹. Однако и на сей раз мир был недолог, ибо слишком много накопилось взаимных претензий и обид. В 1834 г. на границах Черногории с Северной Албанией опять сложилась взрывоопасная ситуация. Наместник султана в Шкодре губернатор Хафиз-паша, как и его предшественник, стал поощрять албанцев к набегам на Черногорию. Он платил по 15 австрийских талеров за каждую принесенную ему голову черногорца²². Понятно, что в такой ситуации Петру II Негошу трудно было сохранить мир на границах с Северной Албанией, хотя он стремился пресекать пограничные конфликты и для достижения этой цели вновь и вновь шел на переговоры. Стремления к достижению мира можно проследить в его послании к «подгорицким и спужским туркам». Так, он писал: «Сегодня пришли к нам брдяне и белопавлочи и принесли несколько голов, отрубленных во время вашего нападения на село Ястребы. Хотя вы часто нападаете на нас, как и на других людей, мы не можем, подобно вам, хвалиться отрубленными головами и находить в своем сердце из-за этого злосчастного дела какое-либо удовлетворение. Поэтому мы посылаем обратно вам головы ваших братьев и дружески говорим вам: оставьте свои набеги на наши края... Знайте же, что мы готовы с вами жить в мире и тишине, если вы хотите того же. Если же не хотите, то какой мерой вы нам отмерите, такую и мы вам вернем...»²³.

Сначала казалось, что миролюбивые призывы Петра II Негоша находят отклик. Хафиз-паша согласился встретиться с черногорским владыкой для заключения мирного соглашения. Но затем он выставил неприемлемое для черногорцев условие – признание Черногорией сюзеренитета султана²⁴. На это ни черногорцы, ни их владыка не могли согласиться, и через некоторое время короткое затишье на черногорско-североалбанских границах сменилось вооруженным противостоянием. Вновь Петр II Негош информировал И.М. Гагича, что соседи не оставляют черногорцев в покое, «а беспрестанно их уловляют и истребляют». Так, 4 марта 1835 г. мусульмане Подгорицы, несмотря на мирное соглашение, напали на брдское племя Кучи, убили 20 пастухов и похитили скот²⁵.

Негош хорошо знал своих воинственных соплеменников, быстрых на расправу и мщение, и поэтому предусмотрительно предупредил русского вице-консула, заявив, что ответная месть не заставит себя ждать. Последовавшие вскоре события подтвердили его предсказание. В ночь с 11 (23) на 12 (24) марта 1835 г. была захвачена крепость Жабляк Црноевича и лишь после настоятельных требований Негоша черногорцы оставили ее, «напакотив в оной довольно»²⁶. Сообщая об этом, Негош заверял вице-консула И.М. Гагича, что стремится выполнить установку российского МИДа не беспокоить турок, но он бессилен это сделать, так как повод своими разбойничьими набегам дают сами турки²⁷. А.П. Бутенев, проинформированный о произошедшем и опасаясь, что албанцы исказят истину перед турецким правительством, сделал очередное представление Порте, в котором призывал правительство отказаться от проведения враждебных акций против черногорцев²⁸.

Порта не оставила без внимания представление российского дипломата, обещав дать предписание турецким военачальникам в будущем избегать подобных инцидентов²⁹. Полученная Петром II Негошем информация о результатах русско-турецких консультаций по черногорским делам воо-

душевила его до некоторой степени морально, как свидетельство того, что Россия не забывает проблем Черногории. Вместе с тем Негош не строил иллюзий о «миролюбии» соседей из турецких владений и старался внушить эту мысль И.М. Гагичу. Он обещал русскому дипломату сдерживать черногорцев от мести, но при этом заметил, что «если им не мстить, они хуже и ожесточеннее бывают»³⁰. Негош все же был прав, когда в том же письме утверждал, что набеги совершаются без ведома турецкого правительства, которому к тому же албанцы отказывают в повиновении. Дело в том, что в мае-сентябре 1835 г. в Северной Албании вновь прошла волна антиосманских выступлений, направленных против централизаторских реформ султана Махмуда II. Начавшиеся боевые действия между османскими войсками и североалбанскими повстанцами принесли вначале успех повстанцам, что, несомненно, встревожило Стамбул, но и на сей раз в сентябре 1835 г. Порте удалось подавить восстание. В качестве определенного компромисса турецкое правительство пошло на замену воинской повинности для албанцев денежным налогом и сместило непопулярного губернатора Шкодры Хафиза-пашу. Последнее оказалось отчасти на руку и черногорцам, поскольку Хафиз-паша был непримиримым противником Черногории.

После 1835 г. обстановка на границах Черногории и Северной Албании относительно нормализовалась. В конце 30-х годов Петр II Негош старался проводить политику примирения со Шкодрой. В марте 1838 г. он предпринял попытку договориться с новым правителем Рифатом-Хасаном-пашой о пограничном мире и для этого прибег к посредничеству уже упоминавшегося британского вице-консула в Нови-Пазаре Н. Васоевича (Радоница)³¹. Эти переговоры не дали положительного результата, и более того, летом того же года произошло ожесточенное сражение между албанцами и черногорцами, принесшее победу последним. Год спустя владыка вновь обратился к Рифату Хасану-паше с предложением прислать своего поверенного для ведения переговоров о прекращении военных действий и установлении мира³², однако и на сей раз дело закончилось не миром, а новым кровопролитием.

Виновником, хотя и косвенным, нового обострения черногорско-албанских отношений оказалась Австрия. Боеспособность черногорцев во многом зависела от их обеспеченности оружием и боеприпасами, значительная часть которых закупалась в приморских австрийских владениях. Австрийские власти периодически запрещали продажу оружия черногорцам, так они поступили и весной 1839 г. Сложившаяся ситуация показалась выгодной албанцам. Для начала они прекратили торговлю с Черногорией, а вскоре стали совершать набеги на приграничные черногорские села. Первые стычки вполне вписывались в рамки мелких пограничных инцидентов, когда количество убитых и раненых исчислялось десятками человек³³. Решающее сражение в окрестностях села Ястреб последовало 6 (18) июня 1839 г. В нем со стороны албанцев приняло участие 5-6 тысяч человек, черногорцы сумели противопоставить им около 500 бойцов. По свидетельству И.М. Гагича, черногорцы в этом жутком сражении умелыми действиями смогли удвоить силы противника, а затем, прижав часть их к реке – уничтожить, обратив других в бегство. Потери албанцев составляли сотни человек, черногорцы потеряли 18 человек убитыми, среди ко-

торых была одна женщина (черногорские женщины и дети нередко принимали участие в боях, поднося боеприпасы и продовольствие. – Ю.А.), и 35 ранеными³⁴. За участие в этом сражении Петр II Негош наградил особо отличившихся черногорцев 30 российскими медалями, отправленными из России в Черногорию еще в XVIII веке при Петре I, Екатерине II и Павле I и которые бережно хранились «во многих первых семьях страны»³⁵.

Вероятно, Петр II Негош, когда информировал И.М. Гагича о боевых действиях, все же преувеличил военные силы и потери противника. Однако если он это и делал, то преувеличение собственных успехов черногорцами не было сколь уж значительным. Черногорцы воевали умело, особенно в знакомых и специфических горных условиях своей страны. Это они доказали победами над регулярными войсками Наполеона в начале XIX века, а ранее, в XVII-XVIII вв. – над венецианцами и карательными военными экспедициями Порты. Военные силы Северной Албании, а также Герцеговины формировались из нерегулярного войска, куда ради большего количества нередко включался всякий сброд, и по боевым качествам они значительно уступали черногорцам, которые веками освободительной борьбы выковывали воинское умение и сноровку. Поэтому черногорцам нередко удавалось наголову разгромить превосходящие силы противника, хотя так, разумеется, получалось не всегда, серьезные поражения приходилось терпеть и черногорцам.

Следует заметить, что в 30-40-х гг. XIX века в Черногории происходило дальнейшее укрепление централизованной системы управления, и далеко не все на этом сложном пути проходило гладко. Отдельные племена и старейшины, мало считаясь с учрежденным в 1831 г. Правительствующим Сенатом черногорским и брдским и главой государства Петром II Негошем, игнорируя их запреты, совершали набеги на чужие территории. Не следует также преуменьшать агрессивность османских властей Северной Албании и Герцеговины и Боснии, которые иногда по какому-либо поводу, а чаще без всякого повода санкционировали враждебные действия, потворствовали набегам и разбоям своих отрядов в черногорских краях. Однако и у правителей этих провинций Османской империи, особенно когда они сталкивались с внутренней нестабильностью и яростным сопротивлением черногорцев, начинал (к сожалению, на довольно короткое время) возобладать политический реализм и понимание того, что с Черногорией лучше жить в мире и согласии. Тогда они шли на мирные переговоры и старались удержать подвластное им мусульманское население от враждебных действий против Черногории. Осуществить это, даже при возникающем желании, им удавалось не всегда. Заметим, что албанцы в 30-40-х годах мало считались со стамбульским правительством и уж тем более с очередным наместником султана в Шкодре. Негош, к примеру, считал, что июньское (1839 г.) нападение албанцев произошло без ведома Рифата Хасана-паши, и он опять предлагал шкодринскому правителю договориться о мире³⁶, но его инициатива была оставлена без внимания.

В 1842 году член московского славянофильского кружка А.Н. Попов посетил Черногорию. Результаты своих наблюдений и научных изысканий он опубликовал в книге «Путешествие в Черногорию». В его путевых записках есть место и красочному описанию Скадарского озера, и не лишеной своеобразного черногорского колорита беседе русского путешествен-

ника с черногорцем-четником Джуро, который обратился к русскому путешественнику, бывшему к тому же магистром правоуказания, со следующим вопросом: «Ты никогда не резал туркам голов? – Никогда, отвечал я. – Так ты проживешь век девойкой, сказал он, помолчав немного, и потом прибавил, заботясь об моей славе: Вот скоро пойдет чета к Скадру, поди с ними»³⁷. Как видно из приведенного диалога, А.Н. Попов не идеализировал далеко не мирные нравы черногорцев, но он видел и другое: их воинственность во многом была обусловлена той постоянной угрозой, которая существовала на границах Черногории как со стороны турецких, так и австрийских владений.

В Черногории спокойного места не было нигде, повсюду любого подстерегала опасность. Однако сущим проклятием для черногорцев была жизнь в приграничье. Размышляя над перепиской Петра II Негоша с воинственными соседями, пашами и визирями, классик югославской литературы Иво Андрич рисует следующую объективную картину черногорской повседневности: «Эта река жизни, которая у нас на глазах несет весь ужас и тягость черногорских будней, судеб так называемых маленьких людей, это омут пограничных столкновений, столь незначительных и простых, если смотреть на них глазами современника, и столь тягостных и сложных, если они происходят изо дня в день, из года в год»³⁸.

Если на суше Черногория все же сумела активно противостоять агрессивным действиям со стороны Северной Албании, не позволила военным силам Шкодры покорить или расчленивать страну, то совершенно иная обстановка сложилась в 40-е годы в акватории Скадарского озера. Осенью 1843 г. войска очередного наместника Османа-паши совершили нападение на племя Пипери (Брда), а затем захватили два небольших черногорских острова Вранину и Лесендро. Захваченные албанцами острова играли важную роль в экономике Черногории. И без того скудные доходы Черногории, в значительной мере зависевшие от рыбной ловли в Скадарском озере, могли серьезно пострадать из-за этой потери. Кроме того острова имели и важное военно-стратегическое значение. С захватом Лесендро албанцы «приобрели ключ, отпирающий дверь Черногории», замечал И.М. Гагич³⁹. Только многократное военное превосходство позволило албанцам завладеть островами, и черногорцы болезненно относились к этой чувствительной для них потере. Около 200 защитников острова Вранины, вынужденные его оставить под натиском превосходящих сил противника, испытали на себе неприязнь со стороны других черногорцев: «На них все черногорцы плюют и стали они предметом посмеяния во всей Черногории, потому что не умели погибнуть. Однако что же могли бы сделать двое против 100, или 200 человек против 12000?» – отмечал владыка в письме к И.М. Гагичу⁴⁰.

Острова Лесендро и Вранина, как и многие другие пограничные территории, являлись предметом частых споров между албанцами и черногорцами. Как та, так и другая сторона считала их своей собственностью. Русский историк, этнограф и журналист Н.И. Надеждин, побывавший в Черногории в 1841 г., считал, что остров Вранина относится к Риечской нахии. Здесь был церковный приход и небольшой гарнизон⁴¹. Этому же мнению придерживался и Я.Н. Озерецковский, находившийся по поручению МИДа в Черногории в 1837 г.⁴² Настаивая на том, что острова относятся к турецким владениям, в Шкодре все же, возможно, понимали определенную ущерб-

ность своих притязаний. Вероятно, поэтому правитель Северной Албании Осман-паша Скоплярин, считая о.Вранина находящимся под его властью, соглашался все же признать Лесендро как «общее торговое для обеих народов место»⁴³. Однако ни черногорское правительство, ни сам Петр II Негош не соглашались на подобный вариант. Черногория считала острова своими и рассчитывала на поддержку России в этом территориальном споре.

Постоянной и характерной особенностью внешнеполитических проблем Черногории являлось то, что почти любой локальный конфликт этого небольшого самостоятельного государства на Балканах сразу же приобретал довольно громкое международное звучание и находил отклик в дипломатических и правительственных кругах России, Турции, западноевропейских государств. С самого начала конфликта за судьбой этих двух крохотных «несчастных» островков следили в Петербурге, Стамбуле, Вене и Лондоне, где каждая из сторон преследовала свои цели.

В Петербурге в курсе дел о спорных островах был не только российский МИД, но и император Николай I. В самом начале января 1844 г. император предписал новому российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову самым решительным образом поставить вопрос перед турецким правительством об эвакуации албанских войск с Лесендро и Вранины. Затем, при посредничестве России, а возможно, и Австрии, прояснить вопрос о принадлежности островов одной из сторон, либо черногорской, либо турецкой⁴⁴. Этим демаршем Черногория фактически как бы отделялась от турецких владений и становилась одной из сторон спора между ней и Портой.

Тем временем Петр II Негош, прибыв специально в Вену, обратился в российское посольство, где заявил послу П.И. Медему о своем желании вернуть захваченные и укрепленные албанцами острова Лесендро и Вранину черногорцам с помощью пушек, на закупку 18 которых он рассчитывал получить деньги от России. Российский дипломат выразил сомнение, что Николай I согласится на выделение такой субсидии, предназначенной для вооруженной борьбы «против Оттоманского правительства», с которым Россия поддерживает добрососедские и дружеские отношения⁴⁵. П.И. Медем в расчете на то, что радикализм предполагаемых действий черногорского владыки следует пригасить, предложил Негошу встретиться с находящимся тогда в Вене флигель-адъютантом Николая I графом А.Ф. Орловым, полагая, что столь влиятельная персона сумеет убедить владыку отказаться от действий, способных скомпрометировать добрососедские отношения между турецкими провинциями и Черногорией. Эта беседа состоялась. А.Ф. Орлов рекомендовал Петру II Негошу воздержаться от всяких проектов, реализация которых поставила бы Черногорию и самого владыку в затруднительное положение. Он предлагал ожидать результатов демаршей русского правительства перед Портой по отстаиванию обоснованных прав черногорцев на острова. После чего А.Ф. Орлов совершенно неожиданно для Негоша, которого интересовало только то, что касалось Лесендро и Вранины, известил черногорского владыку, что ему следует обратить особое внимание на вероломные подстрекательства польских, французских и итальянских эмиссаров и других «темных личностей», выдающих себя за апостолов свободы народов и провозглашающих идею «независимости и национального самоопределения славянской расы». При этом особо подчеркивалось, что подобные

идеи поднимают на восстания и беспорядки болгар, сербов и черногорцев. Выслушав все это, Негош без колебания заявил о готовности действовать сообразно с волей Николая I и тут же отказался от закупки пушек⁴⁶.

Такая резкая реакция Николая I объяснялась ситуацией, складывавшейся на Балканском полуострове в конце 30-40-х гг. XIX века. Тогда обосновавшиеся в Париже деятели польской эмиграции, состоявшей из участников восстания 1830-1831 гг., пытались воздействовать на международную обстановку на Балканах, используя при этом и фактор национально-освободительного движения славян для образования антирусской федерации из славянских народов.

События в Сербии и Болгарии (установление антироссийского режима уставобранителей, Нишское и Браильское выступления болгар в 1841-1842 гг.) вызывали опасения русского правительства, что западные идеалы политического устройства общества получают широкое распространение на Балканах. Все это могло негативным образом сказаться и на отношении России к самым насущным проблемам черногорского государства. Понимая это, Петр II Негош спешил успокоить Николая I, заверяя, что «Не дай Бог, чтобы я когда-либо брал участие в волнениях неблагодарных народов»⁴⁷. Одновременно он информировал российского вице-канцлера К.В. Нессельроде, что не будет прибегать к насильственным мерам для возврата Лесендро и Вранины, «твердо уповая и полагаясь на священное слово нами обожаемого монарха», что «турки» сами покинут наши острова⁴⁸. Оба письма были отправлены из Вены, куда Негош прибыл для переговоров с российским послом, надеясь с помощью П.И. Медема урегулировать спор между Черногорией и Турцией.

Тем временем в турецкой столице переговоры об эвакуации албанских войск проходили в весьма сложной обстановке, когда позиция Порты в отношении Черногории постепенно ужесточалась. Первый драгоман (переводчик) российского посольства в Константинополе князь Т.А. Ханджери, сообщая посланнику о своей беседе с реис-эфенди (пост в турецком правительстве, соответствовавший министру иностранных дел) Рифатом-пашой обращал внимание на то, что Порта желает от Черногории признания своего сюзеренитета над ней⁴⁹. При встрече с посланником В.П. Титовым Рифат-паша, уточняя свою позицию, полагал, что речь следует вести не о постоянном вмешательстве турецких властей в дела Черногории, а о простой формальности, примером которой мог бы стать берат, констатирующий суверенные права Порты⁵⁰. Русский посланник, не желая полемизировать с реис-эфенди по столь чувствительному для турецкого правительства вопросу, стремился перевести ход переговоров исключительно в русло проблем островов и необходимости вывода с них албанского гарнизона.

Российский МИД весьма энергично вел дело в защиту интересов Черногории. Порте было предложено «подвергнуть скутарского пашу следствию» за занятие им островов Лесендро и Вранины, лежащих на Скадарском озере⁵¹. Эти сведения были переданы Петру II Негошу российским посланником П.И. Медемом в присутствии бывшего тогда в Вене генерал-адъютанта царя Г.Ф. Орлова, и они оба настоятельно убеждали черногорского владыку соблюдать мирные отношения с турецкими подданными и ждать известий из Константинополя.

Обещанием о возврате островов Петр II Негош удерживал черногорцев от конфликтов. И.М. Гагич сообщал, что черногорцы не дали ни малейшего повода к нарушению общего спокойствия. Однако «вопреки мирного, даже до робости» поведения черногорцев, никшичские турки и албанцы не перестают «нагластию и убийствами» подстрекать черногорцев к раздору и кровопролитию⁵². Аналогичная информация поступала в Петербург из посольства в Вене, откуда П.И. Медем информировал, что его преосвященство всячески старается избегать всего того, что может возобновить распри черногорцев «с пограничными турецкими начальствами»⁵³. В российской столице с удовлетворением относились к последним известиям о Черногории. В свою очередь К.В. Нессельроде спешил уведомить Негоша о том, что посланнику в Константинополе В.П. Титову предписано предпринять шаги для склонения Порты к устранению причины раздора между черногорским народом и skutарским пашой⁵⁴. Он также информировал владыку о первых благоприятных и обнадеживающих для Черногории сведениях, полученных от российского посланника, о том, что Порта предписала шкодринскому паше соблюдать добрососедские отношения с черногорцами и не препятствовать их рыболовству на Скадарском озере.

К разрешению конфликтной ситуации решено было привлечь и Австрию. Вена после недавно закончившегося австро-черногорского разграничения 1839-1841 гг., о котором речь пойдет далее, старалась продемонстрировать свое расположение к Черногории. К тому же в австрийском МИДе понимали, что серьезное противостояние на черногорско-турецких рубежах может найти нежелательный отклик на австро-черногорской границе, где обстановка была более стабильной. К. Меттерних в начале марта 1844 г. проинформировал австрийского интернунция в Константинополе Б. Штюмера о позиции Вены относительно островов Лесендро и Вранины. Канцлер признавал, что прежде эти острова были черногорскими и что в Петербурге, понимая жизненную важность их для черногорцев, желают путем переговоров с Портой добиться их возвращения Черногории. Однако Меттерних все же вначале колебался, стоит ли Вене присоединиться к демаршу русского правительства и поддержать позицию России в вопросе об островах⁵⁵. Но вскоре уже Рифат-паша известил В.П. Титова, что Б. Штюмер считает нужным войти в переговоры с Портой о возвращении Черногории отнятых у нее островов⁵⁶. Несколько позднее Вена предписала Штюмеру действовать совместно с российским посланником. Позиция же русского правительства была более умеренной. Она заключалась в требовании удаления войск шкодринского паши с островов, а их принадлежность Черногории или Турции должны были определить переговоры в Константинополе, хотя расчет российской дипломатии состоял в том, что ей удастся доказать принадлежность островов Черногории.

Временами казалось, что дело сдвинулось с мертвой точки. Рифат-паша обещал не предпринимать агрессивных действий против черногорцев и поддерживать дружелюбные отношения с Петром II Негошем. Вместе с тем проблему островов усугубило то, что посланный Портой на Лесендро и Вранину турецкий эмиссар считал претензии черногорцев на острова безосновательными. По мнению В.П. Титова, выходом из сложившейся ситуации могло бы стать создание смешанной черногорско-турецкой комиссии по вопросу

принадлежности островов с включением в нее русского или австрийского посредника. Одновременно у турецкой стороны возникло предложение о поездке черногорского владыки в Стамбул для решения спорных вопросов турецко-черногорских отношений в целом. Казалось, в таком предложении турецкого правительства присутствует рациональное зерно, поскольку в этом случае спорные проблемы подлежали обсуждению на самом высоком уровне. Однако русский посланник полагал, что визит Петра II Негоша в турецкую столицу будет негативно воспринят черногорцами, а турецкое правительство может воспользоваться им для подтверждения зависимости Черногории от Порты⁵⁷. Визит Негоша в Стамбул так и не состоялся, а предпринятый в июле 1844 г. по настоянию Николая I вторичный совместный демарш В.П. Титова и Штюрмера не принес Черногории положительных результатов. Порта отказывалась отдать распоряжение об эвакуации войск с Лесендро и Вранины, всячески уклоняясь от разрешения этой проблемы⁵⁸.

Возвращению островов препятствовала и позиция Англии, отслеживаемая и Петром II Негошем, и русской дипломатией. Британский консул в Шкодре, выдерживая общую линию лондонского кабинета на закрепление своего влияния в Османской империи и ее владениях, настойчиво советовал Осману-паше не возвращать Лесендро и Вранину Черногории, как этого хочет Россия и Австрия, а укрепляться на островах⁵⁹. Несмотря на старания российского МИДа, посольства в Вене успокоить Негоша, внушить ему надежду на благоприятное окончание в Константинополе начатого дела об островах, черногорский владыка весьма скептически стал относиться к этим заверениям. Он информировал посольство в Вене в 1845 г., что албанцы не намерены возвращать острова, укрепляют их, содержат там большой гарнизон. Возлагая все же некоторую надежду на возвращение Лесендро и Вранины, Негош писал, что если обещания российского посла не исполнятся, то «честь моя пострадает, а жизнь без чести как тело без души»⁶⁰.

Порта, считая Черногорию себе подвластной, ревниво относилась не только к попыткам России или Австрии проводить активную политику в отношении Черногории, но и к попыткам других европейских государств, которые, по ее мнению, безосновательно вмешивались во внутренние дела Османской империи. Так, например, крайне негативно отнесся Рифат-паша к визиту в 1844 г. к Петру II Негошу командира находившегося вблизи Катаро английского военного корабля лорда Пакета. Турецкий министр иностранных дел видел в этом признак «беспокойной активности» британского посла в Константинополе Ч. Стрэтфорда-Канинга, стремившегося, по его мнению, втянуть английское правительство в дела Порты с христианскими народами повсюду, где возникает хотя бы малейшая возможность⁶¹. Позиция лондонского кабинета и деятельность английского консула в Шкодре, даже в таком локальном вопросе, как вопрос об островах Лесендро и Вранина, служат наглядным тому примером.

13 (25) марта 1844 г. в соответствии с указом Николая I и предложением обер-прокурора Св. Синода Н.А. Протасова архиепископ Петр Негош, учитывая, что его «предместники» пользовались саном митрополита, а он не был возведен в этот сан Св. Синодом, решением Синода возводит «Боголюбнейшего брата и сослужителя, принявшего жезл пасторского правления от православной всероссийской церкви... в митрополичий сан»⁶².

Весной 1845 г. Петр II Негош получил грамоту от Синода о возведении его в сан митрополита. Это свидетельствовало о внимании к нему со стороны России, но не решало проблемы островов. Они вернулись к Черногории только в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В память о тех годах и событиях до сего времени в Черногории, если у кого-либо не получилось задуманное дело, используют сложившуюся тогда поговорку: «Обжегся как владыка при Лесендро». Негош предпринял еще несколько попыток заполучить все-таки эти важные в экономическом и стратегическом отношении для черногорского государства острова, но в российском МИДе явно охладели к этой «затее» черногорского митрополита. К тому же революционные события 1848-1849 гг. в Европе поставили перед русским правительством и дипломатией совершенно иные задачи и отодвинули на задний план все второстепенные проблемы, в том числе и черногорские.

§2. Черногорско-герцеговинские отношения и борьба за Грахово

В результате подавления мятежа боснийско-герцеговинских феодалов во главе с Хусейном-капетаном Градашевичем Герцеговина в административном отношении была отделена от Боснии (1833 г.), и столацкий «капетан» Али-ага Сточевич, получив звание паши и уже как Али-паша Ризванбегович, с титулом визиря, обосновался в Мостаре, административном и торговом центре Герцеговины. Получив власть, Али-паша заявил: «Отныне никому более не надобно ездить к султану в Стамбул. Вот вам Стамбул – Мостар, а вот вам и султан в Мостаре!». По меткому замечанию классика югославской литературы Иво Андрича, это был один из тех «маленьких султанов», которые в первой половине XIX века утвердились на какое-то время на окраинах Османской империи, когда стамбульские власти уже теряли последние силы. Али-паша Ризванбегович был расчетливый правитель, ведущий свою игру со Стамбулом, соседними османскими пашами, и он то воевал, то мирился с Черногорией.

История Черногории веками тесно переплеталась с историей Герцеговины. Православное население Герцеговины спасалось в Черногории от насилий и притеснений со стороны османских властей. Именно из Черногории шло интенсивное прорусское влияние на герцеговинских христиан. Сами черногорцы практически всегда готовы были поддержать герцеговинцев в их противостоянии с Портой, особенно в приграничных горных областях, которые фактически оставались свободными и далеко не всегда признавали власть султана. Первая половина 1834 г. – время напряженности в отношениях Черногории с властями Герцеговины. Еще во время пребывания Петра II Негоша в России председатель черногорского сената Иван Вукотич, воспользовавшись отказом христианского населения никшичской Жупы (пограничная с Черногорией область Герцеговины) платить дань турецким властям, провозгласил от имени русского царя свое «покровительство» над Жупой⁶³. Черногорский владыка не желал военной конфронтации, но он и не хотел оставить без помощи православное население Жупы, с которым, как он отмечал в письме к И.М. Гагичу, мы всегда были вместе и «связаны союзом родства, кумовства и дружбы»⁶⁴. К этой конфронтации добавилось прямое нарушение ранее достигнутых

мирных договоренностей. Мусульмане из Герцеговины совершили нападение на черногорскую территорию, убили нескольких черногорцев и угнали сотни голов скота, переданных затем в подарок герцеговинскому визирю Али-паше Ризванбеговичу-Сточевичу⁶⁵. Для черногорцев, испытывающих всегда крайнюю нужду в продовольствии, такие потери были крайне чувствительны. Кроме того сам Негош был явно задет откровенным пренебрежением со стороны герцеговинских властей к прежнему соглашению о пограничном мире (февраль 1834 г.), считая, что с черногорцами «поступают вероломным и бесчестным манером»⁶⁶. Дело шло к крупномасштабному военному столкновению, где сложившаяся ситуация с православными никшичской Жупы могла послужить своеобразным детонатором. Однако после удовлетворения некоторых требований последние сами отказались от покровительства Черногории и покорились османским властям.

Следует сказать, что недовольные самовластием османской администрации, самого Ризванбеговича, такие приграничные герцеговинские области, как упомянутая никшичская Жупа, Грахово, Зубцы, Дробняк, Шаранцы, нередко стремились выйти из-под контроля герцеговинских властей, установить более тесные связи с родственным им населением Черногории и даже присоединиться к ней. Многие христиане, притесняемые властями, бежали из Герцеговины. Али-паша Ризванбегович тогда повелел своим воинам хватать беглецов, рубить им головы и доставлять ему, а он увещивал ими стены мостарской крепости⁶⁷.

В этом плане камнем преткновения в отношениях между Герцеговиной и Черногорией был округ Грахово, являвшийся важнейшим торговым и военно-стратегическим пунктом турецких владений в Герцеговине, граничащий одновременно с Черногорией и с австрийскими владениями. Военный контроль над Грахово открывал врагам путь к сердцу Черногории – Катунской нахии, которая по праву считалась ядром освободительной борьбы, объединявшим вокруг себя другие нахии. Православное население Грахово не желало признавать османскую власть, давно стремилось прочно объединиться с Черногорией и явно рассчитывало на поддержку черногорцев, когда весной 1836 г. отказалось от уплаты харача. Против граховлян готовилась карательная экспедиция большого масштаба, и черногорцы не остались в стороне от разворачивающихся событий. О готовности встать на защиту Грахова, издавна принадлежащего Черногории, как считали сами черногорцы, Петр II Негош информировал Габриэля Ивачича, главу администрации Котора⁶⁸. В письме к послу в Вене Д.П. Татищеву Петр II Негош подчеркивал, что округ Грахово с 1796 г. присоединен к Черногории, что с этого времени его жители не платят дань Порте и лишь вносят определенную плату администрации Никшича за пользование некоторыми хлебопашенными землями и сенокосами. Узнав о намерении Али-паши Ризванбеговича напасть на Грахово, писал далее владыка, черногорцы решились умереть вместе со своими братьями-граховлянами, чтобы не допустить ему исполнение его варварского намерения⁶⁹.

Начавшиеся вскоре боевые действия в районе Грахова выходили за рамки обычных пограничных стычек между черногорцами и мусульманами, так как в них участвовало большое количество войск с герцеговинской стороны

(по различным данным, от 12 до 15 тысяч человек), а также из-за повышенного накала борьбы и временной продолжительности конфликта (до 1838 г.).

В августе 1836 г. 15-тысячный корпус Али-паши Ризванбеговича напал на Грахово и захватил его. Шестьсот черногорцев и граховлян оказали ожесточенное сопротивление, но соотношение сил было слишком неравным, и «сила турецкая верх взяла». Мусульмане сожгли около 250 домов, убили и ранили около 80 черногорцев и граховлян. Уведомляя Д.П. Татищева о произошедшем, Петр II Негош просил прислать из России в Черногорию двух доверенных лиц для проведения разграничения с турецкими и австрийскими владениями⁷⁰. То, что черногорцы и граховляне потерпели поражение, объясняется не только многократным превосходством противника в силах, но и тем, что черногорцы были в какой-то степени дезинформированы граховлянами, полагавшими, что власти Герцеговины все же не двинут войска на Грахово. Поэтому на помощь к граховлянам подоспело всего около двухсот черногорцев, «прискочивших к ним» из ближних пограничных селений⁷¹. Иная трактовка этих событий была изложена И.М. Гагичу во время его встречи с членами черногорского правительства в марте 1837 г. Эта беседа происходила в отсутствие Петра II Негоша, находившегося тогда в России. На вопрос русского вице-консула о событиях вокруг Грахова, который «издавна состоит в турецкой власти», черногорцы стали отрицать принадлежность округа к турецким владениям, поскольку еще при Петре I Негоше граховляне перестали платить туркам дань. Вместе с тем они изложили иную версию участия черногорцев в этом конфликте. Согласно их трактовке, когда Али-паша Ризванбегович решил вновь подчинить Грахово к повиновению Порте, местные жители обратились с просьбой к Петру II Негошу о посредничестве и о посылке нескольких черногорцев для охраны их старейшины. По утверждению членов черногорского правительства, при приближении турецких войск этот старейшина вместо того, чтобы засвидетельствовать свою покорность и повиновение визирю, «пошел на подлую хитрость», запретив черногорцам удалиться из Грахова и уладить дело миром. При этом старейшина, сославшись на запрет охранявших его черногорцев идти на мирные переговоры с Ризванбеговичем, отказался от встречи с визирем. Результатом этих действий явилось нападение на Грахово и гибель многих черногорцев, среди которых были и родственники Петра II Негоша⁷².

Конфликт после захвата Грахова не затих, а лишь разгорелся. Негош никак не хотел смириться с потерей земли, которую считал «моим дедом населенной». Он обвинял герцеговинского визиря, что тот совершил нападение на неподвластный Порте народ, требовал оставить Грахово и недвусмысленно грозил, предупреждая Али-пашу, что против черногорцев «еще никто не приобрел славы, и ты не успеешь в том»⁷³. В ответном послании Ризванбегович, отмечая претензии черногорского владыки, настаивал на том, что Грахово «моему знамени принадлежит и что я оного визирь»⁷⁴. Особо следует отметить, что Ризванбегович в этом письме косвенно признает фактическую независимость Черногории от Порты. Обвиняя черногорского владыку в военной поддержке граховлян, гибели его воинов в граховском сражении, визирь подчеркивал при этом, что все эти события происходят в то время, когда «цари наши (то есть турецкий султан и русский царь. – Ю.А.) в великом согласии и мире состоят; но вопреки того мира и

согласия сунул ты палец в подданных моего царя»⁷⁵. До этого, насколько нам известно, турецкие наместники не рисковали излагать подобное, тем более в письменном виде, но пройдет совсем немного времени, и в черногорско-герцеговинских соглашениях независимость Черногории будет открыто признаваться герцеговинской стороной.

Россия в 30-40-е годы XIX в. стремилась не допускать обострения отношений с Турцией. Особенно эта тенденция на сохранение «слабого соседа» усилилась после Ункяр-Искелесийского договора (1833 г.), который объективно укреплял позиции Османской империи и препятствовал развитию освободительного движения балканских народов, в том числе и черногорцев. Сведения о конфликтных ситуациях между подданными Порты и черногорцами становились довольно быстро известными в высших сферах российского руководства. В курсе граховских событий был и император Николай I, который был знаком с информацией, полученной российским МИДом от И.М. Гагича. Причем черногорцы были представлены в ней виновной стороной, вынудившей турок вступить с ними в кровопролитный бой⁷⁶. Чувствуется, что в российском МИДе осенью 1836 г. именно черногорцев считали виновниками и зачинщиками событий в Грахово.

В начале 1837 г. граховские события продолжали беспокоить российскую дипломатию, опасавшуюся расширения конфликта. Из посольства в Вене советник посольства А.М. Горчаков посылал информацию о возможном повторном военном столкновении из-за Грахова. Российский дипломат полагал, что для мирного разрешения этого конфликта необходимо посредничество русского посольства в Константинополе. Одновременно А.М. Горчаков подчеркивал, что черногорцы и их владыка не желают мириться с турецким господством над Грахово, настроены на самые решительные действия и их сдерживает только то, что граховские старейшины оставлены герцеговинскими властями в заложники⁷⁷.

Находившийся в начале 1837 г. в Вене Петр II Негош вскоре отправился в Россию, а ситуация на черногорских границах тем временем вновь стала угрожающей. И.М. Гагич, ссылаясь на достоверную информацию, предупредил, что шкодринский и герцеговинский визири отдают распоряжения «к принятию до 15 тысяч низамского (регулярного. – Ю.А.) войска» и на границах Черногории набирают турок⁷⁸. Он видел вполне реальную угрозу Черногории, считал, что ей грозит опасность и даже полное порабощение.

Петр II Негош, вернувшись из России, застал страну в тяжелейшем состоянии. В Черногории был голод, из турецких владений не прекращались набеги на ее территорию. За короткий промежуток времени (с 15 августа по 8 октября 1837 г.) черногорцы восемь раз подвергались нападениям со стороны турок и албанцев из Антивари (Бара) и Подгорицы, Герцеговины⁷⁹. И в дальнейшем положение не изменилось в лучшую для черногорцев сторону. Вновь из тех же турецких земель (с ноября 1837 г. по середину апреля 1838 г.) было совершено десять кровопролитных нападений на жителей племени Кучи, на Пешивачскую и Црмницкую нахии⁸⁰. Эти набеги сопровождались сожжением деревень, угоном скота, пленением и гибелью черногорцев.

Петр II Негош прилагал большие усилия для сохранения мира на границах, но все оставалось тщетным. Его обращения к российскому вице-канцлеру К.В. Нессельроде, российским дипломатам содержат признания, что

он с трудом может сохранять «приятельские отношения с пограничными нам турками», поскольку последние концентрируют большое количество войск на границах Черногории⁸¹. В письме к послу в Вене Д.П. Татищеву черногорский правитель сообщал: «С стесненным сердцем должен уведомить ваше высокопревосходительство, что соседственные нам турки, руководимые обыкновенно ненавистью к пограничным черногорцам, собирают на границах наших со стороны Грахова, именно в Боснии и Герцеговине более 20 т[ысяч] человек..., чтобы напасть всеми силами на наши границы»⁸².

Предпринимая шаги к примирению, Негош в который уже раз пытался начать переговоры с наместниками султана в Шкодре и Мостаре, но его мирные предложения были с презрением отвергнуты – сообщал Петр II Негош И.М. Гагичу⁸³. В этом же письме он сообщает о грабежах, зарубленных и застреленных черногорцах. Все это, к сожалению, было «привычно» для черногорцев и их владыки, вся жизнь которых была балансированием между жизнью и смертью. Русский представитель в Черногории Е.П. Ковалевский отмечал: «...в Черногории едва ли 2/5 оканчивают жизнь свою естественной смертью; 2/5 погибает на поле битвы и 1/5 от полученных в сражении ран»⁸⁴. Самого Негоша более всего потрясло, что черногорцев, захваченных в плен, уводили в рабство. «Да, милостливый господин, живых в рабство уводят! Это не вымысел для оправдания моего или черногорцев, нет, это действительно было», – с болью и гневом сообщал он И.М. Гагичу⁸⁵.

В первое полугодие 1838 г. вооруженная конфронтация на черногорско-турецких границах продолжалась. Сербская пресса того времени была вынуждена часто обращаться к событиям военного противостояния между черногорцами и их соседями: «Турки из Подгорицы напали на племя Кучи», «У Грахова опять кровь пролилась» – эти и подобные сюжеты регулярно появлялись на страницах «Новине србске» («Сербская газета»)⁸⁶.

В надежде прекратить затянувшуюся вражду Негош пытался прибегнуть к посредничеству боснийского визиря. В послании к Мехмеду-Веджиху-паше (июнь 1838 г.) он уверял визиря, что если бы не нападение в 1836 г. герцеговинских турок на Грахово, то не было бы последующих печальных событий «и Грахово стояло бы, как стояло, и туркам бы платили, что всегда платили (небольшой налог за пользование сенокосами и пашенными землями. – Ю.А.), и никакой смуты и мятежа на границах бы не было»⁸⁷.

Судьба Грахово пока еще не могла быть решена при помощи «окровавленной сабли». Поэтому политический реализм и расчет возобладали у враждующих сторон. Черногорцам было опасно возобновлять активные военные действия с герцеговинским визирем, поскольку в тылу оставалась враждебная Австрия, помнившая и не простившая своего поражения от черногорцев в состоявшемся летнем военном конфликте 1838 г., о котором речь пойдет в дальнейшем. К тому же военное счастье переменчиво, а Али-паша Ризванбегович был противник опасный, и об этом хорошо знали черногорцы.

В свою очередь в лагере османского руководства были также проблемы. Победа черногорцев над регулярными австрийскими войсками еще более ослабила у них уверенность привести Черногорию в покорность военным путем. Взаимоистощающая борьба, сложности с созданием военной коалиции против Черногории, вызванные недовольством отдельных пашей автократическими методами правления Али-паши Ризванбеговича, – все

это заставило османские власти Герцеговины и Боснии пойти на переговоры и заключить 20 октября (1 ноября) 1838 г. договор о мире на границах и о статусе Грахово. Это соглашение было определенным компромиссом между черногорцами и высшей турецкой администрацией. По нему граховлянам разрешалось возвращение на прежние места проживания, со стороны турецких властей им гарантировалась личная безопасность. Османским властям, как, впрочем, и черногорским, запрещалось возводить какие-либо постройки в Грахово (имелись в виду сооружения военного назначения, которые в случае военных действий могли дать преимущества одной из сторон. – Ю.А.). В округ Грахово назначался наследственным воеводой Яков Дакович, утверждавшийся в этом звании визирями Боснии и Герцеговины Мехмедом-Веджихом-пашой и Али-пашой Ризванбеговичем, а также черногорским правителем. Граховляне должны были платить налог с обрабатываемых земель и «еще то, что принадлежит султану. Кроме сего граховляне не должны никому ничего платить...»⁸⁸.

Результатом этого соглашения было упрочение влияния Черногории не только в Грахово, но и среди православного славянского населения всей Герцеговины. И хотя тогда не удалось достигнуть главной цели – присоединить Грахово к Черногории (более того, соглашаясь платить дань султану, граховляне, по сути дела, признавали сюзеренитет Порты над ними), все же этим договором заключался «вечный мир между независимой областью Черногорией» и боснийским и герцеговинскими пашалыками. То есть уже не только в частном послании Али-паши Ризванбеговича к Петру II Негошу, а в официально подписанном уполномоченными боснийского и герцеговинского визирей документе признавалась фактическая независимость Черногории от Порты.

Русская дипломатия не оставила без внимания факт признания независимости Черногории высшими турецкими администраторами Герцеговины и Боснии. Именно на этом было акцентировано внимание российского посольства в Вене, когда советник посольства Г.Г. Струве назвал это «замечательным актом, подтверждающим политическую независимость Черногории»⁸⁹. Полученную из Вены информацию российский вице-канцлер переадресовал в Константинополь русскому послу А.П. Бутеневу. К.В. Нессельроде в первую очередь интересовало отношение Порты к этому договору и будет ли этот акт утвержден турецким правительством⁹⁰.

Для руководства внешней политики России фактическая независимость Черногории была истиной, не требующей особых доказательств. Так, например, считал первый директор Азиатского департамента МИДа К.К. Родофиникин. В секретном послании к А.П. Бутеневу он, говоря о черногорцах, отмечал следующее: «Порта Оттоманская... взирала на них, как на своих подданных, хотя власть ее на них не имеет малейшего действия»⁹¹. Турецкое правительство также, разумеется, понимало, что Черногория фактически является независимой. Многократные попытки османских властей привести к покорности страну или заставить черногорцев, хотя бы формально, признать сюзеренитет Порты были безуспешны. Официальное признание независимости Черногории, несомненно, способствовало бы качественному улучшению черногорско-турецких отношений, установлению мира на совместных границах. В свою очередь военное противосто-

яние в районе, где сходились границы и сталкивались интересы Турции, Австрии и Черногории, было чревато самыми серьезными осложнениями и конфликтами, которые могли найти отклик в других балканских землях. Вместе с тем Порта понимала и то, что, пойдя на официальное признание независимости Черногории, Османская империя нанесет колоссальный ущерб своему господству на Балканах. Это могло бы вызвать цепную реакцию национально-освободительных движений других балканских народов, увидевших, что упорная борьба может привести к победе и обретению независимости. Кроме того международно-правовой акт признания независимости Черногории продемонстрировал бы наглядно Европе слабость Турции, ее неспособность удержать, даже формально, Черногорию в своих руках. Пойти на подобное Порта, разумеется, не желала, поэтому она отказалась ратифицировать черногорско-боснийско-герцеговинское соглашение.

История знает не так уж много примеров, когда «вечный мир» продолжался сколь-нибудь долго. Если черногорско-боснийские взаимоотношения складывались мирно и вполне дружелюбно, то такого нельзя сказать о черногорско-герцеговинских отношениях. Они дали трещину уже в декабре 1838 г., когда Али-паша Ризванбегович в Мостаре задержал граховских депутатов из совместной делегации черногорцев и граховлян, прибывших к нему с миссией дружбы⁹². Несмотря на то, что в мае 1839 г. герцеговинский визирь отпустил из плена захваченных им граховских депутатов во главе с Я. Даковичем, проблема Грахова по-прежнему была камнем преткновения во взаимоотношениях между Черногорией и Герцеговиной. Следует отметить, что, когда Али-паша Ризванбегович задерживал в качестве заложников граховлян, он был по-своему прав. Ибо уже в начале следующего года «жители ратоборного округа Грахова» выгнали турецких борщиков дани, и сделали они это под влиянием черногорского владыки⁹³.

Безусловно, не способствовали налаживанию добрососедских отношений с османскими властями Герцеговины заговор и убийство черногорцами осенью 1840 г. видного герцеговинского военачальника и чиновника Исмаила-аги Ченгича. Исмаил-ага Ченгич имел большие заслуги перед Портой. Он активно участвовал в борьбе против сербов во время Первого сербского восстания 1804-1813 гг., отличился в подавлении восстания боснийских феодалов в 1831-1832 гг. Имя Исмаил-аги Ченгича хорошо знали в Стамбуле, в том числе и сам султан Махмуд II, и он был известной и влиятельной фигурой не только в Герцеговине, но и в других балканских владениях Османской империи. Исмаил-ага Ченгич был непримиримым врагом Черногории, и «великую славу» ему принесла победа в августе 1836 г. над черногорцами при Грахово, где погибли в бою родной брат Негоша Джока Петрович, его племянник и еще семь членов семейства Петровичей⁹⁴. Эти трагические события надолго сохранились в памяти Петра II Негоша. Удобный случай отомстить за военное поражение и гибель родственников представился ему, когда Исмаил-ага Ченгич во главе вооруженного отряда отправился за сбором харача в пограничное с Черногорией славянское племя Дробняков. Петр II Негош вместе с дробняцкими старейшинами, среди которых выделялся Новица Церович, организовал заговор против Исмаила-аги Ченгича. Прибывший за харачем Ченгич подвергся неожиданному нападению дробняков и пришедших к ним на помощь черногорцев и брдян.

Исмаил-ага Ченгич был убит, а его голова и оружие были доставлены в Цетинье⁹⁵. По одной из версий, голова Ченгича была преподнесена черногорскому владыке, и тот, взяв ее в руки, произнес: «Пришлось тебе все же мне поклониться, бедный Исмаил»⁹⁶. История гибели Ченгича и ответной мести турок многократно описывалась видными югославянскими литераторами и исследователями, среди которых был и знаменитый Вук Караджич, это событие нашло отражение в черногорском героическом эпосе.

Заговор и убийство Исмаила-аги Ченгича, который был не только «злейшим врагом Черногории, страхом и трепетом Герцеговины», но одновременно и влиятельным администратором (муселимом Гацким, Пивским и Дробняцким), не могли не вызвать широкого резонанса на Балканах, особенно в Герцеговине и Боснии. После гибели Ченгича ухудшились и без того сложные и противоречивые турецко-черногорские отношения, можно было ожидать прямого нападения Турции на Черногорию. В Черногории понимали, что в сложившейся ситуации можно рассчитывать только на помощь России. Вместе с тем руководство страны и сам Петр II Негош сознавали, что гибель Ченгича может не сойти им с рук и придется объясняться с Петербургом. В русской столице, где внимательно следили за частыми «недоразумениями» на границах Черногории, могли не понять, что духовный пастырь вместо того, чтобы внушать смирение своей пастве, сам способен на беспощадную, во многом личную месть. С целью отвести от себя подозрения и возможные неприятные для Черногории последствия Негош выдвинул собственную трактовку событий. Через посредничество И.М. Гагича он просил уведомить российский МИД, что нападение черногорцев на Ченгича было превентивной мерой, поскольку тот расположил свой лагерь вблизи черногорской границы и собирался напасть на черногорское племя Морача⁹⁷. Кроме того, в Санкт-Петербург был отправлен личный секретарь черногорского владыки Дмитрий Милакович, который должен был оправдать черногорцев в глазах русского двора и Николая I, а также от имени черногорского Сената и самого Петра II Негоша уведомить русского императора, что выделяемая Россией денежная помощь Черногории потрачена на приобретение боеприпасов, необходимых для обороны «от турецкого зла»⁹⁸. Существенно, что версия владыки о непричастности черногорцев и его самого к убийству Ченгича была с полным доверием воспринята И.М. Гагичем. Нередко российский вице-консул прямо или косвенно укорял черногорцев, их правительство и самого владыку за частые конфликты с подданными Порты. В этом случае он поступил совершенно иначе. И.М. Гагич проинформировал посольство в Вене о почти ежегодных нападениях на Черногорию известного в Герцеговине «по злодейству и нахальству» Исмаила-аги Ченгича. Уведомил, что тот действительно готовился к нападению на племя Морача. Узнав об этих намерениях, морачане напали на лагерь Ченгича и «убили его и других ему подобных нахалов сорок человек»⁹⁹.

Гибель Ченгича дорого обошлась черногорцам и брдьянам. И хотя сам Ризванбегович был рад гибели Ченгича, которого он сам в свое время высил, но затем Ченгич стал метить на его место, все же в Стамбуле могли не понять, если гибель Ченгича осталась бы неотомщенной. Али-паша Ризванбегович собрал многотысячное войско (от 10 до 20 тысяч человек по разным оценкам), жестоко покарал и привел в покорность герцеговинское

племя Дробняков, сделав их верными райя султана¹⁰⁰. Затем он обрушил свои силы на пограничную черногорскую территорию, где в серии кровавых столкновений погибли сотни черногорцев и брдян. Завершил свою ответную месть герцеговинский визирь тем, что в Гацко, около дома Ченгича, приказал насадить на колы 112 отсеченных голов дробняков, черногорцев и брдян. Только после этого Ризванбегович пошел на переговоры с Петром II Негошем и заключил с ним перемирие с 26 октября (7 ноября) 1840 г. по 23 апреля (5 мая) 1841 г.¹⁰¹ В изложении русского представителя по австро-черногорскому разграничению А.В. Чевкина история с ответной местью Али-паши Ризванбеговича выглядела несколько иначе. Согласно ей, Ризванбегович во главе 10-тысячного войска напал на Дробняки. Здесь турки ночью были атакованы 400 черногорцами, которые без согласия своих старейшин пришли на помощь соседям. Бой продолжался в течение следующего дня, и около 100 черногорцев в нем погибло. Остальные 300 оказались у подножья горы, с высоты которой турки сбрасывали на них камни. Тогда черногорцы соорудили вал из тел своих погибших товарищей, из которых потом извлекли до 60 вражеских пуль. В этом укрытии из тел погибших черногорцы продержались до наступления ночи. Затем расчистив себе проход, похитили у турок лошадей и увезли с собой большое количество добычи с 46 турецкими головами, которые затем были выставлены на копьях на башне Цетинского монастыря¹⁰².

Год спустя И.М. Гагич информировал Д.П. Татищева о желании Петра II Негоша не только продлить перемирие, но и заключить, если представится такая возможность, мирный договор с Герцеговиной¹⁰³. Улучшению черногорско-герцеговинских отношений и заключению мира способствовало прибытие в Дубровник полномочного комиссара Порты Селим-бея, целью служебной миссии которого было урегулирование вопросов на австро-турецкой границе. Существенно то, что во время встреч и бесед между российским дипломатом и турецким комиссаром И.М. Гагич сумел переменить негативное мнение турецкого чиновника о черногорцах в лучшую сторону. Умело играя на верноподданнических чувствах стамбульского посланца, он отмечал факты неповиновения мусульман Герцеговины Порте, непродуманную политику властей Герцеговины в отношении австрийцев, убедил Селим-бея (так во всяком случае полагал И.М. Гагич), что «турки проступаются» чаще, нежели черногорцы. Результатом этих дипломатических действий стало желание Селим-бея встретиться с Петром II Негошем и от имени своего правительства предложить ему «некоторые условные правила», которые бы способствовали прекращению кровопролития между черногорцами и мусульманским населением Герцеговины¹⁰⁴.

Спеша использовать обоюдное желание и благоприятные обстоятельства, И.М. Гагич организовал встречу Селим-бея и Петра II Негоша. Вместе с черногорским владыкой 6 (18) июля 1841 г. в Дубровник прибыл и уполномоченный с русской стороны по проходившему тогда австро-черногорскому разграничению А.В. Чевкин. В тот же день состоялась встреча Петра II Негоша и Селим-бея. В ходе переговоров было принято решение о сохранении в силе договора между Черногорией и Герцеговиной, заключенного в октябре 1838 г. Кроме того обе стороны сочли необходимым дополнить его еще восемью статьями. Первая из них предусматривала невмешатель-

ство Петра II Негоша «в дела оттоманские» и запрещала черногорцам расширять существующую территорию Черногории. В свою очередь герцеговинскому визирю Али-паше Ризванбеговичу предписывалось, чтобы он «отнюдь не мешался в дела черногорские и не входил бы в их пределы»¹⁰⁵. Важными как для Черногории, так и для Герцеговины были и остальные семь статей, поскольку они призваны были отрегулировать на международно-правовой основе аспекты черногорско-герцеговинских отношений. Они обязывали власти Черногории и Герцеговины вести борьбу на истребление «злодеев и человекоубийц», которые постоянно держат в тревоге жителей обеих сторон. Сообща расследовать, вершить суд и наказание по церковным и гражданским законам одной и другой стороны, если задевались имущественные или иные интересы жителей Черногории или Герцеговины преступниками герцеговинцами или черногорцами.

Черногорцы-перебежчики (ускоки), укрывавшиеся от возмездия за совершенное преступление, скрывались в Герцеговине. В свою очередь герцеговинские христиане находили прибежище в Черногории. Теперь, согласно ст.5, эта возможность могла пресечься, ибо «страна та, в которую вбежал он», не должна предоставлять ему убежища. Черногория не имела по соглашению права принимать новых перебежчиков-христиан из Герцеговины. Однако попытка Али-паши Ризванбеговича вернуть беглецов, ранее покинувших его владения, наткнулась на решительное сопротивление Петра II и закончилась для герцеговинского визиря безрезультатно¹⁰⁶.

Переговоры и заключенный договор между Петром II Негошем и Селим-беем имели по крайней мере два положительных момента. Они исходили из факта независимости Черногории от Османской империи, хотя Порты по-прежнему юридически ее не признавала и видела в Черногории свою вассальную территорию. Таким образом, Черногория постепенно все же подготавливала почву к разграничению с Турцией и международному признанию своей независимости. Во-вторых, частично отредактированный договор 1841 г. вошел в текст новых договоров между Черногорией и Герцеговиной, заключенных в 1842-1843 гг.

Однако на пути к этим соглашениям черногорцам пришлось выдержать еще раз тяжелое военное испытание – и опять в районе Грахова. Ризванбегович не был противником мира с Черногорией, но он добивался мира с позиции силы, когда он мог бы диктовать условия, а черногорцы должны были следовать его диктату. Ему нужна была послушная Черногория, покорно следовавшая нужным ему курсом. Решение этой задачи во многом бы облегчилось, если бы герцеговинскому визирю удалось разрубить злополучный для него «граховский узел».

В феврале 1842 г. И.М. Гагич сообщал, что вопреки договору, заключенному с боснийским и герцеговинским визирями от 20 октября (1 ноября) 1838 г. «касательно условного освобождения граховлян» из-под власти турок, Ризванбегович направил к Грахово 3-тысячное войско с целью изъятия скота и сделал бы это несмотря на то, что граховляне уже заплатили туркам возложенную на них «трактатом» подать¹⁰⁷. Угрожающая ситуация вокруг Грахова заставляла черногорцев быть постоянно начеку. И когда в июне того же года герцеговинский визирь под предлогом установления мира на границе и безопасного сношения с Черногорией вновь двинул крупный во-

енный корпус к Грахово с целью «разорить оное совершенно», туда спешно стянули свои военные силы и черногорцы¹⁰⁸. Попав в ситуацию, когда он мог оказаться между двух огней и зная, что благополучный для него исход сражения с объединенными силами граховлян и черногорцев весьма сомнителен, Али-паша Разванбегович пошел на продление перемирия с черногорцами с 1 июля 1842 г. по 1 августа 1843 г. и одновременно вступил в весьма интенсивную переписку с Петром II Негошем с целью установления общего спокойствия¹⁰⁹.

В конце концов от слов решено было перейти к делу, и 21 августа (2 сентября) 1842 г. в Дубровник приехал Петр II Негош с 6 старейшинами, а несколько дней спустя туда же прибыл и Али-паша Ризванбегович с 45 чиновниками. Результатом трехдневных переговоров, проходивших в присутствии 2 австрийских чиновников (барона Роснера и Г. Ивачича) стало подписание Негошем и Ризванбеговичем 12 (24) сентября 1842 г. нового черногорско-герцеговинского соглашения. Не имея полномочий от МИДа, И.М. Гагич, несмотря на настойчивые просьбы Петра II Негоша, отказался присутствовать на переговорах. Однако благодаря Петру II Негошу российский вице-консул был в курсе всего там происходящего, и, как отмечал сам И.М. Гагич, «трактат сей, могу сказать, моим ему внушением сочинен»¹¹⁰.

Этим договором визирь Герцеговины вновь, как и в 1838 г., признавал Черногорию независимой областью и подтверждалась незыблемость ее границ со стороны Герцеговины. Важнейший для Черногории вопрос о Грахово не был разрешен договором в пользу Черногории. Однако и здесь наметился некоторый прогресс. Согласно заключенному трактату статья 2 предусматривала, что герцеговинский визирь будет просить турецкое правительство о присылке в этот район комиссии из 3-х чиновников (турецкого, русского и австрийского) с целью рассмотрения проблемы Грахова и ускоков. Договор предусматривал, что принятое этой комиссией решение черногорский владыка и герцеговинский визирь будут обязаны исполнять¹¹¹. Кроме того, договор предусматривал и то, что если чиновники упомянутых трех дворов не прибудут сюда до 1 января 1844 г., то вопрос о Грахово и ускоках будет решаться путем двусторонних переговоров Петра II Негоша и Али-паши Ризванбеговича¹¹². До этого срока, то есть до 1 января 1844 г., продлевалось и перемирие между Черногорией и Герцеговиной.

Петр II Негош считал, что дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Он обратился в Санкт-Петербург с просьбой о присылке российского чиновника для заключения окончательного мира с Оттоманской Портой¹¹³. Однако надежды Негоша были перечеркнуты отказом турецкого правительства ратифицировать черногорско-герцеговинский договор. Об этом, пока как о слухе, в начале августа 1843 г. российскому посольству в Вене сообщал И.М. Гагич. Он писал, что Порта «с презрением отвергла вышеозначенное условие» владыки с визирем¹¹⁴. И.М. Гагич полагал, что правитель Герцеговины специально скрывает решение Стамбула. Однако еще раньше российского вице-консула о нем был осведомлен Петр II Негош. В начале марта 1843 г. Али-паша Ризванбегович проинформировал Негоша о возвращении своего посланца из Стамбула и об отрицательной реакции Порты на договор между ними. При этом Ризванбегович, ведя разговор о Грахово, называл его уже однозначно турецким владением, а население

Грахова – подданными султана, находящимися под его управлением¹¹⁵. Во время встречи с Петром II Негошем, председателем Сената Перо Петровичем Негошем и важнейшими черногорскими старейшинами непризнание Портой договора также подтвердил специально прибывший из Мостара в Цетинье 13 (25) апреля 1843 г. племянник Ризванбеговича¹¹⁶. Порта не склонна была уступать ни пяди своих владений на Балканах, к числу которых она относила Грахово, впрочем, как и Черногорию.

Уже зная мнение турецкого правительства, Петр II Негош не спешил уведомить ни Петербург, ни И.М. Гагича о столь неблагоприятном для Черногории решении Стамбула. Слишком осторожный и далеко не всегда решительный российский вице-консул мог помешать черногорскому владыке добиваться своих целей в отношении Герцеговины и Грахова в частности. Не приходится сомневаться, что и российский МИД, заинтересованный в сохранении мирных отношений с Турцией, посоветовал бы черногорцам дожидаться лучших времен и более благоприятных обстоятельств. Возможно, поэтому Негош не сообщал напрямую И.М. Гагичу о решении Порты и оставляя его тем самым в неведении, вместе с тем предупреждал о возможном скором нарушении перемирия герцеговинскими мусульманами. При этом владыка подчеркивал, что и они, и сам Ризванбегович хотели бы жить в мире с черногорцами, но стамбульская политика не позволяет им его сохранять¹¹⁷.

Увидев, что и так довольно слабые надежды на Порту не оправдались, Петр II Негош стремился вновь решать черногорско-герцеговинские проблемы непосредственно с Али-пашой Ризванбеговичем. В переписке с герцеговинским визирем, именуя его своим побратимом, Негош добивался личного свидания с Али-пашой и герцеговинскими представителями¹¹⁸. Он намеревался использовать эту встречу, чтобы попытаться уладить кроме граховских дел и возникшую проблему с православным населением Банян (граничащая с Черногорией область Герцеговины), часть жителей которой, спасаясь от турецкого насилия, укрылась в Черногории. Гражданский и военный губернатор Далмации граф Й.А. Турски извещал Вену о готовящейся встрече Негоша с Ризванбеговичем. Австрия проявляла повышенный интерес к положению в Герцеговине и Черногории, поэтому намечаемые переговоры, их ход и результаты вызвали непосредственный интерес у венского двора и руководителя внешней политики Габсбургской монархии князя Клеменса Меттерниха¹¹⁹.

Вместе с тем до Петра II Негоша доходили сведения, что правитель Герцеговины ведет двойную игру. На словах соглашаясь вести переговоры о Грахово и Баняне, Ризванбегович готовит его убийство и уже договорился со шкодринским правителем Османом-пашой о нападении на Черногорию¹²⁰.

О том, что герцеговинский визирь замышляет убийство черногорского владыки, Негоша предупреждали даже некоторые мусульмане¹²¹. Опасаясь за его жизнь, против встречи выступал и черногорский Сенат, но Негош в конце июля 1843 г. приехал в приграничный Острожский монастырь, куда вскоре прибыли и посланцы Али-паши Ризванбеговича. За время ожидания представителей Ризванбеговича Негош получил в очередной раз информацию о готовящемся на него покушении, и, поскольку герцеговинские посланцы не внушали ему доверия (Негош тайно из

окна монастыря осмотрел их), он отказал им в приеме. Далее события приняли трагический оборот. И.М. Гагич, ссылаясь на информацию, полученную от секретаря Петра II Негоша Дмитрия Милаковича, сообщал венскому посольству, что двадцать прибывших в Острог турок Негош не пустил к себе, опасаясь с их стороны коварства. Негош не дал пришедшим из окрестностей монастыря черногорцам учинить расправу над ними и, опасаясь за жизнь посланцев, оставил при себе десять человек, а десять других приказал выслать за пределы Черногории. Однако на обратном пути к сожалению владыки они были все же перебиты неожиданно напавшими на них черногорцами¹²². Практически то же самое Негош сообщил к И.М. Гагичу. Добавляя при этом только то, что все попытки заключить мир с герцеговинским визирем кончались обманом со стороны последнего¹²³. Версия, отличная от двух предыдущих, дается Габриелем Ивачичем, окружным которским начальником. Согласно его трактовке, расправа над посланниками Ризванбеговича была инспирирована самим Петром II Негошем, отомстившим тем самым (как и случае с Исмаил-агой Ченгичем) за гибель при Грахово в 1836 г. своих родственников¹²⁴.

Петр II Негош всячески открещивался от своей причастности к убийству герцеговинских посланцев, пытался оправдать черногорцев. В письме к И.М. Гагичу он приводит факты расправы герцеговинского визиря над посланными для переговоров черногорцами, когда тех сажали на колья, заключали в тюрьму. Черногорский владыка подчеркивал, что его народ придерживается следующего неписаного закона: «какой мерой с нами поступают, той же отвечаем и мы»¹²⁵. Однако как бы не обстояло дело в действительности, черногорско-герцеговинские отношения зашли в тупик, и в сентябре 1843 г. дело дошло опять до вооруженного конфликта. Вновь сражение было под Грахово, и черногорцам вновь удалось одолеть войска герцеговинского визиря. Победа черногорцев отрезвила власти Герцеговины. Было заключено перемирие и выражено обоюдное желание встретиться в австрийских владениях, чтобы условиться об окончательном мире.

Обе враждующие стороны не были заинтересованы в дальнейшей эскалации боевых действий. Али-паша Ризванбегович проявлял миролюбивые намерения по отношению к Черногории всякий раз, когда его войска терпели поражение от черногорцев. К тому же он готовился к походу против в очередной раз взбунтовавшихся боснийских феодалов, и ему нужно было обезопасить Герцеговину со стороны Черногории. Черногории также был нужен мир с Герцеговиной, поскольку, в который уже раз за последние годы, над ней теперь нависла опасность со стороны Северной Албании.

Мирный договор между Черногорией и Герцеговиной (3-й по счету за последние пять лет) был подписан 28 октября (9 ноября) 1843 г. в Которе представителями Петра II Негоша (Дмитрием Милаковичем) и Али-паши Ризванбеговича (Османом-агой Зворничанином)¹²⁶. Вновь этим договором подтверждалась независимость Черногории, регулировались пограничные отношения и связанные с этим обязанности обеих сторон. Специальное соглашение было заключено о Грахово¹²⁷. Оно по сути дела повторяло условия договоренностей 1838 г. (уплата подати султану и герцеговинскому

визирю с турецких земель, которыми владеют граховцы). Вместе с тем граховляне освобождались от уплаты налога с собственных земель и от других многочисленных податей. Подтверждалась вновь и наследственная власть граховского воеводы Якова Даковича. Населению Банян даровалось полное прощение и возможность вернуться домой. Им возвращалось все движимое и недвижимое имущество. Али-паша Ризванбегович обещал посылать к ним добрых и умных людей для сбора причитающихся обыкновенных налогов. Вопрос об ускоках, издавна переселившихся из Герцеговины в Черногорию, оставался нерешенным в расчете на последующие переговоры между Негошем и Ризванбеговичем, но впредь перебежчики с той и другой стороны должны были быть возвращены властями. Это соглашение фактически подтверждало «особые интересы» Черногории как в Грахово, так и в Банянах. Они игнорировались Стамбулом, но турецкие власти Герцеговины вынуждены были с ними считаться.

В 30-40-х гг. XIX века отношения между Черногорией и Герцеговиной складывались чрезвычайно противоречиво. С одной стороны черногорское правительство и сам Петр II Негош, так же как и власти Герцеговины, демонстрировали желание избежать вооруженной борьбы, жить в мире. Обе стороны заключали договоры, которые на практике должны были реализовать эти намерения. Однако длительные мирные отношения между Черногорией и Герцеговиной не складывались, да и не могли сложиться. Слишком много накопилось взаимных претензий, обид и неприязни, чтобы можно было рассчитывать полностью и навсегда устранить все это росчерком пера под очередным мирным трактатом. Черногории в эти годы не удалось решить основную проблему – присоединение Грахова. К тому же Порта, отказывая в ратификации черногорско-герцеговинских соглашений, могла в любой момент, в случае необходимости, инспирировать напряженность и вражду между Герцеговиной и Черногорией, даже несмотря на относительную независимость Али-паши Ризванбеговича от Стамбула. Следует отметить, что между черногорским владыкой и правителем Герцеговины (род которого имел славянские корни) сложились, хотя и не сразу, относительно уважительные личные отношения. Они поддерживали личную переписку и даже были побратимами. Али-паша Ризванбегович в кругу своих приближенных лестно отзывался о Петре II Негоше следующими словами: «Вы, турки, не понимаете, кто и каков владыка, а – клянусь Богом и его законом – это тот первый бан от Косова»¹²⁸. Тем самым Ризванбегович как бы подчеркивал, что со времен Косовской битвы сербский народ (а черногорцы в XIX в. не отделяли себя от сербов, хотя и осознавали свою специфику) не имел подобного правителя.

Личные взаимоотношения правителей Черногории и Герцеговины играли свою положительную роль. Однако не они в основном определили то, что между Герцеговиной и Черногорией после 1843 г. и вплоть до устранения Ризванбеговича от власти в 1851 г. уже не было крупных военных конфликтов. Это определялось тем, что успешные действия черногорцев заставляли власти Герцеговины проявлять большую сдержанность и не доводить дело до крупномасштабных военных столкновений, как это было ранее.

§3. Черногорско-австрийские отношения на рубеже 30-40-х годов. Миссия А.В. Чевкина в Черногорию и австро-черногорское разграничение

Отношения с Австрией постоянно находились в поле зрения Петра II Негоша, поскольку Черногория в экономическом плане во многом зависела от австрийского рынка. Кроме того соседство с такой могущественной державой, имевшей собственные виды на Черногорию, всегда заставляло быть начеку руководство страны.

Если отношения с Турцией строились в основном на военном противостоянии черногорцев с соседями, то этого нельзя сказать о взаимоотношениях с Австрией вплоть до 1838 г., хотя австрийские власти способствовали росту сепаратизма в пограничных с ее владениями Црмницкой и Риечской нахиях. Помимо этого в 1831 г. австрийские дипломаты настойчиво советовали турецкому правительству отделить от Черногории Брду, и этот план не был реализован лишь благодаря энергичному вмешательству посла в Вене Д.П. Татищева¹²⁹.

Также Вена сразу после прихода Петра II Негоша к власти вновь заявила о своих правах на монастыри Маине и Станевичи под предлогом, что они находятся на австрийской земле и были даны Петру I Негошу лишь в пожизненное держание, но после его смерти должны быть возвращены Австрии¹³⁰. Эти претензии поддерживал и И.М. Гагич, считавший, что монастыри расположены не на черногорской земле, а на территории Боки Которской, и поэтому рекомендовал Негошу отдать их Австрии¹³¹. В 1837 г. Негош под нажимом австрийских властей дал предварительное согласие на продажу им монастыря Маине, оговорив, однако, что окончательное решение по этому вопросу он примет лишь после возвращения из Петербурга и получения там разрешения на эту сделку¹³². По возвращении из России по инициативе Петра II Негоша в октябре 1837 г. монастырь Маине был продан австрийцам за 17000 флоринов серебром, а в 1839 г. такая же участь постигла и другой черногорский монастырь – Станевичи. Уступка под явным нажимом Негоша этих монастырей Австрии вызвала негативную реакцию черногорских старейшин, членов правительства, многих рядовых черногорцев. Крайне отрицательно оценил впоследствии это и М. Медакович, сербский историк и публицист, служивший в 40-50-х гг. секретарем у Петра II Негоша и князя Данилы¹³³. Я.Н. Озерецковский считал, что на месте Негоша он бы скорее срыл и разнес Станевичи, нежели продал Австрии, и разделял мнение народа, не одобрявшего эту продажу¹³⁴. В посольстве в Вене понимали, что Станевичи являются «стратегическим ключом» к Черногории и Австрия приобретает его из-за важности в военном отношении¹³⁵. Действительно, с продажей монастырей, и особенно Станевичей, Черногория еще более отдалялась от столь желаемого ею Адриатического побережья, кроме того, эти и другие монастыри часто не служили по прямому назначению, а выполняли функции военных крепостей. Вероятно, в стратегическом плане Петр II Негош принял не лучшее решение по монастырям. Сам черногорский владыка объяснял продажу тех же Станевичей отсутствием средств на его ремонт («треть строения лежит в развалинах»), его нахождением на австрийской территории, что де признавалось еще Петром I Негошем, и обещал использовать получен-

ные деньги (а также 17 тысяч флоринов, полученные за Майне) в интересах народа Черногории¹³⁶. Но его интересовали не столько деньги (хотя и они были важны для Черногории), сколько желание не обострять отношений с Веной ради главной цели – разграничения с Австрией, к которому Петр II Негош хотел привлечь и Россию.

Начатое в 1837 г. австро-черногорское разграничение летом 1838 г. было прервано, что в итоге привело к крупному военному конфликту. Непосредственным поводом к нему стало сооружение на вершине Паштровичской горы австрийской казармы и размещение в ней воинского гарнизона. Черногорцы считали, что казарма находится на территории Црмницкой нахии, и поэтому подвергли ее нападению и разрушению. При этом было убито 2 солдата и «с десяток поцарапано»¹³⁷.

Нельзя сказать, что черногорцы и их правитель не предвидели развития ситуации и не предпринимали заблаговременных шагов, чтобы уладить мирно конфликтную ситуацию. Еще весной 1838 г. по просьбе Петра II Д.П. Татищев вел переговоры с К. Меттернихом по поводу этой злосчастной казармы, и австрийский канцлер заверял русского посла, что если казарма расположена на черногорской территории, то он примет нужные меры для удовлетворения справедливых жалоб Петра II Негоша¹³⁸.

Находившийся тогда в Которе Е.П. Ковалевский предпринял попытку предотвратить разрастание конфликта. Он вступил в переговоры с окружным которским начальником Габриэлем Ивачичем, но все было тщетно. Г. Ивачич отреагировал на предложение русского офицера о посредничестве следующим заявлением: «Мы собираемся дать хороший урок черногорцам, так чтобы они долго не могли оправиться»¹³⁹. Г. Ивачич надеялся, что Е.П. Ковалевский не одобрит действия черногорцев и останется в Которе, но последний заявил: «Я не могу оставить Черногорию и владыку без особого приказа посланника»¹⁴⁰.

Петр II Негош понимал, что вступление в вооруженную борьбу с Австрией, особенно в то время, когда продолжались почти беспрестанные стычки на границах с турецкими владениями, было чревато для Черногории самыми серьезными последствиями. Учитывая эти обстоятельства, он стал искать пути к примирению. В ходе начавшихся переговоров он доказывал, что протестовал против достройки казармы без предварительного рассмотрения спорных вопросов о границе, заявлял, что первые выстрелы были сделаны австрийскими солдатами, а не черногорцами. Однако австрийские власти не желали продолжать переговоры. Они требовали выдачи черногорцев, повинных в смерти солдат, и публичной их казни на границе¹⁴¹.

Черногорцы отвергли этот ультиматум, и более чем 4-тысячный австрийский корпус, в составе которого были и бокельцы, был двинут против Црмницкой нахии. Петр II Негош желая, насколько это возможно, придать начинавшимся военным действиям характер пограничной стычки, остался в Цетинье, а на помощь црмничанам был отправлен отряд черногорцев из 500 человек во главе с его двоюродным братом Джордже (Георгием) Петровичем Негошем. Основу австрийского корпуса составляли регулярные войска, поэтому командование рассчитывало легко одержать победу над «нестройными толпами бродяг»¹⁴². Однако привыкшие к бою сомкнутым строем регулярные войска австрийцев оказались легко уязвимыми в гор-

ных условиях, где им пришлось вести сражение разобщенными мелкими группами. Этим не преминули воспользоваться черногорцы в решающем сражении, когда они применили против австрийцев тактику горного боя. Укрывшись за скалами и оставаясь практически неуязвимыми, черногорцы расстреливали в упор расстроенные и деморализованные ряды противника, стремясь в первую очередь уничтожить офицеров. Заключительным победным аккордом сражения стала рукопашная атака, когда массы черногорцев обрушились сверху на австрийские войска. По свидетельству Е.П. Ковалевского, «Резня была страшная. Повсюду разметанные изуродованные тела, легкий пар свежей крови, стоны умирающих, крики победителей, казалось, приводили в какое-то опьянение черногорцев»¹⁴³.

Кровавый урок, преподанный австрийцам, не сразу возымел свой результат. Австрийцы еще надеялись с помощью оружия изменить ситуацию в свою пользу. Этому способствовало то обстоятельство, что рубежи страны подверглись нападению и с турецкой стороны, то есть Черногория была внешне атакована пограничными жителями и войсками двух империй¹⁴⁴.

Однако воодушевленные победой черногорцы сумели отразить натиск противника, и более того, они собрались «в числе 4 тысяч, чтобы напасть на провинцию Боку ди Каттаро и предать все огню»¹⁴⁵. Е.П. Ковалевский писал об этих днях следующее: «Черногория подымалась и в трепетном нетерпении ожидала этой минуты»¹⁴⁶. Бока Которская всегда как магнит притягивала черногорцев, ибо присоединение этой провинции позволяло приобрести не только новые земли, но и выход к морю. Как ранее уже отмечалось, в начале XIX века Черногория дважды добивалась этой цели, но лишь на короткое время – в 1806-1807 гг. и в 1813-1814 гг.

Поражение австрийской карательной экспедиции и угроза нападения на Боку Которскую – все это заставило австрийские власти пойти на переговоры и заключить в сентябре 1838 г. мирный договор, по которому, хотя и с оговорками, спорные земли на Паштровичевской горе отходили к Черногории¹⁴⁷. По просьбе Петра II Негоша мирные переговоры вел Е.П. Ковалевский. При этом он, не желая давать повод австрийцам говорить о каком-либо вмешательстве России, действовал как частное лицо. Акт о перемирии на один месяц был подписан вице-президентом черногорского Сената Дж. (Г.) Петровичем Негошем. Однако реальность заслуг в этом деле именно Е.П. Ковалевского отмечалась владыкой, считавшим, что «неприятное положение Черногории устранено благоразумием и самоотвержением, с которыми действовал капитан Ковалевский»¹⁴⁸. Поведение Ковалевского во время военного конфликта вызвало полное одобрение Петра II Негоша, но зато среди австрийцев имя русского капитана вызывало негативную реакцию. Как позднее вспоминал он сам, «газеты австрийские так часто и усердно бранили меня, что я сделался каким-то страшилищем между немцами»¹⁴⁹. Покинув Черногорию и отчитываясь перед своим непосредственным начальством, Е.П. Ковалевский отмечал, что если бы он оставил Черногорию в то время, когда началось военное противостояние, то австрийцы объяснили бы его отъезд «негодованием русского двора к Черногории»¹⁵⁰, а этого русский офицер допустить не мог. Сверх того Е.П. Ковалевский считал неблагоприятным поступком «оставить край когда военные действия навлекли на меня лишения и опасности»¹⁵¹.

Все же военными действиями ни одна из сторон не могла добиться решающего успеха, который бы гарантировал Черногории полное решение территориальных проблем, а Австрии – спокойствия на границе и следования Черногории тем курсом, который бы устраивал ее правительство.

Черногория из-за недостаточности людских и материальных ресурсов не могла оказывать эффективное сопротивление в случае затяжного противостояния с Австрией. Поэтому Петр II Негош, не зря отмечая, что он, предвидя все последствия войны с Австрией, в которую вовлекла «неосторожность местного управления», стремился скорее уладить дело миром¹⁵². Могущественная Габсбургская монархия также в значительной степени была скована в своих действиях против Черногории. Она могла закрыть границу с Черногорией и тем самым поставить ее в еще более тяжелую экономическую ситуацию. Могла Австрия также повторить карательную акцию против черногорцев. Однако, даже неизмеримо превосходя черногорцев в военной силе и других возможностях, Австрия не могла решить все проблемы с Черногорией исключительно военным путем, ибо это ей грозило самыми серьезными международными осложнениями. Заинтересованное в сохранении Османской империи и статус-кво на Балканах, австрийское правительство должно было учитывать то обстоятельство, что Порты, считая Черногорию подвластной страной, могла активно вмешаться в события, которые затем могли приобрести непредсказуемый характер для австро-турецких отношений.

Австрия должна была учитывать и особые отношения между Черногорией и Россией, ее фактическое покровительство этой маленькой балканской стране. Русское правительство, внешне демонстрируя самые дружеские чувства к Австрии, своей союзнице, не забывала о своих интересах на Балканах и, в частности, в Черногории. Скрытное соперничество двух держав в этом регионе не прекращалось. Вероятно, поэтому в связи с австро-черногорским конфликтом на черногорцев не последовало из российского МИДа нареканий, а действия Е.П. Ковалевского, вызвавшие крайнее недовольство австрийцев, были полностью одобрены русским послом в Вене Д.П. Татищевым, а затем и самим Николаем I¹⁵³.

Впрочем, и в более глобальном Восточном вопросе австро-русские противоречия продолжали существовать. Мюнхенгретская конвенция 1833 г. и последующие встречи трех монархов в Теплице (1835 и 1838 гг.) не ликвидировали подозрительность венского кабинета в отношении России. Взаимные политические декларации демонстрировали австро-русскую солидарность, но реальная политика отличалась от текстов официальных документов. Это подтвердится и в 1839 г., во время повторного обострения Восточного вопроса из-за турецко-египетского кризиса, когда канцлер К. Меттерних, явно опасаясь вторичной, после 1833 г., экспедиции русского флота в Константинополь, выступил инициатором создания антирусского блока из Австрии, Великобритании и Франции и демонстративной посылки в Дарданеллы соединенной эскадры западных держав.

Военное столкновение с Австрией сорвало работу по черногорско-австрийскому разграничению, но оно же показало необходимость ускорить его проведение, ибо нерешенность этой проблемы и породила этот конфликт. Австро-черногорские переговоры о границах начались еще в 1820 г.,

позже вопрос о разграничении с соседними государствами был поднят Петром II Негошем в 1836 г., когда он просил русского содействия в «разделении и утверждении наших, как с турками, так и с австрийцами границ»¹⁵⁴. Затем проблема австро-черногорского разграничения была поставлена перед Петром II Негошем канцлером Меттернихом в феврале 1837 г., во время его пребывания в Вене, но начатые в том же году работы были прерваны до лета 1839 года.

Австрийское правительство при определении границ не желало официально воспринимать Черногорию как самостоятельный субъект международно-правовых отношений, но де-факто это было так, поскольку все переговоры велись исключительно с черногорским правительством и Петром II Негошем¹⁵⁵. Специфика политического положения страны накладывала свой отпечаток на ход работ по разграничению, что отмечал позже генерал-губернатор Далмации Й.А. фон Турски, сменивший в 1840 г. на этом посту умершего В.Ф. Лилиенберга¹⁵⁶.

Возобновленные в 1839 г. демаркационные работы проходили трудно из-за конфликта по поводу принадлежности пастбищ и водоемов между жителями Црмницкой нахии и Паштровичами, приграничным австрийским владением, населенным славянами. В эти споры были втянуты и соседние черногорские нахии¹⁵⁷. Австрийское правительство через своего посла в России графа К.Л. Фикельмона обратилось к русскому двору с просьбой о моральном воздействии на черногорского правителя в связи с возникшими проблемами при разграничении и о содействии России в этом деле.

В Петербурге также были заинтересованы в определении границ между Черногорией и Австрией и нормализации их отношений. Поэтому Николай I решил удовлетворить пожелание австрийского правительства «определить означенный рубеж справедливым и беспристрастным образом»¹⁵⁸. Посольству в Вене было дано распоряжение отправить в Черногорию для работы в австро-черногорской комиссии по разграничению А.В. Чевкина, служившего вице-консулом в Орсове (ныне Оршова, Румыния). В данной ему инструкции особо отмечалось, что для черногорцев важен каждый клочок земли, поэтому Черногория вправе рассчитывать на территориальные уступки со стороны Австрии, поскольку, в отличие от австрийцев, для черногорцев даже небольшие территориальные уступки, которых они добиваются, могут быть вопросом жизни и смерти¹⁵⁹. Впрочем, российская дипломатия не строила особых иллюзий об австрийских уступках в связи с разграничением. В посольстве в Вене полагали, что лишь после завершения предварительной работы комиссии и разработки принципов разграничения можно будет судить о том, насколько намерения Австрии более или менее благоприятны для интересов черногорцев¹⁶⁰. Безусловно, черногорское правительство и сам Петр II Негош рассчитывали на поддержку со стороны русского представителя, тем более что Я.Н. Озерецковский предварительно предупреждал Негоша о том, что А.В. Чевкин – «человек могущий быть весьма полезным для выгод Черной Горе»¹⁶¹. По прибытии Чевкина в Черногорию в сентябре 1839 г. Петр II Негош через вице-канцлера письменно поблагодарил Николая I за участие в делах Черногории, заявляя при этом, что благосклонность России мощнее силы австрийского оружия, не раз угрожавшего его стране¹⁶².

В комиссию по разграничению с австрийской стороны входили барон Ф. Шалер, адъютант далматинского губернатора капитан Ф. Орешкович, окружной которский начальник Г. Ивачич и окружной сплитский комиссар Э. Грие де Ронсе. Свою точку зрения на вопросы разграничения австрийское правительство изложило в специальном меморандуме. В нем, в частности, отмечалось, что правительство Австрии при разграничении не стремится достичь расширения своей территории в ущерб черногорцам, а лишь желает даже ценой некоторых уступок добиться четких, стабильных и неизменных границ. В меморандуме также отмечалось, что черногорско-австрийское разграничение не может носить характера дипломатического соглашения между двумя государствами, поскольку «оно никогда не имело такого характера и не должно иметь его впредь». Такое пожелание австрийского правительства вполне объяснимо, поскольку формально Черногория не являлась самостоятельным государством, а была частью Османской империи. Роль А.В. Чевкина в меморандуме определялась как посредническая, и он должен был лишь олицетворять моральное влияние русского двора на черногорцев¹⁶³.

Черногорскую сторону представляли брат владыки Перо Томов Петрович Негош, «капетан» Лазо Пророкович и несколько влиятельных черногорцев. По предложению А.В. Чевкина члены комиссии в сентябре 1839 г. собрались в Которе, где к обоюдному согласию было проведено частичное разграничение, которое, однако, не коснулось наиболее спорной территории – Паштровичей. Последнее было отложено до весны 1840 г. Влиятельное большое православное племя Паштровичей проживало на довольно большой гористой территории австрийского Приморья к югу от Будвы до турецких владений в Сутоморе. Численность населения составляла около 3 тысяч человек, из которых 700 могли носить оружие. Паштровичане проживали в 37 селах. Во времена венецианского владычества они обладали большими привилегиями, не платили податей, но были обязаны защищать границу от врагов и воевать на стороне Венеции. Паштровичане имели собственное судопроизводство и были более зажиточны, чем черногорцы¹⁶⁴.

А.В. Чевкин убеждал губернатора Далмации, что даже самые скромные территориальные уступки необходимы для маленькой Черногории в большей степени, чем для колоссальной австрийской державы. Русский уполномоченный также ходатайствовал о денежной компенсации в пользу черногорцев за уступленные ими участки земли¹⁶⁵. Следует отметить, что на первой стадии разграничения австрийские власти стремились найти взаимопонимание с черногорцами. Под влиянием настоятельных рекомендаций со стороны А.В. Чевкина и посла Д.П. Татищева австрийское правительство согласилось на денежную компенсацию для черногорцев, отменило распоряжение о запрете продажи им пороха и уменьшило свои войска на границе¹⁶⁶. А.В. Чевкин, вероятно, учитывая негативный опыт Е.П. Ковалевского, старался в своей работе не давать повода австрийцам считать, что русский эмиссар занимает прочерногорскую позицию в пограничном вопросе и вмешивается во внутренние дела Черногории. И это ему удавалось. По крайней мере австрийские власти, отмечая, что русский уполномоченный «пользуется сильнейшим и решительным влиянием в Черногории», не высказывали в его адрес явных упреков. Более того, австрийцы, с согласия русского посольства, выступили инициаторами при-

влечения А.В. Чевкина к посредничеству для примирения черногорцев с соседним мусульманским населением¹⁶⁷.

У А.В. Чевкина, впрочем, как ранее и у Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского, сложились самые доброжелательные отношения с Петром II Негошем, с которым русские представители и после возвращения из Черногории поддерживали довольно тесную связь.

Между тем удачно начатые работы по разграничению двигались медленно, к тому же, как уже отмечалось, в начале 1840 г. умер далматинский военный и гражданский губернатор В.Ф. Либиенберг. В связи с этими событиями Чевкин отправился в Триест, откуда он жаловался Негошу, что взаимодействовать с австрийцами становится все труднее («сколько не старайся все не угодишь»), и выражал сомнение в возможности своего участия в окончании работ на границах¹⁶⁸. В Петербурге считали бесполезным возвращение Чевкина в Черногорию до тех пор, пока об этом не попросит австрийское правительство. Однако эта перспектива казалась весьма туманной, и К.В. Нессельроде даже предлагал вернуть А.В. Чевкина к прежнему месту службы в Орсову¹⁶⁹.

Все же после длительных консультаций с Веной и после того как в приграничных местах удалось успокоить «возбужденные умы», демаркационные работы возобновились, и А.В. Чевкин принял в них участие. Довольно быстро удалось определить границы в районе Доброты, Скальяри, Спильяри и Побори, но, как замечал новый далматинский губернатор И.А. фон Турски, это разграничение было «весьма невыгодно для австрийской области» и чрезмерно выгодно для черногорцев. Споры возникли из-за ряда пастбищ, но межевой суд, составленный из черногорцев и паштровичан, принял решение передать их австрийской стороне за 35 тысяч гульденов компенсации черногорцам¹⁷⁰. 17 (29) декабря 1840 г. между австрийской и черногорской сторонами был заключен предварительный договор о разграничении, но Петр II Негош отказался его ратифицировать до окончательного прояснения ситуации с Паштровичами. Полностью австро-черногорское разграничение было завершено 15 (27) июня 1841 г. совместным подписанием двух сепаратных конвенций от 17 (29) декабря 1840 г. по разделению местности в районе Паштровичевской Горы. В дополнение к ранее данной компенсации черногорцы получили от австрийской стороны еще 47 тысяч 790 гульденов, что было меньше суммы, запланированной на эти цели австрийским правительством¹⁷¹, о чем не знали ни черногорское правительство, ни Петр II Негош, ни А.В. Чевкин. Полученные деньги Чевкин, по просьбе владыки, положил под проценты в Петербургский коммерческий банк для дальнейшего их использования на нужды черногорского народа. Сведения о том, что была возможна большая денежная компенсация с австрийской стороны за уступленные земли, каким-то образом распространились по Черногории, и это дало повод некоторым лицам из окружения Петра II в дальнейшем обвинять владыку и А.В. Чевкина, что черногорские интересы пострадали в результате разграничения¹⁷². Безусловно, австрийской казне пришлось раскошелиться максимально, если бы об этом знало в свое время руководство страны или А.В. Чевкин, но, к сожалению, в действительности все произошло иначе.

На наш взгляд, Петр II Негош, понимая значимость любого территориального приобретения для Черногории, в данной ситуации, возмож-

но, и пошел на какие-то уступки ради главной цели – достижения мира и стабильности на четко определенной границе с Австрией. Австрийское правительство также было заинтересовано в разграничении, но оно могло потянуть время, поскольку проблемы, связанные с Черногорией, для него стояли далеко не на первом плане. Черногорское правительство и глава государства Петр II Негош были лишены такой возможности. Поэтому какая-либо особо жесткая позиция со стороны Черногории была в целом нереальна. Австро-черногорское разграничение между Которским округом и Черногорией ослабило напряженность во взаимоотношениях между двумя странами, и хотя локальные инциденты случались, но до крупных конфликтов дело уже не доходило. Кроме того после разграничения интенсивнее стали развиваться и черногорско-австрийские торгово-транзитные связи, что положительным образом влияло на экономику Черногории. Практически сразу же после разграничения и под его влиянием Петр II Негош предложил властям Далмации проект австро-черногорского договора, состоящий из 8 статей¹⁷³. Им предусматривалось создание совместных судебных органов по спорным гражданским делам, а его практическое воплощение могло положительно повлиять на ситуацию в приграничных районах, но, к сожалению, австрийская сторона отказалась от его заключения.

Петр II Негош дал высокую оценку деятельности А.В. Чевкина. В письме к К.В. Нессельроде он отмечал, что А.В. Чевкин «усердно трудился для пользы нашей»¹⁷⁴. Вполне удовлетворенный австро-черногорским разграничением, черногорский правитель смотрел дальше и хотел видеть Чевкина русским эмиссаром при задуманном им аналогичном черногорско-турецком разграничении. Он пытался прозондировать в осторожной форме мнение вице-канцлера в этом важном для него и Черногории вопросе. «Я понимаю, что политика несколько мешала разделению границ между нами и турками, но для могучего государя славян все возможно», – полагал владыка¹⁷⁵. Однако русское правительство даже в моменты своего наибольшего влияния на Турцию не шло на это, считая, что подобные шаги лишь осложнят отношения России с Портой и не принесут желаемого результата Черногории. Все это стало еще более проблематичным после подписания Лондонских конвенций 1840-1841 гг., уничтоживших привилегированное положение России в Османской империи и фактически поставивших Турцию под коллективное покровительство европейских держав, считавших Черногорию составной частью Османской империи. Австро-черногорское разграничение, хотя фактически носило международный характер, все же было завуалировано в рамках австро-турецкого разграничения в спорных местах Далмации и Герцеговины. Непосредственные переговоры об этом начались летом 1837 г.¹⁷⁶ Поэтому австро-черногорское разграничение, проходившее в общем плане решения споров на австро-турецкой границе, было спокойно воспринято Стамбулом. В Петербурге известие об окончании австро-черногорского разграничения было встречено с большим удовлетворением, и Николай I, отмечая заслуги Петра II Негоша в этом деле, в сентябре 1841 г. наградил его орденом Св. Анны I-й степени¹⁷⁷. Благодаря за награждение орденом, черногорский владыка в письме к вице-канцлеру К.В. Нессельроде не без лести отмечал, что и он, и черногорский народ почитают себя счастливыми когда «царь над царями начал брать участие в судьбе нашей»¹⁷⁸.

§4. Революционные события 1848-1849 гг. в Европе и Черногория

Революция 1848-1849 гг. стимулировала антифеодальное и национально-освободительное движение в балканских странах. В находившихся под сюзеренитетом султана и покровительством России Дунайских княжествах давно зрело недовольство феодальными порядками, всеобъемлющим господством крупного боярства, произволом господарей. Под влиянием известий о революции во Франции и Габсбургской империи там вспыхнуло восстание. Наиболее острые формы в июне-сентябре 1848 г. борьба приняла в Валахии, где повстанцы требовали демократических преобразований и где было создано Временное революционное правительство. Во внешней политике оно придерживалось протурецкой ориентации, что не спасло Бухарест в сентябре 1848 г. от оккупации турецкими войсками, к которым вскоре присоединились и русские войска. Еще раньше, по согласованию с султаном, русские войска оккупировали Молдавию. Подавление революционного движения в Дунайских княжествах привело к заключению в апреле 1849 г. между Турцией и Россией Балто-Лиманской конвенции, которая ущемляла автономные права княжеств. В частности, пожизненное избрание князей (господарей) заменялось назначением их на семь лет султаном по согласованию с русским правительством¹⁷⁹.

Несколько меньшее влияние оказала революция 1848 г. на Болгарию. Однако и здесь многие восприняли «современные идеи» и готовы были поднять бунт христианского населения против турецких властей, как сообщил в мае-июне 1848 г. русский консул из Адрианополя¹⁸⁰.

В 30-40-х гг. XIX века в Хорватии и Славонии, входивших в состав Венгерского королевства – части Австрийской империи, возникло и оформилось иллирийское движение. Его идеологи (Янко Драшкович, Людевит Гай и др.) вели борьбу за создание «Великой Иллирии», то есть южнославянского государства с центром в Загребе. Это государство должно было охватить не только хорвато-сербо-словенский ареал, но и Болгарию. Деятели иллиризма рассматривали югославян (в том числе и черногорцев) как потомков древних иллирийцев, которые должны в конечном итоге сплотиться в единый иллирийский народ, где основой единства служила бы общность языка. Эта идея, которая, хотя и содержала компромиссные положения (в частности, признание наличия в иллирийском народе отдельных «племен»), должна была реализовываться при идеологической и политической доминанте Загреба. Л. Гай и его радикальные сторонники в политической деятельности стремились помочь созданию независимого от Австрии государства, однако другие деятели иллиризма (Л. Вукатинович, Б. Шулек и др.) искали поддержку у венского двора, добивались расширения самостоятельности Хорватии и Славонии от Венгрии.

Революция 1848-1849 гг. привела к развитию югославянских идей в Хорватии. Политика либералов, настроенных уже на выход из Венгрии, по-прежнему строилась на лояльном отношении к Габсбургам, хотя свою верность они связывали с федеративным переустройством империи и автономией объединенных земель австрийских славян (австрославизм). В первую очередь это относилось к объединению Хорватии со Славонией и Далмацией (Триединое королевство), а также с Сербской Воеводиной. В

1848 г., когда казалось, что Австрийская империя разваливается или реформируется на началах федерализма, проявился и другой аспект югославизма, связанный с судьбой южных славян Османской империи. В этой ситуации хорваты-радикалы (Л. Гай, И. Филипович), поддерживавшие связи с Сербией, выступали за «объединение со всеми южными славянами и образование единого царства» с центром в Сербии¹⁸¹. Петр II Негош придавал большое значение иллирийскому движению и сочувствовал его идеям как литературного, так и политического направления.

В Сербии один из наиболее активных деятелей режима уставобранителей Илия Гарашанин решил, что наступил благоприятный момент для реализации внешнеполитической программы княжества, известной под названием «Начертание» и разработанной им еще в 1844 г. на основе проектов лидеров польской эмиграции, и в особенности Франьо Заха, чеха по национальности, участника польского восстания 1830-1831 гг., а затем эмигрировавшего во Францию и посланного в Сербию. Тогда стало распространяться мнение о неизбежной кончине Османской империи, и программа предусматривала создание на ее обломках большого и независимого сербского государства за счет присоединения к княжеству Боснии и Герцеговины, Черногории, Косова и Метохии и получения выхода к Адриатическому морю. Эти идеи должны были реализовываться постепенно, откалывая от слабеющей Турции кусок за куском ее владения. Осуществить все это предполагалось при поддержке Франции и Великобритании, ибо они не были заинтересованы в усилении России и Австрии. Последние, по мнению И. Гарашанина, стремились поделить турецкое наследство между собой¹⁸². «Начертание» являлось долгосрочной национальной программой, направленной на освобождение сербов из-под власти Османской империи и собирание этнических сербских земель, их объединение вокруг Сербского княжества, и она не имела великосербскую направленность¹⁸³.

Практически сразу при поддержке и активном участии польских эмигрантов И. Гарашанин приступил к реализации своих планов. В 1845-1846 гг. его усилиями была создана сеть агентов-осведомителей во всех югославянских областях Османской империи. И. Гарашанин установил довольно тесные связи и с Петром II Негошем. В Черногорию в 1845 г. был направлен бывший офицер австрийской армии, серб из Хорватии Стеван Хркалович. В Цетинье он с большим радушием был принят митрополитом, заодно сообщившим эмиссару И. Гарашанина об интригах против княжества бывшего князя Сербии Михаила Обреновича, отстраненного от власти в 1842 г., на смену которому пришел Александр Карагеоргиевич (1842-1858). С. Хркалович передал владыке первую денежную помощь от сербского правительства в размере 1 тысячи дукатов¹⁸⁴. Вероятно, уже тогда Петр II Негош начал склоняться к совместным действиям с Сербией. Вместе с тем антироссийская направленность уставобранителей не получила поддержки в Черногории. О горячих симпатиях черногорцев к России сообщал Ф. Заху посетивший Цетинье специальный представитель Л. Гая в Сербском княжестве Степан Цар, которого черногорцы, считавшие всех приезжавших к ним славян русскими, за его бороду приняли за казака¹⁸⁵.

В начале революции в Австрии И. Гарашанин по-прежнему считал, что решение сербского вопроса должно было быть ограничено только турецки-

ми владениями. Используя опасения Порты, что революционные события могут перекинуться на ее балканские земли, представителем княжества в Стамбуле К. Николаевичем, зятем Александра Карагеоргиевича и кумом Илии Гарашанина, был предложен проект создания Сербского вице-королевства. В состав планируемого единого сербского государства под верховной властью султана должны были войти территории, фигурировавшие в «Начертании», то есть Сербия объединялась с Боснией и Герцеговиной, Черногорией, Северной Албанией (Старой Сербией, то есть Косово и Метохией). Несмотря на заверения И. Гарашанина и его соратников в лояльности к Османской империи, в отсутствии у них прорусских симпатий, все попытки добиться перед турецким правительством реализации этого плана закончились безрезультатно¹⁸⁶. В то же время члены созданного в 1844 г. в Белграде Тайного панславянского клуба дубровчанин Матия Бан, Ф. Зах и др. с марта 1848 г. стали широко пропагандировать идею немедленного антитурецкого восстания, целью которого являлось создание единого «иллирийско-сербского государства» во главе с Александром Карагеоргиевичем. В состав этого довольно пестрого в этническом отношении государства, где фигурировали не только славяне (сербы, хорваты, словенцы, болгары), но и албанцы-католики, планировалось включить и Черногорию¹⁸⁷.

В Черногории, занятой разрешением своих внутренних проблем, собственными сравнительно узкими задачами внешней политики (в основном связанными с противостоянием с Северной Албанией), руководство было не подготовленным к масштабному восприятию идей, порожденных революционными событиями 1848 г. Впрочем, большинство из них не представляли, да и не могли представлять, интереса для политически и экономически отсталой Черногории.

Все же события 1848 г. поставили ряд вопросов и проблем перед Черногорией. Правительство страны, митрополит Петр II Негош и его окружение оказались в весьма сложной политической ситуации. Черногория после наполеоновских войн вторично в XIX веке могла стать участницей событий общеевропейского значения. Разгоравшийся революционный пожар мог совершенно перекроить карту Европы, и это учитывалось в Черногории. По словам Милорда Медаковича, одного из ближайших сподвижников Петра II Негоша и участника этих событий, рассматривалось три варианта поведения Черногории в сложившейся ситуации. Негош вначале склонялся к мысли начать боевые действия против Северной Албании, тем более что поводов было предостаточно. Его советники предлагали сконцентрировать все усилия на Герцеговине или Боке Которской. После некоторых колебаний Негош остановил свой выбор на Боке Которской, но и в этом случае он рассчитывал активизировать действия Черногории лишь после того, как здесь утвердятся хорваты¹⁸⁸. То есть черногорский митрополит явно рассчитывал на реализацию хорватами-иллирами их плана, направленного на присоединение Далмации к Хорватии и Славонии. Несмотря на то, что у хорватских и сербских политических деятелей были расчеты (как вскоре выяснится, необоснованные) на поддержку в реализации их идей со стороны Франции, Великобритании и России, Петр II Негош не афишировал контакты с югославянскими политическими лидерами и держал свои планы в тайне от российского МИДа и консула И.М. Гагича.

В начале марта 1848 г. И.М. Гагич сообщал посольству в Вене, что черногорцы совершили нападение на Доброту (Австрийское Приморье), блокировали ее «и опустошили весь край от Доброты до города и крепости Каторро»¹⁸⁹. По мнению М. Медаковича, митрополит мог тогда одним ударом овладеть всей Бокой Которской, а австрийское правительство не сомневалось, что действия черногорцев и их владыки связаны с революционными событиями во Франции, которые постепенно распространялись и на австрийские земли¹⁹⁰. Гагич вскоре вновь уведомлял посольство в Вене, что «появились в Рагузе черногорские провозглашения, коими приглашают жителей Рагузинской области, а именно Каналитов, что будто приспело уже время славянам в одно соединиться и освободить от австрийского угнетения славянские области и стать независимыми славянами...»¹⁹¹. Впрочем, сам Гагич полагал, что прокламации не черногорского происхождения, а дело «потаенной шайки злоумышленников». Он также сообщал, что в австрийские владения прибыла депутация турок из Герцеговины и она предупредила австрийские власти о возможном нападении герцеговинских христиан на Рагузинскую область¹⁹².

Среди бокельцев издавна существовала тяга к Черногории. Их делегаты побывали в Цетинье, и, как сообщал М. Медакович, просились под власть митрополита¹⁹³. Однако в Дубровнике и Боке Которской, несмотря на распространение (по словам М. Бана) «славянской мысли», существовали и проитальянские, а вернее провенецианские симпатии. В том же марте 1848 г. И.М. Гагич высказывал опасение, что его пребывание в Рагузе (Дубровнике) становится опасным, так как простой народ считает его защитником черногорцев. Его опасения усилились из-за известий о произошедших переменах в Милане и Венеции¹⁹⁴. Существование здесь различных партий, «ласкаемых чужеземцами», отмечал и сам Петр II Негош¹⁹⁵.

Черногорский митрополит представлял военную акцию в австрийских владениях как ответную меру черногорцев на запрет посещения ими австрийских базаров, грубость стражи и полицейских, строительство вблизи черногорской территории военной крепости¹⁹⁶. В свою очередь И.М. Гагич полагал, что жалобы черногорцев на австрийские власти представляются ему маловажными, и они не могут служить оправданием для их действий¹⁹⁷.

Австрийцы давали иную, совершенно отличную от черногорской, трактовку событий. Они верно считали, что целью нападения черногорцев был захват Котора и всей провинции Боки Которской, но при этом полагали, что черногорцы использовали смутные обстоятельства в Австрии, а подтолкнули черногорцев к этому «часто посещающие их англичане». По утверждению австрийцев, боевые действия черногорцев должны были подкрепляться британскими кораблями, появившимися в районе Боки Которской и исчезнувшими после безуспешной попытки черногорцев захватить Котор. Австрийцы твердо придерживались убеждения, что черногорцы в этом случае были «подлым орудием англичан»¹⁹⁸. И.М. Гагич считал, что австрийскую трактовку событий нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить и что только время прояснит истину. В дальнейшем российский консул не возвращался к этому сюжету.

Однако представляется крайне маловероятным даже косвенное британское вмешательство в австро-черногорский конфликт. В Великобрита-

нии наиболее влиятельные политические деятели были заинтересованы в сохранении Австрийской империи. Статс-секретарь по иностранным делам Пальмерстон в письме на имя британского посла в Вене Дж. Понсонби следующим образом излагал свои мысли: «Мы придаем громадное значение сохранению Австрии как стержня баланса сил в Европе...». Схожие мысли были озвучены в его речи в британском парламенте (29 июля 1849 г.): «...Все, что может прямо или косвенно, и даже отдаленно и случайно ослабить и искалечить Австрию, низвести ее из державы первого ранга до второстепенной, явится большим несчастьем для Европы...»¹⁹⁹. Скорее всего, такая реакция австрийских властей в Дубровнике свидетельствует о панических настроениях среди австрийцев, когда в империи не знали, откуда и от кого придут новые напасти на недавно еще казавшуюся могучей и монолитной Габсбургскую монархию. Однако колоссальные потрясения грозили ей вовсе не от маленькой Черногории, а от Венгрии, где уже назревал революционный взрыв.

С весны 1848 г. из Белграда шла активная агитация в пользу создания обширного южнославянского государства. Эмиссар сербского правительства и член «панславянского» клуба Матия Бан, объехав югославянские области Австрийской империи, где он вел активную пропагандистскую деятельность по подготовке национального освобождения и объединения славян под эгидой Сербии, посетил в самом конце апреля и Черногорию. В Цетинье планы М. Бана были полностью поддержаны черногорским митрополитом, Негош согласился отправить за пределы Черногории 6-7 тысяч человек при условии поставки ему продовольствия и боеприпасов. Кроме того митрополит, недовольный тем, что он изначально не был в курсе планов М. Бана и его соратников, заявил следующее: «Знаете ли, что я намеревался сделать, если бы не приехали вы и не сообщили мне все эти вещи: собирался перейти турецкую территорию, вступить с 4 тысячами черногорцев в Сербию, поднять народ и принудить правительство к действию»²⁰⁰. Более того, во время этих переговоров Петр II Негош согласился признать права на престол в планируемом объединенном государстве за сербским князем Александром Карагеоргиевичем, оставляя за собой лишь пост главы церкви²⁰¹.

В апреле 1848 г. М. Бан побывал в Далмации, в том числе и в родном Дубровнике, где провел переговоры с местными влиятельными жителями о конкретных военных действиях в Боснии и Герцеговине. В соответствии с достигнутыми договоренностями по сигналу М. Бана 10-тысячный отряд далматинских славян должен был захватить герцеговинский город Ливно. Затем следующий удар, уже совместно с сербами из княжества и черногорцами, нанести по центру Боснии Травнику и дожидаться там подхода сербов и черногорцев²⁰².

Объединение с Сербией для совместной антитурецкой борьбы и создания южнославянского государства было главным для митрополита, но в самое ближайшее время он хотел реализовать хорватско-сербский план соединения Далмации с Хорватией и Славонией, что, по мнению Белграда, Загреба и Цетинье, являлось прологом дальнейшего развития совместной борьбы за освобождение южных славян на Балканах. В конце мая 1848 г. Петр II Негош издал в Цетинье «Объявление бокельцам и далматинцам»²⁰³,

в котором призывал славян «быть сердцем и душой приверженным к своей народности и полностью преданными и послушными Елачичу, своему единоплеменному бану от триединого королевства, которое под короной австрийской». Кроме того митрополит в послании призывал бокельцев и рагузинцев не принимать чужестранцев, ибо в противном случае черногорцы могли стать их заклятыми врагами. Заканчивалось послание обещанием в случае вражеского нападения оказать им нужную помощь. В письме к которскому окружному начальнику владыка объяснял причину, вызвавшую необходимость обнародования этого документа. Она заключалась в том, что среди бокельцев есть желающие «итальянцам предаться»²⁰⁴.

С планируемым новым государственным образованием югославян (Триединое Королевство в составе Австрийской монархии) власти Черногории рассчитывали найти полное взаимопонимание. Тогда Петр II Негош разделял заблуждения многих представителей иллирийского движения, считавших, что Вена пойдет на создание «славянской Австрии», даст широкую автономию славянским народам империи, которые затем с помощью обновленной Австрии смогут вместе с Сербией и Черногорией вступить в борьбу против Турции. Верил он пока и хорватскому бану Йосипу Елачичу, считая его человеком, которого «тайная судьба во главу южных славян поставила»²⁰⁵. Тем более что верно служивший Габсбургам Елачич до поры до времени на словах поддерживал идеи освободительной борьбы славян и во время встречи с М. Баном выражал намерения совместно с Сербией (и даже без нее) содействовать освобождению от турок Боснии и Герцеговины²⁰⁶.

Кроме того, черногорский владыка всерьез опасался, что в ходе начавшейся неудачно для Австрии австро-итальянской войны земли Далмации смогут отойти к борющейся за освобождение и объединение Италии. Поэтому митрополит весьма болезненно воспринимал рост проитальянских настроений в приморских городах Далмации (во внутренних сельских районах их практически не было). Из-за страха перед возможным проникновением венецианцев на восточное побережье Адриатики Петр II Негош, в отличие от своего предшественника Петра I Негоша, отказывался от претензий Черногории на Боку Которскую в пользу бана Й. Елачича и Триединого Королевства.

Революционные события в Венгрии нашли свой отклик в Черногории. Помимо прочего, слабость венгерской революции заключалась и в том, что венгерское правительство, ведя борьбу за освобождение своей родины, желало сохранить национальное угнетение хорватов, словенцев, сербов Воеводины и Славонии, словаков, трансильванских румын, составлявших вместе более половины населения Венгерского королевства, в пределах которого планировалось создание независимого венгерского государства. Непримируемая националистическая позиция новой венгерской власти способствовала переходу славянских национальных движений на сторону Австрии. Сербско-венгерский вооруженный конфликт в Воеводине (июнь 1848 - весна 1849 г.) поставил фактически сербов в такую же ситуацию, не говоря уже о хорватах.

Петр II Негош начиная с осени 1848 г. предлагал хорватам и воеводинским сербам военную помощь в борьбе против венгров, поскольку выступление против Турции предполагалось лишь после разгрома Венгрии. Причем к этому его подталкивали не только политические, но и экономи-

ческие причины, которые, впрочем, случалось, были взаимосвязаны. Так, в октябре 1848 г. И.М. Гагич сообщал в Петербург, что митрополит «по недостатку прокормления» и не желая допустить черногорцев искать его в австрийских владениях и в Герцеговине, и чтобы предупредить «это зло и нарушение мира», предложил хорватскому бану Елачичу в помощь против венгров 3000 черногорцев и просил далматинского губернатора позволить ему нанять в Боке Которской суда для отправки отряда²⁰⁷. В мае 1849 г. «Србске новине» информировали читателей, что черногорцы сформировали однотосячную чету и готовы ее отправить против «мадьярских бунтовщиков» в Банат, договорившись ради этого похода о перемирии с албанцами²⁰⁸. Политические и дипломатические обстоятельства, а также известная отдаленность Черногории от театра военных действий не позволили осуществиться этим планам черногорцев.

Одновременно весной и летом 1849 г. Петр II Негош поддерживал через М. Бана связи с Белградом, отсюда ему шла денежная помощь на готовившееся антитурецкое выступление. Согласно плану И. Гарашанина черногорцы должны были вести боевые действия на территории между Сербией и Черногорией в направлении Старой Сербии (Косово и Метохии)²⁰⁹.

Когда русские войска вступили в Венгрию, митрополит летом 1849 г. отправил шефу жандармов графу А.Ф. Орлову письменное послание, где он предавал анафеме поляков, которые «всегда служили оружием врагов противу России и славянства», и, упоминая «пламень буйства», вспыхнувший в Венгрии, предлагал отправить туда 4-5 тысяч черногорцев, чтобы объединиться с русскими «противу общего врага славянского». О своей просьбе Петр II Негош просил уведомить Николая I²¹⁰. В ответном письме А.Ф. Орлов информировал митрополита, что император с удовольствием узнал о той приверженности, какую «Вы не перестаете питать к России». Вместе с тем он извещал, что воспользоваться его предложением нет возможности, так как иностранное вспомогательное войско может вступить в пределы другого государства лишь по приглашению законного правительства, то есть австрийского. Успешные действия русских и австрийских войск против венгров, по мнению А.Ф. Орлова, исключали такую возможность²¹¹.

Отказываясь от помощи, предложенной Петром II Негошем, русское правительство кроме всего прочего проявляло осторожность. В Петербурге понимали, что за эту помощь придется расплачиваться какими-либо политическими акциями в пользу Черногории и тем самым осложнять отношения либо с Турцией, либо с Австрией, чего явно не желали в правящих кругах России, предпочитавших пока еще придерживаться старой тактики на Балканах, основанной на осторожности и отказе от слишком активного политического вмешательства в проблемы, стоявшие перед балканскими народами.

Поражение Венгерской революции ни на йоту не приблизило осуществление планов создания югославянского государства в рамках Тринединского королевства, сторонником которого был Петр II Негош. Габсбургские австрийские правительства не были склонны потворствовать намерениям югославянских политических деятелей, их расчеты на это оказались утопией. Также не был реализован и проект политического объединения балканских славян под эгидой Сербии. Идеи федерализма в ходе борьбы против революционных национальных движений не могли рассчитывать на сколь-нибудь

серьезную поддержку ни в Вене, ни в Петербурге. Вместе с тем в Париже эта идея обсуждалась в правительственных кругах и даже была предложена в виде проекта федерации Болгарии, Боснии и Сербии турецкому правительству в начале января 1849 г., но она не была принята Портой²¹².

Таким образом, в 30-40-е годы XIX в. Черногории не удалось решить территориальные и иные внешнеполитические проблемы в той мере, как это замышлялось ее руководством. Более того, военное противостояние с Северной Албанией привело к потере двух важных для экономики и обороны страны островов – Лесендро и Вранины, которые не удалось вернуть даже с помощью России. Осталась неразрешенной и основная проблема в черногорско-герцеговинских отношениях – присоединение к Черногории Грахова, важного торгового и военно-стратегического пункта. Однако благодаря черногорско-герцеговинским договорам 1838-1843 гг. удалось добиться подтверждения «особых интересов» Черногории как в Грахово, так и другой соседней герцеговинской области – Баняне. Не изменились в лучшую сторону взаимоотношения Черногории с Турцией, по-прежнему считавшей ее своим владением. Хотя положительные сдвиги в этом направлении произошли на региональном уровне, поскольку боснийский и герцеговинский визири в договорах с Черногорией признавали ее независимой областью.

Последовавшее в результате вторичного визита Петра II Негоша в Россию (1837 г.), поездок в Черногорию Я.Н. Озерецковского, Е.П. Ковалевского и А.В. Чевкина оживление русско-черногорских отношений сохранялось на протяжении 40-х годов, хотя и не было столь динамичным и эффективным, как того желал черногорский владыка. Русская политика в отношении Черногории строилась на общих принципах балканской политики России периода 30-х - начала 50-х гг., основанной на сохранении целостности Османской империи и отказе от прямой поддержки национально-освободительных движений. Здесь верность правительства Николая I консервативным принципам переплеталась с реальной возможностью России радикально изменить в свою пользу политику на Балканах и тем самым активно способствовать росту национально-освободительных движений. Последнее сулило непредсказуемые результаты для России, поскольку западные державы в этом случае могли занять антироссийскую, открыто враждебную и агрессивную позицию. Официальный Петербург, не оказывая поддержку внешнеполитическим планам Черногории, направленным на расширение территории за счет турецких владений, не отказывался защищать другие насущные интересы черногорцев перед Портой. А финансовая помощь России служила основным материальным подспорьем в реформаторской деятельности Петра II Негоша.

С конца 30-х гг. XIX в. роль и место Черногории в балканской политике России начинает постепенно возрастать. Это происходило в силу ослабления русских позиций в Сербии и других балканских странах. Черногория становилась важной точкой опоры России в балканском регионе в силу своего выгодного политического и стратегического положения, прорусских симпатий населения. Однако, оказывая помощь Черногории, Россия требовала от нее неукоснительного послушания и следования в фарватере российской политики. Сам Петр II Негош не раз испытывал разочарование

по поводу цены российской помощи. Матия Бан, вторично посетивший Черногорию в 1849 г., вспоминал, что митрополит в беседе с ним сказал следующее: «Россия вольно или невольно при каждом удобном случае припоминает цену этой помощи. Я, правитель свободной Черногории, делаю себя рабом петербургских причуд. Мне это сильно надоело, и я хочу сбросить это ярмо»²¹³. Делая такой во многом справедливый упрек в адрес царского правительства, Петр II Негош в конечном итоге возлагал все же свои надежды и помыслы на Россию, понимая, что другим европейским державам судьба Черногории либо безразлична, либо их политика сулит лишь беды и несчастья его родине, ставя под угрозу ее независимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С.110.
- ² Предписание генерал-лейтенанта Дитерихса генерал-майору Ольденбургу, 5 (17) мая 1831 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д.1079. Л.19-19об.
- ³ Деша К.В. Нессельроде Д.П. Татищеву, 6 (18) июня 1831 г. // Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е годы). Документы. Отв. ред. Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013. С.177, 180.
- ⁴ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитака. Београд, 1981. С.288.
- ⁵ Односи Србије и Црне Горе у XIX веку. 1804-1903. (За штампу приредио Поповић П.) Београд, 1987. Док.85. С.75-76.
- ⁶ Международные отношения на Балканах. 1815-1830. М., 1983. С.281-282; *Мушовић Е.* Покрет Мустафа-паше Бушатлије против реформи султана Махмуда II // Историјски записи (далее – ИЗ). Св.1-2. Титоград, 1988. С.49.
- ⁷ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830-1851). Београд, 1957. С.15; *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.414.
- ⁸ *Мушовић Е.* Покрет Мустафа-паше... С.46.
- ⁹ Краткая записка о состоянии Черногории (предполагаемый автор Е.П. Ковалевский, составлена вскоре после Крымской войны) // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА. V-A₂. Б.Г. Д. 711. Л.22; *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Современник. 1854. Т.45. №5-6. С.64.
- ¹⁰ Односи Србије и Црне Горе... Док.22. С.80.
- ¹¹ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 25 октября (6 ноября) 1838 г. // Целокупна дјела Петра II Петровића Његоша. Београд, 1951. Т.7. С.78-79. В дальнейшем, во время вторичного пребывания Петра II Негоша в России в 1837 г., когда он уже находился в конфронтации с И. Вукотичем, Негош обвинял исключительно Вукотича, воспользовавшегося его неопытностью в организации и проведении двух военных операций в районе Подгорицы и окрестностей в 1831-1832 гг. Петр II Негош – К.К. Родофиникину, 11 (22) июня 1837 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.388-389.
- ¹² Петр II Негош – Хусейн-капетану, 4 (16) февраля 1822 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1832 г. Д.500. Л.8-9.
- ¹³ На этот факт, а также на то, что подавление мятежа боснийских феодалов завершилось успешно благодаря участию албанцев, ссылаясь на турецкую прессу, писали «Московские ведомости» (Московские ведомости. 23 июня н. ст. 1832 г. №60).
- ¹⁴ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 14 (26) марта 1832 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1832 г. Д.689. Л.4-4об.
- ¹⁵ И.М. Гагич – Д.П. Татищеву, 19 (31) марта 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Рос-

- сия... С.203; И.М. Гагич – в Азиатский департамент МИДа, 21 марта (2 апреля) 1832 г. // Там же. С.204.
- ¹⁶ *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанско-црногорска... С.17.
- ¹⁷ *Вуксан Д.* Владика Раде и скадарски везири. // Записи. 1936. Књ.ХVI. Св.2. С.67.
- ¹⁸ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 24 июня (5 июля) 1832 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.138-139.
- ¹⁹ И.М. Гагич – Д.П. Татищеву, 10 (22 мая) 1832 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.208-209.
- ²⁰ А.П. Бутенев – К.В. Нессельроде, 21 августа (2 сентября) 1832 г. // Там же. С.219, 221; А.П. Бутенев – К.В. Нессельроде, 16 (18) октября 1832 г. // Там же. С.227, 229.
- ²¹ Петр II Негош – Хасан-бегу Ресулбеговичу, 24 декабря 1833 г. (5 января 1834 г.) // Цјелокупна дјела... Т.7. С.200.
- ²² Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 19 апреля (3 мая) 1834 г. // Там же. С.224.
- ²³ Петр II Негош – подгорицким и спужским туркам, 27 апреля (9 мая) 1834 г. // Там же. С.227-228.
- ²⁴ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 3 (15) августа 1834 г. // Там же. С.256-253.
- ²⁵ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 12 (14) марта 1835 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1835 г. Д.692. Л.7-7об.
- ²⁶ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 21 марта (3 апреля) 1835 г. // Там же. Л.11-11об.; Цјелокупна дјела... Т.7. С.306.
- ²⁷ Под турками черногорцы подразумевали всех мусульман, вне зависимости от их этнической принадлежности. Впрочем, сам Негош прекрасно знал, что, например, многие из них являются славянами, принявшими ислам. Он видел в них земляков, братьев по крови. Так, в письме к Осман-паше Скоплянину (шкодринскому визирю), многократно потворствовавшему грабительским набегам своих отрядов на Черногорию, Негош указывал: «Когда ты говоришь, как мой брат босниец, я твой брат, твой друг; но когда ты говоришь, как азиат, как враг нашего племени и имени, мне противно и каждому благородно мыслящему человеку было бы противно; хотя и знаю, что ты скажешь, когда увидишь это мое письмо: какую ерунду мелет этот человек, надеюсь, что потомки наши когда-нибудь по достоинству оценят отечестволюбивые мысли в письме владыки, на которого сейчас со всех сторон ополчились, как на белую ворону» // Петр II Негош – Осман-паше Скоплянину, 5 (17) октября 1847 г. // Цјелокупна дјела... Београд, 1955. Т.9. С.358; *Кутасова О.* Жизнь поэта // Петр Негош. Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С.26.
- ²⁸ Представление А.П. Бутенева Оттоманской Порте, 22 мая (2 июня) 1835 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.277-278.
- ²⁹ А.П. Бутенев – К.В. Нессельроде, 6 (18) июня 1835 г. // Там же. С.280-281.
- ³⁰ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 29 августа (10 сентября) 1835 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1835 г. Д.692. Л.16; Цјелокупна дјела... Т.7. С.336.
- ³¹ *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанско-црногорска... С.32.
- ³² Петр II Негош – Рифату-Хасану-паше, 11 (23) апреля 1839 г. // Цјелокупна дјела... Београд, 1953. Т.8. С.162; И.М. Гагич – Д.П. Татищеву, 11 (23) апреля // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.469. 1839 г. Д.13. Л.415-415об.
- ³³ И.М. Гагич – Д.П. Татищеву, 16 (28) июня 1839 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.696. Л.24-24об.
- ³⁴ Там же. Л.24об.
- ³⁵ А.В. Чевкин – Д.П. Татищеву, 11 сентября 1839 г. (н. ст.) // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.518, 519; А.В. Чевкин – Г.Г. Струве, 2 (14) августа 1841 г. // Там же. С.530-531, 537-538.
- ³⁶ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 12 (24) июня 1839 г. // Цјелокупна дјела ... Т.8. С.179.
- ³⁷ *Попов А.Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С.189.
- ³⁸ *Андрич И.* Мгновения над перепиской Негоша //...Человеку и человечеству. М., 1983. С.121.
- ³⁹ И.М. Гагич – П.И. Медему, 26 ноября (8 декабря) 1843 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.564-565.

- ⁴⁰ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 24 октября (5 ноября) 1843 г. // Цјелокупна дјела... Т.9. С.70; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1843 г. Д.700. Л.14об.
- ⁴¹ *Надеждин Н.И.* Черногорцы. Из воспоминаний путешественника // Утренняя заря. 1842 г. Год четвертый. С.222-224.
- ⁴² Записка Я.Н. Озерецковского со сведениями о монастырях в Черногории, не позднее 25 февраля 1838 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. Подгорица - Москва, 1992. Књ.1; Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С.216; Петр II Петрович Негош и Россия ... С.432.
- ⁴³ Генеральный российский консул в Сербии Г.И. Данилевский – В.П. Титову, 18 (30) декабря 1842 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1843 г. Д.700. Л.53.
- ⁴⁴ К.В. Нессельроде – В.П. Титову, 7 (19) января 1844 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.566, 568.
- ⁴⁵ П.И. Медем – К.В. Нессельроде, 16 (22) января 1844 г. // Там же. С.571, 572.
- ⁴⁶ П.И. Медем – К.В. Нессельроде, 21 февраля (4 марта) 1844 г. // Там же. С.576-579.
- ⁴⁷ Петр II Негош – Николаю I, 21 февраля (4 марта) 1844 г. // Там же. С.582.
- ⁴⁸ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 21 февраля (4 марта) 1844 г. // Цјелокупна дјела... Т.9. С.98; Петр II Петрович Негош и Россия ... С.580.
- ⁴⁹ В.П. Титов – К.В. Нессельроде, 4 (16) марта 1844 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1844 г. Д.514. Л.40-40об.
- ⁵⁰ В.П. Титов – К.В. Нессельроде, 14 (26) марта 1844 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.588-590.
- ⁵¹ П.И. Медем – И.М. Гагичу, 18 (30) апреля 1844 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1844 г. Д.701. Л.77.
- ⁵² И.М. Гагич – П.И. Медему, 5 (17) июня 1844 г. // Там же. Л.90.
- ⁵³ П.И. Медем – К.В. Нессельроде, 22 мая (3 июня) 1844 г. // Там же. Л.64.
- ⁵⁴ К.В. Нессельроде – Петру II Негошу, 28 апреля (10 мая) 1844 г. // Там же. Л.44.
- ⁵⁵ К. Меттерних – Б. Штюрмеру, 5 марта 1844 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.584-585. Австрийский дипломатический представитель в Константинополе традиционно имел ранг интернунция, поскольку исторический противник турок, Вена, еще с XVI в. заключала с Османской империей лишь перемирия и не имела в ее столице постоянного посла. В дальнейшем ранг интернунция закрепился и за постоянными представителями Австрии в Османской империи.
- ⁵⁶ В.П. Титов – К.В. Нессельроде, 14 (26) марта 1844 г. // Петр II Петрович Негош и Россия... С.590.
- ⁵⁷ Донесение В.П. Титова временно управляющему МИДом России И.И. Воронцову-Дашкову, 14 (26) июля 1844 г. // Там же. С.595-596, 598.
- ⁵⁸ В.П. Титов – П.И. Медему, 7 (19) июля 1844 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1844 г. Д.324. Л.14-15об.
- ⁵⁹ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 14 (26) августа 1844 г. // Цјелокупна дјела... Т.9. С.150; И.М. Гагич – П.И. Медему, 18 (30) августа 1844 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1844 г. Д.701. Л.24.
- ⁶⁰ Петр II Негош – П.И. Медему, 23 февраля (7 марта) 1845 г. // Цјелокупна дјела... Т.9. С.196; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1845 г. Д.702. Л.17.
- ⁶¹ Донесение В.П. Титова временно управляющему МИДом России И.И. Воронцову-Дашкову, 4 (16) июля 1844 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1844 г. Д.514. Л.115об.-116.
- ⁶² Выписки из канцелярии обер-прокурора Св. Синода. 1844 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.797. Оп.14. Д.34459. 1844 г. Л.10-11.
- ⁶³ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.165.
- ⁶⁴ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 9 (21) марта 1834 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.213.
- ⁶⁵ Петр II Негош – Г. Ивачичу, 19 апреля (3 мая) 1834 г. // Там же. С.224.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича стольчанина визиря герцеговинского (рассказ современника и очевидца) // *Гильфердинг А.Ф.* Собрание сочинений. СПб., 1873. Т.3. С.367.
- ⁶⁸ Петр II Негош – Г. Ивачичу, 3 (15) августа 1836 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.353-354.
- ⁶⁹ Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 6 (18) августа 1836 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.288.

- ⁷⁰ Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 14 (26) августа 1836 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.356-357; Петр II Петрович Негош и Россия ... С.287.
- ⁷¹ Там же. С.288.
- ⁷² И.М. Гагич – в Азиатский департамент МИДа, 29 марта (10 апреля) 1837 г. // Там же. С.368-369.
- ⁷³ Петр II Негош – Али-паше Ризванбеговичу, 6 (18) октября 1836 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.366; Петр II Петрович Негош и Россия ... С.293.
- ⁷⁴ Али-паша Ризванбегович – Петру II Негошу, 16 (28) октября 1836 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1836 г. Д.692. Л.7.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Выписка из донесения И.М. Гагича в МИД, 16 (28) октября 1836 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.295.
- ⁷⁷ А.М. Горчаков – К.К. Родофиникину, 8 (20) января 1837 г. // Там же. С.305-306.
- ⁷⁸ И.М. Гагич – в Азиатский департамент МИДа, 3 (15) мая 1837 г. // Там же. С.372.
- ⁷⁹ Записка Я.Н. Озерецковского со сведениями о нападениях турок на пограничные территории Черногории. Не ранее 8 (20) октября 1837 г.) // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.415.
- ⁸⁰ Сведения о турецких нападениях на Черногорию. Ноябрь 1837 – апрель 1838 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1838 г. Д.695. Л.8.
- ⁸¹ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 26 мая (7 июня) 1838 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.55-56.
- ⁸² Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 26 мая (7 июня) 1838 г. // Там же. С.57.
- ⁸³ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 3 (15) июня 1838 г. // Там же. С.62.
- ⁸⁴ Е.П. Ковалевский. Статистическое и географическое обозрение Черногории // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.234.
- ⁸⁵ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 3 (15) июня 1838 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.62.
- ⁸⁶ *Дурковић-Јакшић Љ*. Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори (1833-1851). Београд, 1951. С.83-84, 85-87 и др.
- ⁸⁷ Петр II Негош – Мехмеду-Веджиху-паше, 16 (28) июня 1838 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.72.
- ⁸⁸ Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 28 октября (9 ноября) 1838 г. // Там же. С.126; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1838 г. Д.319. Л.67.
- ⁸⁹ Г.Г. Струве – К.В. Нессельроде, 16 (28) ноября 1838 г. // Там же. Л.3.
- ⁹⁰ К.В. Нессельроде – А.П. Бутеневу, 5 (17) декабря 1838 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1838 г. Д.695. Л.13-14.
- ⁹¹ К.К. Родофиникин – А.П. Бутеневу, 14 (26) сентября 1833 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1833 г. Д.690. Л.5.
- ⁹² Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде, 27 января (8 февраля) 1839 г. // Там же. Ф. Канцелярия. Оп.469. 1839 г. Д.213. Л.99-100.
- ⁹³ *Дурковић-Јакшић Љ*. Србијанска штампа... С.99.
- ⁹⁴ *Миловић. Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. Титоград, 1984. С.418. Современник происходивших событий герцеговинский архимандрит И. Памучина следующим образом описывал произошедшее. Черногорские сваты приехали в Грахово с целью просватать дочь граховского воеводы Я. Даковича за брата владыки Джоко Петровича. Находившиеся здесь герцеговинские турки, с ними были и христиане, боясь черногорцев, решили покинуть Грахово и уже приготовились сесть на лошадей. Однако некоторые пирующие черногорцы и граховцы, будучи сильно навеселе, ибо «не знает ракия, что такое кадия» (не знает водка, что такое судья), бросились через поле на турок с криком: «Гай! Турки бегут!». Турки, вскочив на коней, окружили черногорцев и граховцев и напали на них. Завязалась схватка, в которой погибло 32 черногорца, в том числе и младший брат Негоша и 10 граховцев. Со стороны турок пало 53 человека. Убил Джоко некий Билдо Машич, «латынянин» из села Белаевичи, взяв его часы и ружье. Головы всех черногорцев и граховцев турки отнесли в Требинье. С турецкой стороны всею виною были муселим Требиньский, Гасан-бег Ресулбегович

и муселим Гацкий Исмаил-ага Ченгич (*Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича стольчанина визирия герцеговинского ... С.368-369*).

- ⁹⁵ И. Памучина пишет, что идея отомстить за брата целиком принадлежала Петру II Негошу, подговорившего для этого Новицу Церовича, который поначалу хотел расправиться только со старшим сыном Ченгича Рустан-бегом, замешанным в обесчещивании женщин в Дробняках. Однако Негош, мотивируя тем, что Ченгич, мстя за сына, не оставит камня на камне в Дробняках, предложил расправиться с самим Исмаил-агой Ченгичем. Тогда его сын Рустан-бег будет лишен какой-либо возможности расправиться с дробняками, поскольку без отца он был бессилён. Новица Церович, используя предлог, что без присутствия самого Ченгича харач собрать невозможно, заманил его с многочисленной свитой в Дробняки. Ченгича даже не смутило предупреждение «турецкого блюдолиза» некоего Джокко Миловича, шепнувшего Исмаилу-аге, что в наступающую ночь дробняки нападут на него и турок врасплох и советовавшего Ченгичу пока не поздно бежать в Гацко. Самоуверенный Ченгич отверг это предложение, считая, что дробняки не осмелятся совершить нападение. Однако оно произошло на рассвете 23 сентября (4 октября) 1840 г. Исмаил-ага Ченгич и с ним 35 турок были изрублены. Самого Ченгича убил Мирко Алексич, ускок из Гацко. Победители, взяв турецкие головы, коней, оружие, обоз и все, что нашли у турок, отнесли в Цетинье. Петр II Негош щедро всех одарил и приказал дробнякам, замешанным в этом деле, забрав имущество и скот, срочно бежать в Морачу, в Черногорию, что они и сделали (*Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича стольчанина визирия герцеговинского ... С.370-371*).
- ⁹⁶ *Милович J.M.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.422. Прим.6.
- ⁹⁷ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 4 (16) октября 1840 г. // Цјелокупна дјела ... Т.8. С.247-248.
- ⁹⁸ *Милович J.M.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.420-421.
- ⁹⁹ И.М. Гагич – посольству в Вене, 7 (19) октября 1840 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1840 г. Д.697. Л.6.
- ¹⁰⁰ *Милович J.M.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.424-425.
- ¹⁰¹ Там же. Л.426.
- ¹⁰² А.В. Чевкин – Г.Г. Струве, 2 (14) августа 1841 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.535, 542.
- ¹⁰³ И.М. Гагич – Д.П. Татищеву, 10 (22) мая 1841 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1841 г. Д.698. Л.4об.
- ¹⁰⁴ Там же. Л.5об.
- ¹⁰⁵ См. текст соглашения: Там же. Л.6-7.
- ¹⁰⁶ Петр II Негош – Али-паше Ризванбеговичу, 18 (30) октября 1841 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.304.
- ¹⁰⁷ И.М. Гагич – Г.Г. Струве, 16 (28) февраля 1842 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1842 г. Д.699. Л.4-4об.
- ¹⁰⁸ И.М. Гагич – П.И. Медему, 7 (19) июля 1842 г. // Там же. Л.6.
- ¹⁰⁹ Там же. Л.6об.
- ¹¹⁰ И.М. Гагич – П.И. Медему, 13 (25) сентября 1842 г. // Там же. Л.7.-7об.
- ¹¹¹ См. текст договора на сербском и русском языках // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1842 г. Д.699. Л.8-9об.
- ¹¹² Там же. Л.9об.
- ¹¹³ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 22 сентября (3 октября) 1842 г. // Там же. Л.38; Цјелокупна дјела... Т.8. С.367.
- ¹¹⁴ И.М. Гагич – П.И. Медему, 2 (14) августа 1843 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1843 г. Д.700. Л.4.
- ¹¹⁵ *Милович J.M.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.485.
- ¹¹⁶ Там же. Л.486.
- ¹¹⁷ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 29 апреля (11 мая) 1843 г. // Цјелокупна дјела... Т.9. С.39-40.
- ¹¹⁸ Петр II Негош – Али-паше Ризванбеговичу, 17 (29) мая 1843 г. // Там же. С.41-42.
- ¹¹⁹ *Милович J.M.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.491.
- ¹²⁰ Там же. С.492.
- ¹²¹ И.М. Гагич – П.И. Медему, 2 (14) августа 1843 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1843 г. Д.700. Л.4об.

- ¹²² Там же.
- ¹²³ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 29 июля (10 августа) 1843 г. // Цјелокупна дјела... Т.9. С.57-59.
- ¹²⁴ См. об этом: *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.497-502.
- ¹²⁵ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 12 (24) августа 1843 г. // Цјелокупна дјела ... Т.9. С.62.
- ¹²⁶ См. текст договора: *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.300-301; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1843 г. Д.700. Л.21-21об.
- ¹²⁷ Там же. Л.23-23об.
- ¹²⁸ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде) Петрович владыка черногорский (1830-1851). СПб., 1889. С.166.
- ¹²⁹ Записка Я.Н. Озерецковского А.Х. Бенкендорфу, 24 февраля (8 марта) 1838 г. // Черногорско-русски односи. 1711-1918. ... С.221.
- ¹³⁰ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.37-38.
- ¹³¹ *Лавров П.А.* Петр II Петрович Негош, владыка черногорский, и его литературная деятельность. М., 1887. С.80-81.
- ¹³² *Миловић Ј.М.* Продаја манастира Маина Аустрији // Из. Титоград, 1963. Књ.ХХ. Св.3. С.414.
- ¹³³ Там же. С.423-424; *Медаковић М.* П.П. Његош посљедњи владајући владика црногорски. Нови Сад, 1882. С.98-99.
- ¹³⁴ Я.Н. Озерецковский – Петру II Негошу, 1 (13) августа 1839 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковалевскога и Чевкина Владици Раду. // Споменик СКА. Београд, 1935. Т.LXXXI. С.13.
- ¹³⁵ Г.Г. Струве – Азиатский департамент МИДа, 17 (29) июня 1839 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.320. Л.28об.; Г.Г. Струве – К.В. Нессельроде, 17 (29) июня 1839 г. // Там же. Л.7об.
- ¹³⁶ Петр II Негош – И.М. Гагичу, 8 (20) мая 1839 г. // Цјелокупна дјела ... Т.8. С.166-167; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.696. Л.7-8об; И.М. Гагич – Азиатский департамент МИДа, 16 (28) мая 1839 г. // Там же. Л.4-4об.
- ¹³⁷ *Ковалевский Е.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии). // Эпоха. 1864 г. Май. С.170.
- ¹³⁸ Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде, 6 (18) апреля 1838 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1838 г. Д.695. Л.62.
- ¹³⁹ *Ковалевский Е.* Эпизод из войны... С.172.
- ¹⁴⁰ Там же. С.173.
- ¹⁴¹ Там же. С.175.
- ¹⁴² Там же. С.179.
- ¹⁴³ Там же. С.180. Е.П. Ковалевский, вероятно, все же в 1838 г. значительно преуменьшает потери австрийцев, когда приводит цифру их потерь – 24 солдата и 6 бокельцев убитыми и столько же раненых (Е.П. Ковалевский – Д.П. Татищеву, 1 (13) августа 1838 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.474). На наш взгляд, это связано с тем обстоятельством, что Ковалевский тогда самым серьезным образом опасался сурового наказания за то, что он явно превысил свои полномочия, данные ему при отъезде из России. Согласно им, он должен был уклоняться от любого вмешательства в дела, не связанные напрямую с его поручением по геологическим изысканиям в Черногории. Преуменьшая австрийские потери, он преуменьшал тем самым как значимость черногорско-австрийского военного конфликта, так и свою вину. С годами, когда все произошедшее стало давней историей, Е.П. Ковалевский уже мог быть более откровенен. Следует также заметить, что черногорцы получили после этого сражения в качестве трофеев около 30 австрийских артиллерийских орудий, возвращенных затем австрийцам (А.В. Чевкин – Г.Г. Струве, 2 (14) августа 1841 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.531, 538). Е.П. Ковалевский об этом вообще не проинформировал Д.П. Татищева.
- ¹⁴⁴ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 1 (13) августа 1838 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.96; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1838 г. Д.695. Л.64.
- ¹⁴⁵ Там же. Л.64об.

- ¹⁴⁶ Ковалевский Е. Эпизод из войны... С.181.
- ¹⁴⁷ Там же. С.182.
- ¹⁴⁸ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 1 (13) августа 1838 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.97; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1838 г. Д.695. Л.65.
- ¹⁴⁹ Ковалевский Е. Эпизод из войны... С.183.
- ¹⁵⁰ Е.П. Ковалевский – начальнику штаба корпуса горных инженеров А.В. Чевкину, 1 (13) ноября 1838 г., Флоренция // РГИА. Ф.44. Оп.2. Д.560. Л.150об.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 1 (13) августа 1838 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.97.
- ¹⁵³ Е.П. Ковалевский – Петру II Негошу 12 (24) марта 1839 г. // РГИА. Ф.44. Оп.2. Д.560. Л.151; Вуксан Д. Писма Озерецковскога... С.16-17.
- ¹⁵⁴ Петр II Негош – Д.П. Татищеву, 14 (26) августа 1836 г. // Цјелокупна дјела... Т.7. С.358.
- ¹⁵⁵ Пејовић Ђ.Д. Црна Гора... С.381.
- ¹⁵⁶ Донесение Й.А. фон Турски в Вену, 12 (24) августа 1841 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1841 г. Д.698. Л.16-16об.
- ¹⁵⁷ Записка Е.П.Ковалевского, 7 (19) февраля 1839 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.240.
- ¹⁵⁸ К.В. Нессельроде – Петру II Негошу, 5 (17) июня 1839 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.696. Л.40-41; Г.Г. Струве – К.В. Нессельроде, 21 июля (2 августа) 1839 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.320. Л.10-12об.
- ¹⁵⁹ Инструкция МИДа России вице-консулу в Орсове А.В. Чевкину, 1 (13) августа 1839 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.504, 506.
- ¹⁶⁰ Г.Г. Струве – К.В. Нессельроде, 21 июля (2 августа) 1839 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.320. Л.10-12.
- ¹⁶¹ Я.Н. Озерецковский – Петру II Негошу, 1 (13) августа 1839 г. // Вуксан Д. Писма Озерецковскога... С.13.
- ¹⁶² Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 26 сентября (8 октября) 1839 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.696. Л.50.
- ¹⁶³ Меморандум австрийского правительства о принципах и порядке австро-черногорского разграничения. Сентябрь 1839 г. // Петр II Петрович Негош и Россия ... С.508-509, 512-513.
- ¹⁶⁴ Карађић В.С. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С.80-81; [Караджич В.С.] Черногория и черногорцы. Дополнения к известиям о европейской Турции и сербском народе. Перевод с немецкого языка. Аугсбург, 1837 // ОР РНБ. Ф.777 (П.Н. Тиханов). Оп.3. Ед. хр.246. Л.230-234.
- ¹⁶⁵ А.В. Чевкин – В.Ф. Лиленбергу, 11 сентября н. ст. 1839 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.469. 1839 г. Д.214. Л.469-470; Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде, 21 сентября (3 октября) 1839 г. // Там же. Л.468-468об.
- ¹⁶⁶ Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде, 20 октября (1 ноября) 1839 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.320. Л.25-26об.
- ¹⁶⁷ Г.Г. Струве – К.В. Нессельроде, 21 июля (2 августа) 1839 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1839 г. Д.320. Л.11об.-12об.
- ¹⁶⁸ А.В. Чевкин – Петру II Негошу, 20 марта н. ст. // Вуксан Д. Писма Озерецковскога... С.19.
- ¹⁶⁹ К.В. Нессельроде – Д.П. Татищеву, 6 (18) апреля 1840 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1840 г. Д.697. Л.8-8об.
- ¹⁷⁰ Донесение Й.А. фон Турски в Вену, 12 (24) августа 1841 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1841 г. Д.698. Л.17об.-18, 20-20об.
- ¹⁷¹ Там же. Л.24об.-25, 26об.-27.
- ¹⁷² А.В. Чевкин – Петру II Негошу, 27 июля (8 августа) 1842 г. // Вуксан Д. Писма Озерецковскога... С.28.
- ¹⁷³ Петр II Негош – Й.А. фон Турски, 22 июля (3 августа) 1841 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.290-293.
- ¹⁷⁴ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 18 (30) июля 1841 г. // Цјелокупна дјела... Т.8. С.286; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1841 г. Д.698. Л.13.

- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Донесение Й.А. фон Турски в Вену, 12 (24) августа 1841 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1841 г. Д.698. Л.14об.-15.
- ¹⁷⁷ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С.438; Петр II Петровић Негош и Россия ... С.546-547.
- ¹⁷⁸ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 14 (26) декабря 1841 г. // Там же. С.554.
- ¹⁷⁹ Подробно см.: Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., 1986. С.299-301; Революции и реформы на Балканах. М., 1994. С.28-36.
- ¹⁸⁰ Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. М., 1990. С.242.
- ¹⁸¹ Подробно см.: Формирование национальных... С.230-240; *Фрейдзон В.И.* Исторические корни и сущность югославизма. XIX в. // Новая и новейшая история. 1997. №3. С.32-36; *Лециловская И.И.* Планы государственного объединения южных славян в 1848 г. // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С.71-73.
- ¹⁸² Подробно см.: На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII - начало XX вв. М., 1997. С.93-94.
- ¹⁸³ Считаю, что К.В. Никифоров абсолютно прав, когда на основе детального анализа текста «Начертания» утверждает, что сам термин «Великая Сербия» является изобретением австро-венгерской политики последней четверти XIX - начала XX века, призванной окончательно присоединить к себе Боснию и Герцеговину, и он искусственно привязан к «Начертанию». Позднее термин «Великая Сербия» приобрел однозначно отрицательный, великодержавный и даже реакционный смысл. Таким образом, происходило раздувание ложных страхов перед «сербской угрозой» для прикрытия и оправдания собственных экспансионистских планов. Со временем «великосербизм» перекочевал в историографию, в основном западную. Наряду с «великосербскими» сюжетами в историографии существуют и попытки увязать программу И. Гарашанина не только с сербами, но и с другими южнославянскими народами, и, в частности, с болгарами, которых также якобы планировалось включить в состав будущего государства. Однако, как справедливо замечает К.В. Никифоров, ни о каком создании южнославянского государства в «Начертании» прямым текстом не говорилось, а Гарашанин рассматривал своих южнославянских и балканских соседей скорее как союзников, чем как жителей будущего сербского государства. Таким образом, словосочетание «Великая Сербия» в «Начертании» отсутствует, а программа И. Гарашанина не содержит идей шовинизма или национального превосходства, и в ней ясно и четко выражена идея создания полноценного, политически и экономически жизнеспособного сербского государства (См. об этом: *Никифоров К.В.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842-1853 гг. М., 2015. С.85-89, 115 и др.). В той части «Начертания», относящейся к Черногории, указано, что Черногория для Сербии имеет большое военное значение, когда речь пойдет об отсоединении Боснии и Герцеговины от Турции и присоединении их к Сербии. Задачей сербского правительства является поддержание дружеских отношений с Черногорией, предоставляя владыке по примеру России ежегодную помощь в деньгах. Таким образом Сербия «за малую цену» может заполучить не менее 10 тысяч воинов-горцев (Там же. С.248).
- ¹⁸⁴ Там же. С.113.
- ¹⁸⁵ Там же. С.113-114.
- ¹⁸⁶ Там же. С.142-145.
- ¹⁸⁷ На путях к Югославии... С.98-99.
- ¹⁸⁸ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде) ... С.169.
- ¹⁸⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1848 г. Д.705. Л.4-4об.
- ¹⁹⁰ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде) ... С.172.
- ¹⁹¹ *Лециловская И.И.* Планы государственного... С.82.
- ¹⁹² И.М. Гагич – посольству в Вене, 15 (27) марта 1848 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. 1848 г. Д.705. Л.5об.
- ¹⁹³ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде)... С.169.

- ¹⁹⁴ И.М. Гагич – посольству в Вене, 19 (31) марта 1848 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂, 1848 г. Д.705. Л.6об. 11 марта 1848 г. в Милане вспыхнуло антиавстрийское восстание, распространившееся затем на Венецию и соседние города. Австрийская армия Йозефа Радецкого с боями отступила из Ломбардии, в Венеции была провозглашена республика, Сардинское королевство объявило войну Австрии.
- ¹⁹⁵ Объявление Петра II Негоша бокельцам и дубровчанам, 20 мая (1 июня) 1848 г. // Цјелокупна дјела... Т.9. С.383.
- ¹⁹⁶ И.М. Гагич – посольству в Вене, 19 (31) марта 1848 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂, 1848 г. Д.705. Л.6.
- ¹⁹⁷ И.М. Гагич – посольству в Вене, 25 марта (6 апреля) 1848 г. // Там же. Л.8об.
- ¹⁹⁸ Там же. Л.8-8об. Между тем мюнхенская газета «Альгемайне Цайтунг» (1848 г. №108) сообщала, что вторжение черногорцев в Которскую область инспирировано Россией, под покровительством которой находятся черногорцы. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.109. Оп.23. Д.337. Ч.5. Л.4.
- ¹⁹⁹ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С.76.
- ²⁰⁰ *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанско-црногорска... С.94-95.
- ²⁰¹ Там же. С.95; *Мекензи Д.* Илија Гарашанин државник и дипломата. Београд, 1987. С.96.
- ²⁰² *Лециловскаја И.И.* Планы государственного... С.83; *Никифоров К.В.* «Начертание» Илија Гарашанина... С.150.
- ²⁰³ Цјелокупна дјела... Т.9. С.382-384.
- ²⁰⁴ Там же. С.385. В свою очередь в революционной Венеции внимательно отслеживали ситуацию в Боке Которской. Еще до нападения черногорцев на Которскую область слухи о готовности черногорцев к нему дошли в Венецию. В связи с ними член Временного правительства Н. Томмасео направил специальное послание Петру II Негошу. В нем «владыка свободного уже народа, поэт и славянин» предупреждался, что в случае нападения на Катаро черногорцы не останутся безнаказанными. Н. Томмасео считал, что черногорцев к этой военной акции подталкивает Россия (ГА РФ. Ф.109. Оп.22. Д.337. Ч.5. Л.4-4об.). Разумеется, это последнее суждение венецианского политического деятеля, как и аналогичные инсинуации в австрийской прессе, не имели под собой реальной почвы. Царское правительство стремилось к сохранению целостности австрийской империи. Оно также не поддерживало планы создания югославянских государств, даже в рамках Габсбургской монархии (Триединое королевство), чего добивался, не останавливаясь даже перед военными действиями, Петр II Негош.
- ²⁰⁵ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.342; *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997. С.78.
- ²⁰⁶ *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995. С.108.
- ²⁰⁷ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде) ... С.175. АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂, 1848 г. Д.705. Л.10-10об. В эти же дни секретарь и ближайший соратник Петра II Негоша М. Медакович провозглашал «честь и славу бану Елачичу, честь и славу народу хорватскому», выражал надежду в скорой победе над венграми // *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанска штампа... С.162-163.
- ²⁰⁸ Там же. С.167.
- ²⁰⁹ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора... С.420.
- ²¹⁰ Петр II Негош – А.Ф. Орлову, 1 (13) июня 1849 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂, 1849 г. Д.706. Л.8-8об.; Цјелокупна дјела... Т.9. С.415-416 (в тексте публикации ошибочно указана дата написания – 2 июня 1849 г.).
- ²¹¹ А.Ф. Орлов – Петру II Негошу, 27 июня (8 июля) 1849 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂, 1849 г. Д.706. Л.5-6об.
- ²¹² Революция и реформы... С.26.
- ²¹³ *Бан М.* Три сусрета с владиком Радом // *Савременици о Његошу.* Београд, 1951. С.144.

ГЛАВА VII. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЧЕРНОГОРИИ КНЯЖЕСТВОМ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЧЕРНОГОРСКОГО НАРОДА НАКАНУНЕ, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

§1. Введение в Черногории светского правления (1852 г.). Миссия Е.П. Ковалевского в Черногорию

Революционные события 1848-1849 гг. заставили русское правительство на время забыть о многих проблемах на международной арене, в том числе и о Черногории. Дождавшись, когда революционные потрясения в Европе в основном закончились, Петр II Негош в октябре 1849 г. обратился к ставшему уже канцлером К.В. Нессельроде с просьбой о разрешении приехать ему в российскую столицу и представить Николаю I «необходимости издревле преданного России народа»¹. Петр II Негош предполагал отправиться весной 1850 г., но серьезная легочная болезнь потребовала его лечения в Италии. В Неаполе, куда прибыл митрополит в 1851 г., он часто встречался с российским консулом Ф.Ф. Шеппингом. Получив информацию от митрополита, консул сообщил посольству в Вене, что тот отказался от мысли добиваться официального признания Россией независимости Черногории, поскольку политические обстоятельства были для этого неблагоприятны. В этой ситуации Негош желал только содействия российского посольства в Константинополе для пресечения враждебных действий против Черногории со стороны Албании и Боснии, а его намерение посетить Петербург увязывалось с финансовыми делами². Черногорский правитель был прав, не рассчитывая на официальное признание Россией перед Европой независимости его страны, в особенности после подавления венгерской революции, когда царизм проявил себя как ярый противник освободительных движений.

В июне 1851 г. черногорский митрополит прибыл в Вену, где вручил послу барону П.К. Мейендорфу прошение о продлении срока субсидии, присылке церковных книг и выделении ему денежной помощи на оплату долга за лечение (эти просьбы впоследствии были удовлетворены. – Ю.А.)³. Это было последнее официальное обращение Петра II Негоша к русскому правительству, а 4 месяца спустя в Цетинье 19 (31) октября 1851 г. в 10 часов утра, в один и тот же день, когда 21 год тому назад он стал правителем Черногории, Петр II Петрович Негош скончался. Смерть правителя Черногории вызвала отклики не только в России, но и в других европейских странах, а находившийся тогда в Вене бывший сербский князь Михаил Обренович пригласил в здешнюю православную церковь для слушания панихиды по покойному владыке всех проживавших в австрийской столице славян, чиновников австрийского МИДа и русского посольства⁴.

По завещанию Петра II Негоша его преемником был назначен племянник митрополита Данило Станков Петрович Негош. Завещание хранилось

в русском консульстве в Дубровнике. Во время кончины митрополита в Цетинье находились все члены черногорского правительства и многие влиятельные старейшины. Вскоре сюда прибыл и консул И.М. Гагич, огласивший на собрании старейшин (28 октября (9 ноября) 1851 г.) привезенный текст завещания.

Данило во время этих важных для его родины событий находился в Вене, по пути в Петербург, куда он был послан митрополитом для завершения образования. Не зная о наличии письменного текста завещания и полагаясь лишь на устное заявление Петра II Негоша, сделанное им в мае 1851 г. перед членами Сената, а также на его письмо к П.К. Мейендорфу (от 23 августа 1851 г.), где Данило был назван его преемником⁵, он решил все же ехать в Петербург. Там Данило рассчитывал получить поддержку Николая I в утверждении своих прав на митрополичий престол. Вполне вероятно, что Данило уже тогда предполагал, что за власть в стране ему придется бороться, поскольку в письме к П.К. Мейендорфу он замечал, что сознает, какие могут возникнуть последствия в случае, если вернется на родину «не снискав царской милости»⁶.

Воспользовавшись отсутствием Данилы с претензией на высшую государственную власть выступили два ближайших его родственника – старший брат покойного митрополита президент Сената Перо (Петр) Томов Петрович Негош и двоюродный брат Петра II Негоша вице-президент Сената Георгий (Джордже) Савов Петрович Негош. Последний, сам не желая принимать монашеский сан, выдвинул кандидатом на митрополичий престол своего племянника, Крсто Машана Петровича. Эта идея пришла Георгию Савову не спонтанно. Еще при жизни Петра II Негоша он подготавливал общественное мнение к кандидатуре Крсто как правителя Черногории⁷.

Однако главным соперником Данилы был все же Перо Томов Петрович. По завещанию Петра II Негоша ему поручалось наставлять во всем Данилу как собственного сына, пока тот не проявит способность управлять народом⁸. Но Перо Томов не хотел быть только опекуном и наставником при новом правителе. Он долго тешил себя небезосновательной надеждой, что его сын Павел наследует власть в Черногории, но тот умер, находясь в России, и новым преемником стал Данило. Кроме того, Перо Томов пользовался у митрополита неограниченным доверием и, председательствуя в Сенате, имел большую власть, решая важнейшие дела по управлению страной и народом.

Убедив Георгия Савова снять кандидатуру своего племянника Крсто, Перо Томов также сумел склонить на свою сторону многих членов правительства и часть старейшин. Перо Томова в качестве преемника Петра II негласно поддерживал И.М. Гагич, полагая, что Данило, в отличие от Перо Томова, неспособен руководить страной⁹. Вместе с тем российский консул не мог игнорировать завещание покойного владыки и связанные с ним инструкции, исходящие из Петербурга и посольства в Вене. Поэтому он вместе с секретарем венского посольства Мерчинским прибыл в Цетинье, где 20 ноября (2 декабря) 1851 г. перед собравшимися черногорскими и брдскими старейшинами и представителями Сената российские дипломаты объявили о намерении Николая I поддержать в качестве преемника Петра II кандидатуру Данилы. Это решение русского двора было беспрекословно воспринято черногорским руководством¹⁰. Однако 21 ноября (3 декабря)

1851 г. на скупщине в Цетинье, состоявшейся сразу же после отъезда российских представителей, «именем народа черногорского и брдского» было принято единогласное решение признать «нашим господарем князя Петра Петровича», ему же поручалось управление страной¹¹. Этот государственный акт, каким являлось решение скупщины, был подписан вице-президентом Сената Георгием Савовым Петровичем, 8 сенаторами, 4 «капетанами» и 2 архимандритами. Первым среди исследователей, обратившим внимание на значение этого документа, упразднявшего как бы мимоходом многовековую форму правления, когда во главе государства стояло выборное лицо из высшей церковной иерархии, был П.А. Ровинский¹². Однако, на наш взгляд, постановление этой скупщины не было юридически правомочным в той части, которая касалась автоматического признания «князем» Перо Томова Петровича. Для преобразования государственного строя, перехода к светской, монархической форме правления, требовалось специальное, отдельное постановление скупщины по этому вопросу, что и было сделано в дальнейшем, уже в отношении Данилы.

Перо Томов желал хоть на какое-то время избавиться от присутствия Данилы в Черногории, поэтому он еще в начале ноября просил содействия И.М. Гагича об определении Данилы в Петербургскую Духовную академию¹³. Между тем Данило, узнавший от П.К. Мейендорфа о наличии письменного завещания Петра II Негоша в его пользу и не подозревавший о уже начавшейся закулисной борьбе за власть, обратился к Николаю I с просьбой подтвердить завещание и признать его наследником¹⁴. Вступая в борьбу за власть, многоопытный Перо Томов не учел важное обстоятельство, которое отчетливо осознавал его племянник Данило. Он не заручился поддержкой русского правительства, а расположение И.М. Гагича практически ничего не означало: решение принималось в Петербурге, а не в Дубровнике. Николай I, всю жизнь отстаивавший принцип легитимизма в государственной политике, не мог пойти на такой шаг, как игнорирование воли законного правителя Черногории Петра II Негоша, назначившего своим преемником Данилу, и это явилось самым весомым доводом в пользу кандидатуры Данилы¹⁵.

Впрочем, когда император 12 (24) ноября 1851 г. принимал решение об утверждении Данилы Петровича Негоша преемником умершего владыки, при русском дворе были осведомлены только о попытках Георгия Савова Петровича поставить во главе Черногории своего племянника Крсто. Поэтому, признав Данилу наследником покойного митрополита, в российском МИДе сочли необходимым предложить ему из Вены вернуться в Черногорию и вступить в права наследования власти. Затем Данило должен был прибыть в Россию для пострижения в монахи и возведения в сан архимандрита. В строгом соответствии с завещанием Петра II Негоша, на время отсутствия Данилы обязанности по управлению Черногорией возлагались на Перо Томова. Кроме того, в Петербурге намеревались отправить в Черногорию доверенное лицо от российского правительства для поддержания прав нового владыки и пояснений в отношении финансовой части завещания¹⁶.

О претензиях Перо Томова на власть не знали в российском посольстве в Вене и в Петербурге. В тот день, когда ноябрьская скупщина утверждала его правителем Черногории, П.К. Мейендорф информировал канцлера

о том, что он согласно желанию Николая I отправляет Данилу в Черногорию и вручает ему свое письмо черногорскому Сенату¹⁷. В этом письме П.К. Мейендорф сообщал правительству, что Николай I утвердил завещание Петра II Негоша и что он покровительствует новому правителю Черногории. Посол подчеркивал, что Сенат и народ должны быть верны Даниле, и далее повторял желание царя видеть Данилу в Петербурге для принятия духовного сана¹⁸. П.К. Мейендорф предполагал возможность борьбы за власть в семействе Петровичей Негошей, но считал, что поддержка царем кандидатуры Данилы устраняет препятствия¹⁹. В свою очередь Перо Томов видел источник всех проблем для себя только в лице вице-президента Сената Георгия Савова и его племянника Крсто²⁰. Поэтому, отправляясь из Вены 23 ноября (5 декабря) 1851 г. в Черногорию, Данило не знал о подготовленном ему сюрпризе со стороны Перо Томова.

В Цетинье, куда Данило прибыл в начале декабря, его ждал далеко не восторженный прием. Настоятель русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский приводит текст письма с «верными известиями из Черногории», полученными им по следам этих событий²¹. Хорошо осведомленный автор сообщал Раевскому, что приезд Данилы привел в замешательство Перо Томова и его сторонников. Данило зачитал в Сенате письмо П.К. Мейендорфа с подтверждением своих наследственных прав. Однако, не без влияния Перо Томова, члены правительства выразили сомнение в его подлинности. Поэтому окончательное разрешение вопроса откладывалось до приезда в Черногорию Е.П. Ковалевского, которому, с учетом его давнишнего знакомства с местными условиями, было поручено поддержать законного наследника. Автор письма утверждал, что теперь от русского представителя все зависит. Если Ковалевский подтвердит права Данилы, то черногорцы будут ему послушны и Перо Томов «удалится», но если он поддержит Перо, то неизбежно кровопролитие.

К счастью для Данилы, его утверждение во власти не затянулось надолго. Находясь в сложной ситуации, он, при поддержке своих сторонников, к которым примкнул и недавний соперник Данилы вице-президент Сената Георгий Савов Петрович, проявил политическую волю и психологический расчет. Данило пообещал, что не будет бесконтрольно распоряжаться государственными средствами, в чем нередко, хотя и безосновательно, упрекали Петра II Негоша, оставившего свой капитал (кроме незначительной суммы в пользу родных) государственной казне. Все деньги, оставшиеся после смерти митрополита (а они составляли сумму в 195 тысяч рублей серебром и хранились в Петербургском коммерческом банке и австрийских банках), Данило обещал использовать на общенародные нужды: открытие школы и типографии, дорожное строительство, обновление церквей, помощь беднякам и повышение жалованья чиновникам²². Тем самым за короткое время Данило сумел привлечь на свою сторону народ и властные структуры страны.

Черту под этим внутривластным кризисом, грозившим расколоть черногорское общество на две части, что в свою очередь могло дать повод Порте вмешаться во внутренние дела Черногории, подвела новая скупщина в Цетинье. Она состоялась 1 (13) января 1852 г. На скупщине Данило «показал себя молодцом». В коротких, но сильных словах он изложил ход пред-

шествовавших событий, «показал волю царскую и заключил речь клятвою, чтобы Бог и не допустил его возвратиться из России в Черногорию, если намерения его в пользу народа не искренны», – сообщил очевидец²⁵. Скупщина подтвердила завещание Петра II Негоша, и ее постановлением Данила был провозглашен правителем (владыкой) Черногории «со всеми атрибутами своего предшественника», – писал в Петербург П.К. Мейендорф²⁴. На той же скупщине состоялось примирение (как покажет время, неокончательное) между Данилой и Перо Томовым, который остался президентом Сената, и именно ему поручалось временное управление Черногорией в связи с отъездом Данилы в Россию для посвящения в архимандриты.

Однако монашеская ряса не прельщала нового правителя, поэтому он решил отправиться в Петербург и, заручившись поддержкой русского двора, принять княжеский титул. Идея о провозглашении Черногории княжеством, а ее правителя – князем была не нова, Петр II Негош выступил с ней еще в конце 40-х годов²⁵. Подготавливая изменение формы правления, Данило хотел представить акцию как самостоятельную инициативу черногорского народа. Поэтому, отправляясь в Петербург в конце января 1852 г., он поручил Перо Томову и Георгию Савову подготовить общественное мнение к намеченному преобразованию государственного строя, а сам Данило в ожидании результата задержался в Вене. Впрочем, Данило не намеревался держать свои планы в глубокой тайне. По пути в австрийскую столицу он имел встречу с наместником Далмации генералом Л. Мамулой. Данило сообщил ему о планах установления в Черногории наследственного княжения, отделения духовной власти от светской и наличии у него представления на имя Николая I (на самом деле это был только проект) с просьбой о согласии императора на провозглашение Черногории княжеством²⁶. Таким образом, еще до отъезда из Цетинье Данилой с кругом его доверенных лиц был в общих чертах согласован акт прошения скупщины на имя Николая I, которая должна была состояться в его отсутствие и пройти под знаком народной инициативы. Информировав обо всем этом видного австрийского чиновника, черногорский правитель, видимо, заранее рассчитывал как-то просчитать реакцию венского двора на изменение государственного строя Черногории.

1 (13) марта 1852 г. в Цетинье состоялась скупщина, где обсуждался вопрос об изменении формы правления Черногории. Скупщина приняла решение о провозглашении Черногории княжеством и установлении светской, наследственной княжеской власти в государстве. Целесообразность такого решения аргументировалась тем, что правящему с 1697 г. в Черногории дому Петровичей грозит пресечение рода по причине безбрачия митрополитов, а это в свою очередь может вызвать разные «возмущения и распри» в стране. Князем был утвержден Данило Петрович Негош, а функции высшего духовного лица (епископа или архиепископа) было решено ограничить только делами церкви²⁷. Как уже отмечалось, Черногория при митрополитах не была теократическим государством, а являлась страной со специфическим для своего времени республиканским устройством, где патриархальные, архаичные черты общественной жизни переплетались с феодальными и отдельными слабыми элементами раннебуржуазных отношений, возникших только при Петре II Негоше. Черногория по сути дела всегда являлась светским государством, где православная церковь служи-

ла символом национального единства и освободительной борьбы и играла в этом важную роль, а ее владыки, опираясь на традиции средневекового Сербского государства, постепенно создавали государственные институты, направленные на формирование личной монархической власти. Провозглашение Черногории княжеством явилось эпохальным для страны событием, но понадобилось еще некоторое время, чтобы черногорское общество реально ощутило на себе его неоднозначные последствия.

Решение скупщины черногорское правительство письменно, именуя Данилу уже князем, сообщило ему в Вену. Также было составлено прошение черногорского народа Николаю I за подписью президента и вице-президента Сената, членов правительства, влиятельных старейшин и духовенства с просьбой поддержать изменение формы государственного правления и что все с нетерпением ждут, когда «святейший князь» вернется в «недра своего народа»²⁸.

Особая депутация должна была его доставить в Петербург, однако в Вене П.К. Мейендорф посоветовал депутатам вернуться в Черногорию, а прошение он сам переправил в столицу²⁹. Против поездки делегации в Россию выступал не только посол в Вене, но и Е.П. Ковалевский. Они оба считали, что отделение духовной власти от светской не принесет Черногории той пользы, какую она имела при неразделении гражданской и духовной власти. Но если П.К. Мейендорфа больше заботили внешнеполитические проблемы, связанные со стремлением Черногории добиваться при поддержке России официального признания независимости, что, по мнению посланника, сулило для Черногории политические проблемы³⁰, то с иной точки зрения, учитывая всю совокупность обстоятельств, к оценке этого акта подходил Е.П. Ковалевский. Он считал, что разделение светской и церковной власти создаст лишь дополнительные трудности для Черногории не только во внешнеполитическом, но и внутривнутриполитическом плане (возникновение различных конфликтов, увеличение расходов и т.п.) Поэтому Е.П. Ковалевский утверждал, что следует сохранить за будущими правителями право снова принять сан митрополита³¹.

Во время пребывания Данилы в Вене Е.П. Ковалевский также находился там, неоднократно встречаясь с черногорским правителем. Е.П. Ковалевский, как особый представитель русского правительства, должен был прибыть в Черногорию еще в январе 1852 г. (он задержался из-за болезни), когда вопрос об изменении характера власти еще не стоял, но ему предписывалось К.В. Нессельроде оказывать Даниле всяческое содействие в утверждении его прав наследования, стараться сгладить конфликтную ситуацию с Перо Томовым, убеждать черногорцев в необходимости поддержания мира на смежных границах. Тем более, как полагал канцлер, независимости Черногории Австрия не угрожала³². В дополнительной секретной инструкции Е.П. Ковалевскому предписывалось обстоятельней разобраться во внутренней обстановке в Черногории, в личных качествах Данилы, в его склонности к принятию духовного сана. Канцлер обращал внимание Ковалевского на то, что его информация повлияет на выработку политики МИДа в отношении преемника митрополита, времени и сроков намеченного пребывания Данилы в России³³. Еще из Вены Е.П. Ковалевский направил письмо в МИД, где отмечал способности Данилы и его готовность действовать в интересах своего народа³⁴.

Прибыв в конце марта 1852 г. в Цетинье, Е.П. Ковалевский довольно быстро убедился, что внутривластные проблемы страны не так волнуют черногорское правительство, как внешнее ее положение. Турецкие войска Омера-паши после наведения порядка в Боснии и Герцеговине, где они подавили очередной мятеж местных феодалов, вплотную приблизились к черногорским границам, угрожали захватом округа Грахово, который и черногорцы, и русский полковник считали принадлежащим Черногории. Вывод Ковалевского о том, что прежние кровопролития должны вновь начаться, если в Стамбуле не остановят действий Омера-паши³⁵, оказался пророческим, поскольку Черногория вскоре будет втянута в войну.

Пока Ковалевский находился в Цетинье, в конце марта 1852 г. в Петербург прибыл Данило. В письменном обращении к императору, ссылаясь на желание народа, он просил императора утвердить его в княжеском достоинстве, подписавшись при этом не как князь, а как «наследник черногорский Данила Петрович Негош»³⁶. При русском дворе эта просьба была воспринята с полным пониманием. В докладе канцлера К.В. Нессельроде Николаю I отмечалось, что Россия как держава-покровительница имеет право давать советы черногорскому народу, но она едва ли может противиться тем мерам, какие касаются внутреннего устройства Черногории. При этом было учтено то обстоятельство, что изменение формы правления не меняет внутреннюю и внешнюю политику страны, а подчиненность церковной власти светской пресекает возможность конфликтов между двумя ветвями власти, что в свою очередь должно усилить государственную власть. Также было решено учесть и молодой возраст Данилы, отсутствие у него желания и призвания к посвящению в монашеский сан, поэтому совершение над ним обряда пострижения и возведение в высший духовный сан явилось бы нарушением правил церкви. Приведя эти доводы Николаю I, К.В. Нессельроде предложил императору поддержать желание народа и черногорского правительства на изменение существующего образа правления в Черногории и на принятие Данилой Петровичем Негошем наследственного княжеского титула. В то же время канцлер предложил сохранить за черногорским правителем возможность вернуть монашеский сан, если обстоятельства покажут, что прежний порядок был лучше. Поэтому К.В. Нессельроде полагал нужным дать совет Даниле: повременить с выбором епископа до тех пор, пока не упрочится княжеская власть и черногорцы не привыкнут видеть в нем единственного верховного правителя страны³⁷.

Николай I согласился с этими предложениями МИДа, о чем сообщил Даниле во время аудиенции, а 18 (30) июня 1852 г. управляющий министерством иностранных дел Л.Г. Сенявин вручил Даниле документ, в котором объявлялось согласие России на изменение формы государственного правления в Черногории³⁸. После этого решения в русской дипломатической переписке Данило практически сразу же стал именоваться князем Черногории³⁹. Следует заметить, что признание Россией права черногорского народа самому решать проблемы государственной власти по сути дела являлось отрицанием претензий Порты на ее сюзеренитетные права в отношении Черногории.

Черногорский правитель во время пребывания в Петербурге нашел время и для знакомства с культурной, научной, промышленной жизнью

русской столицы. Он посетил Публичную библиотеку, Монетный двор, Военный арсенал, Ботанический сад, Александровскую мануфактуру, Академию художеств, цирк и другие достопримечательные места Петербурга и его окрестностей. Данило также встречался с видными царскими сановниками и членами императорской семьи. Указом Николая I он был награжден орденом Св. Станислава I степени, а Перо Томов Петрович и Георгий Савов Петрович – орденами Св. Анны II степени. Орденами и медалями были награждены и другие видные черногорцы. Граховский воевода Яков Дакович был награжден орденом Св. Анны II степени⁴⁰.

В августе 1852 г. Данило вернулся в Черногорию. 9 (21) сентября 1852 г. состоялась скупщина в Цетинье, в которой принимало участие около 4 тысяч человек – наиболее влиятельные черногорцы. На ней решались исключительно организационные вопросы. Был частично обновлен состав Сената, перьяников, гвардии и «капетанов», которые затем, включая председателя Сената Перо Томова и вице-председателя Георгия Савова, принесли клятву на верность князю и отечеству⁴¹. Сентябрьская скупщина не принимала решения о провозглашении Черногории княжеством, а Данилы князем (такое мнение существует в литературе⁴²), поскольку такое решение уже было принято мартовской скупщиной 1852 г., и оно не нуждалось в дублировании, так как тем самым ставилась бы под сомнение законность постановлений мартовской скупщины.

Провозглашение Черногории княжеством встревожило турецкое правительство. Если ранее Черногория, как предпочитала считать Порты, была только областью, входившей в состав Шкодринского пашалыка Османской империи, то теперь ситуация менялась коренным образом. На Балканах о себе заявило государственное образование, которое поставило себя в ряд с княжествами Сербия, Молдавия и Валахия. Если Сербия и Дунайские княжества, несмотря на широкую автономию, признавали все же сюзеренные права султана, то Черногория по-прежнему отрицала власть Стамбула над ней. Поэтому Порты крайне негативно восприняла решение скупщины, признававшее за Данилой Петровичем Негошем права наследственной княжеской власти.

Позиция Австрии в этой ситуации была двойственной. С одной стороны она не хотела из-за изменения формы правления портить отношения с Черногорией и Россией, поэтому австрийское правительство демонстрировало свое расположение к князю Даниле. Вместе с тем, не желая осложнять отношений с Портой, венский кабинет в австро-турецких отношениях придерживался концепции признания формального сюзеренитета султана над Черногорией.

Если находящиеся под турецкой властью югославянские народы с воодушевлением восприняли провозглашение Черногории княжеством, ожидая в связи с этим от нее активизации антиосманской борьбы, то совершенно иначе к этому отнесся глава сербского правительства Илия Гарашанин. Как уже упоминалось, он являлся активным сторонником объединения всех сербов (включая и черногорцев, которые в XIX в. считали себя сербами) в единое государство под верховной властью Александра Карагеоргиевича. Если Петр II Негош в этом планируемом государстве как лицо духовное соглашался стать главой сербской патриархии, то князь Да-

нило мог претендовать на лидерство как в деле объединения, так и в будущем сербском государстве. Поэтому И. Гарашанин называл Данилу Негоша «безумцем», «дьяволом», который «сам не знает, что на него нашло», выражал резкое неудовольствие по поводу провозглашения Черногории княжеством⁴³. Забегая вперед, заметим, что И. Гарашанин правильно предугадал ход событий. Уже в 60-е гг. XIX в. между династиями Обреновичей и Петровичей Негошей начнется острое соперничество за гегемонию в анти-турецком военно-политическом блоке (Балканский союз).

Давая оценку знаменательным для страны событиям 1852 г., отметим, что провозглашение Черногории княжеством явилось особо важным этапом в становлении ее государственности. Этот акт стал прологом к окончательному закреплению самодержавной системы правления, которая была упрочена принятием Законника князя Данилы в 1855 году. Последовавшая затем концентрация власти в одних руках способствовала полному преодолению сепаратизма в стране и окончательному оформлению централизованного государства, что в свою очередь облегчило решение задач освободительного движения, в том числе и в сопредельных областях Герцеговины, где Черногория стала активнее, чем ранее, выступать как организатор борьбы православного славянского населения против турецкого владычества.

§2. Черногорско-турецкая война 1852-1853 гг. и позиция России и Австрии

В начале 50-х гг. XIX века вновь обострились черногорско-турецкие отношения. Поводом к этому послужила ситуация, сложившаяся в Боснии и Герцеговине к середине XIX в. Феодалы Боснии и Герцеговины и мусульманское население в целом выступали против реформ танзимата в Османской империи в 1839-1870 гг., направленных на частичную европеизацию турецкого общества, в том числе и на модернизацию армии. Крестьянство же, в основной массе православное, вело упорную антифеодалную борьбу. Турецкое правительство не желало больше мириться с противостоянием мятежной провинции центральной власти и предприняло решительные меры к ее усмирению.

Карательную экспедицию в Боснию и Герцеговину возглавил видный турецкий военачальник Омер-паша, по рождению австрийский серб или хорват Михаил Латас (Латош). Он служил офицером в австрийской армии, затем принял мусульманство и перешел на турецкую военную службу. Али-паша Ризванбегович активно настраивал мусульман Герцеговины против проводимых Портой реформ. Одновременно он стремился привлечь на свою сторону и христиан, которых утраивал тем, что с приходом в Герцеговину войск Омера-паши и для них «закукует черная кукушка; узнают они тогда, каково турецкое насилие; а то до сих пор они, ведь, были словно беги» – отмечал очевидец и участник этих событий, настоятель мостарской церкви архимандрит И. Памучина⁴⁴.

Визирь Герцеговины явно приукрашивал положение христиан в его владениях, жизнь и имущество которых зачастую зависели лишь от прихоти феодалов и их приближенных. Сам Али-паша был повинен во многих

кровавых бесчинствах, творившихся над христианами. Однако с приходом в Герцеговину Омера-паши усилились произвол и репрессии, которые по широте и размаху действительно превзошли те, что творились при Али-паше Ризванбеговиче⁴⁵.

В 1850-1851 гг. войска Омера-паши подавили сопротивление боснийско-герцеговинского беговата и расправились с главными представителями движения феодалов, среди которых был и Ризванбегович, убитый по тайному приказу Омера-паши. И несмотря на то, что его тело было погребено в Баня-Луке, сбылось, хотя и не в прямом смысле, высказанное как-то им пророчество, когда на вопрос, поедет ли визирь в Стамбул, Али-паша ответил, что туда если и поедет, то только его голова⁴⁶. Результатом карательной экспедиции было упразднение автономии Боснии и Герцеговины, и эта провинция была полностью поставлена под контроль султанской власти. Там с помощью военной силы удалось все же ввести реформы танзимата.

Надо сказать, что находившийся во время этих событий на лечении в Неаполе Петр II Негош с крайним огорчением воспринял известие о гибели Ризванбеговича. Он еще накануне планировал оказать всестороннюю помощь герцеговинскому визирю со стороны черногорцев, рассчитывая привлечь к этому и сербов⁴⁷. И дело здесь заключалось не в какой-то особой симпатии Негоша к своему побратиму Ризванбеговичу, а в политическом расчете. Заключение упомянутых ранее мирных договоров с Герцеговиной позволило в 40-х годах относительно стабилизировать черногорско-герцеговинские отношения. Появление же вблизи черногорских границ турецких войск грозило нарушить это зыбкое равновесие, ставило Черногорию в трудное положение, поскольку возникала угроза прямой военной агрессии со стороны Турции.

Об этих опасениях черногорского владыки известил В.П. Титова российский посол в Вене П.К. Мейендорф. Удивленный, но вместе с тем и обеспокоенный возможностью такого варианта развития событий, российский посланник в Константинополе В.П. Титов в январе 1851 г. прозондировал мнение об этом министра иностранных дел Порты Мехмеда-Али-паши, подчеркивая, что Россия в этом случае не останется сторонней наблюдательницей. Тогда турецкий министр категорически отверг наличие у его правительства каких-либо враждебных намерений против Черногории⁴⁸.

С приходом к власти князя Даниила Черногория переходит к новой форме борьбы с турецкой агрессией – освободительным войнам. В этой ситуации поддержка со стороны России многое значила, тем более что черногорско-турецкие отношения в 1852 г. обострились и подошли к критической фазе, за которой последовала война. События развивались постепенно. Еще в июне 1852 г. ставший к этому времени великим визирем Мехмед-Али-паша, обеспокоенный непроверенными известиями из австрийской прессы о вторжении черногорцев в герцеговинские пределы и обращая на это внимание российского поверенного в делах А.П. Озерова, подчеркивал, что Порта не намерена вновь поднимать вопрос о своих сюзеренных правах в отношении Черногории⁴⁹. В то же время в беседе с драгоманом российского посольства К.М. Аргиропуло Мехмед-Али-паша отмечал, что на всех географических картах Черногория отмечена как составная часть Османской империи, со своей внутренней администрацией, подчиненной

турецкому правительству. Однако, замечал он далее, с некоторого времени Черногория стремится к полной независимости от Порты, и этот процесс еще более усилился после смерти Петра II Негоша⁵⁰. Новый министр иностранных дел Фуад-эфенди при встречах с Аргиropуло также отстаивал суверенные права Турции на Черногорию, упрекая русское правительство во вмешательстве во внутренние дела Турции, высказывал готовность отправить в Черногорию турецкие войска и в случае необходимости апеллировать к европейским державам, отстаивая перед ними принадлежность Черногории к Османской империи⁵¹. Однако ни упреки, ни политический нажим не могли заставить российских дипломатов отклониться от курса поддержки Черногории. Более того, А.П. Озеров вручил Фуаду-эфенди специальную инструкцию МИДа от 2 (14) сентября 1852 г., где подчеркивалось, что от характера черногорско-турецких отношений зависит судьба согласия между Россией и Турцией. Кроме того, Порте недвусмысленно давалось понять, что в случае необходимости Россия готова оказать вооруженную поддержку своим единоверцам, в течение века находящимся под «моральной протекцией» России⁵². Таким образом, взаимоотношения двух великих империй ставились в определенную зависимость от состояния турецко-черногорских дел. Безусловно, черногорский вопрос был далеко не главным в русско-турецких отношениях, обострившихся в начале 50-х гг. из-за куда более важного – Восточного, который вновь выходил на международную арену, Черногория же была лишь небольшая часть его.

Внешнеполитическая программа Данилы предусматривала расширение границ княжества за счет присоединения пограничных территорий Северной Албании и Герцеговины. Приступая к ее реализации в ноябре 1852 г., черногорцы овладели крепостью Жабляк Црноевича. Наряду с Подгорицей и Спужем эта крепость была важным военно-стратегическим пунктом, прикрывавшим подход к Зетской долине, и черногорцы, не смирявшиеся с отторжением их исконных земель, ранее неоднократно пытались завладеть ею.

Как только в Шкодру пришла весть о падении Жабляка, шкодринский визирь Осман-паша провел срочную мобилизацию вооруженных сил, и вскоре его 6-тысячное войско готово было к походу на Жабляк. Осман-паша рассчитывал, что ему легко удастся вернуть крепость. Однако его надеждам не суждено было сбыться, черногорцы отбили штурм. Причем артиллерийский огонь из пушек по наступавшим вели пленные албанцы, которых черногорцы, не умеющие обращаться с артиллерией, принудили это сделать⁵³. Обескураженный неудачей Осман-паша издал приказ о мобилизации всего населения Северной Албании, способного носить оружие, но и черногорцы приняли ответные меры. Со всех нахий к Жабляку подтягивались их вооруженные отряды. К середине декабря 1852 г. там насчитывалось около 9 тысяч черногорцев. Затем князь Данило, осознав, что под Жабляком идут бои не только за опорный военный пункт, но и за моральный престиж Черногории, объявил всеобщую мобилизацию, вплоть до 70-летних стариков⁵⁴.

В ноябре-декабре 1852 г. в районе Жабляка Црноевича с переменным успехом шли кровопролитные бои. Одновременно двухтысячный отряд черногорцев предпринял военно-экспедиционный поход к Подгорице,

который, однако, закончился неудачей из-за отсутствия у черногорцев артиллерии и кавалерии, что сказалось при ведении боевых действий на равнинной территории⁵⁵.

События под Жабляком создали напряженность и в приморских владениях Турции, в частности в Антивари (Баре). Опасаясь проникновения туда черногорских войск и не надеясь, что шкодринский визирь способен в одиночку справиться с черногорцами, Порты направила в этот район несколько кораблей с целью блокады Адриатического побережья вплоть до австрийской границы. В черногорско-турецкий конфликт втягивались и другие балканские славяне. Так, действовавший недалеко от Боки Которской отряд черногорцев пополнили хорваты, движимые братскими чувствами к черногорцам, атакуемым со всех сторон⁵⁶.

В свою очередь австрийские власти Которской области и южной Далмации не ожидали, что занятие Жабляка повлечет за собой столь крупномасштабные боевые действия вблизи их границ, где с обеих сторон было задействовано свыше 15 тысяч человек. Да и сам князь Данила был застигнут врасплох таким стремительным развитием событий. Он также не ожидал, что локальный конфликт приведет к прямой войне, и, чтобы снять с себя ответственность, спешил оправдаться перед И.М. Гагичем, объясняя захват Жабляка ответной местью черногорцев на попытку шкодринского визиря Османа-паши взбунтовать Риецкую нахию и привлечь ее на свою сторону денежными посулами⁵⁷, пытаясь тем самым скрыть от консула истинную причину начавшихся боевых действий.

В декабре 1852 г. бои шли в горах вблизи Скадарского озера. Черногорцам удалось захватить горные перевалы, и они не позволили противнику приблизиться к Жабляку и деблокировать его. После двухдневного сражения 12 (24) и 13 (25) декабря, закончившегося победой черногорцев, было заключено перемирие в ожидании решения Порты в связи со сложившейся ситуацией. Однако вследствие вмешательства западных держав и следуя российским рекомендациям, направленным на прекращение кровопролития, черногорцы в тот же день, 13 декабря, оставили Жабляк «как собственность султана». При оставлении крепости большая часть укреплений была разрушена, а в качестве трофеев были взяты артиллерийские орудия⁵⁸.

В 50-х гг. XIX века напряженная ситуация сложилась в соседней Герцеговине, где в южных и юго-восточных областях нарастало и крепло массовое антиосманское движение. Славянское православное население Герцеговины (в Герцеговине в середине XIX в. было около 200 тысяч жителей, из них только 50 тысяч были мусульмане, остальные – христиане) подвергалось жесточайшим преследованиям со стороны турецких властей. В 1850 г. настоятель русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский сообщал об этом следующее: «Народ убивают как животных, среди белого дня, без суда»⁵⁹.

И Герцеговина восстала. Центром освободительного движения стала область Зубцы, где борьбу возглавил «капетан» Лука Вукалович. Освободительное движение вовлекло в свои ряды не только крестьян, но и мелких предпринимателей, ремесленников, часть интеллигенции и духовенства. В начале 50-х гг. на территории, охваченной восстанием, были ликвидированы органы турецкой власти и организовано местное самоуправление.

Уже сам факт существования рядом с Герцеговиной фактически независимого черногорского государства активизировал освободительную борьбу герцеговинцев. Как отмечал впоследствии новый российский консул в Дубровнике К.Д. Петкович, герцеговинцы никогда бы не решились выступить против турок «и держаться против них так упорно, если бы не имели всегда у черногорцев верного убежища» и не надеялись на получение от них помощи⁶⁰.

Черногорцы тайно снабжали повстанцев Герцеговины оружием и боеприпасами. Черногорские четы проникали на территорию Герцеговины и оказывали им помощь, а ее территория служила надежным убежищем для беженцев из Герцеговины. По мере концентрации войск Омера-паши вблизи границ Черногории среди герцеговинских племен, где существовали антиосманские настроения, все чаще стали появляться эмиссары черногорского князя, призывавшие население к борьбе с турками. Тогда же (с ноября 1852 г.) по Герцеговине широко распространилась молва, что за князем Данилой стоит могучая Россия, которая не оставит его в беде⁶¹, а когда Омер-паша начнет боевые действия против Черногории, в его тылу начнут борьбу четы Л. Вукаловича⁶².

Русское посольство в Константинополе предпринимало энергичные меры с целью стабилизации турецко-черногорских отношений. Однако эти надежды перечеркнул султанский фирман от 14 (26) декабря 1852 г., то есть на следующий день после того, как черногорцы покинули Жабляк Црноевича. В нем содержался призыв к «священной войне» против Черногории⁶³. На следующий день турецкое правительство объявило о блокаде Черногории и направило европейским дипломатам, аккредитованным в Константинополе, меморандум. В нем указывалось, что Черногория является частью Османской империи, и Порты угрожала усмирить мятежных черногорцев силой оружия⁶⁴.

Омер-паша действовал энергично, он срочно перебазировал свою верховную ставку в Шкодру (позже она была перенесена ближе к местам боевых событий, в Подгорицу). Различные источники содержат противоречивые сведения о численности турецкой армии к моменту ее вторжения в Черногорию. Князь Данило сообщал И.М. Гагичу, что Черногория подверглась нападению 60-тысячной турецкой армии, из которой 40000 нанесли удар по Црмницкой нахии, Грахово, Брде и Мораче⁶⁵. А.П. Озеров определял численность турецкой армии вторжения в 50000 солдат и офицеров⁶⁶. Вероятно, наиболее точные сведения о составе и численности войск Омера-паши (33400 человек) приводятся Е.П. Ковалевским, который их получил от самого главнокомандующего турецких войск. Основной ударной силой турецкой армии было 22 батальона низама (регулярные части). Кроме того войска Омера-паши включали 2 эскадрона кавалерии и 10000 башибузуков (нерегулярное войско, в основном состоящее из албанцев) при 28 артиллерийских орудиях⁶⁷. Также готовилась к отплытию турецкая эскадра для блокады побережья Адриатики.

Турецкие вооруженные силы были поделены на 4 корпуса. Главный корпус состоял из 17400 человек. Он находился под командованием Омера-паши и шкодринского визиря Османа-паши и должен был продвигаться от Спужа к Мартиничам и Острогу. Это был основной удар. Второй – воз-

главляемый Селим-бегом и Мустафой-пашой (7000 человек) выступал от Антивари (Бара) на Црмницкую нахию. Третий – во главе с Исмаилом-пашой (5000 человек), имел задание пробиваться от Никшича к Острогу, где должен был соединиться с корпусом Омера-паши. Четвертый – возглавляемый дивизионным генералом Дервишем-пашой (4000 человек) напал на Грахово и, в случае удачи, должен был двигаться в центр Черногории⁶⁸. Таким образом турецкие силы насчитывали 33400 человек.

Военные действия начались 29 декабря 1852 г. (8 января 1853 г.) одновременным нападением на Црмницкую нахию, Грахово, Брду и Морачу. Турецкое вторжение не было неожиданным для черногорцев. Однако они ожидали, что местом нападения традиционно будет выбрана Лешанская нахия (Старая Черногория), куда и был отправлен как заслон отряд черногорцев. Но к одновременным ударам в нескольких направлениях они были не подготовлены, и, как отмечал Е.П. Ковалевский, «черногорцы невольно оторопели и не знали, куда кинуться для защиты своей страны»⁶⁹.

Безусловно, нельзя упрекнуть черногорцев в отсутствии личной храбрости, в их беззаветной любви к родине и свободе. Князь Данило был предельно искренен, когда заявлял: «Жизнь мою охотно жертвую за милое мое отечество, православие и свободу. Лучше храбро умереть, чем покориться неприятелю»⁷⁰. Однако отсутствие регулярной армии, необходимость одновременно вести боевые действия на различных участках широкого фронта, проявленная известная беспечность перед сильным противником – все это поначалу поставило черногорцев в сложное положение. Кроме того и в этот раз сказалась извечная беда черногорцев – слабая обеспеченность боеприпасами. Об этом обстоятельстве князь Данило информировал российский МИД в первые же дни войны⁷¹.

Мобилизация во всенародное ополчение, куда входило все мужское население, способное носить оружие, дала Черногории около 10000 бойцов. Главные воинские ресурсы черпались из 4 нахий Старой Черногории. Еще примерно столько же воинов могла выставить Брда (Белопавличи, Пипери, Куча, Ровци, Морача)⁷². В итоге Черногория могла выставить около 20000 воинов.

Одни из первых встретили турецкий натиск жители Грахово, оборону которого возглавил 70-летний воевода Яков Дакович. Несмотря на отчаянное сопротивление Грахово пало. Падение Грахова нашло отклик по всей Герцеговине. В Мостаре это известие было расценено как полный триумф турецкого оружия. Воевода Я. Дакович попал в плен. По одним сведениям, его отравили⁷³, по другим – с него содрали кожу и потом еще живым закопали в землю⁷⁴. Девять дней продолжались бои за монастырь Острог, важный не только как религиозный, но и опорный пункт Черногории. Черногорцы отбили два штурма, при этом, как писал Е.П. Ковалевский: «Резня была страшная; дрались в монастырском дворе; на самой паперти церкви лилась кровь»⁷⁵. Узнав, что турки рвутся к центру Черногории – Цетинье, защитники покинули Острог, взяв мощи св. Василия Острожского, наиболее ценную церковную утварь, и соединились с основными силами черногорцев⁷⁶.

Тем временем обстановка становилась все более напряженной. В течение трехнедельных боев турки покорили почти всю Брду. И.М. Гагич, ссылаясь на информацию, полученную от адъютанта черногорского князя Беладиновича, сообщал, что «... все бердяне сдались туркам, кроме

племени Бошковичей, равно и Пипери, обманутые Осман-пашой и его деньгами, сдались ему»⁷⁷.

Начав боевые действия, Омер-паша рассчитывал не только на свои войска, но и стремился внести раскол в ряды черногорцев и брдян. В рассылаемом им по пограничным черногорским и брдским племенам «Манифесте» от 9 (21) января 1853 г. он пытался устрашить черногорцев и брдян мощью своей армии, призывал сложить оружие и покориться. Взамен Омер-паша обещал свободу вероисповедания, прекращение насилия и притеснений, право свободы торговли по всей Османской империи, в других государствах и т.п.⁷⁸ В воззвании к племени Белопавличей от 20 (31) января 1853 г., не гнушаясь прямой дезинформацией, он писал: «Вас обманывают иные, утверждая, что вы получите помощь от других царских стран; все это ложь, потому что все почитаемые цари нашему почитаемому царю отвечают, что он может подчинить себе Черногорию как хочет и как на то имеет право»⁷⁹.

Турецкая пропаганда, как мы видели, имела определенный успех. Однако и на оккупированных турецкими войсками территориях не все покорились воле и призывам Омера-паши. Так, 20 брдян и 12 белопавличей, «бывших привязанными черногорцам», были арестованы и отправлены в кандалах в Стамбул⁸⁰. Несмотря на увещевания, осталось верным черногорскому князю племя Белопавличей, а жители Риечской нахии в ответ на прокламацию Омера-паши ответили следующее: «... мы есть царские, мы имеем нашего царя великого императора Николая Павловича и его управителя Данила Петровича»⁸¹.

Черногорцы оказывали мужественное сопротивление превосходящим силам противника. Ожесточенные бои произошли в селе Мартиничи, где 6-тысячному войску Омера-паши противостояло 500 черногорцев. Натолкнувшись на упорное сопротивление, турки были вынуждены отступить, и только подошедшие им на помощь войска Османа-паши сумели спасти положение. После трехкратной атаки турецкие войска овладели Мартиничами, жители которого подожгли свои дома и, кто успел, спаслись в глубине страны⁸².

Несмотря на проявленное черногорцами мужество, на первых порах сказывалось турецкое превосходство в силах. Войска Омера-паши за две недели сумели захватить северо-западную часть Черногории, возникла реальная угроза для Цетинье.

В правящих кругах России, в российском МИДе были явно озабочены таким развитием событий. После того как в Петербурге стало известно о начале боевых действий турок против Черногории, Николай I отдал распоряжение посольству в Константинополе строго предупредить турецкое правительство. В ответ на требование А.П. Озерова остановить наступление Фуад-эфенди заявил, что отдал приказ о прекращении боевых действий⁸³. Однако эти уверения оказались ложными, наступление продолжалось, и положение Черногории становилось критическим. В начале января 1853 г. исполнявший тогда обязанности посла в Вене Ф.П. Фонтон, основываясь на информации, полученной им от черногорского князя, считал положение Черногории катастрофическим. Он полагал, что черногорцам грозит истребление, и, для того чтобы предотвратить превращение этой маленькой страны в руины, Фонтон высказался за совместный демарш России и Австрии в защиту Черногории⁸⁴. Кроме того, им была подготовлена специ-

альная записка для венского двора. В ней российский дипломат, приводя убедительные доводы (наличие собственной, независимой от Порты государственной власти на всех уровнях, отсутствие турецкой администрации и мусульманской религии в пределах Черногории и пр.), отстаивал идею фактического суверенитета Черногории⁸⁵. Предпринимая эти шаги, Фонтон лишь предвосхитил желание русского двора, поскольку 3 (15) января 1853 г. К.В. Нессельроде предписал ему приложить все усилия для привлечения Австрии к совместному выступлению в защиту Черногории⁸⁶.

В Вене внимательно следили за развитием черногорско-турецкого конфликта, опасаясь его распространения на славянские владения Австрии. К этому были основания, поскольку Омер-паша заявлял, что после подчинения Черногории он намерен взяться за Далмацию, так как ее общины якобы присвоили турецкие земли⁸⁷. Естественно, что в такой ситуации австрийское правительство не желало допускать покорения Турцией Черногории. Осложнял австро-турецкие отношения и разгоревшийся в это время спор за право владения адриатическими портами Клек и Суторина, а особые виды, которые уже тогда Австрия имела на Боснию и Герцеговину, также не способствовали хорошим отношениям между Веной и Стамбулом.

В противоположность этому русско-австрийские отношения после подавления венгерской революции 1848-1849 гг. улучшились. Поэтому российская дипломатия, зная о проблемах, возникших в австро-турецких отношениях, имела все основания рассчитывать на поддержку венского двора в черногорском вопросе. Действительно, венский кабинет, идя навстречу пожеланиям Ф.П. Фонтана, отдал распоряжение губернатору Далмации Л. Мамуле, чтобы он потребовал от Омера-паши прекращения наступления на Черногорию, а вскоре Франц-Иосиф I согласился совместно с Россией выступить в поддержку Черногории⁸⁸. Если ранее, в конце 1852 г., препятствием к достижению договоренности между Россией и Австрией по черногорскому вопросу служило различное толкование международного статуса Черногории и австрийское правительство считало Черногорию турецкой провинцией⁸⁹, то теперь ситуация менялась. Ознакомившись с запиской Ф.П. Фонтана, австрийский император высказался за признание независимости Черногории и отдал приказ о снабжении ее оружием, заодно придвинув австрийские войска к черногорским границам. Одновременно Л. Мамула обратился к Омелу-паше с требованием изгнать из турецких войск служивших там поляков и венгров⁹⁰. Узнав об этом, но также уведомленный, что турки по-прежнему с успехом ведут наступление, Ф.П. Фонтон вновь обратился к австрийским властям, предлагая направить Омелу-паше коллективную ноту, подписанную с австрийской стороны Л. Мамулой, а с российской – И.М. Гагичем, где бы выражался протест против продолжающейся турецкой агрессии⁹¹.

Министр иностранных дел Австрии К.Ф. Буоль считал, что наиболее эффективным средством для предотвращения захвата Цетинье является ввод туда австрийских войск по просьбе правительства Черногории. Однако сознавая, что вместо возможной турецкой оккупации политического и административного центра Черногории может наступить реальная австрийская, русский дипломат вновь склонял Буоля к мысли о совместной ноте И.М. Гагича и Л. Мамулы Омелу-паше с требованием о приостановлении

военных действий вплоть до особого распоряжения Порты⁹². До ноты дело не дошло, но и венский двор, понимая, что Россия в данный момент не согласится на ввод австрийских войск в Черногорию, отступил.

В конце января 1853 г. турецкое наступление выдохлось. Османские войска занимали позиции в районе Антивари (Бара), Грахова, Никшича. Омер-паша с большей частью своей армии удерживал позиции в районе села Мартиничи в Зетской долине⁹³. Ф.П. Фонтон стал более оптимистично оценивать военное положение Черногории. В депеше к К.В. Нессельроде он отмечал сомнительность успеха турецких войск. Несмотря на сожженные деревни и монастыри, на захват нескольких нахий, Омер-паша не сделал ни одного шага для продвижения в горы и ущелья, а ведь именно в горах черногорцы наиболее умело вели боевые действия. Фонтон видел свою задачу в активизации Вены в отношении содействия Черногории⁹⁴.

Успешное противостояние черногорцев турецкому натиску объясняется не только мужеством и боевыми навыками черногорцев, но и безвозмездной австрийской помощью оружием и боеприпасами. Эта помощь была оказана в результате визита в Вену в начале января 1853 г. вице-президента черногорского Сената Георгия Савова Петровича⁹⁵. Получение столь необходимого для черногорцев оружия и боеприпасов во многом было обусловлено эффективными действиями Фонтонна. Понимая, что без поддержки Фонтонна Черногория вряд ли могла рассчитывать на помощь Австрии, Георгий Петрович высоко оценивал его заслуги⁹⁶.

Несмотря на все старания А.П. Озерова и австрийского поверенного в делах при Порте Клецла решить с турецким правительством черногорский вопрос, положительный результат так и не был достигнут. Посредничество России было отклонено Стамбулом на том основании, что султан сам может отстоять свои права. Австрия помимо всего прочего опасалась, что продолжительные военные действия могут вызвать волнения христиан в соседних славянских областях и в первую очередь в Герцеговине и Боснии, накалить обстановку среди славян Австрийской монархии. Поэтому в Вене в начале 1853 г. было решено направить для переговоров с султаном чрезвычайную миссию графа Х.Ф. Лейнингена⁹⁷.

По прибытии в турецкую столицу в конце января 1853 г. Лейнинген представил А.П. Озерову полную информацию о целях своей миссии. Между ним и российским поверенным в делах установилось полное взаимопонимание. Х.Ф. Лейнинген после неудачных переговоров с султаном Абдул-Меджидом вручил турецкому правительству ультиматум, состоящий из восьми пунктов⁹⁸.

Первый пункт ультиматума предусматривал немедленное очищение Черногории от турецких войск и восстановление статус-кво. Другие требования в основном касались собственно австро-турецких отношений. Они сводились к желанию Австрии удалить от ее границ политических эмигрантов (имелись в виду участники революционных событий 1848-1849 гг.), закрепить за Австрией адриатические порты Клек и Суторина, учредить свои консульства в Боснии, Герцеговине, Сербии, Румелии и т.д. Стремясь договориться с Турцией по всему комплексу вопросов, Лейнинген заявил турецкому правительству, что Австрия оставляет в стороне определение международно-правового положения Черногории.

Порта поначалу отклонила австрийский ультиматум. Более того, войска Омера-паши должны были пополниться 40-тысячным иррегулярным войском. Однако после того, как в вопросе о Черногории русское правительство полностью поддержало Австрию и присоединилось к ее требованиям, Порта стала более сговорчивой. Для нее ситуация усугубилась и изменением позиций Великобритании и Франции. Если в начале черногорско-турецкой войны французский посол в Константинополе Лаваллет и британский поверенный в делах полковник Роуз плели интриги против России и Австрии, то по мере развития событий взгляды французской и британской дипломатии переменились. В правящих кругах Англии и Франции возникли опасения, что согласованность позиций России и Австрии в вопросе о Черногории послужит их дальнейшему сближению. К.Ф. Буоль информировал Ф.П. Фонтону, что лондонский и парижский кабинеты считают необходимым прекращение военных действий между Турцией и Черногорией и восстановление статус-кво. Это известие австрийский канцлер и российский дипломат через полковника Е.П. Ковалевского поспешили сообщить Омере-паше, чтобы у турецкого правительства исчезли все надежды на поддержку Франции и Англии⁹⁹. Соответствующий демарш сент-джеймского кабинета был направлен в адрес Порты. Об этом лидер вигов новый министр иностранных дел лорд Дж. Рассел известил английского посланника в Вене Д.Ф. Уэстморленда, а он в свою очередь уведомил Фонтону¹⁰⁰.

Турецкое правительство под давлением сложившихся обстоятельств вынуждено было удовлетворить ультиматум Австрии. Не принят был лишь 3-й пункт, касавшийся расследования актов фанатизма, совершенных мусульманами против христиан Герцеговины и Боснии¹⁰¹. Султаном Абдулом-Меджидом I было отдано распоряжение о прекращении военных действий против Черногории и немедленном выводе оттуда турецких войск. Ф.П. Фонтон, поначалу скептически оценивавший визит Лейнингена в Стамбул, поспешил сообщить Е.П. Ковалевскому об успехе его миссии, обращая внимание Ковалевского на необходимость прекращения боевых действий со стороны черногорцев против эвакуируемых турецких военных сил¹⁰². Однако потребовалось еще полтора месяца, чтобы конфликт был улажен окончательно. Возникшие при этом проблемы пришлось решать Е.П. Ковалевскому, австрийским представителям майору Калику и капитану Йовановичу непосредственно в ставке Омера-паши¹⁰³. Когда Османская империя начинала боевые действия против черногорцев, турецкое правительство заявляло, что Черногория является турецким владением и никакая другая сторона не может вмешиваться в сугубо внутренние дела империи. Теперь же, принимая посредничество российских и австрийских эмиссаров, Порта тем самым фактически признавала покровительство России и Австрии по отношению к Черногории.

Е.П. Ковалевский был откомандирован в Черногорию еще в то время, когда над Черногорией нависала реальная угроза оккупации турецкими войсками. В конце января 1853 г. Е.П. Ковалевский был уже в Вене, где после переговоров и консультаций с Буолем и Францем-Иосифом I о мерах, направленных на приостановку наступления войск Омера-паши, вместе с австрийскими представителями отбыл в Черногорию в район боевых действий.

Е.П. Ковалевский застал армию Омера-паши в довольно плачевном состоянии. Основная ее часть была расквартирована в низинах и из-за мягкого климата оказалась по колена в воде¹⁰⁴. Из-за распутицы, болезней и отсутствия самого необходимого армия Омера-паши практически была не в состоянии продолжать наступление, сообщал также Фонтон, ссылаясь на данные, полученные от австрийских офицеров. К тому же черногорцы нанесли поражения туркам в районе Антивари (Бара)¹⁰⁵.

Переговоры русско-австрийской делегации и Омера-паши происходили в Подгорице. Мирное соглашение, предусматривающее обмен пленными и трофеями, а также соблюдение порядка в пограничных областях, было подписано 16 (28) февраля 1853 г. По мнению Е.П. Ковалевского, Омер-паша был доволен, что не оказался втянутым в длительный военный конфликт с черногорцами, ибо победа турок представлялась все более маловероятной¹⁰⁶. Такого же мнения придерживался русский посол в Вене П.К. Мейендорф¹⁰⁷.

Однако, несмотря на мирный договор, Омер-паша всячески оттягивал вывод войск из Черногории. Особенно медлил он с освобождением Грахова и плененных его жителей. Видя, что Омер-паша фактически игнорирует все достигнутые договоренности, правительство России все же согласилось на то, чтобы Австрия, в случае необходимости, ввела свои войска в Черногорию для совместной обороны. Если бы в результате этих действий последовала война с Турцией, то Россия готова была поддержать Черногорию и Австрию, и на этот случай были приведены в готовность армейские части и Черноморский флот¹⁰⁸. Одновременно в Стамбуле на турецкое правительство был оказан нажим со стороны русского и австрийского посольств и прибывшего туда с чрезвычайной миссией князя А.С. Меншикова, который заявил, что в случае войны Османской империи с Австрией Россия выступит на стороне последней. В результате его демарша были перестановки в турецком правительстве, на смену Фуаду-эфенди пришел новый министр иностранных дел – Рифаат-паша¹⁰⁹. Порта также пообещала прибегнуть к репрессивным мерам против Омера-паши, если он и далее не будет выводить войска из Черногории.

Своевременное вмешательство России и Австрии предотвратило угрозу оккупации Черногории. Однако пока ни русские, ни австрийские дипломаты не знали, как дальше сложатся взаимоотношения между Черногорией и Портой. Поэтому во время пребывания А.С. Меншикова в Константинополе им совместно с австрийским поверенным в делах Клецлом было решено не поднимать проблему урегулирования и восстановления отношений между Турцией и Черногорией, «дабы не предвосхитить решений русского и австрийского дворов по этому вопросу»¹¹⁰.

Страстный, убежденный и постоянный защитник интересов Черногории Е.П. Ковалевский во время этих переговоров настаивал на передаче Грахова Черногории. Он считал, что черногорцы имеют право на территорию Грахова, и ставил об этом вопрос перед русским посольством в Константинополе¹¹¹. Аналогичную позицию Е.П. Ковалевский занимал и в вопросе об островах Лесендро и Вранина, перспективой судьбы которых интересовался у него князь Данило¹¹², но и тогда не удалось присоединить эти острова к Черногории. Сохранялась прежняя неопределенность черногор-

ско-турецких границ и международно-правового статуса Черногории, поскольку принципы, на каких должны были строиться ее взаимоотношения с Портой, так и не были определены, что неизбежно должно было привести к новым военным конфликтам. Однако благодаря усилиям Е.П. Ковалевского и австрийского агента подполковника Зайчека войска Омера-паши были вынуждены очистить Грахово и освободить пленных¹¹³. Вскоре турецкие войска все же покинули пределы Черногории, и была снята блокада Адриатического побережья, а 10 (22 апреля) 1853 г. турецкое правительство официально, на международном уровне, заявило об окончании военной операции в Черногории¹¹⁴. Впрочем, турецкому правительству так и не удалось уничтожить влияние Черногории в Герцеговине, и Грахово после войны фактически вошло в состав черногорского княжества, а в 1854 г. граховскому воеводе Анто Даковичу был дан титул черногорского сенатора.

Продолжавшаяся два месяца черногорско-турецкая война 1852-1853 гг. опустошила некоторые районы Черногории и Брды (Белопавличи, Пипери, Црмницкую и Пешивачскую нахии). Особенно сильно пострадало Грахово. Число людских потерь в Черногории и Брде подсчитать весьма сложно. Одно ясно – эти потери определялись сотнями убитых и раненых. Турецкие потери определяются по-разному: от 4500 человек убитыми и 6000 ранеными до 3000 убитыми и ранеными¹¹⁵. Современный турецкий историк А. Темизер, опираясь на турецкие источники, приводит следующие цифры турецких потерь. Погибло 4500 человек, 4600 раненых и больных, 900 человек взято черногорцами в плен. Турецкие потери в основном были следствием холода и болезней, а не военных сражений¹¹⁶. Для черногорцев это была первая война, когда центральные органы власти и верховный главнокомандующий князь Данило довольно успешно координировали действия всех вооруженных сил Черногории, сумели в конечном итоге организовать оборону и не допустить врага до жизненно важных центров государства, в частности в Цетинье. Вместе с тем зимняя война 1852-1853 гг. была самым серьезным испытанием прочности Черногории за предшествующие столетия. С ней не могут сравниться ни боевые действия черногорцев против наполеоновских войск в начале XIX в., ни австро-черногорское противостояние в 1838 г., ни многочисленные конфликты с Северной Албанией и Герцеговиной. В этих военных баталиях враг не проникал все же настолько в глубь страны, не был настроен так решительно сокрушить Черногорию. Не приходится сомневаться в том, что Порта, исполнив свое намерение и снабдив армию Омера-паши крупными дополнительными резервами, сумела бы оккупировать Черногорию, хотя бы на какое-то время. Лишь своевременное вмешательство России и Австрии предотвратило эту угрозу. В целом война упрочила международное положение Черногории, повысила авторитет государственной власти, самого князя Данилы в Европе и особенно в славянских странах. Однако в Сербии, где в целом не испытывали симпатию к князю Даниле, правительство было обижено его высокомерным отказом от денег, предложенных князю в качестве патриотической помощи во время войны¹¹⁷.

За ратные подвиги в войне было награждено 210 черногорцев. Из них 117 серебряными и 54 золотыми медалями, 39 человек были награждены новоучрежденным орденом «За независимость Черногории»¹¹⁸. Глава чер-

ногорского государства особо отметил заслуги Е.П. Ковалевского. В письме к нему князь Данило от своего имени и всего черногорского народа изъяслял «чувство наивысшей благодарности и вечной признательности за все труды, которые Вы на пользу Черногории сделали во время войны»¹¹⁹. Его заслуги были также отмечены орденом «За независимость Черногории»¹²⁰.

Правительство Черногории и сам князь высоко оценивали роль России в ходе черногорско-турецкой войны. Эта мысль явственно присутствует в благодарственном послании князя русскому императору, где он выражал признательность за помощь и поддержку в войне с Турцией¹²¹. После окончания черногорско-турецкой войны 1852-1853 гг. на рубежах Черногории установился относительный мир, и такая ситуация сохранялась до герцеговинского восстания 1857-1858 гг., когда Черногория вновь вступит в военное противостояние с Османской империей.

§3. Внутриполитическая борьба в Черногории и реформаторская деятельность князя Данилы. Законник 1855 года

Провозглашение Данилы наследственным князем, признание и поддержка русским правительством нового черногорского правителя – все это усилило позиции Данилы в стране. Однако внутренняя оппозиция власти князя оставалась. Проявив себя еще во время борьбы Данилы за престол, эти силы не были намерены капитулировать перед князем, покорно следовать его курсу. Оппозиция была представлена двумя течениями, каждое из которых возглавлялось братьями покойного митрополита Петра II Негоша. Наиболее активной была группировка во главе с президентом Сената Перо Томовым Петровичем. Кроме Перо Томова ее лидерами являлись сердар и сенатор Мило Мартинович, сенатор Стефан Перович Цуца и некоторые другие заметные политические фигуры Черногории. Они имели немало сторонников, особенно в Белопавличах и Пиперах (Брда). Возглавляя более двадцати лет Сенат, Перо Томов имел и там своих единомышленников, недовольных новым правителем.

Другая ветвь оппозиции во главе с вице-президентом Сената Георгием Савовым Петровичем включала его ближайших родственников – братьев Машана и Вука, племянника Крсто, влиятельного священника Пунишу Павичевича и его шурина Тодора Кадича. Обе группировки противостояли не только князю, но и друг другу, что облегчало Даниле борьбу с ними.

При князе Даниле Сенат оставался центральным государственным учреждением, соединявшим в себе законодательную, административную и судебную власть. Хотя его государственно-правовой характер формально оставался неизменным, фактически Сенат все более приобретал черты бюрократического аппарата, служившего верховной власти князя и находившегося в прямой зависимости от его воли. Утвердившись на престоле, Данило приступил к чистке Сената и других органов власти, постоянно увеличивая в них число преданных ему людей. В государственном аппарате постепенно утверждались сторонники Данилы. К ним в первую очередь относились воеводы Петр Вуйович и Джуро Кусовац, сердар Йола Пилетич и др. К наиболее близким соратникам Данилы принадлежал и его брат Мирко Петрович¹²².

Глава Сената и его сторонники выступали против авторитарных методов управления князя Данилы, которому, как замечал секретарь Е.П. Ковалевского дипломат Н.Д. Ступин, все явственнее «хотелось быть беспрекословным деспотом»¹²³. Оппозиция рассчитывала урезонить князя, но реальная власть была на стороне Данилы, в руках которого сконцентрировались основные рычаги государственного управления и военные силы. Однако пока шла черногорско-турецкая война, ни князь, ни оппозиция не предпринимали каких-либо радикальных действий, направленных друг против друга. Конфликт вступил в решающую фазу своего развития в конце 1853 г.

Вероятно, непосредственным поводом критического обострения ситуации послужило то, что Перо Томов, М. Мартинович и С. Цуца уже совместно с Георгием Савовым выразили протест против авторитарных методов руководства Данилы и произвола князя над народом. Последний, как вице-президент Сената, обещал оппозиции, что поднятые вопросы станут предметом обсуждения на скупщине, но, зная крутой княжеский нрав и опасаясь мести, Перо Томов, М. Мартинович и С. Цуца в ночь с 17 на 18 ноября 1853 г. бежали в австрийские владения вместе с 26 своими родственниками¹²⁴. Практически сразу беглецы обратились в российское посольство в Вене с жалобой на то, что Данило управляет страной «подобно Неронам и Калигулам Римским». Они обвиняли князя в несправедливых гонениях и преследованиях, подготовке убийства Перо Томова и его сторонников в ночь с 17 на 18 ноября, чем и было вызвано их бегство. Они просили также прислать из России в Черногорию «двух знающих и искусных» людей, способных разобраться в сложной обстановке, грозящей кровопролитием¹²⁵.

В свою очередь Данило также обратился к П.К. Мейендорфу с письмом, где напоминал российскому послу предысторию своего возведения на княжеский престол и обвинял оппозицию в намерении: 1) Послать С. Цуцу в Сербию за денежным пособием с целью подкупа старейшин для восстания против князя Данилы; 2) Поручить сердарю М. Мартиновичу, подкупив стражу, завладеть оружейным арсеналом; 3) Вместе с подкупленными бунтовщиками окружить резиденцию князя и заставить его отречься от власти; 4) Княжеский престол должен был перейти к Перо Томову Петровичу, а Данило и 5 сенаторов из числа его сторонников должны быть изгнаны из страны. Одновременно должен был последовать отказ от покровительства России и замена его покровительством Франции; 5) Выдвижение против князя Данилы надуманных обвинений с целью оправдания своих поступков. По словам князя, он был оповещен о заговоре одним из его участников, а заговорщики, узнав об этом, бежали через австрийскую границу¹²⁶.

В Котор от князя был направлен Мирко Петрович с предложением эмигрантам вернуться на родину и попытаться опровергнуть выдвинутые обвинения в государственной измене, однако оно было отвергнуто. Поэтому на состоявшемся в декабре 1853 г. заседании Сената было принято следующее постановление: 1) Изгнать из Черногории навсегда Перо Томова Петровича, М. Мартиновича и С. Цуцу как «предателей своего государя и отечества»; 2) Члены их семей и другие черногорцы, бежавшие с ними, имеют право на возвращение в отечество, но лишь до 1 января 1854 г.; 3) Все движимое и недвижимое имущество, принадлежащее Перо Томову Петровичу, М. Мартиновичу и С. Цуце, должно быть конфисковано, а деньги переданы

в государственную казну. Имущество других перебежчиков не подлежало конфискации, если они вернутся к указанному сроку, в обратном случае и оно конфисковалось и продавалось; 4) Если кто-либо из трех главных преступников вернется в Черногорию, то он мог быть сразу же убит. К смертной казни приговаривался также и любой черногорец, вступивший с ними в переговоры или давший им убежище¹²⁷.

Развитие событий в Черногории вызывало беспокойство не только у русской дипломатии, но и у австрийских властей. Губернатор Далмации Л. Мамула выражал опасения, что распри между Данилой и его дядей могут стать источником раздора и реальной опасности для Черногории¹²⁸. Однако в российских дипломатических кругах не слишком верили в искренность подобных сожалений¹²⁹. Вполне вероятно, что фигура Перо Томова на княжеском престоле была бы более приемлемой для Вены, нежели Данило, чья непредсказуемость во внешней политике могла составить угрозу австрийскому владычеству в Далмации. В отличие от своего неуправляемого племянника, Перо Петрович был более покладист, к тому же его торгово-предпринимательская деятельность была ориентирована на австрийские рынки, что при случае могло сыграть на руку австрийцам и в политике.

Обеспокоенность русской дипломатии нежелательным для нее развитием событий в Черногории заставила Е.П. Ковалевского ускорить свой отъезд в Черногорию, куда он был направлен с особой миссией. В условиях начавшейся Крымской войны то влияние, какое Е.П. Ковалевский имел на князя Данилу и в целом в Черногории, сказалось положительно на разрешении конфликта. Прибыв в Котор вместе с дипломатом Н.Д. Ступиным (он участвовал в поездке как секретарь Ковалевского), русский эмиссар энергично принялся за дело. В результате его действий князь отменил решение о конфискации имущества членов семей эмигрантов, приняв к сведению высказанное ему русским полковником замечание, что по европейским законам семейства виновных не отвечают за преступления своих отцов и братьев. Данило также дал согласие на возвращение в Черногорию родственников эмигрантов и разрешил вернуться на родину Перо Томову¹³⁰. Однако Перо Томов Петрович так и не вернулся в Черногорию, так как 16 (28) января 1854 г. умер в Которе в возрасте 65 лет. Его прах был перенесен на родину в селение Негуши.

Двое других политических оппонентов князя Данилы – М. Мартинович и С. Цуца – отказались вернуться в Черногорию и, находясь в эмиграции, продолжали вести политическую агитацию, в том числе и в прессе, против черногорского правителя. Обосновавшийся в Вене С. Цуца скоро оказался вовлеченным в круг австрийских интриг против Черногории и ее князя. Их суть, как полагал Е.П. Ковалевский, сводилась к тому, чтобы свергнуть с престола Данилу и на его место поставить угодного Австрии С. Цуцу¹³¹.

Подводя итоги этого внутривосточного конфликта, отметим, что у оппозиции практически не было шансов одержать верх над князем Данилой, заставить его умерить свой авторитарный пыл и изменить методы правления. Черногорский правитель вовсе не был мальчиком, случайно вырвавшимся на свободу из-под опеки своего дяди, как первоначально полагал Перо Томов¹³². Проявляя решительность и последовательность, зачастую жестокость, князь Данило сумел сосредоточить в своих руках основные нити

управления страной и народом. Ему удалось подчинить государственный аппарат и вооруженные силы, что практически не давало возможности проводить какую-либо активную оппозиционную княжескому режиму деятельность. Впрочем, занявший теперь пост президента Сената Георгий Савов Петрович (Мирко Петрович стал вице-президентом) по-прежнему находился в оппозиции к князю Даниле, хотя не проявлял ее слишком явно вплоть до начавшегося в 1856 г. уже русско-черногорского конфликта.

Наряду с оппозицией в высшем руководстве страны князю Даниле пришлось вести борьбу с сепаратизмом отдельных племен. Борьба центральной власти с проявлениями сепаратизма зачастую протекала в острой форме. Во время правления князя Данилы было четыре крупных выступления в сепаратистски настроенных пограничных областях, которые подавлялись силой оружия. Сепаратистские тенденции были обусловлены не только противодействием части старейшин, выступавших против ограничения их власти и привилегий, но и экономическими причинами. Пограничные территории Черногории зависели от торговых центров Османской империи – Подгорицы, Шкодры, Антивари (Бара) и др. Особенно это касалось крупнейшего брдского племени Кучи, чья нормальная экономическая жизнь напрямую зависела от турецких рынков.

Проводя политику централизации системы управления, князь Данило уделял значительное внимание введению подоходного налога, который должно было платить каждое семейство в зависимости от имущественного положения. Противниками введения подати, вероятно, в популистских целях, были тогда еще находившийся у власти Перо Томов, Георгий Савов и Мило Мартинович. Последний обращался к черногорцам со следующими словами: «Если мы туркам ничего не платим, почему мы должны платить Данилу Станкову, голодранцу с Негушей, который хочет нас обобрать и ограбить как будто он паша?»¹³³.

Первыми против намерения князя ввести подать восстало племя Пипери (декабрь 1852 г.). Здесь предводителем выступил Радован Мрчарица, открытый противник Данилы. Мятежники рассчитывали на помощь шкодринского визиря Османа-паши и заявили о признании его власти. Князь, не дожидаясь разрастания бунта, направил в Пипери военную экспедицию, которая быстро подавила мятеж. Р. Мрчарица и некоторые другие предводители мятежников сбежали в Шкодру, а 14 человек были расстреляны. Слабые волны этого возмущения прокатились и по другим племенам, но быстро были подавлены войсками¹³⁴.

Народные возмущения происходили не только из-за сепаратистских тенденций в той или иной нахии или сопротивления государственным реформам, но и из-за явного произвола княжеской власти. К таким выступлениям относится мятеж в Белопавличах (Брда) летом 1854 г. В июле этого года князь Данило со свитой посетил Острожский монастырь, где присутствовал на церковных торжествах. Его перьяники с попустительства князя совершали насилия и бесчинства над населением Белопавличей. В ответ жители взялись за оружие. Около 700 человек приняло участие в восстании, главную роль в котором играли некоторые старейшины из рода Бошковичей (Дж. Бошкович, Р. Бошкович и др.) и священник Пуниша Павичевич. Прибывший из Катунской нахии отряд разбил повстанцев. По рас-

поражению князя Данилы дома Бошковичей были сожжены, их имущество конфисковано, а сами Бошковици нашли прибежище в Шкодре. Непродуманная и жесткая политика князя привела к тому, что в этом стихийном бунте принимали участие и те старейшины, которые являлись сторонниками реформаторской деятельности князя, но не принимали его авторитарных методов правления¹³⁵. Находившийся тогда в Вене перед отъездом в Дунайскую армию Е.П. Ковалевский, узнав о подавлении восстания в Белопавличах, пытался увещевать князя и призывал «ради Бога щадить кровь православных и не прибегать к крутым мерам»¹³⁶.

Наибольший сепаратизм во время правления князя Данилы проявляло племя Кучи. Тесные торговые связи, поддерживаемые населением этого племени с турецкими владениями, способствовали определенной экономической обособленности этой территории черногорского княжества. Турецкие власти стремились поддерживать сепаратистские тенденции племени, оказывали ему материальную поддержку. Население племени Кучи не платило подати турецким властям и не хотело платить ее черногорским, как это с 1853 г. уже делали другие племена Черногории и Брды. Князь Данило решил «огнем и мечом» покончить с проявлениями сепаратизма, окончательно подчинить это племя своей власти. С этой целью были предприняты две карательные военные экспедиции (в июле 1855 г. и 1856 г.). В них приняло участие до 6 тысяч человек, цифра впечатляющая по черногорским масштабам. Достаточно вспомнить, что в черногорско-турецкой войне 1852-1853 гг. со стороны Черногории участвовало в боях 9 тысяч человек. Перед походом князь отдал приказ не щадить никого, даже грудных младенцев. Оба раза экспедиционные силы возглавлял Мирко Петрович, в жестокости мало уступавший Даниле. После первого похода в Кучи число убитых составило 80 человек. Среди них были старики и дети, виноватые и правые (среди жертв были Зеко Йованович, Радован Станков и другие старые турецкие кровники)¹³⁷. Второй поход по численности жертв превзошел первый. В нем было убито более 200 человек, среди которых оказалось только 17 способных носить оружие. Было сожжено 13 селений и ограблено около 800 домов, угнано множество голов скота¹³⁸. После этого кровавого побоища, учиненного в Кучах, все племена Черногории и Брды стали платить налог, а также повсеместно были учреждены судебные органы, судившие по Законнику князя Данилы, о котором речь пойдет ниже.

Ликвидация остатков сепаратизма привела к установлению князем Данилой режима жесткого государственного централизма. Достигнуто это было кровавыми и жестокими мерами, что возбуждало в народе страх и ненависть к князю Даниле и его окружению, особенно в тех местах, где прошли карательные акции, чрезмерная суровость которых не находит оправданий. Тем более если учесть, что еще при Петре II Негоше в значительной мере был ликвидирован сепаратизм и созданы прочные основы централизованного управления. Причем в этом плане перед ним стояли более сложные задачи, но, используя репрессивные методы, Петр II применял их далеко не с таким размахом и жестокостью, как его наследник. Князь Данило, прибегая к чрезмерному и бессмысленному террору, иногда направленному против его потенциальных сторонников, хотел тем самым устрасить всех черногорцев, подавить даже самую возможность возник-

новения какой-либо серьезной оппозиции его деспотическому режиму. Князь, будучи человеком чрезвычайно крутого нрава, был истинным реформатором и по-своему справедливым: он хотел, чтобы всем было одинаково плохо. И, надо признать, это ему удалось¹³⁹. Прозванный за свое миниатюрное телосложение в народе «Зеко» (зайчик, зайчишко), Данило чаще всего демонстрировал прямо-таки волчий нор, во всяком случае в отношении своих противников, действительных или мнимых.

Борьбой с внутривластной оппозицией и сепаратизмом не исчерпывались меры, направленные на укрепление авторитарного режима правления. В 50-х гг. были проведены преобразования вооруженных сил Черногории, системы административного управления, совершенствовались законодательство. В Черногории не было регулярной армии, основу вооруженных сил составляло народное ополчение, формировавшееся по братствам, племенам и нахиям. После войны с Турцией 1852-1853 гг. князь Данило провел по всем племенам перепись. Военные списки насчитали 9 тысяч 700 человек. Это войско князь называл «крестоносным войском» за жестяной крестик на головном уборе воина. Было утверждено и знамя, представлявшее собой красный крест на белом поле¹⁴⁰. Создание «крестоносного войска» сыграло важную роль в военном строительстве. Хотя оно формировалось по прежнему принципу народного ополчения, каждый черногорец брал на себя воинские обязанности не только в военное, но и мирное время. В 1856 г. черногорское правительство осуществило дальнейшие реформы в вооруженных силах. Войско было поделено на десятки, сотни и тысячи, также было учреждено элитное подразделение – гвардия в составе 1 тысячи человек. Военнообязанными считались мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, другие возрастные группы могли служить в войске, но исключительно на добровольных началах¹⁴¹. Такой облик вооруженные силы Черногории сохраняли до 1903 г., то есть до создания регулярной армии.

Система местного управления также была подвергнута реорганизации. Крупные территориальные единицы были поделены на более мелкие, упразднены и должности кнезов (сельских старост), поскольку князь должен был быть в Черногории один, и даже чисто фонетическое сходство слов не устраивало Данилу¹⁴². Функции кнезов перешли к «капетанам», которые на вверенной им территории, обладая административной, судебной и военной властью, полностью подчинялись Цетинье.

С утверждением княжеского абсолютизма значение и роль скупщины как органа народного представительства практически сошли на нет. Она стала представлять собой сравнительно узкий круг лиц – высших государственных функционеров. Созыв и роспуск скупщины происходил по распоряжению князя Данилы, который представлял на ее рассмотрение свои указы и постановления. Правда, это был чисто формальный акт, поскольку документы, выходящие из-под пера князя, беспрекословно утверждались скупщиной¹⁴³. Вместе с тем Данило не решился пойти на упразднение скупщины, поскольку это было бы явным покушением на вековые традиции черногорского общества.

Данило сознавал, что проводимые им государственные преобразования должны сопровождаться просвещением народа. С самого начала своего правления князь проявлял заинтересованность в развитии школьного

образования, однако учрежденные им несколько школ практически сразу прекратили свое существование из-за недостатка средств. Во время правления Данилы продолжала функционировать школа в Цетинье, открытая еще в 1834 г. митрополитом Петром II, где в свое время получил образование и сам князь. Цетинская школа на время прервала обучение в 1852 г., когда Омер-паша вторгся в Черногорию и все ученики ушли на войну, «в старую школу черногорскую», но уже в 1855 г. учебный процесс в ней возобновился, во многом благодаря стараниям княгини Даринки, ставшей в этом году женой князя. Надо сказать, что черногорские дети проходили обучение и вне пределов тогдашней Черногории. Так, в Подгорице с 1851 года под руководством и во многом за счет учителя-черногорца функционировала начальная школа, где в конце 50-х гг. богословию, чтению, правописанию, азам арифметики обучалось 65 мальчиков. До получения более глубоких знаний, и, в частности, по сербской истории, большинство школьников не доходило, так как их родители после того, как дети научились подписывать свое имя, забирали их из школы, чтобы не платить за обучение. Первоначально из-за противодействия турецких властей обучение проходило не в самой Подгорице, а в ветхой церкви, расположенной неподалеку. С открытием в 1857 г. русского консульства в Скутари (Шкодре) и благодаря деятельности консула А.Е. Сученкова школа стала легально функционировать уже в самой Подгорице. Однако проблемы, в основном финансовые, оставались, и педагог рассчитывал на получение помощи из России, чтобы содержать школу в должном порядке¹⁴⁴.

Новой власти требовалось новое законодательство. Изменение формы правления, отделение духовной власти от светской привело к тому, что Цетинская митрополия, веками бывшая центром политической жизни Черногории, перестала играть эту роль. Открывавшиеся перед черногорским обществом и государством новые перспективы нуждались в совершенствовании законодательно-правовой базы, ее систематизации и обновлении.

Вскоре после возвращения из России на двух скупщинах (август и сентябрь 1852 г.) князь Данило изложил свою программу предстоящих внутренних реформ, где среди прочего указал на необходимость принятия нового Законника¹⁴⁵. Начавшаяся вскоре война с Турцией, борьба с оппозицией и сепаратизмом отодвинули временно на второй план проблемы законодательства. Хотя и в этот сложный период выходили указы и постановления князя и Сената, касавшиеся внутренней жизни Черногории и которые позже в отредактированном виде вошли в Законник князя Данилы.

Систематическая работа над новым Законником началась в начале 1855 г., когда секретарем князя стал Милорад Медакович, являвшийся специалистом по истории, этнографии и праву Черногории. Активное участие в составлении Законника принял сам Данило, а также некоторые сенаторы. Кроме того, в ходе работы за советами и консультациями обратились к знатокам норм обычного права из числа сведущих в этих вопросах черногорцев. Окончательная редакция «Законника Данилы I, князя и повелителя свободной Черногории и Гор» (таково полное название Законника, именуемого еще в историко-правовой науке из-за многообразия содержания и Общим государственным законником) была подготовлена М. Медаковичем и утверждена Сенатом¹⁴⁶.

Законник был принят народной скупщиной в Цетинье 24 апреля (6 мая) 1855 г., на эту дату принятия нового законодательного кодекса ссылался князь Данило в письме к Е.П. Ковалевскому¹⁴⁷. Законник князя Данилы состоит из 95 статей, вводной и заключительной части¹⁴⁸. Он по сравнению с предшествующими кодексами («Законник митрополита Петра I» 1798-1803 гг. и «Законов Отечества» 1833 г.) был более объемным как по количеству статей, так и по нормам права. Он охватывал различные разделы права: конституционное, гражданское, уголовное, процессуальное, семейное и обязательственное. Основными источниками Законника князя Данилы стали Законник митрополита Петра I, 19 статей которого практически без изменения внесены в новый законодательный кодекс, а остальные 14 вошли в него с частичными коррективами. Первым из отечественных историков серьезную работу по сравнению законодательного кодекса митрополита Петра I Негоша и Законника князя Данилы проделал П.А. Ровинский, среди югославских историков в этом плане плодотворно работали Й.Р. Бойович, П. Стоянович, Б. Павичевич, В.Д. Йовичевич¹⁴⁹. Кроме того в новый Законник вошли некоторые статьи из «Законов Отечества» (ст.1, 7, 16), нормы обычного права и судебные постановления, существовавшие до принятия Законника князя Данилы¹⁵⁰. Говорить о каком-либо заметном влиянии иностранного законодательства на Законник князя Данилы вряд ли уместно. Вместе с тем в нем содержались нормы обычного права, некоторые из которых своими корнями уходили в византийское и средневековое сербское право¹⁵¹, что едва ли осознавалось самими законодателями. По Законнику князя Данилы предусматривалось телесное наказание палками за кражу (ст.80). Ст.11 «Законов Отечества», составленных И. Вукотичем, впервые в Черногории вводила, хотя и безрезультатно, палочное телесное наказание, чего ранее в стране не было. Вероятно, оно было заимствовано И. Вукотичем из российского законодательства, а затем перешло в Законник 1855 г. Следует заметить, что некоторые статьи Законника князя Данилы имеют аналог в русском законодательстве периода феодализма. Однако это не означает прямого заимствования, ибо схожие проблемы в различных государствах порождали типичные решения.

Законник был приспособлен к жизни Черногории середины XIX века, в нем учитывалась специфика развития общественных отношений, в своих законоположениях он соответствовал уровню правосознания черногорского общества того периода. П.А. Ровинский справедливо замечал о Законнике князя Данилы, что он «чужд каких бы то ни было юридических утопий»¹⁵². Это, например, выгодно отличало его от принятого в 1844 г. Гражданского законника княжества Сербии, составленного на основе австрийского кодекса законов 1811 г. и в значительной степени не учитывавшего национальную специфику, предшествовавшее сербское законодательство, за что вскоре после его принятия он был подвергнут аргументированной критике в Сербии¹⁵³. Черногорским законодателям удалось этого избежать, хотя Законник князя Данилы не был лишен недостатков и погрешностей.

Уже в его преамбуле присутствует неверное утверждение, что до сих пор Черногория не имела общественного Законника, а справедливость и судьба каждого черногорца и брдянина заключалась «только в устах правителя»¹⁵⁴. Такое утверждение не помешало законодателям, как уже отмеча-

лось, ввести в новый кодекс предшествовавшие своды законов. Вероятнее всего, как замечает Й.Р. Бойович, отрицая наличие письменного законодательства в предшествовавший период, составители хотели тем самым как можно больше подчеркнуть значение принятия Законника¹⁵⁵.

Ст.1 Законника провозглашала равенство всех жителей Черногории перед законом, а ст.2 гарантировала им «по унаследованной и до сего времени сохраненной свободе... ныне и впредь честь, имущество, жизнь и свободу». Эти принципы, декларирующие основное конституционно-правовое начало, сложились не под влиянием европейских революций 1848-1849 гг. и якобы последовавшим затем проникновением в черногорское законодательство некоторых норм буржуазного права, как полагает ряд исследователей¹⁵⁶. Не соглашаясь с подобными суждениями, имевшими место еще в прошлом веке, П.А. Ровинский, на наш взгляд, аргументированно утверждал, что начала, основанные на принципах равенства, присущи черногорцам с незапамятных времен и они постоянно старались их отстаивать в упорной борьбе¹⁵⁷. Собственно говоря, схожие принципы присутствовали и в Законнике 1798-1803 гг. Так, например, ст.23 также предусматривала равенство всех черногорцев перед законом и предполагала отрешение судьи от должности, если «он сторону неправую в суде начнет держать ради какой-либо дружбы или характера знатности»¹⁵⁸. Затем эта статья была объединена со ст.22, и в откорректированном виде перекочевала в Законник князя Данилы (ст.6), согласно которой судья должен был помнить присягу и судить «по правде малому и великому». К конституционному праву относятся и другие статьи, регулирующие положение суда и судей в системе государственной власти (ст.7 и 13). Согласно им судьи обязывались судить по справедливости, невзирая на общественное положение той или иной личности. Каждый житель Черногории, вне зависимости от его имущественного или социального статуса, обязан был понести одинаковое наказание за оскорбление судей (ст.14). Нарушитель закона присуждался к денежному штрафу, а в случае невозможности его уплаты – к тюремному заключению.

Наряду с декларируемым равенством Законником фактически закрепились жесткая, самодержавная система правления, при которой власть князя была по сути дела безграничной. Князь объявлялся законом лицом неприкосновенным, «как святыня для каждого черногорца и брдянина» (ст.3). За оскорбление «личности или достоинства» князя полагалась смертная казнь (ст.4). Заметим, что, например, российское законодательство в период становления абсолютизма также высоко ставило персону монарха. Для этого достаточно обратиться к Соборному Уложению 1649 г., которое узаконило смертную казнь за преступный умысел против царя¹⁵⁹. В соответствии с новым законодательством князь являлся высшей судебной инстанцией при решении наиболее важных дел. Именно ему принадлежало исключительное право окончательного утверждения смертных приговоров, и только он обладал «правом и властью» помилования осужденного на смерть преступника (ст.5).

Сопоставляя Законник Петра I и Законник князя Данилы, П.А. Ровинский справедливо замечал, что если первый провозглашался от имени старейшин и народа, то в 1855 г. это же делалось уже от имени князя. В способе же составления и провозглашения Законника виден автократический характер власти¹⁶⁰.

Как и Законник 1798-1803 гг., Законник 1855 г. содержал больше всего статей уголовно-правового характера. Законник Петра I был в основном сориентирован на борьбу с кровной мезтью, установление внутреннего порядка в стране. Кровная мезть не исчезла ко времени принятия Законника князя Данилы, но перестала быть, как ранее, массовым и повсеместным явлением благодаря энергичным мерам, предпринятым еще Петром II Негошем. Поэтому в новом своде законов ей отводилось меньше внимания (ст.28, 29, 30). По-прежнему кровная мезть в отношении безвинных родственников и близких каралась смертью, при этом пострадавшая сторона имела право расправиться с убийцей. Имущество скрывающихся преступников-кровников конфисковывалось государством.

Тягчайшим преступлением, впрочем, как и по Законнику Петра I, считалась измена Отечеству (ст.16, 17). Виновные в этом карались смертной казнью. Убийство изменника не несло за собой наказания. В данном случае определенной издержкой закона является то, что согласно ст.16 достаточно было показаний двух достоверных свидетелей для обвинения человека в измене и последующей затем казни. Из текста статьи неясно, кто и каким образом определяет «достоверность» и надежность самих свидетелей и их показаний, что в конечном итоге могло привести к расстрелу невинного человека. На смерть осуждался старейшина или воевода, который в случае нападения врага уклонялся сам от участия в борьбе и не призывал к вооруженному отпору жителей своего племени или нахии (ст.19). Рядовой черногорец, уклонявшийся от участия в борьбе против общего врага, лишался права навсегда носить оружие, и его подпоясывали женским передником, чтобы все знали, что «у него нет мужского сердца» (ст.18).

После статей, связанных с изменой Отечеству и кровной мезтью, одним из тягчайших уголовных преступлений являлось предумышленное убийство невинного человека. Такой преступник «не может ничем откупиться», и в случае его поимки он подлежал расстрелу (ст.27). Закон не предусматривал наказания за убийство в целях обороны (ст.38). Однако если подвергнутый нападению убьет обидчика через час или на другой день, то такое убийство относилось к разряду преднамеренных и каралось по закону смертью (ст.35).

Бедность и материальные лишения, испытываемые большинством черногорцев, заставляли их особо ценить имущество, в том числе и домовые постройки, которые к тому же зачастую служили укрытием в случае вражеского нападения. Поэтому одним из тягчайших уголовных преступлений считался злоумышленный поджог чужого дома. За это закон предусматривал возмещение убытков за счет преступника, который «сверх всего и головой расплачивался», то есть осуждался на смерть (ст.41).

Ст.31-37 Законника определяли меру наказания, связанную с ранениями и увечьями, как нанесенными умышленно, так и без специального умысла. В любом случае виновник обязан был оплатить лечение потерпевшего и выплатить денежный штраф, сумма которого начислялась в зависимости от степени его вины и колебалась в размере от 30 до 100 талеров.

Одним из самых тяжких уголовных преступлений являлось прелюбодеяние. Закон оставлял за мужем право убить на месте неверную жену и ее любовника. Если же жена успела скрыться от мужа, то ей «прибежища в

нашей стране нет» – гласил закон (ст.72). Отметим, что закон не предусматривал аналогичного наказания для мужа-прелюбодея. Вне зависимости от Законника, на практике суды санкционировали право обманутого мужа в том случае, если он не убил на месте неверную жену и любовника, нанести ей физическое увечье – отрезав нос. Этот варварский обычай, известный еще со времен средневекового Сербского государства, утвердился и в Черногории¹⁶¹. Таким образом, обязанность жены на верность в браке не распространялась на мужа. За предумышленное убийство мужа жена осуждалась на смерть (ст.73). Однако Законник не содержит аналогичной статьи для мужа-убийцы.

Тяжким уголовным преступлением являлось убийство внебрачного ребенка женщиной (если она «приблудное дитя задавит») – ст.74. За это также полагалась смертная казнь. Вместе с тем закон в материальном плане защищал интересы ребенка, рожденного вне брака. Отец такого ребенка был обязан выплатить единовременно 130 талеров («с чем дитя прокормить можно»), а по достижении совершеннолетия внебрачный ребенок получал отчество отца. В том случае, если отцом внебрачного ребенка являлся женатый мужчина, то он кроме выплаты денежного пособия обязан был 6 месяцев отсидеть в тюрьме (ст.71). Об усыновлении в Законнике князя Данилы ничего не сказано. Согласно народному обычаю, усыновляющие и усыновленные рассматривались как естественные родители и дети. Обычно усыновляли (или удочеряли) детей-сирот¹⁶².

Кражи имущества преследовались Законником князя Данилы строже, чем предшествующим законодательством. Это объясняется в первую очередь тем, что развитие товарно-денежных отношений, рост, хотя и слабый, экономики в целом по сравнению с предыдущим периодом порождали возрастающее имущественное неравенство. Согласно ст.78 Законника вор, пойманный на краже в третий раз, приговаривался к смертной казни. Как и в Законнике Петра I, не нес уголовного наказания человек, убивший грабителя на месте преступления. Более того, за это ему полагалась награда в 20 талеров. Однако закон предостерегал в этом случае, что если убитый окажется безвинным, то за него придется отвечать на суде как за обычное убийство (ст.79), то есть виновного ожидала смертная казнь.

Как уже отмечалось, введение палочного наказания, позорного для черногорцев, в определенной мере сдерживало воровство, но искоренить окончательно не могло. При этом наказании, как и при других его видах, наблюдался дифференцированный подход в его применении. Как известно, оружие многое значило в жизни черногорцев и особенно ими ценилось. Поэтому похититель оружия наказывался 100 палочными ударами, укравший коня, быка или пчелиный улей – 50, за мелкое воровство вино-вник приговаривался к 20 палочным ударам (ст.80).

Жена, обкрадывающая мужа, за 1 и 2 кражу подвергалась тюремному заключению. Третья кража со стороны жены приводила уже к телесному наказанию. В этом случае муж же получал право на развод и повторную женитьбу, повторный брак жене закон в этом случае запрещал (ст.77).

Законник князя Данилы в целом строже карал за уголовные преступления, нежели Законник Петра I, более широко трактовал круг уголовно наказуемых деяний и поступков. Однако случались и исключения. Так, напри-

мер, Законник Петра I запрещал под страхом смертной казни поединки между черногорцами (ст.21), Законником князя Данилы (ст.40) они были разрешены и были вновь запрещены только князем Николаем.

В большей степени, чем в предшествующем законодательстве, в Законнике князя Данилы представлено гражданское право. Это касается в первую очередь наследственного и семейного права. Как и по Законнику Петра I, продажа недвижимой собственности производилась на основании «прече купе» (преимущественной покупки), которая поначалу распространялась на родственников продающего, затем ближайших соседей и только потом на остальных жителей села или племени в случае отказа родственников и соседей от приобретения собственности (ст.45, 46). Государственная власть была заинтересована в сохранении крепкого платежеспособного семейного коллектива, что в большей степени служило гарантией сбора налогов. Поэтому власти стремились предотвратить дробление и без того маленьких земельных наделов в Черногории, пытались законодательным путем воспрепятствовать распаду больших семей. Преследуя эту цель, законодатель запрещал сыновьям выделяться при жизни родителей без их согласия (ст.47).

Возрастающая во второй половине XIX в. роль частнособственнических отношений, индивидуальной семьи требовала изменений в законодательстве, в том числе и в наследственном праве. Однако законодатель поступал непоследовательно и противоречиво в этом случае. Он склонен был идти здесь в русле норм обычного права. Так, в ст.49 законодатель определяет, что каждый человек является собственником своего имущества и он волен распоряжаться им при жизни или по завещанию помимо своих родственников. Таким образом, эта статья вступает в явное противоречие с уже упомянутой ст.47, которая предполагает раздел имущества исключительно с согласия родителей.

При наследовании имущества важная роль отводилась завещанию. Оно могло быть письменным и устным. Завещание не могло быть отменено, ибо согласно правовым воззрениям народа воля умершего священна. Непременность завещания подчеркивалась и законом (ст.49). По смерти отца, в том случае, если завещание отсутствовало, право наследования имущества переходило к сыновьям и вдове (ст.50, 52). Вдова пользовалась наследством пожизненно. В ее распоряжение поступала та часть имущества, которой владел ее муж при жизни, с тем, чтобы эту часть имущества сыновья могли поделить только после ее смерти. Малолетние сыновья не участвовали в делении имущества до совершеннолетия, то есть до 20 лет. В этом случае имущество отдавалось под надзор «почтенных людей». Отметим, что законодатель не предусмотрел в данном случае составления описи имущества должностными лицами, последующего отчета опекунов, тем самым не исключалась возможность злоупотребления доверенным имуществом.

Законник предусматривал и право бездетной вдовы на наследство. После смерти мужа она пользовалась всем его имуществом. Если же она вновь выходила замуж, то она утрачивала право пользования имуществом покойного супруга, но лишь частично. Поскольку за каждый год, проведенный в доме мужа супругой и вдовой, она получала от его родственников 10 талеров ежегодной компенсации. Если же у нее в новом браке рождались дети, то на мальчика она получала 1 цехин, а на девочку – по 2 цехина ежегодно (ст.52).

Сестры, имеющие братьев, по закону не имели права на наследование имущества, кроме приданого, которое они получали добровольно от родителей при выходе замуж (ст.51). Таким образом, в Законнике князя Данилы действовало законоположение, аналогичное, например, содержащемуся в Соборном Уложении 1649 г. правилу: «Сестра при братьях не наследница»¹⁶³. Однако в случае, если отец не имел сыновей, то имущество наследовали дочери равными частями. Принадлежащее отцу оружие, если он его не завещал дочери или какому-либо другому лицу, переходило к ближайшему родственнику по мужской линии (ст.53).

Согласно ст.57, если кто-то умирал без прямых наследников, то его имущество переходило к ближайшим родственникам, а в случае отсутствия таковых имущество переходило к государству, разумеется, в том случае, если отсутствовало завещание.

В Законнике князя Данилы представлено также семейное право. Согласно закону, сыновья обязывались почитать своих родителей. Если «случится, что сын своих родителей не почитает и неприятности им делает», то таковых сыновей подвергали наказанию – денежному штрафу, тюремному заключению и наказанию палками. Если оскорбление повторялось, то отец мог изгнать сына из дома (ст.58).

Законодатель определялись правила вступления в брак. Следует отметить, что черногорцы рано вступали в брак. Обычно юноша женился в 15 лет и брал себе в жены девушку лет 13, а то и меньшего возраста, но до достижения зрелости брачное сожителство воспрещалось¹⁶⁴. Согласно ст.68 Законника помолвка молодых людей являлась обязательным условием вступления в брак, однако до венчания помолвленные могли в любое время расстаться. Венчание происходило только при обоюдном согласии жениха и невесты. Если же венчание происходило помимо воли какой-либо из сторон, то за это священник отлучался от церкви.

В Черногории того времени родители оказывали малое влияние на желание детей вступить в брак, поэтому чаще всего он совершался по обоюдному желанию жениха и невесты¹⁶⁵. Девушка и без согласия родителей могла выйти замуж по доброй воле, ибо, как гласил закон в этом случае, – «их сама любовь соединила» (ст.70). Вместе с тем тяжким уголовным преступлением считалось насильственное похищение чужой жены или девушки. За это виновник карался изгнанием из страны, а его имущество подлежало конфискации (ст.69).

Законодатель поддерживал сохранение института семьи. Развод был запрещен. Однако когда семейные отношения все же не складывались, закон разрешал супругам «расстаться», но не развестись. В этом случае муж был обязан содержать жену, но ни он, ни она не имели права на повторный брак (ст.75). Муж был вправе прекратить выплату содержания жены, если та «будет непристойно поступать» (ст.76). Как уже отмечалось, закон лишь в единственном случае допускал развод – если жена троекратно будет поймана на домашнем воровстве, запрещая при этом повторный брак жене (ст.77). Заметим, что для самого князя Данилы собственные законоположения о разводе не являлись обязательными. Так, он при живом муже заставил жену своего политического противника Пунише Павичевича вторично выйти замуж¹⁶⁶. Закон запрещал двоеженство, но на практике власти

смотрели сквозь пальцы на это явление, если законная жена была не в состоянии иметь детей или рожала только девочек. Корни этого фактически легитимного явления уходили в глубокую старину¹⁶⁷.

Ряд положений Законника регулировал обязанности судей в судебном процессе. Судьи должны были помнить, что они принесли присягу и поклялись судить «по правде и совести», невзирая на лица (ст.6). В любом обществе существует злоупотребление властью, и Черногория в этом плане не являлась исключением. В основном злоупотребления служебным положением сводились к взяточничеству, борьбу с которым в судебных учреждениях законодательно пытался организовать еще Петр I Негош. Ст.7, 8 и 9 Данилова Законника были призваны бороться с этим злом в системе судебных органов. Согласно закону, за взяточничество карался как взяточник, так и взятокодатель. Преступный судья изгонялся из суда, лишался «навечно всякой главарской чести и почтения», а также подвергался крупному денежному штрафу. В свою очередь разоблачитель судьи-взяточника получал денежную награду в 50 талеров из средств преступного судьи (ст.10). Несмотря на довольно суровые меры, предпринятые законодателем, эта проблема оставалась. Князь Данило через несколько месяцев после принятия Законника вынужден был издать специальную прокламацию, обличающую старейшин, злоупотребляющих властью и повинных во взяточничестве¹⁶⁸.

Обращаясь к самой системе судопроизводства, отметим, что законодатель обязывал судей точно придерживаться норм судебного-процессуального кодекса: по очереди допрашивать стороны, ведущие тяжбу, заносить их показания в протокол. После допроса сторон суд выносил письменное судебное решение, которое вручалось стороне, выигравшей процесс, а второй экземпляр вносился в Протокольную книгу. В том случае, если судьи не могли прийти к единому мнению по разбираемому делу, то приговор выносился большинством голосов (ст.6, 11). Поскольку судьи получали жалование из государственной казны, то законодатель запрещал судьям заниматься «своими домашними делами или уезжать торговать» и требовал выполнения ими своих прямых служебных обязанностей.

Наряду с Верховным судом (Правительствующий Сенат) существовали, как и ранее, местные суды. В их компетенцию входили мелкие тяжбы, простиравшиеся до суммы не свыше 20 талеров (ст.62). Решения местных судов могли быть оспорены в Верховном суде (ст.64). Судебные издержки покрывались за счет штрафа (глобы), который начислялся одновременно с приговором.

Сбор налога всегда вызывал в Черногории резкое неприятие и отторжение со стороны преобладающей части населения, расценивавшего его как покушение на свою свободу. В мировоззрении черногорцев прочно укоренилось представление, что только народы, лишённые независимости, платят подати и налоги. Законодатель вынужден был пойти на решительные меры, чтобы обеспечить приток денег в государственную казну. Законником предусматривалась конфискация всего утаенного от налогов недвижимого имущества, а открытое сопротивление уплате налога расценивалось по аналогии с изменой Отечеству (ст.60, 61).

Не обошел вниманием законодатель и такой раздел права, как обязательственное или вексельное право. Ст.90 устанавливала порядок выдачи денежной ссуды под проценты, которые должны были составлять не более

20 динаров (10 крейцеров) с талера. В случае нарушения закона «барыш» полностью изымался и вносился в государственную казну. Учитывая повышенное корыстолюбие ростовщиков в Черногории, эта статья могла стать весьма доходной для государственного бюджета. Заметим, что в том случае, если заемщик не мог рассчитаться с займодавцем к оговоренному сроку, то в счет погашения долга шло на продажу его имущество. В первую очередь продавался скот, если суммы с продажи скота было недостаточно для выплаты долга с процентами, то продавалось оружие и только в последнюю очередь – земельный надел¹⁶⁹.

В области международного права Законник регулировал некоторые вопросы черногорско-турецких и черногорско-австрийских отношений. Турция и Австрия постоянно опасались развития национально-освободительного движения в своих владениях под влиянием Черногории. Особенно остро на любые конфликтные ситуации реагировало австрийское правительство, которое после революционных событий 1848-1849 гг. весьма болезненно воспринимало любое проявление национальных чувств своих славянских подданных. Черногорские власти, как уже неоднократно отмечалось, не желали конфронтации с соседями, добивались налаживания добрососедских отношений, поскольку проводимые внутренние преобразования требовали спокойствия на внешних границах. С целью присмирить черногорцев, заставить их отказаться от набегов на чужие владения законодатель требовал от черногорцев сохранения «мира и тишины» с соседними государствами, запрещал любые преступные деяния на их территории, четование в мирное время и т.п. (ст.24). За преступление, совершенное в чужих владениях, виновник заслуживал наказания, идентичного тому, какое бы он понес, совершив преступление «перед братом своим черногорцем или брдянином» (ст.25). Во время Крымской войны в черногорско-турецких отношениях возникла повышенная напряженность с обеих сторон. Турки явно опасались вступления Черногории в войну на стороне России. Этого не произошло в силу неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств, о чем будет сказано в дальнейшем. Однако на черногорско-турецкой границе во время войны происходили частые пограничные стычки. Поэтому законодатель особо оговаривал запрет четования в турецких землях во время мира, подчеркивал, что в любом случае захваченная добыча будет возвращена владельцу, а виновника отдадут под суд (ст.26).

Ст.91 и 92 гарантировали равноправие и свободу вероисповедания любому иностранцу, который пожелает обосноваться в Черногории. Такой человек обязывался подчиняться черногорским законам и подлежал суду в случае их несоблюдения в соответствии с черногорским законодательством.

Законодатель по мере возможности стремился устранить из жизни черногорского общества некоторые архаичные обычаи. Так, ст.65 предусматривала наказание человека за приход в суд «с камнем, повешенным на шею», демонстрировавшего тем самым, что он находится под судом. Вне зависимости от того, виновен или невиновен этот человек, он подвергался телесному наказанию. Ст.89 запрещала, оплакивая умерших, в знак печали стричь мужчинам и женщинам волосы, расцарапывать лица и тем самым обезображивать себя. Характерным в ряду других народных обычаев было празднование «Крестного имени» или «Славы». В день «Славы»

(празднование дня Святого – покровителя семьи и племени) дом черногорца становился домом гостеприимства. Народное гуляние продолжалось по нескольку дней, что приводило к большим затратам и было накладно для скудного бюджета черногорцев. Народ сам тяготился этим, но не смел нарушить старинный обычай. Законник князя Данилы ограничил празднование «Славы» одним днем, нарушители закона подвергались штрафу или тюремному заключению (ст.88).

Законник князя Данилы сыграл важнейшую роль в процессе завершения становления Черногории как централизованного государства. В его законоположениях воспроизведена специфика жизни черногорского общества середины XIX века. Несомненно, законодателю в силу ряда причин, прежде всего из-за того, что Законник составлялся в весьма сжатые сроки, не удалось в полной мере учесть и облечь в форму закона все важнейшие аспекты общественно-политической жизни страны. Однако Законник 1855 г. явился заметным продвижением вперед юридической мысли в Черногории, сыграл положительную роль в судебной практике. Свидетельством тому является его широкое практическое применение. Проделав кропотливую исследовательскую работу, Й.Р. Бойович доказал, что Законник князя Данилы в полном объеме применялся до 1870 г., около 40 его статей действовали до принятия в 1888 г. Имущественного законника Черногорского княжества, а отдельные статьи из области уголовного права применялись вплоть до создания Уголовного законника Черногорского княжества в 1906 г.¹⁷⁰

§4. Русско-черногорские отношения во время Крымской войны и после Парижского мира (1853-1860 гг.)

Восточный кризис 50-х гг. XIX в., начавшийся с русско-французского спора из-за прав православной и католической церкви на «святые места» в Палестине, постепенно, шаг за шагом, подводил дело к войне между Россией и Турцией в союзе с западными державами. Религиозные дебаты скоро переросли в дипломатический конфликт, который был внешним проявлением противоречий между европейскими державами на Ближнем Востоке и Балканах. Русская дипломатия, выступая против коллективных гарантий режима черноморских проливов, установленных Лондонскими конвенциями 1840-1841 гг., добивалась пересмотра режима проливов в пользу России и возврата к политике «свободных рук» на Ближнем Востоке. Опасаясь усиления России, Великобритания и Франция строили планы ее военного поражения, рассчитывали в результате этого добиться осуществления своих целей на Востоке. Турция, опираясь на поддержку этих сильнейших европейских держав, надеялась, что поражение России поможет ей упрочить свои внешнеполитические позиции и покончить с очагами национально-освободительных движений на Балканах. Николай I преувеличивал существующие противоречия между Англией и Францией и рассчитывал на благожелательный нейтралитет Австрии, полагая, что это поможет радикально разрешить Восточный вопрос. Распад Османской империи казался царю неизбежным, и он желал с наибольшей выгодой для России воспользоваться долей наследства «больного человека». Таким образом, не Иерусалим и Вифлием, а Босфор и Дарданеллы, влияние на Балканах являлись

в действительности задачами Петербурга. Кризис в русско-турецких отношениях назрел, а миссия А.С. Меншикова в Константинополь в февралемае 1853 г. лишь способствовала его обострению и развязыванию войны.

В Цетинье знали, что Россия близка к войне против Турции. В мае 1853 г. Е.П. Ковалевский известил об этом князя Данилу и постоянно просил пока не начинать боевых действий против турок, но быть настороже и запастись боеприпасами¹⁷¹. 20 октября (1 ноября) 1853 г. Николай I подписал манифест о войне с Турцией, а уже 6 (18) ноября Данило запрашивал П.К. Мейендорфа о том, что делать Черногории в этих условиях. Одновременно он сообщал российскому послу, что турки, опасаясь нападения со стороны черногорцев, увеличивают свои гарнизоны в приграничных крепостях¹⁷². Вскоре Данило отправил к Мейендорфу своего адъютанта Д. Вуковича и вновь просил инструкций о том, какая роль отводится Черногории в русско-турецкой войне. Не имея каких-либо инструкций из Петербурга, посол сам находился в затруднении и посоветовал пока соблюдать полное спокойствие, канцлеру же написал, что черногорцы по первому сигналу России готовы вступить в войну против Турции и их сдерживает только недостаток амуниции и боеприпасов. Мейендорф считал, что Черногория может оказать помощь России как в военном отношении, так и в воздействии на христианское население Герцеговины, которое ждет только удобного случая для антитурецкого восстания. Учитывая эти перспективы на будущее, посол предлагал отправить из Льежа в порты Триест и Котор армейский транспорт с вооружением¹⁷³. То есть поначалу Мейендорф разделял надежды русского правительства и военных кругов на организованное антиосманское выступление балканских народов, среди которых черногорцам отводилась авангардная роль. Вместе с тем он указывал на сложность и опасность планируемого восстания для его участников, поскольку оно должно было проходить вдали от русских военных коммуникаций¹⁷⁴.

Еще до начала войны в высшем военном руководстве России велись дебаты о необходимости использования подвластных Османской империи народов для антитурецкой борьбы. Фельдмаршал и любимец Николая I И.Ф. Паскевич предлагал использовать военные силы Дунайских княжеств (русские войска заняли княжества в июне 1853 г.) как основу для формирования подсобных ополчений¹⁷⁵. По мнению российского руководства, соратниками России в антитурецкой борьбе могли стать сербы, болгары, повстанцы Эпира, другие христианские народы Османской империи, не говоря уж о Черногории, готовность которой воевать на стороне России против турок была естественным состоянием ее народа начиная с XVIII века. Массовое участие балканских народов в войне было запланировано на 1854 год. Реальность осуществления этого плана относительно Черногории, Боснии и Герцеговины должен был прояснить многоопытный в черногорских делах Е.П. Ковалевский¹⁷⁶. Официальной целью его миссии была раздача денежной помощи населению Пешивачской нахии и Белопавлічам, которые сильно пострадали от неурожая, а также передача церквям Черногории различной утвари. Истинная же цель поездки была изложена в специальной инструкции, которая предписывала подготовку восстания, но не его начало. Вооруженное выступление балканских народов планировалось лишь при переносе боевых действий русской армии на правый бе-

рег Дуная, когда стало бы возможным непосредственное взаимодействие «христианских армий»¹⁷⁷. Большие надежды на выступление балканских народов и миссию Ковалевского возлагал Николай I¹⁷⁸.

В декабре 1853 г. Е.П. Ковалевский был уже в Вене, где встречался с австрийским министром иностранных дел К.Ф. Буолем-Шауенштейном и представил ему цель своей поездки как сугубо благотворительную, связанную с оказанием помощи черногорцам, а также направленную на попытку ликвидации ранее упомянутого внутривосточного конфликта между князем Данилой и его дядей Перо Томовым Петровичем¹⁷⁹. В Вене довольно настороженно отнеслись к миссии Ковалевского, что было связано и с переменой курса австрийской политики в отношении России. По справедливому замечанию Е.П. Ковалевского, знаменитая фраза министра иностранных дел князя Ф.Л. Шварценберга, что Австрия «удивит свет своей неблагодарностью к России», уже давала о себе знать¹⁸⁰. Надежды русского правительства и Николая I на дружественный нейтралитет Австрии в войне, как известно, оказались нереальными. И это, пожалуй, яснее других в дипломатических кругах понимал посол в Вене. П.К. Мейендорф сообщал в МИД о сложностях, какие ожидают Россию при снабжении повстанцев оружием и боеприпасами из-за прояснившейся отрицательной позиции Австрии в вопросе о закупке ее вооружения¹⁸¹. Однако эти предупреждения не были пока восприняты Петербургом, где идея восстания балканских народов представлялась еще актуальной, хотя К.В. Нессельроде с самого начала относился к ней настороженно, считая, что великие державы тогда будут вправе упрекнуть Россию за нарушение принципов, которые они декларируют десятилетиями.

В конце декабря 1853 г. Е.П. Ковалевский прибыл в Черногорию, и вскоре после его встреч с князем Данилой, а также герцеговинскими и боснийскими вождями, христианами Северной Албании им был разработан план военных действий против турок. Согласно этому плану объединенные силы черногорцев и герцеговинцев должны были соединиться с сербами и установить связь с повстанцами Эпира. Для реализации этого Петербург выделил Е.П. Ковалевскому 60 тысяч рублей на приобретение оружия и направил в Черногорию двух военных специалистов (артиллериста и инженера)¹⁸². Австрийские власти скоро поняли истинную цель миссии Ковалевского. Вскоре после появления его в Черногории наместник в Далмации Л. Мамула предупредил князя Данилу, что антитурецкое выступление будет иметь самые тяжкие последствия для Черногории, в том числе блокаду Адриатического побережья военно-морскими силами Англии и Франции и последующие затем боевые операции против черногорцев. Он подчеркивал, что в этом случае Черногория не может рассчитывать на какую-либо помощь Австрии. Во время личной встречи князя и Л. Мамулы (в начале февраля 1854 г.) в Которе последний повторил свои предупреждения, и Данило вынужден был заверить австрийского наместника, что предпримет меры для удержания черногорцев от выступления против турок¹⁸³.

Однако ни предупреждения австрийцев, ни действия П.К. Мейендорфа, постаравшегося свести миссию Е.П. Ковалевского к сугубо наблюдательным функциям, не остановили черногорцев. Черногорцы и часть брдян (Васоевичи) в феврале-марте 1854 г. выступили против турок, нанесли им

поражение вблизи Колашина и дошли до Нови Пазара¹⁸⁴. Но дальше наступление приостановилось. Это объясняется рядом причин. Не удалось привлечь к антиосманской борьбе Сербию. Христиане Боснии и Герцеговины также в целом, как выяснилось, не были готовы к масштабному восстанию, тем более что среди них не было единства. Часть зажиточного слоя Боснии (купцы, предприниматели) сумела приспособиться к турецким порядкам, пользовалась покровительством их властей. В годы Крымской войны они, выражая радость по поводу турецких успехов, говорили: «Боже сохрани нас от москова! Под властью москова мы потеряли бы то положение, которым пользуемся теперь»¹⁸⁵. Против вовлечения балканских народов в антитурецкую борьбу выступали не только в посольстве в Вене, но под влиянием П.К. Мейендорфа пересмотрел свои взгляды и занял негативную позицию главнокомандующий Дунайской армией И.Ф. Паскевич, также считавший, что не следует дополнительно раздражать Австрию выступлением славян¹⁸⁶. Оказавшись в сложной ситуации, без поддержки сербов и греков, а главное русских войск, черногорцы вынуждены были отступить обратно, но по-прежнему они были готовы сражаться с турками.

В мае 1854 г. П.К. Мейендорф, ссылаясь на опасность австрийской оккупации Черногории, отозвал оттуда Е.П. Ковалевского. Вслед за тем князь Данило письменно все же известил российского эмиссара о готовности черногорцев по первому призыву «ударить на пограничного неприятеля веры и закона нашего»¹⁸⁷. Е.П. Ковалевский, несмотря на то, что Австрия угрожала вторжением в Черногорию, считал, что план антитурецкого выступления не следовало отвергать. Он полагал, что Черногория в соединении с соседними славянами сумеет довольно долго противостоять и туркам, и австрийцам. Хотя, и это не отрицал сам Ковалевский, успех борьбы был сомнителен¹⁸⁸. Без эффективной помощи России оружием и боеприпасами, без прямого взаимодействия с русской армией восстание закончилось бы неминуемым провалом. Пока Россия вела борьбу с отсталой и слабой Турцией, она могла рассчитывать на успех. Однако после вступления в войну в конце марта 1854 г. Англии и Франции у русского правительства главной задачей вскоре стало стремление с минимальным ущербом закончить войну, которая теперь не сулила России победы.

Уже после отъезда Е.П. Ковалевского из Черногории в Цетинье и Белграде побывал другой эмиссар русского правительства на Балканах И.Е. Салос¹⁸⁹. Он был принят князем Данилой и получил от него заверения в готовности участвовать в антитурецкой борьбе, ранее в Белграде его в том же уверял сербский митрополит. По возвращении в Петербург И.Е. Салос на аудиенции у Николая I заявил, что после отступления русской армии за Дунай балканские славяне отказались от мысли о восстании, а «обаяние, которое имела на них Россия, утрачено надолго». На что император мог, выражая надежду лишь на небесные силы, заметить, что «Господь когда-либо поможет поправить то, что теперь испорчено»¹⁹⁰. Черногорцам также приходилось больше уповать на Бога, ибо Россия была не в состоянии оказывать эффективную военную помощь их родине. Хотя благодаря Е.П. Ковалевскому черногорцам удалось своевременно привести в лучшее состояние оборонительные сооружения и увеличить запасы боеприпасов. Пограничные столкновения на турецко-черногорских границах во время

Крымской войны не прекращались, но это для черногорцев было привычным делом. При этом князь Данило запрещал черногорцам первыми атаковать турок, Черногория вела оборонительные бои и была готова на мир с Портой¹⁹¹. Особенно досаждал черногорцам шкодринский губернатор Рагиб-паша. Секретарь князя Данилы М. Медакович при посещении Вены в марте 1855 г. сообщил главе австрийского МИДа К.Ф. Буолю о демарше черногорского правительства к Порте с требованием удалить шкодринского наместника. Он также просил, чтобы Австрия взяла под свою защиту христиан Герцеговины, преследования которых усилились после того, как князь Данило установил порядок на границе с Герцеговиной и турки перестали опасаться ответных военных акций со стороны черногорцев. Буоль отказал в каком-либо содействии¹⁹². Австрийское правительство и на заключительном этапе Крымской войны демонстрировало враждебное отношение к России, что сказывалось и на Черногории, прорусская ориентация которой по-прежнему беспокоила Вену. На протяжении Крымской войны Данило высказывал пожелание победы России в войне. Так, в мае 1855 г. в письме к находившемуся тогда в Крыму Е.П. Ковалевскому замечал: «Вы теперь в Севастополе! В месте, где ежедневно сражение приключается для обороны православной веры, для чести и славы империи всероссийской... Если бы все европейские народы бросились противу России, я надеюсь в Господа Бога, что Россия опять будет победителем». Далее он замечал, что «каждую победу единоверных и единоплеменных нам руссах сообщаю народу, который над подобным ликует, яко над своей собственной»¹⁹³.

Во время Крымской войны и сразу же после нее усилились попытки западных держав установить свое влияние в Черногории и ослабить или вообще уничтожить влияние России в ней. Австрия традиционно на протяжении многих десятилетий стремилась заменить русское покровительство своим. С открытием в 1853 г. своего вице-консульства в Шкодре начинала активизировать свою политику в Черногории и Франция. В конце этого же года французский военный агент Бурэ посетил Цетинье и предложил выплатить денежное пособие Черногории при условии ее отказа от вступления в войну против Турции. Князь отклонил это предложение¹⁹⁴. Ситуация изменилась, и в апреле 1855 г. князь Данило согласился на посреднические услуги французского вице-консула в Шкодре Иясента Геккара по налаживанию мирных отношений на турецко-черногорских границах. Тогда же при посещении Цетинье вице-консул, заявляя, что он действует от имени французского правительства, обещал князю признание независимости Черногории со стороны западных держав и расширение ее территории. Князь, следуя уже сложившейся традиции своих предшественников, поставил вопрос о расширении границ Черногории за счет присоединения к ней части адриатического побережья в районе Антивари (Бара)¹⁹⁵. Возвратившись из Цетинье в Шкодру, И. Геккар сообщил своему министерству о переменах, происшедших в настроениях черногорцев, и о том, что князь Данило и многие официальные лица из его окружения желают покровительства Франции над Черногорией¹⁹⁶. Не приходится сомневаться, что такое решение черногорских властей явилось прямым следствием ослабления влияния России на Балканах в результате ее становившегося все более очевидным поражения в Крымской войне. Действия же князя Данилы в

сложившейся ситуации вполне объяснимы: он искал нового союзника, рассчитывая с его помощью реализовать свои внешнеполитические планы.

В мае 1855 г. уже которский окружной «капетан» Дойми совместно с французским и английским консулами, прибыв в Цетинье, усиленно склоняли черногорского князя к миру, заверяя его, что Порта уже определила специального чиновника и командирует его в эти края для окончательного определения черногорско-турецких границ¹⁹⁷. И.М. Гагич, оценивая эти шаги западной дипломатии, считал, что все делается с целью «забавить черногорцев пустыми их обещаниями и проектами», а тем временем дать возможность турецким властям в спокойных условиях осуществить набор албанских рекрутов для отправки их в действующую армию¹⁹⁸.

Интриги французской и британской дипломатии в Черногории, которую Россия по-прежнему считала сферой своего влияния, вызвали озабоченность русского посольства в Вене. По этому поводу А.М. Горчаков во время встречи с К.Ф. Буолем спрашивал у австрийского министра иностранных дел, заинтересовано ли его правительство в усилении влияния Франции и Великобритании на австрийских границах. Буоль, успокаивая посла (с июля 1854 г. А.М. Горчаков возглавил посольство, а женатый на сестре К.Ф. Буоля П.К.Мейендорф вынужден был покинуть свой пост), заверял его, что Австрия не стремится к разрушению русского влияния там, где оно уже существует¹⁹⁹. Утверждая это, Буоль явно не был искренним. Даже в период внешне самых теплых русско-австрийских отношений венский двор предлагал князю Даниле принять Черногорию под постоянное покровительство Австрии²⁰⁰. Однако, с другой стороны, Австрию, безусловно, не обрадовала бы замена русского влияния в Черногории британским или французским. К тому же Австрия, несмотря на успокоительные заявления Наполеона III, панически тогда боялась, что Франция может присоединить к сардинскому Пьемонту австрийские провинции Ломбардию и Венецию, и только это уже лишало Вену покоя. Русская дипломатия накануне мирных переговоров старалась везде где это возможно вбить клин разногласий между союзниками. Поэтому князь А.М. Горчаков через консула И.М. Гагича рекомендовал князю Даниле принять посредничество Австрии, но не французского и английских консулов, не принимавших до сих пор участия в делах Черногории²⁰¹.

Князь Данило рассчитывал, что проблемы Черногории станут предметом рассмотрения на Парижском конгрессе, ибо по-прежнему неурегулированность вопроса о границах с Турцией порождала военные конфликты. Черногорский правитель просил вступившего на престол после смерти отца в 1855 г. Александра II учесть интересы Черногории в предстоящих международных переговорах²⁰². В письме к управляющему Азиатским департаментом Л.Г. Сенявину князь добивался расширения территории Черногории со стороны Албании и Герцеговины и выхода страны к морю (через порт Бар). При этом Данило подчеркивал, что рассчитывает на защиту интересов Черногории исключительно со стороны России и ее императора, а не «иноверных и иноплеменных государств». Он хотел сам отправиться на Парижскую конференцию или отправить туда черногорских представителей²⁰³. Однако во время работы Парижского конгресса в марте 1856 г. турецкий представитель Али-паша заявил, что Черногория является

частью Османской империи и, следовательно, все, что касается Черногории, является внутренним делом империи. Представители Великобритании и Австрии поддержали позицию турецкого правительства, а русская делегация, возглавляемая А.Ф. Орловым, не желая осложнять ход и без того непростых переговоров, уклонилась от официального протеста, что, безусловно, повлияло на охлаждение русско-черногорских отношений. В мае 1856 г. князь Данило, категорически тогда не желавший признавать над Черногорией власть Турции, направил европейским правительствам, чьи представители являлись участниками Парижского конгресса (кроме Порты), специальный меморандум, в преамбуле которого кратко излагалась история черногорско-турецких отношений, где Черногория фигурировала как страна, никогда не покоренная турками, а затем выдвигались следующие внешнеполитические требования: 1) признание дипломатическим путем независимости Черногории; 2) расширение территории Черногории в сторону Герцеговины и Албании; 3) определение границы с Османской империей, как это сделано с Австрией; 4) присоединение к Черногории прибрежной полосы Адриатического моря вплоть до Бара²⁰⁴. По сути дела требования меморандума были сформулированы еще в феврале 1856 г. в письме черногорского князя к Л.Г. Сенявину и представляли внешнеполитическую программу княжества, которая частично перекликалась с внешнеполитическими планами митрополитов Петра I и Петра II Негошей.

По мнению князя Данилы и его окружения, эта программа была реалистична. Она, как полагали в Цетинье, не должна была вызвать какого-либо сопротивления со стороны Турции, поскольку Порта, уступая незначительные для нее территории, получила бы взамен желательный и стабильный мир на границах с независимой Черногорией, которые должны быть определены в ходе черногорско-турецкого разграничения²⁰⁵. Однако ближайшее время показало утопичность и наивность этих суждений черногорского руководства.

Рассчитывая на реализацию программы, князь Данило решил при этом заручиться как поддержкой России, так и Франции, которая начинала занимать все большее место во внешнеполитических планах правителя Черногории. Поэтому в Петербург был направлен М. Медакович, известный в Черногории и дипломатических кругах России последовательной прорусской ориентацией, а в Париж – адъютант Данилы Д. Вукович. По устоявшейся дипломатической традиции оба посланца посетили русское посольство в Вене, где князь А.М. Горчаков пытался воспрепятствовать, хотя и тщетно, миссии Д. Вуковича во Францию, полагая, что этот визит черногорского делегата нанесет ущерб русским интересам в Черногории²⁰⁶. Беседа с М. Медаковичем, русский посол откровенно заметил, что сложившаяся международная обстановка не благоприятствует удовлетворению требований Черногории. В чем он был, безусловно, прав.

Миссия М. Медаковича в Россию в главной ее части – поддержка планов Черногории, направленных на расширение ее территории, международное признание ее независимости, заранее была обречена на неудачу. Поражение России в войне значительно сузило возможности России на международной арене. Поэтому, несмотря на то, что во время аудиенции у Александра II черногорский посланец получил заверения, что Россия признает

независимость Черногории и никогда не допустит, чтобы она оказалась под властью Турции, К.В. Нессельроде просил сообщить князю Даниле, что в настоящее время нет возможности добиться официального признания фактической независимости Черногории²⁰⁷. Утешением для черногорцев, хотя и весьма слабым, было продление русской субсидии в 80 тысяч рублей еще на 5 лет и получение церковной утвари и книг.

Разумеется, князь Данило не был удовлетворен таким результатом. Особенно резкое его недовольство вызывало то, что русская делегация на Парижской конференции обошла молчанием заявление Али-паши, что черногорцы являются подданными Порты²⁰⁸. Теперь князю казалось, что только Франция способна удовлетворить чаяния Черногории на международное признание независимости и расширение ее границ. Думая подобным образом, он явно заблуждался. Сменивший Горчакова на посту посла в Вене барон А.Ф. Будберг считал, что правительство Наполеона III не испытывает никакой особой симпатии к черногорцам, а ведет свою дипломатическую игру, рассчитанную на усиление своих позиций на Балканах (в том числе и в Черногории), а также стремится воспрепятствовать исключительно влиянию Англии на Порту. Вступать в конфликт с Турцией из-за Черногории Франция никогда не станет, справедливо полагал посол²⁰⁹.

Миссия Д. Вуковича в Париж была обставлена надлежащим образом французской стороной. Адъютант князя был принят министром иностранных дел Ф.А. Валуевским и Наполеоном III. Валуевский, обещая содействие Франции, рекомендовал князю Даниле вступить в переговоры непосредственно с турецким правительством и при этом не только отказаться от притязаний на независимость Черногории, но и согласиться на официальное признание сюзеренитета султана над страной. В этом случае французский император обещал Черногории свое содействие в территориальном вопросе²¹⁰. Предлагая свой вариант решения проблем Черногории, французская дипломатия рассчитывала одновременно решить две задачи: потеснив Россию, усилить свое влияние в Черногории и на Балканах в целом, а также благодаря посреднической инициативе укрепить свои позиции в Константинополе в конкурентной борьбе с Англией.

Поражение в Крымской войне существенно сказалось на России. Ее международный авторитет как великой державы был подорван, нарушилось «европейское равновесие». На Балканах ее и без того довольно устойчивые позиции серьезно ослабили вследствие отмены Парижским трактатом 1856 г. единоличного «покровительства» России православному населению и замены его коллективным «покровительством держав». Нейтрализация Черного моря в стратегическом плане также сковывала проведение активной балканской политики Россией. Парижский мирный договор положил начало новому курсу внешней политики России, окончательно рухнула «венская система», ей на смену пришли другие системы союзов и объединений государств Европы. Поражение в войне сказалось и на кадровых перестановках в МИДе. Более четырех десятилетий возглавлявший министерство К.В. Нессельроде ушел в отставку. Ему на смену пришел А.М. Горчаков, человек умеренно-либеральных взглядов, с большим опытом дипломатической службы. Директором Азиатского департамента стал Е.П. Ковалевский. А.П. Бутнев снова возглавил российское посольство в

Константинополе, а в Дубровнике И.М. Гагича сменил генеральный консул П.Н. Стремоухов. Министерской инструкцией новому консулу предписывалось уделять самое пристальное внимание Черногории и ее правителю²¹¹.

Тем временем нажим западной дипломатии на Черногорию все более усиливался. Французский консул И. Геккар обещал Даниле спокойствие на рубежах страны, выход на Адриатику, официальное признание Портой его титула, и все это за номинальное, как его пытались уверить, признание турецкого подданства черногорцами²¹². Щедрые посулы консула Геккара и его заверения, что Черногория взамен признания номинального сюзеренитета приобретет реальные политические выгоды, расширит территорию, приходились по душе Даниле и его супруге Даринке. Но широковетательные заявления французского дипломата были политическим блефом. Действия французской дипломатии были полностью поддержаны венским двором и правительством Великобритании, также желавшим сохранения целостности европейских турецких владений и стремившимся не допустить возрождения сильного влияния России в балканском регионе. В самой Черногории, ее правящих кругах не было единства в вопросе о взаимоотношениях с Турцией. Непримируемыми противниками подчинения Черногории Порте были дядя князя Георгий Савов Петрович, М. Медакевич, которые твердо придерживались прорусской ориентации, известный всей Черногории влиятельный сенатор Новица Церович и др. Наряду с Геккаром сильнейшее давление на князя оказывали его жена Даринка, учитель французского языка Деларю, ставший при Даниле секретарем князя по иностранным делам и пользовавшийся у него большим влиянием, сторонником протурецкой ориентации был сенатор И.Р. Радонич и др.

В результате князем Данилой была разработана новая внешнеполитическая программа Черногории, которая в окончательном варианте была представлена в документе, озаглавленном «Договор, по которому князь черногорский и брдский со своей точки зрения на независимость соглашается признать номинально сюзеренитет Оттоманской Порты»²¹³. В нем излагались условия, исполнением которых князь обуславливал свое согласие стать номинальным вассалом Турции:

- 1) присоединение к Черногории и Брде Герцеговины и приграничных земель со стороны Албании, в том числе Адриатического побережья с портом Бар;
- 2) все эти земли, так же как и земли Черногории, должны стать собственностью князя, который может их по своему усмотрению продавать и обменивать;
- 3) присвоение черногорскому князю королевского титула;
- 4) распространение на присоединенные земли (включая города и крепости) всей полноты верховной власти князя и введение в них черногорского управления;
- 5) сохранение в руках князя верховного командования, высшей административной и финансовой власти;
- 6) обеспечение наследственной княжеской власти за династией Петровичей Негошей;
- 7) право чеканить свою монету;
- 8) сохранение государственного герба в виде двуглавого орла (который Черногорское княжество унаследовало от сербских царей);

9) свобода печати;

10) равенство всех граждан, без различия вероисповедания и национальности, в том числе и в присоединенных районах;

11) предоставление права убежища всем эмигрантам;

12) назначение в Константинополь дипломатического представителя.

Абсолютно не искушенный в тонкостях большой европейской политики, убаюканный беспочвенными, обнадеживающими заверениями французской дипломатии, князь Данило, искренне веривший в реальность этих планов, добивался для Черногории полной автономии во внутренних делах и внешней политике²¹⁴. Он хотел получить от Порты по сути дела признание фактической независимости страны взамен декларативного признания сюзеренитета султана. При этом князь действовал в интересах укрепления своей власти, так как получал бы право неограниченно распоряжаться земельными владениями, войсками и финансами страны. Естественно, что Турция не могла принять эти условия, поскольку такой статус Черногории не оставлял в руках султана фактически никаких рычагов власти, а расширение ее территории могло привести к распространению такого же положения и на новые земли.

Вместе с тем, даже если гипотетически предположить согласие Стамбула на проект князя Данилы, Черногория вступала в слишком рискованную для себя политическую комбинацию. Номинальный сюзеренитет султана над Черногорией, широковещательно признаваемый перед всеми европейскими державами, мог превратиться и во вполне реальный. Черногория в течение долгого времени упорно отстаивала и доказывала Европе свою независимость и вольно-невольно приучила европейские державы выделять ее среди других стран, чья вассальная зависимость от султана не вызывала каких-либо сомнений. Правительства и дипломатическое руководство Австрии, Великобритании, Франции знали реальное положение Черногории, но, как уже отмечалось, заинтересованные в сохранении целостности Османской империи, не желая осложнять свои отношения с Турцией, не шли на признание независимости Черногории в любой форме, а наоборот, поддерживали претензии Порты на Черногорию. Отказываясь официально от сюзеренитета, Черногория лишалась своего главного козыря. Поле ее дипломатической игры, маневра значительно сужалось. При удобном случае по тому или иному поводу Порта могла организовать крупномасштабные военные действия против Черногории, которые могли привести к полному порабощению черногорцев. При этом у черногорцев и их правителя исчезал шанс даже жаловаться на турецкую агрессию, как это было, например, в черногорско-турецкую войну 1852-1853 гг. Султан мог, не опасаясь мнения Европы, покарать непокорных подданных, а в случае обращения князя Данилы к европейским дворам он бы услышал, что Черногория сама добровольно признала сюзеренитет султана, и никто бы не стал вникать в то, насколько он должен быть номинален.

Россия, стремясь не выпускать Черногорию из сфер своего влияния, начала сама переговоры с Турцией относительно признания фактической независимости Черногории и некоторого территориального ее расширения (при условии арендной платы за новоприобретенные земли). Этот шаг был ответной мерой на обращения западных держав к Порте с предложе-

нием отрегулировать все же турецко-черногорские отношения в обмен на небольшие территориальные приращения к Черногории²¹⁵. Однако это абстрактное пожелание не было воспринято Портой. А.Ф. Будберг, убежденный, что для Франции Черногория была лишь разменной монетой в англо-французском соперничестве за влияние в Константинополе, считал, что любое решение черногорского вопроса зависит полностью от Турции и Австрии. При этом, полагал посол, Порта старается покорить Черногорию, а Австрия желает «нанести смертельный удар нашему влиянию на славянские племена»²¹⁶. По мнению А.Ф. Будберга, Россия могла помочь Черногории, лишь пожертвовав вариантом объединения Дунайских княжеств (в 1856 г. и позже русская дипломатия, несмотря на сопротивление Турции, Австрии и Англии, поддерживала идею объединения Молдавии и Валахии в единое государство). Только в этом случае, считал посол, Порта могла пойти на компромисс и признать независимость Черногории с возможным вариантом расширения ее территории²¹⁷.

Русское правительство не хотело расставаться с идеей объединения Дунайских княжеств, но и черногорское княжество оно также не желало потерять, а угроза этого становилась все очевиднее. Так И. Геккар в беседе с П.Н. Стремоуховым откровенно заявил, что признание князем Данилой турецкого сюзеренитета реально и об этом уже было заявлено великим визирем Али-Мехмет-пашой²¹⁸. Геккар «и все лица, действующие в его смысле» обещали Даниле обеспечение полного спокойствия в Черногории, расширения ее границ, порт на Адриатике, официального признания Портой за Данилой его княжеского титула, и все это взамен признания лишь номинального турецкого владычества. Взамен этих блистательных перспектив Стремоухов мог посоветовать Даниле только «сохранять невыносимый для него status quo»²¹⁹. Понятно, что Данило, абсолютно веривший Геккару, безоговорочно принял предложение французского дипломата, хотя уже тогда «уважаемые старейшины черногорские умоляли его не доверять обещаниям Геккара и не отдаляться от России»²²⁰.

Приступая к реализации своих планов, князь Данило объехал все нахии, где различными способами и средствами старался приготовить народ к одобрению его замыслов. «На массу народа князь и его агенты, действуя обманом, уверяя всех, что получивши от Турции Герцеговину и часть Албании, Черногория делается столь сильною, что в самое короткое время не только будет в состоянии объявить себя вполне независимым государством, но даже предписать султану какие захочет условия, как эти условия не нелепы», – замечал по этому поводу П.Н. Стремоухов²²¹.

Князь Данило вступил на путь конфронтации с Россией. Когда вследствие плохого урожая в Черногории Даниле был предложен русский хлеб, то князь через Геккара предпочел закупить его в Турции. Александр II обусловил выплату ежегодной субсидии Черногории отказом Данилы от всех переговоров о сюзеренитете султана, на это Данило демонстративно заявил с полным пренебрежением, что сумма, выделяемая Черногории русским правительством, не может уравновесить той огромной выгоды, которую получит его страна от Турции с помощью западных держав²²². Князь добился своего: в ноябре 1856 г. русское правительство временно приостановило выплату установленной еще при митрополите Петре II Петрови-

че Негоше (1837 г.) ежегодной государственной субсидии Черногории в размере 80 тысяч рублей. Князь Данило был чрезвычайно уязвлен и поклялся никогда не позабыть слов, якобы сказанных его адъютанту Д. Вуковичу, направленному князем в Париж в мае 1856 г., тогда еще послом в Вене А.М. Горчаковым: «Черногория не должна забывать, что существует милостынею России»²²³. П.Н. Стремоухов утверждал, что эти слова являются выдумкой самого Вуковича²²⁴ Вряд ли такой опытный дипломат, каким был Горчаков, мог позволить себе что-то подобное. Но если такое высказывание высокопоставленного российского дипломата все же имело место, то оно не украшало его, не способствовало налаживанию русско-черногорских отношений и, безусловно, больно задело самолюбие князя. Вместе с тем следует сказать, что именно за счет субсидий России как по государственной, так и по церковной линии Цетинскому монастырю погашались расходы на содержание государственного аппарата и оборону. Доходы Черногории, включая обе российские субсидии, составляли в рублевом эквиваленте 25 тысяч червонцев, или 250 тысяч рублей в год, а расходы – 50 тысяч рублей²²⁵. Однако излишки доходов государственного бюджета шли не на улучшение жизни черногорского народа, а на выплату долгов разорившейся родни княгини²²⁶, да и сама Даринка не отличалась бережливостью.

Консулу П.Н. Стремоухову предписывалось удерживать князя Данилу от «святотатственного покушения» на независимость Черногории ради временных и сомнительных выгод. В МИДе небезосновательно полагали, что даже малейшее ущемление фактической независимости страны обернется в дальнейшем бедствием для народа и вторжениями иностранных войск. Поэтому сохранение статус-кво было бы наилучшим выходом как для Черногории, так и России, считали в Петербурге²²⁷.

П.Н. Стремоухов, выполняя предписание МИДа, дважды посетил Цетинье и вел продолжительные переговоры с князем. Во время этих встреч Данило просил, чтобы русское правительство добилось перед Европой официального признания независимости Черногории, расширения ее границ и выхода к морю через порты Бар или Спич, доставки через австрийские владения боеприпасов на нужды обороны Черногории. В противном случае он не видел иного выхода, как перехода страны под номинальную власть султана²²⁸. Князь Данило убеждал русского консула в невозможности сохранения статус-кво. Россия была фактически бессильна удовлетворить требования князя Данилы. Понимал это и черногорский князь, но, желая дискредитировать Россию в глазах черногорцев, он выдвигал заранее неприемлемые для русского правительства условия.

Во время повторной встречи Данилы и Стремоухова в ноябре 1856 г. князь произнес длинный монолог, в котором самым негативным образом отозвался о русской политике относительно Черногории. Он безапелляционно утверждал, что Россия «никогда не хотела ничего сделать для пользы Черногории, что все советы ея клонились ко вреду этой страны»²²⁹ и т.д. и т.п. Российский консул отмечал, что Данило преувеличивает значимость Черногории и строит воздушные замки, направленные на основание сначала сербского королевства, а потом и огромной империи. В его суждениях консул заметил противоречивость – князь заверял русского дипломата, что помнит благодеяния императора Николая I и лично предан России, а через

четверть часа заявлял, что Россия постоянно обманывала Черногорию²⁵⁰. Тем самым князь откровенно провоцировал консула, обострял конфликтную ситуацию.

Все попытки русофильской группировки в Черногории, и в первую очередь Георгия Петровича и Милорада Медаковича, отговорить князя Данилу от внешнеполитической переориентации и готовности подчинить страну Порте не давали положительных результатов. Старейшинам, разделявшим взгляды князя относительно Турции, Данило «обещал золотые горы, а тем из них, которые осмеливаются противоречить или только напомнить о России с признательностью и уважением, грозит немедленным лишением мест, изгнанием и даже смертью»²⁵¹. П.Н. Стремоухов сообщал о том, что одного слова со стороны любого черногорца в защиту России достаточно, чтобы «подвергнуть сказавшего всей немилости князя». Отношения Данилы с русским консулом обострились до такой степени, что князь, по мнению Стремоухова, замыслил его физическое устранение²⁵². В письме к священнику русской православной церкви в Вене М.Ф. Раевскому консул, не стесняясь в выражениях, писал следующее: «Черногорию, кажется, окончательно губит сумасшедший негодяй Данило, совершенно отдавшийся в руки французским агентам и интригантам и думающий только об обогащении себя какими бы то ни было средствами, а свобода отечества и православие для него совершенно пустые слова. Все мои усиленные старания направить его на путь истины остались тщетными, и он до того вооружен против всего русского и так неприлично показывает это на вид, что я должен был прервать с ним все сношения. Все в воле Господней, но если не произойдет какой-либо благоприятной перемены, то эта страна окончательно погибнет и в политическом и в религиозном отношении»²⁵³. Заметим, что открытая конфронтация между российским дипломатом и черногорским князем лишь усугубляла и без того сложную ситуацию в русско-черногорских отношениях. Этим, в свою очередь, умело пользовались Геккар и Деларю, усиливая свое влияние на Данилу²⁵⁴.

Русское правительство, не желавшее смириться с потерей своего влияния в Черногории, прибегало в свою очередь к политике угроз и обещаний. Как вполне реальный рассматривался вариант отстранения князя Данилы от власти и замены либо на Георгия Савова Петровича или его племянника Крсто²⁵⁵. Также было принято решение прекратить выплату денежной субсидии, если Черногория признает сюзеренитет Порты. В то же время предлагалось сделать 80-тысячную субсидию бессрочной, если князь Данило откажется от своих намерений²⁵⁶. Французскому представителю в Петербурге графу Ш. Морни во время беседы в МИДе было замечено, что консул Геккар явно превышает в Черногории свои полномочия²⁵⁷. В условиях начавшегося русско-французского сближения Морни убеждал министра иностранных дел Ф.А. Валуевского в нецелесообразности портить отношения с Петербургом из-за второстепенного, с точки зрения французских интересов, черногорского вопроса²⁵⁸. Заметим, что, добываясь содействия Франции в черногорском вопросе, правительство России с самого начала дало понять парижскому кабинету, что не согласится ни на какие компромиссы, которые могли бы закрепить французское влияние в Черногории, изменить ее политический статус в отношении Турции.

Действия российской дипломатии принесли свои плоды, и князю Даниле вскоре пришлось в этом лично убедиться. Произошло это во время визита Данилы в Париж в марте-апреле 1857 г. Перед поездкой князь направил в Вену Д. Вуковича с целью «узнать по сему предмету» мнение австрийского правительства, а также российского и французского посланников в Вене. Все вышеназванные высказались против вояжа Данилы в Париж, но каждый по-своему аргументировал это. Российский посол А.Ф. Будберг отмечал, что визит Данилы не отвечает как интересам России, так и черногорского народа. Бесплезным путешествием считал это австрийский премьер-министр и министр иностранных дел К.Ф. Буоль. Вместе с тем он не видел для Черногории иного пути, кроме как признать сюзеренитет Порты и покровительство западных держав. Схожее мнение высказал и французский посланник барон Буркене²³⁹. В итоге адъютант князя оказался более прозорливым, нежели Данило. Поэтому, возвращаясь из Вены, Вукович заехал в Дубровник, где при встрече со Стремоуховым поинтересовался у него, каким способом Данило может вновь вернуть «благосклонное расположение России», обещая при этом отговорить князя от поездки во Францию. Ответ Стремоухова был прост и прямолинеен. Это станет возможным, как только князь «чистосердечно откажется от замышляемого им уничтожения свободы Черногории и начнет управлять ею сообразно с истинными ее пользами»²⁴⁰. Вукович застал Данилу в Которе, на пути в Париж, но все его попытки переубедить князя оказались бесполезными. Уверенный в полном успехе своего визита, Данило продолжил путь во Францию. Более того, перед своим отъездом он многолюдно объявил, что всякий из черногорцев, который посмеет произнести хотя бы одно слово в защиту России и ее правительства, будет сочтен изменником и казнен²⁴¹. Получалось так, что смерти заслуживал и его адъютант Вукович, который, конечно, не осмеливался категорично заявлять князю о бессмысленности и вреде разрыва отношений с Россией, но понимал это.

Поскольку на визит Данилы не было дано официального согласия руководства Франции, он вместе с женой и свитой отправился в путь как «Катунский воевода». В Париже первая, хотя и неофициальная встреча на высоком дипломатическом уровне состоялась у Данилы с русским послом во Франции П.Д. Киселевым. Князь, излагая свои планы, заявил, что у Черногории есть только два выхода из существующего положения. Это признание европейскими державами независимости Черногории от Турции с предоставлением ей различного рода субсидий либо при условии территориального расширения Черногории – ее согласие на признание сюзеренитета султана. Ввиду нереальности первого выхода Данило выбрал второй. Выслушав князя, Киселев, не вдаваясь в подробности, заявил только, что его правительство недовольно поведением черногорского князя²⁴².

Однако и расчет Данилы на поддержку его плана Францией оказался излишне оптимистичным. Князю был оказан сдержанный прием Наполеоном III и Ф.А. Валуевским. Валуевский посоветовал князю непосредственно самому договариваться обо всем с Портой, обещая при этом содействие со стороны французского и русского посланников в Константинополе Тувенеля и Бутенева. Однако такой вариант не устраивал Петербург, поскольку российское руководство, и небезосновательно, сомневалось, что в

Константинополе Англия и Австрия не поддержат турецкое правительство, обойдут молчанием вопрос о признании верховенства Порты над Черногорией²⁴³. Это было неприемлемо для России, но пока еще устраивало черногорского князя. В его апрельской ноте, направленной Наполеону III, выражалось согласие на признание сюзеренных прав Османской империи над Черногорией ради ее территориального расширения или выхода к морю. Князь также просил императора как союзника Порты содействовать разграничению между Черногорией и Турцией, на что дано было согласие²⁴⁴.

Пока князь Данило совершал свой парижский вояж, русская дипломатия активизировала деятельность в самой Черногории, где политика князя, направленная на компромисс с Портой и в ущерб независимости страны, вызывала глубокое недовольство. Против князя был организован заговор, который возглавили Георгий Савов Петрович и Милорад Медакович. Являясь сторонниками сохранения русского влияния в княжестве, и тот и другой были влиятельными политическими фигурами, имели несомненные заслуги перед страной, пользовались уважением в народе. В те дни П.Н. Стремоухов, явно сочувствовавший заговорщикам, информировал российское министерство иностранных дел о возможном восстании в Черногории с целью низвержения князя. Александр II, ознакомившись с донесением консула, сделал следующий вывод: «Если все население выступит против Данилы, оно может рассчитывать на нашу поддержку, так как мы не собираемся заботиться об этом несчастном»²⁴⁵.

Однако брат Данилы воевода Мирко Петрович сумел проникнуть в замыслы заговорщиков и оповестил о них князя. Из Парижа немедленно последовало отданное телеграфом распоряжение Данилы изгнать из Черногории всех родственников эмигрировавшего в Котор Георгия Савова Петровича, их имущество подлежало конфискации. Князь также распорядился объявить народу, что Георгий Петрович и М. Медакович получили деньги от России, чтобы вызвать народное возмущение²⁴⁶.

Георгий Петрович и Милорад Медакович, который также бежал в Котор, направились оттуда в Вену, где Георгий Петрович намеревался просить австрийское правительство о создании международной комиссии для расследования положения в Черногории и путем коллективного вмешательства низложить Данилу. Однако эта идея не встретила поддержки в Петербурге, где сочли, что постороннее вмешательство в черногорские дела может осложнить ситуацию для России. Посол в Вене А.Ф. Будберг сумел убедить Георгия Петровича отказаться от его идеи, а взамен предложил, воспользовавшись отсутствием Данилы, возглавить восстание против князя, видя в этом единственное средство избежать закабаления страны Турцией. Будберг проинформировал Георгия Петровича, что субсидирование Черногории со стороны России будет продолжаться по-прежнему, но только в том случае, если скупщина провозгласит нового правителя. Георгий Петрович выразил готовность возглавить антикняжеское восстание, но при условии денежной помощи с русской стороны и предоставления убежища в России для себя и своих сторонников в случае его неудачи. Через консула Стремоухова все это было ему обещано Горчаковым²⁴⁷.

Российское руководство, сам император рассчитывали, что низложение Данилы позволит разрешить черногорский вопрос не только в интере-

сах России, но и самой Черногории, ее народа. В эти дни Александр II писал великому князю Константину Николаевичу: «Узнал, что кн. Данило успел всех восстановить против себя, и весьма вероятно, что черногорцы не впустят его обратно. Если Франция вмешается в это дело, то из этого опять может завариться каша, так как мы не оставим черногорцев на произвол западных держав и Турции»²⁴⁸. В российском руководстве преемником князя Данилы видели либо Георгия Савова Петровича, либо его племянника Крсто, которые безоговорочно были настроены пророссийски.

Казалось, что князь Данило обложен со всех сторон, но все оказалось тщетным. Нерешительность руководителей заговора свела на нет все усилия со стороны России заменить черногорского правителя своим ставленником. Данило вернулся из Парижа, момент для восстания был упущен, и князь подверг репрессиям всех, кого он подозревал в заговоре. «В Черногории царствует теперь совершенное спокойствие, за которое Данила должен быть благодарен деятельности Мирко и прочих своих приверженцев, потому что в последнее время захвачены и посажены под арест все сколь-нибудь влиятельные лица, мнения которых неблагоприятны политике князя, и народ решительно остался без руководителей», – отмечал П.Н. Стремоухов в письме к Е.П. Ковалевскому²⁴⁹. Вместе с тем долго копившееся в народной среде недовольство внешней политикой князя стало нарастать. Российский консул в Скутари (Шкодре) А.Е. Сученков, ссылаясь на свои источники, информировал посланника в Константинополе А.П. Бутенева о том, что «народ ропщет на князя Данилу более, нежели когда-нибудь»²⁵⁰.

Радикальный способ решения черногорской проблемы стал невозможен, и за дело вновь взялась дипломатия. Последовавшее в сентябре 1857 г. свидание русского и французского императоров в Штутгарте создало дополнительные возможности для разрешения черногорского вопроса в интересах России. В обмен на косвенное обещание Александра II занять нейтральную позицию в предстоящей франко-австрийской войне Наполеон III согласился уступить России в черногорском вопросе. Однако российской дипломатии, по словам Горчакова, пришлось немало потрудиться, чтобы на деле обеспечить себе содействие в этом французского правительства²⁵¹.

Таким образом, рушились непомерные надежды, возлагавшиеся Данилой на Францию, и опять Россия становилась той силой, на которую приходилось опираться смирившему свою гордыню и амбиции князю. К тому же, и это главное, сам Данила к этому времени стал прозревать и уже не верил, как прежде, обещаниям Геккара о расширении границ Черногории²⁵². Сменивший Стремоухова на должности генерального консула в Дубровнике Константин Дмитриевич Петкович в письме канцлеру А.М. Горчакову замечал, что Данило начинает чувствовать «тяжесть и невыгоды положения, в которые он себя поставил относительно к нам»²⁵³. В свою очередь секретарь князя Данилы по внутренним делам Л. Влахович, находясь проездом в Которе и встречаясь с доверенными лицами К.Д. Петковича, заявил: «Жизнь Черногории без России есть полужизнь, что князь готов сделать все, что от него зависит, чтобы загладить все прошедшее и возобновить благоденственный для его края союз с Россией»²⁵⁴. Данило был полностью готов сделать первый шаг к примирению. И в этом определенную положительную роль сыграл сербский литератор и публицист, русофил по убежде-

ниям, родственник сербского князя Александра Карагеоргиевича Любомир Ненадович, прибывший в Черногорию в самом конце 1857 г. либо в начале января 1858 г. для организации в Черногории типографии и издательского дела. Он по поручению князя доставил российскому послу в Вене Будбергу письмо от князя Данилы, где выражалось его желание и черногорских властей восстановить традиционные политические отношения с Россией²⁵⁵. В свою очередь сам Данило через К.Д. Петковича направил письмо Александру II, в котором, именуя императора «великим покровителем и всегдашним благодетелем», заявлял, что всегда был предан России, и просил о возобновлении покровительственных отношений²⁵⁶. Однако Александр II по-прежнему не доверял Даниле. На утверждение князя о том, что его противники представляют Данилу «своему отечеству смертельным врагом», император сделал следующую собственноручную помету: «Таким я его и считаю»²⁵⁷. Одновременно князь Данило пытался воздействовать и на канцлера А.М. Горчакова, обращаясь к нему с просьбой сделать все возможное, чтобы опять возобновить прерванные отношения с Черногорией²⁵⁸. В июне 1858 г., впервые после разрыва отношений, К.Д. Петкович нанес визит в Цетинье, где его ожидал самый радушный прием не только со стороны восторженных черногорцев, но и князя. Данило убеждал консула в желании сохранить милость православного царя и свободу Черногории, заявляя, что черногорцы «жертвуют свою жизнь только за три вещи: свою веру, независимость и преданность к России». Стремясь дезавуировать все то, что он сделал ранее, князь старался убедить К.Д. Петковича, что его план признания верховной власти Турции над Черногорией был вызван исключительно тем, чтобы оправдать себя в глазах Европы миролюбивым желанием закончить вековые споры с турками²⁵⁹.

Спешить князя с нормализацией черногорско-русских отношений заставляло и то обстоятельство, что Порта вновь заняла угрожающую позицию в отношении Черногории. Случилось это после новой волны антитурецких выступлений летом 1857 г. в пограничных областях Герцеговины. Центром антитурецкого восстания в 1857-1858 гг. стало опять Грахово, населению которого черногорский князь запретил платить налоги местным феодалам. Под давлением австрийской и английской дипломатии князь Данило вынужден был официально провозгласить нейтралитет, заявив о невмешательстве Черногории в герцеговинские события. Однако в действительности черногорский правитель всячески содействовал разрастанию восстания в Герцеговине и закреплению там черногорского влияния. Он рассчитывал тем самым добиться фактического расширения территории княжества путем привлечения на свою сторону пограничного православного населения и перехода его в черногорское подданство. В Герцеговину скрытно просачивались боевые отряды черногорцев, их помощь повстанцам была эффективной, помогала одерживать победы в сражениях с турками. Князь упорно продолжал настаивать на своей непричастности к герцеговинским событиям, заявляя, что черногорцы-перебежчики (ускоки) действуют самостоятельно, последние также делали вид, что не имеют связей с Черногорией и ее правителем. Впрочем, этим заявлениям мало кто верил в Европе, а Порта не сомневалась, что в эпицентре герцеговинских событий находятся черногорцы и их князь. Присланные в Герцего-

вину комиссары Порты Камаль-эфенди и Кияни-паша (Джани-паша) были убеждены, что райи восстали не вследствие злоупотреблений со стороны османских властей, а были «возбуждены извне», то есть Черногорией²⁶⁰. Британский вице-консул в Мостаре Черчилль потребовал от Данилы удаления черногорцев из Герцеговины.

В отличие от Англии, чья политика традиционно ориентировалась на поддержку всех требований Порты, Австрия вела более умелую и тонкую игру в Герцеговине. Российский консул в Мостаре А.С. Ионин информировал Петербург в январе 1858 г., что Австрия в начале восстания открыто снабжала христиан порохом и свинцом²⁶¹. В свою очередь К.Д. Петкович сообщал в российское министерство иностранных дел лишь об обещаниях со стороны Австрии оказать помощь повстанцам боеприпасами и даже войсками²⁶². Одновременно с этим австрийские власти призывали герцеговинское население принять покровительство Австрии и даже перейти в ее подданство путем получения австрийских паспортов, обещая при этом избавление от турецкой власти, уплаты податей и несения повинностей²⁶³. Как верно замечает российский историк-славист В.И. Косик, такая умная тактика позволяла Австрии осваивать Боснию и Герцеговину²⁶⁴. И здесь Черногория и ее князь были как кость в горле для Вены, выступая как соперник габсбургской монархии, в значительной степени затрудняя и перекрывая пути ее проникновения в Герцеговину, препятствуя закреплению там австрийского влияния. Австрия, признававшая независимость Черногории в ходе черногорско-турецкой войны 1852-1853 гг., теперь вновь видела в ней лишь турецкую провинцию, поскольку считала именно ее главной виновницей активизации национально-освободительного движения на Балканах. Таким образом, сложившаяся обстановка и развитие событий существенно и негативным образом для Вены затрагивали австрийские интересы в здешнем регионе Балкан. Действия князя Данилы представляли угрозу, по крайней мере потенциальную, не только для Герцеговины и турецких владений на Адриатике, но и для австрийской Далмации, бывшей в то время австрийским захолустьем, слабо развитой в экономическом и культурном отношении провинцией. Австрийские чиновники не высказывали желания служить в Далмации. По остроумному замечанию известного французского исследователя и путешественника К. Мармье, «Для жителя Вены ехать в Далмацию все равно что жителю Санкт-Петербурга в Иркутск»²⁶⁵. В перспективе присоединение к австрийским владениям Боснии и Герцеговины позволило бы Австрии помимо прочего укрепить и обезопасить положение Далмации, окруженной со всех сторон турецкими владениями, соседствовавшей с «разбойничьим гнездом» – так австрийская пресса в те времена именовала Черногорию. Таким образом, вольно или невольно Черногория и ее князь вновь оказались в центре балканских событий.

Находившиеся в Герцеговине комиссары Порты призывали повстанцев сложить оружие, суля помилование тем, кто сделает это добровольно. Одновременно с этим Камаль-эфенди предложил Даниле вступить в переговоры по поводу спорных территорий (Грахово, Зубцы, Баняны и др.), обещая удовлетворить территориальные претензии князя при условии признания им верховной власти султана. В этом случае Даниле были обещаны деньги на содержание правительства, церквей, школ и пр.²⁶⁶ Камаль-эфен-

ди пригласил в Мостар черногорских представителей, и туда был направлен секретарь князя Анри Деларю. Турецкий комиссар потребовал, чтобы Черногория прекратила какое-либо вмешательство в герцеговинские события и официально признала султанский сюзеренитет над ней. В свою очередь Деларю заявил, что сначала Черногория должна получить часть Герцеговины, принадлежавшую ей в силу исторического права, и только затем начать переговоры о признании султана сюзереном, да и то только в отношении тех областей Герцеговины, которые отойдут к Черногории²⁶⁷. Такая позиция черногорской стороны, естественно, не могла удовлетворить Порту, и переговоры были прерваны. Несмотря на настойчивые рекомендации со стороны Австрии Данило решительно отказался от каких-либо переговоров о турецком сюзеренитете. «В первый раз можно его похвалить», – так отозвался об этом решении князя Александр II²⁶⁸.

В марте 1858 г. из Стамбула в Герцеговину было отправлено 3,5 тысячи воинов во главе с Кадри-пашой, а в конце апреля 1858 г. Турция, пользуясь молчаливым согласием Австрии, сконцентрировала войска под общим командованием Хусейна-паши вблизи черногорских границ и двинула их в сторону Грахова. Таким образом, турецкая оккупация Черногории становилась все более реальной. В дело была вынуждена вновь вмешаться дипломатия. И здесь франко-русское сближение по черногорскому вопросу опять сыграло свою положительную роль. В эти тревожные для Черногории и князя дни Наполеон III заявил, что не потерпит вторжения Турции в Черногорию. Александр II, отказывая в турецких претензиях на Грахово, считал нужным выступить по этому поводу с демаршем перед Портой, а в случае его игнорирования император предлагал отозвать российского посла из Константинополя. Во французской прессе появилась статья, где высказывалось мнение, что хотя Парижский договор и гарантировал целостность Османской империи, но не ценою жертвования христианским элементом и населением, которое веками могло сохранять независимость²⁶⁹.

Таким образом, серьезная дипломатическая атака на Порту была подготовлена. Произведенный затем совместно русско-французский демарш в категорической форме поставил перед Портой два вопроса, суть которых заключалась в том, намерена ли Турция вооруженным путем решать черногорский вопрос и обязуется ли она немедленно отвести войска от Грахова или намерена его оккупировать. Благодаря нажиму со стороны Франции к демаршу присоединилась и Великобритания. Это произвело ошеломляющее впечатление на Порту, привыкшую к британской поддержке, которая распространялась и на признание Черногории частью Османской империи. Одновременно Уайт-холл внес предложение создать международную комиссию из представителей пяти держав с участием представителей Черногории и Турции для обсуждения вопроса о разграничении Османской империи и Черногории²⁷⁰. В Петербурге эта идея британского кабинета была воспринята без колебаний. Австрия, хотя и крайне неохотно, согласилась принять участие в переговорах о разграничении, но лишь в случае признания Черногорией вассальной зависимости от Османской империи. Более того, Австрия продемонстрировала готовность совместно с Турцией оккупировать Черногорию²⁷¹.

Несмотря на такой беспрецедентный международный нажим трех ведущих европейских держав турецкие войска все же вошли в Грахово с це-

лю изгнать находившихся там черногорцев. Как только это стало известно в Цетинье, в район Грахово были направлены черногорские войска под общим командованием Мирко Петровича численностью около 7500 человек, в распоряжении которых была одна артиллерийская батарея. Элитной частью являлась гвардия князя в 400 воинов. Турецкие силы насчитывали примерно 7000 человек²⁷². Это были как регулярные войска, так и башибузуки. Первоначально дело ограничивалось сравнительно небольшими стычками в конце 20-х чисел апреля, где потери были с обеих сторон и в ходе которых черногорцы, ложно отступая, преследовали цель окружить турок. Тогда черногорцы имели возможность дважды пленить Кемалья-эфенди, но не стали так поступать в отношении дипломата и комиссара Порты, не дав решительного сражения туркам²⁷³. Затем 1 (13) мая 1858 г. произошла знаменитая в черногорской истории Граховская битва, в ходе которой объединенные силы черногорцев и герцеговинских повстанцев под командованием Мирко Петровича наголову разбили турецкие войска. В Граховском сражении на стороне черногорцев также приняло участие и значительное число австрийских подданных из приграничных мест Далмации. Это были бокезцы, рисанцы, кривошеяне²⁷⁴.

По свидетельству секретаря консульства в Сараеве А.С. Ионина, который во время этих событий побывал в Требинье, черногорцы с необыкновенной быстротой и силой атаковали турок. Произведя выстрелы из ружей и пистолетов, они бросали это оружие, их стройные массы рассыпались по полю битвы, черногорцы вырывали ружья из рук турецких солдат, вселяя в них панический ужас. Обращенных в бегство турок нагонявшие черногорцы хватили за головы и резали как овец. По словам А.С. Ионина, само главное сражение длилось не более получаса, а преследование бегущих турок продолжалось 4 часа до Клобука, где черногорцы остановились, взяв в осаду эту крепость. Продолжавшие бегство турки в количестве около 2 тысяч человек, из которых спаслось только несколько офицеров, бросив оружие, укрылись в Требинье, где они, как замечал видевший их Ионин, в течение 8 часов не могли ничего говорить. Не попали в руки черногорцев и 400 турецких егерей из селения Билече, так и не пришедших на помощь основным турецким силам в Граховской битве из-за страха перед черногорцами. Спаслось также около 100 человек турецкой кавалерии. Турецкие потери составили около 5 тысяч человек, черногорцы захватили также 8 пушек²⁷⁵. Среди погибших был Кадри-паша и значительная часть офицеров. Следует заметить, что главнокомандующий черногорскими войсками Мирко Петрович заходил слишком далеко, когда определял количество турецких войск в битве при Грахово цифрой 13 тысяч человек, из которых спаслось бегством около 200 или 300 человек. При этом он, сам себе противореча, утверждает, что в бою погибло только 7 тысяч турок. Куда делись остальные 5800 или 5700 турок, непонятно²⁷⁶. Цифры турецких потерь в Граховском сражении все же завышались и А.С. Иониным, не говоря уже о Мирко Петровиче. Посланный в конце мая 1858 г. австрийский жандармский офицер насчитал 2232 скелета в Грахово и окрестностях²⁷⁷, которые, безусловно, принадлежали туркам, поскольку своих погибших черногорцы похоронили. Которский окружной «капетан» Дойми определял число погибших турок в 3 тысячи человек²⁷⁸. Австрийские данные, вероятно, все же ближе к истине.

Черногорские потери составили всего около 200 человек убитыми и 300 ранеными. Так по крайней мере утверждал князь Данило²⁷⁹, хотя эта цифра возможно была и выше. В Стамбуле, скрывая от населения сам факт поражения от черногорцев при Грахово, публиковали ложные сведения, что в сражении 1 (13) мая турецкие потери составили 700-800 человек, тогда как черногорские их намного превосходили²⁸⁰.

Граховская победа упрочила военное положение Черногории, сделала ее менее уязвимой. Биограф князя Данилы академик Б. Павичевич справедливо замечал по этому поводу, что защита Грахова для Данилы являлась защитой Цетинье²⁸¹, поскольку оккупация Грахова создавала удобный плацдарм для нападения на Черногорию и проникновения в глубь ее. Граховская победа всенародно праздновалась в Черногории, в ее честь была отлита специальная медаль. В июле 1859 г. князь издал декрет о присвоении Мирко Петровичу наследственного почетного звания «Граховский воевода». Черногорская победа нашла широкий отклик в Европе, особенно в югославянских землях и «славянском мире» в целом, где авторитет Черногории и ее князя необычайно возрос. Когда же участник многих политических событий того времени черногорский сенатор и воевода Иво Раков Радонич посетил находившийся под английским владычеством остров Корфу, то восторженная толпа греков прославляла черногорцев и выкрикивала: «Будем бить вместе турок и англичан»²⁸².

Поражение при Грахово, но главным образом весомая международная поддержка Черногории сделали Порту уступчивой. Турция прекратила военные действия, пошла на перемирие с герцеговинскими повстанцами, дала согласие урегулировать взаимоотношения с Черногорией и провести с ней разграничение. В свою очередь Россия и Франция усилили обоюдный нажим на Турцию, прибегнув даже к совместной военно-морской демонстрации в поддержку черногорских требований в конфликте с Портой. Появление у берегов Адриатики французских линейных кораблей «Альжесирас» и «Эйлау» и русского фрегата «Полкан» из направленной в Средиземное море эскадры контр-адмирала Беренса произвело в Европе, особенно в Вене, надлежащее впечатление, возымело эффект и на Порту.

Командир русского фрегата капитан второго ранга Ф.О. Юшков с женой, тремя офицерами и сопровождавшим их консулом К.Д. Петковичем в конце сентября 1858 г. посетили Цетинье с трехдневным визитом. Черногорский князь произвел на Юшкова самое благоприятное впечатление: «Это человек с большими достоинствами, умеет владеть собою и обладает сильною энергиєю, я заметил, что его любят и в то же время боятся. Разговор его привлекателен, когда он говорит, голубые глаза его загораются, мысли его оригинальны, он говорит скоро и с жаром, но всегда очень ясно и убедительно, без сомнения, это человек необыкновенный»²⁸³. Времена поменялись, ситуация стала иной. Теперь Россия и русские стали вновь в почете у князя. Ни слова упрека в адрес России не услышали русские офицеры за время пребывания в Цетинье. Князь – сама любезность, он наградил моряков орденами «За независимость Черногории», княжна Даринка – умна, образованна и тактична, радушная хозяйка и очаровательная женщина. С такими впечатлениями Юшков покидал Цетинье, считая, что «эти три дня навсегда останутся запечатленными в нашей памяти». Одновременно

с этим покинул Черногорию и Анри Деларю. Однако французское влияние здесь еще пока сохранялось. Впрочем, такого опасения, как ранее, оно уже не вызывало. Наоборот, теперь Франция становилась главной союзницей России в вопросе о разграничении Черногории и Турции. Под давлением России и Франции, к которому присоединилась Великобритания, а затем и другие европейские государства, турецкое правительство согласилось на переговоры о разграничении с Черногорией. Для этого была создана международная демаркационная комиссия, работой которой руководили представители России, Франции, Австрии, Великобритании и Пруссии. Россию представлял инженер-капитан Генерального штаба А.Е. Влангали, к которому был прикомандирован топограф Быков, Францию – консул Й. Геккар, Австрию – капитан Генерального штаба Йованович, Великобританию – консул в Мостаре Черчилль, Пруссию – Штайн-Комински. Интересы Османской империи представлял Кемаль-эффенди, а Черногории – адъютант князя Данилы Д. Вукович. Состав комиссии менялся: в частности, в 1859 г. А.Е. Влангали заменил генеральный консул в Дубровнике К.Д. Петкович.

Комиссия начала свою работу в конце июля 1858 г. Разумеется, разграничить территорию, на которой на протяжении многих десятилетий велась кровопролитная борьба, была крайне трудно, поэтому черногорско-турецкое разграничение проходило в сложных условиях. На заседаниях комиссии между ее членами постоянно возникали споры и разногласия по поводу определения границы. При этом русский и французский представители, Влангали и Геккар, старались последовательно отстаивать интересы Черногории²⁸⁴. Представитель Австрии в первую очередь учитывал интересы Турции, к нему, хотя и с некоторыми оговорками, примыкал представитель Великобритании. Прусский представитель в основном занимал нейтральную позицию.

Документацию об установлении границы комиссия представила в турецкую столицу, где состоялась конференция послов великих держав (России, Франции, Великобритании, Австрии, Пруссии) и Порты. 27 октября (8 ноября) 1858 г. на последнем, пятом, заседании конференции была подписана конвенция о разграничении, при этом главными защитниками черногорских интересов были послы России и Франции, А.П. Бутенев и Тувенель. Однако при этом черногорцев поджидал неприятный сюрприз, поскольку на карте разграничения отмечалось, что граница проводится не между Черногорией и Турцией, а между «Албанией, Герцеговиной и Черногорией»²⁸⁵, какой она была на март 1856 г. Именно на таком варианте удалось настоять турецкой стороне, утверждавшей, что разграничение происходит между турецкими владениями, к которым она относила и Черногорию. Вместе с тем следует отметить, что эта надпись на карте не имела в реальности каких-либо политических последствий для Черногории. То, что дело обстояло именно так, отмечал К.Д. Петкович. Выражая суть российской политики, консул замечал, что помощь со стороны России заключалась в проведении разграничения между Черногорией и Османской империей, по возможности не затрагивая при этом вопрос о международном статусе Черногории. Эта формальность была необходима для избежания затруднений, которые могли возникнуть со стороны турецкого правительства и некоторых посланников при Порте, не желавших открыто признать независимость Черногории²⁸⁶.

Окончательно международная комиссия по разграничению завершила свою работу лишь в апреле 1860 г., а последний пограничный знак был установлен в ноябре в районе Спича. Территория Черногории расширялась на западных и северо-западных рубежах в сторону Герцеговины и Шкодринского санджака. К ней были присоединены Грахово, Рудина, Ускоке, Никшичская Жупа, Тушина, Липово, около половины Дробняка, части Кучи, Додоше, Верхние Васоевичи. Территория Черногории увеличилась на 1500 км² и теперь составляла 4400 квадратных километров, а население увеличилось до 125-130 тысяч человек²⁸⁷. Однако страна по-прежнему оставалась отрезанной от моря, а без морского порта, как справедливо отмечал князь Данило, Черногория – тело без души. Кроме того, в результате разграничения вне пределов Черногории оказались Зубцы, Крушевицы, Баняны, Пива, часть Дробняка, Шаранцы, Нижние Васоевичи и Кучи Дрекаловичи. Положение этих областей теперь только ухудшилось, поскольку ранее власть Порты была здесь сугубо номинальной, господствовали черногорские порядки и турецкие чиновники не осмеливались даже появляться в этих местах²⁸⁸. Неслучайно, что вскоре население Банян, Зубцев и Крушевицы не захотело признать решение Константинопольской конференции, заявив Порте, что оно считает себя черногорскими подданными²⁸⁹. Таким образом, территориальные проблемы в черногорско-турецких отношениях сохранялись. Вместе с тем Черногория, присоединив герцеговинские области, стала существенно богаче лесами и пастбищами, значительно увеличила свои силы родным, тесно связанным с черногорцами населением.

Однако мир на новых границах Черногории все же не был прочен. Когда в ноябре 1859 г. И. Геккар от имени французского правительства советовал князю Даниле поддерживать мир на границе с Турцией, то Мирко Петрович ответил французскому дипломату следующее: «между Турцией и Черногорией не может быть мира до тех пор, пока ни одного турецкого воина не будет вблизи Черногории и пока наши братья не освободятся от турецкого ига и не обнимут друг друга как другие счастливые народы»²⁹⁰.

Само по себе черногорско-турецкое разграничение, а в реальности оно таковым являлось, с международно-правовой точки зрения следует все же воспринимать как нонсенс, поскольку Черногория вплоть до 1878 г. официально продолжала считаться частью Османской империи. Вместе с тем этим разграничением Черногория впервые в своей истории обрела четко очерченные границы, что свидетельствовало о неформальном признании Европой политических реалий, согласно которым черногорское государство являлось фактически независимым, а ее князь – суверенным правителем, что в свою очередь стало важным шагом в борьбе Черногории за обретение международного признания ее независимости. Разграничение Черногории с Османской империей полностью отвечало интересам не только Черногории, но и России. Как отмечал в своем донесении сменивший А.Ф. Будберга на должности посла в Вене В.П. Балабин, этой успешной развязкой достигается одна из важнейших целей российской восточной политики, упрочение фактической независимости Черногории, законное отделение ее от турецких владений²⁹¹. Это суждение высокопоставленного российского дипломата наглядно демонстрировало полное совпадение интересов России и Черногории, чего нельзя, за крайне редким исключением,

сказать о политике других европейских держав относительно Черногории. На присоединенных землях князь Данило проводил политику веротерпимости, мусульмане были уравнены в правах с православным населением, им было гарантировано право собственности на землю. Следствием такой политики князя стало то, что мусульмане оттуда не захотели переселяться в Турцию. Более того, пограничное мусульманское население турецких владений, в основном имевшее славянские корни, переселялось в Черногорию, принимая черногорское подданство. Так поступили мусульмане из Никшича и других мест. Князь Данило наделял мусульман-переселенцев различными льготами²⁹². В связи с разграничением у Данилы возникали идеи, направленные на совершенствование условий жизни черногорцев. В беседе с К.Д. Петковичем он замечал, что теперь начинается для Черногории «новая эпоха жизни с новыми нуждами и потребностями». Князь строил грандиозные по черногорским масштабам планы о переносе «столицы» из Цетинье в другое, более удобное место, о построении новых сел и городов, заведении хотя бы какой-нибудь промышленности, развитии торговли, мечтал об открытии новых школ, о строительстве хороших дорог, о разведении оливковых и тутовых деревьев. Во всем этом Данила надеялся на помощь со стороны России, ибо только она, отмечал князь, была в состоянии упрочить счастье и будущее черногорского народа. Князь просил Петковича ходатайствовать перед русским правительством о присылке в Черногорию опытного инженера для выбора места новой столицы и укрепления черногорских границ, а также просил оставить топографа Быкова для составления карты Черногории²⁹³. Вполне можно предположить, что Данила, обладавший решительностью, настойчивостью и упорством, смог бы, хотя бы частично, претворить в жизнь свои замыслы. Мог князь в этом деле рассчитывать и на помощь со стороны России, отношения с которой нормализовались, а приостановленная во время конфликта ежегодная денежная субсидия в размере 80 тысяч рублей была восстановлена. Однако на эти преобразования требовалось время, причем немалое, а его у князя оставалось совсем немного.

В конце 50-х годов происходит усиление единоличной власти князя. «При посещении мною Черногории я не мог не удивиться покорности всех черногорцев разных нахий верховной власти князя и страху, не без уважения, который он умел к себе вселить. Все почти нахии вносят аккуратно подати, чего прежде многие слышать не хотели; споры между ними не обращаются в кровопролитие и везде власть князя действительна», – замечал по этому поводу А.Е. Влангали²⁹⁴.

Внимание всех югославянских народов, находившихся под турецким владычеством, было приковано к Сербии и Черногории, поскольку на эти два княжества возлагались самые большие надежды в борьбе за освобождение. Поэтому от того, как складываются сербско-черногорские отношения, многое зависело. При князе Даниле они не были интенсивны и дружественны и носили в основном негативный характер. Явная проавстрийская политика Александра Карагеоргиевича (1842-1858 гг.) не устраивала князя Данилу, делавшего ставку на реставрацию на сербском престоле династии Обреновичей. В свою очередь в сербском руководстве было желание свергнуть Данилу и возвести на черногорский престол Стевана Перовича Цуцу,

племянника митрополита Петра II Негоша²⁹⁵, но этот наиопаснейший враг князя Данилы по его приказу в июне 1857 г. был убит в Константинополе, где незадолго до гибели он вел переговоры с великим визирем о положении дел в Черногории²⁹⁶. Вместе тем, когда Свято-Андреевская скупщина в 1858 г. низложила Александра Карагеоргиевича, то Данило, несмотря на все разногласия, руководствуясь принципом легитимизма, был готов направить в Белград 4-5 тысяч черногорцев для восстановления на сербском престоле низложенного князя как законного правителя Сербии²⁹⁷. Однако до этого дело не дошло. Кратковременность вторичного правления Милоша Обреновича (1859-1860) и смерть самого Данилы не позволили придать импульс развитию черногорско-сербских отношений, хотя он и направил в Белград сенаторов Иво Ракова Радоница и Петара Стеванова Вукотича с поздравлением Милоша в связи с его восшествием на престол. Им также предписывалось узнать планы сербского князя и его окружения относительно положения дел в Европе и какую роль могли сыграть Данило и Милош, если бы «интересы отечества вызвали на сцену также черногорцев и сербов»²⁹⁸. И на излете правления князя Данилы Черногория по-прежнему оставалась маяком для балканских народов, ведущих борьбу за национальное освобождение. В марте 1860 г. Цетинье посетил греческий генерал родом из Македонии, болгарин по национальности, Димитрий Карадаша. Этот, по словам К.Д. Петковича, «старый клефт», отличившийся в боях с турками, известил Данилу, что христиане в Фессалии, Эпире, Македонии и Болгарии готовы к восстанию против турок и в этом деле они надеются на храбрых черногорцев. Поскольку генерал не имел рекомендаций ни из Афин, ни с Корфу, князь не решился с ним откровенничать. Черногория была отправной точкой вояжа Карадаша, намеревавшегося также посетить Вену, Белград и Дунайские княжества. Откровенно беседуя с К.Д. Петковичем по поводу предложений Карадаша, князь заметил, что его внимание обращено теперь на Сербию, поскольку именно она имеет возможность начать сейчас антитурецкую борьбу за освобождение славян. Сетуя на преклонный возраст князя Милоша, Данила высказал все же желание отправить к нему своего эмиссара с призывом приступить к делу. Данила при этом соглашался подчиняться Милошу как простой воин и бороться до последней капли крови за общее благо сербского народа. Одновременно Данило считал, что Европа не будет мешать славянам «устроить свои домашние дела». Свою беседу с Петковичем князь закончил следующими словами: «Наше дело – дело России, и мы питаем крепкую надежду, что она возьмет его в свои мощные руки и не оставит нас блуждать в неведении, обращать взоры к нашим ложным приятелям и искать защиты и опоры там, где ждет нас пропасть и неминуемая гибель»²⁹⁹.

В условиях нарастания национально-освободительного движения балканских народов князь Данило усиливал военные приготовления. В 1860 г. в стране был введен особый налог для закупки военного снаряжения, согласно специальному распоряжению правительства каждый воин был обязан иметь свой запас патронов, в каждой нахии был создан резерв боеприпасов. Проводимые в стране преобразования, направленные на мобилизацию военных ресурсов, не могли не тревожить как Турцию, так и Австрию. Недовольна князем была и оппозиция. Причем если внутренние оппози-

ционеры вынуждены были молчать, то эмигранты ничем не были скованы. Находясь за границей, они публично, в том числе и в прессе, обвиняли Данилу во всех бедах Черногории. Черногорская эмиграция не была однородна, ее особое ответвление представляли поп Пуниша Павичевич и его шурин Тодор Кадич, последний в 1860 г. нашел прибежище в турецких владениях. Тодор Кадич и Пуниша Павичевич помимо прочего имели личные причины ненавидеть Данилу. Князь, чтобы поссорить их со своим противником, эмигрантом Мило Мартиновичем, как уже отмечалось, выдал жену Павичевича при живом и законном муже вторично замуж за мужчину из семейства Мартиновичей, хотя согласно статье 69 Законника князя Данилы за это полагалась смертная казнь³⁰⁰.

31 июля (12 августа) 1860 г. находившийся на отдыхе с княгиней и свитой князь Данило прибыл в Котор, где в тот же вечер во время прогулки на него было совершено покушение. Тодор Кадич с расстояния «двух шагов» выстрелом в спину смертельно ранил князя³⁰¹. На следующий день Данило скончался, успев назначить своим преемником племянника Николу Петровича Негоша, сына Мирко Петровича. Прах князя был переправлен в Черногорию и захоронен в Цетинском монастыре. Возможно, к покушению на князя Данилу каким-то образом были причастны австрийские власти, которым был известен Кадич, получавший от них денежную помощь. Однако на этот счет нет прямых доказательств, да и вряд ли они возможны. «Московские ведомости» несколько позже сообщали, что все австрийские газеты утверждают, что убийство князя Данилы было не политическим актом, а личной мстью³⁰². Во всяком случае, смерть Данилы не повергла Вену в скорбь. Верно было то, что Данило являлся сильнейшей помехой австрийскому правительству, разделявшему мнение губернатора Далмации Л. Мамулы о князе Даниле, считавшего, что не будет мира в Черногории и Герцеговине, пока Данило будет хозяином в Цетинье³⁰³.

Смерть черногорского князя с огорчением была воспринята в славянофильских кругах России. Так, находившийся в то время в Белграде И.С. Аксаков писал в Москву своей матери: «Вот и князя Данилу убили! Убил его не народ и даже не партия Георгия Петровича, изгнанная Данилою из Черногорья, а просто черногорец из личной мести... В настоящую минуту смерть Данилы очень некстати: он поддерживал восстание в Герцеговине и готовился к войне с Турцией. Хотя Данило был и неблагодарен относительно России и подпал под совершенное влияние Наполеона, но жаль его: у него была цель, к которой стремился, – идея, за которую он постоянно подвергал свою жизнь опасности; были честолюбивые мечты и планы за Черногорию. Ему не было и 30 лет (Даниле было 34 года. – Ю.А.), но он непременно присоединил бы к себе Герцеговину и создал бы из Черногории целую державу»³⁰⁴.

Князь Данило оставил заметный след в истории Черногории. Его многогранная реформаторская деятельность заслуживает неоднозначной оценки. Преобразования князя, направленные на централизацию власти и ликвидацию сепаратизма, создание системы налогообложения, совершенствование законодательства и вооруженных сил страны, стали важным этапом на пути модернизации черногорского государства. Вместе с тем его реформы зачастую реализовывались репрессивными методами и

в силу этого встречали отторжение в черногорском обществе, порождали оппозицию там, где Данило мог обрести не противников, а союзников. Непродуманностью и ошибочностью внешнеполитического курса Данилы в 1856-1857 гг., направленного на признание номинального сюзеренитета Турции в расчете на территориальную компенсацию со стороны Порты, был нанесен серьезный политический ущерб Черногории и русско-черногорским отношениям. Все же, несмотря на просчеты и ошибки, зачастую порождаемые амбициозностью и тщеславием князя, ему удалось сделать главное: создать монархическое государство с централизованной системой управления, границы которого впервые в истории Черногории получили международное признание, что стало и косвенным признанием ее независимости от Османской империи.

Начало 50-х годов XIX в. явилось важнейшим этапом в преобразовании государственного строя Черногории. Провозглашение ее княжеством (1852 г.), окончательное подавление сепаратизма (1855-1856 гг.), совершенствование законодательства (1855 г.) – все это завершило полуторавековой период формирования централизованного государства в Черногории. Одновременно с этим закончился переход от архаического для нового времени примитивного республиканского устройства Черногории со значительным наслоением родоплеменных черт в социальной структуре и в политической системе общества к абсолютизму и установлению деспотического режима князя Данилы. Превращение Черногории в монархию знаменовало собой также переход к новым формам антиосманской борьбы – освободительным войнам и выработке внешнеполитической программы княжества, направленной на международное признание независимости страны и расширение территории, которая продолжала и развивала внешнеполитическую концепцию двух последних митрополитов. И здесь победа черногорцев над турками при Грахово (1858 г.) и последовавшее затем черногорско-турецкое разграничение сыграли исключительно важную роль.

Русско-черногорские отношения в этот период, как и ранее, складывались противоречиво. Дипломатическая помощь со стороны России и поддержка ее Австрией явилась решающим фактором, предотвратившим разгром и оккупацию Черногории во время черногорско-турецкой войны 1852-1853 гг. В свою очередь продемонстрированная Черногорией готовность вступить в активную антитурецкую борьбу на Балканах в годы Крымской войны свидетельствовала как об общности интересов России и Черногории, так и о русском влиянии в стране. Поражение России в Крымской войне привело к резкому ослаблению русского влияния в Черногории и поиску новых партнеров на международной арене, способных, по мнению князя Данилы, помочь реализовать внешнеполитическую программу княжества. Однако расчеты на помощь Франции в осуществлении этой цели, несмотря на обнадеживающие заявления ее дипломатии, оказались тщетными и не оправдали надежд правящих кругов Черногории. Ее предложение содействовать значительному расширению черногорской территории взамен признания номинального сюзеренитета Турции оказалось нереалистичным и привело к длительному конфликту в русско-черногорских отношениях, который был ликвидирован лишь через два года, вернув Черногорию к системе прежних дружественных отношений с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Петр II Негош – К.В. Нессельроде, 14 (26) октября 1849 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1849 г. Д.706. Л.9.
- ² Ф.Ф. Шеплинг – П.К. Мейендорфу, 12 (24) февраля 1851 г. // Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е годы). Документы. Отв. ред. Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013. С.674, 675.
- ³ Петр II Негош – П.К. Мейендорфу, 15 (27) июня 1851 г. // Там же. С.677-678; П.К. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 6 (18) июня 1851 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1851 г. Д.331. Л.7-8.
- ⁴ М.Ф. Раевский – А.Д. Блудовой, 9 (21) ноября 1851 г. // Черногорско-русские отношения 1711-1918. Подгорица – Москва, 1992. Књ.1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С.258.
- ⁵ Данило Петрович Негош – П.К. Мейендорфу, 29 октября (10 ноября) 1851 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1851 г. Д.331. Л.18об.
- ⁶ Там же. Л.19.
- ⁷ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош. Књаз црногорски и брдски. 1851-1860. Београд, 1990. С.37.
- ⁸ Духовное завешание Петра II Негоша // Петр II Петрович Негош и Россия... С.667, 669.
- ⁹ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Государственная жизнь. Пгр., 1915. Т.III. С.15-16, 24-25..
- ¹⁰ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.40.
- ¹¹ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Пгр., 1915. Т.III. С.16-17; Петр II Петрович Негош и Россия... С.691-692.
- ¹² *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Пгр., 1915. Т.III. С.17.
- ¹³ Там же. С.16.
- ¹⁴ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979. С.85; Данило Петрович Негош – Николаю I, 11 (23) ноября 1851 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1851 г. Д.331. Л.29.
- ¹⁵ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 8 (20) апреля 1852 г. // *Хитрова Н.И.* Россия и провозглашение Черногории княжеством (1852) // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С.346.
- ¹⁶ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 12 (24) ноября 1851 г. с пометой царя «Быть по сему» // Там же. С.341-342.
- ¹⁷ П.К. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 21 ноября (3 декабря) 1851 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1851 г. Д.331. Л.40-40об.
- ¹⁸ П.К. Мейендорф – черногорскому Сенату, 22 ноября (4 декабря) 1851 г. // Там же. Л.45-46об.; Петр II Петрович Негош и Россия... С.693-694.
- ¹⁹ П.К. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 21 ноября (3 декабря) 1851 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1851 г. Д.331. Л.41-41об.
- ²⁰ Перо Петрович Негош – П.К. Мейендорфу, 23 ноября (5 декабря) 1851 г. Это письмо Перо Томов подписал как «князь», и к нему приложена копия решения ноябрьской скупщины о его избрании «госпадарем» Черногории // Петр II Петрович Негош и Россия... С.691-692.
- ²¹ М.Ф. Раевский – А.Д. Блудовой, 15 (27) января 1852 г. // Черногорско-русские отношения 1711-1918. ... С.264.
- ²² *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.44.
- ²³ М.Ф. Раевский – А.Д. Блудовой, 15 (27) января 1852 г. // Черногорско-русские отношения 1711-1918. ... С.267. М.Ф. Раевский, ссылаясь на полученные им сведения, также сообщал, что Англия предлагала Перо Томову 100 тысяч гульденов ежегодной помощи, если он удержит власть в Черногории в своих руках и откажется от ориентации на Россию.

- ²⁴ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.45.
- ²⁵ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Пгр., 1915. Т.III. С.26.
- ²⁶ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.46.
- ²⁷ К.В. Нессельроде – Николаю I, 8 (20) апреля 1852 г. // *Хитрова Н.И.* Россия и провозглашение... С.345.
- ²⁸ Письмо Сената и старейшин черногорского народа Николаю I, 7 (19) марта 1852 г. // Црногорски законици. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Зборник докумената. Књ.1. Приредили: Павићевић Б., Распоповић Р. Подгорица, 1998. С.158-160; *Андрияшевич Ж.* Черногорская церковь (1852-1918). М., 2011. С.190-192.
- ²⁹ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 8 (20) апреля 1852 г. // *Хитрова Н.И.* Россия и провозглашение... С.344-345.
- ³⁰ П.К. Мейендорф – Е.П. Ковалевскому, 21 марта (2 апреля) 1852 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.356 (Е.П. Ковалевский). Д.266. Л.5-6об.
- ³¹ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.89.
- ³² Секретная инструкция К.В. Нессельроде полковнику корпуса горных инженеров Е.П. Ковалевскому, 31 декабря 1851 г. (11 января 1852 г.) // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). Д.280. Л.1-5об.
- ³³ Там же. Л.10-12.
- ³⁴ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.88.
- ³⁵ Е.П. Ковалевский управляющему министерством иностранных дел Л.Г. Сенявину, 2 (14) апреля 1852 г. // *Хитрова Н.И.* Россия и провозглашение... С.344.
- ³⁶ Данило Петрович Негош – Николаю I, 14 (26) апреля 1852 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1852 г. Д.709. Л.38-39об.
- ³⁷ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 8 (20) апреля 1852 г. // *Хитрова Н.И.* Россия и провозглашение... С.346-348. Забегая вперед, заметим, что князь Данило выбрал в качестве нового митрополита Черногории уроженца Далмации Никанора Ивановича Негоша. Он не был в родстве с Петровичами Негошами, хотя его предки были родом из той же местности – Негошей. Данило желал, чтобы новый владыка был рукоположен в сан в России. На это было получено согласие России, однако Австрия пропустила Никанора через свои владения только после того, как последний отказался от австрийского подданства. И только в декабре 1858 г. Никанор был рукоположен черногорским митрополитом в России (*Достян И.С., Карасев А.В.* Православная церковь и складывание сербской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С.189).
- ³⁸ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.90.
- ³⁹ И.М. Гагич – Азиатский департамент МИДа, 9 (21) августа 1852 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1852 г. Д.709. Л.4; Доклад Л.Г. Сенявина Николаю I, 7 (19) июня 1852 г. // *Хитрова Н.И.* Россия и провозглашение... С.356-358.
- ⁴⁰ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош ... С.62-63.
- ⁴¹ И.М. Гагич – посольству в Вене, 14 (26) сентября 1852 г. // *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош ... С.71-72; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1852 г. Д.709. Л.5-5об.
- ⁴² *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.90.
- ⁴³ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош ... С.69-70.
- ⁴⁴ *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича Стольчанина, визиря герцеговинского (рассказ современника и очевидца) // *Гильфердинг А.* Собр. соч. СПб., 1873. Т.3. С.376.
- ⁴⁵ Там же. С.278; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1864. Документы. М., 1985. С.17. Прим.2.
- ⁴⁶ Дневниковые записки о делах и событиях в славянских землях. // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф.35 (Ламанский В.И.). 1851 г. Оп.4. Д.238. Л.4об.-5.
- ⁴⁷ *Чурић Х.* Црногорско-херцеговачки односи у доба Петра II Петровића Његоша. // Историјски записи (далее – ИЗ). Цетиње, 1951. Књ.7. Св.7-9. С.352.

- ⁴⁸ В.П. Титов – К.В. Нессельроде, 27 января (8 февраля) 1851 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1851 г. Д.521. Л.20-22об.
- ⁴⁹ А.П. Озеров – Л.Г. Сенявину, 4 (16) июня 1852 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1852 г. Д.522. Л.225об.
- ⁵⁰ К.М. Аргиропуло – А.П. Озерову, 28 мая (9 июня) 1852 г. // Там же. Л.230об.-231.
- ⁵¹ К.М. Аргиропуло – А.П. Озерову, 13 (25) августа 1852 г. // Там же. Л.231об.
- ⁵² А.П. Озеров – К.В. Нессельроде, 24 октября (5 ноября) 1852 г. // Там же. Л.445-446.
- ⁵³ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.92.
- ⁵⁴ Там же. С.92-92.
- ⁵⁵ *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Современник. СПб., 1854. Т.45. №5-6. С.76-77.
- ⁵⁶ Копия донесения К.М. Аргиропуло А.П. Озерову, 3 (15) декабря 1852 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1852 г. Д.522. Л.704-708.
- ⁵⁷ И.М. Гагич – Ф.П. Фонтону, 1 (13) декабря 1852 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1852 г. Д.709. Л.10об.
- ⁵⁸ *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки... С.78; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.97.
- ⁵⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины... С.11.
- ⁶⁰ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.92.
- ⁶¹ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.89.
- ⁶² Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. М., 1990. С.300.
- ⁶³ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.96.
- ⁶⁴ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.97.
- ⁶⁵ Князь Данило – И.М. Гагичу, 2 (14) января 1852 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г., Д.324. Л.52-54.
- ⁶⁶ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.97.
- ⁶⁷ *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки... С.78; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.97.
- ⁶⁸ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.97.
- ⁶⁹ *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки... С.78-79.
- ⁷⁰ Князь Данило – И.М. Гагичу, 2 (14) января 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.324. Л.54.
- ⁷¹ Князь Данило – Л.Г. Сенявину, 2 (14) января 1853 г. // Там же. Л.57-58.
- ⁷² *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.98.
- ⁷³ Е.П. Ковалевский – К.В. Нессельроде, 2 (14) марта 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1853 г. Д.1. Л.43-44.
- ⁷⁴ *Александров А.* Материалы по истории Черногорья // Ученые записки Казанского университета. Год LXIV. Казань, 1897. Кн.7-8. Июль-август. С.96.
- ⁷⁵ *Ковалевский Е.П.* Черногория и славянские земли // *Ковалевский Е.П.* Собр. соч. СПб., 1872. Т.IV. С.234.
- ⁷⁶ При осаде Острога погиб знаменитый мартиничский воевода, черногорский сенатор Йован Кнежевич, которому было уже более 80 лет. Черногорцы, перед тем как покинуть монастырь, тайно погребли Кнежевича. Однако турки отыскали его могилу, отрубили ее, отрубили голову и как самый важный трофей отослали в Подгорицу. Там православные жители сумели все же ее заполучить и с честью похоронить (*Ковалевский Е.П.* Черногория и славянские земли // *Ковалевский Е.П.* Собр. соч. СПб., 1872. Т.IV. С.234-235).
- ⁷⁷ И.М. Гагич – Ф.П. Фонтону, 19 (31) января 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.710. Л.2.
- ⁷⁸ Там же. Л.221об.
- ⁷⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.324. Л.87-88.
- ⁸⁰ И.М. Гагич – Ф.П. Фонтону, 19 (31) января 1853 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.710. Л.2.

- ⁸¹ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.108.
- ⁸² *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.98.
- ⁸³ Там же. С.99.
- ⁸⁴ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 8 (20) января 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.19-19об.
- ⁸⁵ Записка Ф.П. Фонтон венскому двору, 1 (13) января 1853 г. // Там же. Л.8-9.
- ⁸⁶ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.101.
- ⁸⁷ Там же. С.99-100.
- ⁸⁸ Там же. С.101.
- ⁸⁹ *Хитрова Н.И.* Позиция России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852-1853 гг. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С.181.
- ⁹⁰ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 8 (20) января 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.21.
- ⁹¹ Ф.П. Фонтон – К.Ф. Буолю, 21 января (2 февраля) 1853 г. // Там же. Ф. Посольство в Вене. Оп.514/1. 1850-1854 гг. Д.53. Л.20-20об.
- ⁹² Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 24 января (5 февраля) 1853 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.324. Л.60-63.
- ⁹³ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 6 (18) февраля 1853 г. // Там же. Л.81об.
- ⁹⁴ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 27 января (8 февраля) 1853 г. // Там же. Л.65-67.
- ⁹⁵ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.102.
- ⁹⁶ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 16 (28) января 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.324. Л.41об.
- ⁹⁷ Подробно о миссии Х.Ф. Лейнингена см.: *Хитрова Н.И.* Позиция России и Австрии... С.182-185; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.114-138; *Шљиво Г.* Лајнингенова мисија у Цариграду 1852 године. // Из. Књ.ХХХІІІ. Св.2. Титоград, 1976. С.187-226; и др.
- ⁹⁸ См. текст ультиматума: *Маркс К.* Русская дипломатия. – Синяя книга по Восточному вопросу. – Черногория // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т.10. С.67-68.
- ⁹⁹ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 29 января (10 февраля) 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.72об.
- ¹⁰⁰ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 29 января (10 февраля) 1853 г. // Там же. Л.77об.
- ¹⁰¹ *Маркс К.* Русская дипломатия... С.67.
- ¹⁰² Ф.П. Фонтон – Е.П. Ковалевскому, 16 (28) февраля 1853 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1853-1860 гг. Д.357. Л.6-6об.
- ¹⁰³ О миссии в Черногорию Е.П. Ковалевского см.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970. С.112-115; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.105-108; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.133-157.
- ¹⁰⁴ *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки... С.46.
- ¹⁰⁵ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 11 (23) и 14 (26) февраля 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.92-93 об., 96.
- ¹⁰⁶ *Ковалевский Е.П.* Жизнь и смерть последнего владыки... С.81.
- ¹⁰⁷ П.К. Мейендорф – А.П. Озерову, 27 февраля (7 марта) 1853 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вене. Оп.514/1. 1850-1854 гг. Д.53. Л.104.
- ¹⁰⁸ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.108.
- ¹⁰⁹ Ф.П. Фонтон – Е.П. Ковалевскому, 5 (17) марта 1853 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1853-1860 гг. Д.357. Л.8об.-9. О миссии А.С. Меншикова см.: *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С.343-359; и др.
- ¹¹⁰ А.С. Меншиков – Ф.П. Фонтону, 9 (21) апреля 1853 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вене. Оп.514/1. 1850-1854 гг. Д.53. Л.36-36об.
- ¹¹¹ Е.П. Ковалевский – А.П. Озерову, 2 (15) марта 1853 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалев-

- ский). 1852-1854 гг. Д.59. Л.15. В письменном обращении к К.В. Нессельроде Е.П. Ковалевский отмечал, что граховское племя храбрейшее в Герцеговине и оно оказало важнейшие услуги России в 1805, 1806, 1807 годах, «участвуя во всех делах с адмиралом Сенявиным». В течение последних 10 лет турки постоянно нападали на Грахово, и это привело к тому, что население этого округа по сравнению с 1840 г. сократилось с 2,5 тысяч жителей до менее чем 1 тысяча человек (Е.П. Ковалевский – К.В.Нессельроде, 7 (19) апреля 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1853 г. Д.1. Л.52об.).
- ¹¹² Князь Данило – Е.П. Ковалевскому, 7 (19) октября 1852 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1853-1860 гг. Д.276. Л.1-1 об.
- ¹¹³ Ф.П. Фонтон – К.В. Нессельроде, 1 (13) марта 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.105-106; Краткая записка о состоянии Черногории (предполагаемый автор Е.П. Ковалевский, составлена вскоре после Крымской войны) // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. Б.Г. Д.711. Л.24об.
- ¹¹⁴ Темизер А. Черногорско-русские взаимоотношения и военные действия Османской империи в Черногории (1852-1853) // Русија и Балкан током последња три столећа. Подгорица - Москва, 2012. С.156.
- ¹¹⁵ Ковалевский Е.П. Жизнь и смерть последнего владыки... С.84; Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.108.
- ¹¹⁶ Темизер А. Черногорско-русские взаимоотношения... С.156.
- ¹¹⁷ Донесение российского генерального консула в Белграде Н.Я. Мухина К.В. Нессельроде, 29 декабря 1853 г. (10 января 1854 г.) // Политические и культурные отношения России и Сербии в 30-50-е XIX века. Документы российского МИД. Отв. ред. и составитель Е.П. Кудрявцева. М., 2013. С.490, 493.
- ¹¹⁸ Павићевић Б. Данило I Петровић Његош... С.166.
- ¹¹⁹ Князь Данило – Е.П. Ковалевскому, 21 марта (2 апреля) 1853 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1853-1860 гг. Д.276. Л.8-8об.
- ¹²⁰ Князь Данило – К.П. Ковалевскому, 3 (15) января 1854 г. // Там же. Л.16.
- ¹²¹ Князь Данило – Николаю I, 20 марта (1 апреля) 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.122-123.
- ¹²² Никчевић Т. Политичке струје у Црној Гори у процесу створања државе у XIX вијеку (Отпор створању државе). Цетинье, 1958. С.188-189. В 1854 г. после подавления оппозиции Перо Томова и его сторонников князь Данило ввел в Сенат еще пять своих сторонников (Јовановић Ј. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Цетинье, 1951. С.255).
- ¹²³ Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.275.
- ¹²⁴ Павићевић Б. Стварање црногорске државе. Београд, 1956. С.309-310; Он же. Данило I Петровић Његош... С.172; И.М. Гагич определял число перебежчиков цифрой свыше 40 человек (АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.217-218).
- ¹²⁵ Перо Томов Негош, М. Мартинович, С. Цуца и др. – П.К. Мейендорфу, Котор, 20 ноября (2 декабря) 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.226-227.
- ¹²⁶ Князь Данило – П.К. Мейендорфу, 18 (30) ноября 1853 г. // Там же. Л.219-221.
- ¹²⁷ Там же. Л.225-225об.; Павићевић Б. Данило I Петровић Његош... С.173.
- ¹²⁸ П.Е. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 11 (23) декабря 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.222.
- ¹²⁹ Ступин Н.Д. Из путевых заметок. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.274.
- ¹³⁰ Е.П. Ковалевский – К.В. Нессельроде, 12 (24) января 1854 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1852-1854 гг. Д.59. Л.46.
- ¹³¹ Е.П. Ковалевский – К.В. Нессельроде, 27 мая (4 июня) 1854 г. // Там же. Л.82.
- ¹³² Ступин Н.Д. Из путевых заметок... С.275.
- ¹³³ Јовановић Ј. Стварање црногорске државе... С.243.
- ¹³⁴ Там же. С.243-244; Никчевић Т. Политичке струје... С.189-190.
- ¹³⁵ Павићевић Б. Стварање црногорске државе. С.395-398; Јовановић Ј. Стварање црногорске државе... С.259-260.

- ¹³⁶ Е.П. Ковалевский – князю Даниле, 9 (21) июля 1854 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1852-1854 гг. Д.59. Л.72.
- ¹³⁷ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С.400.
- ¹³⁸ Там же. С.401.
- ¹³⁹ Уже после смерти Данилы, в 1862 г. консул в Дубровнике К.Д. Петкович сообщал в МИД, что в Черногории не существует оппозиции князю Николаю, поскольку его предшественник «введением централизации и абсолютной формы правления, уничтожил почти все элементы, из которых могли бы образовываться подобные партии» (Црногоско-руски односи 1711-1918. ... С.395).
- ¹⁴⁰ *Јовановић Ј.* Стварање црногорске државе... С.254-255; *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С.362-364.
- ¹⁴¹ *Никчевић Т.* Политичке струје... С.206; Формирование национальных независимых государств на Балканах (Конец XVIII - 70-е годы XIX в.). М., 1986. С.195.
- ¹⁴² *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Пгр., 1915. Т.III. С.26.
- ¹⁴³ *Jstorija drzave i prava Jugoslovenskih Naroda* (до 1918 godine). Београд, 1967. С.316.
- ¹⁴⁴ Письмо учителя из Подгорицы российскому консулу в Скутари А.Е. Сученкову // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Июнь. Отд.7. С.150-151.
- ¹⁴⁵ *Бојовић Ј.Р.* Законик књаза Данила. Титоград, 1982. С.36.
- ¹⁴⁶ Там же. С.38.
- ¹⁴⁷ Князь Данило – Е.П. Ковалевскому, 6 (18) мая 1855 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1853-1860 гг. Д.276. Л.30об. Й.Р. Бойович и Б. Павичевич, на наш взгляд, ошибаются, считая, что Законник был принят 23 апреля (5 мая) 1855 г., поскольку эта дата указана на подготовленном к скупшине тексте Законника. // *Бојовић Ј.Р.* Законник књаза Данила ... С.8; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.222. Полагаем, что в силу каких-либо обстоятельств скупщина состоялась на день позже предполагаемого срока. Ибо маловероятно, чтобы князь Данило через две недели перепутал дату принятия Законника, тем более что он готовился к этому важнейшему событию несколько лет. Я. Йованович также утверждал, что Законник был принят 24 апреля (6 мая) 1855 г., не ссылаясь, однако, при этом на какой-либо документальный источник. // *Јовановић Ј.* Стварање црногорске државе... С.260-261.
- ¹⁴⁸ См. текст Законника: *Бојовић Ј.Р.* Законик књаза... С.103-132; Црногорски законици. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе... С.167-185.
- ¹⁴⁹ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1901. Т.II. Ч.II. С.431-433; *Бојовић Ј.Р.* Законик књаза... С.40-45; *Стојановић П.* Међусобни односи и међутицаји законских прописа и обичајно права у Црној Гори (Осврти на стање у XVIII и XIX вијеку). // ИЗ. Књ. XXIX. Св.1-2. Титоград, 1972. С.5-33; *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. С.371-385; *Јовићевић В.Д.* Данилов Законик. Снага државе. Подгорица, 1994.
- ¹⁵⁰ *Бојовић Ј.Р.* Законик књаза... С.45-46.
- ¹⁵¹ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.226.
- ¹⁵² *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1897. Т.II. Ч.I. С.266.
- ¹⁵³ Записка неизвестного автора «Замечания о Сербском Законнике, изданном 11 марта 1844 г.» // АВПРИ. Ф. Консульство в Белграде. Оп.825. 1845 г. Д.103. Л.2-27.
- ¹⁵⁴ *Бојовић Ј.Р.* Законик књаза... С.104.
- ¹⁵⁵ *Бојовић Ј.Р.* Законник князя Данилы. Автореф. дисс. ... докт. юр. наук. М., 1990. С.21. П.А. Ровинский объясняет появление этого утверждения тем, что Законник Петра I не был напечатан и не получил распространения в народе (*Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб, 1901. Т.II. Ч.II. С.435). Следует заметить, что в 1846 г. Законник Петра I, а также его Завещание планировалось издать в России на «черногорско-сербском языке». Тексты даже прошли Петербургский цензурный комитет (Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.777. Оп.1. Д.1912. 1846 г. Л.3). Однако их дальнейшая судьба нам неизвестна, вероятно, они все же не были изданы.

- ¹⁵⁶ См. например: *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.225-226; Формирование национальных независимых государств на Балканах (Конец XVIII - 70-е годы XIX в.). М., 1986. С.193; История южных и западных славян. МГУ, 1979. С.242.
- ¹⁵⁷ *Ровинский П.А.* Имущественный законник Черногории 1888 г. и его отношение к народной жизни и обычному праву. // Юридический вестник. М., 1892. Т.ХII. Кн.4. С.505.
- ¹⁵⁸ *Бојовић Ј.Р.* Рукопис Законака митрополита Петра Првог Петровића // ИЗ. Подгорица, 1992. Св.1-4. С.45.
- ¹⁵⁹ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С.20.
- ¹⁶⁰ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом ... Пгр., 1915. Т.III. С.30.
- ¹⁶¹ *Стојановић П.* Међусобни односи... С.27.
- ¹⁶² *Медаковић М.* Живот и обичаи Црногораца. Нови Сад, 1860. С.76-77.
- ¹⁶³ Соборное Уложение 1649 года... С.83.
- ¹⁶⁴ *Медаковић М.* Живот и обичаи... С.39-40.
- ¹⁶⁵ Там же. С.37.
- ¹⁶⁶ *Стојановић П.* Међусобни односи... С.29.
- ¹⁶⁷ Там же. С.30.
- ¹⁶⁸ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.226-227.
- ¹⁶⁹ *Медаковић М.* Живот и обичаи... С.145.
- ¹⁷⁰ *Бойович Й.Р.* Законник князя. Автореф. дисс. ... докт. юр. наук. М., 1990. С.27.
- ¹⁷¹ Е.П. Ковалевский – князю Даниле, 16 (28) мая 1853 г., Вена // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1852-1854 гг. Д.59. Л.38.
- ¹⁷² Князь Данило – П.К. Мейендорфу, 6 (18) ноября 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.204-205.
- ¹⁷³ П.К. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 29 ноября (11 декабря) 1853 г. // Там же. Л.197-200об.
- ¹⁷⁴ Там же. Л.208-209.
- ¹⁷⁵ *Никитин С.А.* Очерки по истории ... С.121.
- ¹⁷⁶ Подробнее о миссии Е.П. Ковалевского см.: *Никитин С.А.* Очерки по истории ... С.126-130; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.109-111; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.183-185.
- ¹⁷⁷ *Никитин С.А.* Очерки по истории... С.127.
- ¹⁷⁸ *Шильдер Н.* Император Николай I. М., 1997. С.511-512.
- ¹⁷⁹ П.К. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 11 (23) декабря 1853 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1853 г. Д.334. Л.222-223.
- ¹⁸⁰ *Хитрова Н.И.* По вопросу записки Е.П. Ковалевского в Восточном вопросе. // В помет на академик Михаил Димитров. Изследования върху Българското възраждане. София, 1974. С.687.
- ¹⁸¹ *Никитин С.А.* Очерки по истории... С.128.
- ¹⁸² *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.110-111.
- ¹⁸³ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.193, 195-196.
- ¹⁸⁴ *Хитрова Н.И.* По поводу записки Е.П. Ковалевского... С.691.
- ¹⁸⁵ Донесение А.Ф. Гильфердинга Е.П. Ковалевскому, 8 (20) ноября 1857 г. // Освободительная борьба Боснии и Герцеговины и Россия... С.88.
- ¹⁸⁶ Записка Е.П. Ковалевского о Восточном вопросе (1861-1862 гг.) // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.369.
- ¹⁸⁷ Князь Данило – Е.П. Ковалевскому, 6 (18) мая 1854 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1853-1860 гг. Д.276. Л.20-21.
- ¹⁸⁸ Записка Е.П. Ковалевского о Черногории представленная А.М. Горчакову, 1854 г. // Там же. 1852-1854 гг. Д.59. Л.114.
- ¹⁸⁹ О миссии И.Е. Салоса см.: *Вязмитинов А.А.* Черная Гора и Сербия во время русско-турецкой войны 1854 г. // Русская старина. 1882 г. Т.XXXV. №7-9. С.374-376; *Никитин С.А.* Очерки по истории... С.136.
- ¹⁹⁰ *Вязмитинов А.А.* Черная Гора и Сербия... С.376.

- ¹⁹¹ Князь Данило – И.М. Гагичу, 30 июня (12 июля) 1855 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1855 г. Д.336. Л.4-4об.
- ¹⁹² А.М. Горчаков – К.В. Нессельроде, 11 (23) апреля 1855 г. // Там же. Л.32-33. В письме к Ковалевскому (январь 1855 г.) князь Данило называл политику шкодринского правителя «злоковарной» и сообщал, что если бы Черногория имела в достатке боеприпасы, «то не гордились бы турки в той мере, какой теперь гордятся» // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1853-1860 гг. Д.276. Л.28-28об.
- ¹⁹³ Князь Данило – Е.П. Ковалевскому. 6 (18) мая 1855 г. // Там же. Л.30. Князь Данило снабдил одеждой и деньгами на проезд до Вены захваченных в Крымскую войну двух русских пленников – подпоручика Украинского егерского полка Синдоровского и юнкера Украинского резервного полка Кузминского. В августе 1855 г. они были освобождены из турецкого плена благодаря стараниям черногорца Нико Лекича, который, заплатив 300 талеров за проезд на австрийском пароходе «под именем черногорцев», доставил их в январе 1856 г. из Стамбула в Черногорию. Затем офицер и юнкер в сопровождении Н. Лекича отбыли в Россию, где в марте 1856 г. военный министр князь В.А. Долгоруков представил Лекича Николаю I. За свой доблестный поступок Лекич был награжден золотой медалью на Владимирской ленте и Похвальным листом «с описанием в нем оказанных услуг». Все денежные затраты Лекича, включая обратный проезд, были компенсированы российским военным министерством (АВПРИ. Ф.ГА I-14. 1856 г. Д.2. Л.13, 15-15об, 18об.). Дальнейшая судьба Н. Лекича также связана с Россией. 1 августа 1857 г. он поступил на военную службу в Кабардинский пехотный полк, где, участвуя в боевых действиях на Кавказе в 1858 г., стал унтер-офицером (Н. Лекич – Е.П. Ковалевскому, 12 (24) декабря 1861 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). Д.252. 1861 г. Л.1).
- ¹⁹⁴ Е.П. Ковалевский – К.В. Нессельроде, 12 (24) января 1854 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1852-1854 гг. Д.59. Л.46-46об.
- ¹⁹⁵ Князь Данило – И.М. Гагичу, 17 (29) июня 1855 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1855 г. Д.713. Л.6-7.
- ¹⁹⁶ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.112.
- ¹⁹⁷ Князь Данило – И.М. Гагичу, 23 мая (4 июня) 1855 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1855 г. Д.336. Л.54-54об.
- ¹⁹⁸ И.М. Гагич – А.М. Горчакову, 20 июня (2 июля) 1855 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1855 г. Д.713. Л.5-5об.
- ¹⁹⁹ А.М. Горчаков – К.В. Нессельроде, 17 (29) июня 1855 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1855 г. Д.336. Л.42-43.
- ²⁰⁰ Е.П. Ковалевский – К.В. Нессельроде, 1 (13) мая 1853 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1852-1854 гг. Д.59. Л.34.
- ²⁰¹ А.М. Горчаков – И.М. Гагичу, 4 (16) июня 1855 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1855 г. Д.336. Л.51-52.
- ²⁰² Князь Данило – Александру II, 21 февраля (4 марта) 1856 г. // Там же. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1855 г. Д.714. Л.39-39об.
- ²⁰³ Князь Данило – Л.Г. Сенявину, 22 февраля (5 марта) 1856 г. // Там же. Л.40-41.
- ²⁰⁴ См. текст меморандума: *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.113; *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе (1856-1860). Титоград, 1983. С.21; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.252; *Андријашевич Ж.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн // История Черногории с древнейших времен до 2006 года. М., 2011. С.101; и др.
- ²⁰⁵ *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе... С.21-22; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.253.
- ²⁰⁶ *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе... С.22.
- ²⁰⁷ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.114; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.254.
- ²⁰⁸ Записка Стремоухова. 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. ... С.288.

- ²⁰⁹ А.Ф. Будберг – Е.П. Ковалевскому, 27 сентября (9 октября) 1856 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.68-69.
- ²¹⁰ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений (Дипломатическая борьба 1857-1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории) // Исторические записки. 1958. №63. С.130; Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.114-115; Павићевић Б. Данило I Петровић Његош... С.256.
- ²¹¹ Проект инструкции МИДа П.Н. Стремоухову с пометой Александра II «Быть по сему», 24 июля (6 августа) 1856 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.91.
- ²¹² Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений... С.131.
- ²¹³ Павићевић Б. План књаза Данила за регулисање односа с Портом 1856 године // Из. 1960. Књ.ХVII. Св.1. С.54-56; Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.118-119; АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.10-11об.
- ²¹⁴ Покойный академик Бранко Павичевич, с которым я был лично знаком и которого считаю одним из своих учителей, безусловно, являлся наиболее выдающимся специалистом по самым различным аспектам черногорской истории и истории русско-черногорских взаимоотношений, автором превосходной монографии о князе Даниле. Вместе с тем он, на наш взгляд, чрезмерно идеализирует личность Данилы, когда представляет его как создателя государства, способного очень рационально разбираться в наисложнейших проблемах европейской политики. Б. Павичевич утверждает, что Данило быстро осознал, что Крымская война показала всю гнилость и немощь крепостнической России «подобно раку, разъедающему организм великой империи». Князь без всякого труда видел все то, что наносило «смертельный удар Священному союзу и его политической системе, которой верно служил Николай I, тратя драгоценное время служению европейской реакции». Именно такая политика, по мнению Б. Павичевича, заставила князя Данилу «освободиться от петербургских прихотей» и искать опору в другом европейском государстве, сохраняя при этом тактичность и дипломатичность, дабы не вызвать гнев «старой покровительницы» (Павићевић Б. Историја Црне Горе. Књ.4. Сздање црногорске националне државе. 1796-1878. Подгорица, 2004. С.347). На наш взгляд, в отличие от своих предшественников, митрополитов Петра I и Петра II Петровичей Његошей, которые действительно весьма хорошо ориентировались в большой европейской политике, князь Данило поначалу не обладал этим качеством, действовал зачастую под влиянием эмоций, скоропалительно и опрометчиво. Его планы с помощью Франции добиться признания независимости Черногории, а затем согласия признать номинальный сюзеренитет султана в обмен на включение в состав княжества приграничных земель были абсолютно нереальны в условиях той международной обстановки, какая сложилась в Европе после окончания Крымской войны. Сам Данило со временем убедился в этом. Действительно, принципы Священного союза в угоду сохранения мира и стабильности в Европе исключали поддержку национально-освободительных движений, принося тем самым в жертву интересы народов, борющихся за свободу и обретение независимости. Однако заметим, что именно поражение в Крымской войне заставило российское руководство пересмотреть свою внешнюю политику, сосредоточить внимание на славянском вопросе с целью всесторонней поддержки славян. Свидетельством тому, помимо прочего, являлось назначение на пост директора Азиатского департамента, в сферу деятельности которого входило все, что связано с Балканами, Е.П. Ковалевского – человека, принимавшего близко к сердцу нужды славян и особенно черногорцев. Попутно отметим, что вряд ли князь Данило сколь-нибудь глубоко разбирался в проблемах крепостного права в России, чтобы хоть как-то рассуждать о его гнилости. К тому же Данило настолько себя проявил как деспот своими запугиваниями и репрессиями не только в отношении своих политических противников, но и ни в чем неповинного населения Черногории, вынужденного покориться его непомерной авторитарной власти, что князю в этом отношении в России мог бы позавидовать любой помещик, самый радикальный сторонник крепостничества.

- ²¹⁵ А.М. Горчаков – А.П. Бутеневу, 21 сентября (3 октября) 1856 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.120-121об.
- ²¹⁶ А.Ф. Будберг – Е.П. Ковалевскому, 27 сентября (9 октября) 1856 г. // Там же. Л.6-7об.
- ²¹⁷ Там же. Л.69-70.
- ²¹⁸ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 18 (30) сентября 1856 г. // Там же. Л.5.
- ²¹⁹ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 7 (19) ноября 1856 г. // Там же. Л.13.
- ²²⁰ Записка П.Н. Стремоухова. 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918... С.289.
- ²²¹ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 26 января (7 февраля) 1857 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1857 г. Д.716. Л.11об.
- ²²² *Рыжова Р.И.* Из истории русско-черногорских отношений... С.131.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 16 (28) ноября 1856 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.19.
- ²²⁵ Записка М. Медаковича. 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918... С.309.
- ²²⁶ К.Д. Петкович – В.П. Балабину, 1 (13) марта 1859 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.31-31об.
- ²²⁷ Секретное наставление генеральному консулу в Рагузе П.Н. Стремоухову, 28 сентября (10 октября) 1856 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.126 об.-127.
- ²²⁸ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 18 (30) сентября 1856 г. // Там же. Л.54 об.
- ²²⁹ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 16 (28) ноября 1856 г. // Там же. Л.18.
- ²³⁰ Там же. Л.18 об.-19 об.
- ²³¹ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 26 января (7 февраля) 1857 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1857 г. Д.716. Л.11об.
- ²³² Записка П.Н. Стремоухова. 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918... С.290.
- ²³³ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е годы XIX века. М., 1975. С.415.
- ²³⁴ А.Е. Влангали – Е.П. Ковалевскому, 16 (28) сентября 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб. ГА Политотдел. Оп.233. 1858-1860 гг. Д.1. Л.74.
- ²³⁵ Шифрованная телеграмма МИДа А.Ф. Будбергу, 5 (17) декабря 1856 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.35.
- ²³⁶ Шифрованная секретная депеша МИДа А.Ф. Будбергу с резолюцией Александра II «Быть по сему», 6 (18) ноября 1856 г. // Там же. Л.132.
- ²³⁷ Там же. Л.139.
- ²³⁸ *Никитин С.А.* Очерки по истории... С.160.
- ²³⁹ Записка П.Н. Стремоухова. 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918... С.290-291.
- ²⁴⁰ Там же. С.291.
- ²⁴¹ Там же.
- ²⁴² *Рыжова Р.И.* Из истории русско-черногорских отношений... С.136.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе. 1711-1918. Подгорице - Београд, 1996. С.252. Князь Данило заявлял, что при черногорско-турецком разграничении некоторые земли, которыми черногорцы владели уже несколько лет, придется отдать Турции, обещая, что через некоторое время они вновь вернутся к черногорцам. В народной среде это вызывало большое негодование и неверие в заверения князя (А.Е. Сученков – А.П. Бутеневу, 27 июля (9 августа) 1857 г. // АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2390. Л.51).
- ²⁴⁵ *Рыжова Р.И.* Из истории русско-черногорских отношений... С.137.
- ²⁴⁶ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.287. По сведениям, которыми располагал П.Н. Стремоухов, князь Данило еще перед своим отъездом в Париж поручил Мирке умертвить Георгия Савича, братьев его и племянника Крсто (Црногорско-руски односи 1711-1918... С.291). В дальнейшем М. Медакович эмигрирует в Россию, где станет служить на должности коллежского секретаря в Азиатском департаменте МИДа, а потом будет чиновником русского консульства в Белграде.

- ²⁴⁷ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений... С.138.
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 26 апреля (8 мая) 1857 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1857 г. Д.716. Л.26об.
- ²⁵⁰ А.Е. Сученков – А.П. Бутеневу, 27 июля (9 августа) 1857 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп.517/2. Д.2390. Л.51.
- ²⁵¹ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений... С.141.
- ²⁵² П.Н. Стремоухов – А.П. Бутеневу, 26 октября (8 ноября) 1857 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп.517/2. Д.2390. Л.146.
- ²⁵³ К.Д. Петкович – А.М. Горчакову, 9 (21) февраля 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.24-25.
- ²⁵⁴ К.Д. Петкович – А.М. Горчакову, 11 (23) февраля 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.45.
- ²⁵⁵ См. о нем: *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.325, 329-330; К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 23 февраля (7 марта) 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.46об.
- ²⁵⁶ Князь Данило – Александру II, 23 февраля (7 марта) 1858 г. // Там же. Л.292-293.
- ²⁵⁷ Там же. Л.294об.
- ²⁵⁸ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.124.
- ²⁵⁹ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 24 июня (6 июля) 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.104-105об.
- ²⁶⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия... С.162.
- ²⁶¹ Там же. С.108.
- ²⁶² Там же. С.136.
- ²⁶³ Там же. С.378.
- ²⁶⁴ *Косик В.И.* Австрийская политика в Боснии и Герцеговине (по материалам советско-югославской публикации документов) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850-1875 годах: Народы и дипломатия. М., 1991. С.146.
- ²⁶⁵ Из Парижа в Черногорье. Путевые заметки К. Мармье // Библиотека для чтения. 1854. Т.124. №3. Отд. III. С.18.
- ²⁶⁶ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.333; К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 13 (25) апреля 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.718. Л.8.
- ²⁶⁷ *Андрияшевич Ж.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн ... С.105.
- ²⁶⁸ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений... С.142.
- ²⁶⁹ Там же. С.143.
- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе... С.80.
- ²⁷² *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.338; *Андрияшевич Ж.* Черногория с древнейших времен до Балканских войн... С.105.
- ²⁷³ А.С. Ионин – Е.П. Ковалевскому, 4 (16) мая 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.85об.
- ²⁷⁴ Выписки из различных донесений в МИД секретаря консульства в Сараеве А.С. Ионина // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.219об., 222, 229.
- ²⁷⁵ Там же. Л.84-87.
- ²⁷⁶ *Лаинович А.В.* Побѣда на Граховцу 1858 године у списима савременика. Цетиње, 1958. С.69.
- ²⁷⁷ [*Петкович К.Д.*?] Последняя борьба черногорцев с турками // Библиотека для чтения. СПб., 1859. Т.154. №3-4. Раздел. Политика II. С.44.
- ²⁷⁸ Которский окружной «капетан» Дойми – барону Л. Мамуле, 15 (27) мая 1858 г. // *Лаинович А.В.* Побѣда на Граховцу 1858 године... С.66.
- ²⁷⁹ Князь Данило – К.Д. Петковичу, 6 (18) мая 1858 г. // Там же. С.68.
- ²⁸⁰ Там же. С.96-97.
- ²⁸¹ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.336.

- ²⁸² К.Д. Петкович – К.В. Кноррингу, 25 ноября (7 декабря) 1857 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.196об.
- ²⁸³ Выписка из письма капитана второго ранга Юшкова, 23 сентября (5 октября) 1858 г., Рагуза // Морской сборник. 1859. Т.XLI. №5-6. С.67.
- ²⁸⁴ Надо сказать, что Е.П. Ковалевский относился к личности И. Геккара с известной долей симпатии, поскольку Геккар, как и сам Ковалевский, «увлекся характером и духом Черногории, которая не на него одного имела столь обаятельное влияние». Отмечая совершенную преданность Геккара Черногории, Ковалевский сомневался все же в его личной преданности князю Даниле (Проект инструкции Е.П. Ковалевского А.Е. Влангали, 26 июня (8 июля) 1859 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1858-1860 гг. Д.1. Л.39об.).
- ²⁸⁵ *Лаинович А.В.* Победа на Граховцу 1858 године... С.190; *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе ... С.176; *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.390; *Вишняков Я.В.* Черногория в балканской политике России (1830-1860 гг.). М., 1998. С.82.
- ²⁸⁶ Там же. С.82-83.
- ²⁸⁷ *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С.224; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.137; *Andrijašević Ž. M.* Crna Gora od najstarijih vremena do Balkanskih ratova // *Istoriја Crne Gore od najstarijih vremena do 2003.* Podgorica, 2006. S.191; История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878 гг.). М., 2012. С.134.
- ²⁸⁸ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 27 декабря 1859 г. (8 января 1860 г.) // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.257.
- ²⁸⁹ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.137.
- ²⁹⁰ *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе... С.224-225.
- ²⁹¹ В.П. Балабин – Е.П. Ковалевскому, 30 ноября (13 декабря) 1859 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1858-1860 гг. Д.1. Л.160об.
- ²⁹² *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении... С.140.
- ²⁹³ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 1 (13) декабря 1859 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.240-241об. Князь Данила по мере сил и возможностей старался улучшить положение дел в сельском хозяйстве. Благодаря его усилиям и поощрительным мерам в нахиях с благоприятным климатом стало развиваться шелководство. Черногорцы продавали шелковичные коконы и семена в Котор или у себя на местах, куда за ними приезжали перекупщики из Италии, преимущественно из Милана. От этих торговых операций в 1860 г. жители Црмницкой нахии выручили около 30 тысяч гульденов, а Риечской, где в первый раз были выведены шелковичные черви, – около 10 тысяч. Помимо этого Данило заключил двухгодичный контракт с итальянским агрономом для учреждения образцовой фермы в Белопавличах. Из Венеции и Милана им были выписаны плуги и другие земледельческие орудия, «невиданные доселе в Черногории» (К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 5 (17) декабря 1860 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1860 г. Д.721. Л.123-124). В ответ на просьбу князя Данилы о присылке в Черногорию русского инженера в Петербурге было принято решение направить туда инженера Барминского (*Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.436; К.В. Чевкин – Е.П. Ковалевскому, 10 (22) июня 1860 г. // РГИА. Ф.207. Оп.8. Д.74. 1860 г. Л.3-3об).
- ²⁹⁴ А.Е. Влангали – Е.П. Ковалевскому, 16 (28) сентября 1858 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп.233. 1858-1860 гг. Д.1. Л.76об. Вместе с тем Влангали не идеализировал личность Данилы, характеризуя его следующим образом: «Князь по природе чистый черногорец, но полученное им полуобразование, чрезмерное честолюбие, увеличенное последними удачами черногорцев, несамостоятельность в идеях и вспыльчивость характера, стали причиной многих его поступков в последующие годы» (Там же. Л.73).
- ²⁹⁵ *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе. 1711-1918... С.263.
- ²⁹⁶ *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе... С.47. Стеван Перович Цуца 10 июня 1857 г. во время его вечерней прогулки с секретарем российского посольства П.Е. Новиковым был застрелен Йоко Кусовацем (*Симоновић Б.* Зеко Мали. Београд, 2002. С.179).

- ²⁹⁷ *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош... С.414.
- ²⁹⁸ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 30 марта (12 апреля) 1859 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.77об.-78.
- ²⁹⁹ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 10 (22) апреля 1860 г. // АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп.181/2. 1860 г. Д.721. Л.88-89. Заметим, что Россия, безусловно, сочувствуя «славянскому делу», приступая в 60-е годы к проведению «Великих реформ», в том числе и военной, не была еще готова к военной поддержке славян из-за риска оказаться втянутой неподготовленной в большую европейскую войну. Печальный опыт Крымской войны был тому примером. Без помощи и поддержки со стороны России антитурецкие восстания на Балканах были обречены на неудачу, что, в частности, продемонстрировала черногорско-турецкая война 1862 г. В этой ситуации балканским славянам оставалось только надеяться и ждать. Однако успешный исход ожиданий наступит лишь в 70-е годы, когда очередной Восточный кризис увенчался русско-турецкой войной 1877-1878 гг., итогом которой помимо прочего стало международное признание суверенитета Черногории, расширение ее территории и обретение долгожданного выхода к Адриатическому морю.
- ³⁰⁰ *Јовићевић В.Д.* Данилов Законик... С.94.
- ³⁰¹ Тодор Кадич по приговору суда был повешен 13 октября 1860 г. В ночном разговоре перед казнью с офицерами, священниками и иными лицами Кадич обвинял князя Данилу в гибели пяти его родственников, конфискации имущества, насильной выдаче его сестры вторично замуж при живом муже, в постоянном его преследовании со стороны Данилы и французского вице-консула в Шкодре И. Геккара. Однако мысль об убийстве князя пришла к Кадичу лишь после того, как он узнал, что Данила назначил «варварскую цену» в 500 форинтов за его голову. После этого Кадич решил «продать свою жизнь подороже». Как утверждал Кадич, обо всем этом его известил албанец Алил Бегов Сулетич, у которого он ранее был в услужении. Именно Сулетичу предназначались 500 форинтов, выделенных Геккаром за принесенную как доказательство голову Кадича или выдачу его живьем князю, но такое «подлое предложение» не прельстило Сулетича (*Симановић Б.* Зеко Мали. С.279-284).
- ³⁰² Московские ведомости. 1860. 10 сентября. №196.
- ³⁰³ *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе... С.244.
- ³⁰⁴ И.С. Аксаков – О.С. Аксаковой, 7 (19) августа 1860 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф.109 С.А. Оп.4а. Д.399. Л.1-1об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период с начала XVIII века по 1860 год по значимости происходивших внутривосточных и внешнеполитических событий стал важнейшим этапом в развитии черногорского государства. Это было время его становления, нарастания внешнеполитической активности Черногории. Тогда перед этой маленькой славянской страной стояли сложные задачи, связанные с международным признанием ее реального суверенитета, расширением территории и обретением выхода к Адриатике, что в значительной мере могло облегчить решение многих экономических и социальных проблем черногорского общества.

Экономическая структура Черногории в рассматриваемый период в основном базировалась на патриархальном укладе с чертами общинного быта, хотя довольно устойчивые феодальные отношения существовали на церковных землях. Спорадические и слабые раннебуржуазные ростки проявились в развитии товарно-денежных отношений, связанных с торгово-предпринимательской деятельностью части старейшин, лишь с 20-30-х годов XIX века. Социально-политическая отсталость предопределялась отсталостью экономической. Последняя обуславливалась османским владычеством на Балканах, бедностью материальных ресурсов и недостатком плодородных земель, отсутствием выхода к морю, наличием постоянной внешней угрозы, межплеменными распрями.

Рассматриваемый период был временем формирования централизованного государства, завершившегося в 1855-1856 гг. принятием Закона князя Данилы (1855 г.) и окончательным подавлением сепаратизма (1856 г.). В этом сложном и длительном процессе ведущая роль принадлежала Цетинской митрополии, которую в исследуемое время возглавляли такие государственные деятели Черногории, как митрополиты Данило, Сава, Василий Петрович, Петр I Негош и Петр II Негош, а затем первый светский правитель Черногории – князь Данило. До провозглашения Черногории княжеством (1852 г.) страна по типу государственного устройства представляла собой, на наш взгляд, своеобразную форму республики, где Общечерногорский збор, а позже скупщина («главарская» и народная) являлись высшим органом государственной власти, в чью компетенцию входило разрешение наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешних отношений. Орган народного представительства утверждал законы, формировал состав правительства, подтверждал права владык на митрополичий престол, своим решением объявлял крупномасштабные военные действия, назначал военачальников и пр. Это вечевое начало являлось наследием родоплеменного строя и явно не соответствовало республиканскому устройству государств нового времени. Поэтому черногорское ру-

ководство и в первую очередь митрополиты Данило, Василий Петрович, Петр I Негош и Петр II Негош прилагали значительные усилия, направленные на хотя бы частичную модернизацию черногорского государственного устройства, в основе которого лежали республиканские традиции. Высшая исполнительная власть в стране принадлежала митрополиту и периодически сменяемому правительству, каковым с 1798 г. являлось «Правительство суда черногорского и брдского», а с 1831 г. – Сенат. В этих правительственных учреждениях отсутствовало разделение законодательных, управленческих и судебных функций, что свойственно для обществ с неразвитой социальной структурой.

В исследуемый период, наряду с формированием централизованного государства, параллельно шел процесс укрепления единоличной власти митрополитов, что стало политической реальностью с конца 30-х гг. Можно считать, что именно тогда Петром II Негошем был установлен фактически абсолютистский режим правления, окончательно оформившийся в 1852-1855 гг., то есть после провозглашения Черногории княжеством и законодательного закрепления абсолютизма Законником князя Данилы.

Внутренняя жизнь Черногории на протяжении XVIII в. представляла цепь почти непрерывных междоусобиц. В 1713 г. черногорский митрополит Данило создал единый общечерногорский суд из 12 старейшин. Суд ввел наказание за кровную месть. Несколько десятилетий спустя митрополит Василий Петрович с той же целью учредил суд из сердарей, воевод и кнезов. Время правления самозванца Степана Малого (1767-1773), выдававшего себя за русского царя Петра III, являлось прорывом к автократической власти. Степан Малый предпринял ряд эффективных мер, направленных на пресечение кровной мести. Он ввел смертную казнь за кровную месть, учредил суд, исполнение приговора которого контролировал специальный отряд. Борьба с архаичными обычаями, внутриплеменной и межплеменной рознью, сепаратизмом и консервативными силами черногорского общества требовала создания законодательства, направленного на противостояние этому общественному злу. Важную роль в этом плане сыграл Законник 1798-1803 гг. Благодаря мерам, направленным на пресечение кровной мести, охрану частной собственности и упорядочения торговли, Законник сыграл положительную роль в создании основ централизованного управления, способствовал формированию права. Подтверждением тому является включение этого юридического документа в свод законов князя Данилы.

Преобразовательская деятельность Петра I Негоша была с успехом продолжена его преемником. Петр II Негош создал достаточно эффективный аппарат управления, с помощью которого он сумел достичь больших успехов в борьбе с сепаратизмом. Введенная им трехстепенная система налогообложения хотя и давала сбои, все же позволила частично улучшить финансовое положение страны.

Государственные преобразования 30-40-х годов заложили прочную основу централизованной власти, стали прочным фундаментом реформаторской и законодательной деятельности князя Данилы, венцом которой было принятие в 1855 г. Законника и превращение Черногории в централизованное абсолютистское государство. Вместе с тем князь Данило уста-

новил в Черногории деспотический личный режим, не способствовавший более успешному продвижению Черногории по пути прогресса, поскольку методы проводимых преобразований были чрезмерно жестоки и далеко не всегда рациональны. Это проявилось в способах борьбы с сепаратизмом, отношении к органам местного управления и полной подчиненности скупщины авторитарной власти князя.

Рассматриваемый период был во многом определяющим этапом в развитии освободительной борьбы черногорского народа. В начале XVIII в. стремление Черногории к независимости не было оформлено в виде какой-либо политической программы, а проявлялось в отказе платить налоги (харач) Османской империи. Она начала реализовываться при митрополите Даниле, продолжилась при митрополите Василии Петровиче, который с конца 50-х годов XVIII в. сформулировал свою, новую, теперь уже политическую программу для Черногории. Ее суть заключалась в восстановлении черногорской государственности в границах средневекового государства Церноевичей под покровительством могущественного христианского государства, каким для него стала Россия, культ которой Василий Петрович начал создавать среди своих сторонников. Формированию культа России способствовало и нахождение у власти самозванца Степана Малого, хотя это было время сложных отношений между Черногорией и Россией. С конца XVIII века и далее перед фактически независимой от Порты страной стояла важнейшая внешнеполитическая задача – добиться международного признания ее независимости и расширить территорию за счет присоединения ранее отторгнутых земель, находившихся вначале в венецианском, а потом в австрийском Приморье (Бока Которская), равнинных районов Зеты с Подгорицей, Служа и Жабляка Црноевича и Герцеговины (Грахово). Решать эту задачу при митрополитах Петре I Негоше и Петре II Негоше, а затем и князе Даниле, Черногория пыталась не только путем прямого военного противостояния, но и с помощью дипломатии, и в первую очередь российской.

Черногория нуждалась в сильном союзнике в Европе, который мог бы оказать действенную помощь и защитить страну от посягательств Османской империи на ее фактическую независимость, и таким союзником стала Россия.

В истории русско-черногорских отношений в 1711-1860 гг. на основании анализа происходивших событий можно выделить следующие этапы: 1) 1711-1766 гг.; 2) 1767-1773 гг.; 3) 1774-1807 гг.; 4) 1808-1825 гг.; 5) 1826-1837 гг.; 6) 1838-1851 гг.; 7) 1852-1860 гг.

Борьба великих европейских держав за политическое и экономическое преобладание на Балканах и Ближнем Востоке, как известно, стала усиливаться в последней трети XVIII века. С этого времени Восточный вопрос, в борьбе вокруг которого Россия принимала самое деятельное участие, надолго стал составной частью международных отношений в Европе. Войны России с Османской империей, поскольку они подтачивали военную мощь Турции, объективно способствовали освободительному движению балканских народов, в том числе и черногорцев.

При проведении внешнеполитического курса русское правительство, конечно, действовало исходя из своих реальных выгод и в балканской политике руководствовалось прежде всего своими политическими интереса-

ми. Однако идеологические факторы – религиозная и этническая близость с балканскими народами – никогда не сбрасывались со счета. Начало наполеоновских войн привело к изменению политики России в отношении Турции. Захваты Бонапарта в Восточном Средиземноморье (о. Мальта, Ионические острова) сгладили на время русско-турецкие противоречия и привели в конце 1798 г. Россию к союзническим отношениям с Турцией. Расположенная вблизи Адриатического побережья Черногория могла стать опорным военно-стратегическим пунктом на западе Балканского полуострова в ходе борьбы с наполеоновской агрессией. В 1799 г. в ответ на просьбу Петра I Негоша Павел I установил ежегодную денежную субсидию в размере 1 тысячи червонных на государственные нужды Черногории, поскольку в Петербурге были реально заинтересованы в укреплении и стабилизации государственной власти в стране. Отметим, что материальная поддержка русским правительством государственных преобразований в Черногории и в дальнейшем являлась важнейшим фактором процесса формирования черногорского централизованного государства.

Выдерживавшийся вплоть до русско-турецкой войны 1806-1812 гг. курс на поддержание дружественных отношений с Османской империей негативно сказался на русско-черногорских взаимоотношениях и повлиял на установление контактов митрополита Петра I Негоша с Францией, не прерывая при этом связей с Россией. Последовавшая в связи с этим миссия в Черногорию российского эmissара М.К. Ивелича кроме устранения явно преувеличенной французской угрозы преследовала цель отрешения Петра I Негоша от власти и отправления его в Россию для предания суду Синода. Эта акция являлась грубейшим вмешательством во внутренние дела Черногории, и хотя она не была реализована, русско-черногорские отношения резко ухудшились. Понадобилось прибытие в Черногорию опытного дипломата С.А. Санковского, чтобы окончательно уладить возникший конфликт.

В исследуемый период русско-черногорские связи достигли своего кульминационного развития во время пребывания эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина в Адриатике (1806-1807 гг.), когда зародилось и окрепло прямое боевое содружество черногорцев с русскими. Опираясь на присутствие в Адриатике российской эскадры, Петр I Негош предпринял попытку осуществить план создания славяно-сербского государства под покровительством России. Осуществить этот план не удалось в первую очередь в силу неблагоприятных внешних обстоятельств. Однако следует отметить сочувственное отношение к этим планам адмирала Д.Н. Сенявина и русских дипломатических кругов. Тильзитский мир и последовавший затем уход русской эскадры оборвал тесные военно-политические связи между Россией и Черногорией, также была приостановлена выплата государственной субсидии. Потеряв свои позиции в Средиземноморье, Россия была вынуждена резко сузить свою активность на Балканах. Тщетными оказались надежды Петра I Негоша с помощью русской дипломатии присоединить к Черногории Боку Которскую в 1813-1814 гг., поскольку интересы правительства Александра I на Балканах отступили на задний план по сравнению с задачей сохранить Австрию в антинаполеоновской коалиции.

После Венского конгресса политика России на Балканах была направлена на закрепление своего политического влияния в Сербии и Дунайских

княжествах, что объясняется не только их большей значимостью в балканской политике России, но и реальной возможностью Петербурга влиять на положение дел в этих землях на основании ранее заключенных русско-турецких договоров, в которых Черногория не была упомянута. Проблемы же Черногории в то время слабо интересовали царское правительство, что являлось следствием не только приверженности Александра I ценностям Священного союза, но и прав и интересов Турции и Австрии в отношении Черногории, с которыми Россия вынуждена была считаться. Вместе с тем, несмотря на стремление не обострять отношений со Стамбулом и Веной из-за Черногории, русское правительство, опасаясь утратить свой престиж среди черногорцев и сопредельных с ними югославянских народов, поддерживало контакты с Черногорией, главным результатом которых было возобновление в 1825 г. государственной субсидии.

Со второй половины 20-х годов начинается новый этап в развитии русско-черногорских связей. Он знаменовался увеличением активности России на Балканах, что постепенно привело к более тесным взаимоотношениям с Черногорией. Вместе с тем политика русского правительства после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. была направлена на сохранение территориальной целостности Османской империи. Этот курс закрепил Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., что отрицательно сказалось на развитии освободительной борьбы черногорцев.

Среди европейских держав только Россия с 1750-х гг. начинает рассматривать Черногорию как фактически независимое государство, но как ранее, так и в 30-50-х гг. XIX в., исходя из европейской ситуации и принятого петербургским кабинетом курса на сохранение «слабого соседа», Россия была практически не в состоянии способствовать международному признанию независимости Черногории. Однако русское влияние в Черногории по-прежнему было доминирующим, и оно еще более окрепло в 1833 г., когда Петр II Негош впервые посетил Петербург, где он первым из черногорских владык был посвящен в сан епископа.

Значительным рубежом в развитии русско-черногорских связей явился 1837 г., когда после сопровождавшейся сложными политическими обстоятельствами вторичной поездки Петра II Негоша в Петербург Черногории была назначена новая ежегодная государственная субсидия в размере 80 тысяч рублей при сохранении старой.

В связи с ослаблением влияния России в Сербии и укреплении там с конца 30-х гг. позиций Англии и Австрии русскому правительству было чрезвычайно важно найти более надежную точку опоры, которая могла бы служить проводником русского влияния на Балканах, и ею стала Черногория. Следствием этого явилось регулярное командирование в Черногорию российских представителей со специальными поручениями. В период 1837-1841 гг. Черногорию посетили Я.Н. Озерецковский, Е.П. Ковалевский, А.В. Чевкин. Благодаря их деятельности в Петербурге была получена объективная информация о стране и реформаторской деятельности Петра II Негоша и правительства страны. Кроме того, при непосредственном участии А.В. Чевкина в 1841 г. было проведено австро-черногорское разграничение.

Начало заключительного этапа исследуемого периода русско-черногорских отношений связано с провозглашением скупщиной Черногории

княжеством (1852 г.) и избранием на черногорский престол в результате острой внутривосточной борьбы Данилы Станкова Петровича Негоша. Официальный Петербург поддержал желание черногорского народа, направленное на изменение формы государственного правления, поскольку это не влекло за собой перемены во внешнеполитическом положении страны и ее отношениях с Россией.

Разработанная затем князем Данилой внешнеполитическая программа предполагала расширение территории княжества за счет прилегающих земель Герцеговины и Северной Албании, но под давлением европейских держав он был вынужден на время отказаться от этих замыслов. Накануне и на начальном этапе Крымской войны в российском руководстве рассматривался план привлечения Черногории к антитурецкой борьбе на балканском театре военных действий. Однако враждебная позиция Австрии сорвала эти планы.

Поражение России в Крымской войне существенно подорвало ее влияние на Балканах, в том числе и в Черногории, что сразу же сказалось на русско-черногорских отношениях. В новой международной обстановке, сложившейся в Европе, князь Данила решил переориентироваться на Францию, рассчитывая с ее помощью реализовать свои честолюбивые замыслы.

Обращение князя Данилы в 1856 г. к участникам Парижского конгресса с меморандумом, в котором он добивался признания суверенитета Черногории, осталось безрезультатным. Тогда под давлением французской дипломатии Данила заявил о согласии признать сюзеренитет Турции, выдвинув взамен неприемлемые для Порты требования, которые скорее укрепляли авторитарный режим правления черногорского князя, чем устанавливали сюзеренитет султана. Разумеется, положительной реакции турецкого правительства на этот проект не последовало.

В Петербурге крайне отрицательно отнеслись к идее признания турецкого сюзеренитета, а последовавшая затем конфронтация привела к фактическому разрыву на короткое время русско-черногорских отношений. Умелыми и четкими действиями российской дипломатии конфликт был ликвидирован весной 1858 г., и русско-черногорские отношения вернулись в прежнее русло. 1858 г. стал важной вехой в освободительной борьбе черногорского народа. Одержав победу над турками в мае 1858 г. в битве при Грахово, Черногория при поддержке России и Франции добилась расширения своей территории, проведя разграничение с владениями Османской империи. Однако территориальные проблемы и разногласия в черногорско-турецких отношениях по-прежнему сохранялись.

Лишь двадцать лет спустя после этого, уже при правлении племянника князя Данилы князя Николы Петровича Негоша (1860-1918), в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. многовековая героическая борьба черногорского народа за свободу и независимость, потребовавшая больших усилий и жертв, завершилась победой – провозглашением суверенитета Черногории, расширением ее территории и обретением выхода к Адриатическому морю. Эти эпохальные для Черногории события во многом были предопределены предыдущим ходом исторических событий, в которых рассматриваемый нами период сыграл, пожалуй, наибольшую роль. Именно на протяжении 1711-1860 гг. маленькая, затерявшаяся

в каменистых горах, отрезанная от внешнего мира, чрезвычайно отставая в общественно-экономическом отношении Черногория окончательно сформировалась как практически независимое государство, в основном соответствующее европейским принципам государственности нового времени в сочетании с сохранением некоторых патриархальных обычаев.

В борьбе за создание независимого государства черногорцы не могли бы достигнуть столь значительных успехов в сравнительно короткое время без помощи и поддержки России. Каковы бы ни были конкретно русско-черногорские отношения в различные периоды, а они, как мы видели, не всегда были простыми, а иногда даже недружественными, какие бы просчеты и ошибки не допускала российская дипломатия в отношении черногорцев и их правителей (как и последние – в отношении России), непреложным остается тот факт, что интересы политики России на Балканах в конечном итоге совпадали с задачами черногорцев. Благодаря дипломатической помощи России, ее материальной поддержке маленькое балканское государство пробилось на международную арену Европы, превратилось в важный фактор освободительного движения других балканских народов.

Научное издание

Аншаков Юрий Петрович

**Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах.
Жизнь общества, становление государства, освободительная
борьба, внешняя политика (1711-1860 гг.)**

Корректор *О.А. Капустина*

Оригинал-макет *С.С. Меццержаков*

Технический редактор *М.А. Турецкий*

Подписано в печать 18.07.2019
Формат 70х100 1/16 Бумага офсетная. Объем 41 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ №1804
Отпечатано в типографии ООО «Слово»
443070, г.Самара, ул. Песчаная, 1
Email: izdatkniga@yandex.ru

Аншаков Юрий Петрович

Родился 1 декабря 1947 г. в Барнауле. В 1975 г. окончил исторический факультет Куйбышевского (Самарского) университета и в 1980 г. - очную аспирантуру Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета. В 1981 г. в этом университете защитил кандидатскую, а в 1999 г. в Институте славяноведения Российской академии наук по монографии «Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.)» - докторскую диссертацию. С 2004 г. по 2018 г. - директор Поволжского филиала Института российской истории Российской академии наук. С 2019 г. - руководитель Отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук. С 1983 г. также преподает на историческом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета на кафедре Отечественной истории и археологии. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Историк, специалист по новой истории Черногории и Балкан. Исследует проблемы истории Черногории в XVIII-XIX вв., а также различные аспекты помощи народов Поволжья освободительной борьбе южных славян в 1875-1878 гг. Ю.П. Аншаков – один из авторов коллективных монографий «История Балкан. Век восемнадцатый», «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)», а также ответственный редактор и один из составителей сборников документов «Петр II Петрович Негош и Россия (Русско - черногорские отношения в 1830-1850-е гг.)» и «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878 гг.». Автор около 70 научных статей, опубликованных как в России, так и в Черногории и Сербии.

Историк, специалист по новой истории Черногории и Балкан. Исследует проблемы истории Черногории в XVIII-XIX вв., а также различные аспекты помощи народов Поволжья освободительной борьбе южных славян в 1875-1878 гг. Ю.П. Аншаков – один из авторов коллективных монографий «История Балкан. Век восемнадцатый», «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)», а также ответственный редактор и один из составителей сборников документов «Петр II Петрович Негош и Россия (Русско - черногорские отношения в 1830-1850-е гг.)» и «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878 гг.». Автор около 70 научных статей, опубликованных как в России, так и в Черногории и Сербии.